

КОГДА ЗВЕРИ ГОВОРИЛИ

КОГДА
ЗВЕРИ
ГОВОРИЛИ

**СКАЗКИ
И
МИФЫ
НАРОДОВ
ВОСТОКА**

СЕРИЯ ОСНОВАНА в 1964 году

КОГДА ЗВЕРИ ГОВОРИЛИ

Триста семьдесят пять мифов,
сказок, басен, анекдотов,
легенд и преданий о животных

Москва

Издательская фирма «Восточная литература» РАН

2004

УДК 82:398
ББК 82.3(0)
К57

Редколлегия:
Е.М.Мелетинский (председатель), *С.Ю.Неклюдов*
(ответственный секретарь), *С.М.Аникеева*, *Е.С.Новик*,
Б.Л.Рифтин, *О.Б.Христофорова*

Составление, предисловие, комментарии
и указатель *Е.А.Костюхина*

Когда звери говорили : Триста семьдесят пять мифов, сказок, басен, анекдотов / Сост., предисл., коммент. и указ. Е.А. Костюхина. — М.: Вост. лит., 2004. — 600 с. — (Сказки и мифы народов Востока : Осн. в 1964 г. / Редкол.: Е.М.Мелетинский (пред.) и др.). — ISBN 5-02-018411-X (в пер.).

В книгу включены мифы, сказки, басни, легенды и предания о животных. В них представлены богатство и разнообразие форм животного эпоса. Видное место в сборнике занимают сказки и мифы народов Востока, а также народов Африки и Америки. Издание дополнено комментариями и указателем сюжетов.

ББК 82.3(0)

Научное издание

Когда звери говорили

*Триста семьдесят пять мифов, сказок, басен, анекдотов,
легенд и преданий о животных*

Редактор *И.Г.Вигасина*. Художник *Э.Л.Эрман*
Технический редактор *О.В.Волкова*. Корректор *В.И.Мартынюк*
Компьютерная верстка *Е.А.Пронина*

Подписано к печати 19.10.04. Формат 60×90^{1/16}
Печать офсетная. Усл. п. л. 37,5. Усл. кр.-отт. 38,0
Уч.-изд. л. 43,8. Тираж 500 экз. Изд. № 7447. Зак. № 10 957

Издательская фирма «Восточная литература» РАН
127051, Москва К-51, Цветной бульвар, 21

ППП "Типография "Наука"
121099, Москва Г-99, Шубинский пер., 6

© Е.А.Костюхин, составление, предисловие,
комментарии и указатель, 2004
© Российская академия наук
и Издательская фирма «Восточная литература»,
серия «Сказки и мифы народов Востока»
(разработка, оформление), 1964 (год основания),
2004

ISBN 5-02-018411-X

ЖИВОТНЫЕ В МИРЕ МИФА, СКАЗКИ И БАСНИ

Нет на земле народа, у которого не было бы рассказов о животных, передаваемых из уст в уста, из поколения в поколение. От австралийских аборигенов, живших еще недавно, по сути дела в каменном веке, до обитателей Европы, владеющих всеми достижениями современной цивилизации, — всюду мы находим такие повествования, принимающие самые разные жанровые формы — от мифа до анекдота. Показать, сколь многообразны традиционные рассказы о животных (совокупность их можно назвать животным эпосом), рассеянные во времени и пространстве, мы и хотим в этом сборнике.

Формула «когда звери говорили», давшая название нашему собранию, имеет свою историю. Истоки животного эпоса — в первобытной мифологии. Наиболее элементарные из известных нам мифов — рассказы о становлении мира, сочетающие объяснение всего существующего с его оправданием. Мифы отвечали на вопросы о происхождении, о причинах всех явлений мира и их свойств, т.е. главной их особенностью была этиология. Действие в мифах происходит во времена творения, когда предки современных людей устраивали мир. Таковы рассказы наиболее «культурно отсталых» народов — папуасов, бушменов и в первую очередь австралийских аборигенов.

Предки в первобытных мифах называются по-разному: пулвайя, демы, люди некоего «древнего народа». Но как бы их ни называли, все они — существа особой природы: это люди и животные одновременно, причем облик их на протяжении рассказа как бы перетекает из одного состояния в другое. Это возможно потому, что мир еще не принял привычных очертаний, что он находится в процессе становления. Предки определяют нынешний вид земли — ее ландшафт, флору и фауну, добывают солнце и воду, образуют луну и звезды. Элементы мира создаются путем трансформаций и перевоплощений. Чаще всего это происходит не по обдуманному плану, а совершенно случайно. Но любые поступки предков имеют, как принято говорить сейчас, судьбоносное значение. Игуана Мин Татъя делает лодку, бьет рыбу копьем, сидит под дождем и уходит под землю. Место, где это произошло, становится тотемическим центром (тотемизм и есть убежденность в неразрывном единстве, родстве человеческого племени с каким-либо животным), лодка игуаны — первой лодкой, способ ее производства — образцом, по которому делают лодки и

пояныне, охота на рыбу — первой и по сей день практикуемой охотой. Предки в первобытных мифах оказываются устроителями мира — демиургами и создателями человеческой культуры — культурными героями.

Странствия без определенных целей, спонтанные деяния и спонтанные превращения — таково содержание многих первобытных мифов. В этих странствиях нередко происходят встречи с другими «странниками». Так определяется еще один способ устроения мира — в результате ссоры или драки. Ссора эму и журавля привела к созданию солнца, которое нужно зажигать каждый день. Подобные ссоры обычно сопровождаются кровавыми развязками, придающими мифам своеобразный драматизм.

Один из основных поводов к ссоре и драке — ничем не объяснимое коварство приятеля-соперника. Обмануть, надуть, устроить ловушку, жестоко непроказить — привычное для предков дело. Они оказываются не только демиургами и культурными героями, но и проказниками-трикстерами. Создание мира отнюдь не героический акт, и трикстер начисто лишен благородства. Он не столько умен, этот первый конструктор, сколько хитер, но и сам легко может стать жертвой чужих проделок. Так, бушменский Богомол-Цагн предстает глупым, ленивым и жадным стариком. В мифах о культурных героях и трикстерах нет ни пиетета по отношению к устроителям мира, ни священного трепета, ни каких-либо моральных уроков. Персонажами их являются животные ничем не примечательные, невзрачные: Ворон у палеоазиатов, Богомол у бушменов, Паук у многих африканских народов. Нередко высказывались предположения, что в основе эпоса — страх первобытного человека перед грозным миром природы, что здесь отразились его хозяйственные и промысловые интересы или просто элементарные наблюдения над миром животных. Такие предположения не находят подтверждения. Поэтому выбор Ворона или Богомола на роль героя первобытного мифологического эпоса может показаться странным, как странны и неожиданны их поступки.

Непреднамеренность деяний первопредков, их спонтанность имеют прямое отражение в структуре повествования. Современного читателя оно может поразить бессвязностью, отсутствием мотивировок, неожиданностью развязок и «недосказанностью». В действительности же все это выглядело более «связным», так как мифы не были отдельными рассказами, а составляли систему представлений о мире. К тому же мифы не столько рассказывались, сколько представлялись, т.е. имели драматизованную форму, и то, что кажется недосказанным европейцу, было хорошо известно каждому туземцу.

При всей «странности» поступков людей-животных из первобытных мифов и «недосказанности» повествования в них здесь определяются черты таких жанров животного эпоса, которые складываются много позже. Странствия животных и встречи во время странствий стали композиционным стержнем сказок о животных, а проделки хитрецов — их обычным содержанием. Это древнейшая «литература путешествий» — все здесь происходит в пути. Отчетливо просматривается и эстетическая доминанта будущей сказки о животных — предпочтение героя «низкого», ничем не примечательного. Сильные и большие животные обречены на поражение, их одолевают невзрачные герои-трикстеры: заяц, черепаха, койот, паук. Главное же, что наследуют из первобытной мифологии более поздние формы животного эпоса, — это нико-

го не удивляющая способность животных думать, говорить и поступать по-человечески, оставаясь при этом животными. На заре человеческой культуры способность эта объясняется особым состоянием мира, когда все еще было не так, как сейчас, все происходило в те времена, «когда звери говорили».

Кризис первобытной мифологии ведет к «обмирщению» (десакрализации) мифов, т.е. они лишаются священного содержания. Это имеет несколько важных последствий. Во-первых, действие перестает привязываться ко времени творения и герои десакрализованных мифов уже не воспринимаются как первопрядки. Во-вторых, поскольку мотивы творения стираются, персонажи повествований о животных теряют черты демиургов и культурных героев. Идет процесс превращения мифа в сказку, главным героем которой делается трикстер в зооморфном облике.

Очень хорошо заметен этот процесс в цикле палеоазиатских повествований о Вороне. Часть из них — мифы, где Ворон является первопрядком, демиургом, культурным героем. Но большинство рассказов о нем — это уже по сути дела сказки, где за Вороном остается одна роль — трикстера. Меркнет и обязательное для мифа этиологическое начало — оно становится факультативным. В результате складывается цикл сказок о Вороне — проказнике, плуте, но одновременно и простофиле, которого дурачат то мыши, то лиса. Тот же путь — от демиурга до трикстера — проходят Паук в сказках многих народов Африки и Койот у американских индейцев. Серия серьезных деяний культурного героя уступает место циклу рассказов о проделках трикстера.

Итак, сказка о животных начинается с того, что первобытные мифы теряют этиологическое значение и приуроченность к особому времени творения. Взамен этого они приобретают повествовательную свободу: сказки рассказываются не с идеологическими целями и не ради ценной информации, а для развлечения. Чем забавнее сюжет, тем интереснее сказка. Участие трикстера-проказника делает сказку о животных произведением комическим: ловкие трюки и проделки вызывают улыбку и смех. Но основной источник комического — в явном несоответствии реальных возможностей животных их деяниям в сказке. Смешит сама способность паука или зайца, черепахи или мартишки жить и объясняться по-человечески, сохраняя при этом свои естественные повадки. Сказка совершенно не считается с реальностью. Муравей, убивающий на охоте свинью и несущий ее домой, паук, скачущий на лошади, заяц, едущий верхом на улитке, — все это «нормально» для сказок о животных. Они вовсе не стремятся к правдивому отражению действительности и не дорожат фактологической точностью. Эстетический закон сказки — в несоответствии реальности, в откровенной условности повествования.

В циклах сказок о животных, не порвавших еще окончательно с мифологической традицией, определяется набор излюбленных ситуаций, повторяющихся в фольклоре народов, отделенных порой огромными расстояниями. Набор этот имеет мало общего с деяниями демиургов и культурных героев. Сами по себе ситуации могут быть реальными, но разрешение их — сказочное. Наиболее распространенная из них — голод. Сюжет строится на поисках пищи. Добывается она путем обмана, проделки. Пища у сильного, но достается она слабому. Попытки сильного зверя кого-нибудь попросту сожрать заканчиваются неудачей: пойманное животное освобождается с помощью трю-

ка, нанося при этом хищнику увечье или губя его. Другая ситуация — соперничество животных. Это сказки о состязаниях в силе, скорости, выносливости, а то и более простых вещах — например, кто больше съест. Зависть к способностям соперника ведет к неудачному подражанию, которое всегда заканчивается печально для завистника. Наконец, много сказок о необъяснимом коварстве, предательстве друзей, в которых персонажи как бы экзаменуются на сообразительность. Недальновидность и простодушие всегда караются — побеждает хитрец.

Сказки народов Африки, сибирского Севера, американских индейцев хранят все же связь с мифами. Трикстер добивается своих целей не только хитростью, но и с помощью магических приемов, он умеет превращаться и в животных, и в различные предметы. Стандартные ситуации уже определились, но стилистика сказок еще не выработана: повествование перегружено бытовыми подробностями, композиция выглядит рыхлой, фрагментарной. Не определился еще и сюжетный фонд: рядом с сюжетами устойчивыми много сказок как бы «случайных», не закрепившихся в повествовательной традиции. Эпизоды лепятся один к другому произвольно, напоминая причудливые узоры калейдоскопа. Впрочем, такие контаминации сказочных сюжетов свойственны более зрелому повествовательному искусству.

Гораздо более устойчив сюжетный фонд сказок о животных народов Европы и Азии, давно распрощавшихся с первобытной мифологией. Формировался он веками, разными путями и из разных источников, так что в него входят не только сказки о животных, но и поучительные рассказы о них — апологи, и предания, и легенды, и анекдоты. Но главное место в пестром по составу животном эпосе принадлежит тем сказкам о животных, далеким предком которых был первобытный мифологический эпос.

Тем не менее связи с мифологической традицией в европейских сказках о животных, которые можно назвать классическими, давно утеряны. Двойственность поведения животных в сказках (это именно животные, но говорят и действуют они по-человечески) стала чистой условностью, не предполагающей никаких превращений и вообще ничего чудесного. В сказках о животных создается особый мир, в котором все на равных правах — и животные и люди. И не только они: есть сказки о предметах и растениях, тоже говорящих и поступающих по правилам человеческого общежития. Разговор дуба с тростником или комическое путешествие пузыря, соломинки и лаптя — это сюжеты все тех же сказок о животных, хотя ни дуб, ни лапоты к миру животных не относятся. Зато имеют они отношение к особому миру сказок — о животных.

Такая условность — исходная эстетическая установка сказок о животных, и она могла появиться лишь при полном разрыве со старой мифологией. Процесс демифологизации повествования, протекавший в сказках народов Севера, Африки и Латинской Америки, здесь давно завершился. Сказки о животных ничего не объясняют (если в них и встречаются этиологические концовки, то всегда шуточные) и ни с каким мифологическим временем не связаны. Старинная формула «когда звери говорили» приобретает совершенно иной смысл: она вовсе не означает отнесенность ко времени творения — это «формула невозможного», опознавательная примета сказки как повествования о невероятных событиях.

Демифологизация рассказов о животных протекала в разных регионах земного шара в разное время, а потому и возраст известных сказочных сюжетов, и место их рождения — все это у сказок разное. Если традиция классических сказок о животных восходит к архаической мифологии, это вовсе не значит, что все известные сюжеты — это непременно трансформированные мифы. Нет, это сказки, каждая из которых имеет родину, имеет свою историю, которая в принципе может быть восстановлена, хотя далеко не всегда легко это сделать.

Часть сюжетов сказок о животных пришла из древнего мира: Египта, Ассирии-Вавилонии, Индии. За свою многовековую историю сюжеты эти, известные в устной традиции, не один раз подвергались литературной обработке и снова уходили в фольклор. История многих сюжетов начинается с древнего Ирана (Ближний Восток был одним из важнейших центров древней сказочной традиции, дожившей до наших дней) и древней Греции. Античная цивилизация времен эллинизма впитала в себя ближневосточное фольклорное наследие и стала основой, на которой сформировался фольклорный животный эпос народов современной Европы.

Сказки о животных у европейских народов являют много общего, так что говорить об их национальных особенностях зачастую не приходится. Волк ловит рыбу на хвост и в Германии, и в Скандинавии, и на Украине, и в Поволжье, так что привычные ярлычки «немецкая народная сказка» или «русская народная сказка» в таких случаях ничего на проясняют — кроме того, что сказку эту знают немцы и русские. Но репертуары отдельных народов, тем же немцев или русских, имеют свои национальные особенности. Животные ведут себя по-человечески, но люди живут по-разному, в разных бытовых условиях, и это отражается в сказках: русский медведь и похож, и все же чуточку не похож на медведя немецкого.

Кроме бытовых реалий национальные репертуары отличаются именно в репертуарном отношении: одни сказки популярны в Германии, другие — в России. Есть, наконец, и такие сюжеты, которые не имеют широкого распространения и известны одному-двум народам, живущим рядом. Но таких сказок в общем немного. Национальные репертуары, стало быть, представляют собой разнородное целое, состоящее из сюжетов разного происхождения, как «восточного», так и «западного», очень древних и сравнительно молодых. И поскольку у каждого сюжета своя история, иногда очень сложная, то судьбы русской сказки или сказки немецкой — это судьбы интернациональные.

За время длительных странствий сюжеты, конечно, не оставались неизменными. Возникали их версии, порой далеко отстоящие от первичной формы сюжета. Выдающийся финский сказковед А.Аарне показал, что восточный по происхождению сюжет о путешествии петуха, утки, булавки и иголки, прячущихся в доме и губящих его хозяина [АТ 210], превратился в европейскую сказку о животных, прогоняющих разбойников, занимающих их дом, широко известных гриммовских «Бременских музыкантов» [АТ 130]. Иная версия создается в Восточной Европе: здесь животные не занимают чужой дом, а строят свой собственный, изгоняя затем пытающихся вторгнуться в него волков.

Более далекие одна от другой версии имеют сюжет о бобе, соломинке и угольке [АТ 295]. Восточнославянская его версия о пузырьке, соломинке и лап-

те соседствует с поволжско-сибирской о странной семейке — старике с бородой из кудели, старухе с оловянными глазами, сынке с тростниковыми ногами и дочке с войлочным животом, сгоревших, когда старик попытался зажечь лучину. Первичная форма этого сюжета сложилась, по-видимому, на Ближнем Востоке, где рассказывается о путешествии былинки, комка земли и блохи, погибших в пути от дождя. Лишь специальные исследования позволяют восстановить историю сказочного сюжета — историю, не обходящуюся во многих случаях без гипотез. И почти всегда история эта захватывает огромные пространства и целые эпохи. Путешествие сюжета через века и страны — дело обычное. Так странствовал сюжет о смоляном чучелке [АТ 175] из Индии до Испании, а по другим путям — из Индии до Африки, а потом две волны встретились в Америке, куда негры привезли его из Западной Африки, а европейские переселенцы — с Пиренеев.

Единство сказок о животных на огромных территориях вызвано миграцией сюжетов, объясняемой культурно-историческими связями между народами. Но связи эти предполагают и некое единство мировосприятия. Повсеместно классические сказки о животных — это сказки комические. Здесь смешно не только то, что животные своим поведением как бы «передразнивают» человека, поскольку жизнь их строится по человеческим стандартам. Сказка щедро насыщается бытовыми подробностями, и эта бытовая насыщенность сказок о животных вместе с явным несоответствием поступков зверей тому, как ведут себя реальные животные, не может не вызывать смех. Сказки о животных посмеиваются над нормами человеческого существования, и это спасает их от унылой дидактики.

В классических сказках о животных ищут уроков добра и справедливости. Но таких уроков они не дают, и моральная проблематика им чужда. Действительно, какая мораль может следовать из сказки о том, как лиса отправила волка к проруби ловить рыбу на хвост, а потом ехала на нем верхом, напевая «битый небитого везет»? Осуждение хитрости и коварства? Но симпатию вызывает именно пройдоха-лиса, а не обиженный волк. Можно сказать, что сказки о животных демонстрируют примеры человеческого поведения, реже — положительные, чаще — отрицательные. Хитрость и коварство, жестокие проделки здесь в порядке вещей. Свобода сказок о животных от моральных норм внушала многим фольклористам мрачные мысли о человеческой природе. Однако едва ли справедливо видеть в сказках торжество звериных инстинктов. В самом деле, сказка как бы «освобождает» человека из-под власти строгих моральных обязательств, переводя слушателей (и читателей) в царство элементарных побуждений, где «кто смел, тот и съел». Но не в этом ли функция словесного искусства в целом, освобождающего человека от «законов необходимости», давшего ему ощущение свободы в несвободном мире? Сказки о животных освобождают от требований повседневной морали, позволяя действовать в соответствии с естественными инстинктами, давая компенсацию свободы в действиях и поступках.

При всем этом сказки о животных в самом деле имеют в виду несовершенство человеческой природы: что уж тут хорошего, если в жизни, пусть у животных, торжествуют жестокость и коварство? Но сказка не дает повода горевать из-за этого несовершенства, поскольку она не осуждает и не обличает, не

срывает маски, а весело смеется над недостатками человеческого общежития. Тем более нет в ней социальной сатиры, осуждения «волчьей» морали эксплуататорского общества: к социальным отношениям сказки о животных обращаются крайне редко, ограничиваясь обыденностью человеческого общежития.

Сам набор сюжетных ситуаций в классических сказках о животных не располагает к постановке серьезных моральных или социальных проблем. Бесплезно искать в них чье-либо «торжество» — скажем, человека над животным, домашних животных — над дикими. Мы уже замечали, что здесь все на равных, и единственное предпочтение, которое легко усмотреть в сказках о животных, — это предпочтение слабого сильному: ценятся хитрость и смекалка, а не грубая сила. В этом, как и в основной тематике, классические сказки о животных продолжают традиции архаических сказок о животных.

Ситуативная простота и элементарность «освобождения» от норм повседневной морали легко открывают сказкам о животных дорогу в детскую аудиторию. Изначально отнюдь не детские, сказки эти в большинстве своем стали детскими у многих народов, хотя далеко не все сюжеты «удобны» для маленьких. В детских сказках о животных есть свои композиционные приемы, древние по происхождению, т.е. восходящие к детству человечества. Это прежде всего кумулятивный принцип повествования, суть которого — в многократном повторении одних и тех же повествовательных элементов, образующих цепочку. Такова, к примеру, сказка о теремке, в котором поселяются мышка, лягушка, комар и так далее — до медведя, раздавившего теремок. Это сказки веселые, независимо от их финала (теремок раздавлен), — из-за словесной игры, из-за того, что бесконечное повторение одного и того же обесценивает его и вызывает смех. В детских сказках о животных много песенок (да и сами они способны превратиться в песенки — как, например, сказка о войне грибов), повествовательная часть редуцируется и остается диалог, так что сказка легко становится пьеской, разыгрываемой на разные голоса.

Как было замечено, моральная проблематика чужда классическим сказкам о животных. Но поскольку речь в сказках идет о человеческих поступках, пусть и совершаемых животными, они всегда открыты для моральных оценок. В этом случае мы имеем дело с особым жанром фольклорного животного эпоса — апологами, т.е. сказками моралистического содержания («народными баснями»). Как это часто бывает в фольклоре, границы жанра размыты, и между классическими сказками о животных и апологами нет стены. Комическое легко проникает в апологи, и моральные уроки оказываются неоднозначными. Это лишний раз доказывает неосновательность распространенного со времен Я.Гримма мнения, будто от сказки о животных дорога ведет к басне. Удельный вес апологов в фольклорном животном эпосе невелик, и морализация осталась лишь одной из потенциальных возможностей развития сказок о животных, далеко не всегда реализованной.

Любая классическая сказка о животных может получить моралистическое толкование (хотя часто моральные «довески» выглядят надуманными и совсем необязательными). Но у апологов создается собственный сюжетный фонд. Здесь предпочитают ситуации, в которых встречаются контрастные персонажи, легко составляющие оппозицию «сильный—слабый», «большой—

маленький». Проделки хитрецов в апологах не составляют ядра повествования, но не так уж и редки (так, лиса выманивает сыр у вороны, побуждая ее каркнуть, — ситуация сказки, ставшей басней). Хотя мораль и варьируется, апологи любят однозначность ситуаций, так как отсюда легко следуют моральные сентенции. Мораль может следовать не только из аполога, краткостью своей напоминающего временами пословицу. В животном эпосе есть пространные поучительные истории, напоминающие новеллистические сказки. Здесь рассказывается о содружестве животных, в которое часто включается и человек. Так создается характерная для человеческого общежития ситуация, побуждающая к размышлениям и сентенциям моралистического толка. Животных новеллистических сказок немного, но популярность их, подогреваемая многочисленными литературными обработками, огромна. Это сказки о благодарных животных и неблагодарном человеке, спасенных из ямы [АТ 160], о попугае, открывшем глаза хозяину на его распутную жену, и им подобные. В апологах еще может сохраняться комическое начало. В новеллистических сказках о животных оно исчезает. Занимательные сюжетные ситуации, с которыми имеет дело новеллистическая сказка, и увлекают и учат справедливости.

Иной полюс представляют анекдоты о животных. Здесь, напротив, комическое на первом месте, а о занимательности повествования говорить не приходится: ситуация лишь намечена — и тут же следует неожиданное ее разрешение. Классическая сказка о животных равнодушна к правдоподобию. Не более правдоподобны и анекдоты, но они обычно комически обыгрывают как раз реальную, наиболее характерную примету животного: медлительность улитки или черепахи, умение попугая говорить. Немало анекдотов строится на звукоподражаниях голосам животных и птиц. В основе их лежат совершенно неправдоподобные истории: перепелка и соловей едут на мышах через болото, выпь и угод безуспешно пытаются собрать скотину, которую они вознамерились пасти, и т.п. В действие втягиваются предметы и животные, и все между ними «по-человечески»: любовь, дружба, совместный труд. Но все это идет прахом, лопается как мыльный пузырь. Народные анекдоты о животных — чаще всего небылицы, и мир их — это мир гротескный. Однако гротеск сказок о животных не содержит в себе мрачного, пугающего оттенка. Абсурдность всего происходящего, гибель нелепых персонажей животных сказок с их неумеренными претензиями граничат с веселой игрой. Это своеобразный «черный юмор», который может шокировать, но отнюдь не открывает трагический оскал бытия.

Так привычное понятие «сказки о животных» оказывается достаточно широким, потому что включает в себя несколько жанров: это и собственно сказки, и апологи, и сказки новеллистические, и анекдоты. Но все это сказки, не претендующие на достоверность. Есть, однако, большая область несказочной прозы о животных с установкой на достоверность (либо с нестрогой достоверностью) — легенды, предания, бытовые рассказы. Как известно, несказочная проза преследует прежде всего информативные цели. Но, поскольку речь идет здесь о вещах необычных, удивительных, это предполагает художественное оформление таких рассказов.

Легенды о животных вызывают доверие, потому что обязательными их участниками бывают высшие силы. Случай, о котором рассказывается в ле-

генде, всегда имеет важные последствия, и легенда берет на себя этиологическую функцию, свойственную еще первобытному мифу. Но в отличие от мифа легендарная этиология всегда полна моралистического смысла: животные приобретают свои признаки (или человек превращен в животное) в наказание за прегрешение. Такие легенды имели хождение в античности и знакомы нам по «Метаморфозам» Овидия и басням Эзопа.

Много легенд связано с христианской нравственностью. Христос или Богородица наказывают людей за их пороки, превращая мельника в медведя, дочь пекаря — в сову за их неразумие или жадность. Религиозное осмысление получают повадки животных и их свойства: жужжание комаров, болотная жизнь аиста, форма медвежьей лапы. Но там, где рассказывается о пороках и недостатках, легко может появиться и насмешка над ними. Так легенды окрашиваются в комический тона и сближаются с классическими сказками о животных. Легенда о ласточке, оторвавшей у комара язык, близка к сказке, где действует классическая пара животных — хитрец и простофиля. Если же порок в легенде не осмеян, а осужден, то подобные легенды соседствуют с апологами.

Мир легенд о животных предполагает непременно участие высших сил. В преданиях столь же непременно участие человека: либо он сам был свидетелем необычного случая, о котором повествует предание, либо все происшедшее оценивается со стороны. Еще в глубокой древности появились рассказы о необычных контактах человека и животного. Человек помогает животному и щедро вознагражден за эту помощь. Особенно много рассказов об исцелении животного (медведя, льва, тигра) человеком. Сложнее складываются отношения человека со змеей. Связанная с землей и ее богатствами, змея отплачивает человеку за добро. Но человек тяготится таким знакомством. Змея в конце концов убита или ранена, и человеку приходится плохо: он теряет сына, богатство, жизнь. Ради убедительности, в подтверждение достоверности происшедшего, предание связывается с конкретными историческими лицами. Так, индийская сказка о брахмане и мангусте превращается в предание о вожде из Узльса Ллевелине, опрометчиво убившем собаку, которая спасла его сына от волка [АТ 178А]. Исцеленный лев служит своему спасителю — это старец Герасим, известный по «Синайскому патерику».

Такие предания — своего рода «лаборатория» животного эпоса. Они существуют и сами по себе, как рассказы об удивительном, но из них можно получить и совершенно новый материал: новеллистическую сказку (как получилась из простенького предания знаменитая история об Андрокле и льве), сказку классическую, где человек окажется трикстером, а зверь — простофилей, но чаще всего — аполог. Удивительные случаи с животными заставляют человека задуматься над своей жизнью. Даже хищные звери способны на бескорыстную дружбу со слабыми и не обижают их (известная по обработке Л.Н.Толстого история со львом и собачкой). Животные всегда благодарны за помощь. Не урок ли это человеку — существу неблагодарному и едва ли способному на искреннюю дружбу, покидающему друга в опасности, как сделал это один из героев популярного рассказа «Что медведь шептал ему на ухо?».

Устная достоверная проза о животных не так уж далека от сказок, как это могло бы показаться. Здесь устанавливаются прочные внутрижанровые кон-

такты — и «по вертикали» (от мифа — к преданию, легенде, сказке), и «по горизонтали» (от легенды — к сказке, от сказки — к апологу). Столь же постоянны контакты другого рода — между фольклором и литературой. Практически все сюжеты фольклорного животного эпоса «побывали» в литературе. Мало того, нельзя с уверенностью сказать, какого происхождения сюжет — фольклорного или литературного. В последней части нашего собрания представлены тексты литературные, но многие из них бытуют и в устной традиции. С другой стороны, в фольклорной части этого сборника немало текстов, которые воспринимаются как литературные басни, «опустившиеся» в фольклор.

Если взглянуть на этот фольклорно-литературный сплав сюжетов животного эпоса с точки зрения функциональной, разница между теми и другими окажется принципиальной. Сказка и басня с одним и тем же сюжетом живут по-разному, в разных контекстах: сказка — среди других сказок, как часть национального, регионального и тому подобного репертуара, басня — в контексте литературной эпохи, а в новое время — творчества писателя. Но с точки зрения истории сюжета его принадлежность к фольклору или литературе оказывается безразличной: ведь у сюжета есть свое содержание, свой смысл, сохраняющийся при любых обстоятельствах. Его можно подчинить моральному указанию, но трюк останется трюком, и он будет сопротивляться однозначному прочтению. Так, фольклорно-литературные варианты «Вороны и лисицы» не сводятся к осуждению лести: осуждаются воровство вороны, ее верхоглядство, а часто вообще ничего не осуждается — повествование остается без морали. С другой стороны, басню о диспуте паука и шелковичного червя можно встретить и в устной традиции, но она остается при этом апологом, едва ли способным влиться в стихию народного юмора. Впрочем, исходные комические акценты все равно сохраняются: если преимущество медленной, но добротной работы надо доказывать примером паука и червяка, это само по себе вызывает улыбку и смягчает резкость «морального приговора».

О комическом как основе животного эпоса нередко забывают, когда говорят о басне — главном жанре повествований о животных в литературе. На басню смотрят как на «мораль в действии», считая, что она рождена самой жизнью, бытовыми речевыми ситуациями. Басня, согласно этой точке зрения, в основе своей рационалистична, и назначение ее — служить «аргументом при общении». Однако в первобытном фольклоре таких аргументов нет. Это значит, что басня появляется в цивилизованном обществе, когда определяется мораль как особая форма идеологии. В основании басни лежит фольклорная традиция, прежде всего — апологов. Не случайно древнейшие басни (шумерские, индийские, греческие) были достоянием демократической литературы, полуфольклорной по существу, а творцом античной басни был признан Эзоп. Подобно тому как героико-эпическая традиция была олицетворена в облике одного человека, вдохновенного слепца Гомера, так традиция басенная нашла своего героя — хромого горбуна, злоязычного раба Эзопа, одного из первых в шеренге шутов. И то, что Эзоп — раб и шут, лишний раз указывает на глубокое родство басен с традицией комического животного эпоса.

Поэтому басня никак не может быть сведена к проповеди моральных уроков. Конечно, среди баснописцев было немало моралистов, но традиционный

облик баснописца, сложившийся и в бытовом, и в литературном сознании, — это человек лукавый, себе на уме, сродни шуту. Так воспринимался не только Эзоп, но и Иван Крылов. Закономерно, что вокруг фигуры Крылова возникло множество анекдотов, как и вокруг Эзопа. Нельзя смотреть на басню как сокровищницу моральных примеров, еще ошибочнее видеть в ней голос угнетенного люда, вынужденного прибегать к иносказаниям. Что это за иносказания? Истины, преподносимые баснями, не только тривиальны, но зачастую двусмысленны и необязательны, поскольку повествование, сама басенная история с трудом укладываются в поучение: ведь басня — это все же не афоризм. Напротив, эстетический эффект басни часто достигается благодаря явному несоответствию между моралью и повествованием. Так ли уж лезть «гносна и вредна»? Поделом простакам, клюнувшим на лесть. Их ничему не научишь, им «всё не впрок». Да и какое наставление может быть извлечено из беседы лисицы с вороной? Животные в баснях не ходячие аллегии, а в большинстве своем все те же хитрецы и простаки. Басня о животных — это комическая небылица, и уже поэтому из нее не может следовать абсолютно серьезная мораль. Диалог волка с ягненком, впрягшиеся в один воз лебедь, рак да щука — все это столь нереальные ситуации, что они никак не способны на действенное поучение. Как и сказка о животных, басня признает несовершенство мира, но борется с ним не столько суровым наставлением, сколько юмором, насмешкой.

Будучи связанной с фольклорной традицией, басня принадлежит литературе, так что история ее — это часть истории литературы. Басни древнего мира — шумерские, египетские, индийские, греческие — принадлежат еще традиции «безличной», несмотря на имя Эзопа или полуфольклорного мудреца Лукмана. Лишь изредка басня попадает в руки профессионала (Бабрия, например), становясь произведением авторским. Традиционной остается и басня средневековая, питающаяся старыми источниками, как это и свойственно фольклору. Лишь в новое время басня становится жанром, живущим по законам литературы, индивидуальным достоянием. Но связь с фольклорной традицией не порвана. Некоторые истории из «Азбуки» Л.Н.Толстого вошли в устное бытование, а среди рассказов барона Мюнхгаузена немало традиционных сюжетов, в том числе и басенных.

Литературная судьба животного эпоса связана не только с баснями. Комическая стихия сказок о животных передалась средневековой сатире — западноевропейскому роману о Лисе (Ренаре, Рейнеке), древнерусским сатирическим повестям, отразившимся и в фольклоре (повесть и сказка о Ерше Ершовиче), сатире средневекового Востока от Кореи до Персии. Материал, из которого строится средневековая сатира, — фольклорный, но принадлежит она литературе и может быть понята только в контексте литературы. Не только в том дело, что здесь осмеиваются различные средневековые институты (чаще всего суд), но стилистика средневековой сатиры коренится в пародировании расхожих формул официальной речи, штампов «высокой литературы». Художественные приемы средневековой сатиры отразились и в народных сказках, имеющих литературное происхождение.

Литературная жизнь фольклорных сюжетов продолжалась в новеллах, фациях, даже проповедях (где из них извлекалась мораль). Лишь одна тради-

ция средневекового животного эпоса не прорастает в современный фольклор и не находит продолжения в литературе — так называемая «физиологическая сага», предметом которой были диковинные звери. Рассказы о животных «природоведческого толка», входившие в бестиарии и физиологи, сопровождалась символическим толкованием. Моралистическое природоведение ушло в прошлое, оставив след в народном изобразительном искусстве, но не искусстве словесном. Остались жить сказки и басни, уча морали и одновременно посмеиваясь над ее заскорузлостью, открывая мир человеческих отношений со смешной стороны, поучая и развлекая.

* * *

Главная цель этого собрания — показать сюжетный фонд фольклорных произведений о животных. Нам хотелось представить основную массу сюжетов, зарегистрированных в указателе Аарне–Томпсона, но мы отказались от сказок, зафиксированных в одном-двух вариантах и известных при этом лишь одному народу. Предпочтение отдавалось наиболее распространенным версиям. Мы не ставили перед собой задачи продемонстрировать национальное своеобразие сказок о животных, но постарались включить сказки разных народов из всех регионов земного шара.

Заключительная часть нашего сборника составлена из литературных источников. Это рассказы о животных из басенных сборников, книг забавных и поучительных историй — рассказы, разошедшиеся по всему свету. Многие из них вошли и в устную традицию.

С огорчением мы сознаем, что на основании представленных здесь текстов не всегда можно судить о стилистических особенностях мифов и сказок. Многие тексты не столько записывались собирателями, сколько излагались. Достаточно сравнить австралийские мифы, собранные К.Лангло-Паркер и У.Макконнел. Первые приближены к европейскому повествовательному искусству, к тому, как «должны» выглядеть первобытные мифы с точки зрения цивилизованного европейца. Мифы мункан из собрания У.Макконнел смотрятся совершенно иначе, поскольку исследовательница стремилась к максимальной точности в записи. Поэтому сухая информация (которая парадоксально сближается как раз с современным европейским повествовательным искусством, и миф об игуане напоминает манеру французского «нового романа» в исполнении А.Роб-Грийе) переплетается с драматизированными фрагментами: мифы ведь не рассказывались, а исполнялись.

Составитель сборника попал в зависимость не только от собирателей, но и от переводчиков. Некоторые сказки переведены весьма посредственно, в «школьной» манере (хотя изданиями для детей мы совсем не пользовались), но других у нас в распоряжении не было. Разная степень добросовестности собирателей и их фольклористической оснащенности, профессионального умения переводчиков и всякого рода идейных соображений — вот что стоит на пути к тому, чтобы по публикации столь разнородных сказок безошибочно судить о их стилистических особенностях. Но главная категория фольклорного повествовательного искусства — это сюжет, и представление о сюжетном фонде животного эпоса наша книга, смеем надеяться, дает.

В комментариях к текстам указываются национальная принадлежность и источники текста, определяется номер сюжета по каталогу Аарне–Томпсона (при отсутствии его — по другим указателям, в последнюю очередь — по индексу мотивов Томпсона), характеризуются основные особенности и версии сюжета и даются сведения о его возможном происхождении и распространении — ареале, объясняются экзотические для русского читателя слова и реалии, указываются варианты публикуемого текста по всем известным автору русскоязычным источникам — по регионам, с учетом их литературной известности. Сведения о восточнославянском материале читатель найдет в легкодоступном «Сравнительном указателе», так что мы ограничились ссылками на него, сделав в ряде случаев необходимые дополнения.

Е.А.Костюхин

1. Игуана делает лодку из коры

Когда-то Мин Татъя, игуана, был мужчиной. Он сделал лодку из коры, столкнул ее на воду и, стоя в ней, бил копьём рыбу в реке. Потом он причалил у противоположного берега, приготовил рыбу, поел ее, а часть рыбы, завернув в кору, оставил на вечер. Пошел в тень, лег спать, встал и пошел к реке. Лодка протекала, стала негодной.

Он идет обратно на восток, вверх по реке Йонгка.

Теперь он забирается на дерево, отдирает широкую и длинную полосу коры, потом нагревает ее над костром и кладет на землю на берегу. Он срубает подходящий бамбук, обжигает его конец на огне, расщепляет ствол на длинные полосы, делает их с помощью каменного ножа плоскими и мягкими. Потом приготовленную для лодки полосу коры перегибает пополам вдоль и сшивает полосами из расщепленного бамбука, просовывая их в отверстия в коре, которые он сделал острым стилетом из кости валлаби. Затем он сшивает другой конец. Потом отрезает лишнюю кору с обоих концов. Потом берет небольшие палки и вставляет их между стенками лодки с одного и с другого конца — это распорки, чтобы лодка была достаточно широкой.

Из ствола мангрового дерева он делает весло, обстругивает его, нагревает на огне, разгибает, чтобы выпрямить.

Наконец он сталкивает лодку на воду и плывет в ней вниз по течению. По пути бьет копьём рыбу. Все время бьет рыбу.

— Теперь я сяду и буду грести!

Он плывет дальше вниз по течению, долго плывет без остановки. Потом причаливает, нанизывает рыбу на копьё, несет его на плече. Приходит на стоянку, кладет копьё с рыбой на землю. Собирает дрова, печет рыбу в золе и ест ее. Потом палкой сдирает кусок коры с чайного дерева, сдирает полоску коры с тонкого ствола гибискуса, подбирает оставшуюся рыбу, заворачивает в кору чайного дерева и завязывает веревкой из коры гибискуса, просовывает под нее копьё и несет этот сверток с рыбой на копьё.

Он идет вниз по реке, на запад, туда, откуда он пришел. Приходит. Садится. Сидит и сидит на одном месте. Потом ложится и засыпает.

Утро. Он встает и идет в тень. Расчищает место на земле, чтобы сесть. Там он сидит, сидит, сидит и сидит.

Начинается дождь. Он лежит под дождем. Лежит и лежит под дождем. Земля становится топкой, мягкой. Он проваливается, тонет.

Там, в Пенпинге, находится аува Мин Татъя, игуаны. И теперь игуаны лазают по деревьям, как «в самом начале» лазал на деревья, за корой для лодок, Мин Татъя. Теперь игуана лежит в тени, лежит под дождем, лежит очень тихо, а когда кто-нибудь приближается, она очень быстро забирается на дерево.

2. Устрица и акула

Когда-то Мин Вара, старший и младший братья, жили в Ватаме. Однажды они сидели на берегу, а Теаледьян, акула, проплывал мимо них, охотясь на скатов. Братья-устрицы окликнули его, но он продолжал смотреть туда-сюда по сторонам, а на братьев не обратил никакого внимания. Через некоторое время Теаледьян расположился на ночь неподалеку от братьев. Когда он повернулся к ним спиной, устрицы стащили у него ската. Вскоре Теаледьян увидел, что рыбы нет.

— Где рыба? Наверное, те двое взяли ее! Должно быть, они злятся на меня!

Он не пошел к ним прямой дорогой, а отправился в обход. Копье он держал наготове.

— Завтра я с ними расправлюсь! — сказал он и лег спать.

Рано утром он покинул свою стоянку и нашел тех двоих. Они еще спали.

— Что это за рыбу вы тут ели? Почему вы украли мою рыбу?

— Мы тебя звали, а ты не ответил!

— Я не слышал вас!

— Мы были голодны и кричали тебе!

— В реке множество рыбы! Почему вы не ловили ее? Там довольно места для всех!

И Теаледьян ударил младшего брата-устрицу копьёметалкой. Старший брат сказал:

— Почему ты ударил моего младшего брата?

— Вы взяли моего ската!

— Ты ударил первым!

— А сейчас я ударю копьем!

И они дерутся. Акула поднимает копьё, прилаживает его к копьёметалке и держит наготове. Устрица выбивает у него копьё, ударив своей копьёметалкой. Потом они дерутся врукопашную, повалившись

на траву. Акула берет золу из костра и бросает ее в устриц — их головы, руки, лица в золе. Тогда один из братьев берет горячий песок и кидает его акуле прямо в глаза.

— О, я ничего не вижу! — кричит Теаледьян.

Он берет копые и бросает в старшего брата, потом бросает еще одно копые. Младший брат приходит на помощь старшему. Акула бьет старшего брата копьеметалкой; удар так силен, что у него расплющился нос и из носа течет кровь. Младший брат преследует Теаледьяна, который бежит на юг вдоль песчаного берега. Устрица бросает бумеранг, который вонзается в спину акулы. Теаледьяну все же удается убежать, но бумеранг так и остается торчать у него в спине (это плавник).

Младший брат вернулся к месту драки. Он плакал над своим старшим братом. Старший брат был совершенно беспомощен: копыя торчали из его спины, и он не мог подняться на ноги. Младший брат ухаживал за ним, он поймал вошь в волосах брата, он заботился о нем.

Оба брата пошли вниз к воде, спустились в воду, чтобы найти место для аува. Они нашли маленький остров Пикота.

— Это будет наше жилище! Завтра мы уйдем вниз здесь, мой младший брат! — сказал Вара. — Мы останемся здесь и спустимся вниз, под воду. А дети наших детей будут есть нас!

Там они ушли глубоко под воду. Это и есть аува устриц.

3. Ягил, дема-казуар

Ягил, дема-казуар, жил близ деревни Вирку, на острове Комолом. Однажды жители Вирку готовились к празднику. Женщины на несколько дней ушли в лес и приготавливали там саго. Днем, когда все люди были заняты и никого в деревне не было, Ягил пробрался в деревню, украл женские передники и спрятал их.

Вечером вернулись из леса женщины и обнаружили, что кто-то похитил их передники. Потом они увидели на песке незнакомые следы и поняли, что в их отсутствие кто-то приходил в деревню.

Следы выглядели странно. Один след был похож на человеческий, другой, казалось, принадлежал какому-то незнакомому существу.

Люди стали думать, как им поступить. Одна старая женщина вызвалась остаться назавтра дома и подстеречь вора.

Так они и сделали. На другой день дема опять появился в деревне в виде полуоноши-полуказуара, увешанного всяческими украшениями. Старуха очень удивилась, увидев такое странное существо. От страха она заползла под скамью. А казуар направился прямо в женский дом, выбросил оттуда все саго, схватил женские передники и убежал.

Старуха тщательно прикрыла следы демы саговыми листьями. Вечером, когда все опять вернулись в деревню, она рассказала, что произошло, и показала необычные следы. Мужчины посоветались и решили убить дему-казуара. Они приготовили луки и стрелы и на другое утро спрятались за женским домом.

В полдень, как и накануне, появился юноша-казуар. Но едва он вошел в хижину, как ее со всех сторон окружили мужчины. Деться Ягилу было некуда, и его убили копьем.

Мужчины разрезали Ягила на части. Кости они выбросили, а мясо и внутренности завернули в околоцветники ареки, чтобы потом испечь их вместе с саго.

Но ночью, когда люди спали, мясо Ягила превратилось в орехи аке. А там, где на землю пролилась кровь казуара, выросло дерево объяра, которое уже на другое утро принесло зрелые плоды.

Братья Ягила и его мать пошли ночью в деревню посмотреть, почему Ягил так долго не возвращается. Они увидели на земле его кости, увидели внутренности, завернутые в околоцветники ареки, и поняли, что Ягил убит. Братья собрали его кости и бросили их в огонь. Из огня поднялся большой столб дыма. Он превратился в тучи, и тут же разразилась страшная гроза. Молнии попали в хижины и убили всех жителей.

А мать Ягила взяла внутренности своего сына, положила в корзину и направилась в Абои. Корзину она несла за плечами, закрепив перевязь на лбу. Вдруг ей послышалось позади какое-то бормотание. Оно становилось все сильнее и сильнее. Внезапно из корзины выпрыгнул Ягил. Он вновь возродился из своих внутренностей.

Вместе с матерью и братьями Ягил пошел в Дабою. Там все семейство казуара осталось жить. Они развели огород и посадили деревья объяра и аке.

Неподалеку от этих мест жил Маху. Его собаки скоро выследили казуаров и стали их без конца донимать. Но казуары каждый раз защищались и своими сильными ногами убили несколько собак, так что в конце концов их оставили в покое.

По соседству с жилищем казуаров находилось место, где Харау каждый день готовила саго для Вокабу. Однажды Ягил услышал шум, пошел посмотреть, кто там, и увидел Харау. Он тотчас превратился в красивого, богато украшенного юношу, незаметно приблизился к Харау и попытался завести с ней шуточный разговор.

— Ты, зараженная кожной болезнью, кольчатым червем! — сказал он ей. — Не хочешь ли пойти со мной в лес?

Но она не обратила никакого внимания на него и продолжала свою работу. Вечером Ягил проводил Харау до деревни, а потом превратился в казуара и исчез.

Так повторялось несколько дней. Наконец Харау рассказала своей матери, что каждый день, когда она готовит саго, какой-то юноша пристает к ней и насмешничает.

— Подожди, — сказала мать Харау, — я позову людей из племени даух-це, они убьют дему-казуара.

Она отправилась к людям даух-це, принесла мужчинам стрелы и копья и сказала:

— Пойдемте со мной в Дабою, помогите мне убить дему, который каждый день пристает к моей дочери.

Через несколько дней мать Харау с мужчинами даух-це пришли в Дабою. В это время Ягил как раз сидел в хижине возле Харау. Он увидел приближающихся людей и побежал в лес.

— Вот он, — показала мать Харау мужчинам даух-це.

Они погнались за ним и в глубине леса увидели большую ограду, за которой исчез казуар. Проникнуть туда оказалось невозможно, и преследователям пришлось ни с чем вернуться в Дабою.

— Пусть Харау опять отправится в лес за саго. Тогда Ягил наверняка выйдет к ней, — сказали они. А сами решили подождать.

На другой день Харау опять, как всегда, отправилась в лес готовить саго. А мужчины даух-це спрятались поблизости в зарослях. И вот в полдень опять появился Ягил, принявший образ красивого юноши. На этот раз он надел на себя еще больше украшений и позвал Харау пойти с ним в лес.

— Подожди, вот я закончу выколачивать саго, — ответила она и повесила Ягилу кусок саго на шею и еще один — на его лубяные косы, чтобы преследователи могли его по этим приметам узнать. Тут из леса выскочили скрывавшиеся там люди даух-це с копьями и стрелами. Ягил быстро превратился в казуара и кинулся бежать. Преследователи выпустили в него стрелы, забросали копьями, но не сумели попасть в Ягила. Он бормотал и фыркал, носился взад-вперед, отбивался ногами от собак и поранил их так, что они отстали. Наконец он прибежал домой, где его дожидались братья. Они быстро закрыли за Ягилом ворота ограды, и мужчины уже не могли к ним проникнуть.

Они опять стали совещаться, как быть, и решили еще разок спрятаться в зарослях, чтобы подстеречь Ягила. На другой день Ягил с братьями пошел купаться. Но когда они вышли за ограду, люди опять стали стрелять в Ягила из луков. Однако и на этот раз они не сумели в него попасть. С матерью и братьями Ягил убежал на болото Оан, что находится в верховьях Биана. Там мать Ягила превратилась в высокий тростник. Люди не могли пробраться в тростниковые заросли, и казуары нашли в нем убежище. И поныне еще можно встретить Ягила, дему-казуара, в болоте Оан.

4. Пожар в Сендаре

В давние времена демы жили в Сендаре, на земле Кондо-мирав. Один из них, Ваба, так горячо любил свою жену, что от его жарких объятий загорелась хижина. Было как раз время засухи, дул сильный восточный ветер, и пламя быстро распространилось по всему побережью. Деревья и трава выгорели дотла, и на берегу образовалась широкая пустынная полоса, которая существует и по сей день.

Ваба и его жена сгорели, а вместе с ними погибли в своих домах и многие другие демы. Ведь в ту пору об огне ничего не знали и не умели от него защищаться.

Когда демы-звери впервые увидели огонь, они из любопытства подошли вплотную к нему, чтобы получше его разглядеть. При этом демаист Ндик по неосторожности опалил себе ноги и крылья. Оттого у аистов ноги красные, а на крыльях — черные подпалины. Еще больше досталось казуару: от жары у него почернели все перья, а на шее появился красный след от ожога. Ракам тоже не удалось уберечься, и с тех пор, стоит им только попасть в огонь, они сразу же становятся красными.

Во многих местах пожар проложил в лесу длинные просеки в глубь страны. Позднее они наполнились водой и превратились в реки.

Как и дем-зверей, людей из деревни Кумбе разобрало любопытство, и они наклонились, чтобы рассмотреть пламя. От этого у них на голове сгорели волосы. Вот почему в Кумбе так много плешивых.

5. Как Цагн сделал антилопу канна

Цагн положил сандалию Квамманга в воду. А Квамманга, обнаружив пропажу сандалии, спросил о ней свою жену, Дикобраза.

Его жена сказала ему:

— Я не знаю.

Цагн сделал из сандалии Квамманга антилопу канна. Антилопа росла и ела мед, который приносил ей Цагн.

Так Квамманга лишился своей сандалии, но он молчал.

Как-то Цагн отправился навестить антилопу. Но сначала он пошел, нарезал ножом медовых сотов, а затем пошел к зарослям тростника, где была антилопа, и вызвал ее. Он дал ей меда, положив его в углубление в камне. Антилопа поела и снова вернулась в тростники.

Никто не знал, что Цагн отдавал мед антилопе. Он просто говорил, что меда мало. Каждый раз, приходя домой, он заявлял, что меда было мало.

Тогда Квамманга сказал своему сыну, молодому Ихневмону:

— О Ихневмон! Ты должен пойти с дедом и выяснить, почему дед не приносит домой меда.

Квамманга сказал ему:

— О Ихневмон! Притворись, что ты спишь, и накройся кароссом с головой, но сделай в кароссе дыру и смотри в нее. Делай вид, что спишь, а сам смотри.

И Ихневмон отправился вместе с Цагном. Ихневмон сделал все так, как говорил ему отец Квамманга. Когда они пришли в заросли тростника, он улегся и притворился спящим, а сам подглядывал через дырку в кароссе.

Цагн размочил мед в воде и позвал антилопу. Антилопа выпрыгнула из зарослей тростника. Это была уже большая антилопа. Когда она вышла, Цагн смочил ее шерсть медовой водой и пригладил ее. А Ихневмон лежал там и видел все это, но Цагн знал, что Ихневмон подглядывает.

Тогда Ихневмон вскочил и воскликнул:

— Эй, постой-ка! Значит, вот это сильное животное приходит и пьет медовую воду!

Цагн прогнал антилопу, она ушла в тростники и легла там. А Цагн взял колчан, повесил его через плечо и сказал:

— О Ихневмон! Пойдем домой.

И они отправились. Дорогой он сказал Ихневмону:

— О Ихневмон! Ты глупец!

Но Ихневмон возразил:

— Я не глупец!

Ихневмон пошел и сказал Квамманга:

— О Квамманга! Там в тростниках живет какое-то животное. Оно-то и ест мед. Оно сильное, большое, оно темное.

А Квамманга сказал:

— Это моя сандалия. Отведи меня, я хочу взглянуть на нее.

Цагн собрался уходить и позвал с собой молодого Ихневмона, но молодой Ихневмон не пошел с ним. Они сговаривались все вместе и шептались между собой: Ихневмон, Квамманга и Дикобраз. Дождавшись, когда Цагн ушел, они отправились к тростникам.

Ихневмон сказал Квамманга:

— О Квамманга! Ты должен пойти и срезать мед, отнести его туда и размочить в воде — тогда ты увидишь, что будет.

Квамманга все так и сделал. Он положил мед в воду и позвал антилопу. Ихневмон сказал ему, что Цагн называл ее Сандалия Квамманга. Квамманга назвал ее так же. И тогда антилопа выпрыгнула из зарослей тростника. А Ихневмон сказал:

— Ты должен устроить на нее засаду.

Антилопа выбежала и стала пить воду. А пока она пила, Квамманга выстрелил в нее — антилопа подпрыгнула, отскочила в сторону, побежала прочь и упала на землю.

А Цагн тем временем искал мед и когда нашел его, то увидел, что мед совсем сухой. Он удивился — что такое сегодня с медом? — и заподозрил, что это из-за молодого Ихневмона; видно, он повел туда людей.

— Кажется, будто течет кровь — поэтому мед такой сухой. Обычно мед бывает сочным. Видимо, какая-то опасность угрожает моему дому. Попробую-ка я еще достать меда, чтобы выяснить, действительно ли пришла беда.

Он пошел в другое место и вырезал кусок медовых сот, но и этот мед был таким же сухим. Тогда он поднял свой колчан, повесил его через плечо и сказал, что пойдет и посмотрит, не сбылось ли его предчувствие.

Цагн пришел к водоему и позвал антилопу, но она не вышла. Тогда он заплакал, слезы полились из его глаз. Потом он встал и стал искать следы антилопы, увидел кровь и снова заплакал. Он накрыл голову кароссом и вернулся домой плача. Он пошел и улегся, хотя солнце еще стояло высоко. Он был очень сердит, и вот он улегся.

А Квамманга пошел звать гци-йя-кцое:

— Ты, желтая мангуста, и другая, и вот та, вот эта и та, другая, — все гци-йя-кцое! Вас зовет Квамманга!

Все сбегались к мертвой антилопе и стали ее свежевать, а Квамманга отправился домой.

Тогда Цагн встал, взял свой колчан и побежал по следу антилопы. Он добрался до отмели и увидел, как гци-йя-кцое свежуют антилопу. Цагн вынул стрелу — он собирался биться с ними из-за антилопы. Он подбежал к ним и выстрелил, но стрела вернулась и прошла как раз над его головой, так что он едва увернулся.

А гци-йя-кцое продолжали спокойно резать антилопу и есть мясо, которое они приготовили. Ведь они знали, что стрелы Цагна не убьют их.

Цагн крикнул:

— В колчане есть еще стрела, я выстрелю, и она поразит вас.

Он подбежал поближе и выстрелил, но стрела вернулась и прошла возле его головы, так что чуть не убила его. Тогда, оставив стрелы, Цагн подбежал к гци-йя-кцое, чтобы бить их дубинкой. Но тут один из гци-йя-кцое выхватил у него из рук дубинку и стал бить его, а затем швырнул Цагна вниз, на рога антилопы. Потом он сказал, чтобы Цагн пошел за хвостом.

Цагн принес хвоста, и гци-йя-кцое разожгли огонь. Цагн опять отправился за хвостом и увидел на кусте желчный пузырь антилопы. Цагн сказал, что он проколет желчный пузырь, который висит на кусте. А желчный пузырь сказал, что тогда он разорвется и наступит тьма. Цагн согласился. Он проколол желчный пузырь антилопы — и

тут же стало темно. Ведь желчный пузырь говорил, что станет темно. Цагн очутился в такой темноте, что не видел ни кустов, ни земли. И он оставался в кустах, потому что не мог выбраться оттуда. Тут его ум подсказал ему, чтобы он снял свою сандалию и бросил ее в небо; пусть она освещает для него землю. И он быстро сорвал с ноги сандалию и, даже не отряхнув ее от пыли, забросил вверх. Потом он сел и стал глядеться во тьму.

Он увидел гци-йя-ккое, которые стояли и резали в темноте антилопу. Он встал и пошел к ним. Гци-йя-ккое бранили его:

— Это Цагн устроил проделку с желчным пузырем — тьма накрыла солнце.

Цагн сказал им:

— Вы должны светить себе факелом. А мне светит моя сандалия; она теперь в небе, я бросил ее, чтобы она мне светила, и вот теперь я вижу вас, вижу, как вы тут стоите.

Он пошел и, хотя была ночь, увидел и подобрал свой колчан. Цагн подобрал каросс, повесил через плечо колчан и пошел домой. Он все это сделал ночью — ведь ему светила его сандалия.

Ихневмон спросил его:

— О Цагн, это ты так заколдовал желчный пузырь антилопы, что солнце погрузилось во тьму и теперь сияет луна?

Цагн рассказал:

— Солнце ярко сияло. Я очень рассердился на гци-йя-ккое — он поборол меня и ударил дубинкой. Потом я собирал хворост, но я был очень сердит. Я вырыл яму для огня, но я был сердит. Я положил хворост в огонь, но я был сердит. Я положил на хворост камни, потом принес еще хвороста и положил сверху. Я разжег огонь, но я был сердит. Тогда было светло — был полдень. Но я был сердит, и я проколол желчный пузырь антилопы: я хотел, чтобы солнце погрузилось во тьму. И солнце зашло за гору, темнота накрыла землю. Тьма накрыла всех, и гци-йя-ккое тоже, мы все оказались во тьме. Я подумал, быстро сдернул сандалию, подбросил ее вверх и сказал:

— Я — Цагн, и эта моя сандалия должна стать луной, которая сияет во тьме.

Вот почему луна сияет ночью. Вот почему луна холодная — ведь это кожаная сандалия. Она красная — на ней налипла земля и пыль, по которой ходил Цагн.

Солнце греет, потому что это Солнечная Подмышка. Когда светит солнце, люди испытывают жажду и пьют воду. Когда выходит луна, люди разжигают огонь; они ложатся спать. Когда светит солнце, люди стреляют газелей, они охотятся на них. Солнце освещает всю землю, и люди могут охотиться.

6. Цагн и кот

Цагн поднялся утром и вышел. Он был сердит. Он шел сердитый. Он встретил кота, который шел напевая. Кот пел о том, как рысь смеялась над ним из-за того, что он не может бегать так быстро, как она. Так пел кот и шел своей дорогой. Цагн побежал к нему навстречу и спросил:

— О чем это ты поешь?

Кот ответил:

— Ни о чем.

Цагн возразил:

— У тебя дрожит голова — так, будто ты поешь!

Кот сказал:

— У тебя на глазах бородавки! Я ударю тебя по голове и разобью ее!

А Цагн ответил:

— О кот! Бей меня по голове, а я ударю тебя по голове!

Тут кот ударил Цагна по голове, и Цагн отступил. Затем Цагн ударил кота по голове, и кот отступил и спрятал голову в землю. Тогда Цагн ударил кота по хвосту. А кот поднялся и ударил Цагна по голове. Цагн отступил и ударил кота по голове, а кот отступил и спрятал голову в землю. Тогда Цагн ударил кота по хвосту — только хвост и был виден, а голова кота оставалась под землей. А кот ударил Цагна по голове и разбил ее.

Цагн быстро достал перья и улетел. Он позвал мешок из шкуры антилопы каама:

— О дети антилопы каама, уходите отсюда, я улетаю!

Мешок из шкуры антилопы каама сказал:

— Мы последуем за тобой!

Сандалии сказали:

— Да-да, мы последуем за тобой, так как это сказал ты, Цагн.

Колчан сказал:

— Мы отправимся вслед за тобой!

Шапка сказала:

— О каросс, давай и мы пойдем!

Лук сказал:

— О палка, мы должны последовать за Цагном, раз Цагн говорит так.

Они побежали.

А Цагн летел, он влетел в воду и стал плескаться в воде, потом он выскочил из воды. Он радовался:

— Цагн сделал это!

Его вещи пробежали мимо водоема. Цагн быстро окликнул их, он сказал:

— Ложитесь здесь поскорее, вон там наш дом, и Ихневмон будет смеяться над вами. Вы должны скорее лечь здесь, и я вас понесу.

Колчан сказал:

— Цагн бросил нас, мы должны идти домой.

Сандалии сказали:

— Нет, мы должны лечь и подождать Цагна.

Сандалии так и сделали, они ждали Цагна.

— Кто может со мной сравниться? Мое имя — Цагн! — хвастался Цагн.

Он пошел вперед. Он медленно подошел к хижине, так как хромял. Затем он сел.

Ихневмон спросил:

— Кто ударил Цагна палкой по голове?

— Это кот ударил меня по голове! — ответил Цагн.

— О Цагн! Мы всегда делаем вид, что хотим ударить кота по голове, и тогда кот прячет голову в землю, а мы смотрим, где его голова, и тогда бьем по ней и разбиваем ее, — сказал Ихневмон.

— О Ихневмон! Продолжай, ты должен еще рассказать мне об этом, не уходи спать. Скоро рассветет, а рано утром я опять пойду на поиски кота и разобью ему голову, — ответил Цагн.

Вскоре рассвело, и Ихневмон сказал:

— О Цагн! Я пойду спать, а ты должен отыскать след.

Цагн выбежал из дома, он побежал искать кота. И вот он увидел кота. Тот шел и распевал. Цагн побежал ему навстречу. Кот остановился. Цагн сделал вид, что хочет его ударить, и кот быстро сунул голову в землю.

Цагн увидел, где его голова, ударил прямо по ней и попал. Потом он спросил кота, не отдаст ли тот ему свою голову.

Тогда кот поднялся и сказал:

— Это Ихневмон рассказал тебе об этом, иначе ты не нашел бы мою голову.

Цагн сказал:

— Ты лжешь, я просто забыл.

— Ты не забыл, это Ихневмон сказал тебе, — ответил кот.

— Это неправда! Ты стоишь тут и лжешь. Я не то что забыл, а просто не думал об этом. На самом деле я очень хитрый! — возразил Цагн.

Цагн снова сделал вид, что хочет ударить кота по голове. Кот опять сунул голову в землю. Цагн увидел, где находится его голова, и ударил по ней. Затем Цагн отпрыгнул и стал хвалиться:

— Послушай, мое имя — Цагн! Кто может со мной сравниться?!

Кот поднялся и сказал:

— Это Ихневмон сказал тебе!

— Ты заблуждаешься. Я — хитрец. Ихневмон ничего не говорил мне. Я просто забыл тогда, — упорствовал Цагн.

Он пошел вперед, он поднял колчан и повесил его через плечо. Он поднял каросс и завернулся в него. Он поднял мешок и повесил его на плечо. Он поднял сандалии и надел их. Он поднял палку. И он вернулся домой, положил колчан, положил лук, положил палку.

Ихневмон спросил его:

— Ну, ты видел кота?

Цагн ответил:

— Да, видел.

— Ну и как все происходило?

— Ничего особенного не происходило, — ответил Цагн. На самом деле ему очень хотелось похвастаться. — Я сделал вид, что хочу ударить этого старика, и он спрятал голову в землю, а я увидел ее.

Ихневмон спросил:

— Ты попал по нему?

— Да, я ударял его по голове, я попал по голове. Тогда старик встал и сказал, что это ты рассказал мне, как найти его голову, что я узнал об этом от тебя. Я же сказал старику, что я просто забыл. А старик сказал, что, конечно, это ты научил меня. А я сказал ему, что он стоит тут передо мной и лжет.

Ихневмон сказал:

— О Цагн! Ты глуп и лжив. Ведь это я научил тебя, я, ребенок, учил тебя, взрослого! Ты глупый, хитрый и лживый!

Так они говорили между собой, а женщины смеялись над ними.

Ихневмон спросил их:

— Вы не согласны со мной? Разве Цагн не дурак и не лжец?!

7. Как было создано солнце

До того как появились люди, на земле жили только птицы и звери, и все они были значительно крупнее, чем теперь. В те времена светило только луна и звезды, а солнца не было.

Однажды Диневан-эму и журавль Бролга ссорились и дрались на обширной равнине около реки Мурумбиджа. Рассерженный Бролга бросился к гнезду Диневана, схватил большое яйцо и изо всех сил бросил его в небо. Там оно разбилось о груды дров, желток разлился, дрова загорелись, и этот огонь, к удивлению всех существ, осветил мир. Все привыкли к полутьме и были ослеплены этим ярким светом.

Живший на небе добрый дух увидел, как ярко и красиво выглядит земля, освещенная этим огнем. Он подумал, что было бы хорошо каждый день зажигать такой огонь, и с тех пор стал это делать. Всю ночь он сам и его помощники-духи собирали и складывали в кучу дрова.

Когда куча становилась достаточно большой, они посылали утреннюю звезду предупредить живущих на земле о том, что скоро будет зажжен огонь.

Но спящие земные существа не замечали утренней звезды. Тогда духи решили возвещать о восходе солнца каким-нибудь звуком и этим будить спящих. Долгое время они не могли придумать, кому это можно поручить.

Однажды вечером они услышали оглашавший воздух смех пересмешника Гу-гур-гаги. «Вот звук, который нам нужен», — решили они.

Духи сказали Гу-гур-гаге, что каждый день, как только погаснет утренняя звезда, он должен смеяться как можно громче, чтобы перед восходом солнца будить спящих. Если же он не согласится этого сделать, то они не будут зажигать солнце-огонь и навсегда оставят землю в сумерках.

Гу-гур-гага согласился и спас свет для мира. Он согласился громко смеяться на заре и с тех нор каждый день оглашает воздух громкими звуками: «Гу-гур-гага, гу-гур-гага, гу-гур-гага!»

Когда духи разжигают огонь, он не дает много тепла. Но в середине дня, когда вся куча дров охвачена пламенем, жара становится сильной. Затем жара постепенно спадает, и при заходе солнца остаются только красные уголья. Они тоже быстро гаснут, кроме тех, что духи сохраняют. Они прикрывают эти угольки облаком, чтобы разжечь кучу дров, приготовленную на завтра.

Детям не разрешается подражать смеху Гу-гур-гаги, чтобы он, услышав их, не перестал смеяться поутру. Если же дети станут подражать его смеху, то над их глазным зубом вырастет лишний зуб, и эту отметку они будут нести в наказание за свою насмешку. Ведь добрые духи прекрасно знают, что, если когда-нибудь Гу-гур-гага перестанет смеяться, возвещая восход солнца, наступит время, когда на земле не будет больше даенов и снова воцарится темнота.

8. Диневан-эму и Гумбл-габбон-дрофа

Диневан-эму как самая большая птица был признан королем всех птиц. Дрофы Гумбл-габбон завидовали Диневанам. Гумбл-габбон-мать особенно сильно завидовала Диневан-матери. Она с завистью смотрела на высокий полет Диневанов и их быстрый бег. Она думала, что Диневан-мать хвастается перед ней своим превосходством, когда после долгого и высокого полета спускалась вблизи нее на землю, хлопала своими большими крыльями и начинала гордо ворковать. Это не было громкое воркованье самца; это был тихий, торжествующий, удовлетворенный звук, всегда раздражавший Гумбл-габбон.

Гумбл-габбон долго думала о том, как покончить с превосходством Диневан. Она решила, что сможет достигнуть этого, только повредив ей крылья и лишив ее возможности летать. Но как это сделать? Она знала, что ничего не добьется ссорой и открытой борьбой с Диневан, потому что ни одна Гумбл-габбон не могла устоять в борьбе с Диневан. Очевидно, она должна достичь своей цели хитростью.

Однажды, увидев издали идущую к ней Диневан, Гумбл-габбон присела на землю и сложила свои крылья так, что казалось, будто их у нее нет.

Когда Диневан немного поговорила с ней, Гумбл-габбон спросила:

— Почему ты не подражаешь мне и не обходишься без крыльев? Каждая птица летает. А Диневаны, чтобы быть королями птиц, не должны летать. Если все птицы увидят, что я обхожусь без крыльев, они поймут, что я самая умная, и сделают меня королевой.

— Но у тебя же есть крылья, — сказала Диневан.

— Нет, у меня их нет. — И в самом деле, она выглядела бескрылой, так хорошо были скрыты ее крылья, когда она сидела в траве.

Диневан ушла и долго думала над тем, что услышала. Она обсудила все со своим мужем, который огорчился так же, как и она. Они решили не допустить Гумбл-габбон царствовать вместо них, даже если им придется потерять крылья, чтобы сохранить королевский сан.

В конце концов они решили пожертвовать своими крыльями. Диневан-мать показала пример и уговорила своего мужа отрубить ей крылья каменным топором камбу, а затем отрубила их ему.

Как только эта операция была закончена, Диневан-мать решила поскорее сообщить Гумбл-габбон о том, что они сделали. Она побежала на равнину, где оставила Гумбл-габбон, и, найдя ее сидящей по-прежнему на земле, воскликнула:

— Посмотри, я последовала твоему примеру. У меня теперь нет крыльев, они отрублены.

— Ха-ха-ха! — засмеялась Гумбл-габбон и, вскочив, начала танцевать от радости. Как ловко все получилось! Она расправила свои крылья, хлопнула ими и сказала:

— Я обманула тебя, короткокрылая. Вот мои крылья! Да стоит ли выбирать вас, Диневаны, королями, если вас так легко обмануть. Ха-ха-ха!

И насмехаясь, Гумбл-габбон громко захлопала крыльями перед Диневан. Диневан бросилась к ней, чтобы наказать ее за обман. Но Гумбл-габбон улетела, а бескрылая теперь Диневан не могла догнать ее.

Диневан пошла, раздумывая над своим несчастьем. Она решила отомстить. Но как? Ни она, ни ее муж не знали. Наконец Диневан-мать придумала план и приготовилась к его выполнению.

Она спрятала всех своих маленьких Диневанов, кроме двух, под большим кустом, а с двумя малютками пошла на равнину к Гумбл-габбон. Спускаясь с покрытого галькой хребта морилла, где находился ее дом, она увидела Гумбл-габбон с ее двенадцатью детьми. Побеседовав с Гумбл-габбон, она вдруг сказала:

— Почему ты не подражаешь мне? У меня только двое детей. Двенадцать слишком много, чтобы их прокормить. Если у тебя будет много детей, они никогда не вырастут большими птицами, как Диневаны.

Гумбл-габбон ничего не ответила, но подумала, что Диневан права. Ведь действительно, молодые Диневаны были гораздо крупнее, чем дети Гумбл-габбон. Расстроенная Гумбл-габбон подумала: «Не потому ли так малы мои дети, что их больше, чем у Диневан? А как было бы хорошо вырастить их такими же большими, как Диневаны!» Тут она вспомнила о том, как обманула Диневан, и подумала, что тоже может быть обманута. Но, взглянув туда, где кормились Диневаны, и увидев, насколько крупнее ее птенцов были двое молодых эму, она тут же беззастенчиво позавидовала.

— Не быть Диневанам королевскими птицами равнин! — решила она. — Гумбл-габбоны заменят их. Они вырастут такими же большими, как Диневаны, сохраняют свои крылья и будут летать, чего не могут теперь делать Диневаны.

И Гумбл-габбон убила всех своих птенцов, кроме двоих. Затем она пошла туда, где кормились Диневаны.

Увидев Гумбл-габбон только с двумя детьми, Диневан спросила:

— Где же твои остальные птенцы?

— Я их убила, оставила только двоих. У них будет вдоволь еды, и они вырастут такими же большими, как твои.

— Ты жестокая мать — убила своих детей. Ты жадная мать. У меня двенадцать птенцов, и всех их я кормлю. Ни за что на свете я не убью ни одного из них. Даже если бы я получила взамен свои крылья. Здесь хватит пищи для всех. Посмотри на куст — он покрывается ягодами, чтобы кормить мою большую семью. Посмотри на кузнечиков — они прыгают кругом, чтобы мы могли ловить и есть их.

— Но ведь у тебя всего двое детей!

— Нет, у меня их двенадцать. Я пойду и приведу их. — И Диневан побежала к кусту, где спрятала десятерых своих птенцов.

Вскоре она уже возвращалась, вытянув шею, гордо закинув назад голову, а перья ее хвоста бубу-телла покачивались на бегу. Она издавала странные горловые звуки — песню радости Диневанов. Рядом с ней бежали красивые, нежные малютки с полосатым оперением, напевая детскую песенку Диневанов.

Приблизившись к Гумбл-габбон, Диневан перестала ворковать и торжественно сказала:

— Видишь, я говорила правду. Вот мои двенадцать детей. Можешь смотреть на них и думать о своих несчастных убитых детях. А пока ты думаешь, я предскажу тебе судьбу твоих потомков. Хитростью и обманом ты лишила Диневанов их крыльев, и, пока Диневаны бескрылы, Гумбл-габбон будет нести только два яйца и иметь двоих детей. Мы поквитались: у тебя есть крылья, а у меня — дети.

С тех пор Диневан-эму не имеет крыльев, а Гумбл-габбон-дрофа каждый сезон кладет только два яйца.

9. Как Хейше обманул страуса

Это история о Хейше, которого называли также Тсума-тсумане. В те времена, когда жил Хейше, страус был человеком. И вот у страуса было множество детей. Однажды он собрал их всех и отправился в становище Тсума-тсумане.

Тсума-тсумане сказал:

— Коо! Сколько же у тебя детей! А вот у меня нет ни одного. Я всех их съел.

(Хейше, конечно, обманывал страуса.)

— Я съел всех своих детей. Не съест ли нам и твоих тоже?

На это страус сказал: «Разве?» — и стал думать о том, что тот ему предложил сделать.

Ну а дети Хейше тем временем ушли куда-то поиграть. Хейше отослал их поиграть в заросли, с тем чтобы, когда придет страус со своими детьми, обмануть его, будто он убил их.

— Эй! — сказал Хейше страусу. — У тебя такое множество детей, и ты не хочешь поделиться со мной! Ведь прошлой ночью я съел всех своих детей до единого!

А страус спросил:

— Правда? Я должен убить одного из своих детей?

— Да, — сказал Хейше.

И вот они взяли и убили одного ребенка. Затем они стали жарить его. Он лежал в огне и поджаривался, пока не был готов. Затем они съели его целиком.

Когда с ним было покончено, они взяли и убили другого. Он поджаривался, пока не был готов. Потом они убили еще одного и еще, пока никого из них больше не осталось. Они съели их всех. Они ели и ели, пока всех их не съели.

Тогда Хейше сказал:

— Эй! Это я тебя испытывал! Я обманул тебя! Вон бегают все мои дети, погляди-ка! А твои все умерли! Я обманул тебя и съел всех твоих детей!

Страус воскликнул:

— Ох! Что со мной сделал этот человек?! Я пришел к нему в становище, а он погубил всех моих детей и съел их всех до одного!

Затем Хейше поднялся, взял свои горшки для воды и повесил их через плечо. Он отправился за водой. А страус остался один.

Когда Хейше возвращался с водой, страус уселся прямо у него на пути. Он сидел, вытянув ноги поперек дороги.

Хейше подошел к нему.

— Отодвинь ноги, чтобы я мог пройти! — сказал он.

Но страус возразил:

— Нет, я устал. Я сижу отдыхаю на дороге.

Хейше спросил:

— Ты хочешь, чтобы я обошел вокруг тебя?

И страус ответил:

— Да, пройди-ка стороной.

И вот Хейше стал обходить его. Но страус схватил его за ногу и внезапно дернул ее вверх, так что он упал. Его горшки для воды разбились, и вся вода вытекла. Хейше вскочил на ноги и побежал домой за новыми горшками.

А страус все еще сидел там, потому что на сердце у него было тяжело из-за детей.

Хейше опять наполнил свои горшки водой и снова добрался до того места, где на дороге сидел страус.

— Отодвинься и дай мне пройти, — сказал он.

— Нет, обойди стороной, — возразил страус.

Когда Хейше попытался пройти, страус схватил его за ногу и так рванул, что тот не удержался и упал. Его горшки с водой опять разбились.

Хейше в ярости схватил палку и стал бить страуса по ногам. Он бил его до тех пор, пока не переломал их. Тогда он оставил его и ушел. А страус лежал там и плакал.

Хейше ушел и превратился в маленькую птичку. Он превратился в маленькую птичку с красными глазами, которую люди называют красноглазым соловьем. А страус тоже превратился в птицу. И с того дня они расстались.

Вот чем кончилась эта история.

10. Как Тюр отворил воду

Давным-давно, говорят, земля изнывала от жажды.

В те времена жила одна старуха. Она сажала ямс. И такой у нее был вкусный ямс, что люди издалека приходили угоститься. Только никто домой не возвращался.

Когда приходил гость, старуха пекла ямс на углях. Человек съедал сухой и горячий клубень. От жажды все у него внутри слипалось, но старуха не давала ему воды. Человек умирал. Тогда старуха бежала в ущелье, к плотине, за которой у нее была затворена вся вода страны, набирала полный котел воды, варила убитого гостя и съедала. Так она погубила многих.

Но вот прослышал об этом Тюр-паук. Набрал он дождевой воды в пустую тыкву, всунул в тыкву полую травинку и все спрятал в мешок, так что только кончик травинки выглядывал. Снарядился Тюр и отправился в путь.

Пришел он к хижине старухи. Смотрит, а от хижины две тропинки: одна сухая — та, по которой он шел, а на другой вода расплескалась. «Ага, — подумал Тюр, — вот куда старуха за водой ходит!» Вошел он в хижину и говорит:

— Угости меня своим сладким ямсом!

Испекла ему старуха большой клубень. Тюр съел, пососал незаметно воды через травинку и сидит, ждет еще.

Испекла ему старуха ямс покрупнее. Тюр съел, пососал воды и еще просит.

Выкопала ему старуха самый большой клубень — больше не бывает! Испекла на углях как следует, чтобы рассыпался, подала на банановом листе. Все съел Тюр и говорит:

— Ой, ой, пить хочется, все внутри горит!

— Хи-хи-хи! — засмеялась старуха. — Люди приходят сюда угощаться ямсом, а не воду пить. Нет здесь воды.

Закатил Тюр глаза, захрипел и упал, словно умирает.

— Хи-хи-хи! — засмеялась старуха. — Вот и этот готов для котла!

Взяла она длинный нож, хотела прирезать Тюра. Но Тюр-паук вскочил на ноги и выбежал из хижины. Старуха за ним. Тюр сразу повернул на влажную тропинку. Бежит за ним старуха, кричит:

— Куда бежишь, куда? Тропа не ведет никуда!

А Тюр бежит быстрее.

— Не ходи по тропе нехоженой, там только место отхожее! — кричит старуха.

А Тюр еще наддает.

Добежал до плотины и сразу все понял. С размаху пробил Тюр в плотине копьем дыру. Потекла вода сначала струйкой, потом струей, потом ручьем, потом рекой хлынула, и захлебнулась в той бурной реке старуха.

А Тюр выбрался из ущелья наверх и по вершинам гор вернулся домой.

Так Тюр-паук отворил воду. Разлились реки по всей земле, да так и текут до сих пор.

11. Кража света

Великан полетел внутрь страны, на восток. Он долго был в пути и наконец очень устал. Поэтому он уронил в море тот маленький круглый камешек, что дал ему отец. Камешек превратился в большую скалу, торчащую из моря. Великан отдохнул на ней, набрался сил и скинул с себя кожу ворона.

В то время всюду была тьма. Дневного света тогда не было. Великан снова надел воронью кожу и полетел на восток. Тут Великан достиг материка и оказался в устье реки Скина. Здесь он остановился и разбросал икру лосося и форели. Когда он ее разбрасывал, то говорил: «Пусть в каждой реке и в каждом ручье будет всякая рыба!» Потом он взял пузырь вяленого морского льва и разбросал плоды по всей земле, говоря при этом: «Пусть на каждой горе, холме, в каждой долине и на равнине, по всей земле будет много плодов!»

Весь мир все еще был покрыт тьмой. Когда небо было чистым, у людей еще было немного света от звезд, а когда небо было покрыто тучами, всюду на земле было очень темно. Люди от этого очень горевали. Тогда Великан подумал, что тяжело ему придется добывать себе пищу, если всегда будет так темно. Он вспомнил, что на небесах, откуда он пришел, свет был. Тогда он решил принести оттуда свет в наш мир. На следующий день Великан надел на себя воронью кожу, которую дал ему отец его, вождь, и полетел наверх. Наконец он нашел в небе дыру и влетел в нее. Великан достиг середины неба. Он снял воронью кожу и положил ее рядом с дырой в небе. Он пошел дальше и пришел к ручью возле дома вождя неба. Тут он сел и стал ждать.

Потом вышла дочь вождя с маленьким ведром и отправилась за водой. Она спустилась к большому ручью перед домом ее отца. Когда Великан увидел, как она идет, он превратился в кедровую иголку и поплыл по воде. Дочь вождя зачерпнула ее в ведро и выпила воду вместе с иголкой. Потом она вернулась в дом отца и вошла внутрь.

Вскоре она забеременела и недолго спустя родила мальчика. Тут вождь и его жена обрадовались. Они постоянно купали мальчика. Он начал расти. Теперь он начал и ползать. Они часто его купали, и вождь скоблил и чистил пол в своем доме. Теперь ребенок стал сильным и ползал каждый день. Он начал кричать: «Хама, хама!» Он кричал все время, и великий вождь от этого устал. Он позвал несколько слуг, чтобы они занялись мальчиком. Слуги так и сделали, но он не спал несколько ночей. Он все кричал: «Хама, хама!» Поэтому вождь пригласил всех мудрецов и сказал им, что он не знает, чего мальчик хочет и почему он все время плачет. Ему хотелось ящика, что висел в доме вождя.

Этот ящик, в котором хранился дневной свет, висел в углу дома. Он назывался «ма». Великан знал об этом еще перед тем, как он спус-

тился в наш мир. Из-за него ребенок и плакал. Вождю это надоело, а мудрецы слушали, о чем вождь им рассказывает. Когда мудрецы услышали, как громко кричит ребенок, они не поняли, что он все время говорит. Он все время кричал: «Хама, хама!»

Один из мудрецов, который его понял, сказал вождю: «Он плачет из-за ма». Поэтому вождь приказал его снять. Тот человек снял его. Они поставили его у огня, и мальчик сел рядом с ним и перестал плакать. Он не стал плакать, потому что обрадовался. Потом он стал катать ма по дому. Так он делал четыре дня. Иногда он подносил его к двери. Теперь великий вождь не думал о нем. Он совсем о нем забыл. Тогда мальчик поднял ма, положил его на плечи и выбежал с ним. Когда он бежал, то говорили: «Великан убегает с ма!» Он убегал, а духи неба гнались за ним. Они кричали, что Великан убегает с ма. Он подбежал к дыре в небе, надел воронью кожу и полетел вниз, унося ма. Тогда духи неба вернулись в свои дома, а он полетел с ним в наш мир.

В это время в мире все еще было темно. Он попал на реку повыше и отправился вниз по реке. Великан спустился возле устья реки Насс. Он пошел к устью реки Насс. Везде было темно, и он нес ма с собой. Он все шел и шел по реке в темноте. Немного дальше он услышал шум от людей, которые ловили рыбу в большую сеть из своих каноэ. От этого на реке было много шума, потому что они крепко работали. Великан сел на берегу и сказал: «Бросьте на берег одну из тех штук, которые вы ловите, мои дорогие люди!» Немного спустя Великан снова попросил: «Бросьте на берег одну из тех штук, которые вы ловите!» Тогда те на воде стали его поносить: «Откуда ты взялся, великий врун, которого зовут Хемсем?» Люди-животные знали, что это Великан. Поэтому они над ним издевались. Тогда Великан снова попросил: «Бросьте на берег одну из тех штук, которые вы ловите, или я разобью ма!» И все те, кто был на воде, ответили: «Где это ты достал то, о чем говоришь, ты, врун?» Великан снова попросил: «Бросьте на берег одну из тех штук, которые вы ловите, мои дорогие люди, или я разобью для вас ма!» В ответ один из них начал его поносить.

Великан повторил свою просьбу четыре раза, но те на воде не давали ему того, чего он просил. Поэтому Великан разбил ма. Оно разбилось, и стал дневной свет. Поднялся сильный северный ветер, и все рыбаки, Лягушки, были унесены этим северным ветром. Все Лягушки, которые смеялись над Великаном, были унесены вниз по реке, пока они не попали на большие гористые острова. Здесь Лягушки пытались вскарабкаться на скалу, но они пристали к скале, потому что северный ветер их заморозил, и стали каменными. Они все еще на этой скале. Лягушки, которые ловят рыбу, называют его Хемсем, и во всем мире есть дневной свет.

12. Как Кутх лису напугал

Жила-была лиса. Очень ей хотелось замуж выйти. Вот однажды бежит она по берегу и вдруг видит — евала лежит, вся уже червивая. Взяла лиса евалу как ребенка, уселась на берегу, убаюкивает ее, сама червей с нее ест:

— Ой, как ребенок обовшивел!

Вдруг видит: по реке гагары плывут. Сказала одна гагара:

— Какакре, какакре, смотри, какая бабенка сидит!

Лиса говорит:

— Это я, твоя жена! Возьми меня с собой, вместе поплывем!

Маленькая гагарка отвечает:

— Я не отец твоему ребенку, его отец сзади плывет!

Уплыли. Снова сидит лиса на берегу, евалу укачивает, червей поедает.

— Сильно ребенок обовшивел!

Видит: чайки плывут на плотике. Сказала чайка:

— Кейя, кейя, кейя, что там за бабенка сидит?

— Это я, твоя жена, — говорит лиса. — Возьми меня!

— Ну, иди садись, раз жена!

Обрадовалась лиса, уселась на плотике. Евале говорит:

— Вот твой отец!

А чайки между собой говорят:

— Кейя, кейя, кейя, давайте вон на том глубоком месте утопим плотик, а сами улетим.

— Что вы сказали? — спрашивает лиса.

— Мы говорим: осторожно плывите, красивую бабенку не утопите, да еще и племянничек тут.

Обрадовалась лисица:

— Наверное, ты и вправду мой муж?

Вот уже на глубокое место вышли. Лиса все вшей ищет на своем ребенке, ничего не замечает. Вдруг чайки взлетели, и плотик стало водой заливать. Чуть не утонула лиса. Евалу бросила, насили на берег выбралась, уселась на отмели.

— Ну-ка, кухляночку посушу и глазки тоже.

Сняла она шкурку, глазки вынула. Глазки в кустах положила, а шкурку на дерево повесила. Сама тут же улеглась.

— Отдохнуть, что ли.

И заснула. Вдруг Кутх идет по берегу. Наткнулся он на лису, смешно ему стало:

— Ишь, голая лежит! Сейчас я тебя напугаю.

Пошел он к реке, набрал воды в рот, и снова смешно ему стало — вся вода изо рта вылилась.

— Все равно напугаю!

Снова пошел к реке, воды набрал и рот рукой закрыл:

— Сейчас я тебя напугаю!

Подошел Кутх к лисе, и снова смешно ему сделалось. Зажал он рот рукой — вода вся через ноздри вышла. Опять пошел к реке:

— Ведь все равно напугаю, вот только смех свой к Мити отправлю.

Сидит Мити, шьет, и вдруг такой на нее смех нашел, даже живот схватило:

— Что это со мной? Наверное, Кутх что-нибудь выделявает.

А Кутх снова набрал воды в рот:

— Ну, теперь-то я тебя напугаю!

Лиса лежит голая, спит. Брызнул Кутх водой на спящую. Сильно испугалась лиса, вскочила, побежала, на все натывается сослепу. Кутх со смеху помирает. Вдруг лису окликнул кто-то:

— Ты чего это ходишь голая?

— Кутх меня напугал, — говорит лиса. — А кто тут?

— Это мы, голубички, сами себя собираем.

— Дайте мне две голубичинки.

Дали ей, вставила их вместо глаз. Все кругом синее стало. Вдруг подальше бруснички сами себя собирают:

— Лиса, ты чего это так ходишь?

— Кутх напугал. Дайте две брусничинки.

Выбросила лиса голубичинки, брусничинки вставила. Все теперь красное стало. Дальше пошла. Шикши сами себя собирают. Спросили шикши лису, что это с ней. Сказала лиса:

— Кутх меня напугал, глазки я потеряла, кухляночку потеряла. Дайте мне две шикши, чтобы глазки сделать.

Дали ей, она брусничинки выбросила, шикши вставила. Нашла то место, где оставила глазки и кухляночку. Смотрит — у нее вся шкурка засохла, покоробилась. Лиса замочила ее в лужице. А тело ее все болит, исцарапалось по кустам.

Пришел Кутх домой, все смеется:

— Мити, послушай!

А Мити сердится. Кутх говорит:

— Чего ты, Мити, сердиться? Послушай, что я тебе смешное расскажу. Напугал я лису, вся голая побежала, даже глаза не вставила.

Мити говорит:

— Эх ты, Кутх, Кутх! Никогда-то от тебя ничего путного не услышишь! Только бы тебе озорничать, а хорошего ничего не делаешь. Стыдно мне вместе с тобой жить.

— Ай, Мити, зато лиса голая бегала, вот было смеху-то! Ну уж, не сердись. Как снег выпадет, залезет она в свою нору, вот тогда я ее тебе принесу на воротник.

13. Кутх шьет

Кутх жил дома. Все время шил. Однажды сидит Кутх около окна. Шьет себе меховые штаны.

Вдруг что-то свет загорело, Кутх не стал в окно смотреть, подумал: «Что-то свет загорает. Наверное, это мой нос. Дай-ка я его отрежу».

Отрезал нос и опять принялся шить. Снова что-то свет загорело. «Опять на улице темно стало. Может, моя щека свет загорает? Дай-ка ее срежу!»

И отрезал Кутх себе щеку. Сидит, шьет. Все лицо себе искромсал: нос отрезал, щеки, губы, брови, ресницы. Болит у Кутха лицо, саднит. Так разболелось, что даже заохал. Потом взглянул в окно, видит — мыши на санках катаются. Тут он сказал:

— Так это вы тут свет затемняете? Из-за вас я все лицо испортил.

Взял Кутх свои штаны и вышел на улицу. Подошел к мышам и сказал:

— Это вы тут, внучата, катаетесь под моим окошком?

Забрались мыши на окно, а Кутх подставил штаны и сказал:

— Ну-ка, внучата! Катитесь в штаны: очень так хорошо кататься!

Мыши сказали:

— Не покатымся в твои штаны, а то ты нас поймаешь!

Начал Кутх их ласково уговаривать. Уговорил, скатились мыши прямо ему в штаны.

Как только мыши в штанах очутились, Кутх штаны завязал и пошел в лес.

Пришел, стал хорошее дерево искать. Наконец нашел.

Сказал Кутх дереву:

— Дерево, дерево, нагнись! Дерево, дерево, нагнись! Дерево, дерево, нагнись!

Нагнулось дерево. Кутх штаны на верхушку повесил и опять дереву сказал:

— Дерево, дерево, распрямись! Дерево, дерево, распрямись! Дерево, дерево, распрямись!

Дерево выпрямилось, а Кутх домой пошел.

А мыши так громко кричали, что услышала их лиса и пошла на голос. Подошла к дереву, сказала:

— Что вы, мыши, тут делаете?

Мыши сказали:

— Кутх нас сюда повесил!

— Как же он вас на самую верхушку повесил?

— Он сказал: «Дерево, дерево, нагнись! Дерево, дерево, нагнись!»

Дерево и нагнулось.

Лиса эти же слова сказала — дерево нагнулось. Сняла лиса штаны, развязала, вытащила мышей. Только самый маленький мышонок задохся, а все другие вышли.

Заставила лиса мышей бересты набрать и в штаны положить. Набрали мыши бересты, набили берестой штаны. Мертвую мышку сверху положили и повесили штаны опять на верхушку дерева.

Лиса спросила мышей:

— Как говорил Кутх, чтобы дерево выпрямилось?

Мыши сказали:

— Кутх говорил: «Дерево, дерево, распрямись! Дерево, дерево, распрямись!»

Лиса эти же слова сказала. Дерево выпрямилось, а мыши с лисой в лисий дом пошли.

Велела лиса мышам надрать ольхи и приготовить красную воду, похожую на кровь.

А Кутх пошел на третий день прокисших мышей с дерева снять. Пришел, велел дереву согнуться. Дерево сразу согнулось.

Развязал Кутх штаны и отошел в сторону. Сел. Глаза зажмурил, рукава засучил, зубы поточил, потом развязал штаны и засунул туда руку. Схватил мышонка, не посмотрев, сунул в рот и съел.

Промолвил Кутх:

— Ах, как вкусно! У-у!

И сразу опять запустил руку в штаны. Начал искать других мышей. Ничего не нашел — только береста в штанах. Очень рассердился Кутх, подумал: «Пооди, это лиса-воровка проделала! Вот пойду к ней! И убью ее за это».

Пошел Кутх к лисьему дому. Пришел. А лиса очень больна. Сильно так охает.

Кутх сказал лисе:

— Это, наверное, ты украла мою квашеную еду!

Лиса сказала:

— Ой, кум, зря на меня думаешь! Я уже несколько дней хвораю. Вон смотри: будто кровью мочусь, а ты говоришь, что я твою еду украла. Ты, кум, добрый, хороший! Вылей этот таз в реку!

Пожалел Кутх лису, взял таз и пошел выливать.

Лиса говорит ему вслед:

— Только, кум, смотри, назад не оборачивайся, а то очень плохо будет!

Идет Кутх, думает: «Отчего это лиса не велела мне оборачиваться? А ну-ка обернись!»

Посмотрел Кутх назад. Красную рябину увидел, подумал: «Назад пойду — наберу рябины лисе».

Идет дальше. Подошел к реке, начал таз в реку выливать. Лиса потихоньку подкралась сзади и столкнула Кутха в воду. Утонул Кутх.

14. Кукки

Молоденькие мышата сказали:

— Ну-ка, пойдёмте на берег моря.

Пошли они на берег моря и увидели вдруг маленькую пеструю нерпушку, выброшенную волной.

Один мышонок сказал:

— Ух! Маленькую нерпушку нашел!

Старшая мышь и говорит:

— Тише, а то снова дедушка услышит и придет.

А Кукки сидит в яранге и говорит жене:

— Мити, пойдуча я на двор по нужде.

Вышел Кукки. Вдруг слышит: кто-то пищит, будто мыши. Пошел он на берег моря.

— Вон, вон! Дедушка идет! Говорила, что услышит! — закричала одна мышь. — Тише, а то отнимет у нас нерпу.

— Что нашли? — спрашивает Кукки.

— Да нет, дедушка, ничего, — отвечают мышата.

А сами незаметно прикрыли нерпу сухой морской травой.

— Что ж, однако, тащили по берегу? Вон след остался.

— Да это корневище на берег вытащили.

Задумался Кукки и вдруг говорит:

— Ну-ка полизите мою голову, поищите вшей.

Самая маленькая мышка отвечает:

— Давай, дедушка, я полижу тебя, вшей поищу.

А сестры мыши посмеиваются:

— Сестричка, что это ты! Брось в косматой голове вшей искать.

— Что они говорят? — рассердился Кукки.

— Да говорят, нечего в твоей косматой голове вшей искать.

— А ну-ка, ухватитесь за мои волосы, а ты, самая маленькая, у затылка держись.

Ухватились мыши за волосы, тряхнул головой Кукки, упали мышата в воду, а самая маленькая не упала.

Плачет сестренка:

— И-и, зачем головой тряхнул, сестриц в воду бросил!

— Ничего, вылезут на берег. Они ведь умеют плавать. А теперь покажи, что спрятали. Где оно лежит?

— Мы же сказали тебе, что корневище нашли.

Не верит Кукки. Откинул морскую траву, а под ней маленькая нерпа лежит.

— Зачем же от дедушки прячете? Давай-ка, внучка, пополам разделим!

А мышка была глупая.

— Да, давай разделим, — согласилась.

Разделили, и пошел каждый в свою сторону. Принес Кукки свою ношу домой. Встречает его сын Ауппали и спрашивает:

— О-о, что это, отец, несешь?

— Да вот, маленькую нерпу. Скажи матери, пусть благодарственный обряд исполнит.

Побежал вперед Ауппали:

— Отец маленькую нерпу нашел, надо благодарственный обряд исполнить.

— О-о, маленькая нерпа? — спрашивает Мити.

— Да, маленькая.

Пришел Кукки. А Мити поет и танцует, духов благодарит.

— Ку-у-кки-и уби-и-ил не-е-рпу-у с одни-и-им ласто-о-ом, с одно-о-ой почко-о-ой!

— Ладно, хватит! — говорит Кукки. — Сварите и вынесите пока на улицу. Вынесите и скажите: «Ну, мы все наелись».

— Как же это, зверя добыл, а есть не хочешь, — удивилась Мити.

Вынесли котел с нерпичьим мясом на улицу, а сами тем временем заснули.

А мышата выбрались из воды к пошли домой. Говорит им бабушка-мышь:

— О-о, пришли!

— Да, вот дедушка нерпу пополам разделил и отнял.

— Когда заснет, сходи за ней, — успокоила их бабушка-мышь.

И верно. Пошли мыши все вместе к жилищу Кукки. А Кукки спит и рот раскрыл. Облегчились прямо ему в рот. Вытащили мясо из котла и убежали.

Проснулся Кукки и говорит:

— Мити, принеси-ка нерпятины, а то что-то мышиным калом во рту пахнет.

Вошла жена:

— Нет там ничего, пустой котел.

Рассердился Кукки:

— Ну-ка, пойду я сам! Дай мне маленький котел.

Пошел Кукки. Начал мышиную ярангу трясти.

Говорит бабушка-мышь младшей девочке:

— Смотри, сестрицы гибнут, пойдешь скажи дедушке: «Что ты меня пугаешь? Я ведь дочь Сикulyллана, твоего сына».

Вышла маленькая мышка:

— Дедушка, зачем ты меня пугаешь? Не тряси ярангу, поешь лучше корешки-палкумйат.

А мыши тем временем помочились на эти корешки.

— Пойди поешь!

— А зачем вы нерпу унесли?

— Нет, не унесли. Мы же ее поделили, так вместе и съедим.

— Не верю тебе!

— Старшие сестренки мои гибнут!

— Ну и пусть.

Вошел Кукки в мышиную ярангу.

— Дедушка, послушай меня!

Опомнился Кукки:

— Что это я дочь сына пугаю? Ну-ка, внеси котел!

Вошел Кукки в ярангу, а она рухнула.

— О-о, что это с ярангой случилось! — испугались мыши.

— Да порывом ветра сдуло! — И тут же Кукки снова ее поставил.

— На, ешь корешки-палкумйат! Потом полижут тебя девочки, вшей поищут, — говорит бабушка-мышь.

Облизали девочки ворона. Заснул он.

— Спутайте ему ресницы, — сказала бабушка-мышь.

Спутали ресницы.

— Давай просыпайся, тесь! Уже темнеет.

— Ох и спал же я! Верно, девочки уже причесали меня. Что ж, пойду.

— Как только к яранге будешь подходить, опусти ресницы, — сказала на дорогу бабушка-мышь.

Стал Кукки подходить к яранге, опустил ресницы.

— О-о, словно земля горит! — ничего не видит Кукки. Сердиться стал: — Мити! Мити! — кричит. — Потуши огонь, земля горит!

Сын Ауппали навстречу ему бежит. Хотел было Кукки схватить его, но тут жена подошла и сорвала ресницы.

— Какой ты непослушный! Мыши тебе все ресницы перепутали, не горит земля.

— О-о, вот что они со мной сделали! Пойду еще. Маленький котел дайте!

Снова пошел Кукки к мышам. Тряхнул ярангу мышей. «Больше не поверю этой девчонке», — решил.

Говорит бабушка-мышь внучке:

— Скажи: «Дедушка, зачем меня пугаешь, я дочь Сикулылана».

Мышка так и сказала ворону Кукки.

— Не верю тебе! Зачем мне ресницы спутали?

— Не я это, старшие сестры. Не путала я твои ресницы.

— Не верю!

— Правда, не я, дедушка, Зачем ты меня пугаешь?

— А-а, ты дочь моего сына! Вот на тебе маленький котел!

Опять вошел Кукки в ярангу.

— Ого, опять яранга упала! — закричали мыши.

— Это ветер дунул, — и поставил ворон ярангу.

— Поешь корешков, дедушка!

Поел Кукки корешков.

— Пусть опять полижут тебя девочки, — сказала бабушка-мышь.
Заснул Кукки.

— Разрисуйте ему нос!

Разрисовали ему мыши нос. Будит его бабушка-мышь:

— Просыпайся, уже темнеет, домой идти пора.

— Ох и хорошо я поспал! Ох и крепко!

— Ну-ка, иди попей, — говорит бабушка-мышь.

— Да, верно, пить после корешков хочется.

Пошел Кукки к воде и увидел свое отражение.

— Ох, с каким красивым носом женщина! Ну-ка иди сюда, покажись! О-о, не хочешь! Подожди, домой только схожу, жди!

Сходил домой Кукки. Белый камень, кроильную доску и скребок принес, полог со стойками захватил. Бросил в воду камень. Булькнул он и утонул.

— О-о, понравился, приняла подарок!

Бросил Кукки кроильную доску и скребок. Но они деревянные, тут же всплыли.

— Вот я уже иду, — закутался в покрывало полога и сам прыгнул.

Упал Кукки в реку, и вынесло его в море.

Беспокоится Мити, говорит:

— Куда же Кукки ушел? Пойду-ка на берег моря.

Пошла Мити на берег моря. Видит: полог с палками волной выброшено. Развязала полог, а там Кукки.

— Ревнивая какая. Зачем пришла? — говорит Кукки.

— Вовсе не ревнивая, я и не знала, что ты в пологе был.

Говорит Кукки:

— Пойдем домой, Мити!

— Пойдем. Это все мыши над тобой издеваются, — сказала Мити.

Ушли вороны домой.

15. Евражка и ворон

Вот так. Евражка к реке пошла. Евражино жилище тем временем ворон собою заслонила. Напилась евражка и вернулась к дому. Видит, ворон вход заслонила. Евражка ворону сказала:

— Уйди с дороги: я хочу в свое жилище войти!

Ворон сказал:

— Не пуцуй! Сначала жиру твоих пахов поем!

Евражка сказала:

— Еще раз говорю: пусти! Вот как запою, так и войду!

Ворон сказал:

— Что ж, пой!

Евражка запела:

Пахов моих жир
Захотел поесть.
Сий-ка-та-ка-так!
Сий-ка-та-ка-так!

Затем евражка сказала ворону:

— А теперь зажмурься, наклонись и растопырь ноги! Зажмурился ворон, нагнулся, растопырился. А евражка ему опять:

— Посильнее зажмурься, хорошенько растопырься!

Ворон вот так зажмурился, вот так растопырился.

И снова запела евражка:

Пахов моих жир
Захотел поесть.
Сий-ка-та-ка-так!
Сий-ка-та-ка-так!

Приоткрыл ворон глаза. Евражка опять говорит:

— А ну давай посильнее зажмурься, нагнись да хорошенько растопырься!

Ворон так и сделал. Опять евражка запела:

Пахов моих жир
Захотел поесть.
Сий-ка-та-ка-так!
Сий-ка-та-ка-так!

И проскочила между ног ворона, а он ухватил ее за хвост и оторвал. Заплакала евражка, входит в сени. Бабушка ее спрашивает:

— Что с тобой случилось?

Отвечает евражка:

— Ворон хвост у меня оторвал!

Бабушка спрашивает:

— Где этот ворон?

Евражка сквозь слезы говорит:

— Ох-ой-ой, там, снаружи! Сходи за моим хвостом!

Пошла бабушка. Ворону сказала:

— У тебя моей внучки хвост, отдай мне его!

Ворон говорит:

— Не отдам! Пусть сама придет! Аге-йя-йя, аге-йя-йя!

Бабушка вернулась, внучке сказала:

— Самой тебе велит прийти, аге-йя-йя, аге-йя-йя!

Взяла внучка круглый камень, кровь и кусок сухой кишки и своей бабушке принесла. Бабушка камешек в кусок кишки завернула, в кро-

ви намочила, как есть глаз получился. Вынесла из жилища и ворона позвала:

— Дедушка!

Откликнулся:

— О-о-й!

Сказала ему:

— Отдай мне хвост моей внучки.

Снова ворон сказал:

— Пусть сама придет. Аге-йа-йа, аге-йа-йа!

Бабушка сказала:

— Давай на этот глаз поменяемся!

Ворон закричал:

— Дай-дай-дай-дай-дай!

Поменялись. Взял ворон глаз. Бабушка внучке хвост понесла. Войдя, сказала:

— Вот, тебе хвост принесла! — и прикрепила ей хвост.

А ворон думает: «Где бы мне этим глазом полакомиться? Пожалуй, вон на том холме я его съем. Или, может, дочке отнести? Если отнесу, так самому ничего не останется. Пожалуй, здесь съем». Держит ворон глаз, а с него кровь капает. Ворон от удовольствия вот так причмокивает: «Лу-йуи, лу-йуи!» Решил: «Вот сейчас и съем!» Начал глаз есть да как закричит:

— Ам-ла-хым-м-м, ам-ла-хым-м-м, из-за этой девчонки все свои зубы сломал!

Выплюнул зубы с кровью. Так без зубов и прожил. Конец.

16. Ворон и волк

Ворон катался с горы под обрывом и пел:

А-я-яли, а-я-яли, а-я-яли!

Ко-о-о-ий, а-я-яли!

К нему подошел волк и спросил:

— Можно я с тобой покатаюсь?

Ворон сказал:

— Нельзя тебе кататься. Не удержишься, в воду упадешь!

Волк обиделся на ворона и сказал:

— Да ведь у меня когти есть, тормозить буду. Я сильный, хорошо прокачусь, не упаду!

Ворон ответил:

— Ну что же, покатайся, а я посмотрю!

Покатился волк с горы к обрыву и запел:

Интересно, интересно, га-ге, га-ге-а!

Не удержался над обрывом, упал в воду и пошел ко дну.
Через некоторое время вынырнул и стал просить ворона:

— Братец, вытащи меня! Братец, вытащи меня!

Ворон отвечает ему:

— Не вытащу тебя, ведь говорил, что упадешь!

Ледяной берег высок и крут, самому волку не выбраться. Плавает в студеной воде, просит:

— Братец, вытащи же меня!

Ворон на горе сидит, смеется:

— Не вытащу! Ведь говорил, что упадешь!

Волк замерз, совсем ослаб, плачет, вытащить просит:

— Братец, вытащи меня, ты хороший, умный, вытащи меня!

Ворон смеется, спрашивает:

— Что ты мне дашь?

Волк говорит:

— Шкуру заячью возьмешь у меня!

Ворон отвечает:

— Есть у меня заячья шкура, сам зайцев убиваю.

Волк просит:

— Братец, вытащи меня! Отдам тебе за это свое охотничье снаряжение.

Ворон спокойно отвечает:

— Есть у меня охотничье снаряжение.

Волк совсем ослаб, замерз, плачет, просит ворона:

— Сестру мою возьмешь с тремя полосами на носу.

Ворон сжалился, говорит:

— Эх ты, раньше что же молчал? Вытащу тебя. Только сестру отдай мне!

Вытащил волка, воду из его шерсти выжал.

Волк ворона благодарит, а в душе сердится на него, хочет отомстить ему, потому что ворон смеялся над ним.

— К ночи приведу к тебе сестру, — сказал волк и ушел.

Пообещал он ворону сестру, а у самого никакой сестры нет. Пошел через ущелье, нашел вороний помет. Из вороньего помета женщину сделал. Кончил делать и повел женщину к ворону.

— Вот возьми мою сестру с тремя полосами на носу, — говорит ворону.

Ворон видит красивую девушку, говорит:

— Теперь у меня есть жена!

Волк попрощался, ушел, а ворон с женой стал чай горячий пить. Напившись, спать легли на белые шкуры. В пологе у ворона жарко. Во время сна жена ворона растаяла.

Обиделся ворон на волка, решил отомстить ему.

Утром нашел ворон волка, спрашивает:

— В какую сторону ты идешь?

Волк отвечает:

— Сюда, через ущелье, а ты?

— Туда, через гору.

Волк пошел, а ворон облетел кругом горы и упал на пути волка тушей дикого оленя. Волк подошел, стал есть оленя. Всего съел и заснул.

А ворон в животе у волка каркает:

— Кар, кар, братец, это что у тебя?

Волк вскочил, отвечает:

— Кишки мои!

Ворон выбросил из волка кишки.

Снова каркает:

— Кар, кар, братец, что это у тебя?

Волк с болью отвечает ворону:

— Сердце мое, жизнь моя!

Ворон сердце вырвал. Волк упал и умер. Ворон же сделал дырку в его боку, вышел и, каркая, улетел. Так ворон победил волка.

17. Ворон и сова

Ворон и сова в старину, говорят, белыми были. Встретились однажды они в тундре, ворон и говорит:

— Мы оба белые. Давай покрасим друг друга!

Сова ответила ворону:

— Ну что же, давай попробуем, что из этого выйдет.

Ворон обрадовался, закричал:

— Вот и прекрасно, начнем!

Затем ворон сове сказал:

— Сначала ты меня покрась, а потом я тебя.

Сова ответила:

— Ведь ты первый предложил покраситься, так и начинай тоже первым. Разукрась сначала меня, а потом уж я тебя разукрашу как следует.

Ворон ответил:

— Что же, пусть будет по-твоему: сначала тебя разукрашу.

Взял ворон остатки сгоревшего в светильнике черного жира и стал старательно разукрашивать большим пером из своего хвоста каждое совиное перышко. На каждом перышке нарисовал серые пятнышки: на крыльях побольше, на груди и спине поменьше. Кончив, сказал:

— Ого! Какой прекрасной сделал я тебя. Посмотри теперь сама на себя!

Сова себя со всех сторон оглядела, ответила:

— Правда, красивой я стала, с пятнышками!

Затем ворону сказала:

— А теперь я тебя таким красивым сделаю, каким ты никогда не был. Приготовься!

Ворон в сторону солнца повернулся, глаза прищурил и замер, что-бы сова хорошенько его разрисовала.

Сова так старательно ворона разукрашивала, а он от удовольствия даже не шевелился. Когда сова закончила разукрашивать ворона, осмотрела его со всех сторон, а затем на себя внимательно взглянула. Оказалось, что ворон красивее ее стал. Рассердилась сова, подошла к ворону и облила его с ног до головы остатками сгоревшего жира. Ворон весь почернел. Сова тотчас улетела. Протер ворон глаза и начал кричать:

— Когтистая, глазастая, что ты наделала? Черным сделала, заметным сделала меня!

С тех пор ворон черным стал, остатками жирового нагара от светильника пропитался навсегда. Вот и вся моя сказка.

18. Лисица

Лисица пришла. Старик старый со старухой живет вместе. У них детей нет. Лисица обманула того старика:

— Дед, оленей твоих пушу-ка, я там видела пастбище. Туда оленей пушу.

Старик согласился. Стариковы олени пришли. Пошла пускать лисица. Там убила оленей. Понемногу съела.

Через столько-то дней пошел посмотреть старик. Лисица всех кончила; стариковых оленей кончивши, сказала:

— Дед, ты-ка посмотри поди оленей.

Старик пошел посмотреть, лисица всех оленей съела.

Тот старик вернулся домой. Не доходя до дома, издали старухе стал рассказывать, идет, кричит:

— Плачь, старуха, лисица оленей съела.

Старуха хорошо не расслышала. Лисица также рассказывать стала, сказала:

— Дед говорит: старуха, лисица оленей жирными сделала, огниво дай, брусок, шило дай.

Та старуха огниво дала, брусок дала, шило дала.

До прихода старика лисица, когда все старуха дала, убежала, туда ушла.

19. Лисица и медведь

Лисица шла, шла, встретила медведя. Темно было. Лисица сказала медведю:

— Ляжем спать на верхушке скалы, на гладкой.

Медведь согласился. Лисица сказала:

— Если скажу повыше, двинься повыше.

Так заснули. Когда настала полночь, лисица перескочила через, сказала:

— Выше! Выше!

Медведь во сне, не понимая, покатился, разбился у подножия скалы. Лисица съела кишки, сделала колбасу.

Потом ушла. Шла, шла, увидела росомаху, рубящую из дерева лыжи. Колбасу в рот сунула лисица. Лисица сказала:

— Я ем язык свой, вкусный. На, попробуй!

Росомаха съела, сказала: «Вкусно». Потом свой язык отрезала росомаха, умерла.

Лисица последовала по следу росомахи. Лыжные доски взяла. Дошла до дому. Когда начало темнеть, лисица стала ложиться спать с женой росомахи. Жена росомахи сказала:

— С чего такой верткий?

Парни стали чужим признавать его, стали бить. Так, колотя его, разрубили мать свою поперек, лисица увернулась. До сих пор росомаха осталась короткой.

20. Лиса и медведь

Однажды встретились медведь и лиса. Лиса спросила у медведя:

— Кого ты больше всех боишься, кум?

Медведь ответил:

— Я больше всех боюсь глухарей, когда они летают. А ты кого боишься?

— Я больше всех боюсь людей.

И лиса предложила:

— Сделаем друг другу услугу. Я наполню эту яму убитыми глухарями, а ты наполнишь людьми.

И стала лиса быстреонько закидывать яму глухарями.

Медведь вернулся с охоты поздно, весь израненный. Медведю нужно было лечиться, и он попросил лису пошаманить над ним. Лиса повела его на край высокой скалы и сзади разложила костер. Когда костер разгорелся, медведю стало жарко, он попятился и свалился в пропасть.

С тех пор в этих местах лиса одна охотится.

21. Похождения лисицы

В старину, когда земля создавалась, звери и крылатые птицы говорить умели. Так прожили один век. Пришло наводнение Адама, земля вся в огне стала.

И вот в то самое время лисица в огонь попала, никуда не может выйти. «Неужели у огня нет хозяина-духа? Почему огонь не понимает, когда его упрасивают? Неужели я пропаду? Как-нибудь меня пощади, хотя бы один конец хвоста мне оставить!» Вот у этой лисицы вся шерсть сгорает. Огонь, как только дошел до конца хвоста, погас. Вот она голая убегает, летом отрастает у нее рыжая шерсть, подобная пламени огня. (Раньше до этого лиса серая была, говорят.) Вот убегает.

В другой стране не было пожара, там обосновалась она жить, женщиной обзавелась. Эта лиса мышелова-птицу находит, у того тоже свой дом и своя женщина. Мышелов и лиса соседями будто становятся. И вот на охоту собираются вместе идти. Нашли людей со стадами оленей и сказали друг другу:

— Вот из этого стада давай украдем себе оленей!

Украли несколько оленят. Лисица, отделив их, угнала. Пригнав, на речном мысу стала пасти. И вот однажды, походив вместе, пришли к этому своему стаду. Лисица сказала мышелову:

— Ну нашли мы у здешних жителей оленей! Из них жирного быка убей.

— Что это, как будто мой олень? — сказал мышелов.

На это лисица:

— Нет, нет, олень другого хозяина!

И вот, друг ее того оленя убил, затем сказал:

— Как он на моего оленя похож!

Лисица на это ответила:

— Какой ты глупый! Человек на человека похож бывает, олень на оленя похож бывает. Давай посмотрим, близко ли их хозяев жилища, — сказала.

Вот чумы находят. Вот два чума их собственные стоят. Лисица сказала:

— Ты иди жителей одного чума убей; я пойду жителей другого чума убью. Может быть, когда ты зайдешь в чум, там окажется женщина, похожая на твою жену, и дети, похожие на твоих детей. Смотри, не вздумай их пожалеть; они упрасивать будут, называя тебя отцом, но ты им не верь, всех убей.

Вот уходят к чумам. Лисица пришла в свой чум и стала прикусывать своим детям зубами уши; когда они закричали, мышелов, услышав, подумал, что это лиса убивает обитателей чума. И вот мышелов зашел в свой чум и убил свою жену и детей, хотя они называли его своим отцом, кричали и упрасивали.

Лиса говорила:

— Если ты раньше расправишься, приходи ко мне, и мы разделим богатство.

Расправившись со своими, пошел мышелов в чум лисицы. Видит, она никого не убивала, вместе с детьми своими сидит, пьет чай. Вот увидел это мышелов, понял, что лиса его обманула. Видя, что все равно ничего не поделают — раз лиса сильнее его, — он ничего не сказал, только подумал: «Я тебе отомщу».

Вот осенью решили они идти на охоту за дикими оленями. Подошли к реке, такой широкой, что не видать другого берега. Мышелов перелетел реку и, прилетев обратно, сказал:

— На той стороне много диких оленей.

Лиса говорит:

— Как я пойду? Лед не выдержит.

Мышелов на это ответил:

— Выдержит, — и сам, ударя крыльями, пошел по тонкому льду, не показывая виду, что там есть полыньи.

После этого лиса пошла по заберегу, увидела, что лед довольно толстый, попробовала пойти дальше и провалилась в воду. И вот, провалившись, рыбью мать увидела. Вот эта рыбья мать больная лежала. Около нее много рыб собралось. Эта лиса сказала им:

— Давно ли матушка ваша болеет? Вот я ее поправлю. Я очень большой шаман. Только вы мне поставьте палку, по которой я могла бы выйти на поверхность льда. Это время, пока вы будете ставить, я буду лежать и лечить вашу матушку.

Вот рыбы палку поставили для выхода на поверхность льда.

— Ну что, поставили? — спросила лиса.

— Поставили, — отвечают.

— Матушка ваша станет кричать; смотрите не вздумайте раскрывать одеяло, будет она кричать, призывать на помощь, не верьте, это я буду лечить ее, — сказала лиса, полезла под одеяло и легла, покрывшись, рядом с матерью рыб. Мать рыбья стала кричать:

— Спасите, он меня грызет!

Предупрежденные рыбы все стояли и ждали, и ни одна не пришла на помощь. Вот, когда все затихло, лисица вылезла из-под одеяла, сказала:

— Ну, раскройте теперь! — а сама по шести вверх убежала.

Когда рыбы раскрыли одеяло, вместо своей матери нашли одни изгрызанные кости. Что поделают? Только и могли, что расплескались хвостом с горя.

Вот лисица бежала, бежала и увидела — по рёлке одна женщина кочует, едет. (В старину женщины одни кочевали, без мужей, пока те охотились.) Этой женщине лиса сказала:

— Спаси, устала я, до какого-нибудь места доведи меня!

Тогда женщина ее сзади себя на санки посадила. И вот, под лисой оказалась целая сума с мелко накрошенным жирным вяленым мясом. Лисица начинает есть мясо. Женщина сказала:

— Скажи мне, как называется эта местность, я не знаю.

Лисица ответила:

— Обшивка называется эта местность.

Дальше опять спрашивает женщина:

— Как называется эта местность?

— Полсумы называется эта местность, — сказала лиса, съевши в это время мясо до половины сумы.

Дальше опять спросила женщина:

— Как называется эта местность?

Лисица ответила:

— Доньшко, — и вот, все мясо доев, выпрыгнула из санок. Шла, шла и вдруг нашла медведя. Медведь сказал:

— Я тебя съем.

Лиса на это сказала:

— Зачем же ты меня сейчас будешь есть? Смотри, лицо мое какое стало острое, я так сильно похудела. Подожди, я высплусь и ожирею, тогда и съешь меня.

Вот улеглись оба спать на краю крутой горы; лисица у самого края обрыва, медведь к лесу. Когда медведь заснул, лисица обошла его и легла с другой стороны, так что медведь остался лежать на краю обрыва. Через некоторое время она говорит медведю:

— Дедушка, подвинься дальше, а то ты меня вниз столкнешь.

Медведь спросонья стал подвигаться, да и свалился с горы вниз. Вот лисица пожилась мясом медведя, кусочки его жира сухожилиями привязала к основанию хвоста. Шла, шла да и набрела на человека. Было уже темно, человек обтесывал полоз.

— Здравствуй, откуда ты идешь? — поздоровался человек.

Лиса сказала:

— Я туда захожу, где есть чум.

Человек сказал:

— Я имею двух женщин.

Лиса спросила:

— В одну ли ночь посещаешь их обеих сразу?

— Нет, — сказал, — по очереди хожу.

— Сегодня ты к какой женщине придешь?

— Вчера ночью я спал с беременной женой, а сегодня с небеременной буду лежать.

Лиса, из-под хвоста жир доставая, ела, сидела. Человек спросил:

— Что это ты ешь?

— Penis свой ем, — сказала.

— Зачем ты обманываешь? — сказал человек.

— Нет, не обманываю, — ответила лиса, — разве ты до сих пор не знал? Очень вкусно, на попробуй, — и протянула ему кусок жира.

Показалось ему очень вкусно. Человек положил свой penis на полоз и ударил топором и тотчас же умер. Вот тогда лиса взяла полоз вместе с топором и пошла к чуму человека. Подойдя к чуму, закричала его детям:

— Вынесите мне скобель!

— Ну, скорее, отец ваш закричал, — сказали жены.

Дети вынесли и отдали скобель. Отец все как-то странно прятал лицо, но все же дети заметили, что лицо у отца как будто стало тоньше, и, войдя, спросили у матерей:

— Скажите, почему у отца лицо стало тонкое?

— Как не будет тонкое — видите, как он с утра до ночи работает, вот и худеет, — сказали жены.

Лиса вошла и стала есть в полутьме, стоя около небеременной жены. Когда огонь погас, лиса залезла в кровать к женщине. Та сразу догадалась, что это не муж, скорее вскочила и схватила два топора, один дала беременной. В темноте, вместо того чтобы разрубить лису, они по ошибке разрубили живот беременной, а лисицы как не было — давно убежала.

Вот в одном месте волка нашла.

— Я тебя съем, — сказал волк.

— Нет, потом съешь, сначала попробуй моей еды, — сказала и дала кусочек жира из-под хвоста.

— Откуда ты такое вкусное достала? — спросил волк.

— Да, это мудреное дело, только нетрудное. Возьми, спусти в прорубь хвост и сиди так три дня, вот и вытянешь на хвосте много жиру.

Вот прорублен лед. Вот спустил волк свой хвост в прорубь. Лиса сказала:

— Три дня сиди и жди: если лед будет трещать, то, значит, там наваливают на хвост много еды, привезя на санках.

Сидит и ожидает волк, а лисицы давно уж нет, убежала. Потянул волк хвост — не идет. «Вот, — думает, — много будет жиру!» Не вытерпел, стал скакать и завыл от боли, хвост оторвал. Убежал, встретил много волков. Спросил:

— Не приходила ли сюда лиса?

— Да приходила, — сказали, — вот об мерзлый оленин желудок поломала передний зуб и убежала.

Пошел волк дальше; видит — около костра собралось много лисиц, только не узнает, какая это из них обманула его. «Давай рассмешу их, тогда и узнаю по обломанному зубу», — подумал волк.

— Вот я детей моих рассмешу, — сказал, задом сядясь на пепел, и, измазавшись, стал смешно танцевать.

Все засмеялись, только одна лисица, сжав зубы: «мы, мы» — смеялась. Тогда волк и узнал, сразу накинудся и разорвал обманщика.

22. Бедняк и богач

Богатый старик со старухой жили в своем доме, и бедный старик со старухой тоже в своем доме жили. Вот бедный старик привязал к поясу котел, привязал сушеную рыбу себе в пищу и отправился в тайгу. В тайге он лег. К нему подошла лиса и говорит: «Отчего это дедушка помер? Сказать, что от голода, так ведь у него юкола на поясе». Лиса крикнула: «Медведь, иди сюда! Отчего умер этот старик? Давай-ка поможем ему!» Прибежали медведи, соболи, зайцы, хорьки, горностаи, рыси: «Давайте отнесем дедушку домой!» Несут старика к дому. Старуха смотрит — уйма зверей старика несет. Старуха заткнула в доме все щели. Пришли звери, принесли старика домой. Лиса говорит: «Давайте внесем в дом! Подождите разбежаться!»

Только внесли старика в дом, как старуха тут же закрыла дверь. Старик вскочил. Схватили старик со старухой крюки для подвешивания котлов и принялись колотить ими зверей. Медведь выскочил через дымовое отверстие. Всю шкуру сажей перепачкал. Вслед за ним сбежала лиса. Ее ударили по лапам и по ушам. От этого лапы и уши у нее почернели. Хорька ударили по носу. У него нос почернел. У горностаи почернел хвост. И рысь ударили по ушам да по лапам. Они тоже слегка почернели. Соболя ударили обугленной головешкой, и он стал совсем черным. Перебили кучу зверей, и лишь немногие убежали.

Приходят к бедным старику и старухе в гости богатый старик со старухой. «Где ты, старик, добыл так много зверя?» — «Набери, — говорит старик, — побольше ягод шиповника, положи в котел, а сам ложись. Тогда к тебе придет много зверей». А бедная старуха говорит богатой: «Только ты щелей в своем доме не затыкай». Пошел богатый старик в тайгу. Набрал ягод шиповника, хорошенько наелся, насыпал в котел и лег. Приходит лиса. «Отчего это богатый старик умер? Сказать, что от голода, так у него же ведь ягоды шиповника в котле лежат». Лиса крикнула: «Медведь, иди сюда!» Пришли медведи, соболи, зайцы, хорьки, горностаи, рыси: «Давайте отнесем богатого старика домой!» Понесли. «Давайте, — говорит лиса, — внесем его в дом!» Внесли в дом. Тут старик ожил. Стали они со старухой колотить зверей. Ни одного не убили. Все звери сбежали через щели. С тех пор бедный старик стал богачом, а богатый — бедняком. Так они и жили. Всё.

23. Сказка про лиса

Жили-были старик со старухой. У них была одна дочь. Лис-куманек взял ее в жены.

Старик со старухой жили отдельно, а их зять лис-куманек жил в тундре. Они стали ходить в лес охотиться. Они добывали на охоте мясо. Старик отнес мясо на сохранение зятю. Старушка стала просить старичка:

— Сходи посмотри, как живут зять-лис с нашей дочерью и цело ли у них наше мясо.

Старик пошел. Он долго шел, так как дом лиса-зятя был далеко в тундре. Старик еще не дошел до их дома, как вдруг ему навстречу вышел зять-лис и спрашивает:

— Зачем пришел?

А старик у него спрашивает:

— Как вы живете? Как у вас наше мясо сохраняется?

Зять-лис сказал:

— Мясо в сохранности. Ни ворон его не ест, ни мыши. А твоя дочь родила мне сына, по имени Начало.

Старик пришел домой и говорит жене:

— Мясо в порядке. А наша дочь родила сына, по имени Начало.

Прошло несколько дней. Старуха опять стала просить старика проведать дочь и посмотреть, как у зятя-лиса сохраняется их мясо. Старик пошел, и навстречу ему вышел зять-лис. Он спросил старика:

— Ты зачем пришел?

Старик спросил:

— Как наше мясо сохраняется?

Зять ответил:

— Ваше мясо хорошо сохраняется. У вашей дочери родился сын, по имени Середина.

Старичок пришел домой и сказал старушке:

— У нашей дочери опять родился сын, по имени Середина.

Через некоторое время старушка опять послала старика проверить, как сохраняется мясо и как живет их дочь.

Старичок пошел в тундру, а зять-лис вышел к нему навстречу. Старичок спросил:

— Как у вас мясо сохраняется?

Зять ответил:

— Мясо хорошо сохраняется. Его ни ворон не ест, ни мыши. У вашей дочери родился сын, по имени Конец. Завтра приходите к нам к гости.

Старичок пришел домой к старушке и говорит:

— Мясо в целости. У нашей дочери родился сын, по имени Конец.

Старушка заплакала:

— Ой, они все наше мясо съели.

А зять-лис в это время, когда все мясо уже было съедено, убил свою жену. У него были товарищи: дедушка-медведь и дяденька-волк.

Лис-куманек положил убитую жену в керешку-нарту, а дедушка-медведь и дяденька-волк стали на себе тащить керешку. Тащили, тащили и спрашивают:

— Лис-куманек, лис-куманек, какая будет нам плата?

А лис отвечает:

— Тащить и есть.

Старик со старушкой пошли к зятю-лису в гости. Пришли они и видят — их дочь стоит на улице. Старушка говорит:

— Вот как она нас дожидается.

Подошли поближе и видят, что это не их дочь, а пень стоит, одетый в ее одежду. Тут они заплакали. Нет ни дочери, ни мяса. Звери увезли нарту с убитой женой лиса и съели ее. К ним еще присоединились песец, заяц, белка и выдра. Дедушка-медведь говорит лису:

— Дай нам есть!

Лис сказал:

— Подожди, я рассчитаю. Я сам — хороший человек. Дедушка-медведь — хороший человек. Дяденька-волк — хороший человек. Песец — хороший человек. Выдра — хороший человек. Заяц — хороший человек. Белка — плохой человек.

Они белку съели. Опять стали голодные. Опять лис стал считать, и они съели зайца. Затем по очереди съели выдру и песца, а волк испугался и убежал в лес.

Теперь лис-куманек да дедушка-медведь стали вместе ходить. Они увидели дятла с красивой спинкой. Лис-куманек говорит:

— Я разрисовал спину у этой птички.

Медведь говорит:

— Разрисуй и мне спину.

Лис говорит:

— Разрисовал бы, да много здесь будет работы.

Медведь-дедушка говорит:

— Я все сам сделаю. Только ты мне разрисуй спину.

Медведь-дедушка все сам сделал: дров достал, берестовые веревки сплел, растопки приготовил, а сам сел на костер, как велел ему лис-куманек. А лис-куманек привязал его к бревнам костра берестяными веревками и зажег костер. Медведь загорелся и кричит:

— Лис-куманек, я горю!

Лис говорит:

— Неужели ты не можешь потерпеть, как дятел терпел? Спина красивая станет.

Дедушка-медведь выл-выл и сгорел. Лис-куманек убежал.

Через три дня он пришел посмотреть, как сгорел медведь. Он тихонько подкрался. Медведь весь сгорел. Только кости остались. Лис-куманек сложил кости в мешок, положил мешок себе на спину и стал ходить один по лесу. Навстречу ему вышел человек. Он спросил лиса-куманька:

— Что ты несешь?

Лис-куманек ответил:

— Я несу память медведя.

Человек говорит:

— Отдай мне память медведя.

Лис говорит:

— Не отдам. Она мне дорога.

Человек говорит:

— Сменяемся на жирную важенку.

Лис-куманек согласился. Он взял важенку и унес ее в лес.

Он стал есть важенку один, без товарищей. От жадности лис так много съел, что ему стало плохо, и он издох.

24. Лиса и саам

Жили лисица и саам, жили очень дружно. Мужик пошел на охоту. Мужик только что ушел, лисичка натянула на палочку пойду и стала жарить у камелька. Сало каплет — она лежит; у нее все лицо сгорело. Мужик как пришел, как плеснет воды в камелек — она и не услышала. Пойда от палочки отлетела и прямо ей в глаза; она и ослепла, не видит ничего. Саам пришел, она и говорит:

— Кто-то воды налил в камелек, и сало в глаза пошло; у меня все глаза сгорели.

Мужик и говорит:

— Пойдем со мной, поправим твои глаза.

Мужик привел лисицу к дереву — к сосне. Лисица стала кланяться:

— Сосна-матушка! Дай мне глаза.

Мужик отодрал кусок смолы и прилепил к глазам лисицы. Она и говорит:

— Вижу, только слипаются глаза, открыть не могу.

Он и говорит:

— Пойдем посетим березу.

Пришли к березе.

— Береза-матушка, — говорит лисица, — дай мне глаза, — и кланяется.

Береза дала лисице глаза, только узкие; прилепила кусочек бересты к глазам, и лисица стала видеть и говорит: «Вижу».

Тогда мужик говорит:

— Коли видишь, иди одна домой.

Она и пошла домой, а он за ней. Лисица видит — на дороге дерево скривилось, а лисица другая под деревом яму копает, она и думает, что дом. Мужик и говорит:

— Куда ты пихаешься, ведь это не дом.

Она говорит:

— Полно молоть-то, это дом наш.

Мужик стал лисицу за хвост дергать. Он дергал-дергал за хвост — и хвост выдернул.

Потом мужик пошел домой, а лисица тут под деревом и осталась жить.

Мужик стал искать, искать — нет ли чего у лисицы; искал и нашел золота и серебра много. Стал жить и богатеть.

25. Медведь и бурундук

Медведь всю зиму спал в своей берлоге. Когда же снег стал таять от солнца и побежали первые ручьи, медведь проснулся. Вышел он из берлоги голодный. Ведь всю зиму ничего не ел.

Пошел медведь искать себе пищу. Искал-искал — ничего не нашел. Встретил он по дороге пень. Рассердился, обхватил пень и стал его выворачивать. Но не смог выворотить, потому что был голодный и слабый.

Из-под пня выскочил бурундук. Бурундук тоже, как и медведь, всю зиму спал в своей норе под пнем.

— Дедушка, почему ты такой сердитый?

— Очень есть хочу. Нет ли чего-нибудь у тебя поесть?

— Сейчас принесу, — ответил бурундук.

Забрался он в свою нору и вынес оттуда много сладких корней и орехов — свой осенний запас.

— Ешь, дедушка, — говорит он медведю.

Медведь съел и сказал:

— Хоть ты и маленький зверек, но хороший.

Медведь погладил бурундука своей когтистой лапой. От этого у бурундука на спине появились черные полосы.

С тех пор у всех бурундуков на спине черные полосы.

26. Олешек и мышка

Бежала куда-то мышка. Долго ли, коротко ли бежала, повстречала олешка.

Мышка спросила:

— Друг олешек, куда и откуда идешь?

При таких словах олешек поднял голову и говорит:

— Разве не видишь? За четырьмя ногами своими я гоняюсь.

Тогда мышка сказала:

— Ты тоже, оказывается, неизвестно куда идешь. Пойдем-ка вместе!

— Ну что же, пойдем вместе.

Дружно вместе пошли. Олешек во время ходьбы голову набок наклоняет, зубами поскрипывает, глаза у него прищурены. Мышка рядом бежит. За оленем едва поспекает.

Долго ли, коротко ли так шли, много раз терял олешек из виду мышку, только по писку ее находил:

— Ах, друг мой, хороший друг, ты тут, оказывается!

Через некоторое время мышка первая заговорила:

— Олешек, давай играть в прятки!

Олешек словно и ждал этих слов, сказал:

— Давай, давай играть в прятки!

Мышка спросила:

— Кто же из нас будет первым прятаться?

Олешек сразу ответил:

— Ты маленькая ростом. Закрой глаза, я спрячусь.

При таких словах мышка шмыгнула в мышиную норку.

Олешек побежал. Улегся во впадину высохшего ручья.

Вот начала мышка искать олешка. Долго ли, коротко ли искала она олешка, найти не могла. Совсем из сил выбилась. Тут подумала: «Этого великана я хитростью возьму».

Закричала мышка во весь голос:

— Олешек! Ты спрятался, а рога у тебя видны!

Услышав это, олешек подумал: «Эх, как же это забыл я спрятать свои рога? Плохо!»

Вышел олешек из ложбины. Пошел по направлению к мышке.

Увидев его, мышка сказала:

— Теперь моя очередь. Теперь я спрячусь.

Разве может мышка далеко уйти? Тут же под ногами спряталась.

Стал олешек искать мышку. Долго ее искал. Да разве мышку найдешь? Пока искал олешек мышку, устал, есть захотел. Начал олешек есть ягель возле того места, где спряталась мышка. Вместе с ягелем проглотил он и спрятавшуюся мышку.

Поел олешек и отдыхать улегся. Прогрызла мышка дырочку между ребрами олешка, вышла и говорит:

— Эх, олешек, хоть и велик ты ростом, а глуп. Вот я маленькая, а сильнее тебя оказалась. Этого мяса теперь и детям моих детей хватит.

Хотела мышка снять шкуру с олешка, но, куда ни ткнется носом, повсюду шерсть.

Позвала мышка чайку:

— Чайка, чайка, я добыла олешка. Сними с него шкуру.

Начала чайка снимать шкуру с олешка — не смогла.

Позвала мышка ворона:

— Ворон, ворон, я добыла олешка. Иди-ка сними с него шкуру.

Прилетел ворон. Хотел было снимать шкуру с олешка — да не смог, только глаза выклевал.

Задумалась мышка: «Кто же снимет с олешка шкуру?»

Смотрит, идут лисица и волк.

Лисица сразу заговорила:

— Молодец, мышка! Какого хорошего оленя добыла. Ты, наверное, очень устала. Ступай-ка, поспи. Мы с волком вдвоем шкуру снимем. Как будет готово, разбудим тебя.

Услышав ласковые слова лисички, подложила мышка под голову переднюю лапку и заснула.

Вот через некоторое время лисичка закричала:

— Мышка, вставай! Мясо готово. Кушай!

Вскочила мышка, подбежала к тому месту, где олень лежал. И что же? Остались от оленя только рога да копыта, а лисички и волка и след простыл. Рассердилась мышь. Стала хиреть, хиреть и вскоре умерла.

27. Чирок и беркут

В южной стране птицы всем обществом устроили большое собрание, говоря: «Наша земля-страна летом, когда очень жарко и знойно, делается без воды; наши родимые яйца все гниют, погибают. Выбрав себе господина, пошлем на север искать землю-страну!»

И скучившись, собравшись, выбрали себе господином беркута, сказав ему: «Ты человек, садыщийся на сухих безводных местах, ты можешь питаться четвероногими и птицами. Ты лучше нас и величиною, и разумом, ты и отправляйся».

Распростившись с госпожою-женою и детьми, беркут полетел, бросая на землю большую черную тень.

После того как господин беркут отправился, чрезмерно маленькая птичка по названию чирок, утка с очень красивыми перьями и пухом, стал увиваться около госпожи беркута. Заметила это госпожа и дала ему какое-то поручение. Чирок оказался весьма расторопным человеком, на ходу оказался очень скорый. Потом госпожа с ним сдружилась, сперва полюбились, а потом вошли в любовную связь. Счастье-блаженство чирку; целый год жил мужем той госпожи.

По прошествии целого года господин беркут прилетел, бросая большую мрачную тень. Когда он прилетел, собрался весь летающий птичий люд, говоря: «Алаатыка, ой, какие слова, какого содержания вести привез, наш светлый господин? В каких местах побывал? Услышать бы поскорее!»

— Ну, господин наш, в каком же ты месте, в какого вида стране побывал? — спрашивали они.

— Э, напрасно туда и ходил. Для птиц, сающихся на деревья, там нет ни одного дерева; для птиц, плавающих на воде, нет ни одного озера, ни одной ложбины с водой для плавания. Густым туманом, ветром, вихрем крутит эта земля! — сказал беркут.

— Тыый, что это, парень, уйди! Муж прилетел, — сказала госпожа беркута прилетавшему к ней, быстро взмахивавшему крылышками чирку.

— Потому-то вот я и прилетел. В обществе обо мне никто не спросит, говоря: «Где, куда он ушел?» Разойдемся лучше, простившись, полюбившись, сказавши друг другу заветные слова.

Залез чирок в громаднейшее гнездо беркута, лежал целуясь-нюхаясь с госпожой. Вдруг увидел: летит, возвращается беркут.

— Ой, куда я пойду и спрячусь? Если выйду, увидит, — сказал чирок.

— Возьми, сядь на сучок под гнездом, теперь темно, близорукая птица не увидит, — сказала госпожа беркута.

Чирок сел, прицепившись к суку.

Прилетевший господин беркут сказал жене:

— Ну, друг! Снаряжай-ка ноги своих детей. Там, на севере, превосходнейшее место, оказывается. И прохлады столько, сколько надо, и лесу столько, и, чтобы защититься, камней сколько надо, и животных-бегающих, и охоты-добычи столько!

— Сколько народа туда идет? — спросила госпожа беркута.

— Нет! Я сказал им, что эта страна крутит ветром и морозом, которого никто не сможет перенести. Для чего я им правду скажу? Мы сами, переселившись туда, станем господином и госпожой, свободно расплодимся, — говорит голос господина беркута.

Потом послышался звук, кажется, начал он целовать-любить свою жену. Что будет делать человек, не встречавший ее целый год? Услышав это, чирок в мыслях ревнует. Человек, целый год пользовавшийся ею как женою, тоже не виноват. Ревнуя в мыслях, вскричал: «Чус!» — и слетел проворно. Испугавшись этого, господин беркут с возгласом «Ой!» встрепенулся, гнездо его и свалилось от этого.

— Это чей голос? — спросил он у жены.

— Спрашивает еще, что это чей голос. Разве это не звук сломавшегося и упавшего сука? — отвечает жена.

— Так ли это? — говорит господин беркут.

Когда утром собралось собрание, пришел чирок и рассказал:

— Так и так, оказывается, на севере хорошая земля.

— А ты почему знаешь? — спросили его.

— Да я залез под гнездо господина беркута, думая, что он расскажет своей жене. Когда я сидел, он и рассказал. Да еще у него гнездо свалилось, поэтому вы узнаете, что я говорю правду, — сказал чирок.

— Ну, если твоя правда, то мы выберем другую почетную птицу. Так начавши, нельзя оставить.

Вот пришел господин беркут беркут шагом, не торопясь.

— Каково ночевали, старец? — спросили все.

— Гнездо мое свалилось, — сказал господин беркут.

На то народ перемигнулся: «Значит, чирок правду сказал», и собравшийся народ сказал свое слово:

— Вот ты как, господин старец беркут, сказал, что там никто не может жить. Не с радостью мы это выслушали, мы думали, что там непременно должно быть хорошее место. Как бы ты ни желал нам добра, может быть, ты не попал на него. А если лететь туда, откуда приходит прохладный ветер, то там непременно должно быть хорошее место. Мы думаем послать другую почетную птицу. За то, что мы с тебя снимаем должность, будешь ли ты обижаться? Ведь таков закон! — сказали.

— Зачем стану обижаться? Обижаться тут неуместно, — ответил беркут.

На то весь пернатый крылатый люд, называемый птицами, обратившись к журавлю, сказал:

— Господин журавль, ты являешься почетным старцем, лучшим из нас. И летаешь хорошо, и собой очень видный, и на сухом месте ты спускаешься, садишься, и червей-гадов ешь. А встретится вода — будешь пешком бродить и есть. Поэтому мы тебя выбираем и господином нашим, и для того, чтобы пойти осмотреть это место и прийти.

— Да, хорошо, пойду. Благодарю, что выбрали, — сказал журавль и потом вошел в середину народного собрания.

Говорят, тогда была маленькая, невзрачная, короткая утка по названию лахаатта. Вставши, эта утка сказала:

— Досада какая! Устроив собрание общества, выбрали самую бестолковую птицу! Это животное только тем и скотина, что ноги длинные, только своим вечерним дурацким криком, только вытянутой шеей и берет. Какая память, какой ум, думаете вы, есть в голове, внутри этого животного? По моему мнению, этот зверь дойдет до какого-нибудь озера, наестся по горло лягушками, ящерицами да и воротится.

Услыхавши это, журавль напал на лахаатту. Напавши, разве не пересилит — избил ее так, что она не могла стоять. Переломал кости

крыла и ноги, собирался жизни лишиться, да народ спас. Едва дыхание осталось у лахаатты, лежит она и говорит:

— Ой, ой, больно, невыносимо больно! О несчастье мое, мученье! Это, должно быть, называют, что кто бы ни был волен говорить среди общества какое бы то ни было слово, а если скажет виновное слово и вина его докажется народом, то за вину будет отвечать. Посмотрите, какой умный, хладнокровный у вас выбранный человек! Ой, как горько убил!

— В самом деле, напрасно ты, господин наш, так рассудил. Все равно ее вина была бы доказана. Мы за это с тебя должность сняли бы, да другого достойного нет, — сказали птицы.

На то лахаатта, лежа, визжит:

— Что за досадные! Говорят, что нет никого достойного! Разве не видите, вон сидит молодец орел и по имени-то господин. Кто увидит так далеко, как он? Кто может летать так высоко, как он? Кто умен и великодушен, как он? Вы другие, будете еще запутываться в длине одного своего клюва.

— Ведь, в самом деле, он наш природный, лучший, почетный, умный и сильный. И правда, кто сходит туда, куда он не сходит? Кто рассудит то, что он не рассудит? Выберем его, попросим! — сказавши, шумно выбрали орла и послали.

Птица-орел, прилетев со свистом, осмотрел эти места; прибыв назад, рассказал:

— Такие-то отличные места, что ни один птенец не погибнет, ни одно яйцо не сгниет.

Вот все собрались шумно, чтобы отправиться сюда. Тут и скажи птица, называемая лахаатта:

— Если я здесь одна останусь, разве я не умру?

Все, собравшись, распорядились так:

— Надо, чтобы журавль садил себе на спину птицу, называемую лахаатта, когда он отправляется в ту страну и когда возвращается отсюда. Ведь он виноват, что сломал ей руки и ноги.

Поэтому журавли перестали как следует перелетать сюда. Беркут живет с тех пор, прячась по лесам. Лахаатта, ныне имя богоргонопоганка, сюда она не приходит, не прилетает. Так этим и кончается.

28. Глухарь, утка и гусь

Однажды утка и гусь встретили старого глухаря.

— Глухарь, полетим с нами на юг, — сказали они, — а то ведь зиму ты здесь пропадешь с голоду.

— Нет, я не полечу с вами, — ответил глухарь. — Если я улечу отсюда, трудно тогда будет людям.

— А мы полетим. Не станем зимовать. Здесь холодно. Человек без нас не умрет. Зимой он может добывать и есть рыбу. Рыба никуда не уйдет: она здесь, в озерах, живет зиму и лето. А для человека есть еще и другая пища.

Глухарь на это сказал утке с гусем:

— Когда настанут сильные морозы, озера и реки застынут, покроются толстым льдом — тогда людям будет тяжело добывать рыбу. Без меня они умрут с голоду.

— Сам-то ты что будешь есть зимой? Скажи нам.

Глухарь сказал:

— Пищи у меня много. Зимой я буду есть кедровую хвою.

— На этой пище ты долго не проживешь. Если ты не хочешь с нами лететь, то мы тебя заставим лететь.

Гусь и утка схватили глухаря под зоб и потащили в теплые края. Глухарь так заплакал, что от слез у него покраснели перышки у бровей. Утка с гусем бросили глухаря и улетели на юг. Вот теперь у глухаря от слез всегда брови красные.

29. Как паук стал маленьким

У одного набиа был слон, который умел играть в вари. Выигрывая у людей, он так радовался, что начинал хохотать и размахивать хвостом.

Однажды паук, наблюдая это, подумал: «Хорошо бы в такой момент прыгнуть к слону под хвост, проникнуть в его внутренности и набрать там мяса побольше». Задумано — сделано. На другой день паук взял нож и мешок и отправился к дому набиа. Скоро около дома началась игра в вари. Первую же партию выиграл слон. Обрадовался он, захохотал, поднял хвост, а Патыринарга только того и ждал. Вмиг очутился он у слона под хвостом, пролез в его внутренности, стал быстро отрезать ножом мясо и прятать в мешок. А когда слон снова захохотал, паук выскочил из него и побежал домой.

Каждый день паук стал ходить на добычу в утробу слона. Сытно зажила паучья семья. А время было голодное, и приятель паука Кундунгу был удивлен, что паук так раздобыл.

— Что ж ты, — упрекнул его Кундунгу, — говоришь, ты мне друг, а не можешь научить меня добывать пищу!

— Хорошо, — сказал паук, — завтра пойдем вместе.

Назавтра пошли они вдвоем к дому набиа. Паук стал учить Кундунгу, что надо делать, но попросил не трогать сердце слона, ведь, если слон умрет, им не выбраться. Кундунгу обещал повиноваться пауку, но, едва очутились они в брюхе слона, Кундунгу не выдержал, устремился к его сердцу и уже щелкнул было зубами, но паук вовремя

оттащил его за хвост. Однако сердце слона было таким жирным и аппетитным, что Кундунгу не в силах был противиться соблазну, и, когда паук, забыв о нем, отвернулся, Кундунгу вмиг очутился около сердца, прикусил его зубами, и слон тут же рухнул замертво.

— Что ты наделал, дурная башка! — закричал паук. — Сейчас слона разрежут, чтобы посмотреть, что погубило его, и увидят нас с тобой. Ну, что теперь делать? Прячься скорее поглубже в его кишки!

Полумертвый от страха, Кундунгу полез в слоновьи кишки и зарылся в них, а умный паук забрался в желчный пузырь.

Между тем набиа приказал вскрыть тушу слона и найти причину его гибели. Он приказал также пригласить на совет паука — ведь всем известно, что господин Патыринарга умом превосходит всех обитателей леса.

Стали люди набиа резать тушу, добрались до внутренностей, отрезали желчный пузырь и отбросили его далеко в сторону. Паук быстро выбрался из пузыря и поднял крик:

— Что вы наделали! Набиа пригласил меня на совет, а вы запустили в меня желчью, испачкали мне платье. Как я предстану в таком виде перед очами набиа?

Заохали слуги набиа, нагрели воду, обмыли паука, усадили за стол.

— Теперь слушайте меня, — сказал паук. — Ничего больше не ищите во внутренностях Вобугу, а перевяжите тушу, чтобы не вывалились кишки, и бейте палками по слоновьему животу, да не слушайте, если покажется вам, что брюхо его разговаривает!

Сделали люди так, как сказал паук. Перевязали слону брюхо и стали бить по нему дубинами.

— Эй, погодите, я хочу вам сказать... — закричал несчастный Кундунгу в брюхе слона.

— Не надо, не хотим ничего слушать, — отвечали люди, продолжая его избивать.

— Я только хочу сказать...

— Не надо, не надо, не хотим!

Замолчал волк.

— Теперь развяжите тушу и посмотрите, что там в кишках! — сказал паук.

Развязали тушу, нашли в ней мертвого Кундунгу.

— Вот видите, — сказал паук, — я же знал, что это жадный Кундунгу погубил слона.

А сам думает: «Эх, ты, глупая волчья голова! Тебе бы сразу крикнуть: „И Патыринарга был со мной!“ — а ты все „хочу сказать“ да „хочу сказать“. Глупость и жадность погубили тебя. А умному, как я, ничего не страшно!»

Узнал набиа, как ловко паук обнаружил причину гибели его любимца, похвалил паука, велел накормить получше, а Кундунгу — ободрать и сварить.

Бросили люди тушу Кундунгу в дуку с кипящей водой, а паука сытно накормили и спать уложили. Только не спится пауку: знает он, что ночью дуку с мясом останется на огне, и не дает ему покоя мысль, что можно это мясо украсть. В полночь встал он, подкрался к огню. Кругом никого нет. Решил он взвалить тушу Кундунгу на голову и бежать домой. Такая жадность охватила паука, что даже обычная смекалка изменила ему: забыл он, что мясо лежит в кипящей воде, выхватил тушу, взвалил на голову и тут же взвыл, ошпаренный.

Сбежались люди, помогли пауку сбросить с себя горячее мясо. Может быть, ему и не сказали бы ничего, да ведь стыдно было ему, гордому Патыринарге: все видели, что он украл мясо. От стыда сжался он в комочек, быстро побежал к ближайшему дому, взлетел под потолок и повис в углу на тонкой паутине. С тех пор он там и висит.

30. Как паук устроил пиршество

Это сказка про паука. Ему очень хотелось попировать, и вот он разложил у дома огонь и сжег дом.

Когда дом сгорел, он пошел к дому курицы и сказал:

— Завтра у меня будет коллективная работа. Сгорел мой дом.

Тогда курица ответила:

— Хорошо, но не говори дикому коту.

— Ну, приходи, — сказал паук.

Когда он ушел, то направился прямо к дому дикого кота.

— Мир тебе, — приветствовал паук кота.

Дикий кот ответил:

— Да будет тебе мир.

Потом паук сказал:

— Сегодня сгорел мой дом, завтра у меня будет работа.

— Хорошо, я приду, — согласился кот, — только не зови пса.

Паук ответил:

— О нет.

Когда он вышел, то направился прямо к дому пса.

— Мой дом сгорел. Завтра у меня будет работа.

— Какая работа?

— Строить крышу.

— Хорошо, я приду, — пообещал пс, — только не зови гиену.

— О нет. Ты не встретишься с ней, — заверил его паук.

А когда вышел, то направился прямо к дому гиены.

— Завтра у меня работа.

— Хорошо, только не зови леопарда, — сказала гиена.

Он ответил:

— Нет.

Вышел и пошел к дому леопарда.

— Завтра у меня работа.

Леопард ответил:

— Хорошо, да спасет нас господь, но не говори льву.

— Не скажу, — пообещал паук.

Вышел и направился к дому льва.

— Мир тебе.

Лев ответил:

— Да будет тебе мир.

— О великий, старший брат леса, завтра у меня будет работа, — сказал паук.

— Хорошо.

И вот паук вернулся домой. На следующий день прибежала курица связывать траву. Только она занялась вязанием травы, вдруг видит — идет дикий кот.

Дикий кот сказал:

— Да будет мир над тобой, паук.

Тогда курица воскликнула:

— Ах, паук, я говорила, ты не должен звать кота. А ты пошел и тут же позвал его.

— Хорошо, спрячься в траву.

Но дикий кот пришел, поймал курицу и убил ее.

Когда это случилось, паук сказал:

— И хорошо сделал. Принеси ее сюда, я поберегу ее для тебя.

А в это время пришел пес и говорит:

— Эй, паук, где делать крышу?

Тогда паук показал ему место, где спрятался кот, и сказал:

— Вот здесь.

И вот пес увидел дикого кота, схватил его и убил.

Паук сказал:

— И хорошо сделал. Принеси его мне, я поберегу его для тебя.

И вот, когда пес строил крышу, пришла гиена и спросила:

— Где нужно делать крышу?

Тогда паук показал ей, где был пес.

Пес закричал:

— Я говорил тебе, чтобы ты не звал ее!

Но гиена схватила пса и задушила.

А паук похвалил гиену:

— Хорошо сделала. Ешь его сама, я ничего не хочу.

И гиена съела пса. Когда это случилось, пришел леопард, и паук сказал:

— Вот место, где нужно делать крышу.

Леопард подошел и схватил гиену, которая притаилась в траве. Леопард убил гиену, а труп ее отдал пауку на хранение.

И вдруг перед леопардом появился лев. Они схватились друг с другом.

Бились они, бились и бились, а паук схватил палку, бил их и приговаривал:

— О лев, перестань, о леопард, перестань! Кто может рассудить ссору двух великих?

И так паук бил и бил палкой, пока не убил их. Тогда он собрал все мясо в своем доме. Он съел все мясо и не дал даже паучихе.

Жадность паука поистине огромна.

31. Почему Ананси прячется в темных углах

Однажды начался на земле голод. У семьи Ананси было свое поле, и еды у них хватало на всех. Однако при одной мысли о голоде, который переживала вся страна, Ананси одолевала жадность. Стал он думать, как бы ему присвоить большую часть урожая. И вот какая хитрость пришла ему в голову.

Ананси сказал своей жене Асо, что он захворал и хочет пойти за советом к колдуну.

Он ушел и не возвращался до самой ночи. А когда вернулся домой, то сказал жене, что дело плохо. Колдун будто бы сказал, что он скоро умрет. А кроме того, колдун велел, чтобы его похоронили в самом дальнем углу поля, рядом с посевами ямса. Это известие повергло всю семью Ананси — жену Асо и сыновей Кваку Тсина и Интикуму — в большую скорбь.

Но наставления колдуна этим не ограничивались. Асо должна была положить в могилу Ананси пестик и ступку, тарелку, ложку и кухонные горшки, чтобы Ананси мог о себе позаботиться и на том свете.

Через несколько дней Ананси лег на свою циновку, будто помирает, и вскоре притворился мертвым. Асо похоронила его на самом дальнем участке поля, рядом с местом, где был посеян ямс. И положила в могилу всю ту утварь, которую он просил.

Но Ананси оставался в могиле, лишь пока светило солнце. Как только начало темнеть, он вылез, выкопал себе несколько самых лучших корней ямса, сварил их и съел.

Ананси наелся до отвала. Потом снова забрался на свое место, в гроб.

Каждую ночь он выходил из могилы, выбирал лучший ямс и съедал его, а днем скрывался в своей могиле.

Асо и ее сыновья стали замечать, что кто-то крадет с поля самый лучший ямс, кукурузу и маниоку. И они пошли на могилу Ананси, стали молиться и просить, чтобы его душа оградила их от воров.

В эту же ночь Ананси снова вылез из могилы, собрал самый лучший ямс и кукурузу и снова наелся вдоволь.

Когда Асо и ее сыновья увидели, что душа Ананси не защитила их от воров, они стали думать, как бы поймать того, кто крадет у них еду.

Они сделали из клейкой смолы похожую на человека фигурку и поставили ее на том поле, где рос ямс.

В эту ночь Ананси вылез из могилы, чтобы опять поесть, и увидел в поле человеческую фигуру, освещенную луной.

— Зачем ты стоишь на моем поле? — спросил Ананси.

Человечек из смолы не отвечал.

— Если ты не уберешься с моего поля, я тебя поколочу! — сказал Ананси.

Фигурка молчала.

— Если не уберешься мигом, я с тобой расправлюсь! — крикнул Ананси.

Ответа не было. Человечек из смолы не двигался с места. Ананси вышел из себя. Он размахнулся правой рукой и с силой ударил человечка. Рука крепко прилипла к смоле. Ананси никак не мог освободить ее.

— Пусти мою правую руку, — сказал Ананси. — Я потерял с тобой всякое терпение.

Но человек не отпускал его.

— Ты еще не знаешь, какой я сильный, — с гневом сказал Ананси. — Силы в моей левой руке еще больше, чем в правой. Хочешь попробовать?

Не дождавшись ответа, Ананси ударил человечка левой рукой.

Теперь обе его руки прилипли к смоле.

— Жалкая тварь! — крикнул Ананси. — Ты даже не слушаешь меня! Отпусти меня сейчас же и убирайся с моего поля, не то я задам тебе такую трепку, что век не забудешь! Слышал ты когда-нибудь о моей правой ноге?

Человечек молчал. И Ананси лягнул его правой ногой. И она, конечно, тоже прилипла.

— О, тебе это понравилось? Да? — закричал Ананси. — Тогда попробуй и левую!

И он со всей силы ударил его левой ногой. И теперь руки и ноги Ананси крепко-накрепко прилипли к смоляному человечку.

— О, да ты, видно, из упрямых?! — закричал Ананси. — А слышал ли ты когда-нибудь о моей голове? — И он боднул человечка головой.

Голова Ананси тоже прилипла к смоляному человечку.

— А теперь я дам тебе последнюю возможность спастись, — сердито сказал Ананси. — Если ты сейчас же уйдешь отсюда без шума, я не стану жаловаться вождю племени. А если не уйдешь, я так стисну тебя, что всю жизнь будешь помнить!

Человечек все молчал. Тогда Ананси набрал побольше воздуха и изо всей силы стиснул человечка. Теперь Ананси прилип к человечку так крепко, что не мог даже пошевелиться.

Утром, когда Асо, Кваку Тсин и Интикума пришли на поле, они нашли там Ананси, крепко прилипшего к человечку.

Они все поняли. Отодрали Ананси от смоляной фигурки и повели в деревню к вождю, на суд. Все, кто попался им навстречу, видели Ананси, испачканного смолой, потешались над ним и распевали о нем смешные песенки.

Ананси стогал от стыда и закрывал лицо шляпой. А когда Асо, Кваку Тсин и Интикума остановились у родника попить, Ананси вырвался и убежал. Он вбежал в ближайшую хижину, заполз под стропила и спрятался в самом темном углу, какой только мог найти.

С того дня и доныне Ананси не хочет видеть людей: они смеются над ним, и потому он прячется в самых темных углах.

32. Почему ящерица двигает головой и почему паук тклет паутину и ловит мух

В голодное время Ананси подумал, что неплохо бы ему наполнить свои амбары съестными припасами. От своего сына Интикумы он слышал, что у ящерицы Абосом прекрасный огород, и он отправился взглянуть на него сам. Все оказалось так, как ему рассказывал Интикума. Огород у ящерицы был зеленый и цветущий, и Ананси подумал: «Будь у меня такой огород, не о чем было бы и заботиться».

Ананси вернулся домой и стал думать, как бы ему отнять у ящерицы огород. И вот что он придумал.

Как только в огороде у ящерицы созрели овощи, Ананси ночью собрал своих детей и сказал им:

— Ступайте за мной и делайте то же, что и я.

Он отправился к огороду ящерицы, а дети пошли следом за ним. Потом он вернулся к своему дому. Потом опять пошел к огороду ящерицы. Потом снова к своему дому. Детям надоело ходить без толку, они стали ворчать и жаловаться, спрашивая, может, он сам не знает, зачем это делает. Но Ананси сердито прикрикнул на них:

— Никогда не задавайте вопросов старшим! И делайте то же, что и я.

Так и ходили они всю ночь взад и вперед. А когда рассвело, они увидели, что там, где росла высокая трава, протоптана тропинка.

Тогда Ананси дал своим детям корзины и садовые ножи, и они стали выкапывать ямс и собирать другие овощи в огороде ящерицы.

Пришла ящерица в свой огород и увидела, что семья Ананси собирает ее овощи.

— Что вы делаете на моей земле? — закричала она.

Ананси ответил:

— На твоей земле? Это моя земля! А ты зачем здесь, в моем огороде?

Долго они спорили, наконец ящерица предложила:

— Пойдем к вождю, пусть он нас рассудит.

Они пошли к вождю, и каждый из них утверждал, что он прав.

Первым заговорил Ананси:

— Это моя земля! — сказал он.

Потом Абосом сказала:

— Земля моя!

Вождь выслушал их и пошел в огород, чтобы самому посмотреть все и решить, кто прав.

Он спросил ящерицу:

— Где твой дом?

Ящерица показала. Тогда вождь спросил ее:

— А где же тропа от твоего дома?

Ящерица удивилась и ответила:

— Нет у меня никакой тропы. Мы редко ходим одной и той же дорогой дважды. Иногда идем по тропе, иногда скользим между травинками.

Услышав такой ответ, вождь покачал головой:

— Это неслыханно, — сердито сказал он. — Если кто-нибудь постоянно ходит из дома в огород, он обязательно протопчет тропу.

Потом вождь спросил Ананси:

— А где же твоя тропа?

Ананси показал.

— Вот вам мое решение, — объявил вождь. — Раз от дома Ананси есть тропа прямо к огороду, значит, огород ему и принадлежит.

Услышав это, ящерица так рассердилась, что не могла сказать ни слова. Она задвигала головой, призывая бога неба в свидетели своего несчастья.

Вождь и ящерица ушли домой, а Ананси с семьей унесли к себе все овощи и сложили их в амбаре.

И ящерица решила отомстить Ананси. Она выкопала в земле глубокую яму. Чтобы яма казалась поменьше, она залепила ее сверху глиной, оставив небольшое отверстие, чтобы могла пролезть только рука.

Потом она села перед домом, наловила синих и зеленых мух и из мух и блестящих ниток соткала себе красивую накидку. Такой краси-

вой накидки никто во всей стране еще не видывал! Стоило только слегка пошевелить накидку, мухи начинали жужжать и слышался приятный, мелодичный звон.

Абосом нарядилась в эту накидку и отправилась в деревню на базар.

Каждому, кто видел эту накидку, хотелось купить ее. Но ящерица всем отвечала:

— Это все, что у меня осталось. Мои овощи и огород отняли. У меня больше ничего нет. Почему же я должна продать накидку?

В обмен ей предлагали разные дорогие вещи, но ящерица отказывалась.

Услыхал об этой накидке и Ананси и пошел на базар взглянуть на такую диковину. Увидев накидку, он подумал: «Эта вещь как раз для меня! Я куплю ее у Абосом».

В тот же вечер он пошел к ящерице и спросил:

— Сколько ты возьмешь за свою накидку из мух?

Абосом ответила:

— Ты обманом отнял у меня все овощи, и сейчас я голодаю. Если ты насыплешь полную ямку овощей на моем дворе, я отдам тебе эту красивую накидку.

Ананси пошел, взглянул на ямку и решил, что ящерица еще глупее, чем он думал, и если вернуть ей немного ямса, то можно будет получить накидку.

И он сказал ящерице:

— Хорошо. Я наполню эту ямку ямсом и окрой, а ты отдашь мне твою накидку из мух.

Они попросили вождя быть у них свидетелем, и Ананси отправился на овощи.

Он принес небольшую корзину ямса и окры и высыпал в ямку, но ямка не наполнилась. Он пошел домой за другой корзиной, но и этого не хватило. Много корзин ямса и окры принес Ананси, потом позвал на помощь своих сыновей. Все вместе они таскали к яме полные корзины и относили их домой пустые, а заполнить яму не могли. Они таскали ямс и окру всю ночь. А когда наступило утро, ямка во дворе ящерицы все еще оставалась незаполненной.

Наконец Ананси принес последнюю корзину ямса и окры, засыпал корзину в яму и закричал:

— Я отдал тебе все, что у меня было. Больше у меня ничего нет!

Ящерица заглянула в яму и сказала:

— Яма пуста, ты ничего не принес!

Но Ананси ответил:

— У меня больше ничего не осталось! Дом мой пуст.

— У меня есть свидетель, вождь! — сказала ящерица. — Ты свое обещание не выполнил.

Ананси заплакал от горя. Тогда ящерица сказала ему:

— Хорошо, я прощу тебя, если ты вернешь мне мой огород.

Ананси обрадовался:

— Огород твой! Огород твой!

— Вот это другое дело! — согласилась Абосом. — Земля моя, а накидку можешь взять себе.

И ящерица сняла накидку и отдала ее Ананси.

Ананси накинул ее на плечи и был очень горд. Но вдруг подул сильный ветер, мухи зажужжали, и, прежде чем Ананси успел сообразить, в чем дело, накидка из мух улетела от него. Ананси бросился ее догонять, но не догнал.

Теперь Ананси все старается соткать себе такую же накидку из мух, какая была у ящерицы. Он без конца ткёт паутину и ловит в нее мух. А когда они начинают жужжать, Ананси сердится и поедает их. И сколько он ни старается, не может закончить свою работу.

А ящерица, вспоминая ошибку вождя, который заставил ее отдать огород пауку, все двигает головой, призывая бога неба помочь ей.

33. Гиена и паук

Однажды паук предложил гиене:

— Давай купим меду и пойдем приветствовать царя.

— Я согласна, — ответила гиена.

Они купили меду и пошли к царю. Путь был длинный, и, когда они прошли немного, гиена спросила паука:

— Разреши мне сходить в лес на минутку.

— Иди, — согласился паук, — но оставь здесь твой горшок с медом.

— Ох, нет, — ответила гиена, — это мой собственный мед.

Гиена пошла в лес, выпила мед, а в горшок положила грязь и после этого вернулась к пауку.

Придя в тот город, где жил царь, паук и гиена приветствовали царя. Затем они отдали свои горшки с медом и сказали:

— Это наш подарок царю.

Когда горшки открыли, то в горшке гиены была найдена грязь, в горшке паука — мед. И донесли царю:

— В горшке гиены не мед, а грязь.

— Хорошо, — ответил царь, — гиена шла ко мне в надежде получить что-нибудь хорошее. Я знаю, что ей дать.

Паука и гиену поместили во дворце царя. Вечером им принесли циновки и шкуры и сказали:

— Циновки для гиены, а шкуры для паука.

Гиена предложила пауку поменяться, потому что спать на циновках жестко. Паук сказал ей:

— Хорошо, бери мои шкуры. Но только не съешь их.

— Нет, нет, настоящий друг не сделает этого, — ответила гиена.

— Учти, — предупредил паук, — ведь если ты съешь эти шкуры, то мне будет стыдно за тебя.

Ночью гиена поднялась и начала есть шкуры. Паук проснулся и спросил:

— О гиена, это ты ешь шкуры?

Она ответила:

— Нет, нет, спи. Это мыши.

Паук заснул, а гиена за ночь съела все шкуры. Утром паук, увидев, что шкуры съедены, воскликнул:

— Гиена, что же ты будешь теперь делать?! Как же ты выйдешь из этого затруднения?

— А мы скажем, что здесь ночью были воры и украли шкуры.

— Нет, — возразил паук, — царь не поверит тебе. Он поймет, что это сделала ты.

— И все же я скажу так, — настаивала гиена.

Когда царю сказали, что ночью воры украли шкуры, он ответил:

— Нет, это не так. Я уверен, что шкуры съела гиена.

Позвали паука и гиену. Когда они пришли, царь велел дать пауку быка и сказал:

— Я даю тебе этого быка за тот подарок, который ты сделал мне.

Гиене же царь подарил старого козла. Паук и гиена поблагодарили царя за подарки и пустились в обратный путь.

— Разреши мне съест одну из твоих ног, — обратилась гиена к козлу, — ты сможешь идти, только будешь хромым.

С этими словами она отгрызла у козла одну из его ног и съела. Ведя козла по дороге, она приговаривала:

— Иди на трех ногах. Иди на трех ногах.

Затем она отгрызла у козла еще одну ногу и съела ее.

И так постепенно она съела всего козла, угостив паука козлиной печенью.

Через некоторое время гиена сказала пауку:

— Отдай мне мой кусок печени.

Паук посмотрел вокруг, увидел вдали красный закат солнца и сказал гиене:

— Хорошо. Видишь там далеко огонь? Сходи туда, возьми огонь, и тогда мы съедим моего быка.

Гиена побежала за огнем, а паук тем временем убил быка, забрал мясо и шкуру и ушел к себе домой.

34. Сказка об антилопе и пауке

Антилопа жила среди антилоп: и отец ее был антилопа, и мать антилопа, и дети ее были антилопы. А у паука все родственники были пауками. Так что, хотя они оба жили в одной бруссе, каждый держался сам по себе, и они никогда не видели друг друга.

Но в одно прекрасное утро услышала антилопа с той стороны, где жил паук, ужасные крики. Сердце ее бурно забилось. Она наставила уши, чтобы лучше слышать, и разобрала слова:

— Хватай ее, лови, держи!

То были охотники со своими собаками. Им за кустами не было видно антилопы, и они говорили друг другу:

— Нам бы только ее углядеть, уж мы бы не оплошали!

Антилопе казалось, что они еще далеко, но когда она навострила уши, то от страха так и подпрыгнула: вон они, охотники-то, совсем рядом! И она воскликнула:

— Бедная я, несчастная, сейчас меня схватят!

Но, оправившись малость от страха, антилопа скакнула и полетела, точно стрела, пущенная из лука.

— А вот и не поймаете вы меня, а вот и убегу я от ваших собак!

А собаки бежали за ней следом и думали:

— Пропало твое дело, антилопа, тебе от нас не уйти!

Охотники же говорили:

— Все равно она будет наша, да только не надо бы нам от собак отрываться!

И они припустились бегом. Антилопа летела так прытко, как только могла, и все же охотники почти настигали ее, ведь они гнались за ней без отдыха с утра до самого вечера. Антилопа прямо не знала, что и придумать, куда деваться. И тогда, не видя выхода, упала она в траву, где жил паук, и закричала:

— Ах, дорогой паук, спаси меня, если можешь!

Услышав отчаянный крик антилопы, паук показал на пустой термитник и говорит:

— Забирайся скорее сюда!

Антилопа его послушалась. А паук продолжал:

— Расскажи мне, от кого это ты убегаешь?

Антилопа стала ему объяснять, а сердце ее билось так, что, казалось, сейчас оно разорвется:

— Охотники с собаками преследуют меня, еле удрала!

А паук и говорит:

— Со мной не пропадешь! Мы, пауки, тебя, антилопу, не выдадим!

И паук принялся за работу. Все отпечатки антилопных копыт он так плотно заткал паутиной, что идущие по следу охотники остановились в недоумении.

— Что такое? — говорили они. — Куда она скрылась? Отстала, что ли? Это не ее следы. Им, наверно, месяц, не меньше. Взгляните: их успела уже затянуть паутина!

И охотники повернули назад.

Прошло два дня. Охотники, ища антилопу, так натрудили ноги, что один из них не выдержал и предложил:

— Раз мы не смогли ее поймать, давайте подождем кустарник. Небось выскочит, если она еще здесь!

На том и согласились. С четырех сторон подожгли кустарник, огонь быстро бежал по зарослям, и скоро вся чаща была охвачена пламенем. И сказала антилопа своему новому другу:

— Паук, это ужасно. Что делать?

А паук ответил:

— Ах, дорогая антилопа, ты-то можешь спастись. Стоит тебе поднапрячься, и ты легко перепрыгнешь через огонь.

Но антилопа сказала:

— Нет, дорогой друг, я не брошу тебя в беде. Конечно, я постараюсь перепрыгнуть через огонь, иначе мне смерть. Но давай уж спастись вместе.

А паук повторял огорченно:

— Ах, я не смогу убежать, я сегодня умру!

Антилопа воскликнула:

— Нет, не умрешь! Залезай скорее мне в ухо, спасемся вместе!

Паук забрался к ней в ухо, антилопа прыгнула и полетела через огонь так стремительно, точно стрела, пущенная из лука. Охотники, поджигавшие заросли, бросились за антилопой в погоню, но она была уже далеко и убегала все дальше и дальше. Когда опасность миновала, антилопа сказала своему другу:

— Ну, дорогой паук, вылезай поскорей, чтобы я могла убедиться, что ты жив!

Паук вылез из ее уха и поблагодарил антилопу за свое спасение.

Так они помогли друг другу: паук соткал паутину, а антилопа спрятала паука в своем ухе.

35. Паук и мальчик

Всем известно, что господин Патыринарга — человек умный. Но однажды захотелось ему стать еще умнее. «Заберу у людей всю мудрость и стану единственным умником на земле, буду всех водить за нос», — думал паук. Задумано — сделано. Взял он тыквенный кувшин с узким горлышком, загнал в него всю человеческую мудрость, заткнул кувшин пробкой и полез на дерево, чтобы спрятать кувшин от людей. «Теперь я любого перехитрю, — радовался паук, — ведь я лишил ума всех людей».

Однако, взбираясь на дерево, паук не сообразил закинуть кувшин на спину, а держал его впереди себя, и кувшин мешал ему карабкаться по стволу дерева. Увидел это маленький мальчик и засмеялся:

— Эх, Патыринарга, умный ты человек, а тут дал маху, повесил кувшин на грудь. Повесь его за спину, и тебе легче будет ползти!

— Молчи, несмышлениш! — прикрикнул на него паук, но все-таки попробовал сделать так, как советовал мальчик, и действительно, оказалось, что удобнее лезть на дерево с кувшином за спиной. Рассердился паук, расстроился, разнервничался! Соскользнул он на землю и в сердцах хватил кувшин о камень. Разбился кувшин, и вся собранная пауком мудрость разлетелась в разные стороны. Но паук не жалел об этом. Он понял: если даже у неразумного ребенка нашелся для него полезный совет, значит, не может один человек присвоить себе мудрость целого народа.

36. Как паук чуть было не сгорел

Однажды паук подружился с аногбле — большим белым и очень вкусным червяком, что жил в поваленной пальме. Как-то раз аногбле спросил его:

— Дорогой паук! Не можешь ли ты в следующий понедельник прийти ко мне в гости?

В понедельник паук пришел к червяку. Аногбле подозвал свою жену Айю и говорит:

— Что же мы сварим нашему дорогому гостю? Ну-ка, разогрей горшок!

Жена поставила горшок на огонь, а когда он нагрелся, аногбле прыгнул в него и запел:

Дорогой мой друг, дорогой приятель,
Я хочу из себя вытопить сало
И тебя угостить лакомым блюдом!

И в самом деле, в горшке что-то забулькало. Видно, закипел жир: ведь аногбле был очень жирным.

Обед удался на славу. После еды паук и говорит:

— А в следующий понедельник ты придешь ко мне! Хорошо?

Когда через неделю они сидели у паука, тот спросил свою жену:

— Чем мы можем угостить нашего друга?

— О, чем угодно! — отвечала она. — У нас есть и ямс, и земляные орехи, и сушеная рыба, и пальмовое масло.

— Ну и глупа же ты! — прошептал паук. — Ты должна была сказать: у нас нет ничего. Я хочу показать червяку, что тоже умею колдовать! — И добавил громко: — Пойди поставь горшок на огонь!

Как только горшок хорошо нагрелся, паук забрался в него и начал петь:

Я хочу из себя выто...

Тут песня оборвалась, и из горшка повалил густой дым.

— Воды! Скорее плесни воды! — донесся оттуда едва слышный крик.

Жена влила в горшок воду, и это спасло паука от смерти.

Вот почему, увидев, что кто-нибудь совершает необычное дело, следует толком расспросить его, прежде чем ему подражать.

37. Как обезьяна перехитрила паука

Маленькая Нинбила-птичка обладала магической силой, но этого никто не знал, кроме паука и обезьяны, и многие звери пали жертвой этой силы. Впрочем, виною всему было коварство Патыринарги.

Было время, когда и он ничего не знал. Но однажды он увидел, как под деревом, на котором сидела Нинбила, вдруг выросла целая гора птичьего помета. Удивился паук, но не сказал ни слова, потому что был осторожен. Но козел был простоват. От изумления он выпучил свои глупые водянистые глаза и громко сказал:

— Даже мне не под силу сделать столько, Нинбила. Как же ты умудрилась это сделать?

Но птичка ничего не ответила, потому что козел все равно не услышал бы ее — он упал мертвым, как только задал свой дерзкий вопрос.

Понял хитрый паук, что птичка обладает магической силой. Он отнес мертвого козла домой и несколько дней кормил семью его мясом. Это было очень кстати, потому что в лесу в то время был голод.

Когда мясо козла было съедено, паук снова отправился искать необыкновенную птичку. Найдя ее, он стал ждать, не появится ли поблизости какое-нибудь животное, которое можно было бы съесть. Вскоре он увидел мирно щипавшую листья антилопу и подозревал ее.

— Смотри внимательно, — шепнул он антилопе, — я покажу тебе странную вещь. Вон там на дереве сидит Нинбила. Видишь, как она мала! Но когда она захочет облегчиться, под деревом появится столько навоза, сколько тебе не сделать и за три дня.

Ждать пришлось недолго. Все произошло так, как и предполагал паук. Увидев внезапно выросшую гору помета, антилопа остолбенела от изумления. И паук шепнул ей:

— А ну-ка, спроси, как это у нее получается!

— Как это у тебя, Нинбила, получается такая гора? — спросила антилопа, и с ней случилось то же, что и с козлом: она умерла, пораженная волшебной силой птички, и довольный Патыринарга оттащил ее тушу к себе домой.

Так погубил паук многих зверей. Несмотря на голодное время, жена паука раздобрела и похорошела, а сам он так разжирел, что едва передвигал ноги, направляясь за очередной жертвой. Но он жестоко поплатился за свое коварство, потому что за его проделками давно наблюдала Манга-обезьяна. Когда все жившие поблизости звери были съедены и паук стал задумываться о том, что ему некого больше обмануть и что придется отказаться от мяса, обезьяна спустилась с верхних сучьев дерева и стала лазать и прыгать по нижним, чтобы обратить на себя внимание паука.

Обрадовался паук, побежал к обезьяне, остановил ее.

— Слушай, Манга, — заговорил он, дрожа от нетерпения и жадности, — видишь, Нинбила сидит на веточке и поет песенку. Как она мала и изящна! А посмотри-ка, что вырастает на земле как раз под этой веткой.

— Нда-а, — озадаченно протянула обезьяна.

— Спроси-ка ее, как это у нее получается, — шепнул паук.

— Что спросить?

— Как, мол, получается у тебя это, — немного громче сказал паук.

— Не слышу, говори громче, — сказала Манга.

— Спроси ее, как получается столько навоза, — волнуясь, объяснил паук, еще немного повышая голос.

— Ничего не понимаю. Бормочешь что-то, — проворчала обезьяна и сделала вид, что хочет уйти.

— погоди, не уходи! — засуетился паук. — Ведь я тебе хочу показать нечто очень интересное.

— Говори громче, или я сейчас же уйду! — крикнула обезьяна.

И тогда паук, раздраженный непонятливостью обезьяны и опасаясь, что она уйдет, забыл свойственную ему осторожность и закричал:

— Ну скажи ты ей так: «Нинбила! Как можешь ты, такая маленькая, носить в себе так много этого добра?»

Едва паук произнес эти слова, как замертво свалился с дерева на землю. Здесь его тотчас подхватила обезьяна; она унесла его на самую верхушку дерева и вместе со своим сыном полакомилась паучьим мясом.

Так обезьяна перехитрила паука.

38. Как черепаха обманула паука

Это сказка о черепахе и пауке. Черепаха и паук отправились странствовать. Всюду, где они останавливались, паук говорил черепахе:

— Сейчас принесут еду. Если скажут «для чужестранцев», значит, это для меня, если же скажут «для чужестранца», то это для тебя.

Вечером принесли им еду и сказали:

— Для чужестранцев.

Паук сказал:

— Вот, черепаха, ты видишь, это для меня.

И он съел все, оставив черепаху голодной.

На следующее утро они отправились в другой город. Там им тоже принесли и сказали:

— Для чужестранцев.

Паук сказал:

— Это для меня. — И опять съел все.

Так черепаха всегда оставалась голодной и стала совсем худой. И вот раз ночью она взяла калебасу, принадлежавшую хозяевам дома, где они остановились, и начала поедать объедки. В это время хозяин дома вышел с палкой, чтобы побить того, кто разбудил его. Но черепаха сказала:

— Это я, черепаха.

Тогда хозяин дома спросил:

— Разве ты не ела пищу, которую вам принесли?

Черепаха ответила:

— Ох, нет. Паук сказал, что если принесут еду и скажут «для чужестранцев», то это для него, а если — «для чужестранца», то для меня.

— Ну и ну! — удивился хозяин дома. — Так вот что проделал с тобой паук! Сейчас иди спи, а утром посмотришь, что будет.

Утром хозяин дома распорядился приготовить еду. Были приготовлены две курицы. Позвали мальчика и сказали ему:

— Слушай внимательно. Ты должен отнести эту еду гостям и сказать: «Эта еда для чужестранца».

Мальчик принес еду и сказал:

— Эта еда для чужестранца.

Паук закричал:

— Ты лжешь! Нас здесь двое. Ты же говоришь, что «эта еда для чужестранца».

Но мальчик возразил:

— Нет, мне приказали отнести еду для чужестранца.

Тогда паук сказал:

— Хорошо, черепаха, ешь, это для тебя.

Паука очень рассердил поступок хозяина дома, и он решил:

— Завтра мы уйдем отсюда.

Когда они стали прощаться, хозяева решили подарить им быка и козла. Они ввели быка и козла в дом и привязали к быку веревку, а к козлу — кожаный ремень. Дверь закрыли, а веревку и ремень оставили снаружи. Хозяин дома сказал:

— Пусть каждый из вас подойдет и возьмет веревку или ремень.

Тогда паук подбежал, оттолкнул черепаху в сторону и схватил ремень, думая, что ремень привязан к быку.

Их спросили:

— Вы держите?

— Да, держим, — ответили они.

Тогда хозяйева открыли дверь и сказали:

— Пусть каждый из вас возьмет то, что вытянет.

Паук потянул за кожаный ремень, и к нему вышел козел-баа.

Когда черепаха потянула за свою веревку, она вытянула быка, большого быка. Паук рассердился и сказал:

— Я отомщу за эту несправедливость!

Затем паук с черепахой ушли. По дороге паук убил своего козла и дал черепахе его печень. Черепаха положила печень в свой мешок. Они прошли немного, и паук сказал:

— Теперь, черепаха, отдавай мне печень.

Черепаха вынула печень из мешка и протянула пауку. Но паук сказал:

— Да нет, черепаха, разве ты не поняла шутку? — И добавил: — Я пошутил. Съешь эту печень, я дарю ее тебе.

Черепаха взяла печень и съела.

Увидев, что черепаха съела печень, паук подождал, когда они прошли немного, и сказал:

— Черепаха, отдавай мне мою печень.

Черепаха сказала:

— Ох, но у меня нет печени.

Тогда паук закричал:

— Ты обманщица! Теперь ты должна убить своего быка и отдать мне его печень!

И черепаха убила быка и отдала пауку печень. Но паук сказал, что печень его козла была больше, чем эта. Черепаха рассердилась. Она разделила быка и дала пауку половину. Но паук сказал:

— Ох, нет, моя печень была больше, чем эта, ты должна отдать мне всего быка.

И он забрал все мясо и сказал, что теперь он вернул свое.

Черепаха сказала:

— Я тоже верну свое.

Она оставила паука и пошла своей дорогой. В пути черепаха нашла мел и голубую краску, раскрасила себя пятнами и легла на дороге.

Солнце село. Наступил вечер. И вот пришел паук, увидел черепаху и испугался. Он ударил себя в грудь и сказал:

— О пятнистый, дай мне дорогу.

Но черепаха молчала.

Паук сказал:

— Хочешь быка?

Черепаша молчала. Паук вытащил бычью ногу и бросил ей. Черепаша не двигалась. Паук бросил ей другую ногу. Черепаша молчала и не двигалась. Тогда паук спросил:

— Ты, может быть, хочешь все мясо? — И он бросил ей все мясо.

Черепаша не двигалась.

Тогда паук воскликнул:

— Может быть, хочешь мои одежды и шаровары? — И он снял все с себя, отдал ей и остался голым.

Тогда черепаха отодвинулась в сторону, дала пауку дорогу, и он прошел. А потом черепаха поднялась, взяла свое мясо и все остальное и сказала:

— Я тоже вернула свое.

39. Легенда о Мангалле

Однажды Мангалла сказал Зонзанни: «Чтобы стать вождем, ты должен принести мне калебасу, полную комаров, еще должен принести лесную змею, привязанную к палке, еще должен принести мне молока дикой буйволицы, еще должен принести мне стреноженного Сурукку. Если все это сможешь, то я сделаю тебя вождем».

Зонзанни пошел к Домбе и сказал ему: «Мангалла сделает меня вождем, если я принесу ему калебасу, полную мух, калебасу, полную комаров, лесную змею, привязанную к палке, молоко дикой буйволицы и стреноженного Сурукку. Мангалла сказал, он собирается сделать меня вождем, если я смогу. Пойдем со мной. Мы сделаем это и разделим власть». Домба сказал: «Не верь этому, Мангалла все время врет. Мангалла не выполняет обещаний. Все это ни к чему. Я в этом участвовать не буду». Зонзанни сказал: «Тогда я все сделаю сам». Домба сказал: «Да, я в этом участвовать не буду». И Зонзанни ушел.

Зонзанни пошел домой и принес калебасу, в которой было только одно маленькое отверстие. Зонзанни пошел с нею к мухам. Мухи спросили: «Чего ты хочешь?» Зонзанни ответил: «Да ничего особенного. Только вот что думаю: это все-таки, пожалуй, невозможно». Мухи спросили: «Что это все-таки, пожалуй, невозможно?» Зонзанни ответил: «Ах, Мангалла сказал, что нет столько мух, чтобы наполнить такую вот калебасу. Я сказал сперва, что это возможно. А теперь вижу, какие вы маленькие. Мангалла, пожалуй, все-таки прав». Мухи сказали: «Это же очень просто. Мы хотим показать тебе, что нас так много, что для нас это совсем легко — наполнить калебасу». И они начали вползать в горлышко калебасы. Влезло так много мух, что через некоторое время калебаса была полной. Тут Зонзанни закрыл отверстие и понес калебасу с мухами домой.

Зонзанны взял вторую калебасу, у которой было только одно маленькое отверстие, и пошел к комарам. Комары спросили: «Чего ты хочешь?» Зонзанны ответил: «Да ничего особенного. Только вот что думаю: это все-таки, пожалуй, невозможно». Комары спросили: «Что это все-таки, пожалуй, невозможно?» Зонзанны ответил: «Ах, Мангалла сказал, что нет столько комаров, чтоб наполнить такую вот калебасу. Я сказал сперва, что это возможно. А теперь вижу, какие вы маленькие. Мангалла, пожалуй, все-таки прав». Комары сказали: «Это же очень просто. Мы хотим показать тебе, что нас так много, что для нас это совсем легко — наполнить калебасу». И они начали вползать в горлышко калебасы. Влезло так много комаров, что через некоторое время калебаса была полной. Тут Зонзанны закрыл отверстие и понес калебасу с комарами домой.

Он взял бамбуковую палку и отправился к лесной змее. Он посмотрел на лесную змею. Она лежала, свернувшись кольцами. Лесная змея спросила: «Чего ты хочешь?» Зонзанны ответил: «Я поспорил с Мангаллой. Мангалла сказал, что ты не такая длинная, как эта бамбуковая палка. Теперь я вижу, однако, что у тебя так много колец, что Мангалла, пожалуй, прав». Лесная змея сказала: «Нет, прав ты. Можешь показать Мангалле, что я такая же длинная, как эта бамбуковая палка. Привяжи меня только покрепче с одного конца у хвоста, а с другого — у головы». Зонзанны сказал: «Да, так видать». Зонзанны привязал покрепче лесную змею: к одному концу — хвост, а к другому — голову. Лесная змея спросила: «Теперь ты видишь, что я такая же длинная, как бамбуковая палка?» Зонзанны ответил: «Да, ты права». Лесная змея сказала: «Ну, а теперь развяжи меня». Зонзанны ответил: «Я лучше тебя Мангалле принесу, а то он мне не поверит». И Зонзанны понес домой лесную змею, привязанную к бамбуковой палке.

После этого Зонзанны взял калебасу под молоко и пошел к дикой буйволице. Зонзанны уселся. Дикая буйволица спросила: «Чего ты хочешь?» Зонзанны ответил: «Мангалла сказал: „У дикой буйволицы нет молока“. Это правда?» Дикая буйволица сказала: «Подой меня — тогда и увидишь, что у меня есть молоко». Подоил тут Зонзанны дикую буйволицу и надоил целую калебасу. Калебасу с молоком дикой буйволицы понес он домой.

Зонзанны пошел в кусты к Сурукку. Сурукку спросил: «Куда ты идешь?» Зонзанны ответил: «Ищу себе лошадь. Мангалла хочет сделать меня вождем. Тогда мы отлично заживем. Забьем быков, коз, баранов. Будем только головы готовить, а остальное выбросим. Вот будет житье!» Сурукку сказал: «Зонзанны, если ты позволишь мне поесть то остальное, что вы выбросите, то я, пожалуй, буду тебе лошадей». Зонзанны сказал: «Ты изрядно прокормишься. Пойдем со мной, я тебя взнуздаю!»

Сурукку пошел с Зонзанни. Зонзанни пришел с ним к себе домой и оседлал его. Он взял обе калебасы, полные мух и комаров, взял лесную змею, привязанную к палке, взял посудину с молоком дикой буйволицы. Он сел на оседланного Сурукку и поехал на небо к Мангалле. Прибыв наверх, он крепко привязал свою лошадь Сурукку к колышку, чтобы тот не отвязался, и пошел к Мангалле.

Зонзанни сказал Мангалле: «Вот калебаса, полная мух; вот калебаса, полная комаров; вот лесная змея, привязанная к бамбуковой палке; вот молоко дикой буйволицы. Вон стреноженный Сурукку. А теперь сделай меня вождем!» Мангалла сказал: «Это хорошо. Нам еще кое-чего не хватает. Иди-ка ты на дорогу, на которой нет ни понедельника, ни пятницы. Когда ты такую дорогу найдешь, обязательно тут же станешь маса».

Зонзанни опять пошел к прародителю Домбе и сказал: «Мангалла обязательно тут же сделает меня маса. Он только просит еще, чтобы я пошел на дорогу, на которой нет ни понедельника, ни пятницы». Домба сказал: «Видишь, я тебе так и сказал: Мангалла всегда обманывает. Целому свету он дает понедельник и пятницу. Он тебя как раз и обманул. Нет такой дороги, на которой не было бы понедельника и пятницы». И Зонзанни ушел от него опечаленный.

Тем временем Сурукку на небе оторвался от колышка. Он свалился на землю. Падая, сплющил он себе зад, так что и по сей день сзади он ниже, чем спереди. Ийюгу, маленький комар, пробуравил калебасу, в которой были все комары, и выскользнул наружу. За ним полетели и все другие комары. Было это вечером и ночью. После этого проделала дырку в калебасе муха, сквозь нее она и выскользнула. За нею и другие мухи следом. Они все разлетелись по ветру. Так и по сей день еще комары летают по вечерам и ночью, а мухи появляются с ветром.

40. Хитрый заяц

Жил-был султан, и не было в его владениях воды. Вот однажды собрались все звери, какие только жили там, чтобы выкопать колодец. Один только заяц отказался копать. Пожаловались звери султану:

— Заяц не хочет копать колодец.

Султан ответил им:

— Хорошо, оставьте его, копайте сами.

Пошли они копать, а когда выкопали, стали носить воду. Тогда зайчиха говорит зайцу:

— Что же мы будем пить, где возьмем воду?

А заяц отвечает:

— Не бойся, мы достанем воду в колодце!

Узнали об этом звери и решили сторожить колодец.

— Давайте, — сказали они, — подождем зайца здесь, у колодца, и поймем его.

А гиена сказала:

— Я останусь здесь одна, я-то сразу его схвачу.

Осталась она ждать и, когда наступил вечер, увидела зайца, который шел с двумя калебасами: одна из них была пустая, другая с медом.

Подошел заяц к колодцу и говорит:

— Слушай, гиена, мне не нужна вода; нельзя ли мне пройти здесь?

Гиена ответила ему:

— Ну, раз тебе не нужна вода, то уж проходи.

Тогда заяц говорит:

— У меня вода сладкая, а твоя плохая, зачем мне твоя вода?

— Слушай, заяц, — попросила гиена, — дай мне попробовать твоей воды.

Заяц налил немного меду прямо в рот гиене. Гиена закричала:

— Прибавь еще. Прибавь, твоя вода и вправду очень сладкая.

— Хорошо, — сказал заяц, — но сначала нужно привязать тебя крепко к дереву, чтобы ты не упала.

— Ну что ж, привяжи, — согласилась гиена, — только дай мне еще твоей сладкой воды, да смотри, привязывай не слишком крепко.

Но заяц стал привязывать ее к дереву крепко-накрепко, а когда привязал, гиена сказала ему:

— Теперь дай мне твоей воды.

Заяц посмеялся, больно побил гиену, набрал воды из колодца и ушел, оставив гиену привязанной к дереву.

И вот рано утром все звери отправились к колодцу. Увидев гиену, они спросили ее:

— Что случилось с тобой, гиена?

— Пришло много зверей, они-то меня и привязали.

— Сколько? — спросил лев.

— Много, много! — закричала гиена.

Но лев сказал ей:

— Ты лжешь, гиена, тебя привязал один только заяц.

Отвязали звери гиену и вернулись в город.

А лев сказал:

— Я останусь сторожить колодец этой ночью и поймаю его.

Пришел лев к колодцу, спрятался в кустах и стал ждать. И вот поздно вечером опять пришел заяц и постучал по колодцу:

— Можно?

Но лев ничего не ответил ему, сидел тихо.

— Я возьму воду только для купанья, мне не нужна вода для питья: у меня есть сладкая вода, — сказал заяц.

Но лев по-прежнему молчал.

Тогда заяц взял черпак, чтобы набрать воды, но лев бросился и схватил его.

Заплакал заяц и говорит:

— Я не хочу воды, мне совсем не нужна твоя вода, моя вода слаще.

Лев попросил:

— Дай мне немножко.

И заяц налил ему в рот чуть-чуть меду. Лев выпил и сказал:

— Поистине сладкая. Дай-ка еще.

А заяц отвечает:

— Э нет, надо сначала привязать тебя покрепче к дереву, чтобы ты не упал.

— Ну, привязывай, — сказал лев с нетерпением, — и давай еще воды.

И тогда заяц привязал его накрепко, лев сказал:

— Ну, дай же!

Но заяц ответил ему:

— В своем ли ты уме, лев?

Набрал он воды, выкупался в колодце и пошел домой.

И вот опять рано утром пришли все звери посмотреть, поймал ли лев зайца. Когда гиена увидела льва, она засмеялась и спросила:

— Ну что, много зверей привязывало тебя, лев?

Лев ответил ей:

— Ох, и не говори, гиена, он перехитрил меня.

Звери отвязали его. Тогда черепаха сказала:

— Я поймаю его, я останусь здесь этой ночью.

Забралась черепаха в колодец и спряталась под водой.

Пришел заяц к колодцу и постучал:

— Есть кто-нибудь здесь сегодня?

Черепаха молчала. Тогда заяц сказал:

— Ну что ж, я возьму воды.

Набрал заяц воды и полез в колодец купаться. Только просунул он туда правую лапу, тут черепаха и схватила его. Заплакал заяц и говорит:

— Кто ты? Я не хочу воды, оставь меня, моя вода сладкая, хочешь — дам попробовать?

Но черепаха все так же молчала и крепко держала его за лапу. Просунул тогда заяц левую лапу, но она схватила и ее. Заплакал опять заяц, хотел вырваться, но черепаха по-прежнему крепко держала его.

И опять пришли утром звери, увидели зайца и сказали:

— Наконец-то мы поймали зайца! Давайте свяжем его и отведем к султану.

— Почему ты отказывался копать колодец, а теперь таскаешь воду? — спросил его султан.

— Прикажи связать меня, и я умру, — ответил заяц.

— Свяжите его! — приказал султан.

— Только не связывайте меня кокосовой веревкой, — взмолился заяц, — а свяжите банановой, и я сразу умру, как только вы бросите меня на солнце.

Связали его банановой веревкой и оставили на солнце. И лежал он так много часов подряд, и вдруг звери услышали, как трещит банановая веревка. Тогда они сказали султану:

— Заяц разорвет веревку.

Но хитрый заяц сказал:

— Оставьте меня, я умираю.

Наконец напряг все силы, и веревка разорвалась. Тогда заяц бросился бежать со всех ног, так что его никто не смог поймать.

41. Леопард и заяц

Однажды заяц отправился в саванну собирать белые грибы, которые росли обычно на склонах холмов. Он набрал корзину грибов, прикрепил ее за спиной и пошел домой. На пути к дому он встретил гиену. Гиена удивилась и спросила:

— Где ты достал столько еды?

— Вон там, за чащей, — ответил заяц.

— Пожалуйста, пойдем со мной и покажи мне то место, чтобы и я набрала столько, — попросила гиена зайца. — Я очень голодна.

— Ну, пойдем, — согласился заяц.

Они пошли по тропинке, которая вела к вершине высокого холма. Когда они прошли полпути, заяц сказал гиене:

— Мой дорогой друг, тропинка очень крутая, и я вижу, как ты устала. Ты замедляешь шаг, и язык твой свешивается изо рта — красный и мокрый, как утренняя роса. Полежи здесь, на мягкой травке, пока я не вернусь с хорошим запасом еды для тебя. А пока открой рот, и я дам тебе несколько грибов, чтобы ты немного утолила свой голод.

Гиена опустилась на траву, закрыла глаза и широко открыла рот в ожидании. А заяц быстро понесся в гору, прямо по обнажившимся выступам камней. Выбрав самый большой из них, он с силой толкнул его, и камень с грохотом покатился вниз. Гиена подумала, что это заяц бросил ей большой гриб, и, не открывая глаз, неподвижно ждала его. Через несколько мгновений камень обрушился на гиену, и гиена умерла.

— Так-то! — закричал заяц, пританцовывая на вершине холма. — Одной меньше! Вот так по одной я всех вас прикончу!

И он пошел своей дорогой, желая как можно скорее добраться до дому. Он был так доволен собой, что то и дело останавливался, чтобы поплясать. Когда заяц уже подходил к своему дому, он встретился с

леопардом. Испугавшись, заяц поприветствовал его низким поклоном.

— Где ты достал такие грибы? — поинтересовался леопард.

— Очень далеко отсюда, господин, вон та-ам! — ответил заяц, указывая на далекую чашу.

— Покажи мне точное место, — сказал леопард, — я думаю собрать кое-что для себя и своей семьи.

— Пойдемте, господин, я покажу вам все, — ответил заяц.

И они отправились.

Хитрый заяц задумал и с леопардом проделать такой же трюк, как и с гиеной. Они шли в гору к травянистому месту, когда заяц увидел впереди себя выступающий край большого булыжника, почти скрытого кустарником и травой.

— Господин, — сказал заяц, — вы, наверное, устали. Полежите здесь немного, а я поднимусь выше, чтобы собрать вам грибов.

Леопард не стал возражать и лег. Вскоре его охватила дремота, и он заснул. А заяц изо всех сил принялся сталкивать тяжелый булыжник. Наконец он сдвинул его, и камень покатился вниз. Разбуженный страшным грохотом, леопард взглянул вверх и едва успел отскочить в сторону, избежав тем самым верной смерти.

Озадаченный случившимся, леопард погрузился в размышления.

— Это проделка зайца, — решил он. — Я знаю, что он ненавидит меня и хотел бы видеть меня мертвым. Жалкое, вонючее существо, ты скоро умрешь. Да, сегодня же.

И леопард решил обмануть зайца. Он лег на траву и притворился мертвым. Когда заяц с опаской взглянул на леопарда с вершины холма, он подумал, что леопард мертв. Заяц спустился ниже и остановился в нескольких прыжках от него. Затем он настолько осмелел, что прыгнул на леопарда и, напевая хвалебную песню, стал весело плясать на мягкой спине зверя. Внезапно леопард вскочил и бросился на зайца. Заяц пустился бежать в страшном испуге, а леопард преследовал его по пятам. Они долго бежали, пока заяц не увидел нору на склоне холма и не юркнул в нее. Но леопард успел схватить зайца за хвост. Он тащил его за хвост изо всех сил, но заяц крепко ухватился за корни внутри норы и не выпускал их. Однако силы зайца постепенно иссякли.

— Глупый леопард, ты думаешь, что держишь мой хвост зубами, а не видишь, что кусаешь корень, — схитрил он.

Леопард застыдился и выпустил хвост. Зайцу только того и нужно было. Почувствовав свободу, он мгновенно спрятал свой хвост в глубь норы и скрылся от преследователя.

Разъяренный леопард поклялся не пить и не есть до тех пор, пока не увидит смерть негодяя. Он тихо присел около норы и стал ждать, когда из нее выйдет заяц.

Заяц, однако, тоже был настороже и даже не думал выйти наружу. Шли часы. В конце концов леопард проголодался. Он решил уже махнуть рукой на преследование и отправиться на охоту, как вдруг увидел ворону.

— Что ты здесь делаешь? — спросила ворона леопарда.

— Я жду зайца. А он спрятался в норе и не выходит. Но сейчас я очень проголодался. Ты посиди здесь, пожалуйста, и не спускай глаз с норы, а я пойду поохочусь. Я скоро вернусь, — пообещал леопард.

— Хорошо, — согласилась ворона. — Я покараю за тебя.

Заяц слышал этот разговор и, когда убедился, что леопард ушел, выглянул из норы, и сказал:

— Глупая ворона, неужели ты не поняла, что сказал леопард? Ты должна широко открыть глаза и смотреть все время в нору, чтобы видеть меня.

Ворона поверила словам зайца и стала перед норой, вытаращив в темноту свои глаза. А хитрый заяц изо всех сил заскреб лапами землю так, что земля посыпалась прямо в глаза бедной вороне.

В несколько мгновений ворона была ослеплена. Жалобно крича, она побежала в траву и стала ожесточенно тереть свои глаза. А тем временем заяц вышел из норы незамеченным и исчез в кустах.

Спустя некоторое время вернулся леопард и увидел, что ворона протирает травой глаза и проклинает злого зайца.

— Что случилось? — спросил леопард. — Заяц ушел?

— Да, он бросил в глаза мне горсть земли и убежал. О дорогой леопард, я ослепла! — воскликнула ворона.

Леопард долго стоял молча и неподвижно, а затем сказал вороне:

— Мы побеждены, мой друг. Но не беспокойся, рано или поздно злой заяц попадетсЯ мне в зубы. Я должен сделать это, я должен!

С этими словами они расстались, и каждый пошел своей дорогой.

42. Лев и заяц

Однажды заяц сказал льву:

— Давай выстроим загон для зверей.

Лев согласился, и заяц крикнул:

— Загон, сделайся сам!

И загон выстроился сам. Затем заяц сказал:

— Ты ложись в загоне и притворись мертвым, а я пойду и созову зверей. Когда они соберутся в загоне, ты хватай их.

Лев так и сделал, а заяц залез на забор и крикнул:

— Эй, идите смотреть на мертвого льва! Он лежит здесь!

Собрались звери, вошли в загон, окружили они спящего льва. А черепаха взяла стебель и пощекотала льва, и когда тот отмахнулся хвостом, черепаха сказала своим детям:

— Дети мои, давайте уйдем отсюда: это не мертвый зверь, если он может обмахиваться хвостом!

Ушла черепаха со своими детьми, а все звери остались. Вскочил лев, стал убивать зверей и прикончил всех.

Вскоре заяц сказал:

— Давай построим дом!

Лев ответил:

— Построй, ты все умеешь.

Заяц крикнул, и дом выстроился, но без крыши. Пошел дождь, и лев спросил зайца:

— Пусть дом покроется крышей.

Но заяц ответил:

— Я умею силой слов собирать траву, но не умею крыть крышу.

Закричал заяц, и трава собралась сама собой и очутилась около дома. Лев опять попросил зайца покрыть крышу, но тот ответил:

— Этого я не умею.

Удивился лев и говорит:

— Разве тот, кто знает, как заставить вещи двигаться, не может заставить крышу покрыться?

Но заяц опять отказался. Тогда лев вскочил на крышу, а заяц в это время стал вить веревку из сухожилий. Когда веревка была готова, заяц привязал ею льва, а потом сказал:

— Я разожгу огонь в очаге, чтобы не замерзнуть, и пожарю мясо.

Когда мясо было готово, заяц наколол кусочек жирного мяса на острую палку и сказал льву:

— Можно ли мне проглотить этот кусок, мой старший брат?

Но лев зарычал:

— Положи мясо обратно!

А заяц в это время затянул веревку так, что лев закричал от боли, но не смог шевельнуться. Отломил заяц кусок от дерева и начал бить льва, приговаривая:

— Может ли кусок дерева убить моего старшего брата?

И он забил льва до смерти, а затем съел все мясо. Потом заяц снял шкуру с убитого льва, вытряхнул все кости и мясо, надел эту шкуру и вечером отправился к дому гиены. Подойдя, он сказал грубым голосом:

— Отдай мне твою пищу!

Испугалась гиена и отдала всю свою добычу, а ее детеныши легли спать голодными. И так делал заяц каждый вечер. Изголодались детеныши гиены и стали совсем тощими.

Как-то раз, когда гиена ушла на охоту, один из ее детенышей увидел зайца в сморщенной львиной шкуре; тот шел и пел:

— Я мудрый заяц. Я победил льва. Я обманул гиену!

Вечером, когда гиена вернулась, детеныш рассказал ей о том, что видел.

— Хорошо, — сказала гиена, — посмотрим!

Поздно вечером, когда появился заяц в львиной шкуре, гиена схватила раскаленный камень из очага и бросила его в зайца. Львиная шкура загорелась, повалил из нее желтый дым. Выпрыгнул заяц из шкуры и удрал.

Пришел заяц к дому другой гиены и, увидав, что та собирается идти полоть поле, сказал:

— Мать, видно, ты одна; давай я позабочусь о твоих детях и приготовлю им пищу.

Гиена согласилась. В первый день заяц ухаживал за детенышами гиены хорошо. На следующий день гиена опять ушла в поле и оставила зайца дома. Все ее детеныши были одного цвета, шкурки у них у всех были темные, и их было десять.

В этот день заяц убил одного из них. Вечером, когда сама гиена вернулась домой, заяц поставил перед ней горшок с мясом. Удивилась она и спросила, откуда взялось это мясо, и заяц рассказал, что, пока детеныши резвились, он пошел на охоту и убил антилопу.

— Хорошо, хорошо! — похвалила его гиена.

Когда гиена наелась, она велела зайцу принести ей детенышей, чтобы накормить их. Заяц пошел за ними и стал приносить их по одному. А так как их теперь было девять, то одного из них он принес два раза.

На следующий день заяц опять остался с детенышами и опять убил одного из них. Когда же гиена вернулась и захотела накормить их, заяц принес одного из детенышей три раза, так что опять получилось десять.

День за днем заяц убивал по одному детенышу, а выходило так, что показывал он ей десятерых.

Наконец, когда не осталось ни одного детеныша, а гиена приказала принести их кормить, заяц притворился, что не понимает, о чем идет речь.

— Кого это тебе принести? — спросил он.

— Детенышей моих, которых ты знаешь, — ответила гиена.

— Не знаю я их, мать моя! — возразил заяц.

— О заяц! — воскликнула гиена. — Принеси маленьких черных братьев твоих!

А заяц и говорит:

— Разве ты не знаешь, что ты их всех съела? Мясо последнего и сейчас еще у тебя во рту.

Гиена пришла в ярость и бросилась на зайца. Побежал заяц что есть сил, а гиена за ним. Вот добежал он до дерева с большим дуплом

и спрятался там. Прибежала гиена к дереву, увидала, что из дупла смотрят два глаза, и спросила:

— О хозяин дупла, не видел ли ты, куда побежал заяц?

А из дупла ей в ответ:

— Разве мы можем видеть зайца, мы, вытарашенные глаза?

Отошла гиена, а заяц выпрыгнул из дупла и побежал, спасая свою шкуру. Опять гиена бросилась за ним. Добежал заяц до берега реки и обернулся круглым камнем. Прибежала гиена и, не увидев зайца, схватила камень и бросила его через реку, говоря:

— Догони зайца, камень, убей его!

Упал камень на противоположный берег и превратился опять в зайца. Запрыгал заяц, закричал:

— Это ты, мать моя, помогла мне переправиться через поток. Не моя ли сестра переправила меня сюда?

От досады и ярости лопнуло тут сердце у гиены.

43. Как заяц победил льва и обманул гиену

Шел лев по тропе рано утром и рычал. Услышал это заяц, взял дубину, подбежал к тропе и притаился. Когда лев подошел, заяц оглушил его дубиной. Потом отбежал немного, потоптался на месте и поднял целое облако пыли. Снова подбежал ко льву, уселся возле него и стал пристально глядеть куда-то вдаль.

Лев очнулся и спросил его:

— Кто меня ударил?

Заяц ответил:

— Тебя ударил заяц и убежал. По этой дороге побежал. Вот на него я и смотрю.

— Я подружусь с тобой, давай будем жить вместе, — предложил лев.

— Ладно, — согласился заяц. — Пойдем строить нашу деревню.

Построили они деревню, и заяц пошел добывать скот. Он украл его у акамба и по очереди со львом стал пасти его. Но вот начался падеж скота.

— Что случилось? Почему наш скот вымирает? — недоумевал заяц. — Уж не наши ли матери наслали порчу на него? Тут, должно быть, колдовство.

Задумался заяц и сказал льву так:

— У колдунов печенка горькая. А у тех, кто не владеет колдовством, печенка сладкая. Давай убьем наших матерей и съедем их печенки. У которой печенка горькая, та и убивает скот.

Лев пошел, убил свою мать, заяц же убил антилопу, а зайчихе помог спрятаться.

Встретились лев с зайцем во дворе и стали жарить печенки.

Попробовали и ту и другую печень. Горькой оказалась печенка матери льва.

— Ай! — закричал заяц. — Это она, это твоя мать убивала скот! А моя мать!.. Я никогда не видел такой прекрасной печенки! Моя мать не виновата... Я убил ее напрасно!

Время шло. Заяц каждый день ходил бриться к своей матери в лес. Лев как-то спросил его:

— Кто это тебя бреет?

— Меня бреет наш бык, тот большущий бык, — ответил заяц.

— А я хожу к пастуху. Но теперь я тоже буду бриться у быка. Как ты.

Лев пошел к быку. Подставил ему голову, но бык боднул его. Лев опять подставил голову, бык опять ударил его. «Тут что-то не так, — подумал лев. — Заяц обманывает меня. Надо узнать, кто его бреет».

Утром, когда заяц отправился бриться, лев пошел вслед за ним. Увидел лев, как заяц сидел на земле. А зайчиха собиралась брить его. Лев подумал: «Понятно!» И когда побритый заяц ушел, лев подошел и убил его мать. Потом он перенес ее к дереву и усадил так, чтобы заяц не сразу догадался, что она умерла.

На следующее утро заяц пришел к матери и увидел, что у нее оскалены зубы.

— Мать, не смейся надо мной! — сказал он и, подойдя ближе, увидел, что над ней летают мухи; когда он дотронулся до нее, она упала.

Заяц понял, что мать умерла, и разрыдался. Потом он ушел домой и развел костер во дворе. Подошел лев, они погрелись. Заяц заплакал.

— Ты что реवेशь? — спросил лев.

— От дыма.

— Подвинься, сядь вот здесь!

Заяц пересел и опять заплакал:

— И-и, и-и, и-и...

— Почему ты реवेशь? — снова спросил лев.

— От дыма.

— Встань и пересядь сюда.

Заяц подвинулся, но снова заплакал. Тогда лев сказал:

— Я сейчас узнаю, от дыма ли это.

Он взял сосуд из-под меда, затолкал туда зайца и поставил в стороне от костра. Немного погодя из сосуда донеслось всхлипывание зайца: «И-и, и-и!»

— Что случилось? — спросил лев.

— Ды-ы-ым...

— Нет никакого дыма! Ревешь ты оттого, что я убил зайчиху. Ты меня долго обманывал. Ты ведь не свою мать убил, ты спрятал ее тогда. А я убил свою мать. Так-то! И не ори больше!

— Тоже герой! Еще хвастаешь! — зло огрызнулся заяц.

Он разозлился и сказал себе: «Я отомщу за свою мать». Утром рано он поднялся, отбежал от хижины и крикнул:

— Заяц!

Затем вернулся и сам же ответил:

— Ау-у!

Опять отбежал, сказал:

— Я что-то скажу тебе!

Вернулся, ответил:

— Говори.

Отбежал, сказал:

— Твоего быка, того громадного, можешь сегодня зарезать, а то судьи собираются его взять.

Снова вернулся, ответил:

— Ладно, я понял.

Потом он крикнул:

— Ле-ев! Ты слышал разговор?

— Слышал. Давай съедим быка. Ты иди паси стадо, а я останусь здесь и наварю вкусного мяса.

В полдень заяц возвращался домой и еще с дороги крикнул:

— Иду попробовать! Холодное или горячее?

Лев бросил зайцу кусок мяса:

— На, возьми!

Заяц съел этот кусок. Подошел, открыл рот — «дай еще», и лев кинул ему еще кусок прямо в рот. Наелся заяц, ушел спать.

Утром лев пошел пасти стадо. Заяц сварил мясо, потом обмотал одну руку шкурой быка. В полдень пришел лев, а заяц сказал ему:

— Открой рот!

Заяц бросил мясо ему в рот и велел подойти еще ближе. Когда лев подошел, заяц той рукой, которая была обмотана шкурой быка, взял горячий камень и сказал льву:

— Открой рот пошире! Этот кусок мяса большой!

Лев проглотил горячий камень. Камень прошел по кишкам и выпал из-под хвоста на землю, он сжег все внутренности льва. Лев упал и умер.

«Самому мне не оттащить его за деревню, — подумал заяц. — Надо что-то придумать». Вечером он сидел в хижине и вдруг услышал: «Ку, ку, ку, ку, ку». Он понял, что это гиена грызет кости за изгородью.

— Кто там? — спросил он.

— Это я.

— Гиена?

— Да, я.

— Пойди сюда! Давай дружить. Лев спит, он пьян.

Гиена вошла в хижину.

— Садись вот сюда! — сказал ей заяц.

А сам взял иголку с толстой ниткой и проколол гиене хвост.

— Кви, кви, кви! — завопила она.

— Не разговаривай, а то лев проснется, — сказал заяц.

Гиена испугалась и замолкла. Затем заяц проколол хвост у льва и стал привязывать его к хвосту гиены. Гиена опять завопила:

— Ви, кви, ш-ш!

— Т-с, не шуми, а то разбудишь льва!

Когда заяц связал хвосты, он снова уколол гиену. А она взвизгнула, и заяц закричал:

— Лев, вставай! А то тут гиена больно расшумелась!

Гиена испугалась, бросилась бежать и потащила за собой льва.

Она бежит, а лев за нею! И когда вбежала в свою нору, хвост оторвался. Проспав ночь в норе, утром гиена хотела выйти, да не смогла: лев дорогу загородил. Думая, что он живой, она забралась поглубже в нору.

— Нет, я не выйду! — сказала она.

Потом снова подошла посмотреть на льва, сказала:

— Ну, что уставился на меня?! Я не выхожу! Не выхожу! Уж лучше я умру здесь в норе!

Много дней прошло, гиена все смотрела, не ушел ли лев. Наконец увидела, что от него отпала кость. Она стала грызть кость, говоря:

— Ацы-ацы! Я почти умерла от голода, а лев-то мертвый!

Она вышла из норы, наелась досыта и вспомнила о зайце: «Пойду поищу его, где-то он?»

Искала, искала и узнала, что заяц переселился в другое место, неизвестно куда.

44. Как шакал с зайцем жен продавали

Был голодный год, и зверям жилось несладко.

Однажды встретил заяц шакала и говорит:

— Шакал! Скоро мы от голода протянем ноги. Давай обменяем наших жен на зерно.

— Мбе! — воскликнул шакал. — Я уже давно голодаю. Нечего больше ждать. Идем!

Поймали шакал и заяц своих жен и повели на базар. Шакал вел свою шакалиху на толстой веревке, а заяц свою зайчиху на гнилой бечевке. Дошли они уже почти до города, и тут рванулась зайчиха, оборвала гнилую бечевку — и бежать со всех ног!

Копоты! Копоты! Копоты! Копоты!..

— Мбе! — сказал шакал. — Убежала твоя старуха. Опять тебе сегодня есть будет нечего. Не доживешь ты, заяц, до завтрашнего дня.

На базаре шакал быстро сторговался, обменял свою шакалиху на мешок риса, взвалил мешок на голову и тронулся в обратный путь.

Весело шел шакал, даже песни пел. А бедняга заяц еле плелся далеко позади. Оглянувшись шакал и сказал про себя:

— Эх, заяц, не жилец ты на этом свете!

Вскоре заяц совсем отстал и пропал из вида. Но едва шакал скрылся за поворотом тропинки, откуда прыть у зайца взялась! Перегнал он шакала по лесу, сторонкой, лег посреди дороги и прикинулся мертвым.

— Мбе! — сказал шакал. — Голод свое дело делает. В этом году все зайцы перемерут.

Только прошел шакал мимо, заяц вскочил на ноги, забежал вперед и снова лег на тропинку.

— Мбе! — удивился шакал. — Уже второй заяц лежит на дороге мертвый.

Но не остановился, пошел дальше. Не хотелось ему тяжелый мешок с головы снимать. Не успел он пройти и двух поворотов, как увидел впереди еще одного зайца; он лежал, вытянув ноги, и не шевелился.

— Мбе! — воскликнул шакал. — Столько зайцев валяется, что жалко их оставлять.

Шакал снял с головы мешок и поставил на землю, положил зайца сверху, а сам побежал назад, чтобы подобрать двух других зайцев.

Копоты! Копоты! Копоты! Копоты!..

Прибежал шакал к тому месту, где он видел зайца, а там никого нет!

— Мбе! Никак, этот заяц ожил! — сказал он и побежал дальше.

Копоты! Копоты! Копоты! Копоты!..

— И этого нет! — удивился шакал и побежал назад.

Копоты! Копоты! Копоты! Копоты!..

— Мбе! — воскликнул шакал, не обнаружив ни зайца, ни мешка с зерном. — Куда девался заяц? И где мой мешок?

Он не знал, что, пока он бегал туда и обратно, заяц унес его мешок и спрятал. Долго искал шакал свое зерно, но так и не нашел.

— Мбе! Что-то непонятное творится на белом свете, — сказал шакал и голодный поплелся домой.

45. Как заяц на дереве мясо варил

Однажды встретил Заяц тощую Гиену и говорит:

— Сеньора Гиена! Почему мы должны голодать, когда мясо ходит у нас под носом? Давайте пойдем к стаду Человека и украдем корову. У Человека столько скота, что он и не хватится пропажи.

Гиена была очень голодна и сразу согласилась. Подкрались они с Зайцем к стаду, которое паслось возле леса, и незаметно угнали одну корову. Зарезала ее Гиена, ободрала шкуру.

— Сеньора Гиена! — сказал тут Заяц. — Здесь на земле очень грязно, все мясо испачкается. Давайте поднимем тушу на дерево и привяжем покрепче. Когда нужно будет отрезать мяса, спустим тушу и возьмем по куску. А потом снова вверх подтянем. Главное, если хозяин стада заметит, что не хватает одной коровы, ему и в голову не взбредет искать ее на дереве!

Понравилось это предложение Гиене, и она согласилась.

Притащил Заяц толстую веревку, один конец привязали они к задним ногам туши, другой — перебросили через толстый сук и дружно подтянули тушу вверх. Прыгнул Заяц на дерево, привязал мясо покрепче и крикнул:

— Спасибо за помощь, сеньора Гиена! Мне этого мяса на месяц хватит. Всего вам хорошего!

Ничего не поняла Гиена. Не знала она, что Заяц заранее затащил на то дерево три больших камня и котел с водой. Но когда увидела, что Заяц развел под котлом огонь и варит мясо на дереве, захрипела Гиена от злости, стала прыгать вверх. Да разве ей достать Зайца?

Скоро по лесу разнесся запах вареной говядины, и Гиена еще больше обозлилась. Она клялась разорвать Зайца на кусочки, но как до него добраться? А заяц только смеялся.

Наконец поняла Гиена, что одной ей не справиться, и побежала за Обезьяной.

— Тетушка Обезьяна! — сказала она. — Помоги мне отнять у Зайца мясо. Он украл его и спрятал на дереве. Помоги, я с тобой поделюсь.

Обезьяна обрадовалась, согласилась, и помчались они к тому дереву, на котором Заяц варил мясо.

Увидел он Обезьяну и засмеялся:

— Ха-ха-ха! Сеньора Гиена нашла помощницу. Посмотрим, что ей самой достанется при такой помощнице!

Вытащил Заяц мясо из котла и начал его уплетать да приговаривать:

— Ах, вкусное мясо! Ах, жирное мясо!

У Гиены и Обезьяны слюни потекли.

— Лезь скорее на дерево, а не то он все съест! — приказала Гиена.

Но когда Обезьяна полезла на дерево, Заяц вдруг запел:

Обезьяна не из соли —

Не боится кипятка!

Обезьяна не растает —

Лишь ошпарится слегка!

И едва Обезьяна приблизилась, Заяц наклонил котел и плеснул ей горячим жирным наваром прямо в лицо.

Взвыла Обезьяна от боли и свалилась на землю. Схватила она за лицо руками, согнулась в три погибели и пустилась бежать.

А Заяц смотрел ей вслед и хохотал:

— Ха-ха-ха! Вот так помощница у сеньоры Гиены! Схватила самый большой кусок мяса и бежит домой — вон как согнулась от тяжести! А Гиена сидит под деревом и чего-то ждет. Наверное, думает, что мясо осталось здесь наверху. Ха-ха-ха!

И Заяц на дереве снова запел:

Обезьяна не из соли —
Не боится кипятка!
Унесла с собою мясо
До последнего куска!

Подумала Гиена: похоже, Обезьяна и впрямь ее обманула, и бросилась за ней в погоню.

А Заяц спустил тушу вниз и спрятал ее в безопасное место.

Тем временем Гиена все гналась за Обезьяной. Наконец Обезьяна устала и остановилась, все еще держась за лицо руками.

Подскочила к ней Гиена:

— А, воровка, попалась! Отвечай, куда дела мясо?

— Ой-ой-ой, сеньора! — простонала в ответ Обезьяна. — Мясо осталось на дереве, а Заяц плеснул мне горячим наваром в лицо. Ой-ой-ой! Умираю!

Но Обезьяна не умерла, только волосы у нее на лице повылезали, да так и не выросли.

А Гиена бросилась назад, к тому дереву, на котором Заяц мясо варил. Но его уже и след простыл.

С тех пор Гиена гоняется за хитрым Зайцем, хочет отнять у него тушу коровы. Гоняется, да никак не поймает!

46. Заяц и матсу

В наших краях живет один зверек, очень похожий на зайца. У него такие же длинные уши, как у зайца, и он так же быстро бежит. Но в отличие от зайца, тело у него — красное. Называется этот зверек «матсу».

Однажды матсу сказал зайцу:

— Сейчас я возьму горящую головешку и подожгу эту траву. И если не сгоришь вместе с ней, я поверю, что ты большой колдун.

Заяц сначала было отказался.

— Ты сперва сам покажи, как это делается, — сказал он. — Пойди и спрячься в сухую траву, а я подпалю ее!

Но потом он все же согласился и укрылся в траве.

Матсу крикнул ему:

— Заяц, ты уже спрятался?

— Да! — ответил тот.

Матсу крикнул еще раз:

— Заяц, ты уже спрятался?

— Да, я уже спрятался! — подтвердил заяц.

Матсу взял головешку и сунул ее в траву, в которой укрылся заяц. Трава загорелась. Пламя было очень и очень жарким.

Когда огонь погас, матсу окликнул зайца:

— Заяц, ты еще жив?

— Да, — ответил тот. — Я жив-здоров, огонь не тронул меня.

Матсу пошел на голос и увидел, что заяц сидит в земляной норе. Глаза зайца были прикрыты пучком травы.

«Теперь я знаю, как надо прятаться от огня», — подумал матсу и сказал:

— Я тоже закрою свои глаза травой, как и ты. Можешь разводить огонь!

Матсу забрался в траву, и заяц поджег ее. При этом он предупредил матсу:

— Братец, мне кажется, ты сгоришь в огне!

Когда пламя подобралось к матсу, зверек начал громко кричать. Потом он обгорел и умер. Заяц сказал ему:

— Я же говорил тебе: ты сгоришь, а ты не хотел мне верить! И вот ты погиб! Что же мне теперь с тобой делать?

Он вытащил своего друга из пепла, взвалил себе на спину и отнес к речке. Там он зачерпнул немного воды и смочил матсу голову. Потом полил водой все его тело, так что тот стал совсем мокрым. И тогда матсу ожил. Заяц сказал:

— Если ты в другой раз увидишь, что люди разводят огонь, немедленно убегай в горы и прячься в пещеру! Мне же можно оставаться здесь, в траве. Я всегда смотрю, откуда и куда движется пламя, и потому огонь не может меня одолеть!

47. Коварный агути

Шел ягуар по лесной тропинке и встретил черепаху. Он сразу же схватил ее, хотел сожрать, но черепаха сказала:

— Ой, дядюшка, ты не можешь так просто съесть меня. Я объясню тебе, что нужно сделать. Раздобудь палку и ударь меня по спине.

Чтобы срезать палку, ягуару пришлось выпустить черепаху. Черепаха нырнула в воду и спаслась.

Немного спустя ягуар встретил в лесу агути. Агути доедал сыр.

— Что ты ешь? — спросил ягуар. — Что-нибудь вкусное?

— Да, попробуй.

Ягуар отведал кусочек, и так ему понравилось, что он спросил, где агути достал сыр.

— В яме с водой, что возле реки, — ответил агути. — Я обвязался лианой, нырнул и выудил сыр.

— Обязательно так и сделаю, — сказал ягуар.

Он крепко обвязался лианой, агути бросил его в воду, и ягуар чуть не утонул. Целый день он отлеживался, чтобы восстановить свои силы.

«Убью я агути!» — решил ягуар и начал его выслеживать. Наконец он нашел агути, который ел плод тапаро.

— О дядюшка, не убивай меня, — попросил агути. — Ешь ли ты вот эти плоды?

Ягуар попробовал и спросил агути, как достать плоды.

— Я делаю это вот так, — объяснил агути, взял камень и нанес себе сильный удар между задних лап (а там лежал плод тапаро!).

Ягуар взял камень и ударил изо всех сил себе между лапами. Он очень заболел и должен был долго-долго лежать. Ягуар не мог есть, не мог шевельнуться.

Когда ягуар поправился, он снова пошел искать агути, чтобы ему отомстить, и встретил агути в горах. Ягуар схватил агути и готов уже был его растерзать, как агути закричал:

— Дорогой дядюшка, не убивай меня! Я очень маленький, не так уж много мяса у меня на костях! Я не еда для тебя — тебе нужно много мяса. У меня есть корова — вот эта еда для тебя! Я отдам тебе корову.

Ягуар согласился, и они отправились за коровой. Когда они пришли, агути сказал:

— У меня две коровы. Сначала я сброшу с горы черную. Лови ее, но не ешь. — И агути сбросил ягуару огромный камень, который сбил ягуара с ног. На этот раз ему пришлось пролежать под кустом четыре месяца.

Когда ягуар поправился, он снова пошел искать агути, но не смог его найти. Агути отправился куда-то далеко-далеко. На пути он встретил человека, который выдалбливал лодку. Человек сказал:

— Дома у меня есть топор получше.

— Я схожу за ним, — сказал агути и пошел к дому. Дочь и жена этого человека были дома.

— Ваш муж прислал меня полежать с вашей дочерью, — так приветствовал их агути. Он полежал с дочерью, а потом и с матерью. После этого он ушел.

Человек ждал, ждал, но агути так и не вернулся, и человек сам пошел за топором.

— Ты послал агути полежать с нами? — спросили его женщины.

И тогда человек понял, что агути обманул его. И решил отомстить. Много деревень прошел он, и всюду ему говорили, что агути уже ушел дальше. Человек продолжал свои поиски. Много дней он шел следом за агути и наконец догнал его.

Когда агути увидел человека, он убил маленького зверька, изготовил мешочек, наполнил его кровью, а сам оделся в шкуру этого зверька.

«Теперь-то уж я убью его!» — подумал человек, когда увидел агути в шкуре, и всадил в него нож. Агути выпустил немного крови из мешочка, и кровь потекла по шкуре, хотя он вовсе не был ранен. Потом агути выбрался из шкуры.

Человек удивился:

— Ты не умираешь, когда кровь течет из тебя?

Агути ответил:

— Да, я не умираю даже от удара ножом, — и взял у человека нож и вонзил его в мешочек с кровью, спрятанный на груди под одеждой. Кровь забила струей.

— И ты так можешь сделать, — сказал агути человеку.

Человек взял нож, всадил его себе в грудь и упал замертво.

Пошел агути дальше и дошел до деревни муравьев, мимо которой никак не мог пройти — муравьи хотели его съесть. Он завернулся в лакомый для муравьев лист. Муравьи съели лист, а агути тем временем прошел мимо их деревни.

Пришел он к реке. На другом берегу стояла деревня, но агути не мог переправиться — у него не было лодки. Подозвал он каймана, попросил перевезти его через реку и еще сказал:

— Только не съешь меня!

Кайман пообещал не есть его, и агути взобрался кайману на спину. Кайман переплыл реку, но побоялся подплыть к самому берегу.

— Подплыви поближе! — убеждал его агути.

Наконец они подплыли к берегу, и агути прыгнул на землю, а когда он прыгал, он ударил каймана по голове топором. С того времени на макушке каймана отметинка.

Агути отправился в деревню. На дороге стояла западня, под которой ему нужно было пройти. Когда агути пробегал под нею, сорвался большой топор и отрубил у агути кусочек хвоста. Вот почему теперь у агути хвост-коротышка.

48. Заяц и улитка

Однажды папаша-заяц, проходя около эбенового дерева, поднял голову и увидел, что с одной из веток свисает осиное гнездо. Подумал заяц немного, потом взобрался на дерево, привязал к осиному гнезду

веревку и спустился на землю. Взяв в лапу другой конец веревки, он ушел под деревом и стал ждать.

Сидел он, сидел, ждал-ждал и вдруг заметил: мимо ползет кумалитка. Остановилась она, посмотрела на зайца и видит: сидит тот с веревкой в лапе и не шевелится. Улитка спросила:

— Кум, что ты с этой веревкой делаешь?

— Тише, кума, не мешай детям заниматься! Разве ты не знаешь, что здесь школа? Меня наняли звонить в колокол: дети приходят в восемь часов — я звоню, уходят в десять — снова звоню. Платят мне шесть пиастров в месяц, а еще дают полмешка риса и соленую рыбу — хорошее место! Жаль только, что я должен его бросить — доктор говорит, что мне надо поехать в деревню, там воздух лучше.

— Послушай, кум, если тебе надо уехать, уступи это место мне.

— Я уеду сегодня же, если найду кого-нибудь вместо себя.

— Я пойду на твое место!

— Хорошо, я согласен, но смотри, звони вовремя!

— Не беспокойся, кум, моей работой будут довольны! Давай мне веревку!

Дал заяц улитке веревку и сказал:

— Слушай внимательно: на колокольне сейчас пробьет десять, и ты начинай тоже звонить. Смотри же, не пропусти!

Заяц ускакал, а улитка под эбеновым деревом взяла конец веревки и стала ждать. Когда в церкви зазвонили, улитка потянула за веревку — но ни звука не раздалось, колокол не зазвонил.

— Мать моя, до чего же он тихий! — воскликнула улитка.

Повисла она на веревке и начала раскачиваться. Вдруг ветка сломалась, и осиное гнездо упало на землю. Разъяренные осы вылетели из него и ну жалить улитку во все места.

— Айо, мать моя! — закричала улитка.

Она кинулась прочь, а осы полетели за ней и оставили ее только тогда, когда ей стало совсем плохо.

Прошел месяц или два — улитка выздоровела. И вот как-то раз, проползая под капустной пальмой, она увидела около нее зайца. Улитка очень рассердилась и закричала:

— Так вот ты где мне попался, негодяй! Теперь я убью тебя!

Но хитрый заяц ответил:

— Ты что кричишь, кума? Или ты рехнулась? Ведь здесь церковь — видишь колонны? — И он показал на стволы капустных пальм. — Я церковный сторож, и, если ты будешь здесь кричать, мне придется прогнать тебя!

Растерялась улитка и не знает, что ей сказать. А заяц поскакал за дерево, обмакнул лапу в блюдечко меда, которое было у него спрятано под папоротником, вернулся к улитке и сказал:

— Ну, кума, попробуй этой святой воды!

Попробовала улитка, и у нее глаза полезли на лоб от удивления:

— Бог мой, такой вкусной святой воды я еще не пробовала! Где у вас в церкви ее держат?

— Пойдем покажу.

И заяц повел ее. Но показал он улитке не блюдечко с медом, а огромный пчелиный улей. Внутри улья было полно пчел. Заяц оставил улитку около него и ускакал прочь. Улитка подползла к улью и сказала:

— Я хочу помолиться, но сначала попью немного святой воды.

Она сунула в улей ножку. Тучей поднялся из него рассерженный пчелиный рой и налетел на улитку. Она обезумела от боли, стала кататься по земле, а потом затихла. Пчелы подумали, что она мертвая, и улетели прочь.

Прошло месяца два или три — улитка снова выздоровела. И вот однажды заяц отправился с визитом к дочери короля. Разговаривали они, разговаривали, и дочь короля спросила зайца:

— Вы улитку знаете?

— Вы спрашиваете, знаю ли я улитку! Как же мне не знать ее, когда она у меня вместо лошади! Сегодня в четыре часа подойдите к окну — и вы увидите, как я еду на ней верхом!

Выйдя из королевского дворца, заяц поскакал в лес. Он знал место, где одна наседка высиживала цыплят, и отправился прямо к ней. Взяв из-под нее три протухших яйца, он положил их в карман и поскакал туда, где обязательно должна была проползти улитка. Там он сел на камень. Когда улитка приползла, она увидела зайца и закричала:

— Ну, негодник, теперь уж ты от меня не уйдешь — я тебя убью!

Заяц притворился плачущим:

— Айо, айо, друг, убить меня совсем нетрудно — я сейчас болен и вот-вот умру. Айо, айо, как плохо мне! Прости, кума, прости за все! Пожалуйста, помоги мне подняться — попробую как-нибудь добраться до больницы, может, врач мне поможет. Айо, айо, будто огонь у меня в животе! Айо!

Улитка подползла к нему поближе и почувствовала зловоние — это заяц раздавил одно из тухлых яиц.

— Какая же от тебя вонь — подойти невозможно! — воскликнула она.

— Айо, айо, кума, от меня пахнет потому, что я скоро умру! Айо, меня ноги не держат! Отнеси меня в больницу, бог тебя наградит за это!

Улитка была добрая и посадила зайца себе на спину.

— Дай мне уздечку, кума, — слишком я слаб, могу упасть.

Улитка дала зайцу уздечку.

— Дай мне кнут, кума, его ручкой я буду показывать тебе, куда меня везти, а то дорогу в больницу найти трудно. Айю, когда я говорю, в горле у меня словно огонь горит; не заставляй же меня говорить, кума, дай мне скорее кнут, айю!

Улитка дала зайцу кнут. Уселся заяц на нее верхом, в одной лапе кнут, в другой уздечка, и направил ее к королевскому дворцу. Ползет улитка медленно, как и все улитки, и заяц ей и говорит:

— Эй, больница в четыре закрывается — скачи, а то опоздаем!

Улитка ползет по-прежнему. Заяц натянул уздечку:

— Скачи, я тебе говорю!

Улитка рассердилась и крикнула:

— Если не будешь сидеть спокойно, я тебя сброшу!

Заяц расхохотался:

— Попробуй, кума, попробуй!

И заяц начал хлестать ее кнутом. Хотела улитка его сбросить, да куда там — уздечка режет ей рот, удары кнута оглушают! Пришлось улитке пуститься вскачь. Когда она пробегала перед окном королевской дочери, заяц сорвал с головы шляпу и помахал ею, приветствуя принцессу.

Совсем недалеко было море. Заяц погнал улитку к берегу и заставил ее войти в воду. Улитка не умела плавать и хотела остановиться, но заяц гнал ее все дальше и дальше. Наконец вода накрыла ее с головой. Улитка забилась, открыла рот, чтобы крикнуть, но захлебнулась и утонула.

А заяц вернулся на берег и, когда его одежда высохла, поскакал к дочери короля и сказал ей:

— Никудышная лошадь эта улитка. Я продал ее тетушке-корюшке.

49. Заяц в гостях у слона

Наварил слон пива и, созвав зверей, сказал им:

— Этим пивом я буду угощать только рогатых, а безрогие пусть не приходят!

Все звери боялись слона и слушались его. Но заяц подумал: «Хорошее пиво у вождя. Как бы мне его отведать?»

Спрятался он в кустах и стал подкарауливать молодого оленя. Когда тот проходил мимо, заяц прыгнул ему на спину, отрезал рога и, приклеив их себе на голову, отправился в гости к слону пить пиво.

Когда слон увидел зайца, он сказал:

— Самые лучшие рога у зайца! Пусть он разливает пиво!

Другие звери тоже стали хвалить заячьи рога. А заяц принялся разливать пиво и себе, конечно, налил больше всех. Он так много выпил пива, что опьянел. И вот к слону пришел старый олень. Заяц спросил его:

— Почему ты так поздно? Разве ты безрогий?

— Я пришел посмотреть, как ты пьешь пиво, — ответил старый олень и сел в стороне. Затем он потихоньку сказал зайцу:

— Слушай, заяц, то, что приклеено, отклеится!

Тут все стали спрашивать зайца, что шепнул ему олень; заяц же засмеялся и сказал, что старый олень пьян и потому не стоит обращать на него внимания. Но олень вновь сказал, теперь уже громко:

— Заяц, то, что приклеено, отклеится!

Испугался заяц, задрожал, рога отклеились и упали. А заяц со всех ног бросился бежать.

50. Великое падение трикстера и его месть

Однажды, когда канюк парил в воздухе, увидел он, как Манабозо идет куда-то. Он подлетел немного к земле с расправленными крыльями и услышал, как Манабозо говорит: «Канюк, ты, должно быть, очень счастлив там наверху, где в воздухе можешь парить и видеть, что тут на земле делается. Возьми меня себе на спину, чтобы я мог подняться с тобой и посмотреть, как это все выглядит оттуда, где ты живешь». Канюк спустился и сказал: «Манабозо, залезай мне на спину, я возьму тебя в небо, чтоб ты увидел, как выглядит мир оттуда, где я живу». Манабозо подошел к канюку, но увидел, какая у того гладкая спина, и сказал: «Канюк, я боюсь, что ты так полетишь, что я соскользну у тебя со спины. Ты уж будь поосторожнее, не носись слишком быстро, чтоб я удержался у тебя на спине». Канюк сказал Манабозо, что он будет осторожным, хотя птица эта решила сыграть с ним шутку, если получится. Манабозо взгромоздился на канюка и уцепился за перья как только мог. Канюк разбежался, подпрыгнул, расправил крылья и поднялся в воздух. Манабозо совсем оробел, когда канюк понесся по воздуху, а когда он кружил, то так набок наклонялся, что Манабозо едва мог удержаться и очень боялся соскользнуть. А вскоре, когда Манабозо загляделся на землю внизу, канюк так круто взял набок, что наклонился больше обычного. У Манабозо хватка ослабла, он соскользнул и стрелой полетел к земле. Он ударился о землю с такой силой, что лишился чувств. Канюк в небе вернулся на свое место и парил себе, разглядывая, что же произошло с Манабозо.

Манабозо долго лежал как мертвый. Когда он пришел в себя, то увидел, как что-то маячит перед глазами, и это устало висело на него. Сначала он никак не мог это узнать, но когда положил руки на эту штуку, то понял, что это его собственные ягодицы, так он весь скрючился. Он поднялся и собрался было идти, как заметил над собой канюка, который радовался своей проделке.

Манабозо тогда сказал: «Канюк, ты сыграл со мной шутку — так сделал, что я упал, но я сильнее тебя, и я отомщу». Канюк тогда ответил: «Нет, Манабозо, ты ничего такого со мной не сделаешь, потому что не сможешь обмануть меня. Я буду за тобой следить».

Манабозо остался, а канюк, ничего особенного в его движениях не видя, полетел дальше. Тогда Манабозо решил превратиться в мертвого оленя, потому что знал, что канюк любит кормиться мертвыми животными и рыбой. Тогда Манабозо пошел на такое место, которое было видно издалека и отовсюду, лег там и превратился в тушу оленя. Вскоре разные звери, птицы и ползающие твари, которые кормятся такой пищей, начали собираться вокруг мертвого оленя. Канюк заметил птиц, летящих к этому месту, и пристал к ним. Он облетел несколько раз, чтоб посмотреть, не собирается ли Манабозо обмануть его, а потом подумал: «Нет, это не Манабозо, это и в самом деле мертвый олень». Тут он придвинулся к туше и начал выклевывать мясо из бедра. Все глубже и глубже выклевывал канюк мясо, пока его голова и шея не скрывались совсем в туше каждый раз, как он отщипывал внутри кусок жиру. Неожиданно, когда канюк совсем влез с головой в тушу, олень вскочил и весь подобрался, так что крепко зажал голову и шею канюку. Тут Манабозо сказал: «Ага! Я тебя, канюк, все-таки поймал, я ведь тебе и говорил, что поймаю! Ну, а теперь вытаскивай голову!» С большой натугой канюк вытащил голову из тела, где она была зажата, но все перья вылезли, и на голове с шеей ничего не было — только кожа красная. Тогда Манабозо сказал птице: «Так вот я наказываю тебя за предательство. С этих пор ты пойдешь по свету без перьев на голове и шее и всегда от тебя будет вонять — из-за пищи, которую ты должен будешь есть». Вот почему от этого парня-канюка всегда так воняет и у него на голове и шее нет перьев.

51. Конец братца Волка

Тот, кто всем надоедает и сует нос не в свое дело, рано или поздно поплатится за это. Взять вот хотя бы братца Волка. Что бы ему мирно заниматься своими делами — так на тебе! Повел он дружбу с братцем Лисом, и с той поры братец Кролик совсем покоя лишился. Замучила его эта парочка своими преследованиями. А вот кончилось все ужасно плохо для братца Волка.

Вконец затравили они беднягу Кролика. Ни днем ни ночью не было ему покоя. Он даже из дома не мог отлучиться ни на минуту. Стоило ему отойти на шаг — а Волк уже здесь, и вот уже недостает кого-нибудь из крольчат. Поставил себе Кролик дом из соломы — дом сожгли. Выстроил Кролик дом из сосновых веток — его сломали. Соорудил

Кролик жилище из коры — разрушили в два счета! И всякий раз, как нападут на кроличий дом, обязательно унесут крольчонка.

Кролик себе места не находил, даже браниться стал — вот до чего довели его! Наконец позвал он плотников да каменщиков, и те поставили ему деревянный дом с кирпичным низом. После этого зажил Кролик со своим семейством в тишине и покое. Ходил он в гости к соседям, а вернувшись домой, усаживался у очага, покуривал трубку, почитывал себе газетку — словом, жил, как подобает обыкновенному семейному кролику. Пропилил он в полу отверстие, чтобы крольчиха с крольчатами могли быстро спрятаться в подвале, если случится какая тревога по соседству. А к двери Кролик приладил надежный засов.

Понял Волк, что теперь уж ему здесь не пожить, и перестал преследовать Кролика. Малыши-крольчата были ужас до чего пугливы, но сам Кролик настолько расхрабрился, что отныне, если слышал поблизости шаги Волка, не испытывал ни малейшего страха! Даже мурашки по спине у него больше не бегали!

Вот собрался как-то братец Кролик проведать жену брата Енота. Только он к порогу — слышит вдруг на дороге страшный шум, возню, топот. Не успел разобраться, в чем дело, глядь — а братец Волк уже в доме! Крольчат как ветром сдуло, мигом в подвал скатились. Волк весь в грязи, запыхался, едва может слово вымолвить. «Спаси меня, братец Кролик! — хрипит. — Умоляю, спаси! Смилуйся надо мной, братец Кролик! За мною собаки гонятся, поймают — разорвут на кусочки. Слышишь? Вот они, совсем близко. Спрячь меня, пожалуйста, куда-нибудь, чтобы собаки не нашли меня». — «Ну что ж, спрятать можно! Прыгай живее в тот сундук, братец Волк, прыгай и устраивайся там как у себя дома!» — крикнул ему Кролик.

Прыгнул Волк в сундук, а Кролик крышку захлопнул и на крючок запер. Есть! Попался братец Волк! Подошел Кролик к зеркалу и подмигнул сам себе, весело так! Потом придвинул к огню качалку, уселся поудобнее и достал из табакерки добрую понюшку табаку. Долго сидел так Кролик, все думал да прикидывал, а после встал и принялся шагать по комнате. Тут Волк подал голос: «А что, братец Кролик, ушли собаки?» — «Да нет, братец Волк, одна никак не желает уходить, все принохивается возле самого дома».

Взял Кролик чайник, наполнил его водой и поставил на огонь. «Что это ты там делаешь, братец Кролик?» — «Да вот чайком угостить тебя хочу, братец Волк». Подошел Кролик к полке с инструментами, взял бурав и начал сверлить дырки в крышке сундука. «Что это ты там делаешь, братец Кролик?» — «А я дырки сверлю, братец Волк, чтобы ты там не задохнулся». Выскочил Кролик на минутку во двор, притащил охапку дров и подбросил их в огонь. «Что это ты там делаешь, братец

Кролик?» — «Да вот дровец в огонь подбрасываю, чтобы ты не замерз, братец Волк». Спустился Кролик в подпол и одного за другим вытащил оттуда всех крольчат. «Что это ты там делаешь, братец Кролик?» — «А я вот деткам своим рассказываю, какая у тебя добрая душа, братец Волк». Крольчата даже лапками рты зажали, чтобы не прыснуть со смеху.

Тут чайник закипел. Взял его Кролик и давай лить кипяток в дырки. «Что это там шумит, братец Кролик?» — «Это ветер воет, братец Волк». А вода тем временем все глубже просачивается, все глубже. «Кто это здесь кусает меня, братец Кролик?» — «Это блохи, братец Волк, блохи». — «Да они пребольно кусаются, братец Кролик!» — «А ты перевернись на другой бок, братец Волк». — «Все равно больно, братец Кролик!» — «Это все блохи, братец Волк, все они». — «Они сожрут меня заживо, братец Кролик!» — завопил Волк что было силы. Это было его последние слова — ведь с кипятком шутки плохи!

Созвал Кролик всех своих соседей и закатил веселый пир!

Если доведется вам побывать в доме братца Кролика, вы непременно увидите шкуру братца Волка — она висит как раз у заднего крыльца. Вот оно как. А все потому, что больно уж любил этот братец Волк соваться не в свои дела!

52. Слон, бегемот и заяц-веревочник

Жил когда-то заяц-веревочник. Вил веревки, продавал их, тем и кормился.

Однажды свил заяц толстый канат, длинный-предлинный, и притащил его в лес. Видит, идет навстречу слон.

— Слон! — сказал заяц. — Давай померимся силами, кто кого перетянет.

— Это как же? — удивился слон.

— А так: ты возьмешься за один конец, я — за другой, — объяснил заяц, — и каждый будет тянуть в свою сторону. Кто перетянет, тот получит сто эскудо.

Слон не поверил своим ушам.

— Это ты со мной хочешь тягаться силами?

— Ага! — кивнул заяц.

— Значит, ты думаешь перетянуть меня? — не переставал удивляться слон.

— Да, да! — повторил заяц. — Держись за канат, а я побегу схвачусь за другой конец. Как только дерну — тяни!

Дал заяц один конец каната слону, а сам побежал через лес к реке. Там он отыскал бегемота.

— Друг бегемот! — окликнул его заяц. — Пойди-ка сюда, я тебе что-то скажу.

— Что тебе надо? — спросил бегемот.

— Видишь этот канат? Давай меряться силами. Если ты меня утянешь в воду, я плачу сто эскудо, если я тебя вытащу на берег — ты мне заплатишь.

— Послушай, заяц! — сказал бегемот. — Ты в своем уме? Это ты хочешь вытащить меня из реки на берег?

— Да, да! — закивал заяц.

— Ну, ладно, давай канат!

— Держи! А я побегу к другому концу. Как дерну — тащи!

Отбежал заяц в лес, ухватился обеими лапами за середину каната и дернул.

Слон и бегемот начали тянуть канат, каждый в свою сторону. Долго никто не мог пересилить. То слон вытащит бегемота на берег, то бегемот потянет слона к реке. А заяц сел в лесу возле каната и следит за их поединком. Как увидел он, что канат натянулся, взмахнул ножом и перерубил его посередине.

От неожиданности слон полетел кувырком на землю, а бегемот с шумом плюхнулся в воду. Слон бедняга так ударился головой о дерево, что потерял сознание. А бегемот, сорвавшись с обрыва, поднял в реке такие волны, что всех крокодилов, которые были поблизости, выкинуло на сушу.

На другой день оба, слон и бегемот, поплелись к знахарю лечить свои раны. И там встретились.

— Ох, никогда бы не поверил, что заяц так силен! — пожаловался бегемот. — Но вчера мы с ним мерились силами, и он меня чуть не одолел.

— Постой! — сказал слон. — И меня тоже! Да заяц ли это был?

Разговорились слон и бегемот, дальше — больше, и поняли, что заяц их одурачил, и решили они зайцу отомстить.

— Пусть только покажется в лесу! — сказал слон. — Поймаю — живым не выпущу.

— Пусть только попробует подойти к реке, — сказал бегемот. — Увижу — утоплю!

А заяц-веревочник в это время сидел, притаившись в кустах, и слышал весь разговор. Прибежал домой и стал думать, как быть. Конечно, денег ему теперь ни слон, ни бегемот не заплатят. Да уж бог с ними! Лишь бы живым остаться!

Думал он, думал и отправился в лес. Нашел там дохлую козу, содрал с нее шкуру. Шкура была старая, вся червями и муравьями изъеденная. Напялил ее заяц на себя и стал похож на старую больную козу, такую облезлую, что смотреть противно!

Подошел заяц к реке, увидел его бегемот и удивился:

— Эй, коза, что с тобой приключилось?

— Это все козни зайца! — услышал он в ответ. — Он знает страшное заклятие. Стоит кому его обидеть — он на того напускает червей да муравьев. Видишь, что стало с моей шкурой!

— Послушай! — сказал испуганно бегемот. — Если встретишь зайца, передай ему, что я на него зла не держу. Пусть ходит к реке, когда хочет, я ему всегда рад!

— Ладно! — ответил заяц из-под козьей шкуры. И отправился в лес.

В лесу он отыскал слона.

— Послушай, коза! — сказал слон. — Что с тобой? На тебе живого места нет!

— Это все заяц! Недавно обидела я его, вот он и наслал на меня эту напасть. Сказал какое-то страшное заклятие, и с тех пор мою шкуру точат черви и муравьи.

— Знаешь что, коза! — сказал испуганный слон. — Если увидишь зайца, передай ему, что я на него не сержусь. Пусть ходит по лесу, когда хочет!

— Ладно! — ответил заяц из-под козьей шкуры.

Прибежал он домой, сбросил дырявую шкуру. А потом пошел на берег реки.

Увидел его бегемот, встревожился.

— Ах, вот наш силач! — забормотал он. — Тебе старая коза передала, что я всегда рад тебя видеть?

— Если рад, плати сто эскудо! — ответил заяц. — Ведь я тебя победил? Да или нет?

— Да, да! — поспешил согласиться бегемот.

И скрепя сердце заплатил зайцу сто эскудо.

Прямо от бегемота отправился заяц в лес отыскивать слона.

— А, друг мой заяц! — приветствовал его слон. — Тебе старая коза передала мои слова?

— Какие слова?

— Что я тебе всегда рад и зла на тебя не таю.

— Значит, ты признаешь, что я тебя победил? Да или нет? Если да — плати деньги!

— Да, да! — сказал слон.

А про себя подумал: «Лучше уж заплатить сто эскудо, чем с этим зайцем связываться!»

И уплатил.

С тех пор зайцы бегают где хотят, и по лесу, и у реки, и ни бегемоты, ни слоны их никогда не трогают.

53. Обезьяна и заяц

Однажды разговорились заяц и обезьяна.

Обезьяна сказала:

— Старший брат заяц, я могу просидеть целый день и не чесаться.

Заяц ответил:

— Сестрица обезьяна, это трудно.

— Клянусь бородой моего отца, я могу просидеть весь день и не чесаться!

Тогда заяц сказал:

— Сестрица обезьяна, а я смогу просидеть целый день и не оглядываться.

— Нет, заяц, в это трудно поверить.

— Я поклянусь, чем хочешь, что просижу весь день не оглядываясь.

— Тогда давай завтра попробуем.

Утром обезьяна и заяц уселись и начали наблюдать друг за другом. До самого полудня обезьяна не чесалась, а заяц не оглядывался.

Потом зайцу захотелось оглянуться. Он сказал:

— Сестрица обезьяна, когда была большая война, пули так летали, что только поворачивайся! — говоря так, заяц оглядывался.

Задумалась обезьяна. Думала, думала и сказала:

— Братец заяц, еще в прошлую войну пули так на нас сыпались, совсем как дождь. Если пуля падала рядом с нами, мы их хватали и отбрасывали, хватали и отбрасывали вот так! — говоря это, обезьяна почесалась.

Заяц и обезьяна поняли друг друга. Оба рассмеялись.

У бамара есть поговорка: «От всего легко избавиться, кроме привычки».

Привычка — что теплая одежда: когда жарко, мы ее снимаем, когда холодно — надеваем. К чему человек привык, от того он в один день не отвыкнет.

54. Заяц и буйвол

Однажды заяц увидел, как буйвол рогами ломает дерево, чтобы запасти себе дров.

«А я чем хуже? — подумал заяц. — Я тоже так могу».

Разбежался он да как стукнется лбом о ствол дерева. Так стукнулся, что голова у него ушла в плечи.

Завопил заяц не своим голосом. Услышал его буйвол. Смотрит — что такое? Прыгает заяц без головы! Подошел он ближе и увидел, что

голова зайца ушла в плечи. Схватил зайца за уши, потянул. Голова у зайца встала на место, только уши с тех пор длинные.

Побежал заяц домой. И поклялся больше не подражать буйволу. То, что может рогатый, безроговому не под силу!

55. Колофаны

Был когда-то великий король, который жил в большом прекрасном доме. В саду вокруг дома росли все деревья, какие только есть на свете. У короля было много денег и большие стада, только одного ему не хватало: в бассейне его не было ни капли воды — он высох.

И вот однажды задумался король: как бы ему достать воды для бассейна? Наконец он позвал лошадь и сказал ей:

— Отправляйся к бабушке-паучихе и спроси у нее, что нужно сделать, чтобы потекла вода. И смотри — только туда и обратно, я тебя жду!

Лошадь ответила:

— Хорошо, ваше величество!

Прискакав к дому паучихи, она сказала:

— Добрый день, добрый день, бабушка-паучиха! Король спрашивает вас, что нужно сделать, чтобы в бассейн потекла вода?

Паучиха привстала на ножки, пристально посмотрела на лошадь и ответила:

— Скажи королю, пусть рубит колофаны — тогда вода потечет.

Лошадь поскакала галопом, но по дороге споткнулась о пень тамбалакока. Ей было очень больно, и она не удержалась и обругала тамбалакок. Наконец лошадь вернулась к королю.

Король спросил у нее, что сказала паучиха, и лошадь, все мысли которой были заняты только тамбалакоком, ответила:

— Паучиха сказала, чтобы вы рубили тамбалакок — тогда вода потечет в бассейн.

Обрадовался король и велел вырубить весь тамбалакок, который рос около его дома, но вода так и не потекла. Король очень рассердился, велел схватить лошадь и отрубить ей голову. После этого он приказал позвать корову. Когда корова пришла, король послал и ее к бабушке-паучихе. Паучиха сказала ей то же самое:

— Пусть рубят колофаны!

На обратном пути корове захотелось есть. Она стала искать траву, но травы вокруг не было, и корова начала есть нежную листву эбенового дерева. Листья его были горькие. Когда корова вернулась, король спросил у нее, что сказала паучиха. Во рту у коровы было полно горьких листьев, и она ответила:

— Паучиха говорит, что надо рубить эбеновые деревья.

Обрадовался король и велел срубить все эбеновые деревья, но вода так и не потекла, бассейн так и остался сухим. Снова рассердился король и велел убить корову.

Тогда пришел к королю папаша-заяц и стал удивляться:

— Почему вы, ваше величество, даете поручения таким дуракам? У вас есть я, а вы посылаете других!

— Хорошо, кум, иди.

Зяец отправился к паучихе, и паучиха ему сказала:

— Да рубите же колофаны!

Зяец поскакал назад к королю и по дороге встретил охотника с ружьем. Брр! Испугался заяц и бросился в сахарный тростник, спрятавшись под опавшими листьями и просидел там три дня. Потом ночью, когда стало совсем темно, заяц вылез и поспешил к королю. Однако, как ни чесал он свою голову, вспомнить название дерева ему так и не удалось, и он сказал королю:

— Рубите деревья бадамье!

Срубили деревья бадамье, но вода в бассейн так и не потекла. Король отрубил зайцу голову и велел отнести его на кухню — половину изжарить, а другую приготовить в вине.

Загрустил король: по-прежнему сух его бассейн. И тут к королю пришла черепаха и попросила, чтобы он послал к паучихе ее. Хоть и грустно было королю, но тут он не выдержал и рассмеялся:

— Когда же ты, кума, вернешься?

— Когда вернусь, не знаю, ваше величество, но ответ у вас обязательно будет.

Король согласился, и черепаха отправилась к бабушке-паучихе. Медленно-медленно ползла она, но нигде не останавливалась и не сворачивала с дороги. Наконец добралась она до дома паучихи и спросила у нее, что нужно сделать королю, чтобы к нему в бассейн потекла вода. На этот раз паучиха рассердилась:

— Надоели вы мне с этим бассейном! Нет воды — лейте пальмовое вино, мне-то что за дело!

Черепаха стала уговаривать паучиху, и наконец та сказала:

— Рубите колофаны!

Черепаха поползла назад. Месяца через три король увидел ее вдалеке и спросил жену:

— Вы любите черепашьё мясо? По-моему, сегодня оно будет у нас на обед.

И чтобы не терять времени, король позвал своего повара.

Повар пришел, а тут как раз и черепаха приползла. Король ее спрашивает:

— Ну как?

— Как? Рубите колофаны, ваше величество, и в бассейн потечет вода. Король подумал, что над ним снова хотят подшутить, очень рассердился и сказал черепахе:

— Я велю срубить колофаны, но если вода у меня в бассейне не появится, то в моем котле сегодня будет вариться черепаха.

Плотник короля срубил все колофаны, и что вы думаете?

Из земли вокруг бассейна начала сочиться вода, и — о чудо! — бассейн наполнился.

Король так обрадовался, что сказал повару:

— Режь индеек, режь гусей, режь цесарок, режь голубей! Вечером я устраиваю большой обед — будут крестины бассейна, и не какие-нибудь мышиные, а королевские!

Они много ели, они много пили — но вы, может, думаете, что они пили воду из бассейна? Как бы не так, король не дурак: эта вода для купанья, а пили они вино и ликер. Попросил я стаканчик, а они мне — под зад коленом, вот здесь я и упал.

56. Черепаха и обезьяна

Как-то в полдень на берегу реки обезьяна и черепаха неторопливо беседовали в тени большого дерева о том, что было, что есть и что будет. Вдруг они увидели, что мимо по реке плывет вырванное с корнями банановое дерево.

— Неплохо бы выловить это дерево и посадить, — сказала обезьяна.

— А ты умеешь плавать? — спросила ее черепаха.

— Я не умею, но зато умеешь ты, — отозвалась обезьяна.

— Хорошо, я выловлю дерево, — сказала черепаха, — но давай уговоримся, что поделим его и верхняя часть, с листьями, будет моя.

Обезьяна согласилась, но, когда черепаха вытащила дерево на берег, обезьяна взяла листья себе, а черепахе отдала только корни. Обезьяна была сильнее, и черепахе не оставалось ничего другого, как согласиться взять оставленную ей часть, отнести в лес и там посадить.

Верхняя часть дерева, которую забрала себе обезьяна, быстро засохла, а часть, доставшаяся черепахе, выросла и скоро уже гнулась под тяжестью спелых бананов.

Узнав, что у черепахи созрели бананы, обезьяна пошла навестить ее.

— Я отдам тебе половину бананов, если ты заберешься на дерево и сорвешь для меня плоды, — сказала черепаха.

— С удовольствием! — воскликнула обезьяна и в один миг оказалась на верхушке дерева.

Там она стала не спеша срывать и есть бананы, бросая кожуру вниз, черепахе. Бедная черепаха, не умевшая лазить по деревьям, ничего не могла поделаться с обезьяной.

«Я знаю, что сделать», — наконец сказала себе черепаха.

Она набрала палок с острыми концами и натыкала их под деревом, а потом закричала:

— Охотники, охотники!

Обезьяна очень испугалась и, надеясь спастись, прыгнула вниз, прямо на острые палки. Они проткнули ее насквозь, и через несколько часов она умерла. Так слабая черепаха отомстила сильной и лживой обезьяне.

Когда обезьяна умерла, черепаха содрала с нее шкуру, а мясо высушила и продала другим обезьянам. Но к мясу прилипли кое-какие клочки шерсти. Обезьяны, купившие мясо, увидели их и поняли, что черепаха убила их соплеменницу. Поняв это, они схватили черепаху и отвели к своему вождю на суд.

Когда вина черепахи была установлена, вождь обезьян приговорил ее к сожжению.

— Я не боюсь огня, — сказала, услышав приговор, черепаха. — Разве вы не видите, сколько у меня на панцире красного цвета? Мой отец не раз сжигал меня.

— Если она не боится огня, порежьте ее на куски! — сердито сказал вождь.

— И этого я не боюсь, — сказала хитрая черепаха. — Разве вы не видите, что у меня вся спина в шрамах? Мой отец резал меня без конца.

— Что нам делать с ней? — стали спрашивать друг друга обезьяны.

— Давайте утопим ее в реке, — предложила одна из них.

Услышав это, черепаха очень обрадовалась, но притворилась, что очень боится такой казни, и стала умолять обезьян не бросать ее в реку.

Обезьяны, довольные тем, что наконец придумали способ расправиться с черепахой, потащили ее к реке и бросили в воду.

Черепаха отплыла подальше от берега, высунула из воды голову и стала потешаться над обезьянами.

Так черепаха перехитрила глупых обезьян и спасла свою жизнь.

57. Почему у черепахи щит из кусочков

Однажды был на небе праздник; позвали на этот праздник грифа и черепаху. Вот черепаха и говорит грифу:

— Давай поспорим, кто придет на небо первым.

Согласился гриф и тут же стал укладывать себе еду в большую корзину. Пришла ночь, легли они спать, договорившись отправиться в путь наутро. Только гриф уснул, как черепаха влезла в его корзину и притаилась там. На рассвете гриф взял на плечи корзину, расправил крылья и полетел на небеса. Поставил он там корзину и пошел посмотреть, что на небе нового. А черепаха меж тем потихоньку вы-

ползла из корзины и тоже отправилась поглядеть, что делается вокруг. Гуляла она, гуляла и к вечеру встречает грифа. А тот уж и ждать ее перестал.

— А! — говорит он. — Доползла наконец?

— А как же! — отвечает черепаха. — Я ведь уже целый день здесь. Так гриф проиграл этот спор.

Когда праздник окончился, он и говорит черепахе:

— Давай-ка теперь спорить, что спущусь первым я.

— Ладно! — ответила черепаха.

Гриф расправил крылья и полетел на землю, а черепаха доползла до края небес и бросилась вниз. Но когда земля была уже совсем близко, черепаха вдруг увидела под собою огромную скалу и поняла, что сейчас разобьется о нее. Тогда она громко закричала:

— А ну, прочь с дороги, скала, а не то я тебя расшибу!

Скала посторонилась, и черепаха грохнулась прямо на землю, отчего грудь ее расплющилась, а панцирь раскололся.

Посмотри на черепаху — сам увидишь.

58. Боевая команда большой черепахи

Черепаха пошла на тропу войны и по дороге повстречалась с койотом. Он спросил:

— И куда же ты направляешься, внучек?

Черепаха отвечала:

— Я на тропе войны.

Койот спросил:

— И куда же ты направляешься?

— Я иду к лагерю, где много людей, — отвечала черепаха. — Покажи-ка мне, как ты бегаешь.

Койот побегал. Черепаха сказала:

— Быстро ты бегать не можешь, я тебя не возьму.

Черепаха пошла дальше и повстречала лиса.

— Ну, братец, и куда же ты направляешься? — спросил лис.

— Я на тропе войны, — отвечала черепаха.

— И куда же ты направляешься? — спросил лис.

— Я иду туда, где много людей, — отвечала черепаха.

— Можно и мне с тобой? — спросил лис. Черепаха сказала:

— Покажи-ка мне, как ты бегаешь.

Лис побегал, да так быстро, что черепаха едва могла уследить за ним. Черепаха сказала:

— Быстро ты бегать не можешь, я тебя не возьму.

Черепаха пошла дальше. Над ней пролетал ястреб и услышал, как черепаха говорила:

— Я на тропе войны и ищу людей, чтоб пошли со мной.

Ястреб спросил:

— Братец, что ты сказал?

— Я на тропе войны, — отвечала черепаха.

— Можно я пойду с тобой? — спросил ястреб.

— Покажи-ка мне, как ты умеешь летать, на что ты способен, — сказала черепаха.

Ястреб полетел так быстро, что черепаха на время потеряла его из виду. Когда ястреб вернулся, черепаха сказала:

— Быстро ты летать не можешь, я тебя не возьму.

Черепаха снова пошла дальше и все говорила:

— Я на тропе войны, я ищу людей, чтоб пошли со мной.

Подскочил кролик и спросил:

— Можно я пойду?

— Покажи-ка мне, как ты бегаешь, — сказала черепаха.

Кролик побегал — и побегал быстро. Черепаха сказала:

— Быстро ты бегать не можешь, я тебя не возьму.

Черепаха пошла дальше, приговаривая:

— Я ищу людей, чтоб пошли со мной.

Подскочил кремневый ножик и спросил:

— Можно я пойду с тобой, братец?

— Можно, если ты умеешь быстро бегать, — отвечала черепаха. —

Покажи-ка мне, как ты бегаешь.

Хотел ножик побежать, да не вышло.

— Годится! — сказала черепаха. — Пойдем со мной.

Пошли они дальше, а черепаха все приговаривала:

— Я ищу людей, чтоб пошли со мной на тропу войны.

Подскочила щетка для волос.

— Что ты сказала? — спросила щетка.

— Я на тропе войны, — отвечала черепаха.

— Можно я пойду с тобой? — спросила щетка. Черепаха сказала:

— Покажи-ка мне, как ты бегаешь.

Хотела щетка побежать, да не вышло. Черепаха сказала:

— Годится! Пойдем с нами.

Пошли они дальше, а черепаха все приговаривала:

— Я на тропе войны, я ищу людей, чтоб пошли со мной.

Подскочило шило и спросило:

— Можно я пойду с тобой?

Черепаха сказала:

— Покажи-ка мне, как ты бегаешь.

Хотело шило побежать, да не вышло.

— Годится! — сказал черепаха. — Пойдем с нами.

Так шли они вчетвером и пришли к большому лагерю. Черепаха послала ножик в лагерь. Пошел ножик в лагерь. Один человек заметил его и взял к себе домой. Когда он хотел разрезать мясо, ножик порезал ему пальцы, и этот человек выбросил ножик за дверь. Вернулся ножик к черепахе и говорит:

— Меня подняли, а когда человек хотел разрезать мясо, я порезал ему руку, и он выбросил меня за дверь, так я вернулся.

Черепаха сказала:

— Отлично! Теперь, щетка, иди ты и посмотри, что тебе удастся сделать.

Пошла щетка в лагерь. Подняла ее девушка и начала причесываться. Щетка выдернула у девушки волосы, и девушка выбросила щетку за дверь, и та вернулась. Она сказала:

— Братец черепаха, там есть девушка, и у нее красивые волосы. Хотела она мной причесаться, а я выдернула у нее волосы, и она меня выбросила. Смотри-ка, вот у меня тут ее волосы!

— Хорошо сработано! — сказала черепаха.

— Теперь иди ты, шило, и держись молодцом! — сказала черепаха.

Пошло шило в лагерь, и подняла его старуха. Начала она шить себе мокасины, а шило возьми да и воткнись ей в палец. Выбросила его старуха, вернулось шило и говорит:

— Братец черепаха, я крепко насолил одной женщине. Она шила мной мокасины, а я воткнулся ей в палец, и она меня выбросила.

— Хорошо сработано, братец! Теперь мой черед, — сказала черепаха.

Пошла черепаха в лагерь. Увидели ее люди и говорят:

— Это еще что такое? Поглядите-ка на черепаху — она же на тропе войны! Давайте-ка ее уьем!

Взяли они ее и говорят:

— Положим-ка ее на горячие угли!

— Правильно, — говорит черепаха, — это мне подходит! Я как начну ногами ерзать, так всех вас и обожгу!

Люди говорят:

— Верно! Давайте поставим котел на огонь, а ее бросим в кипяток!

Черепаха говорит:

— Славно! Бросьте меня туда, так я кое-кого из вас ошпарю!

Люди говорят:

— Верно! Давайте бросим ее в реку!

Черепаха говорит:

— Не делайте этого! Я боюсь! Я боюсь!

Люди говорят:

— Она боится воды — давайте ее туда и бросим!

А черепаха все кричала да кричала:

— Я боюсь! Не бросайте меня в воду!

Вот люди и бросили черепаху в воду. Выплыла черепаха на поверхность и говорит:

— Эй, вы! А я вас обманула! — и высунула язык.

Люди подняли ножик, щетку и шило и пустили их в дело. Черепаха осталась в воде и всякий раз, как только люди подходили к воде, она говорила:

— А я вас обманула — я живу в воде!

И люди бросали в нее камни, а она ныряла.

59. Как шакал и лев охотились вместе

Однажды лев и шакал отправились вместе охотиться. Первым выстрелил лев и промахнулся, затем выстрелил шакал и попал в цель. Обрадовался шакал, закричал:

— Попал, попал!

Обернулся лев и посмотрел на него свирепо. Испугался шакал и сказал:

— Брат моей матери, это ты попал!

Стали они догонять раненого зверя. Прошел шакал мимо стрелы льва, будто и не заметил ее. Вот вышли они на то место, где расходились дороги. И шакал сказал:

— Дядюшка, ты устал, остановись и отдохни здесь.

Остался лев. Отошел шакал подальше, ударил себя по носу, пошла кровь. Когда шел он обратно, кровь капала на землю и оставался след, будто от раненого зверя. Вернулся шакал туда, где ожидал его лев, и сказал:

— Я не нашел ничего, но видел кровавый след. Поди-ка ты лучше сам поищи, а я пойду по другой дороге.

Так они и сделали. Шакал быстро отыскал убитого зверя и стал есть самые вкусные части. Залез он весь внутрь зверя, только хвост снаружи остался. Ничего не нашел лев, вернулся назад и увидел хвост шакала. Схватил лев шакала за хвост, вытащил его и ударил о землю. Вскочил шакал и стал причитать, что несправедливо обидел его лев:

— Брат моей матери, я ведь хотел только отобрать для тебя лучшую часть!

— Хорошо, — сказал лев, — пойдем за нашими женами!

— Что ты, дядюшка! — ответил хитрый шакал. — Я схожу сам, а ты оставайся здесь.

Согласился лев. Вот отправился шакал, захватив два куска мяса, за женами. Пришел шакал к дому льва. Увидели его львята, обрадовались, стали они кричать:

— Вот пришел наш дядя, он принес нам мяса!

Заворчал шакал, дал им плохой кусок, а сам пошел домой и велел жене отправляться с ним за добычей. Львица тоже захотела пойти, но шакал сказал, что лев сам придет за ней.

Отправился шакал со своей семьей в то место, где лежало убитое животное. По дороге он залез в колючий кустарник и исцарапался до крови. Пришел шакал ко льву и говорит:

— Вот как поцарапала меня твоя жена, когда я говорил ей, что ты зовешь ее. Иди за ней сам!

Очень разгневался лев и отправился домой. А шакал сказал жене:

— Давай поскорее натаскаем камней.

И стали они таскать камни еще и еще, пока не нагромодили большую кучу. Тогда перенесли они все мясо и забрались туда сами. Когда лев вернулся со своей женой, шакал закричал ему:

— Брат моей матери, пока ты ходил, мы выстроили большую башню, чтобы лучше было высматривать добычу.

— Хорошо, — сказал лев, — но я хочу тоже взлезть наверх.

— Конечно! — ответил шакал. — Я сейчас спущу тебе веревку.

Лев обвязал себя веревкой, и шакал потянул его наверх. Когда лев был уже близко, шакал перерезал веревку и закричал:

— Ах, ах, какой ты тяжелый! Жена, дай мне другую веревку!

А сам говорит ей:

— Давай старую веревку!

Льва опять привязали и потащили его наверх. Но шакал перерезал веревку, и лев снова упал. Тогда шакал крикнул:

— Ох! Надо тебя поднять немного, тогда я опущу тебе в рот хороший кусок мяса! Жена, приготовь самый хороший кусок мяса!

А сам велел ей раскалить камень и намазать его салом. Затем шакал опять потянул льва вверх. Когда они немного приподняли льва, шакал опустил ему в пасть раскаленный камень. Взыл тут лев, а шакал засмеялся и сказал:

— Беги скорее к ручью и запей водой это жареное мясо.

60. Львиный хвост

Проголодался однажды шакал. Он с утра бродил в поисках пищи; то рыскал по оврагам, то крался в подлесках, но ничего не нашел — или потому, что все животные были очень осторожны, или ветер дул не в ту сторону. Голодный, с поникшим хвостом, возвращался шакал домой. Внезапно вкусный запах коснулся его ноздрей. Кто-то варил мясо. Тощее тело шакала вытянулось, и он поспешно бросился в направлении, откуда дул ветер.

Чутье скоро привело его к желанной цели. В недостроенной хижине льва на пылающем очаге стоял горшок.

— Добрый вечер, вождь лев! — почтительно приветствовал льва шакал. — Как вы поживаете?

— Хлопотно, очень хлопотно, — проворчал лев недовольным голосом. — Перед заходом солнца пойдет дождь, а я должен успеть покрыть соломой кровлю, иначе мой дом будет испорчен.

— Хо! — сказал гость. — Здесь уже почти нечего делать. Если вы накормите меня, я охотно помогу вам.

— Ладно, — согласился лев, — но мы должны закончить все до дождя, а здесь даже солнечный вечер очень короткий.

Не теряя времени, шакал принялся за осуществление своего плана.

— Великий вождь, вам лучше работать снаружи, — сказал он льву, — свет там ярче, а мои глаза достаточно остры и в темноте.

Лев согласился с предложением, и работа закипела. Когда укладывался последний ряд соломы, шакал спросил льва:

— Я слышал, великий вождь, что ваш хвост однажды побывал в ловушке...

— Мой хвост в ловушке? Вздор! — вскричал возмущенный лев. — Кто имел наглость сказать это?

— В самом деле? — спросил шакал не очень уверенным голосом.

— В самом деле?! Конечно! Посмотри! — И чтобы доказать, каким замечательным хвостом он обладает, лев просунул его через кровлю в хижину.

Шакал был побежден.

— Превосходный, изумительный! — стал восторгаться он. — Самый замечательный из всех, которые я видел! Можно его потрогать? Пусть он повисит здесь, чтобы я мог любоваться им.

Тем временем крыша была готова.

— Работа возбуждает аппетит, — сказал лев. — Давай поедим. Ты помешай мясо, пока я слезу с крыши.

Шакал заторопился к горшку. Вдруг сверху раздался сердитый крик льва:

— Пусти меня! Я не могу спуститься вниз! Пусти меня! Мой хвост! Мой бедный хвост!

— Что случилось? Почему вы задерживаетесь? — спросил шакал, проглотив кусок жирного мяса.

— Мой хвост зажат! Ты крепко пришил его! О мой хвост!

— Я?! Я не мог сделать такую вещь!.. Однако при таком свете... вполне возможно, — сказал шакал, неторопливо жуя мясо.

— Пусти меня! Сейчас же! — закричал взбешенный лев.

— Ладно, — сказал шакал, когда мясо было съедено, — но сначала я должен сходить к соседу и взять у него нож, чтобы не испортить ваш хвост.

Шакал побежал прочь и не останавливался до тех пор, пока не достиг своего дома.

С тех пор хвост у льва такой, каким мы сейчас его видим.

61. Ягуар и опоссум

Опоссуму уже не раз удавалось перехитрить ягуара, и тот был очень зол на него. Он решил выследить опоссума и съесть. Только никак это ему не удавалось.

Как-то раз крался ягуар по лесу и услышал у себя над головой шорох: чшо-чшо. Глянул он наверх и увидел своего заклятого врага — опоссум сидел на дереве и отдирали длинную лиану. Опоссум тоже увидел ягуара. «Ну, беда! — подумал он. — Если мне не удастся снова перехитрить его — конец».

— Знаешь, я чувствую, что надвигается страшная буря! — закричал он ягуару. — Помоги-ка скорей отодрать эту лиану; хочу привязать себя к дереву — как бы меня не унес ураган!

— Сначала привяжи к дереву меня! — закричал перепуганный ягуар. — Ведь я же гораздо тяжелее тебя — того и гляди ураган унесет меня первым!

Опоссуму этого только и надо было. Велел он ягуару схватиться всеми четырьмя лапами за дерево и крепко-накрепко привязал его к стволу.

— Вот так! Счастливо оставаться, — насмешливо сказал он ягуару, — а меня тебе не поймать!

Долго висел ягуар на дереве и, наверное, висел бы еще дольше, если бы не приползли термиты, надумавшие построить себе здесь жилище.

— О термиты! — взмолился ягуар. — Будь вы смелыми, добрыми, вы перегрызли бы эти лианы и освободили меня!

Термиты жалились над ним. Целую ночь и целый день работали они, пока не перегрызли лианы. Как только ягуар оказался на свободе, он прежде всего сожрал всех термитов, а затем снова пустился в погоню за обидчиком.

Опоссум так боялся мести ягуара, что стал выходить из своего жилища только по ночам; но ягуар удалось все же выследить тропинку, которая вела к дому опоссума; ягуар старательно ее расчистил, а в середине вырыл яму и прикрыл ветками; потом притаился и стал ждать ночи.

— Погляди, как хорошо я расчистил дорожку! — крикнул он опоссуму, как только тот вышел из своего дома. — Пройдись-ка по ней, сам увидишь — не осталось ни единой колючки.

— Спасибо, — отвечал опоссум, который сразу же догадался, что ягуар говорит это неспроста. — Но только первым должен пройти по ней ты!

Ягуар, забыв обо всем, гордо пошел первым и сразу же провалился в западню, которую приготовил для опоссума. А тот и был таков!

Настало время летней жары. Солнце палило невыносимо. Высохли все ручьи; только на дне реки оставалось еще немного воды.

«Ну, теперь опоссум не уйдет от меня, — сказал себе ягуар. — Он уж непременно придет сюда напиться, и тогда я поймаю его».

Но опоссум, придя к реке, прежде чем спуститься, стал внимательно оглядывать берег и сразу же заметил притаившегося ягуара. Он решил не пить, а потихоньку ушел домой, раздумывая, как бы ему изловчиться и ходить к реке так, чтобы не попасться в лапы к ягуару.

И вот опоссум придумал: пошел он в лес, сделал зарубку на большой рябине и весь вымазался ее клейким соком; потом он стал кататься по сухим листьям; листья налипли на него — он был с головы до ног покрыт ими.

— Кто ты такой? — закричал ягуар, когда невиданный зверь подошел к реке.

— Я зверь по имени Сухой Лист, — отвечал опоссум.

— Когда будешь пить, Сухой Лист, влезь в воду: хочу посмотреть, настоящая ли у тебя шкура.

Опоссум послушался и влез в воду, но рябиновый сок в воде не растворяется, и листья так и не отлипли от его шкуры.

С этого времени опоссум каждый день преспокойно приходил к реке пить, и так продолжалось до самых больших дождей.

62. Койот и опоссум

Раз койот подошел к холму и притворился, будто он его подпирает. Проходил мимо опоссум.

— Что ты здесь делаешь, дорогой друг? — спросил он койота.

— Я подпираю холм, чтоб он не упал. Не хочешь ли мне помочь мне?

— С большим удовольствием, — согласился опоссум.

— Тогда становись на мое место, — сказал койот, — а я пойду поищу чего-нибудь поесть для нас с тобой. Только не вздумай уйти! Если отойдешь, холм сразу свалится на тебя.

И койот убежал.

Его очень долго не было. Опоссум устал ждать. «Я, пожалуй, уйду. Какое мне дело, упадет холм или нет! Очень уж есть хочется — пойду поем», — подумал он и побежал прочь.

Опоссум отбежал далеко-далеко, оглянулся и увидел, что холм стоит как ни в чем не бывало. Рассердился опоссум на койота и решил: «Найду койота и убью его, чтобы он больше никогда не смел меня обманывать».

И он отправился в путь.

Подошел к дереву и видит — сидит на дереве койот.

— Ты обманул меня. Зачем ты сказал, что холм вот-вот упадет и ты подпираешь его? Ты оставил меня там держать холм и обещал принести чего-нибудь поесть. Ты долго не возвращался, я отошел от холма, а он вовсе и не упал! Сейчас ты заплатишься за то, что обманул меня!

— Это не я обманул тебя. Должно быть, это был тот койот, который только что пробежал мимо. Не сердись на меня. Лучше подойди поближе и съешь чиримойю.

— Я не могу взобраться на дерево. Брось мне чиримойю, — попросил опоссум.

Койот сбросил ему спелую чиримойю, и опоссум ее съел.

— Как вкусно! Брось еще!

Койот взял и бросил ему совсем незрелую чиримойю; она застряла у опоссума в горле, а койот тем временем убежал.

Бедный опоссум так и лежал под деревом, пока к нему не подползли муравьи и не вытащили у него из горла чиримойю. Тогда опоссум снова бросился бежать за койотом.

Он увидел койота, как раз когда тот ел туну, и сказал ему:

— Зачем ты бросил мне незрелую чиримойю?

— Это не я. Я только что пришел сюда. Не сердись. Лучше подойди ко мне и попробуй туну, — ответил койот.

— Я не могу забраться на дерево. Кинь мне туну!

Койот потихоньку очистил туну от колючек и бросил ее опоссуму. Опоссум с удовольствием съел. Тогда койот сорвал другую туну и говорит опоссуму:

— Открой рот, я кину тебе еще одну туну.

Хитрый койот кинул туну прямо с шипами в рот опоссуму, и она застряла у него в горле. Койот убежал, а опоссум даже крикнуть не мог.

Снова приползли к нему муравьи и вытащили туну с шипами из горла у опоссума. И снова побежал опоссум искать койота, но так и не нашел.

63. Рафосса, Рафаналука и Равуанцира

Говорят, как-то раз Рафосса и Рафаналука пошли в гости к Раундиане. По дороге Рафосса сказала Рафаналуке:

— Если у меня заболят зубы, нарви листьев вон с того дерева. Они мне очень хорошо помогают.

На самом деле фосса говорила неправду, она просто хотела обмануть фаналуку во время обеда. Фосса повторила свою просьбу пять

раз и каждый раз указывала на другое дерево. Когда они пришли, Раундиана отвела их в чистую хижину, устроенную специально для гостей. Рафосса и Раундиана по всем правилам приветствовали друг друга.

— Как ты поживаешь? — спросила Раундиана у Рафоссы, которая считалась старшей.

— Хорошо, — ответила Рафосса.

— Здоровы ли твои родные? Здесь у нас все здоровы.

— У нас тоже все здоровы. Несчастье не заглядывало в наш дом. Мы пришли просто так, потому что долго тебя не видели.

— В добрый час, если вы все здоровы. Раз вы пришли ко мне в гости, я поцелую ваши ноги.

— Я ни за что тебе не позволю!

На этом приветствия кончились.

Раундиана и Рафосса приходились друг другу родственницами, а Рафаналука была просто служанкой Рафоссы. Раундиана дала гостям фахану — кур, уток, гусей — и риса для супа. Рафаналука принялась за готовку. Когда обед поспел, обжора Рафосса пустилась на хитрость, которую заранее придумала.

— Ох, как у меня разболелись зубы! Если ты не принесешь листьев тех деревьев, которые я тебе показывала, я умру!

Добрая Рафаналука побежала искать листья, а фосса тут же сняла с котла крышку и с жадностью набросилась на мясо. К рису она не притронулась, а мясо сожрала все до косточки и снова накрыла котел крышкой.

Рафаналука вернулась и застала свою хозяйку в постели; Рафосса лежала и дрожала так сильно, как будто была очень больна. Пожевав листья, которые принесла Рафаналука, она тут же выздоровела. Рафаналука подошла к котлу и увидела, что мяса нет.

— А где же мясо?

— Я не знаю, у меня так болели зубы!

Рафаналука ничего больше не сказала, ведь она была служанкой. Она поела супа с рисом, и они вместе с фоссой пошли к себе в деревню.

Прошло немного времени, и Рафосса опять захотела пойти в гости к Раундиане. На этот раз, чтобы сварить обед, она взяла с собой Равуанциру. По дороге фосса снова повторила свою проделку. Рафосса и Раундиана поздоровались. Раундиана дала гостям фахану, и Равуанцира стала готовить мясо. Когда оно сварилось, фосса притворилась, что у нее очень сильно заболели зубы, и послала Равуанциру за листьями. Но Равуанцира тоже была хитрая: пока Рафосса плела ей небывлицы про разные листья, она складывала их в карман. Постояв немного за дверью, она вернулась в тот самый миг, когда фосса, вдруг вы-

здоровев, запустила когти в котел. Равуанцира стала стыдить ее, и Рафоссе пришлось поделиться с ней мясом. Из-за этого обжора фосса не наелась, и ночью голод не дал ей уснуть.

В полночь фосса, не вытерпев, потихоньку выскользнула из хижины и передушила на дворе всех кур, уток и гусей. Равуанцира, услышав, что ее хозяйка вышла на улицу, тут же встала и заперла дверь. Нажравшись, фосса хотела вернуться домой, но не смогла открыть дверь. Так она и сидела под окном, даже не отряхнув морду от перьев, и до самого утра дрожала от холода. Раундиана заметила, что ее любимый петух пропал и с ним вместе все куры. Она искала вора и тут и там, но все напрасно.

Тогда она разложила посередине деревни большой костер и велела всем подряд через него прыгать, чтобы тот, у кого отяжелел живот от большого петуха и кур, упал в огонь. Все перепрыгнули как ни в чем не бывало, а когда дошла очередь до фоссы, она свалилась в самую середину и сгорела. Так погибла эта злая тварь.

64. Сказка о слоне и козле

Слон был среди зверей самым большим и сильным. Однажды собрал он всех и сказал:

— Нет никого, кто мог бы съесть больше меня. Все вы устанете есть, а я смогу съесть сколько угодно!

Но лев возразил:

— А вот и нет! Я могу съесть больше тебя, давай поспорим!

Начали они есть, и лев изнемог первый.

— Не могу! — застонал он.

Но тут вскочил леопард.

— Лев перед тобой спасовал, — заявил он слону, — а уж я не поддамся!

И принялись они со слоном есть наперегонки. Но скоро и леопард отвалился, а слон продолжал есть. И так было с любым. Кто ни пробовал есть со слоном, все отставали. Когда все звери один за другим потерпели неудачу, поднялся козел и говорит:

— Господин слон, разрешите мне попытаться!

Слон ответил:

— Что ж, давай! Но уж если самые большие животные не могли до конца продержаться, на что надеешься ты?

А козел говорит:

— И все же попробуем.

Начали они со слоном есть в полдень, а когда наступила ночь, козел все еще спокойно жевал. Отходя ко сну, звери предложили:

— Идите-ка отдохните, а завтра начнете спор снова. И вообще — вы так много съели, что у вас заболит живот. Ложитесь отдельно, а то вы не дадите нам выспаться.

Козел со слонем удалились, а звери остались на месте, и скоро все улеглись. Вот все уснули, даже козел и слон. Но когда слон среди ночи проснулся, то услышал, что козел жует. Испугался слон и спрашивает:

— Дорогой козел, ты все еще ешь?

Тот ответил:

— Поднимайся, пора начинать снова. Я ищу, кто бы меня превзошел по части еды. Что же ты не встаешь?

А слон подумал: «Да, этот малый не промах! Скоро он съест все вокруг и тогда примется за меня. Пока я сплю, он слопает меня прямо с клыками!»

Тут он так испугался, что убежал. А наутро явились звери и видят: слона-то и след простыл!

Потом они сказали ему:

— Как же ты, слон, ушел до рассвета, ведь спор ваш не кончен!

А слон им ответил:

— Ох, братья, беда! Проснулся я ночью, гляжу — а козел-то жует! Я спросил: «Как, ты ешь даже сейчас, среди ночи?» А он говорит: «Хватит спать, поднимайся, пора начинать снова. Я ищу, кто бы меня превзошел. Когда нет травы, я принимаюсь есть камни!» Услыхал я такое признание и думаю: «Пожалуй, как покончит с камнями, так за меня примется!» Бросился я бежать не разбирая дороги.

А звери его осмеяли:

— Посмотри на себя, слон, ты спорил со всеми, а теперь ты побежден. И кем! Всего-навсего козлом!

65. Как петух победил гиену

Подружилась гиена с петухом. Как-то гиена приготовила пиво и позвала в гости петуха. Выпили они пиво, а потом петух тоже сделал пиво и позвал гиену к себе в гости. Выпили петухово пиво. Гиена опять приготовила пиво, опять позвала петуха, опять пили вместе. Уходя, петух сказал гиене:

— Приходи ко мне завтра, опять попьем пивка!

А дома петух сказал жене:

— Завтра, как только придет гиена, скажи, что ты отрезала мне голову и она ушла пить пиво. Это для того, чтобы гиена не оставалась у нас.

Утром гиена пришла к петуху.

— Здравствуй, петух! — сказала она.

Петух не издал ни единого звука в ответ. Жена его сказала:

— А-а! Я отрезала ему голову! Она ушла пить пиво, а тело осталось здесь. Подожди, голова скоро вернется.

Гиена села. Долго сидела. Потом петух вынул голову из-под крыла, встряхнулся так, будто воткнул голову на место, и сказал:

— Здравствуй, гиена!

— Здравствуй, петух!

— Когда ты пришла?

— Да уже давно. Сидела ждала тебя.

— Я велел жене отрезать мне голову, чтобы она могла пойти пить пиво.

Петух с гиеной снова пили пиво.

Потом гиена ушла домой, приготовила пиво, послала приглашение петуху: «Приходи ко мне завтра пить пиво».

Петух пришел, выпили они пиво, а потом он пригласил гиену:

— Приходи ко мне завтра!

Гиена легла спать, а утром пришла к петуху и увидела, что он опять без головы.

Жена петуха сказала:

— Я отрезала петуху голову, и она ушла пить пиво.

Гиена посидела немного, петух встряхнулся, мах-мах — голова на месте, сказал:

— Здравствуй, гиена!

— Здравствуй, петух! Откуда пришла твоя голова?

— Ходила пивко пить, только что вернулась. С телом-то тяжело, так я велел жене отрезать мне голову.

Они снова выпили вместе, а потом гиена сказала:

— У меня есть пиво, приходи завтра!

Гиена ушла, а дома сказала своей жене:

— Отрежь мне голову ножом и, когда петух придет завтра, скажи ему, что моя голова ушла пить пиво, но скоро вернется.

Утром жена гиены взяла нож и перерезала мужу горло. Трах! Голова упала.

Пришел петух:

— Здравствуй, гиена!

Гиена не издает ни звука.

— Гиена, здравствуй!

Ни звука. Жена гиены говорит петуху:

— О-ох! Муж велел мне отрезать ему голову, чтобы она пошла пить пиво. Я и отрезала. Вот она, голова-то! Никуда не ушла, так и лежит здесь!

— Да ты же убила моего друга! За это я буду бить тебя! — закричал петух.

— Что же мне теперь делать?! — заревела гиена.

— Вставай, пойдем ко мне! — приказал петух.

И петух взял жену гиены себе в жены.

А теперь — приятных снов. Вам могут сниться коровы, а мне — козы. Кому что нравится.

66. Гиена и лесной кот

У гиены умер маленький детеныш. И у лесного кота тоже умер его детеныш. Тяжело им стало жить в этом краю, и задумали они уйти и поискать себе другой дом.

Шли они, шли, пока гиена не сказала, что дальше не пойдет. Место ей понравилось, и она решила на следующий день на рассвете начать косить траву, чтобы выстроить себе дом. Коту место тоже понравилось, и потому, когда гиена ушла спать, он расчистил его от травы, а затем уже улегся спать.

Проснулась гиена утром и видит, что вся трава выкошена.

— О, — воскликнула она. — Какое хорошее место! Только я собралась выкосить траву, как она сама вся выкосилась.

С этими словами гиена стала убирать траву, а убрав все, ушла.

Только что гиена ушла, проснулся кот.

— Какие хорошие края, — сказал кот, — собрался я убрать траву, а она исчезла сама.

Затем он срубил несколько деревьев, уложил их на землю и ушел.

А гиена вернулась, вкопала деревянные столбы в землю и снова ушла.

Пришел кот.

— Вот хорошо, — сказал он, — столбы сами вошли в землю, мне остается только срезать бамбук.

Срезал кот несколько бамбуковых жердей и положил их на землю, а затем опять ушел по своим делам.

Пришла гиена и прикрепила бамбуковые жерди к столбам.

— Смотри-ка, жерди-то сами укрепились на столбах! — сказал вернувшийся кот.

Потом взял солому и стал обкладывать ею крышу дома.

— Ну и дела! — воскликнула гиена, увидев готовый дом. Она разделила дом на две половины: одну оставила себе, а другую — мужу.

— Хорошо, что дом разделен на две части, — сказал кот. — В этой части я буду жить сам, а тут будет жить моя жена. Через пять дней я вернусь сюда со своим добром и поселюсь здесь навсегда.

И верно, через несколько дней вернулся кот со всем своим добром и поселился в той половине дома, которая ему понравилась. А в это время во второй половине дома устроилась гиена — она тоже успела сходить за своим имуществом. И каждый из них думал, что, кроме

него самого, никто не живет в доме. Но как-то раз, услышав шум, гиена и кот оба так испугались, что выбежали из дома.

Бежали, бежали они и вдруг встретились.

— Что ты здесь делаешь, гиена? — спросил кот.

— Я выстроила себе дом, — ответила гиена, — стала в нем жить, но кто-то поселился в нем и выгнал меня оттуда. Я даже не знаю кто.

— А ведь тоже самое случилось и со мной, — сказал кот. — А какое хорошее было у меня место! Едва я срубил деревья, как столбы сами врылись в землю.

— А я только собралась выкосить траву, как она сама выкосилась.

И побежали гиена с котом дальше. Так они все и бегают до сих пор. Друг друга они не видят и не могут найти свой дом.

67. Выборы вождя

В прежние времена не было у зверей мфуму-а-вата. Устав от беспорядка, решили они устроить сходку и выбрать вождя.

— Кто хочет быть мфуму-а-вата? — спросила старшая на этой сходке, птица нгумбе. — Только помните: мфуму-а-вата должен быть примером для всех. Чтобы заслужить наше уважение, ему следует быть справедливым, вести себя с достоинством и не только от других требовать порядка, но и самому показывать всем пример.

— Я, я, я хочу быть мфуму-а-вата! — пролаяла собака. — Я буду показывать пример.

Собаку выбрали вождем. Целый год она управляла деревней, и все были вполне довольны ею. В годовщину своего правления она, как полагается, устроила пир для односельчан. Уселись все за столами, пьют, едят, веселятся. Все хорошо. Но вот один из гостей обглодал кость и швырнул ее на землю. Собака тотчас забыла, что на столе перед ней самые лакомые блюда: схватила кость и начала ее грызть.

— Эге-ге! — закричали гости. — Что за безобразие! Не нужен нам такой вождь. Его поведение — позор для всей нашей деревни!

Собаку лишили власти и стали выбирать нового вождя.

— Кто хочет быть мфуму-а-вата? — снова спросила птица нгумбе. — Только подумайте хорошенько. Вождь никогда не должен забывать, каким высоким саном он облечен. Иначе он осрамится так же, как и собака.

— Я буду мфуму-а-вата! — вызвалась макака.

Макаку выбрали вождем. Целый год она правила успешно, а в годовщину выборов устроила праздник. «Уж я-то за костью не брошусь», — думала макака, очень довольная собой.

Но когда все, помыв лапы, сели за стол, кто-то заметил, что ладошки у нее черные.

— Куда это годится! — зашептались звери. — Садиться за стол с грязными лапами! Ведь мфуму-а-вата должен показывать всем пример!

— Давайте еще раз умоемся! — предложил слон, который отличался миролюбивым нравом.

Все вымыли лапы. Вымыла лапы и макака. Но ладошки у нее остались черными.

— Не нужен нам такой мфуму-а-вата! — закричали звери. — Какой же он для нас пример, если у него черные ладони! И что подумают люди, когда увидят, что у нашего вождя грязные лапы!

И бедную макаку сместили с поста мфуму-а-вата. Стали обсуждать другие кандидатуры на эту должность. Выбрали шакала.

Не прошло и года со дня выборов, как по деревне пронесся слух, будто кто-то похищает мертвецов с кладбища. И в самом деле, не успевал кто-нибудь похоронить своего родственника, как могила его оказывалась разрытой, а кости обглоданными. Звери стали дежурить по ночам. И однажды газель заметила на кладбище мфуму-а-вата: он разрывал свежую могилу.

Утром газель рассказала односельчанам, что она видела ночью, и разгневанные звери изгнали шакала.

Снова собрались все звери на выборы.

— Еще раз напоминаю, — молвила птица нгумбе, — мфуму-а-вата должен всегда и везде вести себя с достоинством. Он не должен хватать обглоданных костей, должен держать свои лапы в чистоте, и, уж конечно, ему не подобает похищать мертвецов из их могил. Вождь обязан быть примером для всех нас!

— Что же делать? — сокрушались звери. — Кто будет нашим вождем?

— Выберите меня! Я не ем ни костей, ни падали, и лапки у меня чистые! — сказал соловей.

— Почему бы и нет? Соловей нам подходит! — решило собрание.

Но хотя соловей никому не наносил обид и не разрывал могил, многие были недовольны его правлением, потому что он никак не мог отказаться от своей привычки петь по ночам и никому не давал спать. Пришлось низложить и этого вождя.

— Я не пою по ночам, — сказал петух. — Пою только утром, когда всем пора вставать и идти в поле. Я буду мфуму-а-вата. Слушайте меня, и у вас всегда будет хороший урожай, вы никогда не опоздаете на работу.

Выбрали петуха. Все были довольны им. Почти год управлял он деревней. Но однажды дикобраз сообщил односельчанам, что петух очень неряшлив: где спит, там и пачкает, ленится выйти по нужде. Сообщение проверили. Оказалось, что петух и вправду неряшлив: под насестом у него полно помета.

— Нет! Такой мфуму-а-вата нам не нужен, — возмутились звери и сместили петуха.

Когда все собрались снова для выборов мфуму-а-вата, послышалось тихое воркование дикого голубя. Оно было таким умиротворяющим, что, хотя голубь и не просил выбрать его вождем, все звери и птицы единодушно решили, что дикий голубь будет лучшим мфуму-а-вата. А голубь был сметлив; он многому научился на опыте прежних вождей и вел себя так, что все были им довольны.

С тех пор голубь остается неизменным вождем зверей и птиц, потому что воркование его сулит мир и благоденствие. А кто же не хочет мира и благоденствия?

68. Пес и его старший брат шакал

Однажды разразился сильный дождь. Про такой дождь говорят, что в это время Катенде начинает нести яйца. Задумались звери: «Где нам достать огонь? Ведь наш-то погас». Начали они ругать своих жен: «Почему вы не подбросили в огонь хвороста? Разве вы не знаете, что холод несет болезни?»

Вот так случилось, что животным понадобился огонь.

Не выдержал шакал и говорит:

— Пошлю-ка я моего младшего брата, пусть он принесет нам огонь.

И послал он пса, приказав ему, чтобы тот раздобыл огонь.

Когда же наш приятель попал в дом к людям, он завилял от радости хвостом, оказавшись в тепле. Нашлись для него и кости, и остатки еды. «Как мне повезло, — думал пес, — не стану возвращаться в лес».

Прошло некоторое время. И вот леопард спрашивает шакала:

— Тот, кого послали, еще не вернулся? Кто он?

Ему отвечают:

— Мы послали пса.

Леопард спрашивает и рычит:

— Нгва нгани? Нгва нгани? (Кто он? Кто он?)

Потом он приказывает шакалу:

— Иди позови того, кого ты посылал!

Слышит пес, как шакал зовет его:

— Мбва, мбва, мбва-а! Пес, пес, пе-ес!

И по сей день пес не отвечает шакалу, а он все зовет и зовет пса, чтобы тот принес огонь и спас их от холода.

В холодную и дождливую погоду леопард и шакал кричат именно так, не переставая, и все знают, что это кричат они. Звери похожи на людей, они также не могут отвыкнуть от своих привычек.

69. Лягушка и хамелеон

Лягушка и хамелеон были закадычными друзьями. Однажды они вместе гуляли по лесу, проголодались и решили поискать каких-нибудь плодов. Вскоре они увидели пальму с крупными красными орехами. Лягушка не умела лазать по деревьям и предложила хамелеону:

— Полезай на пальму и бросай оттуда орехи. Славно мы с тобой полакомимся!

Хамелеон забрался на пальму. Плоды оказались такими сладкими, что, обуянный жадностью, он обгладывал их один за другим — и никак не мог остановиться.

Ждала-ждала лягушка, но так и не дождалась.

— Эй, нгуа-нкаси, — закричала она. — Я очень голодна, брось мне несколько орехов.

— Держи! — отозвался хамелеон и сбросил ей орехи. В них, правда, оставалось молоко, но мякоть была вся объедена. Лягушке стало очень обидно.

— Нгуа-нкаси, я жду еще пять минут!

— За едой я ничего не слышу, — ответил хамелеон, усмехаясь.

Рассердилась лягушка, натаскала хворосту и сложила его под пальмой. Увидел это хамелеон, встревожился, спросил:

— Что ты собираешься делать?

— Ничего, просто я хочу покурить!

Лягушка подожгла хворост, дым взвился вверх, и хамелеон закашлялся.

— Э, нгуа-нкаси, не можешь ли ты покурить в другом месте? Я задыхаюсь! — закричал хамелеон.

А лягушка в ответ:

— Когда я курю, я ничего не слышу!

Дерево занялось, огонь начал подниматься по стволу. Испугался хамелеон, прыгнул вниз, прямо в костер, и сгорел. Лягушка подобрала его череп, сделала из него дудочку, заиграла и запела:

Голова Лунгвэны говорит:

Воке-воке-воке-воке!

Голова Лунгвэны говорит:

Воке-воке-воке-воке!

На звуки песни сбежались люди; они плясали так лихо, что никак не могли остановиться. Музыка понравилась, и лягушку стали приглашать на все деревенские праздники и свадьбы.

Лягушка привыкла к этому и каждый вечер сама приходила со своей дудкой в деревню.

С той поры вблизи любой деревни можно до поздней ночи слышать лягушачьи концерты.

70. Макака и хамелеон

Макака и хамелеон дружили и часто гуляли вместе. Однажды макака сказала:

— Пойдем поищем орехов или бананов!

— Пойдем, — согласился хамелеон.

В лесу они увидели калebasы, привязанные к стволу пальмы.

— Эге! Кто-то добывает сок! — сказала макака. — Давай-ка попьем!

— Что ты! Что ты! — испугался хамелеон. — Это же не наши калebasы. А вдруг придет хозяин!

— Не хочешь — не надо, — сказала макака. — Подожди меня, я попью немножко.

Обезьяна быстро вскарабкалась на дерево и выпила весь сок. Пустые калebasы она бросила на землю, и они вдребезги разбились.

Хамелеон и макака пошли дальше.

А тут как раз хозяин калebasов обнаружил, какой урон он потерял, кинулся вдогонку за ворами и скоро догнал макаку с хамелеоном.

— Ага, вот я вас и поймал! Это вы разбили мои калebasы?

— Нет, не я! — закричала макака. — Это хамелеон!

— Что ты выдумываешь? — растерялся хамелеон. — Это же ты выпила сок и разбила калebasы.

— А ты проверь сам, — спокойно сказала макака человеку, хозяину разбитых калebasов. — Мы с хамелеоном побежим, и ты сразу поймешь, кто из нас захмелел.

— Хорошая мысль! — сказал человек. — А ну, бегите!

Они побежали, и человек увидел: макака держится прямо, а хамелеон качается и виляет.

— Ага! — закричал человек. — Теперь я вижу, кто виноват. — И он побил бедного хамелеона.

Когда друзья дошли до саванны, где работали женщины, хамелеон сказал:

— Подождем саванну и наловим крыс!

— Нет, — сказала макака. — Ты же видишь, тут чье-то поле. Мало тебе досталось, хочешь еще.

Но хамелеон, не слушая макаку, подпалил саванну. Пожар быстро достиг ближайшей деревни, сгорело несколько домов. Прибежали люди, увидели макаку и хамелеона, спрашивают:

— Кто поджег?

— Макака! — сказал хамелеон.

— Ничего подобного, это не я, а он, — возразила макака.

— А вы сами проверьте! — воскликнул хамелеон, обращаясь к людям. — Возьмите-ка по угольку.

Люди взяли по угольку.

— А теперь посмотрите на свои руки.

Люди увидели, что ладони у них черные. Хамелеон сказал:

— А теперь посмотрите на мои руки.

Хамелеон показал свои ладони, и все увидели, что ладони у него белые. А вот у макаки ладони оказались черные-черные.

— Это ты... ты подожгла саванну! — закричали люди.

— Нет, нет! — вскричала макака, — У меня всегда руки такие!

— Нет, это ты! — сказали люди.

Макаку побили.

Тут и конец дружбе макаки с хамелеоном.

71. Осьминог и крыса

Однажды птицы собрались в путешествие и позвали с собой крысу и рака-отшельника, который в те времена жил на суше. Уселись они в лодке, подняли парус и отплыли от берега. Все шло хорошо, но вдруг зимородок нечаянно проткнул дно лодки своим длинным клювом. Лодка стала тонуть, и все птицы разлетелись. Рак-отшельник еле-еле добрался до ближайшего рифа, да так и остался жить в море. И пришлось крысе одной плыть к берегу. Увидел ее осьминог, удивился и спрашивает:

— Откуда ты, крыса?

— Плыли мы под парусом, — отвечает крыса, — да зимородок продырявил клювом лодку, и она потонула.

— Садись на меня, — предложил осьминог, — я тебя доведу до берега.

Забралась крыса на голову осьминогу, и он поплыл. Вскоре они достигли острова, и крыса соскочила на землю.

— Эй, осьминог! — закричала крыса на прощание. — Посмотри-ка, что у тебя на голове.

Осьминог пощупал голову и понял, что крыса нагадила на него. Рассердился осьминог, погнался за крысой, но та спряталась в норке.

Вы, конечно, знаете, что у осьминога на голове бугорки — это и есть крысиный помет. С тех пор осьминог стал злейшим врагом крыс. Вот почему, собираясь ловить осьминога, вы делаете приманку, похожую на крысу. И осьминог бросается на нее.

72. Про волчишку-братишку и лисичку-сестричку

Вот жили себе дед да баба, а детей у них не было; так вдвоем и состарились.

Раз в воскресенье напекла баба пирожков с маком, поставила их на окошко да и говорит: «Вот это тебе, дедушка, а это мне, это тебе, дедушка, а это мне». А лисичка подкралась да и схватила пирожок с окна — и была такова. Убежала она в поле, села тут, выела мак из пи-

рожка, а в пирожок нагадила, залепила его снова и пошла. Невдалеке пастухи пасли телят. Прибежала она к этим пастухам:

— Здравствуйте, хлопцы!

— Здравствуй!

— Променяйте мне бычка на маковый пирожок!

Те долго не хотели, а потом она-таки обдурила самого глупого — променял ей бычка.

— Смотрите, — говорит, — хлопцы, не ешьте пирожок, пока я вон на ту гору не взойду.

Вот угнала она этого бычка за гору, до лесу догнала, привязала к дубку, а сама пошла в лес рубить дерево на саночки:

— Рубись, деревце, кривое и прямое! Рубись, деревце, кривое и прямое!

Нарубила дерева, сделала саночки, запрягла бычка, сидит и погоняет: «Гей-гей, бычок-третьчок, выменянный на маковый пирожок!»

Откуда ни возьмись ей навстречу волчишка-братишка:

— Здравствуй, лисичка-сестричка!

— Здравствуй, волчишка-братишка!

— Где ты была, лисичка-сестричка?

— В лесу, саночки делала.

— Ладные саночки! Подвези-ка меня, лисичка-сестричка!

— Так саночки поломаешь!

— Нет, не поломаю: я только одну лапку положу.

— Ну, положи, куда от тебя деться!

Волк положил лапку, а саночки — хрясь!

— Волчишка-братишка, саночки ломаются!

— Да нет, лисичка-сестричка, это я орешки щелкаю.

— Так дай и мне!

— Да у меня только один и был, лисичка-сестричка! Положу я и другую лапку?

— Саночки поломаешь!

— Нет, не поломаю!

Положил и другую лапку, а саночки — хрясь!

— Ой, горюшко, саночки трещат!

— Да это я, лисичка-сестричка, орешек раскусил.

— Так дай и мне!

— Да больше нет! Положу я, лисичка, и задние лапы?

— Саночки поломаешь!

— Да нет, лисичка!

— Ну положи!

Положил он, а саночки опять — хрясь!

— Ой волчишка, саночки трещат!

— Это я, лисичка-сестричка, орешки щелкаю.

— Так дай и мне!

— Да вот последний разгрыз! Лисичка-сестричка, положу я и хвостик?

— Ну положи, пусть уж!

Забрался совсем в саночки, а саночки — хрясь-хрясь-хрясь! Так и рассыпались.

— Чтоб тебе добра не видать, проклятый волчище! Что это ты мне натворил? Иди теперь в лес да руби дерево!

— Как же его рубить, лисичка-сестричка? Я не умею!

— Говори: «Рубись, деревце, кривое и прямое! Рубись, деревце, кривое и прямое!»

Вот пошел он в лес и говорит: «Рубись, деревце, одно прямое! Рубись, деревце, прямое!»

Нарубил одного прямого деревца да и тащит к лисичке.

— Чего это ты нарубил? Я ж тебя учила, как говорить!

— Да я и говорил: «Рубись, деревце, одно прямое!»

— Я тебе велела говорить: «Рубись, деревце, кривое и прямое!» Иди опять да так и говори!

Вот пошел он опять в лес да говорит: «Рубись, деревце, одно кривое!» Нарубил одного кривого и тащит к лисичке.

— Зачем же ты одного кривого нарубил?

— Так ты же мне так велела!

— Тьфу, какой бестолковый! Пстой же тут, коли так, присмотри за бычком, я сама пойду за деревом.

Побежала, нарубила дерева и живо вернулась. Глядит — волка нет, а бычок стоит под тыном. Лисичка к нему, а у него под пузом пучок соломы воткнул. Лисичка хап за этот пучок, а оттуда воробьи кшшш! Что такое? Около бычка палочка стоит. Взяла она эту палочку, а бычок и упал. «Ну, — думает лисичка, — погоди же, проклятый волчище! Попомнишь ты меня!» Поглядела-поглядела на бычка да и побежала своей дорогой.

Бежала-бежала, смотрит — едет обоз чумаков. Она упала середь дороги, в песке вывалялась и лежит, будто неживая. Передний чумаков тут ее и увидел. «Глядите, — говорит, — хлопцы, какая лисица здоровая лежит!» Все ее обступили, переворачивают ее. «Да она дохлая, пропади она пропадом!» Да и мимо. А самый последний в обозе чумаков и говорит: «Возьму-ка я ее, даром что дохлая — пригодится детям на шапочки». Взял да и кинул ее на воз, на самый низ, под рыбу.

Лисица тут же прогрызла дырку в возу и давай выкидывать рыбу. Кидает и кидает по одной, пока полвоза не выкидала. Тогда и сама выпрыгнула, собрала рыбку, села под копешкой да и ест. Тут откуда ни возьмись волчишка-братишка идет.

— Здравствуй, лисичка-сестричка!

— Здравствуй!

— Что ты ешь, лисичка-сестричка?

— Рыбку.

— Дай и мне попробовать!

— Поди да налови!

— А где же ее ловить?

— В речке.

— Дай же я попробую, хоть крошечку, тогда и пойду ловить.

Она дала ему крошечку, попробовал он.

— Хорошая! Веди-ка ты меня, лисичка-сестричка, я и себе наловлю!

— Пошли.

Привела она его к речке. Было это осенью, и вода начинала уже подмерзать.

— Суй же, — говорит, — хвост в полынью!

Он сунул хвост, а лисичка бегаёт вокруг да приговаривает: «Мерзни, мерзни, волчий хвост! Мерзни, мерзни, волчий хвост!»

— Что ты там, лисичка-сестричка, говоришь?

— Да это я говорю: «Ловись, рыбка, мала и велика!»

Как хвост стал уже примерзать, лисичка и говорит: «А ну, потяни — не тяжело ли?»

Волк потянул хвост — да тяжело уже!

— Это уже рыбка начала цепляться!

А сама все бегаёт вокруг полыньи да приговаривает: «Мерзни, мерзни, волчий хвост!»

— Да что ты там, лисичка-сестричка, все говоришь?

— Да я говорю: «Ловись, рыбка, мала и велика!»

А как вода уже совсем замерзла, тогда она и говорит: «Тяни, уже много рыбы нацеплялось!»

Волк тянет-тянет — и не вытянет хвост.

— Что же ты со мной сотворила, лисичка-сестричка?

А она кричит:

— Идите, люди, волка бить!

Людей-то понабежало! Кто с топором, кто с цепом, кто с вилами, а женщины с кочергами да с ухватами. Давай колотить куда ни попадая волка! А лисичка тем временем пробралась в село, забежала в хату, а в той хате стояла квашня немешаная (хозяйки не было: побежала волка бить). Она взяла перевернула квашню, в тесте вывалялась, выбежала и прямо в поле. Смотрит, а тут и волк идет — едва-едва ковыляет: славного его, сердешного, поколотили. Поравнялся с лисичкою да и говорит:

— Спасибо, лисичка-сестричка, за добрые дела, отблагодарила ты меня!

— Ох! Ох! Чур тебе! Не видишь разве, что из меня мозг течет — вот как меня побили и голову мне проломали. Волчишка-братишка, подвези меня!

— Так я и сам хвораю!

— Все-таки ты меня поздоровее! Не дойду я до дому.

— Да садись — что ж с тобой делать!

А она стонет. Залезла ему на спину, примостилась да и говорит: «Битый небитую везет, битый небитую везет!»

— Что ты там, лисичка, говоришь?

— Да это я говорю: «Битый битую везет».

— Да оно, видишь, и правда.

А она опять свое: «Битый небитую везет!»

— Да что ты там все болтаешь, лисичка-сестричка?

— Да это я говорю: «Битый битую везет!»

Вот стал он уже подходить к лисьей хатке.

— Теперь вставай, лисичка-сестричка!

А она тогда прыг в дом да и говорит:

— Битый небитую привез! Битый небитую привез!

— Ах ты такая-сякая! Ну и одурачила меня!

Да за ней. Хотел было ее ударить, а лисичка в хатку да и закрылась. Смотрит в окошко да еще и дразнит волка: «Битый небитую привез», — говорит.

Пошел волк домой — едва-едва тащится, сердешный, да проклиняет лисичку.

А она себе живет — рыбку подъедает да кур ловит.

73. Волк и лиса

Пошел однажды волк вместе с кумушкой лисой рыбу удить.

— Кто понесет корзину? — спросил волк.

— Ты, — ответила лиса, — у тебя хвост потолще моего.

Она крепко привязала корзину к хвосту волка. Улов был обильный. Волк тащил-тащил тяжелую корзину, хвост не выдержал и оборвался.

— Я тебя съем, — сказал волк лисе, — за то, что ты сыграла со мной такую шутку!

— Пожалей меня, мой дружок, милый мой кум! Пойдем лучше с тобой в кузницу, там тебе выкуют хвост покрепче, чтобы он больше не обрывался.

По приказу лисы кузнец положил на наковальню кусок железа и, раскалив его как следует, приложил волку к тому месту, где был оборван хвост.

Волк страшно взвыл от боли и опрометью бросился бежать.

Спустя некоторое время лиса столкнулась со своим кумом нос к носу на дороге. Волк закричал сердито:

— На этот раз ты от меня не уйдешь, я тебя съем!

— Ну, полно, Куцый, мой дружок! Неужели ты станешь мне мстить за невинную шутку? Пойдем-ка со мной, я знаю местечко, где висят прекрасные колбасы. Они, наверное, куда лучше на вкус, чем мое жесткое, жилистое мясо.

Волк помог лисе украсть колбасы, и они утащили их в лес.

— Теперь, — сказала лиса, — нужно их повесить на верхушку дуба. Ведь если мы оставим их здесь, соберутся другие звери и потребуют свою часть. Не лучше ли нам устроить хорошую кладовую, откуда брать припасы будем мы одни?

Волк согласился, и лиса стала таскать колбасы на верхушку очень высокого дуба, а перетаскавши, принялась их уплетать.

Волк не умел лазить по деревьям и кричит лисе:

— Сбрось-ка мне мою долю!

— Подбирай мои огрызки, Куцый!

— Ах ты, негодная! Да будь ты подтверже древесной коры, я и то тебя съем, если поймаю!

Тут волк завыл, и к нему сбежались волки со всего леса.

Он рассказал им про злую проделку своей кумы и попросил помочь отомстить ей, а в награду за помощь обещал поделиться колбасами, которые забрала лиса. Волки согласились. Они решили встать друг другу на плечи, опираясь передними лапами о ствол, и таким образом добраться до верхушки дерева. А Куцый будет стоять внизу и держать на себе всю стаю.

Волки полезли друг на друга, и верхний волк уже почти добрался до того места, где сидела лиса, как она крикнула:

— Кузнец, кузнец, неси горячее железо, приделай Куцему хвост к заду!

Услышав эти слова, Куцый, которому хорошо запомнилось горячее железо в кузнице, так перепугался, что тотчас шлепнулся на все четыре лапы и пустился наутек. Все волки попадали друг на друга и, обозлившись на Куцего, бросились вслед за ним и задушили его.

А хитрая лиса только посмеивалась, преспокойно доедая свои колбасы.

74. Как лис сделал волку хвост из пеньки и смолы

Пришел однажды волк и схватил лиса за шиворот, тот и улизнуть не успел:

— Стой, обманщик, ты мне за все ответишь! Но сперва сделай мне хвост — или тебя ждут страшные муки! О я несчастный! — запричитал он. — На кого я похож!

— Куманек! — сказал лис. — Ты ко мне несправедлив! Не говорил ли я тебе, что не надо ловить так много рыбы? Но я уже привык к Вашей несправедливости. Знаю, как помочь Вашему горю: я сделаю Вам новый хвост — такой, какого на свете не сыщешь. Гордиться будете — всемеро длиннее, куда пушистее!

Обрадовался волк, это услышав, и помягчел от таких слов:

— Так делай его скорее, куманек!

Побежал лис в деревню, прокрался на чердак одного крестьянского дома, где он частенько бывал, взял пучок чесаной пеньки и принес ее волку. Сплел он длинный и толстый хвост, а потом побежал к сапожнику и стащил кусок смолы. Прикрепил он смолой хвост на место и помазал, чтоб он блестел.

— Вот, — сказал лис, когда все было готово, — пусть кто-нибудь похвалится, что у него такой длинный хвост, как у Вас!

Волк так обрадовался, что забыл и про то, как его били, и про то, что был зверски голоден. Потом он очнулся:

— Куманек лис! Если ты не достанешь мне поскорее чего-нибудь пожевать, я тебя так расцелую — зубы видишь?

— Потерпите до вечера, тут уж наедитесь, как в жизни никогда не ели! Старый Андреас, что на краю, справляет завтра сыну свадьбу. Он берет дочь Тини Ханни Миш. Сегодня вечером они будут к свадьбе готовиться. Как только они там наверху веселье подымут, мы пойдем в погреб, а там уйма хлеба, мяса, вина. Я там все ходы-выходы знаю.

Волк о голоде и думать забыл.

— А что мы будем делать до вечера? — спросил он. — Солнце-то еще высоко!

— А пойдем на опушку и подождем, пока оно за гору не зайдет! — предложил лис.

Согласился волк. Но как стали они пробираться через колючки, зацепился волк за куст и повис на своем пеньковом хвосте: ведь не мог же он хвостом махать — вот и попал его благородие в беду. Выбрались они наконец на свободу. Тут лис и говорит:

— Не помешало бы разжечь костер, а то чертовски холодно!

Он быстренько набрал хворосту и листьев, а потом тер да тер усы, пока из них искры не посыпались — прямо в листья. И вот уже весело заиграло пламя.

Тут пришла лису в голову коварная затея:

— Куманек, хотелось бы все-таки узнать, у кого же из нас больше грехов. Говорят, тот, кто сможет невредимым сквозь пламя пройти, тот и без греха. Может, попробуем?

Не хотелось волку, но останься сидеть, так подумают еще, будто он грешен, — и он согласился. Сперва в огонь пошел лис. Он быстрехонько махнул хвостом, и ничего ему не сделалось. А когда волк пошел следом, то его длинный да просмоленный хвост зацепился за головешки. Вмиг не только хвост сгорел по самый корень, но и шкуру волку опалило. Взыл он от боли, схватил лиса и хотел его удавить. Но тут и вспомнилось ему, что на свадьбу попасть надо, а дороги к дому он не знает.

— Ладно, я тебя сейчас помилую, но завтра уж я тебя накажу!

— Но куманек! — проговорил лис. — Ведь видно ж было, что Вы опять неправы! Я ж не виноват в Вашем несчастье! Причем тут я, раз Вы такой великий грешник!

75. Битый небитого везет

Ночь была погожая, ярко светила луна. Волк и лиса вышли из лесу искать приключений. Подошли они к колодцу, волк и спрашивает:

— Что это?

— Где?

— Да вон в колодце.

Лиса отвечает:

— Это сыр.

Только на самом деле это полная луна в воде отражалась.

— Я бы с превеликим удовольствием поел сыра, — говорит волк.

А лиса в ответ:

— А мне вот есть не хочется, я наелась ягод.

Вздыхает волк:

— Как бы достать этот сыр!

Тут лиса ему шепчет:

— А ты выпей воду!

Начал волк воду лакать, даже устал. Остановился он передохнуть, а лисица проворно так заткнула его пробкой. Вылакал волк весь колодец до дна, да только никакого сыра там не нашел. А лисица и говорит: не иначе, мол, унес кто-то сыр.

Отправились волк и лисица на посиделки. Разнюхала лисица, что в доме есть хорошие колбасы. Потекли у нее слюнки, и думает она про себя: «Очень я люблю колбасу, только как бы до нее добраться». А у дверей лежал страшный пес — старый враг лисицы и волка — и от дверей ни на шаг. Тут лиса вытащила из волка пробку, и вода затопила всю комнату. Воды было так много, что всем пришлось на лавки взобраться. Так лиса до колбасы и добралась. Волк тоже потянулся к колбасе, но не тут-то было: жалко стало лисе колбасы, и стала она волка бранить-ругать, а там и до драки дошло. Избитого волка выбросили вон, и остался он лежать на куче мусора.

А лиса съела всю колбасу и так наелась, что еле ноги волочила. И решила она волка обмануть: вымазалась в бруснике, словно в крови.

Пришла лиса к волку, стонет. А волк тоже громко стонет, рассказывает, как его побили. А лиса все скулит:

— Ау-ау-ау, мне еще больше досталось, не знаю, как домой доберусь. Не видишь, кровь хлещет?

Она хотела подняться, но упала и говорит волку:

— Мой дорогой волк, прошу тебя, донеси меня до дому!

Взвалил ее волк на спину и понес, а лиса смеется и потихоньку шепчет:

— Битый небитого везет.

Волк спрашивает:

— Что это ты бормочешь?

Лиса отвечает:

— Ах, не знаю, что и говорю, так все у меня болит.

Несет ее волк дальше. Только сделал шаг-другой, лиса снова шепчет:

— Битый небитого везет.

Опять волк ее спрашивает:

— Что это ты все бормочешь?

А лиса в ответ:

— Да ничего, мой волк, я только сокрушаюсь, что ты сыра не отведал.

Понес он ее дальше. А лиса опять шепчет:

— Битый небитого везет.

Понял тут волк, что лиса над ним издевается, и решил ей отомстить. Вот стали они переходить через реку, волк возьми да и сбрось лису в воду, а сам пошел своей дорогой. То-то лиса сердилась!

76. Как лиса свои мозги ела

Как-то забралась голодная лиса в один дом в надежде чем-нибудь поживиться. Обнюхала она все углы — нет ничего! Зашла лиса в избу и увидела тесто в квашне. Только собралась она пообедать, слышит — девки идут. До обеда ли, когда ноги надо уносить?! Недолго думая, прыгнула лиса в квашню, вывалялась в тесте и в лес бросилась. Сидит она, слизывает с себя тесто, а в это время подходит к ней волк и спрашивает:

— Что это ты, кумушка, лижешь?

— Мозги, — отвечает лиса.

— Где ж ты их взяла? Дай и мне отведать!

— Не дам, куманек, слишком это блюдо дорогое, чтобы других им потчевать, лучше я научу тебя, как его добыть. Взберись вон на тот берег и прыгни, да так, чтобы головой вот в эту березу удариться, мозги у тебя и выскочат — только успевай слизывать!

Волк тут же взобрался на берег и прыгнул, да как стукнется головой о березу — так и дух из него вон.

77. Умному всегда везет

Отправилась однажды лиса к медведице в гости. А у медведицы в это время медвежата народились. Расхвалила лиса медвежат. Очень это медведице понравилось, и, когда лиса домой собралась, дала она ей большой кусок мяса.

Встретила лиса по дороге волка. Спросил волк, где эта она мяса раздобыла. Рассказала лиса, как она у медведицы в гостях была и медвежат ее похвалила, а за это медведица ей мяса дала.

Волку тоже мяса захотелось. Отправился и он к медведице. Пришел, посидел и просит:

— Не покажешь ли мне медвежат своих?

Показала ему медведица медвежат. Увидал их волк и говорит:

— Что ж это за дети такие — черные, как чертенята!

Ухватила медведица волка за загривок да так ему бока намяла, что волк еле ноги переставляет.

Встретилась волку снова лиса. Спрашивает она:

— Что это ты еле плетешься?

— Знал бы я, — отвечает волк, — что так получится, ни за что бы к медведице не пошел. Я ей правду сказал, что медвежата ее черные, а она меня за это вон как отделала!

— Чудеса, — говорит лиса, — когда мне их медведица показывала, они были такие миленькие — я таких хорошеньких детишек сроду не видала.

78. Волк, лиса и заяц

Вот собралась хитрая лиса на охоту. Ходила, ходила — никак ничего не попадает. Наконец увидела она: лежит в яме верблюд павший. Неплохой был верблюд — жирный, вкусный. Отгрызла лиса оба горба у верблюда и пошла, сытая и довольная, дальше. Только прошла немного, как слышит — зовет ее кто-то:

— Лиса, а лиса!

Видит лиса, волк идет. Подошел и говорит:

— Здравствуй, лиса дорогая!

Отвечает лиса:

— Здравствуйте, здравствуйте, милый друг! — А сама наутек готова пуститься.

— Куда это вы, лиса, собрались?

— На охоту.

— Так давайте вместе охотиться!

Пошли вместе на охоту. Недалеко от холмика увидели они под небольшим кустиком зайца. Заревел волк во всю мочь да так зайца испугал, что тот к земле прижался и лежит не двигаясь. Звали его, звали волк и лиса, а он и не шелохнется. Подошли к нему волк с лисой.

— Ты что не отвечаешь, когда тебя зовут? — спрашивает волк.

— Да я думал, что это незнакомые.

Подмигнула лиса волку и говорит:

— Пойдем, заяц любезный, вместе с нами, охотиться будем втроем, втроем и добычу делить будем!

Обрадовался заяц, что его не съедят, и, хоть мяса в жизни не ел, согласился.

Говорит лиса:

— Ну, вот что я вам предложу: будем мы теперь как три брата, друг друга слушаться будем, во всем помогать один другому.

Так и отправились лиса, волк и заяц в путь.

Тем временем поднялся ветер и принес бумажку какую-то. Лиса схватила бумажку и себе на лоб приклеила. Удивились волк с зайцем, что эта за бумажка такая, спрашивают лису, что на ней написано. Говорит лиса:

— Эта бумага от самого хана прислана. Написано в ней, что лисе, волку и зайцу разрешается из его табуна любую лошадь поймать и ею полакомиться.

Удивились волк и заяц, а лиса и говорит:

— Ты, волк, у нас главный герой. Лучше тебя не найдешь никого. На тебя вся надежда. Иди поймай самую лучшую лошадь! Будешь у нас старшим охотником!

Понравились волку слова лисы. Ухмыляется волк, доволен:

— Что и говорить, это дело моих лап!

А заяц рад, что не ему такое поручение выпало, тоже поддакивает.

Пошли они табун искать. Волк так и рвется лошадь схватить, лиса ему советует подождать, пока стемнеет, а волк на месте усидеть не может:

— Я только поползу, посмотрю, какая лошадь лучшая.

Лиса тем временем опять проголодалась. Есть ей хочется до смерти. Отошла лиса от зайца, достала припрятанный кусок горба верблюжьего и начала есть. А у зайца у самого в животе бурчит. Смотрел, смотрел он на лису, не выдержал и спрашивает:

— Что ты ешь, лиса?

— Да уж больно есть хочется — ем свой глаз.

Испугался заяц:

— Как же быть без глаза?

— Ну и глупый же ты, заяц! Мало ли тебе глаз на белом свете? Вот лошадь поймаем, я ее глаз выну, себе вставлю.

— А разве можно так?

— Конечно, можно. Я уже себе сколько раз так делала!

Начал себе заяц вывертывать глаз. Вывернул и начал есть. Да одним глазом много не наешься. Сидит заяц одноглазый и видит: лиса опять ест. А лиса-то второй кусочек горба верблюжьего ела. Спрашивает заяц:

— А сейчас что же ты опять ешь?

— Другой глаз, — отвечает лиса. — Скоро ведь уже волк придет, я себе пока один глаз лошадиный вставлю, а один тебе отдам.

Вывернул заяц себе второй глаз. А тут ночь настала темная, тихо кругом. Вдруг волк прибегает:

— Идем скорее, задрал я лошадь, без вас есть не хотел, кусочка не проглотил. — А сам уже успел две ноги лошадиные слопать и наелся досыта.

Пошла лиса с волком, за собой слепого зайца ведет. Пришли лошадь есть. Заяц, бедный, не видит ничего. Ему и пища в горло не лезет, да и вообще он мяса и во рту никогда не держал. И волк съесть уже много не может. Лиса же съела немного, насытилась, а потом выдрала кусочки мяса и по кусочку себе в каждое ухо положила. Положила и отошла.

— Что же ты не ешь больше? — спрашивает лису волк. А сам от жадности готов опять есть, чтобы другим не досталось.

— Я уже так много съела, — отвечает лиса, — что у меня мясо съеденное из ушей вылезает. Попробуй-ка ты столько скушать!

Стал волк опять мясо есть. А лиса поддразнивает, поддакивает, говорит, что как наестся она до тех пор, что мясо из ушей вылезет, так потом целый месяц сыта. Ел, ел волк, почти всю лошадь съел, одна нога осталась.

— Ешь, ешь и эту ногу, — говорит лиса. — Вот сейчас уже и полезет мясо. Ешь, не жалея! Сыт будешь долго!

Волк еле рот раскрывает, раздулся весь, дышит тяжело. Да делать нечего, надо последнюю ногу доест.

А тут уж рассвет. Лиса зайца взяла с собой и скрылась потихоньку. Остался волк один. Приметили тут его табунщики — и за ним. Хотел волк бежать, да не тут-то было. Так наелся, что еле ноги передвигает. Поймали его табунщики. Заорал волк:

— Заяц, заяц, возьми скорее у лисы бумажку ханскую и неси мне!

Тут его табунщики и убили. А заяц со страху помчался по полю что было мочи. Мчится, а куда — и сам не знает: глаз нет. Добежал до канавы, свалился в нее и умер. Нашла его там лиса, полакомилась славно и была такова.

Вот с тех пор волк, лиса и заяц между собой никогда уже больше не дружат.

79. Барс, волк, лиса и верблюд

Давным-давно жили четыре брата: барс, волк, лиса и верблюд. Зима затянулась. Запасы кончились. Стали братья голодать. Однажды лиса говорит:

— Есть нам нечего. Силы наши кончаются. Скоро мы все умрем. Чтобы нам всем не погибнуть от голода, надо кого-нибудь съесть.

Барс и волк говорят:

— Правильно. Тебя и съедим.

— Нет, меня есть пользы мало. Что у меня за мясо? Никто не наестся. А вот если верблюда съесть, всем хватит, все наедемся.

— Что ж, — сказал верблюд, — если в этом ваше спасение, ешьте меня.

Верблюда зарезали. Барс взял веревку и пошел за дровами. И лиса и волк начали обдирать и потрошить верблюда. Когда их дело подходило к концу, лиса отхватила жирный кусок рубца и начала его быстро есть.

— Что ты делаешь? — закричал волк. — Ведь барс вернется, все проверит и увидит, что не хватает куска. Тогда тебе несдобровать!

— Послушай, волк, ведь верблюд был глупый. А у глупых никогда не бывает жирного рубца. Так и скажем барсу.

Волк подумал: «А и в самом деле, глупым был наш верблюд. И откуда быть жирному рубцу у такого глупого?»

А лиса уже ест нутряной жир. Волк опять говорит:

— Что ты делаешь, лиса? Барс придет, спросит: «Где нутряной жир?»

— Ах, какой ты недогадливый, волк! Ведь верблюд был глупый. А у глупых разве бывает нутряной жир? Так мы барсу и скажем.

Волк подумал: «А правда, бывает у глупых нутряной жир? Наверное, не бывает. Лиса ведь все знает».

А лиса уже ест цаган махан.

— Что ты делаешь, лиса, ты погубишь себя и меня! — закричал волк.

А лиса отвечает:

— Ты не беспокойся. Я все улажу сама. Когда барс тебя спросит, где цаган махан, ты ни слова не говори, а только кивни на меня, а я уж знаю, что ответить.

Пришел барс.

— Ну, как тут у нас? Все в порядке? Все на месте?

— Все в порядке, — ответил волк.

Барс начал проверять

— А где жирная часть рубца?

Лиса отвечает:

— Ведь верблюд-то наш был глупый. А у глупых не бывает жирной части рубца.

«Да-а, такого я не слышал, но, может быть, оно и так», — подумал барс.

— А где нутряной жир? — грозно спросил он.

— Ах, барс, ты умнейший из умнейших, а рассуждаешь как ребенок. Ведь верблюд был глупый, а у глупых разве бывает нутряной жир?

Барс начал думать. Думал, думал и решил: «Наверное, права лиса. Не бывает у глупых нутряного жира».

— Ну, а где цаган махан?

Все молчат. Барс посмотрел на волка, а тот кивнул на лису. Лиса говорит:

— Ах, барс, самый мудрый из барсов, ты видишь, как волк тебя обманывает? Съел цаган махан и кивает на меня!

Барс кинулся на волка. Волк пустился бежать. А лиса, пока никого нет, начала перетаскивать мясо в яму. Перетаскала все мясо и забросала его землей.

Барс догнал волка, убил его и прибежал обратно.

— А где же мясо?

— Ах, барс, что тут было — не рассказать. Верблюд-то ожил, встал и говорит: «Если мы будем зимой друг друга есть, то что же будет весной?» Очень он был сердит. Он сказал: «Уйду от вас в землю, чтобы вас не видеть». И ушел в землю. Вон хвост его торчит.

И лиса показала на тонкий пенек.

Барс схватил этот пенек и начал тянуть его изо всех сил. Но вытянуть не мог. От натуги лопнула в нем главная жила, и он сдох.

А лиса начала спокойно есть вкусное верблюжье мясо.

80. Сыр в колодце

Однажды ночью кролик проходил мимо колодца. Заглянул он в колодец и увидел внизу на воде большой желтый круг. На самом деле это было отражение луны, но кролик решил, что это сыр. На воротах колодца висело две бадейки — одна сверху, другая внизу. Кролик прыг в верхнюю! Ворот завертелся, нижняя бадейка поднялась наверх, а кролик в верхней бадейке плюх в воду! А сыра там никакого нету! Сидит кролик в колодце, выбраться не может, громко плачет. В это время возле колодца пробежал лис. Заглянул он в колодец, увидел кролика, спрашивает:

— Отчего вы плачете, мистер Кролик?

— Да все от радости, мистер Лис. Посмотрите, какой чудесный сыр я тут нашел! Жаль только, что угостить некого. Может быть, вы сообразите скушать кусочек?

— Охотно! — крикнул лис и прыгнул в ту бадейку, что была наверху. Он был тяжелее, чем кролик. Поэтому ворот завертелся, лис стал спускаться, а кролик подниматься.

«Этак весь сыр достанется мне!» — радостно подумал лис и, встретившись на полпути с кроликом, крикнул ему:

— Так уж тут устроено: один — вниз, другой — наверх!

— Только вам придется посидеть там внизу ох как долго! — крикнул ему кролик. Он уже был наверху, выпрыгнул из бадейки и ускакал, а обманутый лис остался в колодце.

81. Лиса и невеста

В старину у одного старика была взрослая дочь. Старик выдал дочь замуж. Ночью жених пришел к девушке. Этот молодец был очень некрасив. Девушка нисколько не любила жениха. Когда жених уснул, девушка тотчас же сняла с себя одежду и, спустившись из окна, убежала. Когда она подошла к берегу, увидала лисицу, которая держала во рту кость. Когда лисица подошла к морю, то увидала в море тоже лисицу, державшую во рту кость, и, чтобы отнять у этой лисицы кость, прыгнула в море. Но оказалось, что в море ничего нет, а ее собственная кость потонула в воде. Выйдя из моря на крутой берег, лисица сидит и глядит на море. Та девушка, нагая, подошла к лисе и говорит ей: «Ты большая дура, как оказывается: бросив кость, которая была у тебя во рту, ты лишилась обеих костей». Лисица говорит: «Я дура или же ты: в такую ночь ты ушла голою из того места, где лежала, и ходишь по берегу моря!» Девушка, услышав эту речь, впала в сильное раздумье и, решив, что это для нее не годится, вернулась домой и, надев свои одежды, легла возле жениха.

82. Лиса и волк

Жил-был когда-то чабан — овечий пастух. Однажды весной подогнал он свою отару к молодому леску.

Одна овца только-только окотилась. Слабенький ягненок. Окрестить бы его. Но кто это сделает?

А лиса — тут как тут — объявилась. Окрестила ягненка без лишнего слов, и, бормоча то, что обычно бормочут кумушки, лиса и овца углубились в лес. Остановились там поболтать, глянь — волк, вот он.

— А, кумушка лиса! Здорово! Что здесь поделываешь? — спросил волк и протянул лисе лапу.

— Здравствуй, куманек! Мы с кумушкой овечкой, видишь ли, пришли сюда кое о каких наших делах поговорить, а о каких — вам, мужикам, знать не следует...

— Ладно, кумушка, ладно! Только вот о чем я тебя попрошу: отдай-ка мне твоего крестника — я его грамоте обучу. На пользу ему пойдет...

— Нет, куманек, — отвечали лисица и овца. — Пусть уж он остается как есть!..

— Пусть, — согласился волк. — Вы, конечно, правы, кумушки. Только вот какой нынче закон вышел: каждый должен своих детей грамоте учить, чтобы они хоть по несколько букв знали. А кто не обучит — строго будет наказан!

— Будь что будет, куманек, чему быть, того не миновать, только я своего сыночка все равно никому не отдам. Он у меня совсем еще крошка, — сказала овца.

— Знаешь ничего не знаю! Отдавай его мне, и все тут!

— Ни за что не отдам! — твердила овца.

Тут и лиса вмешалась:

— Я бы отдала своего крестника чему-нибудь поучиться. Только сперва поклянись на святом кресте, что будешь о нем заботиться и относиться к нему сердечно, как к родному.

— Согласен, — сказал волк.

Теперь лиса пошла впереди, показывая дорогу, а волк и овца — за нею. Подошли они туда, где крест стоял. А крест... в самый раз для волка.

Говорит лиса волку:

— Положи сюда лапу и клянись. Только лапу крепче прижимай и клянись с верою, чтобы и мы тебе поверили... Повторяй за мной...

И вдруг — краг! Щелкнул капкан и зажал волчью лапу, словно клещами.

Не знаю, господь ли покарал беднягу волка за то, что он ложную клятву давал. Знаю только, что волчья шкура у чабана очутилась. А чабан продал ее за сколько-то купцу — деньги на табак нужны были.

83. Как лиса увидела луну

Однажды охотник поставил крепкий капкан, а рядом положил приманку — большой кусок мяса.

На запах прибежала голодная лиса, хотела было схватить мясо, да подумала: «Тут что-то неладно. Впервые я вижу, чтобы мясо, да еще такой большой кусок, валялось в поле». Не стала лиса рисковать и пошла своей дорогой.

Повстречался ей волк.

— Здравствуй, лиса. Ты чего такая печальная?

— Как не быть печальной? Нашла я большой кусок мяса. А я держу уразу.

— Как хорошо, что я не говею, — обрадовался волк и стал требовать, чтобы лиса указала ему это место.

— А вот здесь недалеко, — показала лиса.

Жадный волк кинулся на мясо и задними ногами попал в капкан. А лиса подошла, подобрала мясо и начала есть.

— Что ты делаешь? — закричал волк. — Ведь ты держишь уразу!

— Я уже увидела молодую луну, — ответила лиса, продолжая пир.

84. Как волк шубу себе добывал

Шел волк лесом, видит — дятел дерево долбит. Говорит он дятлу:
— Эх ты, дятел, дерево долбишь, а меду не едал.

А дятел отвечает:

— Эх ты, волк, серый бок, баранов да овец таскаешь, а хорошей шубы не нашивал!

Заплакал волк от обиды и ушел. Встречает по дороге лису. Спрашивает лиса:

— Что, кум, плачешь?

— Как же мне не плакать? Дятел сказал, что я-де баранов да овец таскаю, а хорошей шубы не нашивал.

— Вон там, на лугу, — говорит лиса, — жеребец привязан. Вытрани из земли колышек, веревку на себя намотай и тащи жеребца в лес. Вот тебе и шуба будет.

Сделал волк, как лиса сказала. Пошел, вытянул колышек, намотал на себя веревку. Испугался конь, рванулся да помчался домой прямо по кочкам, по колдобинам. А лиса следом бежит, кричит:

— Волк, куманек, хоть за ворота ухватись! Волк, куманек, хоть за ворота ухватись!

Влетел конь во двор, сбежались тут бабы с вилами, мужики с топорами — и на волка. Тут хозяин себе волчью шубу справил.

85. Лиса, лев и волк

Подружились трое: лиса, лев и волк. А затем отправились они втроем на охоту. Поймали кейлика. Потом поймали шакала. А потом поймали зайца. И вот стали они втроем делить добычу. Сначала сказали волку:

— Дели ты!

— Ладно, — отвечал волк. — Кейлика пусть ест лев, зайца пусть ест лиса, а я съем шакала.

Тут лев расสวิрепел, схватил лапой волка за шею и, пригнув его к земле, убил. А потом содрал с волка шкуру и добрался до его красного мяса.

— Эй, лиса, теперь дели ты! — сказал лев.

— Ладно, — отвечала лиса. — Кейлика ешь ты, шакала ешь ты, а если не насытишься, то и зайца ешь ты.

— Эй, лиса, ты, глупая, у кого этому научилась? — сказал лев.

— Я, глупая, научилась этому, когда ты содрал с волка шкуру и добрался до его красного мяса, — отвечала лиса.

Так лев съел и кейлика, и шакала, и зайца. После этого пошли они вдвоем дальше, и попался им по пути большой овраг. Лиса заплакала.

— Эй, лиса, почему ты плачешь? — спросил лев.

— Я вспомнила твоего отца, — отвечала лиса. — Твой отец всегда прыгал через этот овраг. Вот я это вспомнила и плачу.

— Ну и я такой же, как мой отец! Я тоже перепрыгну через этот овраг, — сказал лев и прыгнул. Но на самой середине оврага он рухнул вниз. Тут лиса подошла и стала есть льва с хвоста.

— Эй, лиса, ешь меня с головы! — сказал лев.

А лиса отвечала:

— Не торопись, дойду и до твоей головы!

86. Насморк

Несколько животных, обитавших на одной и той же горе, собрались однажды, чтобы обсудить свои дела. Когда они все обговорили, на прощание лев сказал:

— Почему мы так редко собираемся? Как приятно нам видеть друг друга! Давайте и завтра встретимся. Приходите все ко мне. Поболтаем обо всем!

Животные согласились и на следующий день пришли ко льву. Произнеся первые слова приветствия, лев начал издали:

— Друзья мои, а сейчас давайте войдем внутрь. Только не взыщите: уж все-таки львиная обитель — немного неприятный запах.

В это время появился осел.

— Господи, как тут пахнет, — брезгливо поморщился он. — И как только вы терпите такую вонь?

Взбешенный лев повалил на землю осла и сказал:

— Ах ты, несчастный, если мы говорим, что здесь пахнет, так это мы делаем из скромности. Вы только посмотрите на этого наглого типа!

В разговор вмешалась обезьяна:

— Помилуй, наш властелин, осел сморозил глупость. Твоя обитель благоухает мускусом. Здесь как в розарии.

Лев еще больше возмутился, ударом лапы сбил на землю обезьяну и угрожающе предупредил:

— Ах ты, обезьяна, ты что, вздумала шутить надо мной?! Ты думаешь, я не знаю, какой запах в моем доме?

Повернувшись к лисе, лев приказал:

— Скажи правду, ради Аллаха!

Дрожа от страха, лиса проговорила:

— Помилуй, мой лев! Я вот уже неделю страдаю насморком. Разреши мне прийти через неделю!

87. Лев, гиена, лиса и заяц

Лев занемог. Навестить его пришли волки, гиены и зайцы. Только лиса не явилась. Приблизилась ко льву гиена и сказала:

— С тех пор как ты заболел, мы перестали заниматься повседневными делами и остановили сакиэ. Вот уже десять дней мы находимся подле тебя, потому что ты наш повелитель. Только одна лиса не пришла навестить тебя. Прикажи позвать ее и без лишних слов съешь!

Выслушал ее лев и приказал зайцу:

— Беги к лисе и передай: «Лев требует, явись к нему немедленно!»

Отправился заяц к лисе. Она заметила его издали и сразу поняла, что он идет за ней. Встала лиса, вышла навстречу зайцу.

— Куда ты идешь? — спросила она.

— К тебе, — ответил заяц.

— Что случилось? — удивилась лиса.

— Не по своей охоте пришел я, — сказал заяц. — Лев занемог и приказал позвать тебя.

— А я как раз направлялась к нему, — схитрила лиса.

Пошли они вместе. По дороге лиса спросила зайца:

— Кто теперь у льва?

— Сейчас там гиена, — ответил заяц.

Так они шли и пришли ко льву, подле которого сидела гиена. Поздоровались они со львом, но лев не обратил внимания на их приветствия

— Вот уже десять дней, как я занемог, — проговорил он. — Почему ты не навестила меня? Почему ты сидела дома?

— Те, кто приходил к тебе, — ответила лиса, — только глядели; я же, когда дошла до меня весть о твоей болезни, пустилась в дальний путь, чтобы найти лекарство, которое могло бы тебя исцелить.

— Ты узнала, что это за лекарство? — спросил лев.

— Да, узнала! — сказала лиса.

— Что же это? — заинтересовался лев.

— Один опытный врач дал мне рецепт: ты сразу выздоровеешь, если съешь печень гиены, — ответила лиса.

Услышав это, гиена обратилась ко льву:

— Я хотела бы навестить своих детей.

— Разве ты не слыхала, гиена, что сказала лиса? — возразил лев. — Не могу я тебя отпустить. Недосуг мне искать другую гиену!

И лев тотчас приказал лисе:

— Позови волка, и вместе с ним убейте эту гиену. Да не мешкайте, поскорее принесите мне ее печень, чтобы я мог сразу выздороветь.

Лиса поспешила за волком. Вместе они убили гиену и печень отдали льву. А мясо гиены лиса завернула, погрузила на верблюда и повезла своим детям.

88. Старый тигр

Когда тигр был молодым, сильным и ловким, он всегда находил какую-нибудь пищу. К старости его силы иссякли, и ему часто приходилось сидеть голодным.

Но он был хитрым тигром и, когда уже не мог ходить, залег в пещеру и обратился к обитавшим в лесу животным:

— Я прошу вас навещать меня.

Животные послушались. Каждый день приходил кто-нибудь, и тигр пожирал его.

Но вот прошло несколько дней, а к тигру никто не приходил. Лишь одна лиса отважилась подойти к пещере. Она не спеша шла по следам, ведущим в пещеру, и думала: «Странно, почему нигде не видно следов, идущих из пещеры?»

И она лукаво спросила тигра:

— Ты все еще болен? Как ты себя чувствуешь?

— Я очень устал, — ответил тигр. — Почему ты не зайдешь в пещеру?

Лиса поняла, чего хочет хитрый тигр, и ответила так:

— Войти-то можно! Но как выйти? Это интересует меня гораздо больше, чем твоя болезнь.

И она ушла.

89. Медведь, волк и лиса делят урожай

Была как-то у медведя, волка и лисы посеяна рожь на общей пожоге. Сжали они рожь и везли в ригу. Высушили рожь в риге и начали молотить.

Лиса забирается на колосники, когда медведь и волк начинают молотить. Медведь и волк молотят, а лиса все по колоснику роняет то одному, то другому на голову. Те снизу говорят:

— Держи, кумушка лиса, получше, чтобы колосники не валялись на голову.

Лиса отвечает, что «я-то стараюсь держать, но они плохо держатся», а сама нарочно бросает колосники на медведя и волка.

Обмолотили они рожь. Положили в одну кучу зерно, в другую — мякину да в третью кучу солому. Стали они делить между собой урожай.

Лиса говорит им:

— Давайте поделим так, что меньшему меньшую кучу, большому большую, а среднему среднюю кучу.

Так они поделили: лисе досталось зерно, волку — мякина, а медведю солома. Поехали они потом на мельницу молотить каждый свою долю.

Лиса как мелет, так жернов стучит, а у других только тихонько шуршит. Медведь и волк спрашивают:

— Почему у тебя, лиса-кума, жернов стучит, а у нас только шуршит?

Лиса отвечает:

— Когда я начала молоть, то подсыпала песка, оттого у меня жернов стучит.

Взял волк и медведь подсыпали песка — вот и у них жернова стали стучать. Смололи они и стали варить. Варят они, варят, и идут волк и медведь к лисе-куме. Спрашивают:

— Почему у тебя загуста белая и, когда варится, пыхтит? А у нас черная и не пыхтит, когда варится.

Волк и медведь говорят:

— Дай-ка мы попробуем твоей загусты.

Лиса говорит:

— Дайте я вперед вас попробую.

Идет лиса, берет у обоих из котлов загусты и кладет в свой котел в один край. Говорит волку и медведю, что «возьмите с этого края» (куда она положила их же загусты). Первым пробует медведь. Говорит:

— Тот же вкус у солодухи, тот же обычай у толокна. (Ему ведь попало своей же загусты.)

Так же пробует волк и говорит:

— Тот же вкус у солодухи, тот же обычай у толокна.

Волку тоже попало своей же загусты, так как попробовал оттуда, откуда лиса велела. Еще спрашивают у лисы-кумы волк да медведь, что «почему у тебя загуста белее?». Лиса им отвечает:

— Я держала муку в реке, в быстром месте, так поэтому белее.

Берут волк и медведь мякину и солому. Идут они и кладут в реку белиться, в быстрое место. Течением у них и уносит все.

Так их лиса-кума все время обманывала.

90. Медведь и лиса

Однажды медведь пришел к лисе и говорит: «Тетушка лиса, давай посеем мы пшеницу!» — «Давай!» Посеяли. Когда пшеница поспела, медведь пришел к лисе и говорит: «Тетушка лиса, а тетушка лиса! Ты верхушку или низок возьмешь?» Лиса говорит: «Я уж верхушку возьму: мне ладно» — «А я низок возьму».

Они напекли пирогов. Когда испеклись пироги, принялись их есть. Пироги у лисы лучше. Медведь рассердился. «Ну, теперь давай репку посеем». Посеяли.

Когда репка поспела, лиса медведю сказала: «Дедушка, а дедушка! Ты теперь что возьмешь?» — «Не обманешь меня теперь: я себе возьму верхушку!» — «А мне ладно и низок».

«Тетушка лиса, давай теперь пироги испечем». — «Давай!» Напекли они пирогов. У лисы пироги опять лучше. Медведь и еще пуще прежнего рассердился. «Погоди, — говорит, — я съем ее!» Медведь говорит лисе: «Я больно проголодался». — «И я тоже проголодалась». Медведь говорит: «У кого голос тонок, того и съедем». Лиса начала петь тонко, а медведь разинул рот, прищурил глаза и давай реветь. Лиса от куста к кусту и убежала. Когда напелся досыта медведь, раскрыл свои глаза, а лисы уж нет.

91. Медведь и лиса

Раз медведь убирал за обе щеки кобылку, которую только что зарезал. Лиса пробегала мимо, и у нее слюнки потекли, так ей захотелось отведать кобылятинки. Стала она кружить около того места и наконец незаметно подобралась к медведю сзади, прыгнула прямо через тушу и на лету откусила кусочек. Но мишка погнался за нею и оторвал у нее кончик рыжего хвоста. С тех пор у лисы кончик хвоста белый. Потом медведь и говорит:

— Поди сюда, лисанька, я тебя научу лошадей ловить.

Лиса от этого непрочь была, но близко подойти побоялась и выслушала совет мишки издали.

— Как увидишь, что лошадь лежит, на солнышке дремлет, — сказал медведь, — обвяжись ее хвостом покрепче да запусти зубы ей в ногу.

В скором времени увидела лиса лошадь, которая спала на солнечном пригорке, и, можешь себе представить, так и сделала, как медведь сказал: прикрутила себя лошадиным хвостом да и запустила зубы в лошадиную ногу. Лошадь как вспрыгнет и давай носиться по полю, а лиса-то за ней волочится по пням, по камням. Так ее всю избило, что чуть дух из нее не вышибло. Лошадь меж тем проскакала мимо зайца.

— Куда ты летишь, лисанька? — спросил заяц.

— Катаюсь, дружок! — сказала лиса.

А заяц уселся на задние лапки и ну хохотать: рот себе до ушей разорвал, так ему смешно было на лису.

С тех пор лиса уже не пыталась лошадей ловить. На этот раз мишка ловко поддел ее на удочку, а то он сам прост: не умнее троллей, как сказывают.

92. Медведь и лиса

На другое утро проходил медведь по болоту с жирной свиньей, а лиса сидела на камешке у края болота.

— Здравствуй, дед! Что это у тебя? — спросила лиса.

— Ветчинка, — ответил медведь.

— А у меня есть кое-что вкусенькое.

— Что же?

— Соты с медом. Огромные-преогромные.

— Вишь ты, — сказал медведь, и у него даже слюнки потекли: так бы медку и полизал. — Не поменяться ли нам?

— Нет, что ты! — сказала лиса.

Но потом они побились об заклад вот так: кто из них двоих скорее назовет три разных дерева, тот и выиграл, и, если выиграет лиса, медведь даст ей откусить разок ветчинки, а если медведь, лиса даст ему разок пососать соты. Медведь думал, что одним духом высосет весь мед из них.

— Только, — сказала лиса, — все это хорошо, но я наперед тебе говорю, что, если я выиграю, ты должен вырвать щетину из того места, где я буду кусать.

— Ладно, уж я тебе в этом помогу, раз ты сама не можешь справиться, — сказал медведь.

И вот они стали называть деревья.

— Сосна, сосна, сосна... — бормотал медведь, а лиса как горох высыпала: дуб, бук, клен!

Итак, лиса выиграла и разом выкусила сердце из свиньи. Выкусила да бежать хотела, но мишка рассердился, что она самый лакомый кусочек из всей свиньи выкусила, и цапал ее за хвост.

— погоди! — говорит и зарычал так сердито.

— Ну что ж, коли отпустишь меня, я тебе дам моего медку попробовать, — сказала лиса.

Медведь и выпустил ее, а она побежала показывать, где мед.

— Вот они где, соты-то, — сказала она. — Я приподыму листок, а под этим листком дупло, и в нем соты. Соси, сколько хочешь.

С этими словами она приподняла листок и ткнула медведя носом прямо в осиное гнездо, сама же на камень вспрыгнула, чтобы поглядеть да посмеяться хорошенько. Потревоженные осы принялись жалить мишку и в нос, и в лоб, и в глаза, и в губы: еле-еле он отделался от них; где тут было о лисе думать.

С тех пор медведь так и боится ос.

93. Как лиса и медведь купили масла к Рождеству

Как-то раз медведь и лиса купили в складчину горшочек с маслом и спрятали его до Рождества под густой еловый куст. Спрятали, а сами отошли в сторонку и прилегли вздремнуть на солнышке. Лежали они, лежали, а потом лиса вдруг как закричит: «Да, да — иду!» — и побежала прочь и прямо к горшку с маслом, да на добрую треть тут же и

съела. Вернулась лиса к медведю, а он ее спрашивает, куда это она отлучалась и почему морда у нее лоснится.

Лиса и отвечает:

— Неужели ты не догадался, это меня пригласили на крестины.

— Ах, вот оно что! А как назвали ребенка?

— Верхушечка, — сказала лиса.

Снова легли они, и снова лиса вскочила, крикнула: «Да, да — иду!» — и поскорей к горшочку. На этот раз она опять хорошенько подкрепилась, а когда вернулась, медведь ее спрашивает, где она пропадала.

— Неужели ты не догадался, что меня опять пригласили на крестины? — говорит лиса.

— И как же назвали ребенка?

— Половиночка, — сказала лиса.

Медведь подумал: «Какое странное имя», но не стал ломать себе голову, начал зевать и тут же заснул. Поспал он немного, и опять все было, как раньше. Лиса вскочила, закричала: «Да, да — иду!» — и бросилась к горшочку. Вернулась она к медведю и опять сказала, что была на крестинах, а когда медведь спросил, как назвали ребенка, ответила: «Ешь-до-дна!»

Вот снова легли они спать, а потом пошли вместе посмотреть на горшочек и увидели, что масла там уже нет как нет.

Стал медведь ругать лису, а она — его; медведь говорит, что, пока он спал, лиса все масло съела, а лиса ему отвечает, что это он все съел, пока она спала.

— Знаешь что, — говорит лиса, — сейчас мы проверим, кто из нас украл масло. Давай опять ляжем на солнышке, а когда проснемся, посмотрим: у кого зад больше лоснится, тот и масло съел.

Что ж, медведь сразу согласился — он-то знал, что не ел масла, — и преспокойно заснул на солнышке. А лисичка тем временем потихоньку пробралась к горшочку, наскребла остатки, вернулась и вымазала маслом весь медвежий зад, а сама легла спать как ни в чем не бывало. Вот проснулись они, а солнце-то растопило масло — и оказалось, что все-таки это медведь масло съел.

94. Как звери исповедоваться ходили

Отправился однажды кот исповедоваться, а навстречу ему заяц. Спрашивает заяц:

— Куда ты, кот, идешь?

— Исповедоваться иду. Грешен я больно — так, что и мыши поймать не могу.

— Возьми меня с собой, — просит его заяц. — У меня грехов столько, что каждого зверя боюсь.

Идут они дальше, повстречали лису. Спрашивает их лиса:

— Куда, соседушки, путь держите?

— Исповедоваться идем, — отвечают они.

— Возьмите меня с собой, — просит их лиса. — Грех на мне большой: у мужика целый воз рыбы украла.

Идут они дальше, а навстречу им волк. Спрашивает их волк:

— Куда, соседушки, путь держите?

— Исповедоваться идем, — отвечают они.

— Возьмите меня с собой, — просит их волк. — Грех на мне большой: лошадь я у мужика загрыз.

Ладно. Привел их кот в лес к глубокой яме, где уголь жгли. Показал кот яму, через которую была перекинута жердочка, и говорит:

— Вот то самое место, где можно исповедоваться. Кто пройдет по жердочке — на том грехов нет, а кто не пройдет — тот грешен.

Пошел кот первым и прошел по жердочке, а заяц как прыгнул, так и угодил в яму. Лиса и волк тоже в яму упали. Ушел кот, посмеиваясь — дескать, у него-то грехов нет, а заяц, лиса и волк за свои грехи в яме остались. Проходит день, проходит другой, проголодались звери. Сидят, думают, что делать?

Лиса и говорит:

— Давайте петь, у кого голос самый тонкий, того и съедим.

Стали они петь по очереди: у зайца голос самым тонким оказался, его и съели.

Проходит еще день-другой, опять есть хочется. Говорит лиса волку:

— Давай петь, у кого голос грубее, того и съедим.

Спела лиса, спел волк. У волка голос оказался грубее, лиса его и загрызла. Пока не кончилось волчье мясо, лиса жила припеваючи, а как съела она все, опять принялась думать, как из ямы выбраться. Стала она кричать во все горло. Услыхал ее козел, подошел к яме и спрашивает:

— Ты что кричишь?

— От радости кричу, — отвечает лиса. — Знал бы ты, как здесь хо-рошо, сам бы прыгнул в яму.

Подумал козел: «Может, и впрямь там хорошо» — и прыгнул в яму. А лиса над ним потешается:

— Бородища-то у тебя большая, а глуп ты как пень. Я в яму провалилась впотьмах, а ты, седая борода, сам средь белого дня в нее прыгнул. Но коли ты меня послушаешься, мы из ямы выберемся. Стань на задние ноги, а передними в край ямы упрись, я заберусь на твои рога и из ямы выпрыгну, а потом сбегая за веревкой и тебя вытащу.

Так и сделали. Стал козел на задние ноги, лиса — прыг! — и выбралась из ямы. Только за веревкой она не пошла, а, вдоволь насмеявшись над козлом, оставила его в яме.

95. Курочка и петушок

Жил петушок с курочкой. Петушок пьяный напился, да в портки о..... Курочка пошла замывать на реку. Замывала, замывала, а шишка в лоб-то и разлетелась из портков. Она и побежала домой, петушок на печке лежит.

— Петушок, ты что знаешь?

— Чего мне знать? — тот говорит.

— А, — говорит, — немцы на Русь наехали!

— Кто тебе сказывал?

— Сама я видела, сама я слышала, пулька в лоб прилетела!

— Побежим, — говорят, — в лес!

И побежали. Бежат, а бежит горносталя:

— А куда вы побежали?

— А, — говорят, — в лес побежали!

Петушок говорит:

— Немцы на Русь наехали!

— А тебе, — говорит, — кто сказал?

— Мне курочка сказала.

— А тебе, курочка, кто сказывал?

— Сама я видела, сама я слышала, пулька в лоб прилетела!

И побежали дальше, троима. Бежит заяц:

— Куда вы побежали?

— А бежим в лес, немцы на Русь наехали! (Горносталя уж говорит.)

— А тебе кто сказывал?

— Петушок.

— А тебе, петушок?

— Мне курочка сказывала.

— А тебе, курочка, кто сказывал?

— Сама я видела, сама я слышала, пулька в лоб прилетела!

— Побежимте, — говорят, — дальше.

Бежат, а вдруг псец бежит:

— Куда вы, — говорит, — побежали?

— А бежим в лес, немцы на Русь наехали! — заяц говорит.

— А тебе, заяц, кто сказывал?

— А мне горносталя.

— А тебе, горносталя, кто сказывал?

— А мне, — говорит, — петушок.

— А тебе, петушок?

— А мне курочка.

— А тебе, курочка?

— Сама я видела, сама я слышала, пулька в лоб прилетела!

— Ну, — говорят, — побежимте в лес.

Бежит лиса:

— Куда вы побежали?

— А бежим в лес, — псец говорит, — немцы на Русь наехали!

— А тебе, псец, кто сказывал?

— А заяц, — говорит.

— А тебе, заяц, кто сказывал?

— А мне горносталь.

— А тебе, горносталь?

— А мне петушок.

— А тебе, петушок, кто сказывал?

— А мне курочка.

— А тебе, курочка, кто сказывал?

— Сама я видела, сама я слышала, пулька в лоб прилетела!

И побежали все в лес. Вдруг бежит волк:

— Куда вы побежали?

Лиса говорит:

— Бежим в лес, немцы на Русь наехали!

— А тебе, лиса, — говорит, — кто сказывал?

— А псец.

— А тебе, псец?

— А заяц.

— А тебе, заяц, кто сказывал?

— Горносталь.

— А тебе, горносталь?

— Петушок.

— А тебе, петушок?

— Курочка.

— А тебе, курочка?

— Сама я видела, сама я слышала, пулька в лоб прилетела!

— Побежимте в лес, — говорят.

А вдруг медведь опять:

— Куда вы побежали?

Уж волк говорит:

— Бежим в лес, немцы на Русь наехали!

— А тебе, волк, кто сказывал?

— Лиса.

— А тебе, лиса, кто?

— А псец.

— А тебе, псец, кто сказывал?

— Заяц.

— А тебе, заяц?

— А горносталь.

— А тебе, горносталь?

— Петушок.

— А тебе, петушок?

— Курочка.

— А тебе, курочка?

— Сама я видела, сама я слышала, пулька в лоб прилетела!

— Побежимте, — говорят, — дальше.

Бежали, бежали, вдруг яма пришла, глубока-глубока. Они все и скочили в яму. Сидели, сидели и есть захотели. Говорят:

— Как нам быть? (Из ямы никак не выйти, глубокая очень яма.) — И рассудили: — Кто всех меньше, того и съедим!

Вот курочка всех меньше, так курочку и съели. А курочку на такую семью мало, взяли и петушка съели. Горносталь съели, зайца съели, псеца съели, и остались только трое — лиса, волк и медведь.

— Теперь, — говорят, — кого есть? Лиса всех меньше.

— Нет, — говорит лиса волку, — я старше тебя годами.

Стали считать, вышло, что лиса больше. Взяли и волка съели. И остались лиса с медведем.

А лиса-то, как это ела, все кость под ж... клала. Не доест и опять под задницу сует. Вот и стала это кость вытягать да чистить. А медведь и спрашивает:

— Ты откуда, кума, кость-то берешь?

— А я, — говорит, — доставаю из ж..., запихаю лапу туда, да и вытяну.

— Как ты, — говорит, — это?

— А так, лапу запихаю да достану. Ты, — говорит, — тоже запихай лапу в ж..., так и достанешь кость.

Медведь и запихал лапу в ж..., потянул оттуда лапу, да за кишки и захватил когтями, да и заревел — не может никак вытянуть. Ревел, ревел, да и сдох. А лиса потихоньку медведя съела, а потом потихоньку выскочила из ямы и убежала.

96. Кот и лиса

Жил-был мужик; у него был кот, только такой шкодливый, что беда! Надоел он мужику. Вот мужик думал-думал, взял кота, посадил в мешок, завязал и понес в лес. Принес и бросил его в лесу: пускай пропадает! Кот ходил-ходил и набрел на избушку, в которой лесник жил; залез на чердак и полеживает себе, а захочет есть — пойдет по лесу птичек да мышей ловить, наестся досыта и опять на чердак, и горя ему мало!

Вот однажды пошел кот гулять, а навстречу ему лиса, увидала кота и дивится: «Сколько лет живу в лесу, а такого зверя не видывала». Поклонилась коту и спрашивает: «Скажись, добрый молодец, кто ты

таков, каким случаем сюда зашел и как тебя по имени величать?» А кот вскинул шерсть свою и говорит: «Я из сибирских лесов прислан к вам бурмистром, а зовут меня Котофей Иванович». — «Ах, Котофей Иванович, — говорит лиса, — не знала про тебя, не ведала; ну, пойдем же ко мне в гости». Кот пошел к лисице; она привела его в свою нору и стала потчевать разной дичинкой, а сама выспрашивает: «Что, Котофей Иванович, женат ты али холост?» — «Холост», — говорит кот. «И я, лисица, — девица, возьми меня замуж». Кот согласился, и начался у них пир да веселье.

На другой день отправилась лиса добывать припасов, чтоб было чем с молодым мужем жить; а кот остался дома. Бежит лиса, а навстречу ей попадается волк и начал с нею заигрывать: «Где ты, кума, пропадала? Мы все норы обыскали, а тебя не видали». — «Пусти, дурак! Что заигрываешь? Я прежде была лисица-девица, а теперь замужняя жена». — «За кого же ты вышла, Лизавета Ивановна?» — «Разве ты не слыхал, что к нам из сибирских лесов прислан бурмистр Котофей Иванович? Я теперь бурмистрова жена». — «Нет, не слыхал, Лизавета Ивановна. Как бы на него посмотреть?» — «У! Котофей Иванович у меня такой сердитый: коли кто не по нем, сейчас съест! Ты смотри, приготовь барана да принеси ему на поклон; барана-то положи, а сам схоронись, чтоб он тебя не увидел; а то, брат, туго придется!» Волк побежал за бараном.

Идет лиса, а навстречу ей медведь и стал с нею заигрывать. «Что ты, дурак, косяпый Мишка, трогаешь меня? Я прежде была лисица-девица, а теперь замужняя жена». — «За кого же ты, Лизавета Ивановна, вышла?» — «А который прислан к нам из сибирских лесов бурмистром, зовут Котофей Иванович, — за него и вышла». — «Нельзя ли посмотреть его, Лизавета Ивановна?» — «У! Котофей Иванович у меня такой сердитый: коли кто не по нем, сейчас съест! Ты ступай, приготовь быка да принеси ему на поклон; волк барана хочет принести. Да смотри, быка-то положи, а сам схоронись, чтоб Котофей Иванович тебя не увидел, а то, брат, туго придется!» Медведь потащился за быком.

Принес волк барана, ободрал шкуру и стоит в раздумье, смотрит — и медведь лезет с быком. «Здравствуй, брат Михайло Иваныч!» — «Здравствуй, брат Левон! Что, не видал лисицы с мужем?» — «Нет, брат, давно ожидаю». — «Ступай, зови». — «Нет, не пойду, Михайло Иваныч! Сам иди, ты посмейся меня». — «Нет, брат Левон, и я не пойду». Вдруг откуда не взялся — бежит заяц. Медведь как крикнет на него: «Поди-ка сюда, косой черт!» Заяц испугался, прибежал. «Ну что, косой пострел, знаешь, где живет лисица?» — «Знаю, Михайло Иваныч!» — «Ступай же скорее да скажи ей, что Михайло Иванович с братом Левоном Иванычем давно уж готовы, ждут тебя-де с мужем, хотят поклониться бараном да быком».

Заяц пустился к лисе во всю свою прыть. А медведь и волк стали думать, где бы спрятаться. Медведь говорит: «Я полезу на сосну». — «А мне что же делать? Куда я денусь? — спрашивает волк. — Ведь я на дерево ни за что не взберусь! Михайло Иванович! Схорони, пожалуйста, куда-нибудь, помоги горю!» Медведь положил его в кусты и завалил сухим листьям, а сам влез на сосну, на самую-таки макушку, и поглядывает: не идет ли Котофей с лисою? Заяц меж тем прибежал к лисицной норе, постучался и говорит лисе: «Михайло Иванович с братом Леоном Ивановичем прислали сказать, что они давно готовы, ждут тебя с мужем, хотя поклониться вам быком да бараном». — «Ступай, косой! Сейчас будем».

Вот идет кот с лисою. Медведь увидал их и говорит волку: «Ну, брат Левон Иваныч, идет лиса с мужем; какой же он маленький!» Пришел кот и сейчас же бросился на быка, шерсть на нем взъерошилась, и начал он рвать мясо и зубами, и лапами, а сам мурчит, будто сердится: «Мало, мало!» А медведь говорит: «Невелик, да прожорист! Нам четверым не съесть, а ему одному мало; пожалуй, и до нас доберется!» Захотелось волку посмотреть на Котофея Ивановича, да сквозь листья не видать! И начал он прокапывать над глазами листья, а кот услышал, что лист шевелится, подумал, что это мышь, да как кинется и прямо волку в морду вцепился когтями.

Волк вскочил, да давай бог ноги — и был таков. А кот сам испугался и бросился прямо на дерево, где медведь сидел. «Ну, — думает медведь, — увидел меня!» Слезать-то некогда, вот он положился на божью волю да как шмякнется с дерева оземь, все печенки отбил; вскочил — да бежать! А лисица вслед кричит: «Вот он вам задаст! Погодите!» С той поры все звери стали кота бояться; а кот с лисой запаслись на целую зиму мясом и стали себе жить да поживать, и теперь живут, хлеб жуют.

97. Как судились лиса и собака

Как-то раз лиса и собака нашли кусок мяса и стали спорить, кому он должен принадлежать. Спорили, спорили, ни к чему не пришли и обратились к обезьяне, которая считалась мудрейшей среди зверей, чтобы она их рассудила. Обезьяна внимательно выслушала их и сказала:

— Так как вы обе нашли мясо одновременно, я разделю его между вами и дам каждой равную часть.

Обезьяна на глазок разрешила мясо на два кусочка и положила их на весы. Конечно, один кусок оказался тяжелее. Обезьяна откусила от него немного и опять положила на весы. Теперь тяжелее оказался другой кусок. Обезьяна откусила кусок от него и стала взвешивать снова.

Опять оказался тяжелее первый кусок, и опять обезьяна от него откусила. Так она кусочек за кусочком съела все мясо, пока на весах не осталось ничего.

Лиса и собака ушли ни с чем. Можете представить, каково у них было настроение и как они злились на судью, который обманул их обеих!

98. Лиса и горшок

Пошла женщина в поле и взяла с собой кувшин молока. Время было жаркое, вот она и поставила кувшин под кустик, в холодильник. Случилось мимо того куста пробежать лисе, и очень ей захотелось пить. Учужала она молоко, сунула голову в кувшин и все вылакала. Женщина за работой и не заметила, что делается возле ее кувшина. Лиса всунуть-то голову всунула, а вытащить из кувшина не может. И так повернет голову, и сяд, и задерет, и опустит — не вытащить, да и только. Видя, что у нее не выходит, стала лиса просить кувшин по-хорошему: «Отпусти, кувшинчик, хватит уж, позабавились, поиграли, мне недосуг. Ведь меня теперь все лисицы засмеют». А кувшин все не отпускает и не отпускает. Лиса, не будь дура, и говорит: «Ну, погоди, коли ты меня не отпускаешь, я тебя утоплю!» Побежала на речку и утопила его. Кувшин и в самом деле утонул, да только, наполнившись водой, утянул с собой на дно и лису.

99. Мужик и лисица

Поставил мужик на лисицу капкан. А лисица узнала, что это за капкан, пришла да и говорит: «Ишь, какой хитрый да мудрый мужик! Ишь, какие собрал на меня хитрости да мудрости! Постой, я его хитрости да мудрости загажу!» Повернулась задом — да и поймалась хвостом в капкан. Тогда и говорит: «Братик капканчик,пусти меня! Немножечко пошутил — ну и хватит!» Рвалась она, рвалась, однако, из капкана, да не вырвалась. Уже и обед. Тут она и говорит: «Вот так-так! Что за бред — стой по самый обед!» Вот стоит она уже и до вечера, да и говорит: «Вот так-так! Что за дребедень — стой целый день!»

Вдруг смотрит — идет мужик. Она ему говорит: «Дяденька пан! Пусти меня — я тебе две правды скажу! Первая правда: не садись по ветру — смердит. Вторая правда: не вставай против ветра — чоботы обмочишь!»

Засмеялся мужик: ха-ха-ха! — да и отпустил лисицу.

100. Как лиса жука жарила

Услыхала лиса, ума палата, что жареное мясо вкуснее сырого, и решила это проверить. Поймала она жука и отправилась на берег реки. А на другом берегу, напротив того места, где лиса остановилась, костер горел — люди туда лошадей пригнали в ночное. Ухватила лиса жука двумя лапами и вытянула их в сторону костра — пусть жук поджарится. Подождала лиса немного и принялась за жука. Хрустит жук на зубах, а лиса и говорит:

— Хорош жук, жаль только — подгорел.

101. Лиса и кот

Случилось раз коту в лесу с госпожой лисой повстречаться. «Она умная и такая опытная, что ее все на свете уважают», — подумал кот и ласково к ней обратился:

— Добрый день, милая госпожа лиса, как вам живется? Как справляетесь вы в наши трудные времена? Ведь дороговизна-то какая!

Посмотрела лиса надменно на кота, смерила его с ног до головы и помедлила, не зная, стоит ли ему и отвечать. Наконец она сказала:

— Ах ты, несчастный Мурлыка, дурень ты этакий, голодный ты мышелов, что это тебе в голову пришло, что ты осмеливаешься еще спрашивать, как мне живется? Чему ты учился? Какие науки прошел?

— Я прошел только одну, — скромно ответил кот.

— А какая же это наука? — спросила лиса.

— Если за мной гонятся собаки, то я умею прыгнуть на дерево и спастись.

— Это и все? — спросила лиса. — А вот я на целую сотню искусств мастерица, да, кроме того, у меня полный мешок хитростей. Мне тебя жаль, пойдем-ка вместе со мной, и я тебя научу, как лучше от собак убежать.

А тут как раз на эту пору проходил охотник с четырьмя собаками. Кот быстро прыгнул на дерево и уселся на самой верхушке, и ветки и листья его укрыли.

— Развяжите ваш мешок, госпожа лиса, развяжите мешок! — крикнул ей кот, но собаки ее уже схватили и крепко держали в зубах.

— Эх, госпожа лиса! — воскликнул кот. — Вот вы со своею сотней искусств и попались! А могли б вы взобраться, как я, на дерево, не пришлось бы вам с жизнью своей проститься.

102. Лисица и еж

Жили-были еж и лисица. Повстречались они как-то осенью, и говорит лисица ежу:

— Пойдем-ка в виноградник, потаскаем винограду!

Тот отвечает:

— Нет, я боюсь, как бы не попасть в ловушку, что там стоит!

— Да не бойся! — говорит лисица. — Ты в беду не попадешь! Я знаю три мешка хитростей!

Ну, залезли они вместе и наелись до отвала, а когда уже хотели уходить, попала лисица в капкан. Закричала она:

— Помоги мне, еж! Я в капкан попала!

А тот и говорит:

— Так достань из мешка свои хитрости — вот ты и на свободе!

А лисица говорит:

— Я как через пропасть прыгала, так все мои хитрости и вывалились. Не знаешь ли ты каких-нибудь еще?

— Я знаю только две, — отвечает еж. — Первая такая: когда придет крестьянин, ты притворись мертвой, а вторая — навоняй-ка ты покрепче. Подумает он, что ты уже совсем провоняла, и выбросит тебя. Так и выкарабкаешься!

Лисица все так и сделала, как ей еж советовал. Как пришел крестьянин да увидел, что лиса уже воняет, выбросил он ее из виноградника — она и выкарабкалась.

В другой раз опять спрашивает лисица у ежа, не пойдет ли он с ней в виноградник и не хочет ли поесть винограду. Ну, уж если в первый раз все ему хорошо с рук сошло, пошел он и на этот раз. Когда они наелись досыта и хотели идти, попал тут в ловушку еж и закричал:

— Помоги мне, госпожа Мару, я в ловушку попал! Достань свои хитрости и вызволи меня из ловушки!

А лисица отвечает:

— Я опять как через пропасть прыгала, так все мои хитрости и вывалились.

Еж говорит:

— Ну, раз уж мне умирать, так прости мне мои грехи!

Лисица и отвечает:

— Лучше уж ты мне прости все мои грехи, а тебе пусть бог простит!

Еж потом и попросил ее:

— Подойди поближе, давай-ка еще разок обнимемся, мы ведь так долго прожили вместе!

Подошла тут лисица поближе, обнялись они, а еж и говорит:

— Ты должна меня еще и в губы поцеловать!

Лисица так и сделала. А еж вцепился зубами ей в язык и крепко держался до тех пор, пока не пришел крестьянин. Когда увидел он, как еж вцепился в лису, то рассмеялся, зашиб лисицу насмерть, а ежа отпустил.

103. Журавль и лисичка

Повстречались журавль с лисичкою в лесу. Журавль говорит: «Прими меня, лисичка, на зимовье, а я тебя научу летать». — «Хорошо», — говорит лисичка. Приняла его, вот и живут они в лисицкой норе.

Как дознались охотники, что в норе живут журавль с лисичкой, стали они раскапывать эту нору. Лисичка и говорит журавлю: «Сколько у тебя думок?» — «Десять», — говорит журавль. — А у тебя сколько?» — «Одна». А потом лисичка снова говорит журавлю: «Сколько у тебя думок?» — «Девять. А у тебя сколько?» — «Одна». Потом снова лисичка спрашивает: «Сколько у тебя думок?» — «Восемь. А у тебя сколько?» — «Одна». Да так все лисичка спрашивала журавля, а тот все по одной уменьшает. А потом лисичка спрашивает, когда уже охотники совсем близко стали копать: «Сколько», — говорит, — у тебя думок?» — «Одна», — отвечает журавль. — А у тебя?» — «Одна... Какая же у тебя думка?» А журавль говорит так: «Я лягу впереди и притаюсь — будто неживой. Возьмут они меня в руки, начнут дивиться, а ты сразу убегай. Они бросятся за тобой — тогда и я полечу».

Докопались охотники до журавля, взяли его в руки да и говорят: «Вот тебе и на! Лисица задушила журавля. Кинем его, он уже наш, докопаемся до лисицы!» Только они так сказали, а лисичка из норы — фить! — пошла в лес. А журавль — пррх! — и полетел.

Вот стали они сходитьсь, журавль с лисичкой. Лиса говорит: «Кум!» А журавль: «Кума!» Лисичка говорит: «Кум!» А журавль: «Кума!» Лисичка и говорит: «Гов!» Сошлись вместе. Лисичка говорит: «Научи меня летать за то, что ты у меня перезимовал, — как мы сговорились». — «Хорошо», — говорит журавль, — садись на меня». Лисичка села на журавля, журавль поднялся, как с хату высотой, пустил лисичку на землю да и спрашивает: «А что, хорошо летать?» — «Хорошо». Журавль спустился к ней да и говорит: «Садись на меня снова». Взлетел журавль высоко, как с хату, пустил ее и спрашивает: «А хорошо летать?» — «Хорошо». — «Садись-ка еще на меня!» Лисичка села, а журавль поднялся высоко-высоко, так что и не видать, пустил снова лисичку и спрашивает: «А хорошо летать?» Смотрит — только косточки лисичкины лежат. Бросил журавль лисичку да и полетел себе.

104. Лисица и журавль

Когда-то лисица и журавль жили вместе. У каждого из них было по три детеныша. Однажды журавль ушел на охоту, а лисица придушила одного птенца. Когда журавль возвращался, лисица вышла к нему навстречу со слезами.

— О чем ты плачешь? — спросил журавль.

— Лучший из наших детей умер!

— Мой ребенок или твой? — спрашивает журавль.

— Разве ты отличаешь своих детей от моих? — обиженно сказала лисица и добавила: — Умер один из длинношеих.

За неделю лисица убила всех остальных птенцов. Понял журавль, что это дело лисицы, и стал ее спрашивать:

— Отчего умерли только мои дети, а твои живы-здоровы? Надо пойти к Аллаху, пусть он нас рассудит.

— Но у меня нет крыльев, — отвечает лисица. — Как же я долечу до Аллаха?

— Садись на меня, — предложил журавль. Он поднялся высоко вверх, а потом сбросил лисицу. А пока лисица падала, журавль ее спрашивает:

— Что с тобой? Куда летишь?

— Хотела бы сказать тебе несколько слов, да остановиться негде, — отвечает лисица.

— Ты уже опоздала со своими баснями, — говорит журавль, — но ты их расскажи на том свете моим птенцам, которых ты съела.

И журавль улетел.

105. Куропатка и лиса

Куропатка и лиса были кумушками и крепко между собой дружили. Однажды спросила лиса куропатку, как это она так сделала, что ее цыплятки стали такими замечательно желтенькими, как желток яичный. Попросила ее куропатка подбросить дровишек в печку. «Значит, так, кумушка, коль ты хочешь, чтобы дети у тебя были желтыми, как яичко, засунь их в печку и закрой дверцу, а сама встань перед ней и говори: тупф, тупф, тупф!»

Как было сказано, лиса открыла дверцу в печке и нашла своих детишек совсем обгоревшими и мертвыми. Начала тут лиса плакать, лила слезы да причитала: «Ах, кумушка моя, ах, кумушка моя, как ты меня одурачила!» Подошла тут куропатка и видит, что детишкам лисы конец пришел и что очень ее это расстроило. Лиса, однако, сказала куропатке: «Что ж, еще посмотрим, не съем ли я мою кумушку!» И лиса пригласила куропатку к себе позавтракать. В душе же она по-

клялась, что будет подстерегать куропатку, покуда ее не съест. И куропатка взяла свою палочку и, весело посвистывая, направилась к кумушкиному дому.

Лиса положила еду на камень и предложила куропатке угощаться. Но куропатка не могла есть с камня, и лиса все смела языком начисто, принесла еще кушанья — и снова куропатке ничего не досталось, потому что лиса вылизала камень досуха. И осталась кума куропатка ни с чем.

После этого начали они болтать, и куропатка спросила лису, как поживают ее детишки. Лиса сказала, что плохо, что покраситься им не удалось, более того — они умерли, сгорели.

Тут лиса спросила куропатку, почему она так хорошо свистит, а вот ей так свистеть не удается. На это куропатка ответила: «Как же ты можешь свистеть, когда у тебя пасть такая большая?» И тут предложила куропатка: зашьет она ей пасть и уж тогда научит ее свистеть. И она зашила ей пасть, и лиса стала свистеть уже довольно хорошо.

Затем куропатка пригласила лису зайти к ней позавтракать. И лиса радостно отправилась в путь и свистела совершенно замечательно. Как только лиса пришла, поставила куропатка еду в глиняной посудине с длинным тонким горлышком. Предложила она угощаться, и обе начали кушать. Куропатка засунула головку в горшок и ела наилучшим образом, а лисе ничего не досталось, и она распрошталась с куропаткой. Куропатка сказала ей, чтоб она пошла домой и привела пасть в порядок, потому что слушать невозможно, как она свистит. Тут пробормотала лиса про себя: «Ну, завтра я кумушку съем, когда у меня пасть снова будет в порядке!»

На следующий день куропатка сделала вот что: она все тело, все перья посыпала перцем. И лиса-таки пришла и свистела просто великолепно. И куропатка спряталась возле дороги, по которой шла лиса, и лиса нигде не могла найти куропатку. Тут она так сильно взмахнула крыльями, что лиса от перца, попавшего ей в глаза, ослепла. Тут лиса громко завопила, и пасть у нее порвалась и стала еще больше, чем была раньше, и осталась она слепой. Хотела она свистеть, да не могла, и кумушку она больше никогда не видела.

106. Лиса-исповедница

Однажды лиса всю большую осеннюю ночь протаскалась по лесу не евши. На заре прибежала она в деревню, взошла на двор к мужику и полезла на насест к курам. Только что подкралась и хотела схватить одну курицу, а петуху пришло время петь: вдруг он крыльями захлопал, ногами затопал и закричал во все горло. Лиса с насести-то так со страху полетела, что недели три лежала в лихорадке.

Вот раз вздумалось петуху пойти в лес — разгуляться, а лисица уж давно его стережет, спряталась за куст и поджидает, скоро ли петух подойдет. А петух увидел сухое дерево, взлетел на него и сидит себе. В то время лисе скучно показалось дожидаться, захотелось сманить петуха с дерева; вот думала, думала, да и придумала: дай прельщу его. Подходит к дереву и стала здороваться: «Здравствуй, Петенька!» — «Зачем ее лукавый занес?» — думает петух. А лиса приступает со своими хитростями: «Я тебе, Петенька, добра хочу — на истинный путь наставить и разуму научить. Вот ты, Петя, имеешь у себя пятьдесят жен, а на исповеди ни разу не бывал. Слезай ко мне и покайся, а я все грехи с тебя сниму и на смех не подыму».

Петух стал спускаться ниже и ниже и попал прямо лисе в лапы. Схватила его лиса и говорит: «Теперь я задам тебе жару! Ты у меня за все ответишь; попомнишь, блудник и пакостник, про свои худые дела! Вспомни, как я в осеннюю темную ночь приходила и хотела попользоваться одним куренком, а я в то время три дня ничего не ела, и ты крыльями захлопал и ногами затопал!..» — «Ах, лиса! — говорит петух. — Ласковые твои словеса, премудрая княгиня! Вот у нашего архиерея скоро пир будет; в то время стану я просить, чтоб тебя сделали просвиреню, и будут нам с тобой просвиры мягкие, кануны сладкие, и пойдет про нас слава добрая». Лиса распустила лапы, а петух порх на дубок.

107. Хитрый петух

Растопырил крылья хитрый петух, вскочил на плетень и ну кукарекать во все горло. Из ближней рощицы выбежала кума лиса.

— Добрый день! — кричит. — Услыхала я, как ты кукарекаешь, вот и прибежала. Ну и хорошо же ты поешь! Вот не знаю только, умеешь ли ты петь, как пел твой батька.

— А как мой батька пел?

— Вскочит, бывало, на плетень да и стоит на одной ноге, а другую подождет. Закроет один глаз и кукарекает. Вот был певец так певец!

— И я так умею!

Поджал петух ногу, закрыл один глаз и кукарекает.

— А можешь ты, стоя на одной ноге, закрыть оба глаза и все-таки петь? — спрашивает лиса.

— Могу! — крикнул петух.

Но не успел он закрыть оба глаза, как лиса подскочила и — хватъ петуха!

Унесла его лиса в лес, придавила лапами и уже приготовилась кушать.

— Эх, — вздохнул петух, — было время, матушка твоя не так делала.

— А как она делала? — спрашивает лиса.

— У матушки твоей был такой обычай: бывало, поймает петуха да перед тем, как его скушать, прочтет молитву. Набожная была лисица, богомольная.

Подумала, подумала лиса и решила: надо, мол, и мне помолиться. Сложила передние лапы, закрыла глаза, стала молитву шептать. А петух того и ждал. Как только лиса отдернула лапы, он взлетел — да скок на ближее дерево!

— Что тебя громом убило! — взвизгнула лиса. — Меня, лису, перехитрил!

И голодная поплелась восвояси.

108. Лиса и петух

Лиса по старой привычке бродила по аулу, выискивая добычу. На высоком курятнике она увидела петуха. Глаза лисы разгорелись. «Очень высоко сидит петух, — подумала лиса, — надо как-то заставить его спуститься вниз».

Подошла лиса к курятнику, виляя хвостом, учтиво поздоровалась с петухом. Они расспросили друг друга о здоровье. Петух сказал, что он живет в свое удовольствие. Лиса притворилась глухой:

— Слушай, дружок, я стала стара и плохо слышу. Мне хочется в разговоре по душам развеять свою старческую печаль. Сойди пониже и расскажи мне про свою петушину жизнь.

Петух догадался, в чем дело, и ответил:

— Я не из-за тебя боюсь спуститься вниз, опасаясь других хищников. Давай разговаривать, оставаясь каждый на своем месте.

Лиса завияля хвостом:

— Ты хищных зверей не бойся. Недавно вышел указ царя всем животным и птицам жить в дружбе, не обижать друг друга. А ты, оказывается, не слышал об этом указе.

Петух ответил:

— Правдивы твои слова, милая лиса. То-то я смотрю, ты не боишься вон тех двух собак, что сюда идут, и мирно разговариваешь со мной. Я теперь верю, что ты говоришь истинную правду. Обожди немного, сейчас подойдут собаки, и тогда ты и я с ними вместе поговорим.

Лиса, увидев собак, поджала хвост и пустилась наутек.

— Куда же ты, лиса? Ведь есть же указ царя.

— Они, верно, этого указа еще не читали, — крикнула лиса, улелепывая.

109. Лиса и тетерев

Бежала лисица по лесу, увидала на дереве тетерева и говорит ему: «Терентий, Терентий! Я в городе была». — «Бу-бу-бу, бу-бу-бу! Была, так была». — «Терентий, Терентий! Я указ добыла». — «Бу-бу-бу, бу-бу-бу! Добыла, так добыла». — «Чтобы вам, тетеревам, не сидеть по деревьям, а все бы гулять по зеленым лугам». — «Бу-бу-бу, бу-бу-бу! Гулять, так гулять». — «Терентий, кто там едет?» — спрашивает лисица, услышав конский топот и собачий лай. «Мужик». — «Кто за ним бежит?» — «Жеребенок». — «Как у него хвост-то?» — «Крючком». — «Ну так прощай, Терентий! Мне дома недосуг».

110. Утренний намаз

Как-то на рассвете лиса отправилась на место молотьбы поохотиться на кур. Вдруг с дерева она услышала петушиный крик. Лиса подкралась к дереву и вкрадчиво сказала петуху:

— Какой красивый у тебя голосок, ты прекрасно читаешь эзан! Спустись вниз, и мы всей общиной вместе с сестричками-курами совершим утренний намаз, а обязанности муэzzина исполню я — лиса.

Петух скромно ответил:

— Есть более опытный ходжа, чем я. Он наш главный ходжа, давай позовем его.

Лиса стала расспрашивать о нем.

— Ты знакома с дядей Карабашем, с ушастым, длиннохвостым Карабашем? Вот он наш главный ходжа.

Услышав имя пса, лиса задрожала от страха.

— Ты побудь здесь, — сказала она петуху, — а я побегу совершать омовение.

111. Как гуси перехитрили лиса

Когда все куры были сожраны и опять стало голодно, после долгих поисков встретил лис на лугу стаю в сотню гусей. «Это как раз то, что надо», — сказал он себе, и не успели они улететь, как он был возле них. «Ага! Попались! Как вы смеете разорять землю моих отцов? Приговариваю вас к смерти!»

Задрожали гуси, стали сетовать на то, что так рано приходится им расставаться с жизнью, но дело было нешуточное. Наконец нашелся один и сказал: «Дорогой господин лис! Мы молим не о жизни, а о маленькой милости, которую вы можете нам оказать. Дайте торжественное обещание, что позволите нам по очереди еще раз помолиться, а когда мы кончим, делайте с нами все что хотите».

Просьба показалась лису пустячной: «Клянусь исполнить вашу просьбу». Тут начал первый: «га-га-га-га-га-га-га-га-га-га-га-га!» Второй, не дожидаясь, пока тот кончит, тоже начал «га-га-га». Но еще их было девяносто восемь, и терпение лиса лопнуло. «Пока они все помолятся, можно десять раз с голоду сдохнуть!» — рявкнул он сердито. Но раз дал он торжественное обещание, то не мог уже их тронуть и убежал, бранясь и ругаясь.

112. Ворона и лиса

Было ли так или не было — свила себе ворона гнездо на вязе в лесу. Там она решила вывести птенцов, выкормить, вырастить и научить их летать.

Прошло немного времени, и ворона снесла не то пять, не то шесть яиц. Двадцать один день она высиживала и согревала яйца, а на двадцать второй вылупились птенцы.

Стало у вороны дел по горло: что ни день — надо ей лететь то в одну, то в другую сторону и пищу птенцам доставать. Скоро воронята подросли, покрылись пушком и научились щебетать.

А неподалеку обитала лиса-плутовка. Услышала она писк птенцов и решила:

— Вот и корм для меня!

И стала она придумывать всякие хитрости, как бы сожрать хоть пару птенцов. Достать до гнезда она не могла — высоко. Порыскала лиса кругом и нашла за селом старую войлочную шапку, а у садовника украла тупую пилу.

И вот как-то утром, пока ворона еще не вылетела из гнезда, лиса подошла к дереву и давай его пилить.

Ворона еще издали увидела лису. Когда раздался скрип пилы, она высунулась из гнезда и спрашивает:

— Что все это значит?

— Да ничего. Я лесник и хочу свалить это дерево.

Ворона и говорит ей:

— Да ведь на этом дереве — мое гнездо, а в нем — птенцы.

А лиса отвечает:

— Ты провинилась, свив без спросу гнездо на моем дереве и высижив птенцов. Сейчас я свалю это дерево, будешь впредь знать, что везде есть хозяин.

Ворона стала умолять лису:

— Подожди несколько денечков, пока птенцы вырастут!

— И часу ждать не стану! — отвечала лиса.

Вороне ничего другого не оставалось, как просить и упрашивать:

— О лесник! Не делай меня несчастной, мне некуда деваться. Дай отсрочку на два-три дня, пока птенцы научатся летать — тогда я оставлю дерево.

— Этими речами ты меня не разжалобишь, — говорит лиса. — Мое дерево — когда захочу, тогда и свалю.

Препирались они, препирались и порешили наконец, что за отсрочку на два-три дня ворона сбросит лисе одного птенца.

Горько оплакивая свою судьбу, ворона сама сбросила своего птенца. Лиса-плутовка сожрала вороненка и пошла домой. Очень она была довольна, что уловка ее удалась. Ей казалось, что так она сумеет съесть всех птиц, свивших гнезда в лесу.

На другой день к вороне в гости прилетела соседка-сорока. Увидела она, что ворона пригорюнилась, и спросила:

— Что случилось?

Рассказала ей ворона обо всем, а сорока ей:

— Ну и глупа ты! Никогда лесник не будет валить цветущее зеленое дерево. Как придет он в следующий раз, покажи мне его. Посмотрю-ка я, что это за лесник!

А лиса на другой день опять взяла пилу, надела войлочную шапку и отправилась к дереву. Не успела она подойти поближе, как ворона полетела к сороке. Посмотрела та с дерева, оглядела «лесника» хорошенько и говорит:

— Эх, глупая! Ведь это хитрая лиса. Не бойся войлочной шапки и тупой пилы, это не лесник. Лети к себе, и если будет она грозиться свалить дерево, то отвечай: «Что ж, пили!» Разве под силу лисе свалить такое крепкое дерево? Его сможет перепилить только сильный дровосек острой пилой с двумя ручками.

Вернулась ворона в гнездо, а лиса уж приставила пилу к стволу. Посмотрела ворона вниз и говорит:

— Кто ты и что делаешь?

— Я лесник. Хочу свалить это дерево. А ты поживей отправляйся-ка отсюда вон.

— Мое гнездо здесь, и я никуда не пойду, — отвечала ворона. — Никакой ты не лесник и ничего не сможешь сделать. А хочешь свалить дерево — что ж, пили!

Видит лиса: переменилась ворона со вчерашнего дня. Вчера она плакала и умоляла, а сегодня дерзкой стала. Поняла лиса, что кто-то научил ворону, и говорит:

— Я оставлю тебя в покое с одним условием: выдай мне, кто тебе сказал, что я не лесник и не смогу перепилить дерево.

Ворона сглупила и выдала сороку. А лиса решила: «Уж я покажу этой сороке, да так покажу, что сказки об этом сложат».

Прошло несколько дней. Влезла лиса в лужу и вымазалась вся в тине, а потом отправилась к дереву, где было гнездо сороки, и растянулась как мертвая. Любой, увидев ее, сказал бы: «Она мертвая».

Сорока несколько раз пролетала над ней, но лиса даже не шелохнулась. И сорока подумала: «Нет сомненья, она сдохла. Выключю-ка я ей глаза».

Подлетела она к лисе, клюнула ее сначала в бок. Лиса и бровью не повела. Сорока села ей на голову и собралась было выклевывать глаза, но тут лиса цап ее зубами. Видит сорока, плохо дело, и говорит лисе:

— Ты, конечно, можешь растерзать меня, ведь я учу всех этих птиц уму-разуму. А если бы я дружила с тобой, то научила бы тебя ловить каждый день по две птицы. Будешь мне другом — научу тебя таким делам, что заживешь припеваючи.

Лиса подумала: «Это мудрая сорока, дружить с ней выгодно. Подружусь-ка я с ней и начну каждый день ловить пару ворон».

А сорока продолжала:

— Ладно, думай. Но если хочешь дружить, то поклянись ясным солнцем, светлой луной и владыкой леса.

Лиса раскрыла было пасть, чтобы поклясться, а сорока и взлетела на дерево. Так лиса была посрамлена хитростью сороки.

На другой день сорока созвала всех птиц в лесу, и сговорились они уничтожить лису. Когда та спала на берегу озера, целая стая птиц налетела на нее и давай клевать. Лиса растерялась, свалилась в озеро и пошла ко дну. И поныне, когда я рассказываю эту сказку, она еще не выбралась из воды.

113. Дрозд и лис

Давным-давно, в былые времена, когда куры петухом пели, свил себе дрозд гнездо, вывел птенцов и обучил их всему, чему полагается. Только они собрались вылететь из гнезда, как подкрался лис, схватил их и унес.

Возвращаясь к своему гнезду, дрозд издалека увидел, что лис додает его птенцов.

— Вот так шутку сыграл со мной лис! — сказал дрозд. — Но собака с фермы давно его подстерегает, полечу-ка я за ней, пусть поможет мне отомстить.

Увидел дрозд собаку с фермы и говорит:

— Отомсти за меня лису — он съел моих птенцов.

— Охотно, — ответила собака, — но как это сделать?

— Ложись и вытяни ноги, как будто ты мертвая. Я расскажу об этом лису и начну тебя клевать у него на глазах, а ты лежи как полено и не шевелись; тогда он подойдет к тебе, и ты его задужишь.

Собака охотно согласилась на эту сделку. Дрозд подлетел к лису и сказал ему:

— Ты, видно, ничего не знаешь, куманек. Собака с фермы лежит на лугу и ноги протянула. Теперь она и в самом деле сдохла. Я клевал ее, и она мне ничего не сделала.

Когда лис подошел, дрозд стал у него на глазах клевать собаку, но та даже не шевельнулась.

— Ага! — воскликнул лис. — Наконец-то мы от нее избавимся; только, прежде чем съесть ее, помочусь-ка я ей в глотку.

Но в ту минуту, когда лис поднял лапу, собака так вцепилась в него, что лису тут и конец пришел.

Дрозд сказал собаке:

— Ты очень утешила меня, отомстив за моих птенцов. Придется за твои труды угостить тебя. Вот идет крестьянка, она несет молотильщикам обед. Ты только погляди, что я устрою.

Дрозд запрыгал по тропинке, волоча ногу, как раненый. Крестьянка подбежала, чтоб схватить его, он заковылял побыстрее.

— Какой красивый дрозд! — сказала старая фермерша. — Ему не уйти далеко. Я поймаю его и отдам своей маленькой Жанне, ведь она так любит птиц.

Фермерша положила узелок на землю и стала ловить дрозда, который нарочно уводил ее за собой. В это время собака съела обед молотильщиков.

Вернувшись, крестьянка не нашла на дороге ничего.

— Что же мне теперь делать, — сказала опечаленная женщина, — у меня украли мой узелок!

Чтобы работники не очень бранились, она решила их задобрить.

— Ох, голубчики, — сказала она, — уж вы на меня не пеняйте, что я вам обеда не принесла. Я побежала за дроздом и хотела словить его, а в это время кто-то украл мой узелок.

— Не рассказывай нам басни! — закричали молотильщики. — Бросим мы твою работу и уйдем.

— Старая притворщица, — добавил другой, — и не стыдно тебе врать в твои годы! Так бы и треснул тебя вилами по шее!

— Смотри, — закричала фермерша, — вот эта птичка, вон она на току! Села теперь мне на плечо!

Тут один из молотильщиков размахнулся, чтоб ударить дрозда цепом, но вместо того попал хозяйке по шее. Да так удачно, что она растянулась на току во всю длину!

114. Лиса и сорока

Лисе не повезло на охоте — она ничего не поймала и порядочно проголодалась.

Подумав, решила пойти на хитрость: легла на перекрестке семи дорог и, как говорят адыге, «ни воздуха ни воды не тянула» — притворилась мертвой.

Так она пролежала довольно долго. Галки и вороны, думая, что лиса издохла, полетели стаей, сели возле нее, а кто посмелее — и на живот к ней забрались.

Одна ворона ногу клюет, другая — другое место клюет! А нахальная сорока уселась на самый лисий нос и принялась клевать и клевать.

Тут лиса и схватила сороку.

Видит сорока — плохо ее дело, и говорит лисе:

— погоди, лисонька, съесть меня ты всегда успеешь! Перед смертью я хочу научить тебя одной игре, которую я узнала от своих дедов.

— Ну, научи, — согласилась лиса.

— Найди две старые пустые сапетки из-под пчел, — посоветовала сорока.

— Хорошо, — сказала лиса и мигом принесла две сапетки из-под пчел.

— Теперь посади меня в одну сапетку, закрой другой сапеткой, отнеси их на тот высокий холм и толкни вниз: сапетки вместе со мною будут катиться под гору, а ты будешь смеяться!

Так лиса и сделала. Посадила сороку в сапетку, закрыла ее другой сапеткой, взобралась с ними на вершину холма и толкнула их вниз. И не успела лиса засмеяться, как сапетки раскатились в разные стороны, и сорока на глазах у лисы выпорхнула из них и улетела.

— Ах, съешь меня собака, она перехитрила меня, и я напрасно проголодала столько времени! — с досадой воскликнула лиса и только посмотрела вслед улетающей сороке.

115. Перепел и лиса

Однажды отправился перепел на прогулку. Пришел в одно место, а там лиса от голода стонет. Перепел подошел к лисе и говорит:

— Лиса, почему ты стонешь?

Лиса ответила:

— Э, перепел, я ведь глуховата, не слышу, когда так тихо говорят. Подойди поближе, расскажи мне, чего ты хочешь.

— Я тебя боюсь, если подойду поближе, ты меня схватишь и съешь, — говорит перепел. А лиса ему в ответ:

— Я вот уже четыре дня пост соблюдаю!

Перепел поверил и подошел к лисе. Тут лиса его и схватила. Тогда перепел сказал:

— Лиса, ты ведь меня съешь — сытой не станешь. Лучше отпусти меня, а я тебя накормлю досыта.

— Чтоб твое лицо почернело, ты меня обманываешь! — говорит лиса.

Перепел отвечает:

— Нет, я еще до сих пор никого не обманывал.

— А ну, поклянись!

Перепел поклялся:

— Во имя того, кто меня сотворил, я накормлю тебя досыта, если ты меня отпустишь.

Тогда лиса пошла впереди, а перепел следом. Пришли они в одно место, видят: идет женщина, на голове у нее миска, в миске лепешка с маслом — несет своему мужу. Перепел говорит лисе:

— Лиса, ты теперь иди помедленней, а я побегу вперед. Когда она меня увидит, она снимет с головы свою миску и погонится за мной. Как только ты увидишь, что она поставила миску на землю, иди туда и начинай есть. Пока она будет за мной гнаться отсюда вон до той кучи камней, ты уже насытишься. А я доведу ее до той кучи, а потом улечу.

— Хорошо, — сказала лиса.

Перепел догнал женщину и начал перед ней расхаживать. А женщина заметила его и подумала: «Наверно, этот перепел хромой, взлететь не может». Опустила она на землю миску, хотела схватить перепела, а тот отбежал чуть подальше. Она за ним. Так женщина за ним гонялась, далеко от своей миски ушла. А потом перепел улетел.

Тем временем лиса лепешку с маслом уплетала, да так, что только хруст стоял: «пирак-пирак!» А когда женщина вернулась к своей миске, лиса убежала. Женщина посмотрела: миска пустая! Расстроилась она и пошла к себе домой. Снова испекла лепешку с маслом и понесла мужу.

А теперь расскажем про лису и перепела. Перепел подошел к лисе и спрашивает:

— Ну как, подруга?

— Друг мой, благослови тебя бог, я в жизни так сытно не ела, — отвечает лиса. Потом она сказала:

— Перепел, накормил ты меня досыта, а теперь рассмеши меня.

— Хорошо, — говорит тот. — Ступай за мной.

Ну лиса пошла впереди, а перепел за нею. Пришли в одно место, а там дом, в доме сидит человек и разводит огонь в очаге, а жена его возле очага мучную кашу размешивает. Перепел и говорит лисе:

— Подруга, пойдем в этот дом.

— Хорошо, — ответила лиса. Вошли они в прихожую, перепел говорит:

— Теперь гляди, лиса, а я внутрь войду.

Влетел он в комнату, пролетел перед тем человеком, на нары вспорхнул и опять вернулся обратно. Женщина увидела его и бросила в него ложку, которой кашу мешала. Но в перепела не попала, а попала прямо в голову мужу. Все лицо его кашей залепила! Уж лиса так смеялась, остановиться не могла, чуть не лопнула от смеха. Еле выбралась из дома на улицу.

Перепел подошел к лисе и говорит:

— Ну как?

А лиса отвечает:

— Перепел, я за всю свою жизнь столько не смеялась!

Ну, стала лиса опять просить перепела:

— Перепел, ты меня накормил, ты меня рассмешил, а теперь сделай так, чтобы я заплакала.

Перепел говорит:

— Милая, довести тебя до слез легко, только ты ведь потом обидишься.

— Нет, не буду обижаться, — говорит лиса.

— Ну, коли не будешь обижаться, тогда пошли.

Пошел перепел к царскому дому и говорит лисе:

— Ты здесь посиди, а я войду внутрь и скоро вернусь.

Лиса села, а перепел влетел во двор. А царские гончие во дворе были, они заметили перепела и пустились за ним следом. Перепел и повел их к лисе. Гончие увидели лису, погнались за ней. А лиса бросилась наутек, так быстро побежала — ну прямо рассказать невозможно! Все же один из царских псов догнал ее, схватил за хвост. Дернул — хвост у него в зубах остался. А лиса кое-как спряталась в нору, оттуда ее собаками не вытащить. Тогда гончие убежали, а перепел пришел к лисе и спрашивает:

— Ну как?

А лиса с ним и разговаривать не желает. Перепел подошел, видит: хвоста-то у нее нет. Говорит он:

— Подруга, где же твой хвост?

Лиса разъярилась и схватила его. Опять перепел оказался в зубах у лисы.

Тут перепел и спрашивает:

— Видно, ты меня съесть решила?

— Угу, — говорит лиса. Тогда перепел сказал:

— Ну, ладно, ешь, только вот что. Все, о чем ты меня просила, я исполнил, теперь выполни ты одну мою просьбу.

— Какую? — спросила лиса. Перепел сказал:

— Столько мы с тобой вместе ходили, а я ни разу не слышал, как ты поешь. Покажи мне перед смертью, какой у тебя голос.

— Хорошо, — сказала лиса.

Лиса открыла рот пошире, а перепел-то и улетел! Так лиса и осталась с открытым ртом. Вот и все.

116. Лиса и дятел

Шла лиса лесом и провалилась в волчью яму. Попрыгала-попрыгала, повертелась-повертелась, а выбраться не может.

Увидел лису дятел и спрашивает:

— Что делаешь, чем занимаешься, кума?

— Рою колодец, кум! — отвечает лиса.

— Вырой мне тоже!

— С удовольствием! Но прежде набросай-ка ты мне сучьев, я быстро сложу сруб и пойдем к тебе.

Начал дятел отстукивать, сучья ломать и в яму бросать. А лиса наложилась их друг на друга и выбралась из ямы.

— Ну, кончила? Пошли ко мне, — говорит дятел.

— Кончить-то кончила, да в горле пересохло, угости-ка прежде квасом, — отвечает лиса.

— Хорошо, — говорит дятел, и пошли они искать квас.

В это время ехал на базар торговец квасом.

Увидела его лиса и спряталась в кустах у дороги, а дятел сел на бочку с квасом и стал долбить дно.

Долбил-долбил и выдолбил дырку. Из дубовой бочки брызнул медовый квас. Напоследок дятел долбанул торговца в голову и полетел низко-низко над землей. Торговец за ним.

Пока дятел играл с торговцем в кошки-мышки, бочка опустела — лиса вдоволь напилась квасу.

А дятел заманил мужика в лес, вспорхнул и улетел к лисе. Сел на бочку и спрашивает:

— Ну как, напилась?

— Совсем опьянела, — говорит лиса.

— Ну, тогда пошли ко мне!

— Пойти-то пойдем, кум, но ты сначала рассмеши меня.

— Хорошо, — говорит дятел, — иди за мной.

Вот пришли они в деревню. Видят, на одном гумне сын торговца с батраком молотят горох. Лиса спряталась у изгороди. Дятел сел сыну торговца на голову и стал долбить. Тот закричал. Батрак бросился на помощь и так заехал ему цепом по голове, что повалился тот, как сраженный молнией.

Лиса каталась по траве и смеялась, хватаясь за живот.

Подлетел к ней дятел и спрашивает:

— Ну, довольна, кума?

— Ой, насмешил! Насмешил, кум! Спасибо!

— Ну, пошли теперь ко мне рыть колодец.

— Пойти-то пойдем, но напоследок ты напугай меня.

— Хорошо, — говорит дятел, — иди за мной.

Вот пришли они опять в деревню. Подошли к крайней избе. Лиса села у подворотни, а дятел забрался на ворота и стал долбить.

На стук выбежали два отчаянных пса и бросились на лису. Лиса бежать. Собаки за ней. Загнали в лес. Бедняжка не знала, куда деться, прыгнула в дупло. Собаки с досады стали кружиться вокруг дупла и лаять.

А лиса, немного успокоившись, спрашивает у своих ног:

— Небось испугались?

— И нисколько! Мы во всю прыть неслись вперед, — отвечают ноги.

— Ну, а вы испугались? — спрашивает лиса у ушей.

— Нет! Мы прижались к голове и как ветер неслись вперед, — отвечают уши.

Наконец лиса обращается к хвосту:

— Уж ты, наверное, испугался?

— И не говори, — отвечает хвост, — лечу за тобой и думаю: вот-вот схватят, вот-вот съедят!

— Ах так!.. — закричала лиса. — Так-то ты меня жалеешь? Хотел угостить собак моим мясом? Вот я тебе покажу!

С этими словами лиса высунула хвост в щель. Собаки ухватились за него, вытащили лису и растерзали.

117. Шакал и куропатка

Однажды подружились куропатка с шакалом. У куропатки нрав был веселый, смешливый, приветливый. А шакал был, напротив, угрюмый и вспыльчивый — все-то он ворчал да сердился. Как-то сказал он куропатке:

— Ты мне обязана жизнью! Не будь меня, так уж давно бы тебя съел какой-нибудь зверь. А я? Какая выгода мне от тебя, от твоей дружбы? Тот друг тебе, кто не только смеется да шутит, а и горе вместе мыкает, слезинки роняет да кормит и поит тебя. А если случится беда и жизнь друга окажется в опасности, друг должен прийти на помощь!

— Ну что ж, раз нужно проверить дружбу, я готова: когда хочешь, тогда и испытай меня.

Подумал шакал, подумал, да и говорит сердито:

— Для начала ты меня насмеди!

— Будь по-твоему, — ответила куропатка. — Я так тебя насмежу, что животики надорвешь. Пойдем!

Пришли они к реке. Тут увидела куропатка двух путников, что шли друг за другом по узкой тропинке вдоль берега. Передний нес на плече палку с узелком, а задний держал свой узелок и палку в руке. Оба они были усталые и злые.

Посмотрела на них куропатка и говорит:

— Ну, сейчас ты посмеешься! Спрячься вон в тех кустах и гляди, что я буду делать.

С этими словами она полетела и села на палку переднего путника, но так, что он ничего не заметил. Как только второй путник увидел куропатку на палке своего товарища, он снял башмак и изо всех сил запустил им в птицу. Куропатка успела улететь, а башмак угодил переднему прямо в голову, так что тюрбан на нос съехал. Бедняга разозлился и закричал на товарища:

— Ты что, ослеп? Куда башмак кидаешь?

Его товарищ смиренно ответил:

— Братец, не сердчай, я не в тебя метил, я хотел сбить куропатку, что уселась на твою палку, да промахнулся и угодил в тебя.

Первый не поверил и накинулся на товарища с палкой. Завязалась драка, друзья лупили друг друга почем зря, они катались по земле, рвали одежду друг на друге. Шакал сидел в кустах и надрывался от смеха.

— Ну что, доволен теперь? — спрашивает куропатка.

Но шакал был недоволен.

— Рассмешить — дело нетрудное, — сказал он. — Я тогда поверю в твою дружбу, когда ты заставишь меня плакать.

— Хорошо! Будет и это, — ответила куропатка.

Бродили они, бродили и набрали на охотника с собаками. Куропатка и говорит:

— Спрячься в нору под этим деревом и гляди, что я буду делать. Ручаюсь, ты будешь плакать навзрыд!

Вокруг дерева росли кусты. Куропатка забралась в них и стала изо всех сил хлопать крыльями. Собаки с громким лаем бросились на шум: им показалось, что в кустах прячется большой зверь. Куропатка вспорхнула — и прямо к норе, где шакал прятался. Собаки — за ней. Учужла одна собака шакала, подала голос. Тут набежали и остальные, вытащили шакала из норы и давай трепать его. Шакал взвыл от боли, а собакам хоть бы что. Наконец бросили они его, полумертвого.

Когда собаки убежали, куропатка спросила:

— Ну что, братец, теперь-то ты мной доволен? Я тебя насмешила, я тебя и плакать заставила, чего тебе еще надобно?

Застонал шакал и говорит:

— Вольно тебе издеваться надо мной, а я чуть не умер.

Долго не мог он сдвинуться с места, все раны свои зализывал. Той порой солнышко стало закатываться, и одолел шакала голод.

— Друг! — позвал он куропатку. — Что было, то прошло. Прошу тебя, достань мне какой-нибудь еды, а то у меня в животе кишки ноют.

— Ладно уж, для тебя я постараюсь, — ответила куропатка и улетила.

Увидела она на дороге женщину — та несла узелок с обедом своему мужу в поле. Уселась куропатка на дереве, а когда женщина подошла совсем близко, внезапно упала на землю и притворилась, будто ранена — никак ей не взлететь. Женщина хотела схватить ее, но куропатка отскочила в сторону. Женщина положила свой узелок на землю и с протянутыми руками стала бегать за птицей. Далеко отошла женщина от своего узелка. Тогда из кустов выскочил шакал и съел обед.

Подлетела куропатка к шакалу и говорит:

— Ну уж теперь-то ты доволен?

— Ты меня насмешила, ты меня накормила, плакать заставила — все это так, — отвечал шакал. — Но ты не сможешь спасти меня, если со мной приключится несчастье. Того нужно считать другом, кто поможет в беде.

— Этого я, наверное, не смогу сделать, потому что я слабая, маленькая птичка, — печально сказала куропатка, — но я все-таки постараюсь при случае помочь тебе в беде.

Между тем наступил вечер.

— Стемнело, пора возвращаться домой, — сказала куропатка. — Чтоб выйти на дорогу, нам придется перебраться через реку.

— Но как же мне быть? Я ведь не умею плавать, — сказал шакал, — и могу утонуть.

— Не беспокойся, у меня есть друг — крокодил, он нас посадит к себе на спину и перевезет на другой берег.

Шакал согласился. Подошли они к берегу. Куропатка позвала крокодила и попросила его:

— Братец! Будь добр, перевези нас через реку!

Крокодил охотно подставил спину, и они поплыли. Но по дороге крокодил решил съесть обоих друзей и немного погрузился в воду. Куропатка тотчас взлетела.

— Сдается мне, что крокодил задумал недоброе! — крикнула она шакалу. — Как бы он не съел нас!

— Ах, мы погибли! — закричал в отчаянии шакал.

— Мне-то нечего бояться, я улечу, а вот что с тобой станется!

Взмолился испуганный шакал:

— Друг мой, куропаточка, уж как-нибудь постарайся спасти меня, буду должником твоим на всю жизнь!

Призадумалась куропатка. А крокодил тем временем отплыл на середину реки и говорит:

— Знаете, я с утра ничего не ел, и мне очень хочется съесть вас обоих!

Шакал задрожал, а куропатка — она уже кое-что придумала — спокойно сказала:

— Приятель, меня ты поймать не сможешь — я от тебя улечу, а мой друг шакал не такой дурак, чтоб всегда носить с собой свою жизнь. Он, знаешь ли, прячет ее в норе.

Удивился крокодил.

— А ты не врешь? — спрашивает.

Шакал поклялся, что куропатка говорит правду. Еще больше удивился крокодил, но все же повез друзей дальше. Сошли они на берег и пустились бежать — подальше от глупого крокодила. Когда они добрались до леса, куропатка спросила:

— Ну, теперь-то уж ты убедился, что я тебе истинный друг?

Но шакал только проворчал недовольно:

— Да, ничего не скажешь, ловко ты обвела крокодила! Ты меня накормила, плакать заставила, даже спасла жизнь; но с хитрецами нельзя водить дружбу — не ровен час, они тебя обманут. А потому с этого дня конец нашей дружбе!

С тех пор шакал не дружит с куропаткой.

118. Собака и воробей

Не было у овчарки доброго хозяина, а был у нее такой, что все морил ее голодом. Вот не стало у нее сил больше терпеть, и ушла она от него, грустная да печальная. Встретился ей по пути воробей и спрашивает:

— Отчего ты, сестрица-собака, так пригорюнилась?

Ответила собака:

— Я голодная, а есть-то мне нечего.

Воробей и говорит:

— Давай, милая сестрица, пойдем с тобой в город, я накормлю тебя досыта.

Пошли они в город. Проходили они мимо мясной лавки, а воробей и говорит собаке:

— Ты постой тут, а я тебе отключу кусочек мяса.

Он сел на прилавок, оглянулся кругом, никого не видно, и давай клевать мясо; он тащил и рвал кусок, что лежал на краю, пока тот не свалился на землю. Схватила мясо собака, побежала в уголок и все мясо поела, а воробей и говорит:

— А теперь пойдем к другой лавке, я сброшу тебе еще кусок, чтобы ты наелась как следует.

Съела собака и другой кусок мяса, а воробей спрашивает:

— Ну, сестрица-собака, наелась ты теперь досыта?

— Да, я мясом уже сыта, — ответила она, — но я еще хлеба не ела.

Сказал воробей:

— Хлеб ты тоже получишь, только ступай за мной.

И он привел ее к булочной и начал клевать две булочки, пока они вниз не скатились. Но захотелось собаке еще, и повел ее воробей к другой булочной, сбросил ей еще хлебец. Собака съела его, а воробей и спрашивает:

— Ну что, сестрица-собака, наелась ты теперь досыта?

— Да, — ответила собака, — а теперь давай за город прогуляемся.

Вышли они на большую дорогу. Погода была теплая, прошли они немного, а собака и говорит:

— Я уморилась, хотелось бы мне немного поспать.

— Ладно, поспи, — ответил воробей, — а я тем временем на ветке посижу.

Улеглась собака на дороге и крепко уснула. А когда она лежала и спала, подъехал возница — в повозку у него было запряжено трое лошадей, и лежали на повозке два бочонка вина. Увидал воробей, что возница и не думает сворачивать с дороги, а продолжает ехать по колее, где лежала собака, и крикнул:

— Эй, возница, ты этак не делай, а не то я сделаю тебя бедным!

Но возница буркнул про себя: «Бедным-то ты меня не сделаешь» — и, щелкнув бичом, он погнал лошадей прямо на собаку — и вот раздавили ее колеса насмерть.

Крикнул тогда воробей:

— Ты убил мою сестрицу-собаку, ты за это заплатишься повозкой и лошадью.

— Ишь ты! Повозкой да лошадью, — проворчал возница, — как это ты мне можешь сделать! — и поехал себе дальше.

А воробей забрался под рогожу и стал клевать затычку в бочонке, и клевал, пока не вытащил ее; и расплескалось все вино наземь, а возница того не заметил. Оглянувшись он назад, видит — с повозки что-то капает, стал он разглядывать бочки и заметил, что одна из них порожняя.

— Ах, бедный я человек! — воскликнул он.

— Нет, ты еще недостаточно бедный, — сказал воробей и, подлетев, сел на голову коренной лошади и выклевал ей глаза.

Увидал это возница, выхватил мотыгу, хотел было ударить воробья; но воробей взлетел, и угодил возница как раз в голову лошади, и та упала замертво наземь.

— Ах, бедный я человек! — воскликнул он.

— Нет, ты еще недостаточно бедный, — сказал воробей; и когда возница поехал дальше на двух лошадях, забрался воробей опять под рогожу, выклевал затычку из второй бочки, и все вино расплескалось.

Заметил это возница и снова воскликнул:

— Ах, бедный я человек!

Но воробей ответил:

— Нет, ты еще недостаточно бедный, — уселся на голову второй лошади и выклевал ей глаза.

Подбежал возница, кинулся на воробья с мотыгой, но тот порх и улетел; пришлось удар как раз по лошади, и упала она замертво на-земь.

— Ах, бедный я человек! — воскликнул он.

— Нет, ты еще недостаточно бедный, — сказал воробей, сел на голову к третьей лошади и выклевал ей глаза.

Разъярился возница, ударил по воробью, да не попал в него и убил свою третью лошадь.

— Ах, бедный я человек! — воскликнул он.

— Нет, ты еще недостаточно бедный, — сказал воробей, — сделаю я тебя бедным дома, — и с тем улетел.

Пришлось вознице бросить свою повозку, и он вернулся домой в большой досаде и гнев.

— Ох, какое у меня несчастье приключилось! — сказал он своей жене. — Все вино вытекло, и все три лошади погибли.

— Ах, муженек, — отвечала жена, — а какая к нам вредная птица в дом залетела! Собрала птиц со всего света, слетелись они на нашу пшеницу и ее выклеывают.

Вышел он на поле, видит — сидят там тысячи тысяч птиц и всю пшеницу поклевали, и был между ними тот самый воробей.

Крикнул возница:

— Ах, бедный я человек!

— Нет, ты еще недостаточно бедный, — ответил воробей. — Ты, возница, еще за это жизнью своей расплатишься, — и улетел.

Вот потерял возница все свое добро, входит он в комнату, садится за печкой, и был он злой и свирепый. А воробей уселся у окошка да как закричит:

— Возница, ты еще жизнью своей заплатишься!

Тут схватил возница мотыгу и кинул ее в воробья.

Но выбил он только оконницу, а в птицу не попал. Влетел воробей в комнату, уселся на печь да как закричит:

— Возница, ты еще жизнью своей заплатишься!

Тут возница в бешенстве и в ярости всю печь развалил, а воробей все с места на место перелетает. Вот перебил возница всю свою посу-

ду, и зеркальце, и скамьи, и стол, наконец, развалил даже стены своего дома, а все в воробья попасть никак не может. Наконец он все-таки его поймал.

А жена и спрашивает:

— Не убить ли мне воробья?

— Нет, — крикнул он, — это было бы слишком милостиво; он должен погибнуть лютой смертью, я его живьем проглочу.

Берет он воробья и проглатывает его. А воробей начинает у него в животе трепыхаться, вылетает опять наружу и влетает к нему в рот, высовывает оттуда голову и кричит:

— Возница, ты еще жизнью своей за это заплатишься!

Тогда возница дает жене мотыгу и говорит:

— Жена, убей-ка эту птицу у меня во рту.

Размахивает жена мотыгой, а попасть в воробья не может, и вот угодила она прямо в голову мужу, и тот падает мертвый наземь.

А воробей выпорхнул и улетел.

119. Лис и орел

Случился однажды совсем дурной год. Пошел как-то лис на озера Килларни, и все не удавалось ему найти поесть ни птицы, ни чего-нибудь еще. И тут выследил он неподалеку от берега трех уток и подумал, что если б их поймать, то у него был бы славный обед. Там в воде у берега рос пастернак с большущими листьями. Поплыл к нему лис и отгрыз два больших листа. Взял он их в зубы, спрятался за ними и поплыл к уткам. Они ничего и не почувяли, пока он не утащил одну из них.

Очень довольный собой, лис притащил ее на берег, оставил там и решил попробовать поймать еще и тех двух — ведь такое не часто найдешь!

Он поймал и вторую утку тем же путем и положил ее возле первой, потом поплыл за третьей, принес и ее. Но от тех двух и следа не осталось!

«Бог ты мой! — сказал он. — Весь день работал, а досталась только одна. Что же делать? Интересно, кто же это надо мной подшутил?»

Он огляделся по сторонам, но неприятеля нигде не заметил. Потом он взглянул на скалу, что была поблизости, и вот что он там наверху увидел — гнездо орла.

«Никто, кроме орла, не мог унести двух моих уток, — сказал он. — Таскает почти что как я, даже почище меня, ворюга».

Он не знал, как добраться до орла. И тут он увидел неподалеку тлеющий огонь — это люди работали на каменоломне несколько дней назад. Они разожгли огонь, и он все еще тлел под землей. Лис подтащил утку к огню и туда-сюда повозил ее по огонькам. Потом он поло-

жил ее на траву и спрятался. Орел, должно быть, выслеживал и третью утку: он кинулся за ней и унес ее к себе в гнездо. Но как только утка попала в сухое гнездо, как его тут же охватил огонь — ведь в перьях утки были тлеющие угольки. И рухнуло это пылающее гнездо не только с тремя утками, но еще и с тремя птенцами орла, так что на ужин у лиса было целых шесть птиц. Не славно ли вернул он от орла свое добро?

120. Месть

Жили лис и лиса. Однажды вздумал лис полакомиться плодами гранатового дерева, но хвост его попал в капкан. Лис рванул что было силы, оставил хвост в капкане и удрал.

Когда лисицы увидели бесхвостого лиса, они стали над ним смеяться, приговаривая:

— Бесхвостыш, бесхвостыш!

Эта кличка так и осталась за ним.

Даже собственная жена гнала его прочь от себя.

И подумал лис:

«Погодите вы у меня, вот я вас проучу! Сыграю с вами злую шутку, надолго вы меня запомните».

И сказал Бесхвостыш лисицам:

— Неподалеку отсюда, на горушке, я заметил виноградник, полный сочных, зрелых гроздей.

— Скорее в путь! — воскликнули лисицы. — Веди нас туда, Бесхвостыш!

Они отправились к винограднику и досыта наелись сладких ягод.

Посредине виноградника росло тутовое дерево.

— Послушай, Бесхвостыш, — сказала одна из лисиц, — сыграй нам на флейте, а мы потанцуем в тени тутового дерева.

— Хорошо, — ответил лис. — Я сыграю. Но чтобы длинные хвосты не мешали вам танцевать, давайте привяжем их к дереву!

Лисицы согласились, и Бесхвостыш крепко-накрепко привязал веревками лисьи хвосты к тутовому дереву, а затем заиграл на флейте.

Услышав музыку, прибежал сторож виноградника. Бесхвостыш тотчас улизнул, а лисицы, чьи хвосты были привязаны, спасая жизнь, навсегда распрощались со своими красивыми, пушистыми хвостами.

Опечаленные, вернулись они домой и сказали Бесхвостышу:

— Ах ты негодный! Что ты наделал!

— А как вы со мной поступили? — ответил Бесхвостыш. — Не вы ли потешались над моим горем?

Лисицы промолчали — им нечего было сказать в ответ.

121. Лиса и лисенок

Лиса вскормила своего лисенка. Когда он подрос и мог уже сам промышлять, чтобы кормить себя, мать сказала ему:

— Послушай, теперь ты можешь сам себя прокормить, счастливого тебе пути!

Лисенок прослезился и спрашивает свою мать:

— А где же мы теперь встретимся?

— Э, солнышко мое, — отвечает ему мать, — если нам суждено еще встретиться, то только на стене еврея-торговца!

122. Прodelки хитроумного зайца

Случилось так, что сколько заяц ни бегал по джунглям, а ничего вкусного для себя найти не мог. Поэтому он побежал к полю, на котором росли бататы, и собрался стащить несколько сладких клубней. Голодному зайцу было невдомек, что хозяин сидит в хижине неподалеку и сторожит поле. Хозяин схватил вора. А заяц зажмурил глаза и притворился мертвым. Хозяин повернул его на один бок, потом на другой — заяц лежал как убитый.

«Значит, умер, бедняга», — подумал крестьянин и понес зайца зарыть где-нибудь подальше. По дороге ему попался постоялый двор. Хозяин бросил зайца под деревом, а сам зашел выпить чего-нибудь. Заяц полежал немного, а потом вскочил и припустился в чащобу.

Опять несколько дней он бродил по джунглям, но ничего съедобного не нашел. Заяц допек голод, и он решил рискнуть еще раз. Ворюшка тихонько подкрался к бататовому полю. Но... ой-ой-ой! Его опять схватила та же крепкая рука. Теперь хозяин знал, что заяц любит притворяться, и не обращал внимания на уловки плута, а накрепко связал и отнес его в дом.

— Положи-ка этого хитреца в вершу, — сказал он жене, — завтра мы изжарим его, перед тем как вознести молитву.

Так заяц попал в вершу, а чтобы он не убежал, сверху вершу придавили большим камнем. Заяц ворочался, извивался как мог, но выбраться из верши ему никак не удавалось. Тут-то он и увидел, что недалеко от верши в большой стеклянной банке плавает огромная рыбина, бьет хвостом и крутит плавниками.

— Эй, рыбка! — тихонько позвал заяц. — Знаешь ли ты, что завтра настанет твой конец? Утром, перед тем как вознести молитву у алтаря предков, хозяин изжарит тебя! Лучше бы ты изо всей силы ударила по воде, разбила бы эту банку и катилась бы прямо к пруду. Вот он, совсем рядом!

Рыба подняла в банке невообразимый плеск, она качалась в воде, как на качелях. Банка от рыбьей забавы треснула и разбилась. Вода

залила весь земляной пол. А рыба, подпрыгивая, двинулась к пруду. Заяц выждал, пока рыба добралась до самого пруда, и вдруг поднял крик:

— Хозяин! Хозяин! Твоя рыба сбежала! Твоя рыба сбежала!

Заметался хозяин, не зная, что ему делать, метались его жена и сынишка, а рыба тем временем преспокойно шлепнулась в пруд. Тогда сын хозяина схватил вершу, выбросил из нее зайца и побежал вылавливать рыбу. Большой удачи для зайца и быть не могло — он со всех ног бросился в джунгли.

Заяц бежал, бежал и вдруг увидел перед собой широкую реку. По воде не побежишь, а переправиться было не на чем. Заяц пригорюнился, но оглянулся и заметил в реке крокодила, который отдыхал, положив голову на песок.

— Братец крокодил! Перевези меня через реку, я выдам сестру за тебя. А моя сестра — известная красавица.

Крокодилу слова зайца пришлись по вкусу. Он закивал головой. Заяц прыгнул крокодилу на спину и благополучно переправился на другой берег. Одним прыжком он очутился на твердой земле, но, перед тем как скрыться в джунглях, посмеялся над крокодилом:

— Ну, спасибо тебе, приятель! Только сестру свою выдам замуж за другого, я ведь не дурак, чтобы за тебя ее выдавать. Понял?

Обманутый крокодил рассвирепел и решил во что бы то ни стало отомстить зайцу.

Однажды заяц пошел погулять, но вдруг почувствовал, что его мучит жажда: будто внутри кто-то скребется. Он подошел к реке и стал пить. А крокодил еще издали узнал зайца и, прикрыв голову зеленой травой, осторожно подплыл к нему. Заяц утолил жажду и приметил рядом крошечный островок, на котором росла сочная трава. Без труда он допрыгнул до него — не хотел пропускать случая полакомиться. И сразу же очутился в зубах у крокодила. Крокодил рычал от злости. Но заяц не растерялся, он вдруг начал всюю хохотать:

— Ну и глуп же ты, братец крокодил! Чем меня захотел напугать — рычаньем... Да рычанья-то даже дети и те не боятся. Ты попробуй сказать: «Ха-ха». Вот так, погромче: «Ха-ха!» Это действительно страшно.

Крокодил послушался зайца, раскрыл пасть и попытался изобразить «ха-ха». Заяц мигом выпрыгнул на берег. Он еще долго стоял у реки и весело смеялся, а потом не спеша затрусил восвояси.

123. Заяц и тигр

Тигр, которого как-то одурачил заяц, поклялся, что уничтожит своего обидчика — не станет жить с ним под одним небом.

Однажды, когда тигр мягкими шагами прогуливался по джунглям, он заметил зайца: хитрый проказник забрался на дерево и лакомился пчелиным медом. И вдруг заяц услышал грозный оклик:

— Ну, теперь-то тебе не удастся улизнуть! Долго же я тебя разыскивал... Живо слезай, не мешкай, настал твой последний час!

Заяц оглянулся и увидел под деревом тигра. Тигр рычал, округлив свои злые глаза, усы его грозно топорщились. Заяц понял, что тигр не шутит, и решил схитрить. Сложив лапки и согнувшись в подобострастном поклоне, он стал умолять тигра:

— О могущественный господин, окажите милость, исполните мою последнюю просьбу, позвольте мне разок-другой ударить в барабан. А уж потом я слезу вниз и ...

— Ладно, так и быть, бей в свой барабан, — прорычал тигр.

Зайчишка стал махать лапками над пчелиным ульем, будто и в самом деле он колотит в барабан. Разбуженные зайцем пчелы зажужжали: «у-у-у». Тигру же показалось, что зайчишка и впрямь играет на барабане. Тигру очень понравился звук зайчишкиного барабана.

— Послушай, — зарычал тигр, — нельзя ли и мне постучать в твой барабан?

— Разумеется, можно, о могущественный господин, — отвечал заяц, — но я боюсь, что вы вашей могучей лапой ударите так сильно, что я оглохну или у меня помутится разум. Поэтому разрешите мне отойти подальше и, как только вам не будет слышно моего голоса, бейте в барабан сколько хотите.

Тигру так захотелось поиграть на барабане, что он позабыл о своем намерении наказать зайчишку. А зайчишка спокойно спрыгнул с дерева и пустился наутек. Когда в джунглях смолк его голос, тигр залез на дерево и ударил лапой по пчелиному улью. Растревоженные пчелы вылетели из улья, они жалили тигра в нос, в глаза, а одна расторопная пчелка умудрилась вонзить жало даже в тигриный язык. Тигр перепугался, оступился, грохнулся на землю и отбил себе все бока. Но пчелы от него не отставали и жалили до тех пор, пока морда у тигра совсем не распухла. Понял он, что опять попался на заячью хитрость, и от злости у него даже печень посинела.

Прошло несколько дней, и случилось так, что тигр опять заметил зайца в зарослях бамбука.

— Ага! Попался! — зарычал тигр, загораживая дорогу. — Много ты мне доставил неприятностей, но уж я с тобой разделаюсь!

Но заяц уже придумал, как провести тигра.

— О могущественный господин, позвольте мне перед смертью поиграть на цитре, — взмолился он. — Вам это будет приятно. А я никуда на этот раз не убегу, можете не опасаться.

— Ладно, так и быть, поиграй, — смиловился тигр.

Заяц прыгнул в заросли и сделал вид, что играет на бамбуковых стволах, будто на цитре: когда ветер раздвигал толстые стволы бамбука, которые росли рядом, заяц просовывал между ними лапку, а когда стволы сближались, быстро отнимал ее.

Стволы бамбука с легким треском стукались друг о друга. Тигру эта музыка очень понравилась.

— Слушай, заяц, дай и мне хоть немного поиграть на цитре, — попросил он.

— Играйте, пожалуйста, могущественный господин, — отвечал заяц. — Только осторожно, не поломайте цитру. Лапа у вас большая, тяжелая, поэтому лучше всего вам играть не лапой, а хвостом. И помните вот еще что: когда стволы бамбука разъединятся, надо изловчиться и между ними просунуть хвост — вы услышите чудное пение. Только погодите, пока я не отойду подальше.

С этими словами заяц побегал в лес, только лапы его замелькали. А тигр сделал так, как ему советовал заяц: сунул хвост между огромными стволами бамбука. Налетел порыв ветра, стволы с треском сомкнулись, и от хвоста у тигра остался куцый обрубок. Тигр взвыл от боли.

— Вот оно, то самое чудное пенье, — услышав издалика этот вой, сказал, посмеиваясь, заяц.

Тигр между тем с жалобными стонами, поджав свой обрубленный хвост, побрел восвояси. Он проклинал зайца и повторял, что не успокоится, пока не сдерет шкуру с этого наглеца.

Прошло немного времени, и тигр опять повстречался с зайцем. На этот раз тот сидел в глубокой яме: его угораздило оступиться, и он никак не мог оттуда выбраться. Когда тигр пробегал мимо, заяц окликнул старого знакомого:

— О могущественный господин, неужели вы не знаете об опасности, которая грозит нам всем? Спешите укрыться, пока не поздно!

Тигр перепугался и стал расспрашивать зайца:

— Что там еще? Какая опасность? Говори-ка скорей!

— О могущественный господин, — отвечал заяц, — вы слышите, как пронзительно завывает ветер и клонятся к земле пальмы и бамбук? Это значит, что скоро небо свалится на землю. Кто хочет спастись, укрывается, как я, в таких вот глубоких ямах.

— А правду ли ты говоришь, заяц? Нельзя ли и мне спрятаться вместе с тобой?

— Конечно, можно. Прыгайте скорей, не то вам грозит гибель!

Тигр не стал больше размышлять и прыгнул прямо в глубокую яму. Он дрожал и ждал, что небо вот-вот обвалится на землю. А о том, чтобы наказать проказника, он и думать забыл. Заяц тем временем решил поддразнить тигра и стал щекотать его под мышкой. Тигру такая шутка пришлась не по вкусу.

— Сиди смиренно, заяц! — огрызнулся он. — Что ты все крутишься как дьяволенок? Если ты посмеешь притронуться ко мне еще раз, я не стану тебя убивать, а выброшу из ямы: небо упадет и раздавит тебя в лепешку!

Заяц угомонился ненадолго, а потом протянул лапку и давай опять шекотать тигра. Тигр рассвирепел, схватил зайца за лапки, раскачал и выбросил из ямы. Заяц от радости запрыгал, а потом со всех ног припустил в деревню, к охотникам, рассказывать им про тигра. Охотники тотчас схватили пики, копыя, луки со стрелами. Они убили тигра и сняли с него шкуру.

124. Заячьи хвосты

В давние-давние времена хвосты у зайцев были совсем не такие, как сейчас. У первого на земле зайца с зайчихой хвосты были красивые, длинные и пушистые. Они очень гордились ими, считали себя лучше всех других зверей и частенько выкидывали всякие штуки, чтобы посмеяться над ними.

Но однажды из-за такой шутки потеряли зайцы свои красивые хвосты и остались с короткими, ни на что не похожими обрубками.

Вот как это было.

Как-то зайцы играли на берегу реки и увидели на другом берегу лужайку с зеленой нежной травкой, захотелось им перебраться туда и полакомиться. Только ведь и в те времена зайцы не умели плавать. Как тут быть? Думали они, думали, вдруг слышат — булькает вода: это старая черепаха вылезла погреться на солнышке. Блеснули зайцы глазами и стали расспрашивать старую черепаху:

— Тетушка черепаха, тетушка черепаха! Говорят, у вас много сыновей и дочерей. В самом деле у вас такая большая семья?

— Правда, правда, — радостно закивала старая черепаха.

— Раз уж зашла речь о больших семьях, то наша заячья семья все-таки больше, и братьев у нас больше, — сказал заяц.

— Не ври. Почему же я всегда вижу только вас двоих? — ответила черепаха.

Она была, конечно, права, мы ведь говорили, что в самые давние времена во всем мире только и были что этот заяц да зайчиха.

— Все наши братья сидят дома, — закричали зайцы-врунишки, — поэтому ты и не видишь их. Не веришь? Давай посчитаем, тогда решим, у кого семья больше!

— Как будем считать? — спросила черепаха.

— Сегодня будем считать ваших детей, а завтра уж наших братьев.

— Хорошо, — согласилась старая черепаха, — только как будем считать?

— Созовите сюда всех ваших детей, пусть они выстроятся в реке от одного берега до другого парами, а мы будем скакать по ним и считать: пара, две и так далее.

— Хорошо, — сказала старая черепаха.

Позвала всех своих детей, ровненько выстроила их парами, и они, вытянув шеи, легли на воду как поплавки. Зайцы принялись считать, прыгая с черепахи на черепаху, и кричать:

— Пара, две, три...

Так добрались они почти до самого берега. Обрадовались зайцы, запрыгали что есть мочи и закричали:

— Глупые, глупые, обманули мы вас!

Только радоваться они стали слишком рано. Сами-то на другой берег переправились, а хвосты их еще тащились сзади, не успели зайцы убрать их. Услышали черепахи, которые были ближе к берегу, что кричат зайцы, вцепились зубами в заячьи хвосты и стали допытываться, в чем они обманули их. Рванулись зайцы, убежать-то убежали, да только хвосты их остались в зубах у черепах.

С тех пор и стали у зайцев не хвосты, а обрубки. Разве и сейчас не говорят: «Заячий хвост вовек не вырастет?»

125. Хитрый кролик

Жил в одном лесу хитрый кролик. К тому же славился он умом и красноречием и умел обвести вокруг пальца не только любого зверя, но даже человека.

Вот однажды задумал кролик подшутить над человеком, да и отправился к проезжей дороге. Став на обочине, он пригладил усики, наострил ушки и застыл в ожидании. Постоял кролик, постоял, вдруг видит — идет по дороге человек. А у того человека за спиной две корзины с бананами. Поравнялся человек с кроликом, а тот как выскочит на дорогу и так ейно говорит:

— О великодушнейший и добрейший! О трудолюбивейший и почтеннейший! Никого я не люблю так, как людей! Позволь мне жить с тобой!

Понравились человеку льстивые речи кролика.

— Что же, — отвечает он кролику, — если ты хочешь идти вместе со мной, я согласен. Да только вряд ли ты будешь за мной попевать; садись-ка лучше в корзину, я тебя донесу.

И он помог хитрецу забраться в корзину с бананами. «Вот повезло мне! — думал человек. — Не всякому посчастливится встретить такого умного и почтительного кролика. То-то будут рады жена и дети!»

Шли они, шли, а тем временем кролик ел бананы один за другим, а в кожуру заворачивал нечистоты, так что бананы на вид оставались целехонькими. Когда все бананы были съедены, кролику захотелось перебраться в другую корзину. И тогда он стал просить человека:

— Остановись, пожалуйста, на минуточку. Я сбегаю по нужде.

Простодушный человек вынул кролика из корзины, а тот быстро сбегал в кусты, а вернувшись, прыгнул во вторую корзину.

Пошел человек дальше, а кролик снова принялся за бананы. Когда же все до единого бананы были съедены, выпрыгнул кролик из корзины да и был таков.

А человек пришел домой, позвал жену и детей и только хотел похвастать своей добычей, да заглянул в корзину и все понял. И понял он еще, что кролику не всегда можно доверять.

126. Лев и заяц

В одном лесу часто собирались звери. И каждый раз среди них появлялся лев; лев неизменно похищал одного из зверей и тут же пожирает его. Несчастные звери были в постоянном страхе.

Вот однажды собрались они и стали совещаться: что делать, как избавиться от этого вечного страха? Долго они судили, долго рядили и наконец порешили платить льву пожизненную дань и самим поставлять ему эту дань, но взамен просить, чтобы он не нагонял на них ужас каждый день. Пошли и доложили льву о своем решении.

Лев согласился при условии, что дань будет доставляться ему без опозданий, в точно назначенное время.

— А нет, всех перебью! — сказал он.

Так звери ежедневно приводили ко льву кого-либо из своих. Вот дошла очередь до зайца, собрались нести его ко льву на съедение.

— Что же, — сказал заяц, — ничего не поделаешь, раз мой черед. Только отпустите меня одного, пойду сам, попытаюсь разделаться со львом, может, удастся и самому спастись, и вас от тяжелых мук избавить.

Посмеялись звери:

— Ишь, как расхвастался этот трусливый косой заяц!

Лев был очень голоден, а заяц нарочно запоздал. Сверкая глазами и скрежеща зубами, лев ждал очередной жертвы и уже намеревался бежать расправляться со всеми зверями, как вдруг показался заяц. Лев грозно взглянул на него и спросил:

— Как ты смел так опоздать?

— Великий государь, — кротко молвил заяц, — мне было поручено привести к вам зайца, и я вел его, но дорогой напал на нас другой лев, схватил того зайца и уволок его в глубокий овраг.

— А ну, покажи-ка мне его! — зарычал лев.

Заяц привел его к одному колодцу и сказал:

— Вот, государь, здесь он, только я боюсь заглядывать туда один, возьмите меня в лапы, и я покажу вам.

Лев взял в лапы зайца, и они заглянули в колодец. В воде, на дне колодца, появилось их отражение: лев держал в лапах зайца и глядел снизу вверх.

Разъяренный лев отбросил зайца в сторону и ринулся в колодец, чтобы наказать соперника и отнять у него добычу, но вода в колодце была глубока, и грозный лев утонул.

Узнали звери о том и возликовали, что избавились от лютого врага. А зайца благодарили сердечно.

127. Кролик и койот

У мужа с женой был участок лука. Повадился ходить туда кролик и вырывать лук. Вот жена и говорит: «Пошел бы ты посторожил, а то этот кролик весь наш лук прикончит!»

Муж отправился сторожить, да заснул, и кролик пробрался на участок и наелся луку. Жена и говорит: «Старина, ты уже ни на что не годишься! Пойду-ка я сама, и ты увидишь, как я его поймаю!»

Ну, пошла женщина. Она сделала куклу из воска и поставила ее примехонько у прохода, как раз там, где кролик на участок забирался. Потом она немножечко отошла и стала поджидать. Пришел кролик и говорит: «Добрый вечер, сэр!»

Хоть бы что.

«Добрый вечер! Убирайся-ка с дороги и дай мне пройти! Если ты не уберешься, я съезжу тебе по физиономии!» Он съездил ему по физиономии, и рука у него прилипла.

Тогда он сказал: «Отпусти руку — или я ударю тебя другой рукой!» И эта рука прилипла, и тогда он сказал: «Отпусти мои руки, или я тебя пну!» Он сказал: «Говорю тебе, пусти, или пну тебя!» И он пнул, и нога у него прилипла. «Пусти-ка мне руки и ногу, а то я снова тебя пну!» И другая нога у него прилипла. «Пусти-ка мои лапы, а то я тебя укушу!» И тут он весь прилип.

Старуха все это слышала и вышла поглядеть. Сказала она: «Попался, бездельник! Ну, теперь посмотришь, что с тобой будет!» Подняла его вместе с куклой и всем остальным и говорит старику:

— Видишь, муженек, я его поймала! Погляди-ка на него!

— А, бездельник! — сказал муж. — Привяжу-ка я его тут же да поставлю кипятить бочку с водой, а потом мы его ошпарим!

Тут как раз пробежал койот. Кролик ему и говорит:

— Доброе утро, приятель! Видишь вон ту бочку с кипятком? Это для меня собираются приготовить кучу цыплят и хотят, чтобы я всех их съел. Почему бы тебе не привязаться, а меня освободить? Ты-то будешь побольше меня!

— А это правда? Ты меня не обманываешь?

— Нет, не обманываю, — ответил кролик.

Тут койот сказал:

— Хорошо, привяжи меня! Дай-ка я тебя отвяжу, а потом ты меня привяжешь!

Тут он отвязал кролика, а кролик его привязал. И кролик сказал: «Ну, теперь все в порядке. Дай бог ноги!»

Муж говорит:

— Жена, выглянь-ка, как там кролик? Что, если он удерет от нас?

Жена выглянула и сказала:

— Муженек, муженек! Он уже больше не кролик, он теперь койот!

— Тем более его следует ошпарить. Этот-то уж совсем негодяй!

Бог знает, что еще этот человек сказал. Пошел он, а тут вода закипела. И он начал лить кипятком все больше и больше на койота. До тех пор, когда койот уже и вытерпеть не мог, и бог знает, как это ему удалось, только он ухитрился порвать веревку.

Он сказал: «Как только я поймаю этого бездельника кролика, так съем его! Он от меня не уйдет!» — вот что он сказал. Ну, он нашел его неподалеку — тот ел груши с колючками — и сказал ему:

— Ах ты, кролик, бездельник! На этот раз ты от меня не уйдешь! Только посмотри, что со мной — волосы вылезли, весь ошпарен. И все из-за тебя! Ты меня обманул!

— Нет, дорогой братишка койот! Не тронь меня — и я вмиг очищу тебе колючие груши, чтоб ты поел!

— Правда?

— Да-да, почищу для тебя, — ответил кролик. И он принялся очищать колючие груши и положил в кучу очищенных несколько груш с колючками. Потом он сказал:

— Все в порядке, дружище койот; я думаю, я пойду. Вот тебе от меня куча груш.

Койот ел и ел до тех пор, пока не наткнулся на те, с колючками, и весь искололся. Он снова страшно разозлился на кролика и еще раз пустился за ним.

Через некоторое время он нашел кролика совсем уже далеко и сказал ему:

— Ну, теперь ты попался, бездельник кролик! Ты оставил мне кучу колючих груш с шипами, и я весь искололся! — Ну и так его, и сяк, и эдак — по-всякому.

Кролик сказал:

— Я тут держу вот эту большую скалу, — так он сказал. — Тут ко мне придут, обед принесут, много всякой еды.

— Нет, я больше тебе не верю, кролик! Ты просто большой обманщик!

— Нет, это правда, — сказал кролик. — Почему бы тебе не занять мое место, — сказал он, — вот тогда и увидишь!

Занял койот его место и остался там торчать, поддерживая скалу. Спустя некоторое время пробежал мимо лис, и койот попросил его:

— Дорогой братишка лис, помоги мне держать эту скалу!

— Кто это тебя тут поставил?

— Как кто? Да кролик!

— Порядок! Ты тут — так и оставайся тут! — И дай бог ноги — убежал лис и не помог ему.

Койоту удалось кое-как выбраться из-под скалы, и он догнал кролика. И кролик сказал:

— Нет, дорогой братишка койот, не тронь меня! Посмотри-ка! Видишь эту маленькую палочку? Я школьный учитель, а тут мои ученики. Ни в коем случае не мешай им, пока я тут, — сказал он. — Они собираются заплатить мне цыплятами и кучей всякой еды — много-много всего. Как мне все это съесть? А если я все это не съем, они убьют меня!

— Ну а я порядочно проголодался! — сказал койот.

— Все в порядке, почему бы тебе тут не остаться? Как пройдет больше времени, час или два, подстегни-ка их! Стегнешь их два-три раза и скажешь: «Учиться! Учиться!»

Койот пробыл там много времени, но никто не приносил ему ни цыплят, ни чего другого, вообще ничего, и он сказал: «Что-то слишком там тихо, ничего не слышать!» Он приложил ухо к дыре и три раза ударил своей маленькой палочкой. Тут вылетели осы, и вы бы только видели, как они на него налетели! Он катался в грязи, а осы его! Пока он не бросился и не прыгнул в озеро.

И он пошел, и пошел, и пошел, пока опять не столкнулся с кроликом. И он сказал:

— Нет, братишка кролик, ты меня много раз обманывал. Больше я тебе ни за что не поверю!

— Но, человек, я клянусь, это правда! Только что проходил полицейский и сказал, что того, кто на дороге помочился, посадят в тюрьму и убьют.

— Ой, братишка кролик! Я только что помочился прямо посередине дороги!

— Ну, иди прибери за собой!

Что же, койот отправился назад, но ни полицейского, ни кого-нибудь еще так и не было.

Тут кролик забрался в пещеру, и койот пришел. Уже издали он учуял его в пещере, подошел и постучался. Но кролик сидел тихо. Тогда он сказал: «Привет, моя пещера!» Ни звука. Снова: «Привет, моя пещера! Странно: когда я ее приветствую, моя пещера всегда отвеча-

ет!» И он снова поприветствовал. И она ответила. Тут он сказал: «Что за черт! Там внутри кролик!» И койот убежал.

Он убежал, и тут кролик сказал: «Что мне сделать, чтобы освободиться от этого койота?» Он отправился в заросли сахарного тростника, очень хорошо вычистил одно местечко, выжег и вычистил его кругом, и там-то и нашел его койот. Койот сказал:

— Теперь ты попался, кролик! На этот раз ты ни за что не уйдешь! — Он сказал: — На этот раз я тебя съем! А что ты тут делаешь? — Он всегда задавал вопросы.

— Я жду, когда свадьба придет. Будет множество еды, мяса, куча всего. У них много всякой всячины!

— А ты меня не обманываешь, кролик?

— Нет, конечно. Когда ты услышишь треск фейерверка, то закрой глаза, танцуй и кричи! — Это потому, что он собирался поджечь тростник со всех сторон, и он должен трещать.

— Все в порядке, но лучше б было, чтоб ты меня не обманывал! Я уж больше не упущу!

Ну, кролик ушел, но это чтобы поджечь все вокруг. Тростник был густой, и он начал гореть. И койот выл и выл, пел и пел — с закрытыми глазами. Потом вдруг почувствовал жару. Ну, нравится не нравится, а пришлось ему бежать сквозь огонь. И кое-как он оттуда выбрался.

Кролик был на берегу озера и глядел на отражение луны в воде. Койот подошел и сказал, что теперь он попался и все это было одно вранье, там был большой пожар, и я не знаю что.

— Нет, дорогой братишка койот, это была правда! Уж и не знаю, что такое произошло! Наверное, какой-нибудь несчастный случай.

— Ну а сейчас что ты тут делаешь? — спросил койот. Тот сказал:

— Знаешь, что я тут делаю? Я смотрю вон на тот прекрасный сыр. Но я такой маленький! Если я отправлюсь за ним, я утону!

— А это сыр? — спросил койот.

— Да, — ответил кролик, — сыр, конечно!

Тут койот прыгнул в озеро. И койот сказал:

— Я не могу его достать!

— Нырй глубже!

— Я не могу его достать!

— Нырй глубже!

— Я не могу его достать!

— Ты бы лучше вышел, а я привяжу тебе камень. Тогда ты сможешь пойти прямо на дно и достанешь его!

Так вот койот и умер. Кролик привязал к нему камень, и он пошел прямо на дно. Но он утонул и никогда уже не вернулся!

И колорины такие красные — сказке конец!

128. Шакал и заяц

Разговорились шакал с зайцем:

— Будем друг для друга цветами, пусть цветет наша дружба!

Так они и сделали и говорят промеж собой: «Послушай-ка, цветик, давай сварим рисовую похлебку!»

А был как раз базарный день. Рядом с дорогой, по которой люди шли на базар и обратно, притаился заяц под кустом, а шакал лег в за-саду чуть подальше.

Вскоре показались люди на дороге — они шли продавать рис. Увидели они зайца, поставили рис на землю и погнались за зайцем, схватить его хотели — то туда, то сюда. А шакал тем временем подоспел и унес рис. Встретились потом те двое, заяц и спрашивает шакала: «Ну как, унес чего-нибудь для нас?» — «Да, — говорит шакал, — унес!»

Потом шакал опять притаился, а заяц припал к земле. Шел тут человек с молоком и заметил его. И этот человек точно так же поставил молоко на землю и погнался за зайцем — то туда, то сюда, схватить его хотел. Далеко он так его угнал. А шакал в это время унес молоко. Когда уже тот человек устал гоняться за зайцем, вернулся он — и пошел с пустыми руками. Встретились потом те двое, и заяц спрашивает шакала: «Ну как, цветик, унес чего-нибудь?» — «Да, — говорит шакал, — унес».

Потом проходили люди дрова продавать, и заяц, как и раньше, притаился, совсем тихонько лежит. Дошли они до того места, видят — заяц притаился. Положили эти люди дрова на землю и бросились за зайцем. Гнались они, гнались за ним, пока не загнали совсем далеко. Они все хотели схватить его, да никак не могли. Еще они бросали в него поленьями — и много их побросали. А шакал тем временем своего не упустил и унес дрова. Встретились потом те двое, и заяц спрашивает: «Ну как, цветик, унес чего-нибудь?» — «Да, унес», — ответил тот.

Потолковав между собой, снова они залегли, как прежде. Вскоре пошли горшечники с глиняной посудой. И заяц, конечно, был на дороге, так ведь? Увидели они его, поставили свои горшки на землю и стали за ним гоняться, чтоб поймать. Гонялись да гонялись, схватить хотели, и угнали его совсем далеко. А шакал тем временем прибежал и унес горшок для варки. Встретились опять заяц с шакалом, и он спрашивает шакала: «Ну как, цветик, унес чего-нибудь?» — «Да, унес», — тот говорит.

Пошли опять эти двое. Заяц снова припал к земле и затаился. Чуть спустя идут люди продавать тарелки из листьев. Увидели они, что заяц притаился, и тоже хотели зайца схватить и загнали его далеко, а убить не смогли. А шакал унес тарелки из листьев. Встретились они потом, и заяц его спрашивает: «Ну как, цветик, унес чего-нибудь?» — «Да, цветик, унес!»

Вот так собрали они все необходимое. А теперь огонь — где бы его достать? Отправился шакал в деревню, к старой вдове, чтобы огня попросить. Старуха была тем занята, что муку молола из слив с колючками. Говорит ей шакал:

— Старуха, дай мне, пожалуйста, огня!

— Достань-ка его сам, — она отвечает, — я голодная и муку мелю!

— Ну, пожалуйста, достань ты, — шакал говорит, — а я тем временем молоть буду.

Пошла старуха принести огня, а шакал стал молоть. Молол и молот, а пока молот, нагадил в ступку, а сверху сливовой мукой засыпал. Старуха принесла ему огня, а шакал и говорит: «Послушай-ка, старуха, ты сейчас не мели, а подожди немного, покуда я за кустами не буду!»

Скрылся шакал в кустах, начала старуха молоть. Молола, молола, до навоза домололась — такие сливы тягучие, такие тягучие. Поняла она: «Этот шакал мне в ступку нагадил!»

Вернулся шакал, разожгли они с зайцем огонь и начали готовить рисовую похлебку. Когда она была готова, начали они друг другу предлагать первым пойти умыться. Шакал спрашивает:

— Пожалуйста, ну, пожалуйста, цветик, иди первым!

А заяц тоже спрашивает:

— Пожалуйста, иди ты первым, выкупайся!

В конце концов, пошел первым купаться шакал. Побарахтался, нырял он немного — быстро выкупался и вернулся. Посылает он после этого купаться зайца и говорит: «Уж пожалуйста, цветик, купайся побыстрее и возвращайся!» Ушел заяц. Купался он, добела мылся, много времени на это ушло.

Шакал тем временем наелся досыта. Когда уже ему хватило, наполнил он горшок собственным навозом, а сверху рисом прикрыл. Пришел заяц, сели они друг против друга. Начали они тут спорить, кому первым рис из горшка брать. Шакал говорит: «Пожалуйста, цветик, возьми первым!», а заяц то же говорит: «Пожалуйста, цветик, возьми первым!»

Начал тут заяц похлебку разливать. Черпал, черпал — до навоза дошел, видит — навоз! Разбросал ковшом то, что в горшке было, и говорит: «Так из-за этого-то жаркого с рисом я и ползал столько раз по дороге?» — и прогнал шакала.

А шакал достал барабан для танцев, и была у него привычка каждый день барабанить, когда он на солнышке грелся под насыпью у водоема. Услышал однажды заяц, как он барабанит, забрался на насыпь и попросил шакала одолжить ему барабан: «Дай, пожалуйста, его мне, цветик, дай мне попробовать поиграть на твоём барабане!» Дал он ему барабан. Барабанил заяц, барабанил, а потом как бросит барабан вниз и разбил его, а потом и убежал.

Погнался шакал за зайцем, гнался-гнался, а заяц юркнул в дыру в муравейнике. Подбежал шакал и сел на эту дыру, чтоб зайцу не выбраться. А дыра эта шла сквозь муравейник, и заяц с другого конца выскочил. Шакал не знал об этом, а заяц взял да убежал.

Сидел шакал, сидел, а муравьи тем временем, уж не знаю как, зад ему выели. Вскочил он наконец, глянул вниз и побежал туда, в низину. Здесь старуха рыбу ловила. Подбежал он к ней и говорит: «Дай мне, старушка, дай мне карпа!» — «Пожалуйста, дорогой мой мальчик, поймай-ка его сам!» — отвечает она ему.

Старается он поймать. Поймал он одного карпа и глотал уж он его, глотал, а тот все проходит сквозь него да проходит. А он говорит: «Этого я поймал, этого я поймал!» Тут закричала ему старуха: «Эй, да ведь ты все одного и того же глотаешь, он сквозь тебя проходит!»

Тогда шакал, правду сказать, посмотрел на свой зад и увидел, что это действительно так. Взял он карпа и побежал к сапожнику. Показал он ему на миг карпа, быстренько накрыл карпа лапой и спрятал его. А сам ему и говорит: «Видишь, тут рупия. Зашей мне, пожалуйста, зад кожей!» Сапожник зашил ему зад кожей. Кончил он свою работу, а шакал швырнул карпа и убежал.

Побежал он снова к той старухе через хлопковое поле. Бежит, а хлопковые кусты звенят. Сломал он прут и стучать начал. И каждый день приходил он к той старухе и курицу с нее спрашивал. Говорит старуха сыновьям: «Каждый день шакал с меня курицу спрашивает!»

Сделали они старуху из воска и поставили ее на улице, на дворе. Проходил тут шакал и барабанил. Подошел он поближе и говорит: «Молчаливая старуха сегодня мне улыбается!» — и бросил в нее барабанной палочкой. Потом схватил эту палочку зубами — как тут не приклеиться! Тут он говорит: «Молчаливая старуха зацапала ее!» Подбежал он к ней и пнул ее — и нога у него тоже приклеилась.

А потом сыновья этой старухи освободили его. А когда они его освобождали, то хорошенько напичкали песком и выпустили. Поймал он после этого карпа, побежал к кузнецу и просит его: «Пробуравь мне дыру в заду!» Стал он это делать, только кузнец принялся это место оглядывать, а он как пустит ему прямо в лицо! Тут шакал бросился бежать, а кузнец его плетью!

129. Глупый крокодил

Жил-был в своей норе около речки шакал. Он частенько ходил к реке на водопой. А в речке той жил крокодил. Каждый день он прятался у берега под кустами в надежде, что какой-нибудь зверь пойдет воды испить и тут-то он его и поймает.

Пришел как-то шакал к реке и видит: у берега вода мутная да грязная. Вошел шакал в речку подальше, чтоб испить водицы почище, а крокодил хватя его за ногу! Испугался шакал, но потом набрался духу и стал думать, как бы ему свою лапу из крокодильей пасти вызволить. И вот что он придумал: «Не буду я вовсе шевелить лапой, словно она и не моя!»

И сказал он крокодилу спокойным голосом:

— Ах, приятель крокодил, у меня ноги в иле увязли, тону я! Помоги мне, скорей хватай меня за ногу!

Крокодил попался на эту удочку. «Какой же я дурак! — подумал он. — Я принял корни водорослей за шакалью лапу и сижу себе да держу их в зубах!» Отпустил он шакала и впился в корень. Обрадовался шакал и говорит:

— Большое тебе спасибо! — И ушел, напевая веселую песенку.

Когда крокодил понял, что шакал обманул его, он пришел в ярость от собственной глупости.

А на другой день шакал снова явился на берег. Он был уверен, что крокодил сидит, его дожидается. Но чтобы все-таки проверить, не ошибается ли он, шакал громко сказал:

— Вот когда вчера я пил воду, то видел, как в воде плавают маленькие рыбки и пускают пузыри. А сегодня что-то вода гладкая, без единого пузырька. Пожалуй, не буду я пить воду!

После этих слов крокодил как задышит — пошли по воде пузыри. Понял шакал, что это крокодил, и убежал прочь.

А на прощание он сказал крокодилу:

— Ах, господин крокодил! Если вы собирались сегодня мной пообедать, так ошиблись — придется вам попоститься!

Расстроился крокодил и долго сетовал на свою глупость.

Шакал больше не пил воды из речки, а стал ходить на пруд. Крокодил же очень сердился на него — ведь шакал дважды его одурачил. И стал он думать, как бы ему поймать шакала.

Около речки росло большое манговое дерево. Шакал был большой любитель сочных, спелых манго и частенько наведывался под это дерево отведать плодов манго. Узнал об этом крокодил, собрал в кучу много манго, а сам зарылся в них.

Пришел шакал под дерево, но когда увидел огромную кучу манго, его взяло сомнение. Он пустил в ход испытанное средство.

— Когда я в прошлый раз приходил сюда, — сказал он, — манго само прыгало прямо мне в лапы. А сегодня что-то я этого не вижу. Странно!

Услыхал крокодил эти слова, выбрал несколько манго и кинул шакалу. Понял шакал, что в куче кто-то скрывается, и запел:

— В сладких плодах притаился обманщик,
Глупый пропал, осторожный спасется!

Пропел и убежал. Крокодил бросился за ним, но догнать не мог. Пуще прежнего рассердился он на свою бестолковость и поклялся, что лишит шакала жизни.

Прошло несколько дней. Однажды в полдень подкрался крокодил к шакалей норе, залез в нее и спрятался в надежде схватить шакала, когда тот вернется домой.

Когда шакал подошел к норе, он заметил на земле большие следы. Уж не спрятался ли крокодил в его норе? Сначала он испугался, а потом подошел поближе и крикнул:

— Норка, моя норка! Что же ты молчишь, голоса не подаешь?

И добавил:

— Раньше, бывало, подойду к дому, а норка уж меня встречает сладкой песенкой. Что же это с ней сегодня случилось? Может, кто-нибудь ей горлышко придавил?

Тогда крокодил как запоет хриплым голосом:

— Привет тебе, привет, мой хозяин!
Я твоя служанка! Я твоя служанка!

Шакал сразу же узнал голос крокодила. Подумал он и говорит:

— Эх, забыл я принести дровец! Надо бы огонь развести. Сейчас вернусь!

Натаскал он веток, развел костер и поднес горящую головню к выходу из норы. Крокодил от жары и дыма задохнулся, а шакал продолжал сидеть да напевать песенку.

130. Хитрость шакала

Старик сказал: «Завтра будем козлов холостить!» Услышал это козел и убежал в горы, улегся там на скалу в пещере леопарда. Пришел леопард, а козел крикнул: «Дуй отсюда!» Испугался леопард и убежал.

Бежит он, встречает шакала и говорит ему: «Знаешь, племянник, кто-то, не знаю кто, в дом ко мне залез!»

— А как он выглядит, дядюшка? — спросил шакал.

— Ну, племянник, — отвечает леопард, — у него к бороде какая-то мочалка привязана.

— Ну, знаешь, дядюшка, — шакал говорит, — я таких несколько штук съел и переварил!

Связались они хвостами, отправились вместе к пещере. Встал тут козел, а леопард как закричит: «Опять он что-то такое говорит, чего и раньше говорил!» Едва сказать успел, как они уже побежали, и леопард так шакала потащил, что всю шкуру с него содрал. Говорит тут шакал: «Слушай-ка, дядюшка! Всю-всю старую грязь ты с меня стер, вот как, дядюшка!»

Жили там где-то в одном месте леопарды со своими детьми. Ушли как-то родители за мясом, а шакал тут как тут и говорит маленьким леопардам: «Эй, ты, не дашь ли рису? Ну-ка давай мне чего-нибудь!» Дали они ему немного мяса, что родители принесли. Возвращается однажды леопард и говорит: «Ты только посмотри — мы вам мясо носим и носим. Как же так получается, что вы все худеете да худеете?» — «А вы шакалу как-то задолжали, — дети отвечают, — так вот он с нас и требует, каждый день уносит!»

Легли тут родители в засаду и стали поджидать. Тут и шакал явился и кричит: «Эй, ты, не дашь ли рису? Ну-ка давай мне чего-нибудь!» Погнались они за шакалом, все гнались да гнались, а тут шакал перепрыгнул через какую-то яму в солончаке. Леопард тоже хотел тут пробежать, да завяз, тут и умер. Шакал ему и говорит: «Эй, что-то тебя не видать! Ты чего — лежишь, все выжидаешь?»

Надел шакал шелковые коконы — как ботинки, натянул шелковую набедренную повязку и стал пинать леопарда в зад. А потом вернулся к маленьким леопардам и сказал им: «С кем вы останетесь-то? Видели — я отца вашего убил!»

Тогда леопардиха говорит: «Раз так, то с тобой останемся». Пошли они потом в джунгли охотиться. Леопарды охотились и добычу гнали прямо на шакала, а он в засаду залег, чтобы добычу эту убивать. Перепугался он, с перепугу на муравейник полез. Олень бежит на него, а он со страху обделался. Прибежала леопардиха с маленькими леопардами и спрашивает: «Ну, где они? Сколько убил?» А он отвечает: «На меня гнать надо, на меня, а вы мимо да мимо! Глядите, вон они где бежали, я за ними гнался — так они прямо обделались!»

Когда уж несколько раз все так и выходило, легла в засаду леопардиха, а шакал и маленькие леопарды погнались на нее добычу. Поймала леопардиха одного оленя, а шакал и говорит: «Вон как хорошо, как прямо гнал я на тебя добычу — вот ты так быстро ее и убила!» А потом говорит: «Подожди-ка, женщина, я только жертву принесу покойному старику» — и начал оленя грызть, да все никак дырку прогрызть не может и говорит: «Эй, женщина, прогрызи-ка тут для меня дырку!» Она дырку для него сделала, влез в нее шакал и печень съел. Наелся досыта, вылез и говорит: «Ну, женщина, а теперь ешь, пожалуйста!» Тогда они тоже поели, им мясо досталось.

Пошли они, а дождь все идет да идет, и вода в реке поднялась. Надо им переправляться, один из маленьких леопардов и говорит: «Пошли, отец, я тебя на спине перенесу!» — «Фу, будь оно проклято! Никогда не позволю себе ехать на спине собственного ребенка!» «Ну, давайте переправляться!» — сказали они, и леопардиха с детьми перепрыгнула через речку. А когда шакал прыгнул, то упал в воду на самой середине, и все закричали: «Спасем, спасем его!» — «Не надо, не вытаскивайте меня! — сказал он. — Я на дне стою!»

А тут крокодил лежал на берегу реки, грелся. Шакал и говорит: «Пожалуйста, пожалуйста, вытащи меня, я тебе жирного-жирного мяса принесу!» А потом шакал и говорит: «Послушай-ка! Закрой глаза и открой рот!» Взял шакал несколько камней потверже и бросил их со всей силы крокодилу в рот — и убежал. Говорит крокодил: «Ну, погоди, парень, погоди, негодяй шакал, что камнями побил. Поймаем тебя как-нибудь — рассчитаемся!»

Была у шакала привычка каждый день пить воду из водоема — заберется на корни дерева кауха и пьет. Узнал об этом крокодил. Вот нырнул крокодил в воду и так залег, что его и не видно. Пришел шакал пить воду, забрался на корни дерева кауха, а крокодил схватил его за ногу и потащил. А как потащил он его, шакал и говорит: «Ну, крокодил, ну, негодяй — ногу-то мою упустил, а сам в корень кауха вцепился!» Крокодил тут же ногу шакала отпустил и в корень кауха вцепился. Шакал и говорит: «Ну и крокодил, ну и негодяй — меня, такого парня, съесть собрался!»

Была у шакала такая привычка — греться на солнышке, ляжет на солому от проса и греется. Узнал об этом крокодил и зарылся в солому. А шакал в этот день нашел деревянный колокольчик, что козлам привязывают, и привязал себе на шею. Идет он себе, подпрыгивает, а колокольчик брякает. Крокодил тут и говорит: «Убирайся отсюда, глупая коза! Я тут лежу, шакала поджидаю, а ты брякаешь да брякаешь!» — «Ну, крокодил, ну, негодяй, — говорит шакал. — Так это он лежит меня поджидает!» Принес он огня, поджег солому — тут крокодил и сгорел заживо.

Тут и сказке конец.

131. Шакал-деватава

В одной стране лежала туша слона. Шакал принялся поедать тушу. Он прогрыз дырку и пролез внутрь. Сидя внутри туши, он продолжал есть мясо. А тем временем шкура высохла, покоробилась, и дыра, через которую шакал проник внутрь, закрылась.

Мимо проходил человек из касты барабанщиков. Он шел на церемонию изгнания демонов. В руках барабанщик держал барабан. Шакал, сидящий в туше слона, услышал барабанный бой и спрашивает:

— Кто идет?

— Я барабанщик, иду на церемонию изгнания демонов.

— А почему ты идешь здесь, не спросив разрешения? — спрашивает шакал.

— О господин, я не знал, что нужно разрешение.

— А что ты получишь за участие в церемонии?

— Мне дадут деньги и еще какие-нибудь подарки, — отвечает барабанщик.

— Я дам тебе подарок более ценный, чем деньги, — говорит шакал. — Тебе исключительно повезло, что ты пришел сюда. Я деватава, я охраняю здесь свое сокровище. Если ты его хочешь получить, ты должен выбить дно у своего барабана, наполнить барабан водой и полить ею тушу слона.

Барабанщик выбил дно у барабана, наполнил его водой и принялся носить воду и поливать высохшую тушу. А шакал изнутри втирал воду в шкуру мордой. Наконец шкура размягчилась, шакал выпрыгнул наружу и убежал.

Барабанщик все поливал и поливал тушу водой. Потом он заглянул внутрь, но никакого божества в туше не было, а было только множество червей. Взял он свой сломанный барабан и вернулся домой.

Через несколько дней пошел сильный дождь, и туша поплыла, увлекаемая потоком. На туше сидела стая ворон. Тушу снесло в реку, она поплыла вниз по течению, и ее вынесло в открытое море, а вороны все продолжали клевать падаль. В конце концов туша совсем сгнила и опустилась на дно. Вороны огляделись вокруг, но нигде не увидели ни одного дерева. И прежде чем они смогли долететь до ближайшего дерева, они выбились из сил, крылья отказались им служить, и все вороны погибли в море.

132. Шакал-султан

Шакал зашел в лавку торговца синькой и сказал ему:

— Окуни-ка меня хорошенько в бочонок с индиго!

Чтобы порадовать шакала, окунул его разок хорошенько красильщик в бочонок с индиго. Увидел шакал, как он весь окрашен, и в восторг пришел. Воткнул он себе в уши колючки акации, пошел к другим шакалам, обнюхался с ними и провозгласил себя султаном. На берегу пруда взобрался он на большую кучу сухого коровьего навоза и устроился там.

Пришло тут к пруду стадо коз напиться. Разгневался шакал, воду козам пить не дает и говорит:

— Сначала восхваляйте меня и превозносите, а уж потом можете воду пить!

Запели тут козы похвальную песнь шакалу:

На златом сидишь ты троне,
Источая благовонья,
А в ушах горят камня,
Ты султан на загляденье!

Как услышал шакал эту хвалебную песнь, так страшно обрадовался и позволил козам напиться. Тут стали приходиться и другие стада — коров, буйволов, верблюдов, разные, — и все должны были восхва-

лять шакала, а уж потом пили воду и шли себе дальше. Наконец, прибрела к пруду, едва дух переводя, старая овца. Ей очень хотелось пить, и потому она тут же кинулась к воде. Прикрикнул тут на нее шакал:

— Ты сначала восхвали меня, а уж потом пей!

Говорит ему овца:

— Дядюшка, я так ужасно хочу пить, ты уж позволь мне сначала напиться, а потом я тебя восхвалю!

Разрешил ей шакал напиться. Овца напилась вдоволь, отошла чуть подальше, уселась под деревом и начала свою хвалебную песнь:

На навозном сидишь троне,
Испуская много воню,
А в ушах торчат колючки,
Это ты, шакал вонючий!

Как услышал это шакал, впал он в ярость и бросился на овцу. Увидела овца, как шакал расшвирился, огляделась по сторонам и заметила пару охотничьих собак. Закричала она шакалу:

— Дядюшка шакал, погляди-ка, кто это позади тебя!

Как увидел шакал охотничьих собак, совсем перепугался, кинулся в лес, там и спасся. И больше уж никогда не называл себя султаном.

133. Коршун и кошка

Жил некогда коршун, рожденный на вершине горного дерева. И жила кошка, рожденная у подножья этой горы.

Коршун не решался улетать из гнезда за кормом для своих птенцов, потому что боялся, что кошка их съест. Но и кошка тоже не отваживалась уходить за пищей для своих котят, потому что боялась, что коршун их унесет.

И вот однажды сказал коршун кошке:

— Давай жить как добрые соседи! Поклянемся перед великим богом Ра и скажем: «Если кто-нибудь из нас отправится за кормом для своих детей, другой не будет на них нападать!»

И они обещали перед богом Ра, что не отступятся от этой клятвы.

Но однажды коршун отнял у котенка кусок мяса и отдал его своему коршуненку. Увидела это кошка и решила отнять мясо у коршуненка. И когда он повернулся к ней, кошка схватила его и вонзила в него свои когти. Увидел коршуненок, что ему не вырваться, и сказал:

— Клянусь Ра, это не твой корм! За что же ты вонзила в меня свои когти?

Но кошка ему ответила:

— Откуда же у тебя это мясо? Ведь принесла его я и принесла не тебе!

Сказал ей тогда коршуненок:

— Я не летал к твоим котяткам! И если ты станешь мстить мне или братьям моим и сестрам, то Ра увидит, что ложной была та клятва, которую ты принесла.

Тут хотел он взлететь, но крылья не смогли унести его обратно на дерево. Словно умирающий, упал он на землю и сказал кошке:

— Если ты убьешь меня, то погибнет твой сын и сын твоего сына.
И кошка его не тронула.

Но вот коршун нашел своего птенца на земле, и злоба охватила его. Сказал коршун:

— Я отомщу! Это случится, когда Возмездие вернется сюда из отдаленных земель страны Сирии. Тогда пойдет кошка за пищей для своих котят, а я нападу на них. И станут дети ее кормом для меня и моих детей!

Однако коршун долго не мог улучшить время, чтобы напасть на дом кошки и уничтожить весь ее род. Он следил за каждым шагом кошки и думал о своей мести.

И вот однажды отправилась кошка за пищей для своих котят. Коршун напал на них и унес. И когда кошка вернулась, она не нашла ни одного котенка.

Тогда кошка обратилась к небу и воззвала к великому Ра:

— Узнай мое горе и рассуди нас с коршуном! Мы дали с ним священную клятву, но он нарушил ее. Он убил всех моих детей!

И Ра услышал голос ее. Он послал Небесную силу, чтобы покарать коршуна, который убил детей кошки. Отправилась Небесная сила и отыскала Возмездие. Сидело Возмездие под тем деревом, где было гнездо коршуна. И Небесная сила передала Возмездию повеление Ра покарать коршуна за то, что он совершил с детьми кошки.

Тогда Возмездие сделало так, что коршун увидел одного сирийца, который жарил на углях горную дичь. Схватил коршун кусок мяса и унес это мясо в свое гнездо. Но он не заметил, что к мясу пристали горящие угольки.

И вот гнездо коршуна запылало. Изжарились все его дети и упали на землю к подножью дерева.

Пришла кошка к дереву, где было гнездо коршуна, но птенцов не тронула. И сказала она коршуну:

— Клянусь именем Ра, ты долго охотился за моими детьми, и вот ты напал на них и убил! А я даже теперь не трогаю твоих птенцов, хоть они и поджарились в самый раз!

134. Кошка и тигр

Давным-давно (никто не помнит, когда это было) тигр был очень глупым зверем. Когда ему хотелось есть, он носился по лесу с таким шумом, что земля дрожала, деревья трещали и все звери забирались в норы. Тигр ничего не мог схватить, потому что не умел подкрады-

ваться. Ему многому надо было выучиться, чтобы стать хорошим охотником, но он и азов еще не знал.

Голод не тетка, и вот тигр решил поучиться у своей маленькой подружки кошки. Он заметил, что она всегда умеет раздобыть себе пищу. Кошка приняла друга тигра в ученики. Сперва она стала учить его втягивать когти и подкрадываться неслышными шагами. Потом, заметив добычу, пригибаться, затаиваться и, выпустив когти, оскалив зубы, готовиться к прыжку. Когда тигр после долгих упражнений научился все это делать, кошка показала ему, как прыгать.

Наконец пора было показать на деле, что тигр все хорошо усвоил. Он поблагодарил кошку за науку и отправился на охоту. Все шло отлично. Тигр крался, затаивался, подстерегал добычу и прыгал на нее с выпущенными когтями и оскаленными зубами — так, как учила кошка. Теперь для него началась великолепная жизнь: красться, затаиваться, подстерегать добычу, убивать и с наслаждением пожирать свежее мясо. А потом проделывать это еще раз и еще, а затем, наевшись до отвала, идти в логово спать.

Через несколько дней звери в лесу заметили, что тигра надо опасаться, и заключили союз против него. Когда кто-нибудь видел или слышал крадущегося тигра, он давал знать другим, и все прятались. Так вышло, что тигр целый день крался по лесу и ничего не поймал, и на другой день то же самое, и на третий. Тигр почувствовал невыносимый голод. Во что бы то ни стало надо было что-то раздобыть. Но не пряталась от него только его учительница кошка. И вот тигр подкрался к месту, где кошка разлеглась на теплом камне и грелась себе на солнышке. Кошка увидела подбиравшегося тигра, увидела голодный, яростный блеск в его глазах. Она глядела сквозь приспущенные веки, как тигр — по всем законам ее искусства — выгнулся, готовясь к прыжку.

Как стальная пружина, тигр взметнулся в воздух и упал на камень, где мгновением раньше грелась кошка. Но она с быстротой молнии вскарабкалась на дерево.

— Это подло, — зарычал разочарованный тигр, — ты должна была научить меня всему. А искусство карабкаться на деревья ты оставила себе.

— И это правильно, тигр, — отвечала кошка, глядя на своего ученика с недоступной высоты. — А то ты чуть не сожрал меня, свою учительницу.

Тогда тигр смиренно сел на задние лапы, сложил передние коготь к когтю, чтобы выразить свое почтение, и сказал:

— Друг мой, учительница моя, признаю, что голод толкнул меня на злое дело. Пожалуйста, прости меня и научи высокому искусству карабкаться на деревья.

— Как бы не так, тигр, — отвечала кошка. — Теперь я узнала, что ты лживый, коварный зверь. Дружбе нашей конец.

Тигр пришел в бешенство и поклялся в вечной вражде со всем кошачьим родом:

— Знай, кошка, что, если ты или один из твоих потомков попадет в лапы тигру, вам будет не до смеха. И я предупреждаю тебя, что мы знаем заклинание, которым можно превратить в яд ваш помет, и вы вседохнете.

Кошка не отвечала. Прыгая с сука на сук, она выбралась из леса и пристроилась возле людей. А кучки своего помета она на всякий случай стала зарывать в землю и научила своих детей это делать, те научили своих детей, и с этих пор кошки зарывают в землю кучки помета. Ну а тигр так и не научился карабкаться по деревьям.

135. Кот-упасака

Один гамарала налил молоко в миску и поставил на полку, чтобы оно скисло, а сам пошел на поле. В доме гамаралы жил кот. Дождь случился, когда гамарала уйдет, и забрался на полку полакомиться простоквашей. А в это время гамарала вернулся домой. Кот испугался и спрыгнул с полки.

На полке висели четки гамаралы, они повисли у кота на шее. Кот прямо с четками побежал прочь без оглядки — ведь он знал, что, если гамарала узнает, что он воровал простоквашу, ему несдобровать.

Далеко убежал кот, и повстречалась ему крыса. Увидев четки, она спросила:

— Куда вы идете, упасакарала?

— Я собираюсь принять обет, — ответил кот. — Пошли со мной.

Пошли они дальше вдвоем, и повстречался им бурундук по имени Три Полоски.

— Куда вы идете, упасакарала? — спросил он.

— Мы собираемся принять обет, — ответил кот. — Пошли с нами.

— Ладно, — согласился бурундук, и пошли они дальше втроем.

Повстречалась им кукушка по имени Бумбум-барабанщик.

— Куда вы идете, упасакарала? — спросила она.

— Мы собираемся принять обет, — ответил кот. — Пошли с нами.

— Хорошо, — согласилась кукушка, и пошли они дальше вчетвером.

Повстречался им заяц по имени Токкан-танцор.

— Куда вы идете, упасакарала? — спросил он.

— Мы собираемся принять обет, — ответил кот. — Пошли с нами.

Пришли они в лес и среди скал увидели пещеру.

— Смотрите, это наш храм, — сказал кот. — Залезайте внутрь.

Я буду исполнять обет, и пусть никто из вас мне не мешает.

Ночью крыса проголодалась и стала бегать по пещере.

— Бумбум-барабанщик сидит спокойно, Три Полоски сидит спокойно, Токкан-танцор сидит спокойно, и только ты не слушаешь меня. Я должен пресечь это, — сказал кот-упасака и съел крысу.

На рассвете кукушка запела. Кот и говорит:

— Три Полоски сидит спокойно, Токкан-танцор сидит спокойно, и только ты шумишь. Я должен пресечь это. — С этими словами он схватил кукушку и съел ее.

Когда рассвело и бурундуки в лесу запели свою обычную песенку, Три Полоски откликнулся на нее и тоже запел.

— Токкан-танцор сидит спокойно, я сижу спокойно, и только ты шумишь. Я должен пресечь это, — сказал кот и съел бурундука.

Заяц, Токкан-танцор, понял, что кот собирается съесть и его, и заплакал.

— Токкан-танцор, о чем ты плачешь? — спросил кот.

— Я прекрасный танцор, а здесь некому посмотреть на мое искусство, — ответил заяц. — Вот я и расстроился.

— Ну, потанцуй немного для меня, — сказал кот, а заяц ему в ответ:

— Упасакара, откройте дверь, чтобы в пещере было посветлее. Когда я станцую, вы меня съедите.

Кот отошел от двери, чтобы не заслонять свет, а заяц прыгнул в один угол, в другой — и через голову кота выпрыгнул наружу.

136. Покаяние старого кота

Жил-был кот. Ни днем ни ночью не давал он мышам покоя, постоянно охотился за ними, ловил и безжалостно пожирал. А мыши дрожали от страха и боялись показаться на белый свет.

Долго так тянулось. Наконец кот состарился. Глаза его плохо видят, уши плохо слышат, зубы сточились, когти погнулись, и лапы не держат. Словом, не может кот мышей ловить.

Отправился кот в темный сарай и стал блох на себе ловить.

Мыши прыгали и плясали от радости, увидев, что их недруг стал таким жалким и слабым.

А у немощного старого кота уже голодная смерть перед глазами стоит.

«Эх, погодите же, — говорит себе старый кот. — Есть у меня дело, которое я должен сделать перед смертью».

И вот послал он телеграммы всем мышам, в которых приказывал в назначенный день и час собраться на майдане перед его сараем, так как он хочет объявить им нечто важное.

Когда приказ дошел, мыши, обитавшие в горах, на равнинах, в лесах, в заморских землях, очень обрадовались и стали торопиться, чтобы успеть к назначенному времени. Нарядившись в свои лучшие одеж-

ды, мыши отправились в путь на самолетах, поездах, кораблях, а кто поближе — на автомобилях и подводах или верхом на конях и ослах.

Мыши собрались на большом майдане (а их было столько, что майдан почернел), кота ждут.

Вышел на майдан старый-престарый кот и взобрался на невысокий камень. Обернулся к мышам и заговорил:

— Дорогие братья, подойдите поближе и станьте вокруг камня, на котором я стою. Мои глаза стали плохо видеть, а вы стоите далеко от меня. Я очень по вам соскучился и хочу наглядеться на вас вблизи. Да и говорить так громко, чтобы было слышно далеко, я уже не в силах: видите сами, до чего я ослабел!

Но мыши еще не забыли своего прежнего страха перед ним и не хотели подходить ближе.

— Ведь я не для зла вас собрал, а для разговора, хочу перед смертью покаяться, подходите, подходите же, братья, — уговаривал их кот.

И тогда мыши поверили коту и плотным кольцом окружили камень, на котором он стоял. Задние становились на спины передних, а передние лезли еще ближе к коту, чтобы услышать покаяние своего заклятого врага. Наступила благоговейная тишина.

Старый кот сказал:

— Братья мои, я хочу открыть вам мое сердце, покаяться перед вами. Но до этого мне хочется сказать об одном вашем дурном и непристойном деянии. Когда вы воруете на мельнице зерно, вы обычно не трогаете набитых зерном мешков, которые принадлежат богачам, а дырявите маленькие торбочки бедняков с пригоршней зерна, причиняя большие убытки и страдания бедным людям. Это очень скверная привычка. Если бы даже я смог простить вам все остальные ваши преступления, этого я вам простить не могу.

И пока мыши размышляли над его словами, старый кот бросился на них и устроил беспощадную бойню, убивая мышей направо и налево. С перепугу мыши не могли сообразить, куда им бежать, прыгали друг на друга, а кот приканчивал их целыми кучами.

Оставшиеся в живых мыши удрали без оглядки, побросав свои машины, подводы, коней и ослов.

Говорят, именно с тех пор мыши поклялись ни за что не верить коту, пусть даже старому и немощному.

137. Панихида по коту

У одного человека был такой порядочный кот, никогда не шкодил. Как хозяин сам не даст, так он, бывало, мимо лакомств всяких пройдет и не глядит на них. Кот одними только мышами и жил. Поначалу ему было хорошо, мышей было — не переест, а потом мыши бояться стали, зря из норы не показывались. Высунет, бывало, из норы голову, осмотрится

кругом и тогда только из норы вылезет, а как кошачий дух почует, так живо прячется поглубже в норку. Приходилось коту на все лады хитрить. Прикидывался иногда сонным или дохлым, а иногда, бывало, просиживал целый день возле норы, поджидая, когда мышь из норы высунется.

Однажды просидел кот целый день возле норы и ни одной мыши не поймал. Углядел он тогда неподалеку от норы хворостину, с крыши торчавшую, и повис на ней передними лапами. Молодая мышка высунула голову из норы и увидела, что кот висит, вернулась в нору и рассказала всем своим родичам: «Братцы! Вот это новость — радуйтесь и веселитесь!» — «А что такое?» — спрашивают подруги. «Да вот что — врага нашего повесили! Теперь мы на воле гулять будем!» Начали мыши одна за другой из норы вылезать и потихоньку к коту подбираться. А старая мышь, не раз виды выдавшая, бранит: «Не ходите далеко, а то он вас обдурит — знаю я его хитрости! Может, он без веревки висит — тогда берегитесь!»

Не послушались мышата старой мыши, вылезли все из норы и на радостях собрались отслужить молебен своему богу, который их от лютого врага избавил. Одна из мышек была ловкой и отважной, пошла к коту ближе всех и принялась читать стихи:

Жил мурлыка
Да был мурлыка,
Кот сибирский,
Рост богатырский,
Сера на нем шкурка,
Усы, как у турка.
Был он бешен,
На краже помешан,
За то, верно, и повешен.
Радуйтесь, мыши,
Радуйтесь, крысы,
И вся наша порода —
Настала теперь нам свобода!

Не успела мышь стихи закончить, как кот ожил, вмиг кинулся на мышей и давай их цапать! Немало он их тут изувечил, штуки три на-смерть задушил, а несколько штук покалечил, едва поудирали куда попало. Кот сел возле норы и стерег мышей, не сунется ли какая в нору, в гнездо свое прятаться. А мыши после этого переселились в другое место.

138. Совет мышей

Мыши созвали совет, чтобы обсудить вопрос, как спастись от кошек. — Давайте найдем колокольчик и повесим его кошке на шею, при ее приближении мы услышим звон и успеем спрятаться, — предложила одна мышь.

- Дельное предложение, — заметила другая.
— Колокольчик-то найдем, но кто повесит его кошке на шею?

139. Сверчок, мышь и кот

Встретила мышь сверчка и спрашивает:

— А где наш кот-государь?

— Поехал в имение, к барину на свадьбу, — отвечает сверчок.

Услыхала мышь эту радостную весть и давай плясать по избе. А кот тут как тут и схватил мышь. Просит его мышь:

— Смилуйся! Обманул меня сверчок!

А кот все-таки взял да и съел мышь.

140. Отчего коты и кошки умываются после еды

Один кот поймал воробья и хотел его съесть. Но воробей сказал ему:

— Какой это джентльмен принимается за еду не умывшись?

Кот подумал, что это очень верно. Он поставил воробья на землю и стал умываться лапкой. Воробей, конечно, улетел.

Кот понял, что его провели, и поклялся, что всегда будет сначала есть, а умываться потом.

С тех пор все коты и кошки на свете умываются после еды.

141. Еж и серна

Жили-были еж и серна. Поспорили они, кто скорее пробежит по долине. Еж свернулся клубочком и скатился вниз, а серна разбежалась, прыгнула — и так головой ударилась о дерево, что погибла. Теперь у ежа было достаточно мяса на жаркое, но сам-то он не мог разделить тушку и пошел искать мясника. Встречает зайца; тот спросил, куда еж идет. Еж ответил, что за мясником. Заяц ему показал свои зубы и сказал, что он хороший мясник. Но еж зайцу не поверил и пошел дальше. Повстречалась ему лисица, но и она в мясники не годилась. Наконец еж встретил волка. Волк спросил, куда он идет. Еж ответил, что он мясника ищет. Волк ему показал свои клыки и сказал, что пойдет с ним. Пришли они, волк разделил серну на четыре части и сказал:

— Первая часть моему дяде, вторая — отцу, третья — матери, а четвертая — мне самому.

Еж его спрашивает:

— А что же мне достанется?

— Да то, что останется, — ответил волк.

Ежу не понравилось, что ему ничего не достанется, и он позвал волка к судье:

— Пойдем судиться.

Волк согласился. А еж знал местечко, где был поставлен капкан на волка. Вот подошли они к капкану, еж постучал по железу своей лапой и говорит:

— Господин судья, вставайте!

Стучал он так несколько раз, а волк и говорит:

— Что ты так долго не можешь добудиться сонливого судьи? Дай-ка я его разбужу!

Еж согласился. Волк ударил лапой по капкану и попался. Еж отошел в сторонку и стал смеяться. Вскоре пришел человек с топором, чтобы волка убить. Ударил волка по голове, а еж и говорит:

— Это твоему дяде.

Ударил второй раз:

— Это твоему отцу.

В третий раз ударил:

— Это твоей матери.

А как ударил человек в четвертый раз, волк испустил дух, а еж сказал:

— Это тебе самому, а все, что осталось, — мне.

И еж сам съел серну.

142. Крот и еж

Как-то вечером залез еж в кротову нору и просит хозяина:

— Позволь переночевать у тебя! Устал я очень. Вечер на дворе, до дому еще далеко, а я в такой темноте дороги не увижу. Утром, как встану, так и уйду.

Поверил крот, что и вправду еж не успел засветло до дому добраться, и позволил ему переночевать.

Наступило утро. Крот ждет, когда же еж из его дома уберется, а гость знай себе спит. Крот и подойти к нему боится — а ну как на иглы наткнется. Видит крот — надо ежу напомнить, что пора и честь знать, а то сам не догадается. Говорит крот ежу:

— Эй, друг, иди-ка ты отсюда!

— Сам иди отсюда, — отвечает еж, — если тебе здесь не нравится!

А я, пожалуй, останусь!

Видит крот: обманул его еж, да ничего он не мог с ежом поделать, и пришлось ему самому из своего же дома убраться.

143. Еж и барин

Едет по дороге барин. Рядом еж бежит. Нашел он медный грош и поет:

— А я грош нашел, а я грош нашел!

Надоело барину слушать ежа, и велел он слуге отнять у него этот грош. Слуга и отнял. Тогда еж запел:

— А нищий отнял, а нищий отнял...

Говорит барин слуге:

— Швырни ты ему этот грош!

Слуга швырнул. Еж опять затянул:

— Побоялся и отдал, побоялся и отдал.

Разгневался барин, велел слуге закинуть ежа за изгородь. Слуга взял и закинул.

Еж бежит за изгородью и опять свое:

— А я перескочил, как казак, перескочил...

Велел барин собак на него напустить. Слуга напустил. Свернулся еж клубочком, и собаки ничего поделывать с ним не могут.

Так ежа собаки и не тронули, а барин поехал дальше — высмеял его еж.

144. Свинья

Жил старик со старухой. Была у них только одна свинья, да и ту кормить было нечем. Каждый день свинья ходила в лес, чтобы подкрепиться желудями.

Так однажды отправилась она добывать себе корм. Вдруг навстречу ей попался волк и спрашивает:

— Свинья, свинья, куда ты идешь?

— Иду я в дубовый лес за желудями, — ответила свинья.

— Не возьмешь ли ты и меня с собой, дорогой друг? Я тоже хочу кое-что раздобыть там, — приветливо сказал волк.

Не верила свинья в его дружбу. Но что было ей делать? Решила она хитростью избавиться от опасного спутника и ответила:

— Идем. Мне веселее будет! Только предупреждаю: по дороге мы встретим глубокую яму. Сможешь ли ты перепрыгнуть?

Засмеялся волк и сказал:

— Это мне легко сделать.

Через некоторое время приблизились они к яме, очень глубокой и широкой. Увидел волк яму и струсил.

— Прыгай ты первая! — предложил он свинье.

— Если я прыгну первая, то под моей тяжестью край ямы может обвалиться. Боюсь, что ты тогда вовсе не сумеешь перепрыгнуть.

Видит волк, что надо ему начинать, разбежался, прыгнул и свалился на самое дно ямы. А свинья обошла эту яму кругом, забралась в лес и досыта наелась желудей. Вечером она спокойно вернулась домой.

На следующий день свинья опять отправилась в лес. Шла она, шла и по дороге встретила огромного медведя. Увидел косолапый свинью и проворчал:

— Далеко ли путь держишь?

— Иду в лес желудей поесть.

— Возьми и меня с собой, — попросил медведь. — Я очень хочу полакомиться желудями.

— С большим удовольствием, — ответила свинья, — но я боюсь, что ты не сумеешь перепрыгнуть через яму, которой нам не миновать.

— Не беспокойся за меня, — проворчал медведь.

Подшли они к яме. Расправил медведь неуклюжие лапы, разбежался, прыгнул и угодил в самую яму. А свинья обошла яму стороной — и прямо в лес. Наевшись там досыта, она вернулась к вечеру домой.

Между тем хозяева решили зарезать свинью, мясо продать и на вырученные деньги купить себе что-нибудь из одежды. Наутро старик взял нож, поймал свинью и хотел повалить ее на землю. Но свинья вырвалась из рук старика и побежала. Хозяева бросились догонять ее. Добежала свинья до той ямы, где сидели волк и медведь, и давай бегать вокруг. Увидел тогда старик неожиданную добычу, обрадовался и тут же убил зверей.

Шкуры и медвежье мясо старик продал. На вырученные деньги купил он одежду себе и старухе, а для свиньи — хорошего корма.

145. Умный буйвол

Как-то один крестьянин, взвалив на плечо соху и таща на поводу буйвола, отправился пахать поле.

Ноги буйвола тонули в набухшей от воды глинистой почве, комки глины налипали ему на брюхо. Спотыкаясь на каждом шагу, буйвол едва тащился по полю. Прошло полдня, а крестьянин вспахал лишь окраину поля величиною с листок агавы. Выведенный из себя, он в гневе стал дубасить бедного буйвола палкой по заду, осыпая его бранью:

— Вот глупое животное! До чего же ты ленив! Чтобы ногу поднять, тебе требуется невесть сколько времени! Тигра небось тебе не приходилось встречать? Вот это молодец! Бегает быстро, а сам такой сильный! Вот бы тебе поучиться у него!

Долго бил крестьянин буйвола, долго ругал его. Наконец буйвол не выдержал и сказал:

— Подумаешь, тигр! Я сильнее его!

Крестьянин не поверил буйволу и продолжал бранить его, но буйвол стоял на своем:

— Не веришь? Отведи меня завтра к тигру, мы померяемся с ним силами, тогда увидишь, кто сильнее.

Утро следующего дня выдалось ясное, и крестьянин отвел буйвола к горной пещере, в которую часто заходил тигр. Едва завидев буйвола, тигр, ощерившись, бросился к нему, но буйвол покачал своими серповидными рогами и с глубокомысленным видом сказал ему:

— Послушай меня, старина! Сегодня я пришел к тебе не для того, чтобы сражаться, а чтобы сказать тебе вот о чем: зубы у тебя чересчур тупые, и тебе не прокусить моей толстой кожи. Давай встретимся через три дня. За это время ты наточишь как следует свои зубы, а я свои рога. Вот тогда мы и сразимся.

— Ладно! — согласился тигр и, рывкнув, вернулся в свою пещеру.

Три дня и три ночи точил тигр свои зубы — они стали у него острыми-преострыми. А буйвол точил свои рога всего один день, а два следующих дня занимался совсем другим делом: он обмотал себя толстым слоем соломы, затем отправился на поле и стал кататься по набухшей от воды земле до тех пор, пока не покрылся толстым, ровным и блестящим слоем грязи — теперь никому и в голову не могло прийти, что буйвол обмотан соломой.

В назначенный день сражения буйвол и тигр явились в условленное место.

Увидев буйвола, тигр спросил:

— Зачем это ты вывалялся в глине?

— А ты не знаешь? — ответил буйвол. — Все сейчас мучаются от жары, а я нет, потому что каждый день по нескольку раз валяюсь в грязи. Это вошло у меня в привычку, кто же об этом не знает!

Тигр придирчиво осмотрел вола, но не нашел в нем никакого изъяна. Наоборот, вол показался ему сегодня гораздо толще, чем в первый раз.

— Прекрасно! — довольно прорычал он. — Ты стал еще жирнее, и сегодня я власть поем!

— Знаешь что, старина? — сказал в ответ буйвол. — Свинью или овцу ты, конечно, можешь съесть, а вот у меня тебе не удастся и волоска тронуть.

— Даже три дня назад, когда зубы мои были тупее, мне ничего не стоило съесть тебя, а уж сейчас, когда я наточил их, и подавно.

— Ну ладно, в таком случае я лягу на землю первым, а ты три раза укуси меня. Загрызешь — так и будет, а не загрызешь, тогда я трижды бодну тебя.

Тигру понравились такие условия, он рывкнул в знак согласия. Разинув свою огромную пасть, тут же ринулся на буйвола. Три раза вонзал он свои клыки в тело буйвола и на третий раз решил, что тому конец пришел.

Но буйвол был живехонек, так как тигр прокусил не кожу, а солому и засохшую глину, не причинив буйволу никакого вреда. Буйвол

как ни в чем не бывало поднялся с земли и, выгнув шею, трижды боднул тигра. В первый раз он вспорол ему брюхо, во второй — сломал хребет, а на третий раз кишки тигра вывалились наружу, и он, истекая кровью, испустил дух.

Крестьянин все это видел и не переставая хвалил буйвола за храбрость и смекалку.

С тех пор крестьянин стал любить и жалеть вола и никогда больше не называл его глупым и безмозглым животным. По сей день люди считают буйвола умным, хотя он медленно тащит за собой плуг по полю и ему далеко до быстроногих коней и оленей.

146. Верблюд

Раньше у верблюда были ветвистые рога и длинный густой хвост. И был он самым красивым среди животных.

Однажды, когда верблюд пил воду из реки, подбежал к нему марал и говорит:

— Дай мне свои рога, брат. Я иду на праздник, хочу нарядиться. Завтра на этом же месте отдам их тебе. Поверь, брат.

Верблюд поверил и отдал рога. Только он снова начал пить, подбегает конь. Тяжело дышит, но приветливо ржет. И говорит:

— Дай мне свой густой длинный хвост, брат. Я иду на скачки, хочу нарядиться. Завтра верну тебе твой хвост. Поверь, брат.

Верблюд отдал хвост.

Много дней ждал он марала и коня. Все стоял у реки и смотрел вдаль. Пил все реже и реже. Смотрел и смотрел, боялся пропустить коня и марала.

Но ни конь, ни марал не пришли.

И с тех пор стал верблюд смотреть вдаль ожидающим взглядом. И стал редко пить воду.

А марал убежал в тайгу, в степи больше не показывался. С тех пор он ходит с красивыми ветвистыми рогами. Но рога у него не свои, поэтому они каждый год опадают.

Конь с тех пор бегает с длинным густым хвостом. А с верблюдом встречаться не любит. Избегает его, сторонится.

147. Как мышь победила верблюда

У каждого из двенадцати месяцев есть свое имя. Но и у каждого года из двенадцати есть свое название, только не все это знают. А когда-то было только одиннадцать названий — год Коровы, Тигра, Зайца, Дракона, Змеи, Лошади, Овцы, Обезьяны, Курицы, Собаки, Свиньи. Но у двенадцатого года имени еще не было.

— И-и-и-и... — печалилась мышка. — Почему бы этот двенадцатый год не назвать годом Мыши? Ах, как мне этого хочется...

— А я-а-а-а-а?! — закричал верблюд. — Я тоже хочу-у! Хочу, чтобы двенадцатый год назывался бы годом Верблюда.

— Я первая сказала «хочу», — пискнула мышь. — Неужто вы, дядя верблюд, такой почтенный, такой большой, будете спорить со мной, ничтожной мышью? Все, все слышали, как я плакала о годе Мыши. Конечно, обидеть меня всякий может. Но что правда, то правда, я сказала первая...

Так говорила она, ни на миг не умолкая, весь день, до темной ночи.

Верблюд наконец не вытерпел. Оттопырил нижнюю губу, сплюнул и произнес:

— Откуда в таком маленьком существе столько прыти? Замолчи, пожалуйста. Условимся: кто завтра первым увидит солнце, тот и даст свое имя году.

Верблюд тут же повернулся мордой к востоку и уставился в черное небо. Долго стоял так, даже мигнуть боялся, потом устал и прилег. «Все равно я увижу солнце раньше, чем его увидит мышь. Потому что моя шея длиннее, голова выше».

Мышь около верблюда, как наперсток рядом с котлом.

Верблюд спокойно лежит, голову высоко держит, а мышь ни минуты не остается на месте. Туда-сюда шмыгает и плачет:

—И-и-и-и-и... я до утра не доживу, и-и-и-и-и... Бывало, как станет мне страшно, я спрячусь в норке, а тут сил моих нет страх этот терпеть. То горностаем, то рысью пахнет. Учуют они меня, учуют, и не спасись мне от их зубов. И-и-и-и... Ай! Вон сова на дереве сидит, головой вертит, уши у нее далеко слышат, глаза далеко видят. Когтями схватит она меня, клювом разорвет... Ай, и лиса тоже бежит сюда, ай! Милый верблюд, спасите, помогите, позвольте мне влезть на ваш горб.

Верблюд оглянулся, посмотрел на свой горб и подумал: «Горб, однако, когда я лежу, куда ниже головы. Мышь, и на горбу сидя, все равно меньше моего увидит».

— Ладно, садись. Только не смей смотреть на восток, гляди на запад.

Тихонько, осторожно, чтобы не обеспокоить верблюда, взобралась мышь на его горб и, роняя слезы, повернулась к западу.

Эта ночь и мыши, и верблюду показалась очень длинной. Но вот звезды побледнели, небо побелело. Верблюд вытянул шею, задрал голову: «Сейчас я первый увижу солнце!» — подумал он.

Но мышь, которая все еще сидела на его горбу и сквозь слезы смотрела на запад, вдруг пискнула:

— И-и-и-и!!! Солнце, солнце!

— Солнце на западе? — фыркнул верблюд.

Хотел было верблюд над мышью посмеяться, но обернулся и увидел — будто богатырь, скинувший темную шубу, обнажилась, посветлела западная гора от первых утренних лучей.

Верблюд повернул голову, посмотрел на восток, и там тоже, оказывается, край неба узкой полоской заалел. Выходило солнце. Но первой увидела его восход мышь.

С тех пор последний год из каждых двенадцати стал называться годом Мыши.

148. Свадьба госпожи Лисы

Сказка первая

Жил-был старый Лис с девятью хвостами. И показалось ему, что жена ему не верна, и он решил ее испытать. Растянулся он под лавкой, лежит, не двинется, не шелохнется, притворился, будто совсем мертвый.

Ушла госпожа Лиса в свою комнату, заперлась там, а кошка, что в служанках у нее жила, на шестке сидела и стряпала. И вот стало всюду известно, что старый Лис помер, и объявились тогда женихи. Услышала служанка, что кто-то за дверью стоит и стучится; пошла она открывать, а был то молодой Лис, вот он и говорит:

Как поживаете вы, барышня кошка?

Вы все в трудах иль поживаете немножко?

Ответила кошка:

Я не сплю, я хозяйство сторожу,

А что делаю — скажу:

Хочешь, пива наварю, в него масла наложу,

Тебя в гости приглашу?

— Спасибо вам, барышня, — сказал Лис. — А что делает госпожа Лиса?

Ответила служанка:

Она в комнате сидит,

Все горюет да не спит.

Все повыплакала глазки,

Вспоминает Лиса ласки.

— А ты, барышня, ей скажи, что явился, мол, Лис молодой и на ней хотел бы жениться.

— Ладно, сударь молодой, я скажу.

Кошка прыгнула — туп-туп,

Двери стукнули — тук-тук.

— Госпожа Лиса, вы дома?

Во дворе жених стоит.

— А каков же он на вид?

— А у него таких же девять красивых и пушистых хвостов, как и у покойного господина Лиса?

— Ах, нет, — ответила кошка, — у него один только хвост.

— Если так, то мне такого не надо.

Спустилась кошка-служанка вниз и прогнала жениха прочь. Вскоре после того кто-то опять постучался, и стоял-то у дверей другой Лис, хотел посвататься за госпожу Лису, и было у него два хвоста; но и ему повезло не больше, чем первому. Потом приходили еще другие, и было у каждого из них на один хвост больше, но всем им было отказано, пока не явился, наконец, Лис с девятью хвостами, как и у старого Лиса. Услыхала это вдова и говорит на радостях кошке:

Настежь двери отворяйте,
Скорей Лиса убирайте!

Но только собрались праздновать свадьбу, как зашевелился старый Лис под лавкой и начал бить и колотить всех этих бродяжек и выгнал их всех заодно с госпожой Лисой из дому прочь.

Сказка вторая

Как только помер старый Лис, объявился вскоре женихом волк, постучался в дверь, а кошка, что жила у госпожи Лисы в служанках, и пустила его. Поздоровался с ней волк и говорит:

Кошка, здравствуйте! Скажите,
Вы чего одна сидите?
Что вы делаете тут?

А кошка отвечает:

В молоко бросаю крошки,
Угощу и вас немножко.

— Спасибо, госпожа кошка, — ответил волк, — а разве госпожи Лисы нет дома?

Кошка говорит:

Она в горнице сидит.
Все горюет да не спит,
Только плачет, причитает
И все Лиса поминает.

И ответил волк:

Хочет мужа поважней,
Пусть спускается скорей.
Кошка прыг — и у дверей,
Машет хвостиком сильней,
Вот и к залу подошла.

Золотыми кольцами звенит:
— Госпожа Лиса, вы дома? — говорит, —
Коль хотите мужа поважней,
То спускайтесь поживей.

Госпожа Лиса спрашивает:

— А есть ли у этого господина красные штанишки, и острая ли у него мордочка?

— Нет, — ответила кошка.

— Тогда мне такого не надо.

Только отказали волку, как явились пес, олень, заяц, медведь, лев, а потом за ними все прочие звери лесные. Но все не находилось такого, у которого были бы все добрые качества, которыми обладал старый Лис. И пришлось кошке каждый раз жениха выпроваживать.

Явился наконец молодой Лис. Вот госпожа Лиса и говорит:

— А есть ли у этого господина красные штанишки и острая ли у него мордочка?

— Да, — сказала кошка, — у этого есть.

— Пусть тогда ко мне подымается, — сказала госпожа Лиса и велела служанке готовить свадебный пир:

Убери мне дом скорей, миленькая кошка,
Лиса старого живей выбрось за окошко.
Ты мышей ловила столько
И сама их поедала,
Мне небось-то не давала.

И начали они с молодым Лисом праздновать свадьбу; то-то было там плясок да веселья! И если они уже не отпировали, то, пожалуй, пляшут еще и сейчас.

149. Лиса, заяц и петух

Жили-были лиса да заяц. У лисицы была избенка ледяная, а у зайчика лубяная; пришла весна красна — у лисицы растаяла, а у зайчика стоит по-старому. Лиса попросилась у зайчика погреться, да зайчика-то и выгнала. Идет дорóгой зайчик да плачет, а навстречу ему собаки: «Тяф, тяф, тяф! Про что, зайчик, плачешь?» А зайчик говорит: «Отстаньте, собаки! Как мне не плакать? Была у меня избенка лубяная, а у лисы ледяная, попросилась она ко мне, да меня и выгнала». — «Не плачь, зайчик! — говорят собаки. — Мы ее выгоним». — «Нет, не выгоните!» — «Нет, выгоним!» Подошли к избенке: «Тяф, тяф, тяф! Поди, лиса, вон!» А она им с печи: «Как выскочу, как выпрыгну, пойдут клочки по закоулочкам!» Собаки испугались и ушли.

Зайчик опять идет да плачет. Ему навстречу медведь: «О чем, зайчик, плачешь?» А зайчик говорит: «Отстань, медведь! Как мне не пла-

кать? Была у меня избенка лубяная, а у лисы ледяная; попросилась она ко мне, да меня и выгнала». — «Не плачь, зайчик! — говорит медведь. — Я выгоню ее». — «Нет, не выгонишь! Собаки гнали — не выгнали, и ты не выгонишь». — «Нет, выгоню!» Пошли гнать: «Поди, лиса, вон!» А она с печи: «Как выскочу, как выпрыгну, пойдут клочки по закоулочкам!» Медведь испугался и ушел.

Идет опять зайчик да плачет, а ему навстречу бык: «Про что, зайчик, плачешь?» — «Отстань, бык! Как мне не плакать? Была у меня избенка лубяная, а у лисы ледяная; попросилась она ко мне, да меня и выгнала». — «Пойдем, я ее выгоню». — «Нет, бык, не выгонишь! Собаки гнали — не выгнали, медведь гнал — не выгнал, и ты не выгонишь». — «Нет, выгоню». Подошли к избенке: «Поди, лиса, вон!» А она с печи: «Как выскочу, как выпрыгну, пойдут клочки по закоулочкам!» Бык испугался и ушел.

Идет опять зайчик да плачет, а ему навстречу петух с косой: «Кукуреку! О чем, зайчик, плачешь?» — «Отстань, петух! Как мне не плакать? Была у меня избенка лубяная, а у лисы ледяная; попросилась она ко мне, да меня и выгнала». — «Пойдем, я выгоню». — «Нет, не выгонишь! Собаки гнали — не выгнали, медведь гнал — не выгнал, бык гнал — не выгнал, и ты не выгонишь». — «Нет, выгоню!» Подошли к избенке. «Кукуреку! Несу косу на плечи, хочу лису посечи! Поди, лиса, вон!» А она услышала, испугалась, говорит: «Одеваюсь...» Петух опять: «Кукуреку! Несу косу на плечи, хочу лису посечи! Поди, лиса, вон!» А она говорит: «Шубу надеваю». Петух в третий раз: «Кукуреку! Несу косу на плечи, хочу лису посечи! Поди, лиса, вон!» Лисица выбежала; он ее зарубил косой-то и стал с зайчонком жить да поживать да добро наживать.

Вот тебе сказка, а мне кринка масла.

150. Коза-борза

Жил-был старик со старухой. У них была дочка — но, примерно, назовем Надя. У них была коза. Старик раз говорит:

— Но-ка, Надя, гони козу пасти! — Вот она пасла, пасла целый день, гонит назад. Старик сидит у ворот.

— Но чё, коза-борза, пила ли, ела ли?

— Ой, хозяйин...

Скочила через мосточек —

Ухватила кленовый листочек,

Скочила через гребелку —

Ухватила воды капелку — вот так пила и ела!

Старик осердился, бил-бил свою Наденьку, бил-бил — выгнал. Говорит старухе:

— Но-ка ты, Устинья, гони имануху пасти! — Она погнала. Вот пасла, пасла, гонит назад. Старик сидит у ворот.

— Но чё, коза-борза, пила ли, ели ли?

— Ой, хозяин...

Скочила через мосточек —
Ухватила кленовый листочек,
Скочила через гребелку —
Ухватила воды капелку — пила и ела!

Вот старик Устинью бил-бил:

— Ты что? Заморила! — Выгнал и ее. Погнал сам пасти. Пас, пас, погнал домой: опередил и сел у ворот.

— Но, коза-борза, пила ли, ела ли?

— Ой, хозяин...

Скочила через мосточек —
Ухватила кленовый листочек,
Скочила через гребелку —
Ухватила воды капелку — пила и ела!

Ох, старик рассердился, зачем он выгнал старуху с дочкой?! Надо эту козу заколоть! Поймал имануху, взял веревку, а веревка-то слабовата была. Цоп ее! Хотел только ножиком в глотку — эх, коза была — да нету... Вырвалась, веревку изорвала, убежала. Бежала, бежала. Бежит по кустам. Теперь увидела под кустиком балагашек. Она забегает в этот балагашек, ложится. А это заячья избушка. Зайчик приходит:

— Кто тут в моей избушке?

— Я, коза-борза,
За три гроша куплена.
Топы-топы ногами,
Забоду я рогами.
Рогами забоду,
Ногами затопчу!
Хвостиком замету!

Вот заяц убежал. Плакал, плакал. Бежит лиса.

— Что, зайчик, плакашь?

— Как же мне не плакать?! Поселился под кустиком, а кто-то зашел в мою избушку!

— А ты меняпустишь перезимовать? Я ее выгоню!

— Ой, пусто, Лиса Ивановна!

Подошли к избушке, лиса закричала:

— Кто в заячьей избушке?

— Я, коза-борза,
За три гроша куплена.
Топы-топы ногами,

Забоду рогами.
Рогами забоду,
Ногами затопчу,
Хвостиком замету!

Лисица поклонилась зайцу:

— До свидания, заяц, побегу к своим детишкам.

Но теперь зайчик опять идет, плачет. Попадает ему волк.

— Что, зайчик, плачешь?

— Дак вот тако и тако дело: кто-то в моей избушке поселился и меня не пускает.

— А ты меняпустишь прозимовать?

— Пустю, только выгони.

— Я выгоню! — волк отвечает. Подошли к балагашку, волк говорит:

— Кто в заячьей избушке — выходи!

Я, коза-борза,
За три гроша куплена,
Топы-топы ногами,
Забоду рогами.
Рогами забоду,
Ногами затопчу,
Хвостиком замету!

Волк струсил.

— До свидания, заяц. У меня дома не в порядке, надо бежать.

Опять ничё не получилось. Сказка-то скоро сказывается, а дело долго идет. Вот в деревне хозяйка пошла по воду на Газимур. За ней пошел петух. Видят: ходит заяц по бережку и плачет. Это дело было в апреле, скажем. Но и ходит.

— Что ты, заяц, плачешь?

— Ой, Петр Петрович Петухов! Кто-то в избушке поселился, и вот ходю всю зимочку, плачу.

— Пусти меня пожить с тобой, я выгоню!

— Ой, пойдём, Петр Петрович Петухов!

Приходят. Петух кричит:

— Кто в заячьей избушке поселился?

— Я, коза-борза,
За три гроша куплена,
Топы-топы ногами,
Забоду рогами.
Рогами забоду,
Ногами затопчу,
Хвостиком замету!

Он:

— Ку-ка-реку!
Я Петр Петрович Петухов!
Иду на ногах
В красненьких сапогах,
Несу косу —
Тебе с плечей голову снесу!

Как коза пыхнет с печки — упала тут на льду. Вот она ее заклевали, съели, шкуру ободрали — на пол постлали. Стали жить-поживать да добра наживать.

151. Кот, дрозд, петух и лиса

Бывало-живало. Кот да дрозд, у них никого нет, кроме одного петушка. Кот да дрозд жили-пожили, пошли дров в лес рубить, а петушка сказали: «Мы пойдем далёко в лес дров рубить, а ты у нас смотри, сиди дома и не выглядывай из-под шесточья!»

А вострая лиса, когда учуяла, прибежала к петушку под окошко и запела:

Петушок, петушок,
Золотой гребешок,
Маслена борода,
Зеленый хвост,
Выглянь-ка за окошечко,
Склонь горохово зернято!

Петух таков и был, выскочил на улицу, а лиса схватила его в охапку и побежала домой. Петушок и закричал громко: «Коты, коты, коты! Дрозды, дрозды, дрозды! Унесла меня лиса за темные леса, за зыбучие болота, за высокие угоры!» Кот бежит, дрозд летит — ухватили петушка и унесли.

Опять жили-пожили схожа братья. Долго ли, коротко ли, скоро сказка сказывается, а не скоро дело делается, и опять кот да дрозд придумали в лес идти дров рубить, а петушку заказали: «Ну, смотри у нас, дома сиди и не выглядывай из-под шестка! Лиса придет, унесет тебя!»

Как надумались, так и сделали, наклали кузов и потащились в лес, а лиса как тут была, прибежала под окошко и запела:

Петушок, петушок,
Золотой гребешок,
Маслена борода,
Зеленый хвост,
Выглянь-ка за окошечко —
Я тебе дам пшенки
На белой скатерке!

Петушок выскочил пшена клевать, а лиса тут его и хватъ, понесла домой, а петух порато закричал: «Коты, коты, коты! Дрозды, дрозды, дрозды! Унесла меня лиса за темные леса, за зыбучие болота, за высокие горы!» Вот и кот бежит, дрозд летит, отняли у лисы петушка и унесли опять домой.

Опосле долго жили все вместе, и опять кот и дрозд надумались в лес ийти и говорили петушку: «Мы тепериче далеко уйдем в лес и долго домой не будем, ты сиди дома и не гляди за окошко, чтобы лиса тебя не унесла!»

И назавтра собрались и пошли в лес, а петушок дома остался. Лисе не спится — захотела сама и дети пообедать, а не знать того урока: повадился кувшин по воду ходить, тут ему голова положить. Вмиг обернулась да побежала к петушку, а петушок дома попеваает: ко-ко-кореку! — и под тон его лиса унывно затянула:

Петушок, петушок,
Золотой гребешок,
Маслена бородка,
Зеленый хвост,
Выглянь-ка за окошечко,
Поповы-то ребята
Рассыпали пшеницу,
Курицы берут,
Петухам не дают!

«Ко-ко-ко! Как не дают?» Выскочил петух из избы, а лиса схватила и потряслась с петухом домой. Лиса бежит, торопится, а петух кричит безутешно: «Коты, коты, коты! Дрозды, дрозды, дрозды! Унесла меня лиса за темные леса, за дремучие бугры, за зыбучие болота!» Вот и другой и третий након кричит он изо всей мочи. Кот и дрозд петушка голосу не чуют и не знают, что деется дома.

Пришли домой, а петушка нет — схватились и за лисой в путь пустились. Домой ушла лиса, обед детям принесла. Варить думали петуховы кости, а вот застигли гости: кот и дрозд пришли к лисе под окошко, взяв с собою под петушка лукошко. И затянули: «Трень, брень, гусельцы! Трень, брень, звончатые! Дома ли Олисава живет, дома ли красава живет? У ней первый сын Терёшка, другой сын Мелёшка, третья дочь Парачёлка!»

Лиса учуяла напев и послала большого сына спросить, кто там над нами издевается. Тереша вышел посмотреть, а кот и дрозд подхватили его и заперли в баню и опять запели свое: «Трень, брень, гусельцы! Трень, брень, звончатые! Дома ли лиса живет, дома ли красotka живет? У ней первый сын Терешка, другой сын Мелешка, третья дочь Парачелка». — «Поди-ка посмотри, Мелешка, кто так галится над нами», — дала приказ другому сыну лиса.

Тот пошел, а они и того схватили да заперли в баню, сами опять затянули свою голосянку: «Трень, брень, гусельцы! Трень, брень, звончатые! Дома ли Олисава живет, дома ли красава живет? Первый сын Тереша, другой сын Мелеша, третья дочь Парачелка!»

Разгневавши на то, Лиса послала дочь спросить, что за люди тревожат ее. Парачелка вышла посмотреть, а кот и дрозд и ту схватили и заперли в баню, а сами по-старому запели: «Трень, брень, гусельцы! Трень, брень, звончатые! Дома ли Лиса живет, дома ли красна живет? У ней первый сын Тереша, другой сын Мелеша, третья дочь Парачелка».

Лиса, разъяривши, что певаки поют, не перестают и деточек ее к себе приголубили, свернувши, сама выскочила под окно, а кот и дрозд и саму лису схватили, уши нарвали, хвост отрезали, заперли в баню и баню зажгли, и лиса с ее деточками сгорела, не скушавши петушка. А они посадили петушка в лукошко и принесли домой. И стали жить да богатеть и теперь поживают. Кто сказку слушал, тому золото в уши.

152. Шангуль и Мангуль

Было так или не было — кроме бога, свидетелей не было.

Жила на свете коза, и было у нее трое козлят: одного звали Шангуль-шалун, другого — Мангуль-хохотун, а третьего — Виноградинка-ягодка.

Однажды коза говорит своим козлятам:

— Пойду-ка я наберу вам травы, а вы тут без меня не шумите, не шалите. Если зайвится волк и постучит в дверь, не открывайте ему. Если он скажет: «Это ваша мать», то пусть просунет в подворотню ногу. Увидите черную шерсть — дверь не отворяйте! А если шерсть будет рыжая, значит, это я пришла.

И нужно же было так случиться, что волк оказался там поблизости! Подслушал он все, что коза своим козлятам говорила. Как только коза ушла, волк выкрасил хной свою лапу и постучал в дверь. Козлята спрашивают:

— Кто там?

— Отворите, я ваша матушка, принесла вам травки, — говорит волк.

— Сунь в подворотню ногу! — потребовали козлята.

Волк просунул под дверь свою лапу. Увидели козлята рыжую шерсть, сразу дверь отворили. Волк кинулся на Шангуля и Мангуля, схватил их, а Виноградинка успел спрятаться.

Вернулась коза, видит — дверь настежь, а в доме никого нет. Стала звать козлят. Виноградинка услышал голос матери, вылез к ней и рассказал, как волк унес его братишек. Коза заплакала и решила проучить

злого волка. Она забралась на крышу его дома, смотрит — волк собирается обедать. Давай коза копытными по крыше бить, волку в плов песок посыпался. Волк зарычал:

Там на крыше кто топочет?
Кто мой плов испортить хочет?

А коза ему в ответ:

Я коза — всем гроза,
Удалой молодец!
У меня на ноге
Золотой бубенец.
Говори, волчий пес,
Кто Шангуля унес?
Я рога наострю,
Врагу бок пропорю.
Отвечай, волчий пес,
Кто Мангуля унес?

Волк ответил:

— Я унес твоего Шангуля. Я унес твоего Мангуля.

Взяла коза бурдюк, набрала туда молока да сливок, простокваши да масла, отнесла все это точильщику и попросила:

— Наточи мне рога, мастер!

Волк тоже взял бурдюк, надул его, отнес к цирюльнику и сказал:

— Возьми этот подарок и наточи мне зубы!

Цирюльник открыл бурдюк, воздух оттуда вышел, а бурдюк-то пустой! Цирюльник и виду не подал, только про себя сказал: «Погоди, я с тобой такое сделаю, что в сказках сказывать будут!» Он достал щипцы, выдрал волку все зубы и вставил на их место деревянные.

Вот вышла коза с волком драться. Увидали они речку, коза и говорит:

— Давай сначала водицы попьем!

Тотчас окунула она мордочку в воду, а сама не пьет. Волк же лакал да лакал, пока брюхо у него не раздулось, а сам он не отяжелел.

— Ну, давай драться! — сказала коза. Отступила она назад, разбежалась и ударила волка рогами в живот. Волк хотел было ухватить козу зубами, да зубы его деревянные так и посыпались, а коза вспорола ему брюхо.

Потом коза побежала в дом волка, забрала своих козлят и привела их домой, к Виноградинке.

Как мы вверх пошли — простоквашу нашли, как мы вниз пошли — сыворотку нашли: сказка наша небылицей обернулась. Как мы вверх пошли — небылицу нашли, как вниз побежали — простоквашу отыскали: сказка наша былью оказалась.

153. Сказка про трех поросят

Давно-давно, предавно,
Когда свиньи пили вино,
А мартышки жевали табак,
А куры его клевали
И от этого жесткими стали,
А утки крикали: «Кряк-кряк-кряк!» —

жила-была на свете старая свинья с тремя поросятами. Сама она уже не могла прокормить своих поросят и послала их по свету счастья искать.

Вот ушел первый поросенок. Встретил человека с охапкой соломы и говорит ему:

— Человек, человек, дай мне, пожалуйста, соломы — я себе дом построю.

Человек дал ему соломы, и поросенок построил себе дом.

Вскоре подошел к его дому волк, постучал в дверь и говорит:

— Поросенок, поросенок,пусти меня!

А поросенок ему в ответ:

— Не пущу, клянусь моей бородой-бородищей!

— Ну, погоди! — говорит волк. — Вот я как дуну, как плюну, — сразу снесу твой дом.

Да как дунет, да как плюнет — сразу весь дом снес, а маленького поросенка проглотил.

Второй поросенок встретил человека с вязанкой хвороста и попросил его:

— Человек, человек, дай мне, пожалуйста, хворосту — я себе дом построю.

Человек дал ему хворосту, и поросенок построил себе дом.

Вскоре пришел к его дому волк и говорит:

— Поросенок, поросенок,пусти меня!

— Не пущу, клянусь моей бородой-бородищей!

— Вот я как дуну, как плюну, — сразу снесу твой дом!

Тут волк дунул, плюнул — снес весь дом, а маленького поросенка проглотил.

Третий поросенок встретил человека с возом кирпичей и попросил его:

— Человек, человек, дай мне, пожалуйста, кирпичей — я себе дом построю.

Человек дал ему кирпичей, и поросенок построил себе дом.

И к нему тоже пришел волк и сказал:

— Поросенок, поросенок,пусти меня!

— Не пущу, клянусь моей бородой-бородищей!

— Вот я как дуну, как плюну, — сразу снесу твой дом!

И волк дунул, потом плюнул, опять дунул, опять плюнул... Дул да плевал, дул да плевал, а дом все стоял да стоял. Ну, видит волк, как ни дуй, как ни плюй — дома не снесешь. Вот он и говорит:

— Слушай-ка, поросенок, а я знаю, где растет сладкая репа!

— Где? — спрашивает поросенок.

— Да у мистера Смита на огороде. Завтра встань пораньше, а я за тобой зайду. Пойдем вместе, нарвем себе репы на обед.

— Ладно! — говорит поросенок. — Встану. Ты когда придешь?

— В шесть.

На том и порешили. Но поросенок поднялся не в шесть, а в пять и один нарвал репы. Вот приходит волк в шесть часов и спрашивает:

— Ты встал, поросенок?

— Давно! — отвечает поросенок. — Уже с огорода вернулся. Видишь — у меня полный горшок репы на обед.

Рассердился волк, но виду не показал — все старался придумать, как бы ему поросенка перехитрить.

— Поросенок, а я знаю, где растет славная яблоня! — говорит.

— Где?

— Там внизу, в Веселом саду, — отвечает волк. — Завтра в пять утра я за тобой зайду — нарвем яблок сколько душе угодно! Только смотри больше меня не обманывай!

На том и порешили. А наутро поросенок вскочил в четыре часа и во всю прыть побежал за яблоками — хотел до прихода волка вернуться. Но сад был не близко, да еще пришлось на дерево лезть. Только начал он спускаться, — волк уж тут как тут. Сильно струхнул поросенок! А волк подошел к нему и говорит:

— Ах, это ты, поросенок! Раньше меня пришел? Ну, как яблоки? Вкусные?

— Очень вкусные, — отвечает поросенок. — Держи, я тебе брошу одно!

И бросил яблоко — только не волку, а в сторону. Пока волк бегал за яблоком, поросенок спрыгнул на землю и убежал домой.

На другой день волк опять пришел и говорит поросенку:

— Слушай, поросенок, нынче в Шэнклине ярмарка. Пойдешь?

— Ну, конечно! — отвечает поросенок. — Ты когда собираешься?

— В три.

А поросенок опять вышел из дома пораньше. Прибежал на ярмарку, купил маслобойку и направился уж было домой, как вдруг видит — волк идет. Что делать? Насмерть перепугался поросенок и полез в маслобойку, да на беду опрокинул ее и вместе с ней покатился с холма прямо на волка. Волк до того напугался, что еле ноги унес, — даже про ярмарку позабыл.

Наконец очухался и побежал к поросенку. Подошел к окошку и принялся рассказывать, какого страху натерпелся, когда что-то огромное, круглое свалилось на него с холма.

— Ха-ха-ха! — рассмеялся поросенок. — Да ведь это я тебя напугал! Я ходил на ярмарку и купил маслобойку. А как увидел тебя, залез в нее и скатился с холма.

Тут волк просто рассвирепел.

— Сейчас спущусь по трубе в дом, — рычит, — и съем тебя!

Смекнул поросенок, что дело его плохо. Развел жаркий огонь и поставил на него котел с водой. Только волк показался в трубе, поросенок снял с котла крышку, и волк свалился прямо в кипяток. А поросенок мигом закрыл крышку и не снимал ее, пока волк не сварился. Потом съел его за ужином и зажил счастливо, да так и до сих пор живет.

154. Бременские уличные музыканты

Был у одного хозяина осел, и много лет подряд таскал он без устали мешки на мельницу, но к старости стал слаб и к работе не так пригоден, как прежде.

Подумал хозяин, что кормить его теперь, пожалуй, не стоит: и осел, заметив, что дело не к добру клонится, взял и убежал от хозяина и двинулся по дороге на Бремен, — он думал, что там удастся ему сделаться уличным музыкантом. Вот прошел он немного, и случилось ему повстречать по дороге охотничью собаку: она лежала, тяжело дыша, высунув язык, — видно, бежать устала.

— Ты что это, Хватай, так тяжело дышишь? — спрашивает ее осел.

— Ох, — отвечает собака, — стара я стала, что ни день, то все больше слабею, на охоту ходить уже не в силах; вот и задумал меня хозяин убить, но я от него убежала. Как же мне теперь на хлеб зарабатывать?

— Знаешь что, — говорит осел, — я иду в Бремен, хочу сделаться там уличным музыкантом; пойдем вместе со мной, поступай ты тоже в музыканты. Я играю на лютне, а ты будешь бить в литавры.

Собака на это охотно согласилась, и они пошли дальше. Вскоре повстречали они на пути кота; он сидел у дороги, мрачный да невеселый, словно дождевая туча.

— Ну, что, старина, Кот Котофеич, беда, что ли, какая с тобой приключилась? — спрашивает его осел.

— Да как же мне быть веселым, когда дело о жизни идет, — отвечает кот, — стал я стар, зубы у меня притупились, сидеть бы мне теперь на печи да мурлыкать, а не мышей ловить, — вот и задумала меня хозяйка утопить, а я убежал подобру-поздорову. Ну, какой дашь мне добрый совет? Куда ж мне теперь деваться, чем прокормиться?

— Пойдем с нами в Бремен, — ты ведь ночные концерты устраивать мастер, вот и будешь там уличным музыкантом.

Коту это дело понравилось, и пошли они вместе. Пришлось нашим трем беглецам проходить мимо одного двора, видят они — сидит на воротах петух и кричит во все горло.

— Чего ты горло дерешь? — говорит осел. — Что с тобой приключилось?

— Да это я хорошую погоду предвещаю, — ответил петух. — Ведь нынче Богородицын день: она помыла рубашки Христу-младенцу и хочет их просушить. Да все равно нет у моей хозяйки жалости: завтра воскресенье, утром гости приедут, и вот велела она кухарке сварить меня в супе, и отрубят мне нынче вечером голову. Вот потому и кричу я, пока могу, во все горло.

— Вот оно что, петушок-красный гребешок, — сказал осел, — эх, ступай-ка ты лучше с нами, мы идем в Бремен, — хуже смерти все равно ничего не найдешь; голос у тебя хороший, и если мы примемся вместе с тобой за музыку, то дело пойдет на лад.

Петуху такое предложение понравилось, и они двинулись все вчетвером дальше. Но дойти до Бремена за один день им не удалось, они попали вечером в лес и порешили там заночевать.

Осел и собака улеглись под большим деревом, а кот и петух забрались на сук; петух взлетел на самую макушку дерева, где было ему всего надежней. Но прежде чем уснуть, он осмотрелся по сторонам, и показалось ему, что вдали огонек мерцает, и он крикнул своим товарищам, что тут, пожалуй, и дом недалече, потому что виден свет. И сказал осел:

— Раз так, то нам надо подыматься и идти дальше, ведь ночлег-то здесь неважный.

А собака подумала, что некоторая толика костей и мяса была бы как раз кстати. И вот они двинулись в путь-дорогу, навстречу огоньку, и вскоре заметили, что он светит все ярче и светлей и стал совсем уже большой; и пришли они к ярко освещенному разбойничьему притону. Осел, как самый большой из них, подошел к окошку и стал в него заглядывать.

— Ну, осел, что тебе видно? — спросил петух.

— Да что, — ответил осел, — вижу накрытый стол, на нем всякие вкусные кушанья и напитки поставлены, и сидят за столом разбойники, и едят в свое удовольствие.

— Там, пожалуй, кое-что и для нас бы нашлось, — сказал петух.

— Да-да, если бы только нам туда попасть! — сказал осел.

И стали звери между собой судить да рядить, как к тому делу приступить, чтобы разбойников оттуда выгнать; и вот, наконец, нашли способ. Решили, что осел должен поставить передние ноги на окошко, а собака прыгнуть к ослу на спину; кот взберется на собаку, а петух пускай взлетит и сядет коту на голову. Так они и сделали и по услов-

ному знаку все вместе принялись за музыку: осел кричал, собака лаяла, кот мяукал, а петух, тот запел и закукарекал. Потом ворвались они через окошко в комнату, так что даже стекла зазвенели.

Услышав ужасный крик, разбойники повскакивали из-за стола и, решив, что к ним явилось какое-то привиденье, в великом страхе кинулись в лес. Тогда четверо наших товарищей уселись за стол, и каждый принялся за то, что пришлось ему по вкусу из блюд, стоявших на столе, и начали есть и наедаться, будто на месяц вперед.

Пужинав, четверо музыкантов погасили свет и стали искать, где бы им поудобней выспаться, — каждый по своему обычаю и привычке. Осел улегся на навозной куче, собака легла за дверью, кот на шестке у горячей золы, а петух сел на насест; а так как они с дальней дороги устали, то вскоре все и уснули.

Когда полночь уже прошла и разбойники издали заметили, что в доме свет не горит, все как будто спокойно, тогда говорит атаман:

— Нечего нам страху поддаваться, — и приказал одному из своих людей пойти в дом на разведку.

Посланный нашел, что там все тихо и спокойно; он зашел в кухню, чтобы зажечь свет, и показались ему сверкающие глаза кота горящими угольками, он ткнул в них серник, чтобы добыть огня. Но кот шуток не любил, он кинулся ему прямо в лицо, стал шипеть и царапаться. Тут испугался разбойник и давай бежать через черную дверь; а собака как раз за дверью лежала, вскочила она и укусила его за ногу. Пустился он бежать через двор да мимо навозной кучи, тут и лягнул его изо всех сил осел задним копытом; проснулся от шума петух, встрепенулся, да как закричит с насеста: «Кукареку!»

Побежал разбойник со всех ног назад к своему атаману и говорит:

— Ох, там в доме страшная ведьма засела, как дохнет она мне в лицо, как вцепится в меня длинными пальцами; а у двери стоит человек с ножом, как полоснет он меня по ноге; а на дворе лежит черное чудище, как ударит оно меня своей дубинкой; а на крыше, на самом верху, судья сидит и кричит: «Тащите вора сюда!» Тут я еле-еле ноги унес.

С той поры боялись разбойники в дом возвращаться, а четверем бременским музыкантам там так понравилось, что и уходить не захотелось.

А кто эту сказку последний сказал, все это сам своими глазами видал.

155. Бык и волк

Жили-были старик со старухой. Была у них скотина: один бычок, барашек, один гусь, одна уточка, один петушок. И задумали старик со старухой зарезать быка. Жена говорит старику:

— Старик, ведь не зарежешь — он ушибет тебя. Сами мы старые, веревку оборвет и убьет нас.

— Ну, жена, воля божья, давай быка спутаем.

Спутали они быка, стали резать. Резали, резали, не зарезали. Как начал он лягаться, дрыгаться! Разорвал веревку и убежал. Ворота были открыты, и он ушел в лес. Потом задумали они барана зарезать.

— Теперь, жена, давай барана нарежем.

— Старик, ведь и баран убежит.

— Ну, воля божья, убежит так убежит, давай попытаемся.

Спутали они барана, стали резать его. И тот тоже в лес убежал.

Потом стали они гуся резать. Связали его и стали резать. А гусь все клюет, все клюет. Переклевал он веревку — и улетел в лес.

Затем стали они резать утку. Так же связали ее. Но утка расклевала веревку и тоже улетела в лес. После стали петуха резать. Связали его. Веревка уже вся оборвалась, плохая. И петух убежал — улетел в лес.

Собрались они в лесу все в одном месте. Время было осеннее, начались холода. Бык говорит барану:

— Братец баран, а братец баран, давай вместе дом построим!

— Я не буду дом строить. У меня шерсть длинная, густая, осино-вых веток наемся и голову в шерсть упрячу. Дом мне не нужен.

Пошел бык к гусю.

— Братец гусь, а братец гусь, давай вместе дом построим!

— Мне, брат бык, дом не нужен. Если хочешь построить дом, то строй. Я не буду строить. У меня пух есть, я уткну голову в пух и не замерзну.

Затем пошел он к утке.

— Сестрица утка, а сестрица утка, давай вместе дом сделаем!

— Ох, братец бык, мне дом не нужен. Я запрячу ножки и голову в пух-перо и не замерзну.

Тогда пошел он к петуху.

— Братец петух, а братец петух, давай вместе дом построим!

— Я не буду с тобой дом делать, он мне не нужен. Я залезу на дерево, буду петь и без дома не замерзну.

Что делать быку? Никто не соглашается с ним дом строить. Стал он один строить дом. Рогами дерева валит, хвостом возит, ногами сруб рубит. Один построил дом. И топку сделал. Стал жить в нем.

Жил-пожил с неделю, пришел к нему под окно брат баран. Стук-стук в окошко. Бычок спрашивает:

— Кто там стучит?

— Это я, брат бык.

— Да кто ты?

— Я, твой брат баран, пришел.

— Ты зачем пришел?

— Пусти, братец, погреться!

— Тебе дом не нужен, у тебя шерсть длинная.

— Если не пустишь, я окно разобью.

— Ну, заходи, что ли.

Зашел баран, стали они вдвоем жить. Но вскоре пришел под окно гусь. Стук-стук в окошко.

— Кто там?

— Это я, брат бык.

— Это ты, брат гусь?

— Я.

— Что ты пришел?

— Так и так, братец бык, пусти погреться!

— Тебе дом не нужен, у тебя пух есть, ты не замерзнешь.

— Если не пустишь, я весь мох в твоём доме повытаскиваю.

— Ну, входи!

Вошел и гусь, стали они жить втроем. Немного пожили-побыли, пришла сестрица утка. Стук-стук в окошко.

— Кто там стучит?

— Это я, братец бык.

— Это ты, сестрица утка? Зачем пришла?

— Пусти погреться!

— Тебе дом не нужен, у тебя пух-перо есть, ты не замерзнешь.

— А если не пустишь, я все косяки расковыряю.

— Ну, так и быть, входи уж.

Вошла утка. Стали они жить вчетвером. Немного пожили — пришел и брат петух. Стук-стук-стук в окошко.

— Кто там стучит?

— Это я, ваш брат петушок.

— Ты зачем пришел?

— Так и так, братец бычок, пусти погреться!

— Ты говорил: «Я не замерзну», залезешь на дерево, будешь песни петь и без дома не замерзнешь.

— Если не пустишь, я на чердаке всю землю разворошу.

— Ну, заходи, что ли!

Петух забрался вверх на брусок полатей. Жили они, поживали, проходит мимо дома волк и говорит про себя: «Бывало, я ходил-бродил — дома здесь не было, а теперь кто-то дом поставил. Дай погляжу, кто там живет».

Вошел волк в дом, поклонился. Бык стоит у подтопка, баран — на лавке и гусь на лавке, а утка — под лавкой, петух — наверху. Обрадовались они волку, ой, как обрадовались! «Ой, гость к нам пришел, ой, гость к нам пришел». Бык и говорит:

— Братец баран, надо бы гостя угостить чем-нибудь.

Баран отвечает:

— Подожди еще, брат бык, не такая ему будет честь. У нас вот меньшей брат куда залез!

А петух оттуда закричал:

— Кукареку! Подавай его сюда!

Как окружают они волка — кто клюет, кто бодает, кто лягает. Волку конец пришел. А братец петух все кричит:

— Кукареку! Подавай его сюда!

Волк как вырвется от них, как побежит! Бежал, бежал он, устал, остановился.

— Ах, ай, кое-как вырвался. Спасибо, не дали их брату, который кричал: «Кукареку! Подавай его сюда!» А то до смерти бы избили.

А в домике после ухода волка долго говорили:

— Как хорошо мы угостили волка!

Теперь все они живут впятером. И я вчера заходил к ним в гости. Дали они мне меду, посмотрел — вода, дали рыбу, посмотрел — глаза светлые, принесли они мне вина, стал я пить — прошло мимо, в рот не попало.

156. Обезьяна и фазан

Обезьяна и фазан возделывали вместе рис. Настало время поправлять дорожки вокруг поля, и фазан сказал:

— Обезьяна-мораи, обезьяна-мораи, все уже поправляют свои рисовые дорожки, и нам тоже надо поправить.

— Знаешь ли, фазан-мораи, у меня ноги очень болят, я не могу идти и поправлять террасы.

— Ладно, ладно, оставайся лома, береги себя. Я пойду поправлю, — и фазан отправился один поправлять террасы.

Дни проходили, и вот настало время перекапывать поле. Фазан сказал:

— Обезьяна-мораи, обезьяна-мораи, все уже начинают перекапывать свои поля, и нам тоже надо перекопать.

— У меня сегодня так болит голова, что ничего делать не могу.

— Ладно, ладно, — сказал фазан, пошел и перекопал поле сам.

Спустя некоторое время фазан сказал:

— Обезьяна-мораи, обезьяна-мораи, все уже начинают сажать рис, и нам тоже надо посадить.

— Что же мне делать! Вот уже то ли два, то ли три дня у меня такой ужасный кашель — я ничего делать не могу.

— Ладно, ладно, — сказал фазан, и ему ничего не оставалось делать, как пойти и посадить рис самому.

Рисовые поля были залиты водой, трава вокруг них выполота. Минувала летняя жара, и наступила осень. Бесчисленные рисовые колосья стояли ровными рядами, приближалось время жатвы.

— Обезьяна-мораи, обезьяна-мораи, все уже начали жатву риса, и нам тоже надо собрать рис.

— У меня почему-то спина болит, и ноги и руки болят, и голова так сильно болит — терпеть невозможно!

— Ладно, ладно, — сказал фазан без всякого неудовольствия. Он работал очень много и один убрал весь рис. Потом он обмолотил его, и наконец рис был готов.

Тут обезьяна говорит фазану:

— Ладно, ладно, фазан-мораи, фазан-мораи, ты славно поработал. Давай сделаем сегодня мохи и поедим!

— Ладно, ладно, — согласился фазан, и они вместе с обезьяной стали делать мохи. Они сварили рис на пару, взяли ступку и пест и начали толочь рис — беттара-беттара! тамп-уок! тамп-уок!

Когда мохи было готово, обезьяна сказала:

— Фазан-мораи, фазан-мораи, поди-ка и принеси, пожалуйста, водички попить!

— Ладно, ладно, — сказал фазан и отправился за ведром, чтобы принести воды из кухни. Пока он ходил, обезьяна вытащила мохи, намотала его на ступку и удрала — эссара! эссара! — в горы.

— Ох и гнусная тварь эта обезьяна! — запричитал фазан и пустился за нею, но нигде найти ее не мог. Жадная обезьяна бежала сломя голову. Мохи у нее и отвалилось, когда она пробиралась сквозь заросли, но она не заметила.

— Фазан, должно быть, сейчас слезы льет, — пробормотала обезьяна и бежала до тех пор, пока не очутилась на вершине горы. Она сняла пестик с плеча, но мохи не было. «Куда же мохи девалось!» — закричала обезьяна. Она вернулась и пошла по своим следам, разыскивая мохи. Спустя некоторое время она наткнулась на фазана в чаще — он счищал грязь с мохи и — шинмери! шинмери! тук-тук-тук! — клевал мохи.

— А, фазан-мораи, фазан-мораи, так это ты тут? Ну, как он на вкус, этот мохи из зарослей?

— А, это обезьяна-мораи? Если этот мохи из зарослей очистить от грязи, то на вкус он очень приятен.

— Так дай мне, пожалуйста, немножко.

— Обезьяна-мораи, ты поешь мохи, которое у тебя на ступке, а я вот счищу грязь с этого мохи из зарослей и поем его!

— Мне все равно, что ты с ним делать будешь, только дай мне, пожалуйста, немножко!

— Я не дам тебе ни кусочка.

— Ну ладно, сегодня вечером я приду и отомщу тебе, запомни! — Обезьяна очень разозлилась и убежала в горы.

Увидел фазан, что он страшно разозлил обезьяну, и забеспокоился. Вернулся он домой и начал рыдать — ой! ой! — как в самый тот момент прикатилось яйцо — коро! коро! — как раз к нему.

— Из-за чего ты плачешь, фазан-мораи? — спросило яйцо.

— Обезьяна сказала, что придет и отомстит мне сегодня ночью, и я так испугался, что сижу и плачу.

— Вот еще! Не из-за чего плакать! Я тебе помогу, — сказала яйцо. Но фазан все плакал да плакал: ой! ой!

Вскоре пришла дверная решетка, громыхая — букутари! букутари! плюх! плюх! — и спросила:

— Фазан-мораи, фазан-мораи, из-за чего ты плачешь?

— Да из-за того, что обезьяна придет ночью отомстить мне, — из-за того и плачу.

— Я помогу тебе, не плачь больше, — сказала дверная решетка, но фазан все продолжал плакать: ой! ой!

Вскоре пришла ухвертка, потом клоп-вонючка, потом иголка из татами. Пришли также ступа и дерьмо. Все они сказали: «Фазан-мораи, фазан-мораи, не из-за чего плакать. Мы все тебе поможем» — и наконец фазан перестал беспокоиться и плакать.

Приблизился вечер. Дверная решетка пошла ко входу, яйцо — к очагу, иголка из татами устроилась сбоку от очага, ухвертка залезла в котел с водой, клоп-вонючка заполз в кадку с мисо, дерьмо разместилось на ступеньках, ведущих в сад, а ступа забралась на балки под потолком. Каждый отправился на свое место и ждал, когда же придет обезьяна.

Наступила ночь. Издалека слышать можно было обезьяну:

— Фазан, фазан, я иду тебе отомстить! Фазан, фазан, ты тут?

Вскоре обезьяна была уже у дома фазана, но здесь было тихо и темно.

— Фазан, фазан, отопрй дверь! Это я, обезьяна, я пришла тебе отомстить! — орала обезьяна что было мочи.

В доме по-прежнему было тихо.

— Ты собираешься отпирать дверь или нет? Если не откроешь, я все равно заберусь! — и обезьяна с грохотом распахнула дверь. Как только она это сделала, дверная решетка ударила ее по голове.

— Это еще кто? Что это ударило меня по голове? Б-р-р, а тут холодно!

Обезьяна пошла к очагу и стала раздувать огонь. А тут как раз яйцо разорвалось — и ей между ног!

— Ай, горячо, ай, горячо! — закричала обезьяна и, зажавшись, так и села. А тут иголка из татами вонзилась ей прямо в самый зад.

— Ай, горячо, ай, больно! Мисо — вот добрая мазь от ожогов! — закричала обезьяна и кинулась к кадке с мисо. Хотела она помазать свои ожоги, но нечаянно сунула мисо в рот и кусанула клопа-вонючку.

— Ой, горячо, ой, горько! — закричала она, бросилась к котлу с водой и сунула туда голову. Тут ее настигла ухвертка и укусила за язык.

— Не я фазану — он мне мстит! — удивилась обезьяна и решила удрать. Но как только она кинулась прочь, поскользнулась на дерьме и покатилась кубарем.

— Пора покончить с этой жадюгой-обезьяной! — вскричала ступа, сорвалась с балок и завершила месть обезьяне.

С рук сбыто!

157. Коза, баран и кошка

Жили-были старик со старухой, и была у них коза, баран да кошка. Однажды перед праздником старуха и говорит мужу:

— Мяса у нас нет. Надо козу или барана зарезать.

— Зарежем, — отвечает старик.

А кошка услышала этот разговор, побежала к козе и барану и предупредила их. Думали баран с козой, думали, надумали бежать да кинулись в лес. Бежали баран с козой, бежали, оглянулись, а сзади — волки. Зарылись они в мох, а волки так торопились, что не заметили и пробежали мимо. Вылезли баран с козой и пошли дальше. Шли-шли — а навстречу медведь. Коза помогла барану рогами — влезть на дерево, а сама укрылась в чаще — прошел медведь, не заметил. Прошел мимо медведь, и встречаются ему волки.

— Вы видели, — спрашивает их медведь, — я вам мясо на обед отправил?

— Видели, видели, — отвечают волки, — перед самыми глазами пробежали, но куда подевались — не знаем... Хотели у тебя спросить!

— Погадать надо, по какой из этих трех дорог пошли, — отвечает медведь, — принесите шишек, трижды по девять штук...

Бросились волки за шишками, принесли их медведю. А медведь подошел к дереву, на котором сидели коза, баран и кошка (кошка тоже в лес пошла), сел под деревом, разложил шишки на три кучки, перекладывает их из одной кучки в другую. А кошка кидает с дерева, и очень удивляется медведь, что кучки все увеличиваются. Вдруг одна шишка угодила медведю в лоб. Испугался медведь, бросил гадать, а волки не понимают — почему медведь испугался. Вторая шишка угодила медведю в глаз. И вдруг баран сорвался с дерева и свалился на гадалщика. Бросились удирать медведь и волки кто куда, а кошка кричит с верхушки дерева вдогонку:

— Гадалщика-то ловите! Гадалщика!

Совсем перетрусил медведь и удрал за три реки. А три друга отправились дальше. Шли-шли, пришли в охотничью баньку. Зажили в ней и сейчас поживают, за зайцами охотятся.

158. Олень, волк и ворон

Побратались пятнистый олень, серый волк и черный ворон. Олень стал старшим братом, волк — средним, а ворон — младшим. Они поглядели жить дружно и в беде помогать друг другу.

Однажды волк возвращался домой после неудачной охоты и попал в капкан, поставленный охотниками. Целую ночь волк мучился от боли, холода и голода, а утром, когда пришли охотники, потерял всякую надежду на спасение. Охотники же не тронули волка, потому что решили сперва проверить другие капканы — не попался ли еще кто-нибудь, и пошли дальше. В это время в небе летел ворон и заметил попавшего в капкан волка. Он тут же отыскал в лесу старшего брата оленя и рассказал ему о случившемся. Олень сильно опечалился, стал думать, как выручить брата из беды, но, сколько ни думал, ничего не мог придумать. Тогда он обратился за советом к младшему брату ворону. Ворон сказал, что надо пойти к тому месту, где волк попал в капкан, и там уже решать, что делать. Когда волк увидел двух своих братьев, он так обрадовался, что и передать невозможно, стал жаловаться на голод и холод и просил побыстрее выручить его, пока не пришли охотники. Ворон посоветовал оленю с разбегу ударить рогами по капкану, тогда цепь разорвется.

В это время как раз появились охотники, но олень успел ударить рогами по капкану и разорвать цепь. Так братья спасли волка от неминуемой смерти.

Охотники видели, как олень освободил волка, сильно удивились и решили во что бы то ни стало поймать самого оленя. Несколько дней охотились они за оленем, но так и не смогли его поймать. Тогда они выследили, куда олень ходит на водопой, и по всему пути расставили капканы. Олень пошел на водопой и попал в капкан.

Об этом узнал ворон и полетел искать среднего брата волка. Ворон нашел волка, рассказал ему, что старший брат олень попал в беду и надо спасать его. Но волк оказался вероломным и коварным. Услышав, что олень попал в беду, он расхохотался и говорит:

— Не так я глуп, чтобы спасать оленя. Придут охотники, сдерут с него шкуру, заберут мясо, а требуху выбросят. Вот тогда-то я полакомлюсь и утолю голод.

Ворон выслушал волка, полетел к оленю и все ему рассказал. Оленю стало очень обидно, что волк оказался таким вероломным.

Ворон же решил пойти на хитрость, чтобы спасти оленя. Он сказал:

— Брат-олень, когда появятся охотники, притворись мертвым, а я сделаю вид, будто собираюсь выклевать тебе глаза. Охотники подумают, что ты и в самом деле мертвый, вытащат из капкана твои ноги, а ты вскочишь и убежишь в лес.

Только ворон это сказал, как показались охотники. Они подошли к капкану, подумали, что олень мертвый, решили мясо не брать, а только снять шкуру, и, чтобы было удобнее, вытащили из капкана ноги оленя. Тут олень вскочил и во весь дух помчался в лес.

Охотники рты разинули от удивления, а ворон, сидевший на дереве, каркнул раз-другой и полетел. Один из охотников разгадал хитрость ворона и выпустил в него стрелу из лука. Ворон несколько раз взмахнул крыльями и камнем упал на землю, прямо в камыши. Охотники бросились было к ворону, но там наткнулись на волка, который собирался полакомиться мясом старшего брата оленя.

Охотники убили коварного волка, содрали с него шкуру, а ворон каркнул и взлетел в небо. Не зря говорят в народе:

На одной горе живет серый волк,
На другой — пятнистый олень.
Если волк в беду попадет,
Олень придет и его спасет,
Если олень в беду попадет, волк придет и его сожрет.
Стрелу из лука пустили в ворона, а она прямо в волка попала.
Если друга завел — не будь вероломным.
Всегда делай только добро.
У кого волчье сердце и собачье нутро,
Не прожить тому долго на свете!

159. Сила единства

Случилось это давным-давно. Пришел тигр к ручью напиться воды и повстречал на берегу лягушку.

— Что-то ты, лягушка, сидишь да сидишь на одном и том же месте? — обратился к ней тигр. — Неужто ты не можешь перепрыгнуть на другой берег?

— Пустяки какие! — фыркнула лягушка. — Мне ничего не стоит в несколько прыжков забраться на вершину вон той высокой горы!

— Не болтай лишнего, — рассмеялся тигр. — Попробуй сначала осилить ручей!

— Я-то осилю, а вот хотелось бы мне посмотреть, как это сделаешь ты, друг тигр.

— Ну что ж, смотри! — тигр присел на задние лапы, оттолкнулся и одним прыжком оказался на противоположном берегу. Каково же было его удивление, когда рядом он увидел лягушку.

А получилось все так: хитрая лягушка уцепилась за хвост тигра и вместе с ним перепрыгнула ручей.

— Вот уж никак не думал, что ты так ловко прыгаешь, лягушка! — удивился тигр. — Но только все равно я не верю, что ты способна забраться на гору!

— Не веришь — и напрасно! — возразила лягушка. — Ничего не попишешь, придется доказать тебе это на деле. Давай держать пари, тигр. Кто раньше доберется до вершины горы, может съесть того, кто проиграет! Только сначала нам с тобой надо как следует отдохнуть. А через семь дней встретимся, и я докажу тебе свою правоту.

Согласился тигр и, испив воды, убежал в лес.

Не успел тигр скрыться из виду, как хитрая лягушка собрала все лягушачье племя и рассказала им о своем уговоре с тигром да при этом добавила, что она печется не о себе, а о своих ближних, потому что, во-первых, тигр больше не станет нападать на лягушек, а во-вторых, все лягушки будут иметь случай отведать тигриного мяса.

В заключение же лягушка сказала:

— В честном поединке мне тигра не одолеть. Это возможно только в том случае, если вы мне поможете. Я предлагаю сделать так: все мы выстроимся гуськом на небольшом расстоянии друг от друга. Когда тигр станет меня окликать, каждому, к кому он будет приближаться, надлежит квакнуть ему в ответ. А лягушке, которая будет ждать тигра на вершине горы, останется только сообщить ему, что она опередила тигра и давно ждет его прихода.

На том и порешили.

Настал день соревнования. Тигр и лягушка встретились у ручья.

— Дорогой тигр, — сказала лягушка. — Ну, вот мы можем и приступить. Да только имей в виду, что ты-то зверь крупный и тебя хорошо видать, а я маленькая — ты можешь меня, пожалуй, и не заметить. Давай договоримся, что мы будем окликать друг друга.

Тигр согласился. Тигр и лягушка стали у самого берега ручья. Лягушка квакнула и нырнула в ручей. Тигр зарычал и ринулся вперед.

Кваканье понеслось от одной лягушки к другой и опережало тигра во время его пути. Тщетно стараясь догнать лягушку, он совершенно выбился из сил и в конце концов, так и не достигнув вершины горы, замертво упал на землю.

Так слабые лягушки одержали победу над сильным тигром.

160. Ерш и лосось

Говорят, однажды ерш и лосось под водопадом в спор вступили, кто из них может по водопаду подняться. Ершу пришла в голову такая хитрость — привязать волоском свой хвост к лососю. Как только лосось оказался наверху, оглянулся он назад, где же ерш. А тот был у лосося за хвостом, выплыл быстренько вперед и закричал: «Эй, а я уже тут!» Так и выиграл он спор.

161. Как еж и заяц бегали наперегонки

Как-то вышел еж из своей норы полюбоваться на божий свет. Было это осенью, в воскресенье. И вот что он подумал: «Пойду-ка я на поле погляжу, как там гречка да пшеница!» И пошел. Думает себе: «Чтоб покорооче, так пойду-ка я прямиком». Но за пеньком повстречал его заяц — он тут за капустой наблюдал, большая ли выросла. «А! — говорит еж. — Вот и тварь быстроногая!» — «А ты, — говорит заяц, — весь твой род такой издавна, и ты такой! Пропадешь ты с твоим ходом и с твоими кривулями, с твоими кривыми ногами!» Ежа больше всего то разозлило, что он говорит, что ноги кривые. «Ты, — говорит, — надо мной смеешься? Раз уж ты такой большой господин, то бьемся об заклад, кто кого перегонит». Пospорили на пять дукатов и фляжку горилки. Заяц говорит: «Ну, бежим!» — «Нет, — говорит еж, — еще нет. Я еще схожу домой и скажу жене, чтоб знала куда я пошел». А заяц обрадовался, потому что был голодный, и думает себе: «Вот и хорошо: поем капусты, так и бегать лучше будет».

Приходит ежик к себе в нору и говорит жене: «Знаешь, жена, у меня хлопот полон рот». — «Какие еще хлопоты?» — «Побились мы с зайцем об заклад, кто кого перегонит». Да и рассказал все об этом закладе. «Да ты sdурел, что ли? Куда тебе до зайца!» — «Молчи, жена, — говорит еж, — как-нибудь! Мы должны выиграть эти пять дукатов и фляжку горилки. Собирайся, жена, пойдем со мной вместе». Идут они вместе, а по дороге еж учит жену, что делать надо. Говорит: «Как придем на поле, я тебя поставлю на этом конце, и ты должна на этом месте стоять. Как только прибежит он к тебе, ты должна сказать: „Я уже тут!“ А прибежит он в другой конец ко мне, так и я то же самое скажу: „Я уже тут!“»

Приходит он к зайцу и говорит: «Ну, я, — говорит, — уже готов!» Встали они в конце поля, заяц и говорит: «Бежим по команде „раз, два, три“ — так вместе и побежим». — «Хорошо». Встал заяц в одну борозду, а еж в другую, и по команде «раз, два, три» пустились бежать. Заяц бежит что есть мочи на другой конец поля, а еж остался на месте. Прибегает заяц в конец поля, а ежиха там говорит: «Я уже тут!»

«Ну и ну! — говорит заяц. — Чтоб такое помело да меня перебежало?! А ну, попробуем еще раз!» Снова заяц бросился бежать. Прибегает в конец поля, а еж приподнялся и говорит: «Эй-эй! Я уже давно тут жду!» — «Ну и ну! А ну, бежим еще раз!» Прибегает в другой конец, а еж уж снова там (а это была ежиха).

Бегал так он девяносто девять раз, а как в сотый раз попробовал побежать изо всех сил, как поднатужился — да и посреди поля — бух!

Вот так и окончилось дело у ежа и зайца.

Никогда не нужно смеяться над бедным, будь он хоть какой несчастливый, потому что смех же и побьет.

162. Черепаха, муравей и лис

Было не было, а были муравей, черепаха и лис. Решили как-то черепаха и муравей посеять пшеницу. Пошли они однажды в степь, посеяли пшеницу, окучили кетменем, а когда закончили окучивание и пшеница поднялась, начали ее пропальывать. Кончили они ее пропальывать. Прошло некоторое время, и наступила пора жать пшеницу. Начали они пшеницу жать, как вдруг появился откуда-то лис и говорит:

— Не возьмете ли меня в долю? Я хороший жнец и хороший работник.

— Ладно, дорогой друг, — сказала черепаха, — возьмем тебя в долю. Давай, парень, начнем жать пшеницу.

А пшеница эта была в степи недалеко от большого белого холма. И этот холм из белой глины доходил до самой пшеницы. Лис позвал черепаху и муравья:

— Друзья, идите сюда, есть дело. Разговор этот важен для всех! Если в то время, когда мы будем жать пшеницу, начнется землетрясение, эта белая глина упадет на нас и всех придавит. Так вот, друзья, какое дело: жните пшеницу, — сказал лис, — а я пойду и буду держать белую глину, чтобы она не упала.

— Хорошо, дорогой друг, — сказала черепаха, — иди.

А муравей добавил:

— Держи крепче и с моей стороны! А то, если эта белая глина обвалится, я останусь под несколькими манами этой глины, черепаха-то, может, и не помрет, а я помру обязательно.

Пошел лис и лег спать в тенистом местечке под холмом. Вечером жатва кончилась. Лис намазал голову и рот белой глиной и пошел к черепахе и муравью.

— Друзья, похвалите меня, ведь я сегодня поясницу себе сломал. Спросите, почему? Да потому моя поясница сломалась, что целый день вся гора белой глины была на моей спине.

Черепаха сказала:

— Молодец, дорогой друг, очень хорошо сделал.

Стали они все перетаскивать пшеницу. Сказали они: «Перенесем пшеницу и обмолотим». Стали они переносить снопы. Устроили собрание и говорят:

— Друзья, дело в том, что лис самый большой, самый опытный и самый работающий из нас. Пусть он всю пшеницу перетащит, и этого с него хватит, а мы обмолотим пшеницу, очистим, а когда начнем делить, пусть он придет.

— Хорошо, — сказал лис и перетаскал пшеницу.

Черепаха и муравей начали молотить пшеницу, а муравей собрал всех своих знакомых муравьев, и они очистили зерна от шелухи. Кон-

чили, ссыпали зерно в кучу и позвали лиса, чтобы начать дележ. Пришел лис и говорит:

— Друзья, а пшеницы-то мало, только на одного из нас хватит. Давайте вот что сделаем. Пойдем и пробежим на соревнование пятьдесят метров, кто придет первым — тому и пшеница.

Поднялись они и начали состязание. Побежали все вместе. А муравей, решив не отдавать победы, прицепился к хвосту лиса. А лис бежал к пшенице что есть силы. Прибежал и сел задом на кучу пшеницы. А муравей и говорит:

— Эй, дружок лис, ты что, ослеп? Я прибежал раньше тебя и сижу на куче пшеницы, а ты прибежал и сел на меня!

А черепаха только через час, задыхаясь, прибежала к пшенице.

— Ох, друзья, чуть душа не выскочила. Вы все это против меня затеяли. У меня прямо сердце сгорело.

А лис не согласился с тем, что муравей победил, и говорит:

— Нет, друзья, люди обычно договариваются состязаться до трех раз. Пошли, еще раз побежим!

Так разговаривая, пошли они снова на место состязания. Снова побежали. И на этот раз муравей, решив не отдавать победы, прицепился к хвосту лиса. А лис снова что есть силы помчался к пшенице. Прибежал и тяжело шлепнулся задом на кучу перевеянной соломы. А муравей закричал:

— Лис, ты что, ослеп, что садишься на меня, где бы я ни стоял?

Лис и на этот раз не согласился, и снова пошли они на место состязания. По дороге встретили задыхающуюся черепаху.

— Подружка черепаха, давай возвращайся.

— Что случилось, дружок?

— Да то, что я пришел первым, да лис опять не соглашается. Побежим в последний раз. Кому бог даст.

Вот снова пришли они к месту состязания и начали состязаться. Лис побежал изо всех сил. А муравей, решив не отдавать победы, снова прицепился к хвосту лиса. Прибежал лис и бросился на кучу пшеницы. Вдруг раздался вопль муравья:

— Ох, горе мне, что это ты все время садишься на меня?! Я пришел раньше тебя! Ты что, меня не видел, когда я бежал впереди тебя? Ну, что ты теперь скажешь? Ничего ты не получишь, приятель!

— Ладно, бери пшеницу!

Согласился муравей и взял всю пшеницу. А лис заплакал из-за того, что пропал его труд за целый год. Лопнул у него желчный пузырь, и он сдох. А муравей всю пшеницу разделил со своим прежним товарищем-черепахой, отнесли они ее к себе домой.

163. Как олень и улитка бежали наперегонки

Однажды олень гулял по лесу и увидел улитку, которая ползла по молодому ростку бамбука. Олень перестал щипать траву и стал смотреть, как неуклюже и медленно ползет улитка. Так он смотрел некоторое время, а потом ей сказал:

— Как плохо ты ходишь! Почему ты не научишься ходить быстрее? То ли дело я: за мной часто гонятся собаки, но мои ноги меня спасают. А что будешь делать ты, если кто-нибудь за тобой погонится? Не миновать тогда тебе гибели!

Услыхав эти слова, улитка посмотрела на оленя и увидела, как он красив, какие длинные у него ноги и какие сильные мышцы. Ей захотелось стать такой же красивой и бегать так же быстро. Но она тут же подумала, что, если им и придется бежать наперегонки, олень намного ее не обгонит.

И она ответила:

— Слишком ты заносчив. Тебе даже невдомек, как многого можно добиться, если чего-нибудь сильно захочешь. Давай побежим наперегонки отсюда до берега реки, что на западе.

Олень рассмеялся:

— Так ты думаешь, что победишь меня? Верно, схитрить хочешь?

Улитка ответила, что она и не думает хитрить, и предложила:

— Хочешь, позовем в судьи кого-нибудь из наших общих друзей?

Олень согласился, и они позвали в судьи сову.

Состязание началось — и улитка сразу осталась далеко позади. А на пути оленя оказался луг, поросший сочной травой, и он остановился пощипать ее: все равно он уже намного обогнал улитку, торопиться было некуда. Олень решил: как только он увидит, что улитка приближается, так побежит снова. Но он наелся досыта, и ему захотелось поспать. Олень заснул, думая, что проснется до того, как появится улитка.

Но пока он спал, улитка проползла мимо. Олень проснулся и увидел, что уже далеко за полдень. Во всю прыть он побежал к реке, но там уже ждала его судья-сова и улитка.

— Ты проиграл спор, — сказала оленю сова.

164. Мышь и сорока

Жили-были мышь и сорока. Однажды ушла мышь за сеном и наказала сороке мешать щи. Принялась сорока мешать, да и свалилась в самые щи. Мышь вернулась, стучится, зовет:

— Сестрица-сорока, отвори! Отвори!

Не отворяет сестрица-сорока. Поискала мышь дырку в доме, нашла и пролезла сквозь нее. Открыла двор, втащила воз сена, скидала его и

пошла в избу. Вошла в избу, села ши есть, попалась в щак сорока, съела сороку, сделала из костей сороки лодку, спустилась к реке, усе-лась и запела:

Вверх и вниз по реке мышь плывет
В лодке из костей сороки,
С шестом из костей выдры,
С веслом из бобрового хвоста.
От песчаного берега шестом отпихивается,
От крутого веслом правит!

А навстречу — заяц:

— Мышка-сестричка, возьми меня!
— Не возьму, лодка мала...
— Я только одну лапку положу...
— Ну, что ж с тобой поделаешь! Садись!

А сама опять запела:

Вверх и вниз по реке мышь плывет
В лодке из костей сороки,
С шестом из костей выдры,
С веслом из бобрового хвоста.
От песчаного берега шестом отпихивается,
От крутого веслом правит!

Идет навстречу лиса.

— Мышка-сестричка, возьми меня!
— Не пуцу, лодка мала, и так нас двое...
— Я только лапку положу...
— Ну, что ж с тобой делать! Садись!

И опять запела:

Вверх и вниз по реке мышь плывет
В лодке из костей сороки,
С шестом из костей выдры,
С веслом из бобрового хвоста.
От песчаного берега шестом отпихивается,
От крутого веслом правит!

А навстречу — волк.

— Мышка-сестричка, возьми меня.
— Не пуцу, лодка мала...
— Я только лапку положу...
— Ну, что с тобой делать! Садись!

Запела еще громче мышь:

Вверх и вниз по реке мышь плывет
В лодке из костей сороки,
С шестом из костей выдры,

С веслом из бобрового хвоста.
От песчаного берега шестом отпихивается,
От крутого веслом правит!

Идет навстречу медведь.

— Мышка-сестричка, возьми меня.

— Нас и так много. Тебе и сесть негде!

— Я только лапку положу...

— Ну, что ж с тобой делать! Садись!

Уселся медведь, и все опрокинулись и потонули. Остался медведь один и запел:

Вверх и вниз по реке мышь плывет
В лодке из костей сороки,
С шестом из костей выдры,
С веслом из бобрового хвоста.
От песчаного берега шестом отпихивается,
От крутого веслом правит.

165. Терем мухи

Построила муха терем; пришла вошь-поползуха: «Кто, кто, кто в терему? Кто, кто, кто в высоко́м?» — «Муха-горюха; а ты кто?» — «Я вошь-поползуха». Пришла блоха-попрядуха: «Кто, кто, кто в терему? Кто, кто, кто в высоко́м?» — «Я, муха-горюха, да вошь-поползуха». Пришел комар долгоногий: «Кто, кто, кто в терему? Кто, кто, кто в высоко́м?» — «Я, муха-горюха, я, вошь-поползуха, я, блоха-попрядуха». Пришла мышечка-гютюрюшечка: «Кто, кто, кто в терему? Кто, кто, кто в высоко́м?» — «Я, муха-горюха, я, вошь-поползуха, я, блоха-попрядуха, я, комар долгоногий».

Пришла ящерка-шерошечка: «Кто, кто, кто в терему? Кто, кто, кто в высоко́м?» — «Я, муха-горюха, я, вошь-поползуха, я, блоха-попрядуха, я, комар долгоногий, я, мышечка-гютюрюшечка». Пришла Лиса Патрикеевна: «Кто, кто, кто в терему? Кто, кто, кто в высоко́м?» — «Я, муха-горюха, я, вошь-поползуха, я, блоха-попрядуха, я, комар долгоногий, я, мышечка-гютюрюшечка, я, ящерка-шерошечка». Пришел зайшко из-под кустышка: «Кто, кто, кто в терему? Кто, кто, кто в высоко́м?» — «Я, муха-горюха, я, вошь-поползуха, я, блоха-попрядуха, я, комар долгоногий, я, мышечка-гютюрюшечка, я, ящерка-шерошечка, я, Лиса Патрикеевна».

Пришел волчище серое хвостище: «Кто, кто, кто в терему? Кто, кто, кто в высоко́м?» — «Я, муха-горюха, я, вошь-поползуха, я, блоха-попрядуха, я, комар долгоногий, я, мышечка-гютюрюшечка, я, ящерка-шерошечка, я, Лиса Патрикеевна, я, зайшко из-под кустышка». Пришел медведь толстоногий: «Кто, кто, кто в терему? Кто, кто, кто в

высоком?» — «Я, муха-горюха, я, вошь-поползуха, я, блоха-попрыдуха, я, комар долгоногий, я, мышечка-тютюрюшечка, я, ящерка-шерошечка, я, Лиса Патрикеевна, я, заюшко из-под кустышка, я, волчище серое хвостище». Все из терема: «А ты кто?» — «Я тыпыш-ляпыш, всем подгнётыш!» — сказал медведь, спустил лапой по терему и разбил его.

166. Бедный волк

Жил себе как-то волк, такой бедный, что чуть с голоду не сдох, — нигде ничего не поймал. Вот пришел он к богу пищи просить. Приходит к богу и таким бедным представляется, что хуже и не бывает.

— Боже, — говорит, — милостивый, дай чего-нибудь поесть, а то с голоду пропаду!

— А чего тебе поесть? — спрашивает бог.

— Чего дашь, то и ладно.

— Вон там на лугу пасется попова кобыла. Ей не убежать, ее и съешь!

Волк живо от бога — трюх, трюх — так и побежал. Да к кобыле:

— Здравствуй, кобыла! Бог сказал, чтоб я тебя съел!

— А кто ты такой, чтоб меня съест?

— Волк, — отвечает.

— Да врешь — собака!

— Ей-богу, — говорит, — волк!

— Ну, раз ты волк, с чего же ты меня есть начнешь?

— С головы! — говорит.

— Э, волчик, волчик! — говорит. — Раз уж ты собрался меня съест, так начинай с хвоста. Пока доберешься до середины, я буду все пастись да пастись, досыта — тогда ты жиреньким и закусишь!

— Раз так, то так! — говорит волк, — и к хвосту. Как потянет за хвост, кобыла задом как махнет, как даст копытами в морду — волк и не знает, то ли он на этом, то ли на том свете. А кобыла как даст деру — аж пыль столбом.

Вот сидит себе волк и думает: «Я ли не глупый, я ли не скаженный, и чего мне было не схватить ее за горло?!»

Вот пошел он опять к богу просить пищи.

— Боже, — говорит, — милостивый! Дай хоть крошечку чего-нибудь поесть, а то с голоду опухну!

— Разве тебе кобылы мало?

Тот взвыл:

— Да чтоб с нее шкуру на кисеты живьем слупили! Не то что наелся — чуть морду не разбила!

— Ну, раз так, — отвечает бог, — то иди — вон там над яром жирный такой баран пасется, его и съешь!

Пошел волк. Баран пасется над яром.

— Здравствуй, баран!

— Здравствуй!

— Бог сказал, чтоб я тебя съел!

— А ты кто такой, чтоб меня съест?

— Волк, — отвечает.

— Да врешь — собака!

— Нет, ей-богу, — говорит, — волк!

— Ну, раз ты волк, то как же ты меня есть будешь?

— Да как есть буду? С головы начну, а там уж весь мой будешь — вот как!

— Э, волчик, волчик! — говорит. — Раз уж ты собрался меня съест, встань-ка ты лучше вон у того яра и раскрой рот, а я сам туда и заскочу!

— Ладно, — говорит.

Вот встал он как раз у кручи — такая круча! — и разинул рот, так пасть разинул — так бы и проглотил! А баран как разбежится да как хватит его в лоб — он брык в яр! (Хорошо наелся!) Сел тогда, сердяга, да плачет: «Я ли не глупый, я ли не скаженный! Где это видано, чтоб живое мясо да само в рот прыгало?»

Думал-думал, вот пошел он снова к богу просить пищи.

— Боже, — говорит, — милостивый, боже милосердный! Дай чего-нибудь поесть, а то с голоду пропаду!

Бог говорит:

— Такой уж с тебя едок — все бы тебе само в рот заскочило! Ну да ладно, что с тобой толковать! Поди, там человек на дороге потерял сало — вот оно и твое, никуда не убежит!

Послушал, пришел туда — лежит сало. Сел он и думает:

— Хорошо, — говорит, — съем я его, а оно ж соленое — пить захочется! Пойду сперва напьюсь, а тогда уж...

Пошел. Пока там до речки да от речки, а человек увидел, что сала нет, вернулся — лежит. Взял это сало. Приходит волк — нет сала. Вот сел он и плачет: «Я ли не глупый, я ли не скаженный! Да кто ж не евши пьет!»

Сидел-сидел, а есть-то — ой-ёй-ёй! Идет снова к богу просить пищи.

— Боже, — говорит, — милостивый, боже милосердный! Дай чего-нибудь поесть, а то я не протяну!

— Да надоел ты уже, — говорит, — с твоей едой! Да что с тобой толковать — иди, там недалеко от села пасется свинья, ее и съешь!

Пошел.

— Здравствуй, свинья!

— Здравствуй!

— Бог сказал, чтоб я тебя съел!

— А кто ты такой, чтоб меня съест?

— Волк, — говорит.

— Врешь — собака!

— Нет, — говорит, — волк!

— А что, — говорит свинья, — волку есть разве нечего?

— Нечего, — говорит.

— Ну, раз нечего, — говорит, — садись на меня, повезу тебя в село.

У нас теперь выбирают всякое начальство — может, и тебя выберут.

— Раз так, то так — вези!

Сел на свинью. Прибежали в село, она как завизжит — волк аж перепугался.

— Чего ты, — спрашивает волк, — верещишь?

— Да я ж, — говорит свинья, — сходку созываю, чтоб тебя скорее выбрали в начальство!

А тут люди как повалят из хат, с кочергами, ухватами, лопатами — кому что попало. У волка аж дух сперло, так перепугался (ему тут не шуток!) — потихоньку свинье:

— Скажи, а чего это столько народу бежит?

— Да это ж, — говорит свинья, — к тебе!

Вот народ как ссадил волка, как начал перчить, ему уж и не хочется ничего — насилил живой вырвался!

Как припустил — прямо к богу.

— Боже, — говорит, — милостивый, боже милосердный! Дай чего-нибудь хоть крошечку поесть, а то мне вот-вот и конец!

Бог говорит:

— Пойди, вон там портной идет — нападешь да и поживишься!

Едва притащился. Встречает на дороге.

— Здравствуй, человек!

— Здравствуй!

— Бог сказал, чтоб я тебя съел!

— А кто ты такой, чтоб меня съесть?

— Волк, — говорит.

— Врешь — собака!

— Нет, — говорит, — ей-богу, волк!

— Ну и маленький же ты, — говорит портной, — с беса. А ну я тебя померяю!

Да как накрутит хвост на руку — давай мерять! Мерял его, мерял — волку уже и жить не хочется, а он все его меряет: аршин — и вдоль! До того мерял, что хвост в руке остался. Волк как махнет, да уж хватит к богу — побежал к волкам:

— Волчки-братики, такая-то и такая беда!

Они давай гнаться, давай гнаться за тем портным. Что тут делать? Видит — беда! Стоит дерево — он на то дерево, залез аж на самую верхушку. А волки так дерево и обступили, так зубами и клацают.

Волк и говорит:

— Нет, братцы, так ничего не получится! Вот как сделаем: я встану внизу, а вы все на меня, все на меня, один на другого, пока не достанем сукина сына!

Встали один на другого — такая лестница! Тогда верхний:

— А ну слезай, сукин сын, будем тебя есть!

— А-а! — говорит. — Волчки-братишки, помилуйте меня — не ешьте!

— Нет, — говорит волк, — никак нельзя! Слезай!

— Пойдите ж, — говорит, — я на помин души хоть табачку понюхаю!

Только нюхнул — апчхи! А нижнему показалось, что он верхнего меряет да говорит: аршин! Как присядет — так все и покатились. Вот такой ворох! А он тогда — драть! Они за ним, поймали — и разорвали.

А человек слез тогда с дерева.

— Спасибо, — говорит, — богу, что не попустил души христианской лютому зверю!

Да и пошел себе неспешно до дому, да и живет себе с молодницею, ест кныши с паляницею. И я там был, мед-вино пил — по бороде бежало, а в рот не попало. Вот вам сказка, а мне бубликов связка, мне — колосок, а вам — денег мешок!

167. Волк, лис и осел

Жил однажды толстый раскормленный осел, который пасся на лугу. Видит его лис, захотелось ему его съесть, и идет он к волку.

— Иди посмотри на осла, волк! Вот была бы для тебя еда!

Волк идет, видит осла, слюнки у него текут.

— Знаешь, что мы можем сделать, волк? — говорит лис.

— Что же, умница лис?

— Давай-ка купим лодку и нагрузим ее оливками, осла возьмем боцманом, а как только выйдем в открытое море, тут его и съедим! Итак, за дело! Доставай лодку, а я договорюсь с ослом!

Волк отправляется, покупает лодку (это же все-таки сказка!) и нагружает ее оливками. Лис тоже отправляется, заполучает осла, они спускаются на берег и садятся в лодку.

Когда они выплывают на середину моря, лис говорит:

— Хорошо, теперь мы путешествуем, но кто знает, вернемся ли мы живыми обратно. Давайте на всякий случай исповедуемся!

Волк берется быть исповедником и сперва исповедует лиса.

— Что за грехи ты содеял, господин лис?

— Я украл несколько кур, ел всякую мелкую дичь: зайцев, кроликов — вот такую мелочь душил и съедал.

— Это ничего особенного, господин лис! Червей земли ел! Теперь ты меня исповедуй!

— Скажи, что за грехи ты содеял?

— Я съел несколько овец, несколько коз, несколько телят.

— Ах, молчи! Черви земли!

Тогда говорит ослу:

— Ну, теперь твоя очередь, господин осел, рассказать, какие грехи ты содеял.

— Я, — говорит осел, — однажды, когда был нагружен салатом, оглянулся и отщипнул один листочек, потому что уж очень захотелось мне его съесть — и я его съел!

— О господин осел! — сказали оба в один голос. — Ты ел салат без масла и уксуса! Это не еда! Как только мы еще не утонули в этом нашем путешествии! Твой грех велик, и мы должны тебя съесть!

— Сжальтесь!

— Нет, мы должны тебя съесть!

— Ладно! — сказал осел. — Но только мой отец, когда умирал, дал мне послание, которое у меня тут, на копыте задней ноги. Подойди, господин волк, прочти его вслух, чтоб я знал, что он мне пишет, а потом ешь меня!

Он поднимает заднюю ногу, волк принимается за чтение, и тут он лягает его прямо в морду и сбрасывает прямо в море. Когда лис видит это, он тоже прыгает в море, чтобы спастись. Тут они оба тонут. Так осталась лодка с оливками у осла.

168. Три козленка, козел и волк

Жила-была семья коз: козел, три козленка и коза. Козлята частенько наведывались в заросли поблизости — там было много ягод, так они любили их пощипать. Каждый день три козленка отправлялись в заросли — один за другим.

Вот однажды пошел самый маленький в заросли, а навстречу ему волк.

— Куда это ты поскакал, козленок?

— В заросли.

— А ты не боишься, что я тебя съем?

— Боюсь, конечно.

— А чего это голос у тебя дрожит?

— Потому что я напугался. Возьми-ка лучше моего брата — он жирнее меня.

Прибежал второй козленок.

— Куда это ты поскакал, козленок?

— В заросли.

— А ты не боишься, что я тебя съем?

— Боюсь, конечно.

— А чего это голос у тебя дрожит?

— Потому что я напугался. Может, брата моего возьмешь? Он гораздо жирнее меня.

Прибежал третий козленок, самый большой козленок.

— Куда это ты поскакал, козленок?

— В заросли.

— А ты не боишься, что я тебя съем?

— Боюсь, конечно.

— А чего это голос у тебя дрожит?

— Потому что я напугался. Возьми лучше того, кто за мной идет, это козел.

Прибежал тут козел.

— Куда это ты поскакал, козел?

— В заросли.

— А ты не боишься, что я тебя съем?

— Чего это мне бояться? У меня на голове пара пистолетов, у меня между ног подсумок!

Спасайся, кто может! Испугался волк и так дунул, что только пятки засверкали.

И сказке конец.

169. Волк и собака

Как-то у одного хозяина была очень старая собака, такая старая, что уже и брехать не могла. Хозяин разлюбил собаку и не давал ей есть. Отказалась собака от хозяина и пошла прочь. Идет она и плачет. Встретил ее волк и говорит: «Что ты плачешь?» — «Как же мне не плакать: хозяин разлюбил меня и есть не дает за то, что я старая стала, брехать не могу». — «Ну что, хорошо теперь тебе? А раньше ты, как была молодая, не пускала меня и близко к дому. Тогда тебя и хозяин любил!» — «Что ж делать: теперь такой свет стал, что не помнит старой хлеб-соли». — «Ну, да я тебе помогу. Как только выйдут твои женщины в поле жать да положат ребенка в люльку, так я его схвачу и побегу в лес. А ты беги меня догонять, я тебе ребенка и отдам!»

Ну вот, вышли женщины жать, положили ребенка в люльку. Волк подкрался и схватил ребенка — да в лес. Женщины испугались, стоят, плачут. Тут откуда ни возьмись старая собака — и бросилась догонять волка. Тот отдал ей ребенка, а собака принесла его к женщинам. Мать рада, тут же дала собаке молока, накрошила хлеба.

Пошли женщины домой, рассказали, что случилось, тогда хозяин снова взял собаку к себе. Ну, взять-то взял, а все-таки плохо ее кор-

мил. Совсем собака с голоду ослабела, едва ноги волочит. Пошла она в баню да и лежит там тихонько. Приходит туда как раз волк: «А, здорово, как живется-можется? Хорошо теперь тебе?» — «Какое там хорошо! Едва ноги волочу. У хозяина сегодня свадьбу играют, а мне, бедной, приходится с голоду подышать». — «А что, и вправду сегодня свадьба?» — «Ей-богу, правда!» — «Пойдем и мы на свадьбу, поживимся!» — «Боюсь, побьют». — «Нет, пойдем!» — «Как же мы в хату залезем, если двери закрыты?» — «А теперь все пьяные, так двери, должно быть, настезь стоят. Ты тихонько под ноги людей протискайся да хвостом свечу повали — я и проскочу. Там и поживимся: ты будешь есть блины да пироги, а я мясо да кости».

Сдалась собака на волчьих слова, пошли они. Протиснулась собака под ноги людям, повалила хвостом свечу, волк и проскочил. Засели они: собака под столом, а волк под лавкой. Люди пьяные сидят за столом да ненароком роняют на пол целые ломти пирогов, блинов да мясо, а они там подбирают: собака ест блины да пироги, а волк — мясо да кости. Наелись досыта. Волк и говорит: «Кабы теперь достать чего напиться!» Поползла собака по подлавочью и нашла бутылку с горилкой. Волк и говорит собаке: «Неси сюда! Выпьем по чарке — на душе будет веселей!» Послушалась собака волка, принесла бутылку и понемножечку выпили. Вот сидят они, болтают да горелочку попивают. И захмелел волк: «Ты знаешь, брат, что я надумал?» — «А что ты надумал?» — «Я надумал — кабы мы запели!» — «Нет, не пой тут — пропадешь!» — «Нет, невтерпеж — запою!» Сдалась собака и говорит: «Ну, запевай!» — «Нет, ты запевай — у меня голос толстый!» — «Нет, ты!» Долго они так препирались, а все же собака волка переспорила. Стал волк петь, завыл, а собака подтягивает: тяв, тяв, тяв! Люди поют — и они поют. Да все-таки люди их услышали, перепугались, кричат: ату, ату! Кто за кочергу, кто за вилы, кто за помело — давай охаживать волка да собаку! Едва из хаты они выскочили.

Пошли они назад в баню да завалились спать. Выспались — стала собака жаловаться волку: «Ах, как голова у меня болит!» — «Ничего, пройдет: с похмелья у всякого голова болит!» Ну, после этого волк прощается с собакой: «Ну, что ты теперь будешь делать?» — «Ах, я и сама не знаю. Кабы кто хоть кожи принес, может, я обувку сшил какую-нибудь». — «Хорошо, я принесу тебе кожи, сделай мне обувку. Да какой кожи?» — «Да принеси ужо хоть корову-яловку, так я и сошью тебе обувку!»

Волк побежал и приносит половину коровы: «Когда же прийти за обувкой?» — «А дня через три». Собака ту корову три дня убирала. Приходит волк: «Ну что, готова обувка?» — «Готова-то готова, да кабы ты принес мне еще порядочного барана! Пусть бы было так, как у благородных людей: обложены голенища барашком». Волк пошел и

приносит барана: «Ну, когда же будет готова обувка?» — «А дня через два!» Волк пошел, а собака два дня убирала барана.

Через два дня приходит волк: «Отдавай обувку!» — «Знаешь, брат, что — пошил я тебе обувку да повесил на крюк, чтоб тебе отдать, а сам пошел выпить четвертинку горелки. Прихожу — а кто-то взял да украл!» Волк тогда говорит: «Хорошо, я тебе это так не оставлю, я с тобой буду судиться!» Собака согласилась. «Бери себе свидетеля и приходи в такой-то день на ту гору, где три дуба растет, на суд!» И разошлись.

Волк взял себе в свидетели медведя и кабана, а собака пошла звать себе в свидетели Денисову собаку. Та говорит: «Мой хозяин сегодня молотил, мне нужно кучи сторожить. Иди к Рыгоровой собаке!» Пошла она туда — и та отказалась. «Иди, — говорит, — к Марцинковой сучке: она кривая и завсегда без работы, она пойдет!» Пошла она, позвала сучку. Сучка пошла. Тогда они позвали кота да петуха. И пошли на суд. А медведь влез на дуб поглядеть, не идет ли собака на суд. И видит — идут собакины свидетели: кот вверх хвост задрал, петух поет, а кривая сучка идет по дороге да всё — шталгик, шталгик! Медведь испугался и говорит волку да кабану: «Поглядите-ка, какие у них свидетели: один кричит, другой пику несет, а один всё камни собирает. Вот уж они нам дадут!»

Давай тогда они прятаться: медведь еще выше полез, кабан в мох закопался, только хвостик видать, а волк в болото под куст. Приходит собака со своими свидетелями, глядят — а никого нет. Сели они, ждут. Вот кабан лежал-лежал подо мхом да и стал хвостом шевелить. Кот подумал, что это мышь шевелится, да цап за хвост! А кабан как вскочит, как чухнет, как побежит! Кот испугался да на дуб, а медведь думает, что это за ним, да с дуба долой, да как раз на волка! И давай все удирать! Так они всех и разогнали. И суда никакого не было.

170. Шакал и воробей

В одной деревне жили на дереве воробьях и воробей, и они любили друг друга от всего сердца. Полететь ли куда или поклевать чего — всегда они делали все вместе. Вот как-то раз оба они, воробей и воробьях, клевали навоз, как вдруг корова взяла да навалила кой-чего, и бедную воробьяху похоронило под коровьей лепешкой. Как увидел воробей, что его верная спутница очутилась под коровьей лепешкой, так бросился бедняга скорей разгрести навозную кучу и клювом, и когтями. Но куча была такая большая — разве маленькому воробью ее так быстро одолеть? Стадо в конце концов ушло пастись, а бедняга все еще копался в навозной куче. Пока воробей копал да копал, и полдень настал, а ни воробью кучу разгрести, ни воробьяху из нее вылезти так и не удалось. В этот миг откуда ни возьмись шакал — чего-то

возле навоза вынюхивает. Увидел воробей шакала, напугался и взлетел на дерево. А шакал разглядел воробьюху под лепешкой, тут же начал копать и вытащил ее. Но только он пасть разинул, чтобы ее сожрать, как закричал вдруг воробей: «Эй, эй! Взгляните-ка на этого тупицу шакала — он ест воробьюху всю в коровьем дерьме, он ее немытую ест!» Услышал это шакал, раздумался — стыдно ему стало, что хотел он сожрать птицу, всю дерьмом измазанную, прямо из навоза вытащенную, — и пошел он воробьюху помыть. Взял он ее в зубы и отправился к речке.

Когда шакал пришел на речку, воробей прилетел за ним и уселся неподалеку, дрожа от страха. Вымыл шакал воробьюху, вытащил из воды на берег и только пасть разинул, чтоб ее съесть, как воробей опять начал: «Эй, эй! Он мокрое жрет, он высохнуть не дает!» Когда шакал это услышал, страшно он разозлился, но сообразил, что воробей, чего доброго, прав. Взял он опять воробьюху в зубы и снова побежал к навозу, а воробей все летел за ним.

Вот как шакал к пруду прибежал, так что он сделал? Он положил воробьюху в такую яму, где огонь едва горел, чтобы москитов от скотины отгонять, — пусть она в тепле высохнет поскорее. Только тут в яме и печка была. Воробьюха-то высохла, но вся в саже перемазалась. Когда шакал вытащил воробьюху из ямы и опять хотел ее сожрать, воробей снова закричал: «Эй, эй! Шакал подгорелое жрет! Шакал подгорелое жрет!» Как услышал это шакал, еще больше разозлился. Что сделал он — крутанул воробьюху и снова бросил в яму. Того хватило, чтобы она, падая, забила крыльями — чтобы улететь. Раз — и тут же взлетела она высоко и уселась рядом с воробьем на дереве. Как шакал увидел это, совсем расстроился и молча ушел. Полетели тут весело воробей и воробьюха и вернулись в свое гнездо.

171. Как шакал прогнал льва

Блуждали как-то по лесу шакал и его жена. Жена шакала ожидала детей.

— Нам нужно теперь найти место, где бы мы могли жить, — сказала она.

Шакал согласился. Вскоре они набрали на пещеру, вошли в нее, и в тот же день у них родились дети. Время шло, и шакалы жили себе в пещере. Но шакал все время боялся, как бы не явился лев: ведь пещера-то была его, и они заняли ее, когда он был на охоте.

А лев тем временем утолил голод и жажду и вернулся. Только хотел он войти в пещеру, как слышит, кто-то говорит:

— Сынок, куда девалось мясо этого льва? Если кончилось, убей другого!

«Ну, — подумал лев, — видно, мою пещеру захватил какой-то сильный зверь, он даже львов поедает. Лучше будет отсюда убраться подобру-поздорову, а не то, не ровен час, придется самому стать добычей». И пошел лев прочь от собственного логова.

А обезьяна-соседка видела, как пещеру занимали шакалы. Она и говорит льву:

— Пойдем со мной! Что ты боишься вернуться в свой дом?

— Да боязно мне как-то, — признался лев.

— Посмотрите-ка на него! Неужели ты боишься шакала? Идем, привяжи свой хвост к моему.

И вот связали они свои хвосты вместе и подошли к входу в пещеру. А шакал уже заметил их. Он подождал немного и зарычал:

— А ну, сын мой! Там к пещере подошли лев и обезьяна со связанными хвостами. Поди прикончи-ка их обоих!

Едва лев услышал эти слова, как у него душа ушла в пятки. Он тут же рванулся и убежал, а обезьяна ни за что ни про что лишилась хвоста.

Когда дети шакала подросли, вся семья в один прекрасный день покинула пещеру и ушла в лес. Так благодаря находчивости в трудную минуту шакалу удалось добиться своего, а лев, хоть и был сильным, из-за глупости вынужден был скитаться где попало.

172. Храбрый козлик

В глухом лесу в берестяном чуме жил козлик. Как-то бродяга волк наскочил на его чум. И спрашивает:

— Что это у тебя на голове такое белое сверкает?

— Это моя сабля, которой я убиваю волков и медведей.

— А что это у тебя около рта такое серое болтается?

— Это мой платок, которым я утираюсь, когда съем волка или медведя, — ответил козлик и с криком «Бол-бол!» поскакал да так боднул свой берестяной чум, что рассыпался чум на части. Козлик снова крикнул «Бол-бол!» и боднул скалу.

Испугался волк силы козлика и убежал. Скоро ему встретился медведь. И спрашивает:

— Никого не боявшийся, кого ж ты испугался? Никогда не отступавший, от кого ты бежишь?

— Козлик меня испугал, — ответил волк.

— Э-э, какой ты маленький трусишка! Надо было съесть этого козлика! Пойдем вместе.

— Нет, дедушка, я боюсь.

— Не бойся, я привяжу тебя к себе веревкой, и ты будешь чувствовать, что я все время с тобой.

Медведь привязал один конец веревки к шее волка, а другой конец — к своей шее. Вдвоем пришли к козлику.

— Что это у тебя на голове такое белое сверкает? — спросил медведь.

— Это моя сабля, которой я убиваю медведей и волков.

— А что это у тебя около рта такое серое болтается?

— Это мой платок, которым я утираюсь, когда съем медведя или волка.

И с криком «Бол-бол!» козлик боднул скалу.

Медведь испугался и побежал. Он бежал и приговаривал:

— Страшный козел кричит: «Бол-бол!» Страшный козел кричит: «Бол-бол!» — И тащил за собой волка.

— Дедушка, я задыхаюсь! — кричал волк.

— Задыхайся, задыхайся, кулугур! — отвечал медведь.

— Дедушка, я умираю! — кричал волк.

— Умирай, умирай, кулугур! — отвечал медведь. И бежал еще быстрее.

— Бол-бол! — кричал козлик и бежал за ними по пятам.

Тяжело стало медведю. Оглянулся и видит: тащит он мертвого волка. Перегрыз медведь веревку и ушел поскорей.

А козлик подбежал и видит: мертвый волк. Взвалил он волка на плечи и потащил. Скоро он подошел к берестяному чуму. Сбросил волка у входа, а сам вошел в чум. Там было семь волков. Один играл на чадагане, остальные слушали. Увидев козлика, они пропели:

Сегодня есть что поесть!

А что завтра будем есть?

Козлик не растерялся и сказал:

— Дай-ка я поиграю!

Волки удивились и дали ему чадаган. Козлик запел:

В черном чуме семь зверей.

Восьмой, убитый, — у дверей!

Я для шубы вас нашел.

Ах, как это хорошо!

Волки испугались и тихонько говорят одному:

— Посмотри-ка, что там у дверей.

Волк пошел посмотреть и не вернулся. Послали второго — второй тоже исчез. По очереди волки выходили, и никто не возвращался. Двое последних выскочили вместе, увидели мертвого волка и пустились наутек. Козлик — за ними.

— Я вас всех забодаю, кулугуры, я из вас шубу себе сошью! Бол-бол! — кричал он.

Волки побежали по льду. Козлик заскользил, остановился и закричал им вслед:

— Эх, если бы не скользкий лед, расправился бы я с этими кулугурами! Всех бы их на рога надел!

173. Как волк пастухом был

Как-то в старину волк скотину пас, а собака только дом стерегла. Сколько бы хозяйка ни кормила волка, он все голодный был. Раскалила однажды хозяйка камни и дала их волку вместо печеной картошки. Проглотил волк один горячий камень, завыл и в лес убежал.

С тех пор волк никогда больше в пастухи не нанимался.

Как только волк морду опалил — так и по сей день она черная, как тогда глотку обжег — так и сейчас шею согнуть не может.

174. Свинья и волк

Была старая свинья, не ходила никуда днем со двора; ночь пришла — свинья со двора сошла. Хозяйскую полосу миновала, в соседскую попадала; цветочки срывала, соломку бросала. Откуль взялся старый старичище, серый волчище, поднял хвостище, свинье челом отдал: «Здравствуй, милая жена, супоросная свинья! Зачем шляешься и скитаешься? Здесь волк поедает овец». Приходит свинье конец. «Не ешь меня, волчинька, не ешь меня, серенький! Я тебе приведу стадо поросят». — «Не хочу мяса иного, хочу мяса свиного». Взял волк свинку за белую спинку, за черную щетинку; понес волк свинку за пень, за колоду, за белую березу, стал свинные косточки глодать, свиных родителей поминать.

175. Волк и бабины телята

Паслись телята в огороде на привязи, а баба грядки полола. Зашел туда волк и заприметил телят, да и оперся о забор — в огород переключить хочет. А баба увидела его да и крикнула: ату! ату!

А волк, будто о телятах и не думал, говорит тут, чтоб разговору о нем не было:

— Тьфу, пропасть! Из-за бабиных телят уж и в огород нельзя заглянуть!

176. А зачем он шипел на святого?

Дал как-то волк зарок никого больше не резать, мяса не есть и пошел в пустыню, чтобы стать святым. Идет по дороге, а навстречу ему гусак, вытянул шею и давай шипеть. Волк схватил гусака и съел. Привели его в суд, спрашивают, зачем он это сделал, а волк отвечает:

— А зачем он шипел на святого?

177. Конь и медведь

Жил-был мельник, и держал он при мельнице коня. Столько поездил мельник на нем, столько поклажи перевез, что остались от бедной скотины лишь кожа да кости. Увидел мельник, что не годится уж конь для работы, подвязал ему поводья к шее и отпустил — иди, мол, куда глаза глядят. Побрел конь по дороге и добрался до леса. Тут нашел он травку сочную, прохладу лесную, воду прозрачную, ключевую и так все пасся, отдыхал да сил набирался: залоснилась шерсть, округлились бока, не проглядывают уж ребра сквозь кожу; хорошо, вольготно жилось коню, так что он по утрам да по вечерам даже резвиться начал, прыгать, на дыбы вздыматься, по траве зеленой кататься.

Но вот однажды наступили и для него дни тяжелые, увязался за ним медведь и все норовит поймать да съесть. Заржал конь:

— Выкинь ты дурь эту из головы, медведь, а то как бы не пришлось тебе проклясть тот миг, когда мы встретились с тобой.

— Что ж, по-твоему, у меня зубы сточились и не могу я с тебя шкуру содрать да мясо сожрать?

— Неужто ты такой сильный?

— А как же!

— Тогда давай потягаемся. Покажи-ка, чего ты стоишь, — сказал конь.

Поглядел медведь окрест, увидел скалу поваленную, подошел к ней да как сжал в объятиях — в песок раскрошил и по ветру пустил.

— И это все? — спросил конь. — А я как стукну копытом о камень, так не пыль, огонь высеку.

— Вижу, горазд ты хвастать, — рассердился медведь.

— А выйдем-ка на дорогу, сам увидишь.

Пошли они. Стал медведь на задние лапы, смотрит, а конь отошел подальше, а потом как разогнался — вихрем промчался, искры из камней высекая.

Медведь даже присел от удивления и страха.

— Ну, что ты скажешь?

— В самом деле, в тебе куда больше силы, чем во мне, — ответил медведь.

— Как же наказать тебя за то, что посмел зубы на меня скалить? Убить тебя и то мало!

— Не убивай меня, добрый конь! Какую хочешь службу тебе со-служу, только жизни меня не решай.

— Так вот, в наказание будешь водить меня на поводу, выискивать траву повкуснее, пока я не усну.

Медведь и не пикнул в ответ, боялся, как бы не поднял конь ногу да не протопал ему копытом аллилуя. Стал медведь коня пасти, пасет,

пасет, а сам — когда ж он, проклятый, заснет. Да не тут-то было! Изморился мишка, зубами скрежещет, ругается на чем свет стоит, да все про себя, чтобы конь не услышал. Как-то раз набрался он духу и робко так говорит коню:

— Ваша конская милость, неплохо бы отдохнуть тебе.

— А я и так слишком много отдыхаю.

— Когда же ты отдыхаешь, я ни разу не видел, чтоб ты прилег, глаза закрыл и хоть чуточку вздремнул.

— Разве ты не знаешь, что конь одним ухом спит, другим слышит?

— Но когда же ты спишь?

— Да вот тогда и сплю, когда не пасусь, а так стою, с ноги на ногу переминаюсь.

Намотал себе медведь на ус слова эти, да и начал он примечать, когда пасется конь, как воду пьет, когда на месте застывает. Вот однажды увидел мишка, что конь стоит без движенья, глаза в одну точку вперил да с ноги на ногу переминается, и попробовал выпустить из лап поводья. Стоит конь как ни в чем не бывало. Медведь сделал шаг назад, другой, весь дрожит, потом обливается. Конь ни с места. Тогда мишка — ноги на плечи и ну улепетывать. Бежит он так во все лопатки, не разбирая дороги, а навстречу волк.

— Что ты бежишь так, куманек, точно от смерти спасаешься?

— От нее и бегу.

— Неужто?

— Ей-ей! Тут неподалеку конь спит.

— Конь?!

— Да.

— Ну и что ж? Чай, не его испугался?

— Вот именно его. Глядишь, проснется да как лягнет, тут тебе и смерть.

— Ну и трус же ты и глуп, мишка! Где конь-то?

— Погляди-ка туда, откуда я прибежал.

— Не видно.

— Поднимись выше.

— Ничего не видать.

Повернулся медведь, смотрит назад, на цыпочки поднимается, а ничего не видит. Конь-то за пригорком остался.

— Где же он? — не стерпел волк.

— Давай подниму я тебя, тогда увидишь!

Как обхватил он волка лапами своими могучими, чтоб поднять выше, волк только пасть разинул да так и дух испустил, не успев даже пикнуть. Но медведь и не почувствовал, как сжал его в своих лапах и смерть ему уготовил. А увидав, что волк сдох, вздохнул косолапый и молвит:

— Эх, бедняжка, ты только увидал коня и то сдох, каково же мне, когда я его столько времени пас?

И, охваченный ужасом, пуще прежнего бросился медведь вновь наутек — может, и поныне бежит без оглядки.

178. Медведь и колода

Идет себе медведь лесом да вынюхивает — не найдется ли чем поживиться, уж так есть хочется, что аж живот подвело. Вдруг чует — мед. Задрал морду, глядит — на дереве улей, а под ульем колода на вожжах висит.

Полез медведь на липу. Долез до колоды, а дальше некуда — колода не пускает. Вот он и взял да отпихнул ее легонько лапой, она откачнулась немножко, да и ударила его по голове.

Медведь отпихнул ее сильнее — она сновахватила его по голове, но уже посильнее. Рассердился медведь, да изо всей силы как толканет колоду! А она его как треснет — едва он с дерева не свалился.

Рассвирепел медведь, уже и про мед забыл, только б ему эту гадскую колоду одолеть. И начал он ее изо всей силы от себя отпихивать, а она его все по голове да по голове. Бился он с ней, бился, пока совсем побитый не упал вниз. А под деревом человек острый кол вбил, медведь на него и наткнулся.

179. Осел и тигр

Пришел осел на опушку леса и заревел.

Вскочил из леса тигр, чуть не кинулся на осла, да вдруг испугался: никогда не видал он такого длинноухого зверя.

— Кто ты такой? — спросил тигр.

— Я батыр Манкан. Разве ты меня не знаешь? — ответил осел.

— Ну, если ты настоящий батыр, то выгони из леса всех оленей, а я буду их ловить.

Осел вошел в чащу и заревел.

Олени никогда не слышали ослиного рева, перепугались и бросились из леса. А у опушки их поджидал тигр.

Наелся он оленины до отвала.

Когда осел вышел из чащи, тигр ему и говорит:

— Я считался самым сильным зверем, но ты, оказывается, не слабее. Не подружиться ли нам?

Осел согласился.

Так они и подружились.

Через несколько дней тигр позвал осла поохотиться.

— Теперь ты, Манкан-батыр, сиди в засаде, а я пойду гнать добычу.

Бросился тигр в лес. Звери разбежались во все стороны, и на осла выбежал только заяц. Погнался осел за ним через колючие кусты, выбился из сил, а зайца так и не догнал.

Лег осел на поляне отдохнуть. Приметила его сорока, села ему на спину и давай клевать. Осел терпел, терпел, а когда осмелевшая сорока добралась до его головы, он ее придавил.

Пришел тигр и видит: лежит осел и не думает никого ловить. Тигр рассердился и спрашивает:

— Что же ты не ловишь зверей, лежишь, Манкан-батыр?

— Звериное мясо мне не по вкусу. Я люблю птичье. Вот я и поймал себе птицу.

Тут тигр увидел убитую сороку.

Удивился тигр ловкости осла и решил не отставать от него. Погнался он за птицами, перепугал весь лес, но ни одной не поймал. Усталый и злой вернулся тигр к ослу.

— Раз я не в силах поймать птицу, значит, ты, Манкан-батыр, ловчее меня.

— Вот и не забывай этого никогда, — ответил осел.

Захотелось как-то тигру поиграть. Пошел он к ослу.

— А во что мы будем играть? — спросил осел.

— Кто дальше прыгнет.

— Ну что ж, я согласен.

Разбежался тигр и перемахнул через речку. Осел прыгнул и плюхнулся в воду. Вынырнул и стал выбираться на берег.

— Чего это ты нырял?

Осел посмотрел на тигра, отряхнулся, и из его ушей выпали две маленькие рыбки. Осел и говорит:

— Ты думаешь только, как бы набить себе живот. А я думаю о других и стараюсь всем помочь. Я прыгнул, увидел, что эти бедняжки тонут, нырнул и спас их.

Еще больше удивился тигр ловкости осла и его могуществу. «Если он так силен и ловок, то и меня в живых не оставит», — подумал он и решил убежать.

Бежал, бежал, пока не встретил двух волков.

— Тигр-батыр, от кого ты так бежишь?

— От Манкана-батыра!

— А какой он собой, этот страшный богатырь?

— У него уши длинные-длинные, голова большая-большая, сам похож на лошадь, а как заревет — прямо оглушит.

— Эх-хе, тигр-батыр, это осел. Чего ж его бояться? Пойдем обрежем его длинные уши, — сказали волки.

Тигр долго не соглашался, но волки его уговорили.

Осел увидел их издали и закричал:

— Спасибо вам, мои волки! Вы у меня брали займы трех тигров. Этого, наверное, ведете в счет долга? Давайте его поскорее! — И побежал к ним навстречу.

Еще больше испугался тигр, раз-два — убил волков и умчался без оглядки.

Так осел победил тигра.

180. Умного человека можно обмануть один раз, а глупого — двадцать

В одном лесу жил тигр. Когда он стал совсем старым и немощным и не мог ходить, он сказал одной бедной и несчастной лисе:

— Эй, лиса, ты столько лет кормилась моими обедками и видела от меня немало милостей. А теперь ты сама видишь, что я одряхлел и не могу больше охотиться. Ты должна пойти и привести ко мне хитро-стью быка, осла или еще кого-нибудь. Я убью его, и мы будем сыты.

— Хорошо, иду, — ответила лиса. — Кого смогу, того и приведу.

И она ушла. Повстречала она осла, издали приветствовала его и сказала:

— Почему ты бродишь по такому месту, где нет ни воды, ни травы, одни только голые камни и больше ничего нет?

— А я доволен своей судьбой, — сказал осел. — Бог знает, какие неприятности могут быть, когда есть блага. Мой отец, например, рассказывал мне такую историю. «У одного лавочника — торговца сладостями — был осел, тощий и со сбитой спиной. А у этого лавочника был друг — главный царский конюх. И вот однажды он спросил лавочника: „Почему твой осел такой худой?“

Тот ответил: „Он недоедает, других причин нет“. Конюх посоветовал ему: „Приведи этого осла в нашу конюшню, пусть побудет там. Поправится настолько, насколько тебе захочется“. Хозяин осла тотчас отвел его в конюшню и оставил там. Увидел осел, как живется лошадям в царской конюшне: тихо, спокойно, их чистят и корм вовремя дают — ячмень, овес, солому, траву. Расплакался он и стал жаловаться: „О боже праведный, я ведь тоже твое создание, как они, а как им живется и как мне!“ Осел еще причитал и плакал, когда послышался приказ: „Седлайте коней! В таком-то месте предвидится бой!“

В одно мгновение кони были готовы и отправились на поле битвы. Когда наступил вечер и кони вернулись с боя, они все валились с ног. Пришли кузнецы. Конюхи связали лошадям ноги, а кузнецы клещами рвали мясо, обрезали его ножами и ножницами и вытаскивали из ран осколки снарядов.

Когда осел увидел это, он подумал: „Слава богу, я здоров и не надо мне никаких благ“».

С тех пор как я услышал эту историю своего отца, я всегда терпеливо переношу все!

Лиса сказала ослу:

— С тобой приключилась такая же история, как с одним человеком. Шел тот человек по дороге и увидел безногую лису, которая лежала и не могла сдвинуться с места. Человек заинтересовался, как же эта лиса добывает себе еду? Спрятался он и подумал: «Посижу-ка я сегодня здесь, посмотрю, как она живет».

Прошло немного времени, пришел тигр с охоты, принес добычу. Все, что мог съесть, съел, а остальное бросил лисе.

Увидел это человек и подумал: «Человек может добыть хлеб насущный любым способом, зачем же я себя утруждаю?» Пошел он и уселся в пещере какой-то горы. Просидел он там голодный несколько дней, а потом подумал, что сейчас он еще здоров, а дальше совсем ослабеет и что нужно ему позаботиться самому о себе.

Когда он собирался уходить, ему послышался какой-то таинственный голос: «Аллах дал тебе руки и ноги. Будь тигром и зарабатывай, чтобы кто-то еще кормился около тебя, но не уподобляйся лисе и не ожидай обедков от других».

Осел сказал:

— Об этом я слышал другой рассказ, отличный от рассказанного тобой. Вкратце содержание его таково. Один человек прочитал хадис, что человек может иметь хлеб насущный в любом месте, и решил, проверю-ка я, верно это или нет. Пошел он и улегся в степи, недалеко от горы и жилья.

А какой-то караван сбился с дороги и набрел на человека. Увидали погонщики человека и подумали, что это какой-то путешественник. Бедняга заблудился и вот-вот умрет с голоду. Решили они дать ему хлеба или риса — авось встанет, оживет. Когда ему принесли еду, он стиснул зубы. Чего только погонщики не делали, он не открывал рта. Они поняли, что он так слаб, что не может даже рта открыть. Тогда старший из них сказал: «Давайте-ка вытащим у него несколько зубов. Ведь если он умрет, будет плохо, а если он лишится нескольких зубов — ничего страшного».

Все согласились с ним. Тотчас же вытащили у лежащего несколько зубов, набросали в похлебку хлеба и стали понемногу вливать ему в рот.

Человек подумал: «Поистине, судьба везде настигнет человека. Почему я лежу? Потерял зубы, отвлекаю других людей от их дел», — и он тотчас вскочил.

Лиса сказала ослу:

— Глупый, ну что ты без конца рассказываешь сказки? Перебрал все, начиная с сороконожки и кончая драконом. Ты должен думать о себе. Где ты, а где те люди?

И начали они пререкаться. Наконец лиса сказала:

— Глупец, ты сам себе враг, утомляешь себя спором вместо того, чтобы пройти со мной несколько шагов. А ведь в том месте такая высокая трава, что доходит до пояса, а кое-где даже верблюд может в ней спрятаться, и повсюду течет холодная, прозрачная, пресная вода. Животное, которое попадет туда, так поправляется, что его узнать нельзя, и счастлив тот, кто окажется там.

Глупый осел, плохо разбираясь в житейских делах, выслушал слова лисы, хотя и пытался возражать, но все же поверил ей: упоминание о вкусной еде и прекрасном месте возбудило в нем желание.

— Идем скорее, посмотрим то место, которое ты так расхваливаешь, — сказал он лисе.

И они пошли — лиса впереди, осел за ней.

Пришли в лес. Тигр издали увидел осла и так как он был очень голоден, то, не дав осла подойти поближе, не вытерпел и кинулся на него.

Как только осел увидел тигра, он бросился бежать не разбирая дороги: он мчался по холмам и ямам, по горам и долам и удрал.

Лиса разозлилась на тигра и стала его ругать:

— Я привела осла с таким трудом, а ты не мог потерпеть немного и подпустить его к себе поближе!

— Да, — согласился тигр, — я сделал большую глупость, и какую бы хитрость мы ни придумали, он больше сюда не пойдет.

— Ладно, — сказала лиса, — я опять приведу этого осла, но ты только не спеши. Пусть он подойдет к тебе поближе, тогда и бросайся на него.

— Я все понял, — сказал тигр, — но не думаю, чтобы он опять пришел.

— Ну, это уж мое дело, — сказала лиса и ушла.

Когда она пришла к ослу, тот стал ее упрекать:

— Жестокая, злодейка, в какую беду ты меня ввергла! Слава Аллаху, что я еще ушел. Когда я увидел тигра, то забыл про свою алчность и уже совсем было распрощался с жизнью.

Лиса ответила:

— Я совершила ошибку, не предупредила тебя, что кто-то ради шутки сделал чучело тигра. И если придет кто-нибудь неосведомленный, он может подумать, что это настоящий тигр. Я это совершенно упустила из виду.

— Замолчи, хитрюга, злодейка! Мне пришлось пережить такое, что будь на моем месте молодой человек, он превратился бы в старика. И потом я видел своими глазами, что это тигр, а ты мне твердишь, что это чучело.

— Что я могу поделать, — сказала лиса, — коль у меня нет ума? Разве можно так плохо думать о своих друзьях? Если ты поразмыслишь, то сам поймешь, что это был не тигр. Ведь если бы это был тигр, разве я повела бы тебя туда?

Осел приводил различные доводы, но у лисы на все был готов ответ. Наконец у осла не осталось никаких возражений, да и проголодался он изрядно, и лиса всякими хитростями и уловками опять повела его к тигру.

Тигр притаился и выжидал, когда осел подойдет поближе. Когда осел приблизился и тигр убедился, что осел уже не сможет убежать, он бросился на него, схватил и переломил ему хребет. Потом сказал лисе:

— Побудь здесь, а я отлучусь на минутку попить воды.

Ушел тигр, а лиса тотчас принялась за осла: распоролла ему брюхо, вытащила сердце, съела, вытерла рот и уселась как ни в чем не бывало.

Когда тигр вернулся, ему захотелось ответить сердце осла, а потом уже съесть все остальное. Поискал он, но сердца не нашел и сказал лисе:

— Лиса, а у этого осла сердца-то нет!

— Конечно, господин, — ответила лиса, — у него нет сердца.

— Что за чудо, — удивился тигр, — осел здесь, а сердца нет!?

— Ничего удивительного, что у него нет сердца. Было бы сердце, не пришел бы он сюда. У него не было сердца, вот он и явился к тебе, а ты его разорвал.

— Ты права, — сказал ей на это тигр.

181. Осел и верблюд

Осел и верблюд паслись вместе на лугу. Когда они подошли к краю лужайки, осел вдруг начал реветь.

— Не шуми, — сказал верблюд, — люди услышат, найдут нас и навьючат нам на спину груз.

— Это мне вспомнились песни моего отца, — отвечал осел.

Случилось так, что мимо проходил караван. Люди услышали ослиный рев, забрали осла и верблюда и, спутав осла ноги, взвалили его верблюду на спину.

Тронулись в путь. Когда они подошли к спуску, верблюд начал подпрыгивать. Осел видит, что сейчас свалится, и говорит:

— Зачем ты это делаешь?

— Это мне вспоминаются танцы моей матери! — ответил верблюд. Тут осел упал и переломал себе ноги.

182. Об осле

Как-то раз осел стал думать о своем хозяине.

«Хозяин очень любит нашу собаку, — думал он. — Должно быть, это потому, что она подлиза — виляет хвостом, скачет перед ним, прыгает. Ну, конечно, за это-то он ее и любит. Надо бы и мне попробовать поскакать и попрыгать перед ним, потом забраться к нему на колени! А уж он тогда непременно меня приласкает!»

Так рассуждал осел. Тем временем хозяин его вернулся с поля домой и сел на стул во дворе. А наш осел подошел поближе и ну скакать перед ним. То влево прыгнет, то вправо, да вдруг как заревет во все горло. Потом стал на задние ноги, а передние умильно положил на грудь хозяину и уже хотел было сесть к нему на колени, но тут хозяин не выдержал и завопил. На его крик прибежал слуга с толстой палкой и прельно отколотил осла.

183. Бык, осел и петух

Однажды к пророку Сулейману пришел один человек и попросил:

— Помолись за меня, чтобы я стал понимать язык птиц.

— Будешь ты понимать язык птиц, — ответил пророк. — Только если кому-нибудь откроешь эту тайну, умрешь в одночасье.

— Конечно, — сказал человек, — никому не скажу.

— Иди, — сказал Сулейман, — будешь теперь понимать язык всех животных.

Человек пошел домой. Наступила ночь, а на дворе у него были бык, осел и петух. Осел и спрашивает у быка:

— Скажи-ка, молодец, как прошел у тебя день?

— Тяжелый денек выдался, — отвечает бык.

— Если хочешь, — говорит осел, — научу я тебя одной хитрости, которая избавит тебя от многих трудов.

— Конечно, научи! — отвечает бык. — Принимаю все, что ты скажешь.

— Не ешь ночью травы — вот мой совет, — говорит осел.

— Ладно, — сказал бык. И ничего не стал есть ночью.

А человек слышал их разговор. Утром он и говорит:

— Бык нездоров, запрягите осла. Сегодня он пойдет вместо быка.

Ушел осел и целый день работал. Вечером вернулся на свое место, а бык спрашивает:

— Скажи, молодец, как ты сегодня провел день? Кажется, ты и не работал вовсе.

— Сначала-то мне было так же трудно, как вчера тебе, — отвечает осел. — Но потом стало легче. Они стали обдумывать, как тебя прирезать, а я воспользовался этим и избавился от работы.

— А за что же меня резать? — взревел бык.

— Больше ничего не знаю, — ответил осел, — но они говорили между собою: «Этот бык не ест. Давай его прирежем, пока не сдох».

— Что же мне теперь делать, чтобы спастись? — вскричал бык.

— Ешь траву, — отвечает, — другого выхода у тебя нет.

Когда бык нагнулся над травой и начал есть, человек громко рас­смеялся. Он смеялся над их беседой, а жена посмотрела на него и спросила:

— Что это ты смеешься?

— Да так просто, — ответил он.

— Нет, ты мне расскажи, над чем смеешься! Может быть только две причины: либо ты сошел с ума, либо тебе понравилась другая женщина.

Как человек ни убеждал, ни уговаривал жену, она твердила: «Расскажи, иначе я тебя брошу». Она никак не отставала от него, и тот человек сказал:

— Ладно. Подожди только, пока я составлю завещание, а потом уж объясню тебе все.

Он начал писать завещание, а бык и осел перестали с горя есть и пить. Только петух беззаботно прыгал и радостно распевал.

— Хозяин наш скоро умрет, а ты радуешься, — сказали петуху бык и осел.

— Почему это он скоро умрет? — спросил петух.

— А потому, что жена довела, — отвечают те.

— Подумаешь, у меня двадцать жен, я и то с ними справляюсь. А у него одна, и он с одной не может справиться.

— А что же ему делать? — спросили они.

— Пусть возьмет палку потяжелее, — ответил петух, — и стукнет ее как следует. Либо он убьет ее, либо она сама тут же отстанет и попросит прощения.

Услышал эти слова человек, встал, взял палку и ударил жену раза два. Она стала просить прощения и больше не приставала к нему.

184. Медведь, собака и кот

У одного дедушки была хорошая собачка. Она была молодая и злая. Дедушка ону любил и ценил. А когда она постарела, дедушка ону сбраковал. Взял и завез в лес. Ну что ж, трое суток она побыла, есть захотела и горько, горько заплакала. Подходит к ней медведь. Медведь у ней спросил:

— Что, собака, плачешь?

Она пояснила ему свое обстоятельство. Медведь сказал:

— Не плачь, я тебя накормлю. Пойдем в поле, там пасется стадо волов.

Пришли они. Медведь начинает рыть землю и набирает силы и зла, и спрашивает у собаки:

— Ты смотри: хвост ершится у меня?

— Ершится.

— И шерсть вздымается?

— Вздымается.

— И посмотри — глаза покраснели у меня?

Собака говорит:

— Покраснели.

— Ну, теперь все!

Бросается медведь на большого вола. Обвалил его и стал сдирать кожу с него, и говорит:

— Ешь, до твоей смерти хватит теперь!

Собака ест и радуется.

Теперь случилось с котом так. Завез старик кота негодного в лес. И кот то же самое плачет, есть хочет. Встретила кота эта же собака и спрашивает:

— Что, кот, плачешь?

— Есть хосу.

А собака и говорит:

— Не тужи, я тебя накормлю. Пойдем со мной, там пасут стадо хороших лошадей!

Вот пришли они к лошадям. Собака и говорит:

— Я буду землю рыть, силы набирать и зла. Ты посмотри: хвост ершится у меня?

Кот посмотрел и говорит:

— Нет, не ершится.

— Дура, говори, что ершится.

— Ну, пусть, — говорит, — и ершится.

— А шерсть, — говорит, — вздымается?

Кот ходит кругом и смотрит:

— Нет, не вздымается.

— Не говори так!

— Ну, пусть вздымается.

— Посмотри, — говорит, — глаза краснеют?

Кот подошел, посмотрел:

— Нет, — говорит, — не краснеют.

— Не говори так!

— Ну, пусть и краснеют, пусть будет по-твоему!

Собака и говорит:

— Все теперь! — и накинулась на хорошую лошадь. Задумала обвалить ону.

А лошадь задним ногам да с подковам ка-ак дала этой собаке! Собака далеко отлетела. Подходит к собаке кот и говорит:

— Теперь я вижу: шерсть у тебя вздымается, ой-ой-ой, и хвост ершится, и глаза покраснели!

Вот собака кота и не накормила, а сама смерть получила!

185. Отчего собаки ненавидят кошек, а кошки ненавидят крыс

Жила-была на свете одна собака, которая спасла жизнь королевской дочке, и король, ясное дело, до того обрадовался, что не знал, как ту собаку отблагодарить. И написал он указ, что, какая бы собака ни забрела в его королевство, ей полагается бесплатный стол и квартира. Указ привязали собаке к хвосту, чтобы все его видели и могли угодить королю.

Пошла собака к подружке и рассказала приятную новость. Подружка, конечно, обрадовалась и стала хвалить собаку за ее геройский подвиг, нахвалиться не могла. Сели они пировать, вино лилось рекою, и решила собака заночевать у подружки. Пришло им время ложиться спать, да как ляжешь, чтобы указ-то не скомкать? А у подружки хозяйство вела кошка, и вот позвала она кошку и велела спрятать указ до утра. Ну, взяла кошка указ, а собаки преспокойно уснули.

Вот утром они опохмелились, и подумала собака, что пора уж бежать — показывать родным и знакомым чудесный указ. Послали кошку за указом, пошла она туда, где его припрятала, а никакого указа-то и нет, крысы утащили.

Ну, уж тут, ясное дело, такое поднялось, шум, гам, искали-искали, да только указа не нашли. Собаки со зла кошку чуть не разорвали. А кошка разлилась на крыс. И так с того дня собаки ненавидят кошек, а кошки крыс.

А собаки и посейчас верят, что указ найдется, поэтому стоит одной собаке встретить другую, она сейчас же заходит сзади и смотрит, не повеселилось ли той найти указ и не повесила ли она его себе на хвост.

186. Почему собаки обнюхиваются

Однажды устроили собаки пирушку. Не было у них перца, так одной собаке предложили, чтобы сходила она в город за перцем. Пошла она. Долго-долго ждали ее собаки, а она все не возвращалась. Наконец, решились они пойти ее искать. Отсюда так и вышло, что когда собаки встречаются, то обнюхиваются. Они хотят узнать, уж не та ли это собака, которая ушла за перцем.

187. Бездомная собака

Зимой мороз донял собаку. Когда ей стало совсем невмоготу, она сказала себе:

— Скоро зима кончится, а летом я сплету плетневый дом.

Наступило лето. Собака от жары спряталась под куту и растянулась там. Посмотрела она на себя и увидела, что ногами и хвостом своим заняла большое пространство.

— Ох, ох! — сказала она. — Если мне понадобится плести плетень-то, то когда же я закончу?

Потому-то и до сих пор собака не имеет дома.

188. Почему у зайца рассеченная губа

Однажды все зайцы собрались под большой сосной, чтобы посоветоваться, как улучшить свою жизнь. Каждый жаловался на свою беду.

— Видите, милые мои зайцы! — сказал самый большой из них. — Мы должны всех бояться, а нас не боится никто. Мы боимся кошек и не знаем, где устраивать наши гнезда и где нам жить с нашими женами и детьми. И нет надежды, чтобы наша жизнь стала легче. Скорее, она ухудшается. Каждый карапуз гоняется за нами. Где бы нас ни увидел кто-нибудь, он тотчас кричит: «Заяц! Заяц!» Пойдем лучше к озеру и утопимся все. Все равно нам надо умереть!

Все зайцы согласились на это.

Они побежали к озеру и хотели утопиться. Но на берегу озера паслось большое стадо овец.

Когда они услышали приближение зайцев, они так испугались, что бросились бежать сломя голову. А пастух с собакой — вслед за ними. Увидев это, зайцы остановились и расхохотались. Они убедились, что существуют еще животные и люди, которые их боятся. И они хохотали так, что их губы полопались. С той поры у всех зайцев губы навсегда остались рассеченными. Но в тот момент у них прошло желание утопиться.

189. Как заяц с морозом поспорил

Говорит как-то мороз зайцу:

— Я тебя мигом в сосульку могу превратить!

— А вот и не сможешь! — отвечает заяц.

— А я говорю — смогу!

— А я говорю — не сможешь!

Так они спорили, спорили, чуть не подрались. Тут морозу пришла на ум хорошая мысль.

— Давай, — говорит он зайцу, — об заклад биться!

— Давай, — согласился заяц.

Начал мороз зайца морозить. А заяц катается по снегу и кричит:

— Барину тепло, барину жарко!

«Ах, будь ты неладен! До чего ж крепкий заяц!» — думает мороз и что есть мочи лютует. Холода такого напустил, что у зайца глаза на лоб полезли. Но держится косою и кричит:

— Барину тепло, барину жарко!

Устал мороз, а заяц все по снегу катается и замерзать не думает.

— Разве тебя заморозишь! — сказал мороз и отступился от зайца. С той поры заяц зимой не мерзнет, только вот глаза так и остались у него выпученными.

190. Докажи, что ты не верблюд

Заяц удирал изо всех сил.

— Чего ты так бежишь? — спросил волк, увидев запыхавшегося зайца.

— Падишах приказал убить всех верблюдов, из-за того что они не красивые животные. Поэтому я хочу как можно скорее удрать из этой страны.

Заячье желание рассмешило волка:

— Да ты же не верблюд. Чего ж тебе удирать?

— Так-то оно так, но если убьют тебя, пойдешь потом докажи, что ты не верблюд!

191. Коза и овца

Однажды овца перепрыгивала через ров. В это время у нее приподнялся курдюк и обнажился зад.

Увидя это, коза стала хохотать. На вопрос, почему она смеется, коза ответила:

— Да как же, ведь я увидела голый овечий зад!

Услышав это, лошадь пристыдила козу:

— Ты однажды увидела зад овцы и засмеялась, а сама вечно ходишь с задраным хвостом, над тобой никто не смеется.

192. Лиса-плачя

Посеяли раз старик со старухой на чердаке репу. Пошел потом старик смотреть, как она выросла. Выросла мало — величиной с пятак. Посмотрел второй раз — величиной с чайное блюдце. А в третий раз поднялся — большая репа выросла. Полезли оба выдергивать ту репу, а старуха взлезть не может, он посадил ее в мешок, чтобы поднять. Мешок прорвался, старуха упала и померла.

Пошел старик плачею искать, а навстречу — медведь.

— Куда, дяденька, направляешься? — спрашивает.

— Плачею искать. Может быть, ты умеешь плакать?

— Умею, — отвечает медведь.

— Коли так, поплачь.

Начал медведь плакать:

— Улю-улю-улю!

— Тьфу! — отвернулся старик. — Не умеешь ты плакать.

И пошел дальше. А навстречу — волк.

— Не умеешь ли ты плакать? — спрашивает его старик.

— Умею, — отвечает волк и начал плакать:

— Рав-рав-рав!

— Тьфу! Ты не умеешь!

Пошел старик дальше, встречает зайца.

— Куда, дяденька, направляешься? — спрашивает заяц.

— Старуха умерла, плачею искать иду. Может быть, ты умеешь плакать?

— Умею.

— Ну, поплачь!

Заплакал заяц:

— По-по-по, ло-ло-ло...

— Нет! — говорит старик. — И ты не умеешь.

И пошел дальше. Шел-шел, лисица повстречалась.

— Куда, дяденька, идешь?

— Плачею ищу. Умеешь плакать или нет?

— Умею, — отвечает лисица.

— А ну, поплачь!

— У старика, — заплакала лисица, — умерла старушка, некому старику рубаху выстирать...

— Ну, ты, видать, умеешь, — говорит старик, — пойдём ко мне.

Пришли домой, старик принялся гроб делать, а лисице сказал, чтоб плакать шла.

— погоди, — отвечает лиса, — дай снег стряхнуть...

— Да плачь же! — кричит старик со двора.

Но в избе по-прежнему тихо.

— Сейчас вот умоюсь! — отвечает лиса.

— Да когда ж ты, наконец?

— Вот только вытрусь!

И опять тихо.

— Скоро ли? — кричит старик.

— Вот только волосы расчешу.

И все не плачет. Пошел старик в избу, лиса как бросится из нее прочь, только ее и видел. А от старухи одни лишь косточки остались.

193. Цингил-цингил воробышек

Жил или не жил когда-то воробышек. Однажды застряла у него в ножке колючка. Как ни старался воробышек, не мог вытащить занозу. Полетел он за помощью к соловью, но и тот не сумел вытащить занозу. Полетел воробышек к ласточке, но и ласточка не смогла ему помочь.

Тогда с вязанкой дров под мышкой прилетел воробышек к старушке:

— Душа моя бабушка, возьми дрова и вынь занозу из ноги!

Старушка вытащила колючку, бросила ее вместе с дровами в очаг и начала печь хлеб. Вскоре дрова сгорели, и семь лавашей легли на стол. Вернулся воробышек и защебетал:

— Душа моя бабушка, верни мне колючку!

— Но, милый мой воробышек, колючка твоя давно уж сгорела!

Заверещал, заплакал воробышек:

— Или верни занозу, или отдай лаваш! Или верни занозу, или отдай лаваш!

И пришлось старухе отдать воробышку все семь лавашей. Взял их воробышек и улетел. Летит он, летит и видит, что чабаны доят овец и пьют молоко прямо так, без хлеба. Стало ему жалко чабанов, и воробышек предложил им:

— Братья чабаны, у вас нет хлеба. Возьмите эти семь лавашей и давайте вместе съедем их с молоком!

Только пристроился воробышек к еде, как вдруг в небе появился ястреб. Спрятался воробышек, а чабаны выпили все молоко и съели весь хлеб. Вернулся воробышек к скатерти, расстроился и начал плакать:

— Или лавашки верните, или овец отдайте! Или лавашки верните, или овец отдайте!

Пришлось чабанам отдать воробышку за каждый лаваш по овечке. Погоняет их воробышек, а сам летит. Летит и видит аул, а в ауле свадьба.

Увидели хозяева гостя с богатыми дарами и в знак особого уважения велели сыграть для него ковшу. Воробышек протанцевал почетный танец с невестой и сел за стол. Тем временем его овец зарезали и принесли к столам дымящиеся шашлыки. Но как назло в небе снова появился ястреб, и пришлось воробышку спрятаться. Долго кружил в небе ястреб. Тем временем и музыка смолкла, и гости разошлись, и столы опустели. Выйдя из тайника, заплакал воробышек:

— Или овец верните, или невесту отдайте! Или овец верните, или невесту отдайте!

Пришлось жениху отдать воробышку невесту — где ж бедняк возьмет семь овец! Забрал воробышек невесту и снова отправился в дорогу. Встретился им на пути юноша с сазом. Сладко пел саз, очень уж он понравился воробышку.

— Давай меняться, — предлагает он юноше, — ты мне саз, а я тебе невесту.

Юноша, конечно, согласился, они обменялись и разошлись. Летит воробышек, играет на сазе. Сел он на дерево и запел:

За занозу взял лаваши.
Цингил-цингил воробышек!
За лаваши взял овечек.
Цингил-цингил воробышек!
За овечек взял невесту.
Цингил-цингил воробышек!
За невесту взял саз.
Цингил-цингил воробышек,
Цингил-цингил дитя,
Цингил-цингил воробышек!

Вдруг опять в небе появился ястреб. Испугался, задрожал воробышек, саз выскользнул из-под его крылышка, упал на землю и разбился.

Плакал-трещал воробышек, но не нашел вокруг никого, чтобы потребовать замены. Так и летает он до сих пор, ищет своего должника и поет песню:

Цингил-цингил воробышек!

194. Мужик, медведь и лиса

Пахал в поле мужик на волё, а вол этот был совсем тупой. Рассердился мужик на вола и говорит: «Чтоб тебя медведь задрал!» Валит тут из лесу медведь и хочет задрать вола. Мужик тогда говорит: «Дай допахать межу! А ты иди, вон там за межой полежи!» Медведь пошел и лег. Только он лег, как бежит из лесу лисица и кричит: «Мужик! Мужик! Ты не видал волков-медведёв — паны наехали, спрашивали?» Мужик говорит: «Нет, не видал!» — «А что это там за межой лежит?» Мужик говорит: «Колода на лучину!» — «Кабы это колода на лучину была, так она бы под возом лежала!» И побежала в лес.

Вот медведь и говорит мужику: «Подтащи меня под колеса!» Мужик взял да подтащил, а сам пошел пахать. Тогда снова лисица бежит и кричит: «Мужик! Мужик! Ты не видал волков-медведёв — паны ехали, спрашивали?» Мужик говорит: «Нет, не видал!» — «А что это у тебя под возом лежит?» — «Это колода на лучину», — говорит мужик. «Кабы это была колода на лучину, так она была бы на возу увязана!» А сама побежала в лес.

Медведь и говорит мужику: «Увяжи меня на возу веревкой!» Мужик положил его на воз и увязал веревкой. А сам пошел пахать. Лисица снова бежит: «Мужик! Мужик! Не видал ли ты волков-медведёв — паны ехали, спрашивали?» Мужик говорит: «Нет, не видал!» — «А что это у тебя на возу лежит?» — «Колода на лучину!» — «Если б это была колода на лучину, так она была бы завертой заверчена!» Да сама и побежала.

Медведь говорит мужику: «Заверти меня завертой!» Мужик его и завертел, да так, что медведю и не дохнуть. Тут лисица снова бежит:

«Мужик! Мужик! Ты не видел волков-медведёв — паны ехали, спрашивали?» Мужик говорит: «Нет, не видал!» — «А что это у тебя на возу лежит?» — «Колода на лучину», — отвечает мужик. «Кабы это была колода на лучину, так в нее топор был бы воткнут!» А сама побежала в лес.

Тогда медведь говорит мужику: «Воткни в меня топор!» Мужик взял топор да со всего размаху и воткнул его в медведя — и зарубил! Тогда лисица прибежала и говорит: «Ну, а теперь давай мне гостинец, я тебя от медведя спасла!» — «Хорошо, — говорит мужик, — дам гостинец. Подожди тут немножко!» Пошел во двор, взял двух собак — Серко да Белко, посадил их в лукошко, прикрыл дерюжкой и понес. Донес до лисицы: «На тебе кур!» Лисица говорит: «Давай! Выпускай по одной: я половлю!» Тогда мужик открыл дерюжку, собаки выскочили из лукошка да за лисой. Она бежать да в нору. Прибежала, запыхалась — уморилась!

Тогда стала она спрашивать: «Вы, глаза, что делали, как я от собак убежала?» — «Глядели!» — «А вы, уши?» — «Мы слушали!» — «А вы, ноги, что делали?» — «Бежали!» — «А ты, хвостище-дурнице, что делал?» — «А я все то за пень, то за колоду цеплялся, чтобы скорее лису собаки поймали!» — «Ах ты, плут! Я ж тебя за это отдам собакам!»

Высунула хвост из норы да и говорит: «Серко да Белко — нате хвост!» А собаки цап за хвост да лису и вытянули из норы.

195. Лис, пастух, медведица

Один пастух пас овец. Гонится за лисом медведица. Лис забежал в дом. Хотела и медведица забежать в дом. В тесную дверь передняя часть ее вошла, а задняя не вошла, она и застряла. Лис через небольшую дыру в стене прошмыгнул наружу, вернулся к двери, подошел сзади к медведице, которая застряла в двери и не могла двинуться ни взад, ни вперед, и надсмехался, изнасиловал медведицу. Пастух стоял и видел все это.

Медведица еле выбралась, огляделась по сторонам и подошла к пастуху.

— Ну, что видел? — спрашивает.

— Что я мог видеть? Какой-то лис изнасиловал какую-то медведицу, только это и видел, — отвечает.

Медведица разозлилась:

— Если кому-нибудь расскажешь об этом — съем тебя!

— Ойбай, тогда не буду рассказывать! — говорит пастух.

— Ладно, если расскажешь — умрешь! — сказала так медведица и ушла.

Пастух вечером вернулся в аул и рассказал об этом аульчанам. Аульные детишки сочинили об этом песенку и, играя, громко распевали ее. Медведица услышала ее, разозлилась, пришла на следующий день к пастуху, когда тот пас овец.

— Ну, где твое «никому не скажу»? Теперь съем тебя! — говорит.

Пастух заплакал:

— Дай мне три дня сроку, попрощаюсь с домашними, с родными и близкими!

— Ладно, даю три дня сроку, — сказала медведица и ушла.

Плачет пастух в степи, приходит лис.

— Ну, пастух, почему плачешь? — говорит.

— Ойбай, так-то и так-то, все из-за тебя. Теперь мне умереть придется! — говорит пастух.

А лис говорит:

— Ойбай, ты помалкивай себе, а я придумаю, как избавиться от медведицы. Что дашь за это?

Пастух обрадовался:

— Ойбай, что попросишь, то и дам!

Лис говорит:

— Дай мне одну из твоих почек!

Пастух:

— Ладно!

Так и порешили, договорились. Лис говорит:

— Пойди и принеси из аула какой-нибудь большой кап. Когда медведица придет, я начну вон там пылить. Медведица спросит: «Что это?» Ты скажи: «Это ханский сын. Его жена захотела поесть медвежьего сердца, вот он его и ищет!» Медведица испугается, «Ойбай, тогда спрячь меня! Куда мне спрятаться?» — скажет, тогда ты скажи ей, чтобы она спряталась в том большом капе, крепко завяжи кап и убей шокпаром!

Договорились они, и лис ушел. Медведица пришла в тот день, когда и обещала прийти. Поговорила с пастухом, только собралась — «Теперь съем!» — как увидела вдали пыль.

— Пастух мой, что это? — спрашивает у пастуха.

А пастух:

— Это ханский сын, его жена захотела поесть медвежьего сердца, вот он его и ищет!

Медведица перетрусилась:

— Ойбай, мой пастух, спрячь меня! Куда мне спрятаться?

Пастух говорит:

— Ну ладно, прячься сюда!

Впихнул медведицу в кап, крепко завязал кап недоуздом, избил шокпаром и убил.

Вот пришел лис, смеется:

— Ну, давай теперь свою почку!

Помялся пастух, со слезами на глазах расстегнул свой ремень. Когда снял ремень, в животе у пастуха заурчало. Лис наострил уши:

— Что это там скулит?

А пастух:

— Намедни я проглотил щенка гончей, теперь он стал взрослой гончей и скулит, хочет выйти из моего живота.

Лис испугался:

— Ойбай, мой пастух, тогда будем друзьями, подожди свой зад, я убегу! — и умчался прочь.

196. На то у змеи жало, чтобы жалить

Один пастух, увидев, что загорелась степь, поспешил угнать своих овец в безопасное место. Вдруг он услышал доносящееся из дыма и огня громкое шипение. Подошел поближе, видит: в языках пламени мечется, извиваясь от ожогов, большая змея. Пастух сжалился над ней, привязал к своему длинному посоху мешочек и протянул в сторону змеи. Змея тут же вползла в мешок. Тогда пастух притянул его к себе и вытряхнул змею. В тот же миг она обвинила ему ногу. Он удивился и спросил:

— Что ты хочешь делать?

— Я ужалю тебя, — ответила змея.

Пастух удивился:

— Я спас тебя от смерти. Неужели ты ужалишь человека, который сделал тебе добро?

— Ничего я не знаю. Моя природа — жалить, разливать яд, на другое я не способна, — ответила змея.

— Горе мне! — воскликнул пастух, — но подожди немного. Сначала спросим у кого-нибудь, чем отвечают на добро — добром или злом. Как нам ответят, так ты и поступишь.

Пастух зашагал по степи, неся змею, обвинившую его ногу.

Попалась им навстречу тощая корова.

— Эй, корова! — откликнул ее пастух. — На добро отвечают добром или злом?

Подумав немного, корова ответила:

— Конечно, на добро отвечают злом. Пока я была молодая и здоровая, доилась я три раза в день. Хозяева любили и холили меня. Теперь я состарилась и не даю молока. И вот завтра погонят меня на базар и продадут мяснику. Разве это добро за добро?

— Видишь, пастух, правду я говорила, — прошипела змея. — Ты приготовился умереть?

Пастух взмолился:

— Погоди, спросим еще у кого-нибудь, а потом уже можешь жалить.

У самой дороги стояла старая яблоня. Была она старая, с ободранной корой, обломанными ветками. Вся земля у ее ствола была усыпана камнями.

Пастух спросил у яблони:

— Эй, яблоня, скажи нам: на добро отвечают добром или злом?

— Эх, друзья, конечно, на добро отвечают злом, — сказала яблоня. — В молодые годы я давала много плодов. Но прохожие кидали в меня камнями, ребята залезали на меня и ломали ветки. Видите, что со мной случилось. Скоро меня спилят на дрова. Разве это добро за добро?

— Слышишь, пастух, теперь ужалю, готовься к смерти! — зашипела змея.

— Погоди, змея, — попросил пастух, — спросим у кого-нибудь в третий раз.

Повстречалась им лиса.

— Эй, лиса, — окликнул ее пастух, — подожди, мы хотим задать тебе один вопрос!

Остановилась лиса, смотрит: змея обвила ногу человека, вот-вот ужалит.

— Что тут у вас? — спросила лиса.

Пастух сказал тогда:

— Эй, лиса, вот эту змею я спас от смерти. А теперь она собирает-ся ужалить меня. Разве это справедливо?

— Как же ты спас ее от смерти? — удивилась лиса.

— Я увидел в огне змею и сжалился над ней. Привязал к концу палки вот этот мешочек и протянул змее. Она вползла в мешочек, я вытянул его обратно и так спас змею от огня, — ответил пастух.

Тогда лиса громко рассмеялась и сказала:

— Смеешься ты надо мной, пастух! Разве такая большая змея могла уместиться в таком маленьком мешочке? Не может этого быть.

— Но я уместилась, — возразила змея.

— Да полно! Покажи, как могла ты это сделать. Влезь еще раз в мешочек. И я разрешу ваш спор.

— Вот смотри, — похвалилась змея и вползла в мешочек пастуха.

Подмигнула лиса пастуху и сказала:

— Крепче завяжи мешочек и бей им об землю.

Пастух сделал так, как сказала лиса, убил змею и пошел своей дорогой.

197. Старик и медведь

Нурть-нурть, живут-поживают старик со старухой,
Нурть-нурть, была у старика со старухой дочка с войлочным
животиком,

Нурть-нурть, сынок с ногами из тростника,
Нурть-нурть, коровка с серебряными рогами,
Нурть-нурть, бычок с измаранным хвостом,
Нурть-нурть, курочки у них на жерди, на насесте,
Нурть-нурть, уточки у них на берегу,
Нурть-нурть, дети их пошли играть на реку.

Мальчик прыгнул — сломал тростниковую ногу, а девочка упала — разорвала свой войлочный живот. Остались одни — старик и старуха. Живут вдвоем. Наступила ночь, пришел к ним медведь и начал петь:

Нурть-нурть, живут-поживают старик со старухой,
Нурть-нурть, была у них коровка с серебряными рогами,
Нурть-нурть, бычок у них с грязным хвостом,
Нурть-нурть, курочки у них на жерди,
Нурть-нурть, уточки у них на берегу реки.

— Посмотри-ка, старуха, как он хорошо поет! Давай отдадим ему уточек!

Отдали ему. Медведь съел уточек и ушел. Пришла другая ночь. Медведь опять пришел, опять напеваает:

Нурть-нурть, живут-поживают старик со старухой,
Нурть-нурть, была у них коровка с серебряными рогами,
Нурть-нурть, бычок у них с грязным хвостом,
Нурть-нурть, курочки у них на жерди.

Старик и думает: «Что мы теперь сделаем? Придется, видно, курочек отдать».

Взяли, отдали. Медведь съел их, ушел. Настала другая ночь. Медведь пришел опять и стал петь:

Нурть-нурть, живут-поживают старик со старухой,
Нурть-нурть, была у них коровка с серебряными рогами,
Нурть-нурть, бычок у них с грязным хвостом.

Старик со старухой думают: «Что нам теперь делать? Давай ничего ему не дадим».

А медведь оттуда и говорит:

— Отчего вы мне не даете за мое пение? Вот войду, вас самих съем!

Взяли бычка с грязным хвостом, отдали. Медведь съел его. И ушел опять. Настал вечер. Опять пришел медведь, начал петь:

Нурть-нурть, живут-поживают старик со старухой,
Нурть-нурть, была у них коровка с серебряными рогами.

Взяли, отдали и корову. Съел и ее медведь. Опять пошел в лес. Настал вечер, пришел снова медведь и начал петь:

Нурть-нурть, живут-поживают старик со старухой,
Нурть-нурть, была у них дочка с войлочным животом,
Нурть-нурть, сыночек у них с ногами из тростника,
Нурть-нурть, коровка у них с серебряными рогами,
Нурть-нурть, бычок у них с грязным хвостом,
Нурть-нурть, курочки у них на жерди,
Нурть-нурть, уточки у них на берегу реки.

— Что теперь, старуха, мы дадим ему съесть?

Старик говорит: «Я тебя отдам», а старуха говорит: «Я тебя отдам». Влезли на печку, спорят. Медведь ждал-ждал, вошел. Старик как бросит старуху с печки, а старуха схватилась за волосы старика, и упали оба. Медведь съел их обоих и ушел.

198. Липовая нога

Жили старик со старухой в лесной избушке. Зимой делать было нечего. Старуха и говорит:

— Сходи, старик, в лес, отруби ногу у медведя. Я буду шерстку прясть, кость грызть и на шкуре сидеть.

Старик встал поутру рано и пошел в лес. Видит: под кустом лежит медведь, спит. Подкрался к нему и отрубил лапу. Пришел домой и говорит:

— На тебе, старуха!

Она сидит на шкуре, шерсть прядет и кость грызет. Видит, что идет медведь на липовой ноге. Идет медведь и поет:

Скрипи, скрипи, нога,
Скрипи, липовая и березовая!
По селам спят,
По деревням лежат,
Одна баба не спит,
На моей коже сидит,
Мое мясо грызет,
Мою шерстку прядет,
А я иду и бабу съем, съем!

Баба испугалась, залезла на печь, с печи на полати. Старик взял топор, старуха кочергу и ждут. Медведь опять поет:

Скрипи, скрипи, нога.
Скрипи, липовая и березовая!
По селам спят,
По деревням лежат,

Одна баба не спит,
На моей коже сидит,
Мое мясо грызет,
Мою шерстку прядет,
А я иду и бабу съем, съем!

Отворил медведь двери, лезет на приступки. Старик махнул топором и отрубил голову медведю.

199. Медведь и старуха

Поехала бабка в лес. Медведь напал на бабку и говорит:

— Я тебя, бабка, съем.

— Не ешь, медведь, я тебе дам крепушку.

Медведь выпустил бабку из лап.

Опять бабка поехала в лес. Медведь опять схватил бабку и говорит:

— Я тебя, бабка, съем.

— А не ешь, — говорит, — я тебе дам теплушку.

— Ладно.

Потом опять бабка поехала за дровами, а медведь тут как тут:

— Я тебя, бабка, хочу съесть.

— Не ешь, я тебе дам потомбалку.

Медведь отпустил бабку.

Вот он приходит к избушке и стучится:

— Бабка, бабка, дай мне крепушку.

— Изба крепко заперта, медведь!

Опять приходит и стучит:

— Бабка, подавай мне теплушку!

— А тепло бабке на печке сидеть!

Подождал немного и снова стучит:

— Бабка, бабка, отдай мне потомбалку!

— А потом бабка в лес не поедет!

200. О волке, который игру слушал

Шел ночью со свадьбы один музыкант да и свалился в волчью яму, а там волк был. Подбирается к нему волк, а ему что делать? — давай играть. Волк так слушает, а как он перестанет — волк снова к нему. Вот он и играл этак аж до полудня. А тут едут люди, слышат — кто-то играет в яме. Когда заглянули — а это музыкант! Как тут его достать? Ну, взяли, сермягу ему кинули, он эту сермягу к поясу прицепил. Зацепили его веревками и как дернули разом, а волк взвыл да цап зубами за сермягу и оторвал. Тогда волка убили, забрали да поехали. Вот как волка обманули!

201. Хитрый угольщик

Пошел как-то угольщик в лес угли жечь и повстречал там медведя. Медведь вел за собой кабана. Говорит медведь угольщику:

— Любезный угольщик, я тебя съем.

— Бедный я, бедный, — отвечает угольщик, — теперь мне не уйти. Ведь я один, а вас двое! Позвольте мне хоть пообедать напоследок!

У угольщика был хлеб и свиная колбаса. Принялся он закусывать и медведю тоже бросил колбаски. Медведь схватил ее и говорит:

— Э-э-э, а где растут такие корешки?

— Сказал бы я тебе, брат, — отвечает угольщик, — да не смею!

— Говори, не бойся! — проворчал медведь.

Угольщик и скажи:

— Эти корешки готовятся вон из того кабана.

Медведь набросился на кабана, мигом разорвал его и говорит угольщику:

— Теперь приготовь мне корешков!

— С удовольствием, — отвечает угольщик, — братец, только для этого нужна печь и горшки. И я, вишь, грязный: надо мне помыться, чтобы ты не побрезговал!

— Ступай умойся! — разрешил медведь.

Угольщик помылся; теперь ему утираться нечем.

Просит медведя:

— Дай вытереться о твою шкуру!

Медведь разрешил. Лиса, медведева кума, пошла за горшками, а волк, медведев сват, стал раскладывать костер. Потом угольщик велел срубить большой бук, расщепил его, забил клин и говорит медведю:

— В тебе силы много, сунь-ка лапы в щель, помоги разодрать.

— Берегись, сватушка, — говорит медведю волк, — угольщик-то плут, нет ли здесь ловушки.

Но медведь и ухом не повел, хочет скорее полакомиться свиными корешками. Вышиб угольщик клин из раскола и защебил медвежьей лапы в колодце.

— Ой, жмет, жмет! — кричит медведь.

А угольщик в ответ:

— Погоди, брат, погоди маленько, ты знай помогай!

Взял он дубину, схватил медведя за хвост и как начал его лупить.

Посмотрел-посмотрел на это волк и говорит:

— Ведь говорил я тебе, сватушка, — берегись угольщика, он — шельма продувная. Кабы и меня не угостил, как сейчас тебя угощает!

Сказал это и давай бог ноги. Лиса несет горшки: как увидела, какво куманьку медведю приходится, тоже убежала и горшки побросала. А угольщику достался целый кабан.

202. Мужик и царь

Ехал мужик по полю. Путь далекий, а конь у него возьми и издохни. И пошел мужик пешком, на своих двоих. Вдруг видит он — на дороге дерутся змея и лев. Бьются час, бьются два, а одолеть друг друга не могут.

— Эй, человек, — шипит змея, — помоги мне льва задушить!

— Эй, человек, — ревет лев, — пособи мне змею убить!

Подумал, подумал мужик и решил заступиться за льва. И пособил он льву. С помощью мужика лев разорвал змею надвое, а затем спрашивает своего помощника:

— Чем мне отблагодарить за твою услугу?

— У меня коня нет, — отвечает мужик, — домой далеко идти, а ноги не несут меня.

— Садись на меня да знай держись крепче. Мигом домой доставлю, — пообещал лев.

Сел мужик на льва, уцепился за гриву и закрыл глаза — будь что будет! Бежит лев по чистому полю, бежит по темному лесу, перепрыгнул через реку, наконец выбежал на зеленый луг и стал у заставы.

— Ну, — говорит, — вставай, мужик, да никому не сказывай, что на льве ехал, ведь как-никак я — царь зверей. Расскажешь — съем. Ты сам посуди, может ли царь на своей спине кого-нибудь возить? Ведь тогда я не царем буду, а ослом.

Побежал лев назад, а мужик пошел в свое село. Здесь встретился он с земляками — зашли в трактир, выпили с радости бутылочку, дружую. Стал мужик пьян и рассказал он про свое путешествие и о том, как он на льве ехал.

Начало вечереть. Пошел мужик в поле за коровой. Только что он вышел за село, а лев — тут как тут. Стал перед мужиком — пасть открыта, зубы оскалены.

— Что ж, я обещания свои всегда выполняю: послушался — за то я тебя съем.

Здорово струсил мужик, а сам думает: «За что же я погибать буду, пусть лучше погибнет зверь». И говорит:

— Я ничего о тебе не говорил, царь.

— Как, ты еще осмеливаешься лгать? — зарычал лев.

— Лгать я не лгу, а что было — не утаю: не я говорил о тебе, а хмель.

— Какой такой хмель? — заинтересовался лев. — Никогда его не видел.

— А вот попробуй, так и сам увидишь, что я тут ни при чем.

Лев согласился. Дал он мужику денег, и тот купил для льва три бочки крепкого вина. Выпил бочку — понравилось, другую выпил —

еще пуще понравилось, а из третьей не мог уже пить — пьян стал: бегал лев по лесу, бегал, выл и кричал дурным голосом, а потом упал и заснул.

А мужик тем временем вкопал в землю столб, привязал льва веревкой за шею и повесил его на столбе. А на том столбе сделал надпись: «Сего царя повесил мужик за то, что он хотел съесть мужика».

203. Лев и скрипач

Жила-была бедная вдова, и рос у нее один-единственный сын. Пришлось ему пойти в свинопасы, хотя он очень хорошо играл на скрипке.

А их пан имел единственную дочку, и еще был у него лев, которого он в подвале держал. Никому не хотел пан отдавать свою дочь в жены и придумал испытание: тот будет мужем его дочери, кто пересидит ночь со львом. Этот лев съел уже много мужиков и панов, но тут решил попытать счастья свинопас, сын бедной женщины.

Пан согласился допустить свинопаса к испытанию.

Стал тот готовиться: насыпал в один карман лесных орехов, а в другой — камней, взял дубовый клин, топор, горшочек с белым мылом и бритву. А когда свечерело, пошел ко льву ночевать.

У льва в подвале стоял столик, горела свеча, была послана постель.

Впустили свинопаса ко льву и закрыли дверь на замок. Взял свинопас свою скрипку и заиграл. Лев слушает и к парню приглядывается, а тот играет и орехи грызет: сам ест и льва потчует. Лев и говорит:

— Ох, как вкусно! Дай мне, я тоже буду грызть.

Свинопас и вытащил ему камешков из другого кармана. Лев грызет изо всех сил, старается, а разгрызть не может. Отдал тогда лев свой камешек свинопасу и говорит:

— А ну-ка, ты разгрызи!

Спрятал парень камешек в руке, а в рот взял орех. Щелкнул — и снова отдал льву ядрышко.

— Ну, — говорит лев, — ты, видно, сильнее меня! А не научишь ли ты меня играть на скрипке?

— Отчего бы и не научить! — отвечает парень. — Только у тебя очень уж грубые и толстые пальцы. Надо их сначала выпрямить, а потом уж играть учиться.

Стены в подвале были из толстого-претолстого листового железа. Взял парень клин и приподнял им один лист.

— Просунь сюда свои пальцы, — говорит он льву. — Вот они у тебя и выпрямятся.

Заснул лев обе передние лапы под листы, а парень вытащил клин, опустил листы на львиные когти, сверху еще и клином прижал — льву и не пошевелиться.

Тогда свинопас развел в горшочке мыло и намылил льва, потом достал бритву и начал его брить. Обрил наполовину, только косматую гриву оставил да кисточку на хвосте.

А потом вытащил кнут и давай стегать льва по голому заду! Лев взвыл от боли и поклялся парню, что никогда и ни за что его не тронет, станет ему во всем послушен, и если будет на то его воля, то даже уйдет от старого пана. Парень сжалился наконец и освободил льва.

Между тем рассвело. Парень улегся на кровати и притворился, что спит, а лев свернулся кольцом, как собака, и примостился у его ног.

Приходит в подвал слуга и зовет льва. А лев отвечает:

— Тише ты, не то он и тебе зад обреет и кнутом огреет.

Слуга остолбенел, а потом бросился в панские покои и рассказал все пану.

— Дурак ты, — говорит ему пан. — Мой лев уже многих храбрых мужей погубил. Неужто ему с этим глупым свинопасом не справиться?

Пришел пан в подвал и крикнул:

— Лев, как дела, братец?

А лев ему тихо отвечает:

— Уходи, не то он и тебе зад обреет и кнутом огреет.

Тут парень сделал вид, что проснулся, и спрашивает:

— Кто там?

— Мой старый пан, — говорит лев.

Свинопас говорит:

— Открой ему, пожалуйста.

Открыл лев двери, пан вошел и направился к кровати, а лев на него ворчит и не дает подойти к свинопасу.

Взял пан свинопаса в покои и сказал, что женит его на своей дочери, раз он целую ночь со львом высидел.

Сыграли немедля свадьбу, а пану-то стыдно, что зять у него свинопас.

Что делать? Приказал пан запрячь карету и насыпать в нее столько денег, сколько могут увезти лошади.

— Садись, зять, в карету, — говорит пан свинопасу, — и поезжай на все четыре стороны, только чтобы я тебя больше не видел.

А льва пан оставил у себя.

Когда карета, по расчетам пана, была уже почти у границы, отправил пан льва в погоню и приказал зятю и дочь съесть, а деньги привезти назад.

Увидел свинопас в окошечко погоню и говорит жене:

— Жена моя, делай все так, как я тебе велю, иначе не сносить нам головы. Разденься донага, выйди из кареты, стань на четвереньки и скачи сзади.

Сделала жена все так, как он приказал, а лев как увидел ее, так задрожал от страха и помчался обратно. Прибегает он к пану и рассказывает:

— Пан мой, там страху не оберешься. Меня он хоть до половины обрил, а другого целиком. Как испугался я, как кинулся домой, аж песок закрутился. Пусть он себе едет, куда хочет, а я его догонять не буду.

Я тоже там был и все видел, а если не верите, посмотрите на мои сапоги: еще и песок не осыпался.

204. Крестьянин, медведь, лиса и овод

Крестьянин впряг волов и пахал землю. Увидел медведь вспаханную землю и подивился силе волов.

— Какая сила у этих волов! Что ты сделал, чтобы они стали сильными? — спросил медведь.

— Я их выхолостил, — ответил крестьянин.

— Тогда выхолости и меня, чтобы такая сила была и у меня, — сказал медведь.

Выхолостил крестьянин медведя и сказал ему:

— Утром до восхода солнца будешь бегать по росе, а после восхода солнца ложись на спину на солнечной стороне горного склона.

Послушался медведь крестьянина, и стали его раны гноиться. Лежит медведь и жалобно стонет. Подходит к нему лиса и спрашивает:

— Что с тобой, медведущка?

Рассказал медведь и, застонав, произнес:

— Вряд ли я останусь жив.

— Я отомщу крестьянину: напугаю волков и испорчу всю пахоту, — сказала лиса.

Только лиса появилась на пахоте, крестьянин ударил ее нухдувхиргом и перебил лисе лапу. Прибежала лиса к медведю и легла рядом с ним.

— Что с тобой случилось, лисонька? — спросил медведь.

— Тебя он только выхолостил, а мне ноги перебил, — сказала лиса. Лежат медведь с лисой на солнце, и подлетает к ним овод.

— Что с вами случилось? — спрашивает овод.

Медведь и лиса обо всем рассказали оводу.

«Я покусаю волов, и они разбегутся», — решил отомстить овод крестьянину.

Полетел овод и уселся на волов. Крестьянин войлочной шляпой поймал его, воткнул ему в зад соломинку и отпустил.

Прилетел овод к медведю и лисе и жалуется:

— Мне досталось куда больше, чем вам.

— Что он тебе сделал? — спрашивает лиса.

Показал им овод, что с ним сделал крестьянин.

— Нам лучше убираться отсюда подальше, пока крестьянин нас не убил.

С тех дней, говорят, оводы, лисы и медведи живут высоко в горах.

205. Медведь, заяц, паук и мужик

Мужик пахал поле на пегой кобыле. Приходит к нему медведь и спрашивает: «Дядя, кто тебе эту кобылу пеганой делал?» — «Сам пегил». — «Да как?» — «Давай и тебя сделаю!» Медведь согласился. Мужик связал ему ноги веревкой, снял с сабана сошник, нагрел его на огне и давай прикладывать к бокам: горячим сошником опалил ему шерсть до мяса, сделал пеганым. Развязал — медведь ушел. Немного отошел, лег под дерево, лежит.

Прилетела сорока к мужику клевать на стане мясо. Мужик поймал ее и сломал ей одну ногу. Сорока полетела и села на то самое дерево, под которым лежит медведь.

Потом прилетел, после сороки, на стан к мужику паук (муха большая) и сел на кобылу, начал кусать. Мужик поймал паука, взял — воткнул ему в задницу палку и отпустил. Паук полетел и сел на то же дерево, где сорока и медведь. Сидят все трое.

Приходит к мужику жена, приносит обед. Пообедал мужик с женой на чистом воздухе, начал валить ее на пол, заваривать ей подол. Увидал это медведь и говорит сороке с пауком: «Батюшки! Мужик опять кого-то хочет пегить!»

Сорока говорит: «Нет, кому-то ноги хочет ломать!»

Паук: «Нет, палку в задницу кому-то хочет засунуть!»

206. Как мужик мороза победил

Сошлись однажды два мороза. Один и говорит:

— Знал бы ты, братец, какого я сегодня пана заморозил, в таких мехах теплых — это тебе не шутка!

А другой говорит:

— Пана не хитро заморозить! Вот если бы ты мужика заморозил, то было бы чем похвастаться!

Тот засмеялся:

— Да я мужика заморожу таким морозом, что в десять раз легче!

— Посмотрим! — и разошлись.

Идет он, идет, вдруг видит — мужик в колушке таком ободранном едет, да вол один впряжен. Подбегает к нему мороз и давай его припекать! Мужик из санок, да все своего вола подгоняет, а сам бежит да

бежит. Приехавши в лес, скинул с себя поскорей кожух и рукавицы да как взялся дрова рубить, аж огонь сыплется, а пот с него так и льется. Так и не удалось морозу прицепиться.

Подумал он маленько и говорит: «Дождется он у меня! Я его сегодня прикончу!» — и залез в рукавицы. Как мужик это увидел, так за рукавицы, положил их на пень и давай их лупить обухом. Бил-бил — чисто кости тому перебил. После как тряхнул, так мороз упал около пня, а мужик с дровами до хаты поехал.

На завтрашний день сошлись те же самые морозы, так тот и спрашивает:

— Ну что, заморозил мужика?

— Да ну его растак да разэдак! Хотел было руку заморозить и залез в рукавицу, а он как стал меня обухом бить, чисто все кости мне попебивал!

207. Соломенный бычок

Жили себе дед да баба. Дед служил на смолокурне смолокуром, а баба дома сидела, пряжу прядла. И такие они бедные — ничего у них нет: что заработают, то и проедят.

Вот и пристала баба к деду: «Сделай да сделай мне, дед, соломенного бычка и смолой его осмоли». — «Что ты, глупая, говоришь? На что тебе такой бычок сдался?» — «Сделай, я уж знаю, на что». Деду нечего делать, взял и сделал соломенного бычка и осмолил его.

Ночь проспали. А наутро набрала баба пряжи и погнала соломенного бычка пастись, села сама под курганом, прядет пряжу и приговаривает: «Пасись, пасись, бычок, на травушке, пока я пряжу спряду! Пасись, пасись, бычок, на травушке, пока я пряжу спряду!» Пряла-пряла да и задремала. А тут из темного леса, из дремучего бора медведь бежит. Наскочил на бычка: «Кто ты такой? — спрашивает, — скажи мне!» А бычок и говорит: «Я бычок-третьячок, из соломы сделан, смолою осмолен». Медведь говорит: «Коли ты соломенный, смолою осмоленный, так дай мне смолы ободранный бок залатать!». Бычок ничего, молчит. Тогда медведь его цап за бок и давай смолу обдирать. Обдирал-обдирал, да и увяз зубами, никак не вырвет. Дергал-дергал — и затащил бычка бог весть куда!

Вот баба просыпается, а бычка-то и нет. «Ох, горюшко мне! Да куда это бычок мой делся? Пожалуй, он уже домой пошел». Вмиг доще и гребень на плечи да домой. Глядь — медведь по бору бычка таскает. Она к деду: «Дед, дед! Бычок наш медведя привел. Ступай, убей его!» Дед выскочил, отодрал медведя, взял и кинул его в погреб.

Вот на другой день, еще ни свет ни заря, набрала бабка пряжи и погнала бычка на пастбище. Сама села под курганом, прядет пряжу и

приговаривает: «Пасись, пасись, бычок, на травушке, пока я пряжу спряду! Пасись, пасись, бычок, на травушке, пока я пряжу спряду!» Пряла-пряла да и задремала. А тут из темного леса, из дремучего бора выбегает серый волк — и к бычку: «Кто ты таков, скажи мне?» — «Я бычок-третячок, из соломы сделан, смолою осмолен». — «Коли ты смолой осмолен, — говорит волк, — так дай мне смолы бок засмолить, а то проклятые собаки ободрали». — «Бери!» Волк мигом к бычку, хотел смолу отодрать. Драл-драл, да зубами и увяз, никак не вытащит: как ни тянет назад, ничего не поделает. Вот и возится с этим бычком. Просыпается баба, а бычка уже не видать. Подумала она: «Пожалуй, мой бычок домой побрел», да и пошла. Глядь, а волк бычка тащит. Побежала она, деду сказала. Дед и волчишку в погреб бросил.

Погнала баба и на третий день бычка пастишь, села под курганом да и заснула. Бежит лисичка: «Кто ты таков?» — спрашивает бычка. «Я бычок-третячок, из соломы сделан, смолою осмолен». — «Дай мне смолы, голубчик, к боку приложить: проклятые борзые чуть с меня шкуру не сняли!» — «Бери!» Завязла и лисица зубами, никак не вырвется. Баба деду сказала, бросил дед в погреб и лисичку.

А потом и зайчика-побегайчика поймали.

Вот как насобиралось их, сел дед у лаза в погреб и давай нож точить. Медведь его и спрашивает: «Дед, а зачем ты нож точишь?» — «Чтоб шкуру с тебя снять да сделать из этой шкуры себе да бабе кожухи». — «Ой, не режь меня, дедушка, пусти лучше на волю: я тебе много меду принесу». — «Ну, гляди!» Взял и отпустил мишку. Сел у лаза, снова нож точит. Волк его и спрашивает: «Дед, зачем ты нож точишь?» — «Чтоб с тебя шкуру снять да на зиму теплую шапку сшить». — «Ой, не режь меня, дедушка, я тебе за это целую отару овец пригоню». — «Гляди!» И волка отпустил. Сидит, опять нож точит. Лисичка высунула мордочку, спрашивает: «Скажи мне, будь добр, дедушка, зачем ты нож точишь?» — «У лисички, — говорит, — хороша шкурка на опушку да на воротник, снять хочу». — «Ой, не снимай с меня, дедушка, шкуру, я тебе гусей и кур принесу!» — «Ну, гляди!» Остался один зайчик, дед и на него нож точит. Заяц его спрашивает, а он и говорит: «У зайчика шкура мягонькая, тепленькая — будут мне на зиму рукавички и шапка». — «Ой, не режь меня, дедушка, я тебе тесемок, сережек, монисто красивое принесу, только пусти на волю!» Отпустил и его.

Вот ночь проспали, а наутро, еще ни свет ни заря, вдруг тук-тук! — кто-то деду в двери. Проснулась баба: «Дед, дед! Кто-то к нам в двери скребется, пойди посмотри!» Дед вышел, а это медведь целый улей меду припер. Дед взял мед да только лег, а в дверь снова — тук-тук! Вышел, а волк полон двор овец пригнал. А тут скоро и лисичка принесла гусей, кур — всякой птицы, заяц наносил тесемок, серег, мони-

сто красивое. И дед рад, и баба рада. Взяли овец продали да волов купили, да стал дед с теми волами в дорогу ходить, да так разбогатели, что лучше и не надо.

А бычок, как не стал уже нужен, все стоял на солнце, пока не растаял.

208. Как старик еды себе добыл

Жил-был один старик, который зарабатывал себе на хлеб тем, что квашни делал. Но как-то у старика долго не было работы и не на что ему было купить хлеба. К счастью, попросил его хозяин, что по соседству жил, сделать квашню, а уплатить обещал хлебом.

Ладно. Сделал старик квашню и понес тому хозяину. День выдался жаркий, квашня тяжелая, а сил у старика маловато, устал он и прилег в лесу под развесистым дубом отдохнуть, сам же квашней накрылся.

Вдруг прискакал заяц и удивляется, откуда такой хороший столик вылся, да только нет на нем ничего.

Потом лиса подошла, села на квашню рядом с зайцем и тоже удивляется: уж такой столик красивый, да только нет на нем ничего.

Тут волк прибежал, и он дивится: такой столик красивый, да только нет на нем ничего.

Наконец медведь пришел и тоже удивляется: больно столик хорош, да вот нет на нем ничего.

Посидели они так и решили: раз стол есть, надо еды раздобыть. Разошлись они в разные стороны за едой

Через некоторое время вернулись звери с добычей. Медведь приволок улей, волк притащил барана, лиса принесла гуся, а заяц — кочан капусты.

Пошел тут у зверей пир горой. Вдруг старик под квашней пошевелился. Удивился медведь:

— Кто это столик качает?

Никто ему не ответил. Вернулись звери к еде. Но тут опять старик пошевелился. Забеспокоился волк:

— Кто столик качает?

Опять никто не ответил, и снова звери за еду принялись. Но тут в третий раз старик пошевелился. Струхнула лиса.

— Кто столик качает?

Опять никто не ответил, и снова звери за еду принялись.

Но вот старик перевернулся на другой бок, заяц испугался да как пустится наутек! А за зайцем и другие звери разбежались.

Так старику достались мед, мясо, капуста, да за квашню ему сосед хлебом заплатил. Надолго ему еды хватило. Много ли такому старому надо?

209. Дикая кабан и обезьяна

Как-то раз обезьяна-одиночка прыгала по деревьям в поисках пищи. Неподалеку от опушки она спустилась в подлесок и увидела там большого дикого кабана с длинными и острыми клыками. Обезьяна спросила его:

— Ты что здесь ищешь, приятель?

— Я ничего не ищу, — ответил кабан. — Вот когда стемнеет, тогда я пойду искать саго, рис и всякую другую еду.

— А почему бы тебе не пойти за едой сейчас?

— Я боюсь собак!

— Тогда, — предложила обезьяна, — давай прогуляемся с тобой вдоль опушки!

— С удовольствием! — согласился кабан, и они отправились в путь.

По дороге кабан спросил:

— А собственно говоря, почему мы не можем выходить из лесу днем?

— Лично я, — ответила обезьяна, — опасаясь встречи с людьми, потому что они ловят и убивают нас.

— А кто такие люди? Как они выглядят?

Обезьяна сказала:

— У них две ноги, и ходят они вверх головой. Но самое главное, они очень хитры и придумали уйму способов, чтобы убивать лесных жителей. Они ловят нас капканами и силками, строят разные ловушки и клетки.

— Подумаешь! — фыркнул кабан. — Я все равно не боюсь людей! Стоит мне только броситься на них, как они упадут от страха!

— Не хвались раньше времени! — сказала обезьяна. — Ты ведь еще не знаком с человеческой хитростью.

Вскоре им повстречался маленький мальчик.

— Так вот какие они, твои люди! — воскликнул кабан. — Да если я отделаю этого малыша своими клыками, он тут же умрет!

— Это еще не настоящий человек, — заметила обезьяна. — Настоящие люди — куда больше!

Немного погодя приятели увидели впереди себя горбатого старика.

— Может быть, этот — настоящий человек? — спросил кабан.

— Нет, этот уже слишком стар. Есть еще другие!

Через некоторое время на дороге показался мужчина. В руках он нес бамбуковое копьё, за спиной — ружье, а на поясе у него висел нож.

Обезьяна сказала:

— Вон идет настоящий человек! Если хочешь, бросайся на него!

Недолго думая кабан ринулся навстречу мужчине. Но едва он подбежал к нему, как тот выхватил из ножен свой большой нож и сильно ударил им кабана по голове.

Кабан взвыл от боли и, обливаясь кровью, отпрянул назад.

Тут мужчина выстрелил в него из ружья. И хотя пуля прошла мимо, кабан очень испугался и бросился наутек.

Когда он снова встретился с обезьяной, та спросила его:

— Ну, как, приятель, ты уже познакомился с человеком?

— Да, — отвечал кабан. — И я не хотел бы еще раз оказаться с ним рядом! Он вынимает из живота какое-то острое оружие, а изо рта у него вылетает огонь!

— Вот видишь! А ты хвалился, что легко справишься с ним!

— Зато теперь я ученый и ни за что не пойду туда, где есть люди! — ответил кабан.

Вот и вся сказка о диком кабане и обезьяне, которую до сих пор рассказывают на Сималуре.

210. Лев и мышь

Жил некогда на горе могучий лев. Он охотился каждый день, и звери гор страшились силы его.

Однажды повстречал лев пантеру. Вся шкура ее была изодрана, и мех ее висел клочьями. От множества ран была она ни жива ни мертва. Спросил ее лев:

— Что случилось с тобой? Кто порвал твою шкуру, кто ободрал твой мех?

И пантера ему ответила:

— Это сделал человек.

Спросил тогда лев:

— А кто такой человек?

Ответила ему пантера:

— Нет никого хитрей человека! Никогда не попадайся ему в руки!

Затаил лев злобу на человека и отправился его искать. Повстречал он в пути осла и лошадь. Морды их опутывала узда, а в зубах были удила. Спросил их лев:

— Кто вас так связал?

И они ответили:

— Это наш господин, человек!

Удивился лев:

— Неужели человек сильнее вас?

Тогда сказали они:

— Он наш хозяин. Нет никого умнее человека. Никогда не попадайся ему в руки!

Еще больше обозлился лев на человека и ушел от осла и лошади.

Повстречался он с быком и коровой. Рога их были отпилены, ноздри их были проколоты, а на шее у них лежало ярмо. Спросил их лев, кто это сделал, и они сказали ему, что сделал это их господин, человек.

Пошел лев дальше и встретил медведя. Когти у него были обрезаны, а зубы вырваны. Спросил его лев:

— Неужели человек сильнее даже тебя?

И медведь ответил:

— Да, сильнее. Был у меня в услужении один человек. Он приносил мне пищу. Но однажды сказал он мне: «Воистину твои ногти слишком длинны; они мешают тебе брать пищу. А зубы твои слишком слабы и не дают тебе вкушать то, что ты хочешь. Позволь мне их вырвать, и я принесу тебе вдвое больше пищи, чем обычно!» И я позволил ему их вырвать. И вот он взял мои зубы и когти, швырнул мне в глаза песок и убежал. А мне уже нечем было его удержать.

Еще больше разгневался лев. Он ушел от медведя и стал искать человека.

Но вскоре увидел он другого льва, защемленного горным деревом. Расколотый сверху ствол дерева зажал лапу льва, и лев горевал, потому что не мог убежать.

Спросил его лев, который пришел:

— Как же ты попал в такую беду? Кто это сделал с тобой?

И ответил ему другой лев:

— Сделал это человек. Остерегайся его и не верь ему. Человек хитер! Никогда не попадайся ему в руки! Я вот встретил человека и спросил его: «Каким ремеслом ты занимаешься?» А он мне сказал: «Мое ремесло — предупреждать старость. Я могу тебе сделать такой талисман, что ты никогда не умрешь. Так и быть, я спилю ствол дерева и дам тебе прикоснуться к этому талисману. После этого ты не умрешь никогда!» И вот я пошел за ним к этому горному дереву. Он спилил его, расщепил ствол клином и сказал мне: «Клади сюда свою лапу!» И я сунул лапу в щель. Тогда он выбил клин, и дерево зажало мою лапу. А человек, когда увидел, что я не могу за ним следовать, швырнул мне в глаза песок и бежал.

Рассмеялся лев, который пришел, и сказал:

— О человек, если ты когда-нибудь попадешься мне в лапы, я отплачу тебе сразу за все обиды, которые ты причинил зверям гор!

И лев отправился дальше на поиски человека. Но тут случилось так, что попалась под лапу льва мышка, с виду хилая и совсем маленькая. Лев хотел уже ее раздавить, но мышь взмолилась:

— Не дави меня, господин мой! Если ты меня съешь, мною ты все равно не насытишься. Если же ты меня отпустишь, голод твой не станет сильнее. Но зато, если ты мне подаришь жизнь, я тоже когда-

нибудь подарю тебе жизнь. Не причиняй мне зла, не убивай меня. И когда-нибудь я спасу тебя от беды.

Лев посмеялся над мышью и сказал:

— Что же ты можешь сделать? Ведь никто на земле не сможет со мною справиться и причинить мне зло!

Но мышь поклялась ему:

— Клянусь, что избавлю тебя от гибели, когда придет для тебя черный день!

Лев принял все это за шутку, однако подумал: «Если я съем эту мышь, сытым я и вправду не стану!» И он отпустил ее.

И случилось так, что один охотник, который ловил зверей в западни, выкопал яму как раз на пути льва. Лев провалился в яму и попал в руки охотника. Опутал его охотник сетью и крепко связал сухими ремнями, а сверху перевязал ремнями сыромятными.

И вот связанный лев лежал в горах и горевал. Но судьба пожелала, чтобы шутка мыши стала правдой. Захотела она посмеяться над надменными словами льва и в седьмом часу ночи привела к нему маленькую мышку. Сказала тут мышка льву:

— Разве ты не узнаешь меня? Я та самая маленькая мышка, которой ты подарил жизнь. Я пришла, чтобы сегодня отплатить тебе тем же. Попался ты человеку в руки, но я избавлю тебя от гибели. Нужно быть благодарным тем, кто оказал тебе благодеяние.

И вот мышь принялась грызть путы льва. Она перегрызла все сухие ремни и все ремни сыромятные, которыми он был связан, и освободила его от пут. Потом мышка спряталась в гриве льва, и он в тот же час отправился с нею в горы.

Подумай о маленькой мышке, самой слабой из всех жителей гор, и о льве, самом сильном из всех зверей, живущих в горах! Подумай об этом чуде, которое свершилось по велению судьбы!

211. Шакал и сантал

Жили в деревне мать с сыном. Сына звали Ануа. Сын на заре шел пахать, и мать носила ему завтрак в поле. Выходит она раз из дому, а ей навстречу шакал.

— Бабушка, — говорит, — что ты несешь? Поставь на землю. А не поставишь, я тебя так укушу, что ты упадешь, и я тебя всю истопчу.

Старуха испугалась и поставила корзинку — в ней она завтрак носила — на землю. Шакал сожрал почти весь рис с чечевичной подливой, что для Ануа был приготовлен, а остатки старуха понесла сыну. Ануа и съел, что осталось, — где ему знать, что это шакальи объедки. Он это сделал не ведая. А шакал с той поры взял в обычай страшить старуху.

Вот раз сын и спрашивает:

— Матушка, почему ты мне нынче приносишь жалкие крохи, да и те вроде нечистые? Готовить ты разучилась?

— Нет, сынок, — отвечает старуха. — Еду я несу тебе из дому хорошую. Только, как выйду я из деревни, подбегает шакал, заслонит мне дорогу и говорит: «Бабушка, ставь наземь, что несешь. А не поставишь, я тебя так укушу, что ты упадешь, и я всю тебя истопчу». Я его боюсь. Я ставлю корзинку на землю. Он ест, пока не останется совсем немного. Это я тебе и несу. Мне боязно было, что ты меня заругаешь, вот я тебе ничего и не рассказывала.

Парень говорит:

— Ладно, матушка, завтра ты отведешь волов на поле, а завтрак я сам понесу.

— Хорошо, сынок, хорошо, — говорит мать. — Завтра ты положи соху на ярмо, а я повяжу повязку на бедра, как у тебя, и отведу волов в поле.

— Так, так, — говорит парень. — Последи там за ними, пока я приду.

— Хорошо, сынок, хорошо, — сказала старуха. — Как прокричат пегухи, ты иди запрягать волов, а я состряпаю завтрак. Ты и понесешь его, когда придет время.

— Хорошо, — сказал сын.

Вот запряг он быков, как договорено было, и старуха погнала их в поле, а сам Ануа оделся по-женски — повязал один кусок ткани вокруг поясницы, а другим грудь прикрыл — и сложил еду в корзинку. Пришло время завтрак нести, он поставил корзинку на голову и пошел. Идет, на палку опирается, словно старуха.

Вдруг откуда ни возьмись шакал.

— Поставь еду наземь, бабушка, — говорит, — а то я тебя так укушу, что тут и свалишься.

Парень корзинку с головы снял, шакал — за еду. Тут Ануа возьми да огрей его своей палкой, так что тот кувырком полетел. Вскочил шакал на ноги и наутек. Кричит на бегу:

— Ой-ой! Это ведь Ануа! — Потом начал браниться: — Погоди, Ануа, погоди, такой-сякой! Раз ты, негодник, меня побил, я обгажу твой плуг и оботру зад об его рукоять.

Обругал его шакал такими словами и убежал.

А парень пришел в поле к матери и рассказал ей все как было. Посмеялись они оба досыта и погнали волов домой. На другой день Ануа привязал на рукоять сохи бритву.

Раз ночью шакал прибежал и обгадил соху. Начал тереться задом об рукоять, да и порезал себе ягодицы.

— Ой-ой! — кричит. — Это все Ануа. Это из-за него я порезал себе ягодицы. Ну, погоди, Ануа, негодник, я за это у тебя бобы съем.

Ануа взял и вокруг кольев, по которым бобы вились, натыкал побольше всяких колючек. Шакал ночью пришел, полез за бобами и угодил мордой прямо в колючки.

— Ой-ой! — кричит. — Ну и кусаются бобы у этого Ануа!

Он так ничего и не съел и на прощанье сказал:

— Ну, Ануа, ну, негодник, здорово у тебя, такого-сякого, бобы кусаются. Зато кур твоих, негодник, я всех поем. Погоди только до завтра — всех передую.

На другой день Ануа взял серп и спрятался с ним в птичьем углу. Ночью явился шакал. Вошел в хижину — и напрямиком в птичий угол. Потянулся он мордой к курам, а Ануа его острием серпа — тук, словно клюнул. Шакал отскочил. Полез снова — и снова на серп. Так и пришлось ему идти восвояси. Вылез он во двор и сказал:

— Ну, негодные куры этого Ануа, вы меня совсем заклевали, а Ануа сам так подстроил, что я порезал себе ягодицы. Что ж, Ануа, такой-сякой, теперь ты у меня сдохнешь, да — сдохнешь.

С такой бранью он и ушел прочь.

Тогда, говорят, Ануа притворился, будто он помер. На другой день его старая мать принялась горевать — это она делала вид, будто горюет, — и пошла с плачем в лес и там причитала. Выскочил к ней шакал.

— Эй, бабушка, — спрашивает, — ты чего плачешь?

— Это ты проклял моего сына, — отвечает старуха. — Вот Ануа у меня и помер.

Тогда шакал и говорит:

— Поделом тебе, поделом, негодник Ануа. Ты меня бил очень больно. Не помри вовремя, ты бы еще пожалел. Ну, бабушка, поминки-то когда будут?

— Нынче, — отвечает старуха. — Нынче вечером я хочу справить поминки. Вот я и пришла тебе сказать. «Ох, — говорю я себе, — я ведь кормила его, словно сына, значит, надо мне его позвать на поминки». Вот, сынок, я так подумала и пришла дать тебе знать. Я сварю рису, сготовлю острой подливой, лепешек напеку. А кому я все это подам, прежде чем самой есть? Раньше, когда он был живой, я сперва кормила его, а после уж ела сама. Теперь, как не стало его, мне не найти места от горя.

— Не горюй, бабушка, — говорит шакал. — Я тебе буду вместо него. Теперь будешь давать еду первому мне.

— Ладно, — отвечает старуха. — Ну, идем.

— Может, мне лучше попозже, поближе к вечеру? — спрашивает шакал.

— Хорошо. Только приходи обязательно, не обмани, — говорит та.

— Будь спокойна, не обману.

Старуха домой, а шакал пошел рыскать по лесу — созывать своих соплеменников. Собралась их целая стая. Под вечер пришли все к дому Ануа.

Старуха выходит к ним и говорит:

— Садитесь, сынки, садитесь.

Сели они, а старуха как начнет причитать:

— Ой-ой! Помер мой сынок Ануа! Ой-ой! Помер мой сынок Ануа!

Так, говорят, она причитала. Тут шакал говорит:

— Не плачь, бабушка. Успокойся, кончай! Хватит плакать. Кто умер, того не воротись. Кончай плакать! Лучше сготовь нам поесть.

Ну, она ополоснула горшки, в хижину их унесла, стала огонь разводить. А шакал ее просит:

— Бабушка, ты бы нас пока привязала, а то мы, не ровен час, передеремся.

— Верно, сынок, — отвечает старуха. — Ты правильно говоришь. Дай-ка я сперва вас всех привяжу.

Взяла она веревки — чем волов запрягают — и привязала всех шакалов, а того нахального шакала связала крепко-накрепко.

— Сперва, сынки, — говорит, — я напеку лепешек, и мы сразу их поедим. А рис варится долго, я сготовлю его потом.

— Ладно! Хорошо! — закричали шакалы. — Только не медли с лепешками.

Старуха поставила на огонь сковородку и, когда та хорошенько нагрелась, начала на нее водой брызгать. Вода зашипит, а шакал приговаривает:

— Слышите, ребята, как там вкусно шипит. Ох как нас сейчас угостят!

Этот нахальный шакал даже подсакивал от нетерпения.

А Ануа до той пор лежал в бхитаре. Тут он встал потихоньку, отыскал палку, сжал ее покрепче в руке да как выскочит наружу, как придется бить шакалов — только успевай поворачиваться. Шакалы погрызли веревки и разбежались. Один этот нахальный шакал не смог справиться со своими веревками, и Ануа исколотил его до беспамятовства, а потом так и оставил валяться во дворе всю ночь до зари.

Под утро Ануа стащил его вниз к реке на гхат и привязал там к колу. А рядом положил хорошую палку. Тут и пошло: как придет женщина за водой, первым делом угощает шакала палкой. Исколошматили его так, что он весь распух.

Ночью пришли напиться другие шакалы. Попили и спрашивают:

— Слушай, ты! Чем это ты кормишься, что так разжирел? На чем можно так раскормиться? Мы вот ничуть не жиреем.

— Я кормлюсь рисом, — говорит им шакал. — Кто ни придет сюда за водой, всяк несет мне горстку риса.

— А нам тоже дадут, если нас к колу привязать? — спрашивает один.

— Дадут, как не дать, — отвечает шакал. — Станут ли всех вас кормить, не скажу, а одному-то непременно дадут. Если не веришь, отвяжи меня, а я привяжу тебя на свое место этой же самой веревкой. Будь спокоен, завтра, едва рассветет, тебя кое-чем угостят.

Тот шакал обрадовался.

— Хорошо, — говорит. — Я попробую сделать, как ты говоришь.

И вправду, сказал он так и отвязал нахального шакала, а сам встал на его место. Наутро, только заря загорелась, он видит: пять женщин спускаются за водой. «Ну, — говорит он сам себе, — пять человек сюда идут. Уж пять-то горстей они принесут. Эх и поем я!» Только успел так подумать, женщины подошли и горшки на землю поставили. Одна взяла палку и вытянула его по спине. А за ней все остальные по очереди. Шакалу это пришлось совсем не по вкусу. Начал он прыгать, стал рваться изо всех сил — лишь бы освободиться. А тут подошло еще несколько женщин. Видят, шакал скачет, и принялись бить его снова и снова, пока не забили до смерти.

А тот нахальный шакал вовремя унес ноги.

Вот и конец.

212. Гора Кати-кати

Давным-давно жили в одной деревушке старик да старуха. И повадился к ним на поле старый барсук. Что ни делает за день старик, все перепортит барсук да еще сзади камнем или комом земли запустит. Рассердится старик, погонится за барсуком, а того и след простыл. А потом барсук возвращается и опять проказит.

Невтерпеж стало старику. Поставил он ловушку, и вот однажды барсук попался.

Старик от радости в пляс пустился:

— Ага, наконец-то я тебя поймал!

Связал он барсуку лапы, взвалил его на плечи и отнес домой. А там подвесил барсука к балке и говорит старухе:

— Смотри, не упусти мне его! Я вечером вернусь, так ты к моему приходу свари суп из барсучатины.

И старик отправился опять в поле.

Висит барсук со связанными лапами, посматривает вниз. Старуха достала ступку, принялась толочь рис. Толкла, толкла, утерла пот с лица да и говорит:

— Ох и устала же я!

Смирно висел барсук, а как услышал, что старуха устала, заговорил с ней человеческим голосом:

— Давай, старуха, я тебе помогу! Ты мне только лапы развяжи...

— Ишь чего захотел! Жди от тебя помощи! Развяжу я веревки, а ты убежишь.

— Ну что ты, что ты! Ведь старик меня поймал. Как же я теперь убегу? Ты только спусти меня на пол.

И так уговаривал ее барсук, что не выдержала старуха, развязала веревки и спустила барсука на пол.

Поохал барсук, потер затекшие лапы да и говорит:

— Ну, давай пест. Буду рис толочь.

Взял он у старухи пест, поднял его, будто в ступку хотел опустить, а сам как трахнет старуху по голове! Потемнело у старухи в глазах, и свалилась она тут же за мертво.

Изрубил ее барсук на куски и вместо супа из барсучатины сварил суп из человеческого мяса. Сам же обернулся старухой, уселся с важным видом возле очага и ждет, когда старик вернется.

Наступил вечер. Старику и невдомек, что со старухой случилось. Идет он домой, улыбается и думает: «Уж и полакомлюсь я сегодня барсучатиной!»

Пришел старик домой, встречает его оборотень-барсук с таким видом, будто совсем заждалась старуха своего хозяина:

— Ах, наконец-то и ты! Суп из барсучатины давно готов. Только тебя и жду!

— Да ну? Вот за это спасибо!

Поблагодарил старик старуху и сразу же уселся за столик. Стала ему старуха прислуживать, еду подавать, а старик ест да похваливает, от удовольствия языком прищелкивает. Так и наелся супу из своей старухи.

Увидел это барсук, засмеялся злобно и говорит:

— Старик, а старик, ты ведь свою старуху съел! Пойди посмотри, ее косточки в лоханке на кухне лежат.

Показал он тут старику хвост и через заднюю дверь улизнул из дому.

Старик обомлел от ужаса. Вытащил он старухины кости из лоханки, разглядел и залился слезами.

Вдруг слышит, кто-то его спрашивает:

— О чем плачешь, старик?

Глядь, а это заяц пришел. Жил он тут же по соседству, на ближней горе.

— А, зайчишка! Спасибо, что зашел. Послушай, какое у меня горе.

И рассказал старик зайцу все как было.

— Большое у тебя несчастье! Но ты не плачь, старик, я барсуку отомщу за твою старуху! — утешал его заяц.

— Помоги, сделай милость! Ведь горе-то, горе какое!..

— Ничего, старик. Завтра выманю я барсука из его логова и проучу как следует. Ты только подожди немного.

А барсук, как сбежал от старика, стал бояться всего на свете: забился поглубже в нору и носа не показывает.

На другой день взял заяц серп, мешочек сушеных каштанов и отправился к тому месту, где барсук в своей норе прятался. Там принялся он резать хворост. Режет, а сам достает из мешочка каштаны, сует в рот и щелкает.

Услышал его барсук, вылез тихонько из норы и спрашивает:

— Скажи, заяц, что ты такое вкусное грызешь?

— Каштаны.

— Дай мне немного!

— Дам. Только ты отнеси половину моего хвороста вон на ту гору.

Хочется барсуку каштанами полакомиться. Взвалил он на спину вязанку хворосту и пошел впереди зайца. Дошел барсук до горы, оборачивается и спрашивает:

— Ну что ж, заяц, давай каштаны!

— Дам, дам. Донеси только вон до той горы.

Опять барсук пошел впереди зайца. Вскоре и до этой горы дошли. Оборачивается барсук и говорит:

— Ну что, заяц, дашь каштаны?

— Дам, дам. Донеси еще вон до той горы, а там обязательно дам.

Нечего делать, опять пошел барсук впереди зайца, но только на этот раз быстрее прежнего. Хочет барсук скорее до горы добраться, идет, не оглядывается. Улучил заяц момент, достал из-за пазухи кремь и высек огонь прямо в вязанку хвороста, что нес барсук. «Кати-кати», — раздалось позади барсука. Насторожился он и спрашивает:

— Скажи, заяц, а что такое «кати-кати»?

— Это гора так называется.

— Ах вот оно что!..

Пошел барсук дальше. Загорелся хворост на его спине. Загудело пламя: «Бо-бо-бо!» Барсук опять наострил уши:

— Скажи, заяц, а что такое «бо-бо-бо»?

— Да это вон та гора так называется.

— Ах вот оно что!.. — проговорил барсук, но тут огонь охватил ему всю спину.

— Ай, ай, горю! Помогите! — заверещал барсук и как очумелый бросился бежать. Но тут подул с горы ветер, запылало пламя еще жарче. Совсем невтерпеж стало барсуку. Кричит он от боли, катается по земле. Наконец, кое-как сбросил с себя горящий хворост и забился в нору.

— Помогите! Пожар! Пожар! — громко крикнул заяц и пошел домой.

На другой день насыпал заяц перцу в мисо, размешал все и с этой мазью пошел навестить барсука. А у барсука во всю спину ожог, катается он у себя в темной норе, стонет от боли да охает.

— Ну и попал ты вчера в беду! — говорит ему заяц.

— И не говори! Что же мне теперь делать с моей спиной? Посмотри, вся в ожогах.

— Я и то думал. Жаль мне тебя. Вот приготовил мазь. Лучшее средство от ожогов.

— Ах, как я тебе благодарен! Намажь меня поскорее!

Подставил барсук зайцу спину, заяц и давай мазать где попало. Загорелась спина, словно опять огнем ее охватило. Взвыл барсук от боли и стал метаться по норе.

— Ничего, барсук. Это только сначала так дерет, а потом пройдет сразу. Потерпи немного... — весело смеялся, сказал ему заяц и отправился домой.

Прошло еще несколько дней. Сидит однажды заяц и думает: «Как дальше быть с барсуком? Надо бы взять его на море да проучить как следует!»

Только подумал он так, глядь, сам барсук к нему в гости жалует.

— А, барсук, ну как твое здоровье?

— Да вот немного получше стало.

— Это хорошо. Значит, можно теперь пойти прогуляться.

— Ну нет, в горы теперь меня не заманишь.

— А зачем в горы? Пойдем на море, рыбки наловим...

— И в самом деле, на море, пожалуй, стоит побывать...

Отправились заяц и барсук к морю. Выдолбил там себе заяц лодку из дерева, а барсуку завидно стало, и слепил он себе лодку из земли. Сел заяц в свою лодку, а барсук в свою — и поплыли они. Плывут, морем любят. Один хвалит погоду, другой восхищается видами. Долго они так плыли. Вдруг заяц и говорит:

— Здесь еще нет рыбы. Поплывем в открытое море. А ну, давай, кто быстрее!

— Давай! Я не прочь позабавиться, — согласился барсук.

— Раз... два... три! — И они разом налегли на весла.

Выплыли они в открытое море. Тут заяц постучал по борту лодки и говорит:

— Деревянная лодка легкая да быстрая.

Барсук тоже не уступает:

— Ничего, земляная лодка хоть тяжелая, да прочная!

А в это время земля уже начала размокать, и лодка барсука стала разваливаться.

— Ай, беда, лодка разламывается! — в ужасе кричит барсук. — Ай, ай, тону, тону! Помогите!

Смотрит заяц, как барсук мечется в своей лодке, и говорит ему:

— Ну вот, получай по заслугам. Это тебе за то, что ты убил старуху да еще накормил старика ее мясом.

— Не делал я этого, не делал! Спаси меня! — заверещал барсук. Но тут его лодка совсем развалилась, и барсук, пуская пузыри, пошел ко дну.

213. Сумерки

Жил в одной деревне купец. У него был сын. Раз под вечер трое воров притаились у дома купца. И в тот же самый вечер пришел к дому тигр — хотел утащить купецкого сына.

Как в доме поужинали, сын отцу говорит:

— Я нынче хочу к тестю сходить.

А купец говорит:

— Сынок, не ходи сегодня. Ночь близко, на дворе сумерки.

Тигр это подслушал и говорит сам себе: «Ночь — это я знаю. А что такое Сумерки?» И тигр задрожал от страха: он подумал, что сумерки — это кто-то сильнее его самого.

Улеглись домашние спать, а трое воров набрали полный мешок серебра и потащили. Да мешок-то вышел им не под силу. Вот они и пошли в хлев, думали взять вола, чтобы на нем мешок увезти. А там сидел тигр, и в темноте воры приняли его за вола. Обвязали ему шею веревкой и мешок на спину положили. Один вор пошел впереди, двое других тигра тащат. «Это — Сумерки», — думает тигр и идет за ними покорно.

Утром воры разглядели тигра и бросились бежать со всех ног. А дорога тут шла узким оврагом, и тигр в нем застрял. Невдалеке пастух пас свое стадо. Тигр закричал, стал его звать на помощь. Пастух сперва не хотел идти, да тигр клялся чем мог, что вреда ему не причинит, и наконец он подошел. Снял пастух с тигра мешок, и тигр освободился. Говорит пастуху:

— Сложи все эти деньги в корзину из листьев и носи домой. Если кто-нибудь спросит, что у тебя, скажи — это говядина, ты ее себе домой на ужин несешь. Только никогда не поминай имя Сумерки. Помянешь — я тебя съем в тот же день.

Сказал так тигр и в лес убежал, а пастух потащил домой корзинку с деньгами. Теперь он стал богачом и сам держал батраков. Так прошло много дней.

Раз жена пастуха говорит:

— Хочу пойти отца с матерью поведать.

А он ей:

— Не ходи нынче. Ночь близко, на дворе сумерки.

А за домом стоял тигр и подслушивал. Услыхал он слово «сумерки», и гнев его охватил. Подождал, пока все уснули, забрался в дом и унес пастуха. Наутро тигр говорит пастуху:

— Теперь я тебя съем.

Пастух говорит:

— Тебе лучше бы есть меня в подходящее время. Сейчас холодно, у меня мясо задеревенело. Подожди, пока я согреюсь на солнце и стану мягче. Тогда меня и съешь.

Тигр сел ждать, а пастух лег и уснул.

А дома жена пастуха, как увидела, что ее владыка куда-то пропал, всполошилась. Взяла она горшок, пробила в нем семь дырок, а в середине светильник поставила. На ноги надела браслетов побольше, взяла барабан дхолки и мандар и вышла на улицу. Звон и гром от нее шел такой: джиг-джаг, буг-баг, джхумук-джхамак, титрихи-тинг-донха, тандак-латак. Так она пошла искать мужа.

Вот и пришла она туда, где были муж с тигром. Увидал ее тигр и спрашивает у пастуха, кто это такой. А тот отвечает:

— Это Сумерки.

Тигр перепугался и просит:

— Спрячь меня. Если спрячешь, я тебя не съем.

Тут жена говорит:

— Эй, пастух! Ты здесь тигров не видел случаем, чтоб сгодились на завтрак Сумеркам?

Пастух отвечает:

— Не знаю, попадется ли тебе хоть один.

— А что там на земле, возле тебя? — она спрашивает.

— Это куча тряпья.

— Ну-ка, ударь по ней камнем, — говорит она.

Тигр говорит пастуху:

— Ударь меня. Осторожненько, но ударь.

Пастух начал легонько стучать тигра камнем по голове. А жена кричит:

— Бей сильнее! Бей сильнее!

Тигр говорит:

— Ударь чуть посильней.

Пастух ударил изо всех сил и убил тигра.

И пошли муж и жена домой со смехом и с песнями.

214. Лев и крестьянин

Жил или не жил один крестьянин. Однажды, когда он поливал свое поле, перед ним появился лев. Испугался крестьянин, а лев сказал:

— Эй, человек, не бойся меня! Ты мне нравишься своим трудолюбием. Давай работать вместе и делить урожай пополам.

— Я — человек, ты — лев, — ответил крестьянин, — как же мы сможем вместе работать? Я буду тебя бояться.

А лев его успокаивает:

— Не бойся, я хочу с тобой дружить.

— Хорошо, станем мы друзьями. Я буду пахать, сеять, жать, а ты что будешь делать?

Лев говорит:

— Ты не можешь отвести воду на свое поле, когда у источника стоят люди посильнее тебя. А я стану там и никому не позволю подойти, пока ты не польешь свои посевы. Ночью ты будешь спать дома, а я буду охранять твоё поле от прохожих, от скота, от воров. И вместо одного зерна в колосе у тебя будет десять.

Крестьянин согласился, стали они работать вместе. Постепенно крестьянин разбогател, а лев стал его лучшим другом.

По очереди они ходили друг к другу в гости. Однажды лев пришел к крестьянину. Сидят они рядом, пьют, едят. Лев и говорит:

— Эх, друг, ведь ты меня боялся, а вот видишь — ты выбился из нужды, дожид до счастливых дней. А теперь как ты обо мне думаешь, друг?

— Очень хорошо, спасибо, друг. Все твои дела хороши, только лицом ты немного на собаку похож.

Рассердился лев и сказал:

— Эй, человек, возьми саблю и ударь меня по шее. Сделай это, я тебе говорю!

— Ты — мой друг, — возразил крестьянин, — рука не поднимется ударить тебя.

А лев говорит:

— Ты же знаешь мой характер. Если ты меня не ударишь саблей, я тебя съем.

Испугался крестьянин, схватил саблю и ударил льва по шее. Истекая кровью, лев убежал в лес. Постепенно рана зажила, шрам зарос шерстью, как будто раны вовсе не было.

Пришел лев к своему другу и сказал:

— Ну-ка найди то место, куда ты ударил меня саблей!

Но крестьянин не смог его найти. И тогда лев сказал:

— Эх, человек, человек! Ты видишь, рана зажила. Рана, нанесенная саблей, заживает, но рана, нанесенная словом, не заживет никогда. Как мог ты меня сравнить с собакой? До сегодняшнего дня я с тобой дружил, а теперь нашей дружбе конец, и мы отныне враги.

215. О садовнике, змее и медведе

В одном саду жил садовник. Садовник этот убил уже немало змей, а они во множестве водятся в садах Индии.

Среди змей, что жили в этом саду, была одна мудрая старая змея. И вот стала она придумывать, как бы отомстить садовнику за своих родичей: укусить его, но самой в живых остаться. «Укушу, — думала

она, — и можно будет ползать по саду без опаски». И стала она искать случая погубить своего врага.

Однажды садовник лег в саду под тенистым деревом, накрылся одеялом и заснул. Нужно сказать, что у этого садовника был ручной медведь, который верой и правдой служил своему хозяину. Всякий раз как садовник спал в саду, медведь сидел рядом и отгонял от него мух.

Увидела змея, что садовник крепко спит, заползла к нему под одеяло и стала думать: «Если я его укушу, он проснется и убьет меня палкой. Как бы мне так хитриться, чтоб и врага погубить, и самой в живых остаться!»

Думала-думала змея, что ей делать, как вдруг прилетела муха и села на лицо садовнику. Медведь махнул лапой. Муха взлетела, но вскоре опять села на прежнее место. Он прогнал ее еще раз; она опять села. И так много раз. Не стерпел медведь такой наглости, рассердился и решил прихлопнуть муху, чтобы она не беспокоила его хозяина. Взял он в лапы большой камень, и как только муха опять села садовнику на щеку — изо всей силы бросил в нее камнем. Бросил, да не попал. Муха-то улетела, а голова садовника превратилась в лепешку.

Увидела змея, что враг ее убит, и, очень довольная, уползла.

Смысл этой сказки таков: лучше иметь умного врага, чем глупого друга. Медведь был другом своему хозяину, но, желая ему помочь, по глупости погубил его. А змея была врагом садовника, но, боясь за свою жизнь, не решилась его укусить.

216. Купец и попугай

Один купец собирался отправиться в Индию. Он собрал всех домоладцев и спросил у каждого, что ему привезти из Индии. И каждый говорил ему о той вещи, которую ему хотелось получить. У этого купца жил попугай в клетке, он и у него спросил:

— А тебе что привезти? Я еду в Индию, это ведь твоя родина. Скажи, чего тебе хочется?

Попугай сказал:

— Сделай такую милость, пойди в лес, там на ветвях сидят попугаи. Сначала передай им от меня привет, а потом скажи, что один попугай живет в неволе. Какая же это дружба? Я сижу в клетке, а они беззаботно летают. А их ответ, пожалуйста, передай мне.

Купец охотно согласился выполнить его просьбу. Затем он собрал свое имущество и отправился в Индию. Когда он пришел в лес, увидел там попугаев, то вспомнил о своем обещании.

— Эй, попугаи! Один ваш собрат томится в клетке у меня дома. Он просил передать вам привет и сказать, что он томится в неволе, а вы тут беззаботно летаете, — сказал купец.

Услыхал его слова старший из попугаев, задрожал, забился, упал на землю и умер. Увидев это, купец сильно опечалился и раскаялся в

своих словах. Он ругал себя, думая, что бедный попугай погиб ни за что. Наверно, эти попугаи были родственниками, дружили и очень любили друг друга, вот потому-то бедный попугай, узнав о страданиях друга, умер. Постоял купец в раздумье и, печальный, пошел домой.

Закончил он свои дела в Индии и отправился на родину. Дома его радостно встретили, а он раздал каждому по подарку: кому — лунги, кому — кусок ткани на рубашку, кому — на штаны, кому — на платок, кому — на чалму, кому — пояс, девочкам — туфли, а старым женщинам — серьги и платки.

Попугай спросил его:

— Ты выполнил просьбу каждого, что ты мне скажешь?

— Я раскаиваюсь, что выполнил твою просьбу. Как же рассказать тебе о твоих братьях?

— Ничего, говори, что же тут раскаиваться?

— Тебе же будет лучше, если я не скажу.

— Ты ведь сам по доброте своей предложил исполнить мою просьбу, а сейчас не хочешь говорить. Не хочешь — не надо. Я не могу тебя заставить.

Купец понял, что попугай очень огорчен, и сказал:

— Дело было так. Я шел по лесу, увидел попугаев, передал им твой привет и поведал о твоей печали. Когда я кончил говорить, один попугай неожиданно умер. Я очень раскаялся, опечалился и подумал, что лучше бы я не говорил об этом.

Его попугай услышал это, тоже задрожал, забился, затрясся, упал и умер. Купец заплакал и запричитал. Вытащил его из клетки и положил на землю, а попугай сейчас же взлетел и уселся высоко-высоко. Купец удивился и спросил:

— Эй, попугай! Что было, то было! Но объясни мне, как все это случилось?

— Ведь тот попугай прислал мне весточку, но ты ее не понял. Он показал мне, что нужно притвориться мертвым и тогда я освобожусь, а живым мне из клетки не выйти. Я понял, в чем мое спасение, — вот так я и освободился. А за то, что ты кормил меня, — спасибо. Прости меня, теперь ведь я свободен!

— Я тебя прощаю. Да хранит тебя бог!

И попугай улетел.

217. Царь Дханрадж и его попугай

Жил-был царь. Звали его Дханрадж. У царя был попугай по имени Ганга Рам. Очень умный был тот попугай. Все судебные дела, какие велись при царском дворе, вершил попугай Ганга Рам. Он был настолько мудр и справедлив, что мог из разведенного молока выбрать

всю воду, не то что отличить добро от зла или правду от лжи. Когда царь попадал в затруднительное положение, попугай выручал его. Он давал царю такие дельные советы, каких не мог дать даже самый мудрый на свете советник. Ганга Рам служил царю верой и правдой и даже, случилось, несколько раз спасал ему жизнь.

При дворе же царя Дханраджа жила одна красавица певица. Ее так и звали — Рупаси, что значит «красотка». Но красотка была очень ревнива. Она воспылала ревностью к попугаю, который к тому же несколько раз выводил ее проделки на чистую воду, заставляя краснеть перед царем.

И вот однажды царь, как никогда растроганный пением Рупаси, сказал:

— Милая Рупаси, сегодня ты можешь просить у меня в награду за свое пение все что захочешь.

Рупаси же воспользовалась удобным моментом и ответила:

— О повелитель! Если мое пение действительно тронуло струны вашей возвышенной души, подарите мне вашего попугая.

Как ни тяжело было царю расстаться со своим самым добрым и верным другом и советником Ганга Рамом, он вынужден был выполнить это обещание.

И вот бедного Ганга Рама, привыкшего к великолепию и почестям царского дворца, посадили в клетку и отнесли в дом Рупаси. Грустный, сидел он в клетке и вспоминал прошедшие дни, к которым, увы, теперь ему не было возврата.

И вспомнился ему тот день, когда он, измученный полуденным зноем, опустился в джунглях на ветку высокого дерева, чтобы немного отдохнуть. Прямо под ним, у подножия дерева, лежал царь, умирающий от жажды. Он держал дрожащей рукой чашу и ждал, пока она наполнится каплями влаги, стекавшей с дерева. Когда царь поднес чашу ко рту, чтобы выпить накопившуюся влагу, прямо над ним раздался громкий голос:

— Остановись, царь, не пей! В этой чаше смертельный яд!

Вздрыгнул царь, выронил чашу, посмотрел вверх и увидел красивого попугая.

Потом царь узнал от Ганга Рама, что влага, которую он хотел выпить, стекала с тела мертвой змеи. На верхней ветке дерева сидел коршун и, терзая змею, пожирал ее мясо.

Потом Ганга Рам привел царя к лесному озеру, и тот, наклонившись, долго пил из него свежую прохладную воду, пока не утолил жажду. Тот царь был Дханрадж, ставший его хозяином и другом. Царь охотился в лесу со своими товарищами, но сбился с пути и заблудился.

Потом царь Дханрадж стал упрашивать Ганга Рама поселиться у него во дворце, и после долгих уговоров Ганга Рам согласился. С тех

пор царь не расставался со своим любимцем. Большую часть времени он проводил в обществе попугая, и беседы с мудрой птицей приносили ему большую радость. Это возбудило равность четырех жен царя, и они возненавидели попугая.

И вот однажды вечером окружили царские жены клетку и стали одна за другой спрашивать у попугая:

— А ну, скажи, милый Ганга Рам, кто из нас самая красивая?

Но умный попугай не хотел обманывать царских жен. Поэтому он схитрил и сказал им:

— Сначала выпустите меня из клетки, чтобы я мог как следует оценить достоинства каждой.

И когда они открыли клетку, попугай вырвался на волю и, взлетев высоко в небо, крикнул им на прощание:

— Все вы на один лад, самые обыкновенные, и ничего в вас нет красивого! А за семью морями живет красавица, вы ей даже в служанки не годитесь!

Царицы пришли в ярость, стали рвать на себе волосы и кусать ногти. О, если бы они только могли поймать попугая! Они разорвали бы его на мелкие кусочки! Но попугай был уже далеко, и им пришлось обуздать свои чувства. Придя в себя, царицы сообразили, что им будет плохо, когда царь узнает, что попугая выпустили из клетки. Они так перепугались, что решили покончить с собой: одна за другой они бросились в глубокий колодец и все там погибли. Смерть жен и потеря попугая привели царя в отчаяние. Попугая долго искали и в конце концов нашли. Когда его поймали и принесли во дворец, царь вновь воспрянул духом. Ганга Рам рассказал ему все как было и обещал найти заморскую красавцу. Он раздобыл где-то крылатого коня и привел его к царю. Целых полгода коня вволю кормили, поили, готовили к долгой дороге. Путь же предстоял немалый и трудный: за семью морями-океанами жила та дивная красавица.

И вот царь собрался в путь. На коня надели сбрую, Дханрадж хотел уж вскочить на него и полететь, но Ганга Рам предостерег царя:

— Имей в виду, если хоть раз хлестнешь этого коня, у него окоченеют крылья и целых полгода он не сможет летать.

Затем попугай посоветовал царю взять с собой мешочек с серебряными колокольцами и бубенчиками. Царь взял мешочек, прихватил своего верного Ганга Рама, вскочил на коня и умчался ввысь. Конь пролетел над семью морями и опустился в сад заморской царевны-красавицы. Ганга Рам посоветовал царю спрятаться вместе с конем за огромным развесистым деревом, а сам рассыпал от дерева до самого дворца царевны колокольцы и бубенчики. Вышла царевна со своими подругами в сад и увидела — прямо у двери лежит серебряный колокольчик. Она нагнулась поднять его, но тут заметила еще один коло-

кольчик. Так, подбирая один за другим блестящие в траве колокольчики и бубенчики, она приблизилась к тому дереву, за которым спрятался Дханрадж. Когда она подошла совсем близко, из-за дерева выскочил царь, схватил ее, прыгнул на коня и с силой дернул узду. Крылатый конь взмыл высоко в небо, расправил в воздухе свои могучие крылья и вихрем понесся в обратный путь. Царевна перепугалась, но попугай утешил ее: он сказал, что она похищена не кем иным, как самым славным царем Дханраджем. Услышав об этом, царевна повеселела.

Они уже пролетели половину пути, но тут, то ли в спешке, то ли от радости, царь забыл о словах попугая и с силой хлестнул коня. И случилось то, что предсказал попугай: лишь только кнут коснулся тела коня, как внезапно его быстрые крылья застыли, замерли и конь с неподвижно раскрытыми крыльями опустился в джунгли.

Царь жалел о том, что сделал, сердился, проклинал свою забывчивость, но было поздно. Теперь уж ничего не оставалось, как сидеть и ждать, пока пройдут шесть месяцев. До тех пор пока не оживут крылья коня, нечего было и думать о возвращении.

В ту пору в лесах появился Химат Синх — известный атаман разбойничьей шайки. Повстречав царя, он схватил его и крепко-накрепко привязал к дереву. Потом он увидел царевну, схватил ее и отнес в свой разбойничий стан. Тотчас же ему захотелось на ней жениться, но царевна попросила его отсрочить свадьбу на шесть месяцев, и он согласился.

Каждый день утром и вечером кормила царевна лесных птиц и думала: «Быть может, сюда как-нибудь в поисках пищи залетит Ганга Рам, и тогда царь узнает, где я нахожусь». Так и случилось. Однажды птицы, разговорившись с Ганга Рамом, рассказали ему о доброй девушке — покровительнице лесных птиц, живущей в разбойничьем стане. Попугай решил у нее покормиться и полетел вместе с птицами к тому месту. Он увидел девушку и тотчас узнал в ней красавицу царевну. Он понесся к Дханраджу, чтобы сообщить ему радостную весть. Пока он летел, прошел последний день шестого месяца с того дня, когда конь упал в лес. У коня вновь ожили крылья. Царь вскочил на коня и вмиг очутился в стане разбойников. На глазах у оторопевшего Химат Синха он умчался по воздуху со своей царевной. А атаману разбойников Химат Синху ничего не оставалось делать, как глядеть им вслед, ломать руки от бешенства да скрежетать зубами от бессильной ярости.

В столице царило веселье. Это праздновали благополучное возвращение царя с невестой. Вскоре он женился на царевне.

Обо всем этом вспоминал попугай и на время забыл о постигшем его несчастье. Но вот он очнулся и снова стал оплакивать свою горь-

кую участь. Если бы только он знал, какие трудности еще впереди и какая страшная беда его ожидает!

В эту минуту в комнату вошла певица Рупаси и со злорадством проговорила:

— Ах, гадкий Ганга Рам! Думаешь, я забыла, как ты меня опозорил при дворе, сказал, что я лгунья? Ты посмел оскорбить придворную певицу, унижить ее в глазах самого царя! У-у, лишь тогда я успокою свое сердце, когда в порошок тебя сотру, уничтожу, чтобы духу твоего не было, чтобы имени твоего царь не помнил!

С этими словами она позвала своего повара и приказала ему приготовить из попугая соус. Повар взял Ганга Рама и понес на кухню. Когда повар начала ощипывать ему крылья, попугай, обезумев от боли, потерял сознание. Он медленно умирал от мучений, однако все же ему удалось выдержать эту пытку. И вот Ганга Рам неподвижно лежал словно мертвый, ожидая своей кончины. Оставив попугая, повар пошел в соседнюю комнату за ножом. Воспользовавшись моментом, попугай дополз до водосточной трубы и через канаву вылез в сад. Повар же наточил нож и вернулся, но птицы не нашел. Он и представить себе не мог, куда делся попугай. В страхе перед хозяйкой повар состряпал соус из голубя, снабдил его разными острыми приправами и подал Рупаси. Певица Рупаси жадно накинулась на блюдо, и вмиг тарелка была пуста.

— В жизни не ела ничего подобного! Это блюдо доставило мне особое наслаждение, ты его прекрасно приготовил, — похвалила она повара.

А бедный Ганга Рам, забившись в угол сада, сидел и ждал, пока у него на крыльях отрастут новые перья. И вот когда крылья его окрепли и он снова мог летать, час возмездия наступил.

Для того чтобы прослыть праведницей и подняться в глазах царя и придворных, Рупаси часто посещала храмы и усердно молилась. Она так ловко притворялась, так искусно научилась, сложив набожно руки, кланяться богам, что люди действительно поверили в ее благочестие и добропорядочность, — разве могла обманывать такая набожная женщина?

И вот однажды Ганга Рам прилетел и запрятался в том храме, который обычно посещала Рупаси. Певица вошла в храм и приблизилась к изваянию божества; и тут на весь храм, как эхо, прозвучал громкий голос:

— Рупаси, я тобою очень доволен. Отпускаю тебе все грехи и дарую вечное блаженство. Для этого ты должна завтра раздарить бедным все богатства, которые ты накопила, обрить голову и одеться в белые одежды. Завтра же ночью встань и жди у дверей храма. На рассвете послезавтра с неба за тобой опустится моя колесница, ты сядешь в нее и умчишься к богам.

— Боже мой, какое счастье! — вырвалось у Рупаси. Она подумала, что всевышний пометил ее, уверовал в ее преданность и, умиленный ее красотой и пением, так растрогался, что решил удостоить ее своей милости. Она поспешно исполнила все, что было приказано свыше: раздарила свои сокровища и объявила по всей стране о своем избавлении от земных уз и великом путешествии в вечное блаженство.

Царь, царица и весь народ стояли перед храмом и, затаив дыхание, ждали чуда. Певица Рупаси в белых одеждах показалась в дверях храма и, гордо подняв голову, уставилась на небо. Стало светать. Кругом царил тишина. Вдруг послышался шум крыльев.

— Летит, летит! — пронеслось по толпе.

Но в назначенный час в небе показалась не колесница, а попугай Ганга Рам. Он подлетел к царю, опустился ему на плечо и рассказал о всех злодеяниях Рупаси.

Царь долго не мог прийти в себя от гнева. Он и сокрушался и жалел о том, что отдал бедного Ганга Рама на растерзание этой лживой злодейке; он умолял Ганга Рама остаться у него навсегда, обещал, что ни за что на свете не расстанется с ним. Но Ганга Рам сказал:

— О царь, знай, что честный враг лучше глупого друга. Я не хочу второй раз рисковать своей жизнью. Живи себе счастливо во дворце, для меня же нет теперь ничего дороже моих милых родных джунглей, только там я буду свободен, буду счастлив без роскоши и горд без тщеславия, лишь там, на воле, обрету я покой. Прощай же, царь Дханрадж!

И попугай взмыл высоко-высоко в небо, взмахнул на прощание крыльями и улетел навсегда. Долго смотрел ему вслед царь.

Затем печаль уступила место гневу. Он приказал схватить виновницу всего, что свершилось, и выставить на посмешище всем людям. Певицу Рупаси схватили, стянули с нее белые одежды, посадили на осла и выпроводили вон из царства. Печаль и гнев боролись в сердце царя. Да и что ему теперь оставалось делать? Лишь оплакивать утрату своего лучшего друга — попугая Ганга Рама и изливать гнев на жестокую, лицемерную придворную певицу Рупаси!

218. Сказка о дедовом петушке и бабкиной курочке

За рекой, за лугом да за тыном невысоким жили себе старик и старуха. Никого у них не было — ни детей, ни внуков, ни правнуков. Даже коровенки или козочки какой не имели. У деда был петух, а у бабки — курочка.

Каждый день курочка несла яичко. Бабка продаст яичко — и вот уже есть деньги и на соль, и на мыло, и на керосин. А у деда денег нет:

какая ему с петуха корысть? Надоело бабке одалживать деду свое добро, и говорит она:

— Есть у тебя петух, пусть и снесет яичко.

Но не хотел петушок снести яичко. Рассердился дед и прогнал его.

Взлетел петушок на плетень, прокукарекал и побрел куда глаза глядят. Идет путями-дорогами, селами-городами, ищет себе нового пристанища. Перешел через луг широкий, перелетел речку и оказался в густом темном лесу. Выходит ему навстречу медведь и спрашивает:

— Куда идешь, петушок?

Отвечает ему петушок:

— Прогнал меня дед, иду я к пресветлому царю наниматься.

— Пойду и я. Будет нас двое, легче к царю попадем, легче на службу станем, — говорит медведь.

— Ну что ж, пошли.

Идут вдвоем. Впереди петушок, медведь за ним. Прошли один лес, прошли другой, прошли третий. В четвертом лесу, у самых полонин, встретили волка.

— Куда, петушок, с моим дядей путь держишь?

— Прогнал меня дед, иду я к пресветлому царю на службу наниматься, — отвечает петушок.

— Возьмите и меня с собой. Нечем стало поживиться на полонине, зорко стерегут овечьи стада пастухи, — говорит волк.

— Ну что ж, пойдем, коли просишься. Становись третьим.

Идут втроем: петушок, медведь и волк. Перешли полонину, миновали один овраг, второй, третий. В четвертом овраге встречают лисичку.

— Куда, петушок, с моим дядей-медведем и братом-волком идешь? — спрашивает лиса.

— Прогнал меня дед, иду я к пресветлому царю на службу наниматься.

— Возьмите и меня. В селе люди замки на все курятники повесили, гусей и утят позапирали. Того и гляди с голоду помрешь, — жалуется лиса.

— Становись четвертой, — говорит петушок. — Будешь в нашей компании.

Идут уже вчетвером: петушок, медведь, волк и лиса. Перешли ущелья, перешли реки, нивы и поля. Когда видели усадьбы, обходили, чтобы не попасться людям на глаза. Наконец добрались до царских палат.

Взлетел петушок на золотые ворота, закукарекал:

— Кукареку, я здесь, пресветлый царь!

Услышал царь и говорит слуге:

— Иди спроси, чего хочет петух.

Петушок говорит:

— Прогнал меня дед из дому. Пришел я к царю служить.

Приказал царь, чтобы пустили петушка к курам. Как подошли все к курятнику, говорит петушок царскому слуге:

— Впусти и мою сестричку-лисичку!

— Пускай идет.

Забралась лисичка в курятник и всех кур передушила.

На другой день рано утром взлетел петух на царские ворота и закричал:

— Кукареку, я здесь, пресветлый царь!

Проснулся царь и приказал запереть петушка в конюшню к лошадям.

Просит петух царского слугу:

— Пусти в конюшню и моего братика-волка.

Впустил слуга в конюшню волка и петушка и ушел. А волк перерезал всех лошадей.

Рано утром петух снова на царских воротах распевает:

— Кукареку, я здесь, пресветлый царь!

Разгневался царь, что петушок спать ему мешает, приказывает слуге:

— Запри петуха, да так, чтобы не будил меня больше по утрам.

Думал слуга, думал, куда бы ему упрятать петушка, и решил запереть его вместе с волами.

Повел слуга петушка в хлев, где были вола. Просит петушок слугу:

— Впусти сначала в хлев моего дядю-медведя. А потом я и сам войду.

Слуга согласился, и вошли медведь с петушком в хлев. Петушок вскочил на перекладину под самым потолком, а медведь принялся за работу. К утру не осталось в живых ни одного вола. Даже кости голодный медведь обглодал, шкуры в клочки разорвал, разбросал по хлеву рога да копыта.

Утром рано, чуть свет, взлетел петушок на ворота под самым царским окном и запел:

— Кукареку, я здесь, пресветлый царь!

Теперь уж и вправду разозлился царь: ему снился волшебный сон, а петушок разбудил его.

— Запри этого петуха, а не то прикажу бросить тебя в темницу! — говорит царь слуге.

— Запирали мы того петуха уже и в курятнике, и в конюшне, и в хлеву. Только он все убегает. Что с ним сейчас делать?

— Запри его в палате, в которой казна хранится, — приказал царь. — В той палате дверь кованая, не убежит.

Заперли петуха в этой палате. Целую ночь петушок орудовал. Все деньги поклевал, все сокровища поглотил. Не осталось в царской казне и ломаного крейцера.

Утром рано петушок вылетел во двор через оконную решетку, вскочил на царские ворота и запел:

— Кукареку, будь здоров, пресветлый царь!

— Поймайте этого петуха и отрубите ему голову! — рассвирепел царь.

Бросилось за петушком все царское войско, только он не ждал, чтобы ему голову отрубили. Соскочил с царских ворот и наутек.

Бежал петушок через луга и поля, прыгал через овраги, перелетел через реки, скакал через горы. А следом за ним — медведь, волк и лиса. В густом лесу остался медведь, в глубоком овраге спряталась лисичка, в лесу под полониной притаился волк.

Потерял петушок по дороге один крейцер. Растерял бы и остальные, да близко уж была дедова хата. Вскочил петушок на окно и запел:

— Кукареку, простели, дед, дерюгу!

Только простелил дед дерюгу, тряхнул петушок крылышками, начали сыпаться из него драгоценности и сыпались до тех пор, пока не заполонили всю хату.

Пошел дед к бабке, одолжил у нее мерку, чтобы померять свои соковища, если уж посчитать их нельзя.

— Для чего тебе, дед, мерка? — спрашивает бабка.

— Выкопал я картофель из ямы, хочу померять, — отвечает дед.

Не поверила бабка деду. А чтобы узнать, какой это картофель будет дед мерить, капнула на дно мерки смолы. Мерял дед деньги, и прилепился ко дну мерки золотой крейцер.

Увидела его бабка и до тех пор не отставала от деда, пока не рассказал он ей всей правды. Разозлилась бабка на курочку за то, что она ей каждый день несет только одно яичко, и прогнала ее. Пусть, мол, идет, как петушок, в свет, на заработки.

Пошла курочка лугом, полем и нашла тот золотой крейцер, который петушок потерял. Глотнула крейцер и вернулась домой.

— Стели дерюгу! — кричит бабке.

Обрадовалась бабка, собрала все дерюги, какие только были в хозяйстве. Прыгнула курочка на дерюгу, захлопала крыльями, закудаhtала, но выпал из нее только один крейцер. Увидела бабка, что от курочки толку мало, и зарезала ее.

Долго жила бабка на тот золотой крейцер, что прилип ко дну мерки, и на тот, что курочка принесла. Наконец, дед взял к себе бабку, и стали они жить вместе.

Видно, хорошо живется им, потому что тот петушок часто прыгает на дедов подоконник и поет:

— Кукареку, дед, простели дерюгу!

Попробуйте и вы простелить, может, и вам петух насыплет золота.

219. Обезьяна и птица ткачик

Жили в лесу обезьяна и птица ткачик. Однажды обезьяна забралась на дерево, где жила птица ткачик, и тут началась сильная буря. Птичка спряталась в своем уютном гнездышке и ничуть не намочла, а обезьяна сидела на ветке дерева и промокла насквозь. Птица ткачик ей и говорит:

— Почему такое сильное существо, как ты, наделенное руками и ногами, мокнет под дождем? Я такая маленькая птичка, и то у меня есть уютное гнездышко, где я могу переждать непогоду. Ни одна капелька дождя не попадет в мое гнездышко. Если бы я была такой же большой и сильной, как ты, я бы построила себе хороший дом.

Обезьяна рассердилась.

— Какое тебе до этого дело? — сказала она и разрушила гнездышко птички.

Птица ткачик пошла к царю обезьян и подала жалобу. Царь повелел схватить обезьяну. «Если они меня схватят, то наверняка убьют», — подумала обезьяна и спряталась. Потом она сорвала кос и пошла к царю. Царь приказал привести птичку, чтобы выслушать и ее. Выяснив, как было дело, он решил, что обезьяна виновна. Тогда обезьяна говорит царю:

— Дело близится к концу. Не посмотрит ли великий государь мне за спину?

Царь как раз собирался вынести приговор и смотрел по сторонам. Увидев, что обезьяна держит за спиной кос, он подумал: «Она принесла этот плод для меня» — и сказал птичке:

— Виновна ты. Промокает она под дождем или нет, не твое дело.

Рассудив так, царь прогнал птицу ткачика. Обезьяна дала царю кос и тоже ушла.

В те времена звери умели разговаривать.

220. Королек

В стародавние времена у каждого звука было свое значение. Когда громыхал кузнечный молот, он выкликал:

«При-кле-пать! При-кле-пать!»

Когда поскрипывал плотничный рубанок, он говорил:

«Ты строгай! Ты строгай! Ты строгай!»

А когда начинали постукивать мельничные колеса, они говорили:

«Бог на помощь! Бог на помощь!»

А если мельник оказывался обманщиком, они говаривали верхне-немецким говорком и спрашивали сначала медленно:

«Кто там? Кто там?» — а потом быстро отвечали:

«Мельник! Мельник!» — и, наконец, совсем быстро, скороговоркой:

«Крадет дерзко, крадет дерзко, да с восьмушки три шестых!»

В те времена у птиц был тоже свой язык, и его понимал всякий, а теперь он звучит как щебет, писк или посвист, а у иных — как музыка без слов.

И вот подумали птицы, что оставаться им больше без хозяина невозможно, и они порешили выбрать из своих же кого-нибудь в короли. Только один чибис был против этого: он жил свободно и свободным хотел умереть, и вот в страхе летал он повсюду и взывал:

«Где мне быть? Где мне быть?»

Залетел он в глухие непроходимые болота и не стал с той поры среди своих и показываться.

Тогда порешили птицы обсудить это дело как следует и в одно прекрасное майское утро собрались все вместе из лесов и полей — орел и зяблик, сова и ворона, жаворонок и воробей. Стоит ли всех их тут перечислять? Явились даже кукушка и выпь — ее причетник, ее называли так потому, что слышать ее было всегда на два дня раньше; даже совсем маленькая птичка, та, у которой и названья еще не было, тоже затесалась в эту пеструю стаю. Курица как-то случайно ничего об этом не слыхала, и она стала удивляться такому большому сборищу. «Что это, что это та-ко-е, что это та-ко-е?» — закудаhtала она, но петух успокоил свою дорогую наседку и сказал: «Тут богатые все люди!» — и рассказал ей о том, что они затеяли.

Было решено, что королем должен стать тот, кто сможет взлететь выше всех. Как только услышала об этом лягушка-древесница, что сидела в кустах, она начала предвещать: «Мокро, мокро, ква-ква-ква! Мокро, мокро, ква-ква-ква!» — она считала, что немало слез из-за этого будет пролито. Но сказала ворона: «Кар! Какой вздор!» — дескать, все обойдется хорошо.

И было решено, что следует тотчас же, в это прекрасное утро, и начать полет, чтоб никто потом не смел говорить: «Я мог бы взлететь еще повыше, да наступил вечер, и потому я выше не мог».

И вот по данному знаку поднялась вся стая на воздух. Понеслась с поля пыль, и был превеликий шум, свист и хлопанье крыльев; и было похоже издали, будто движется черная туча. Но маленькие птицы вскоре отстали, дальше лететь они не смогли и опустились снова на землю. Птицы, которые побольше, те держались дольше, но никто не мог сравниться с орлом: он поднялся так высоко, что мог бы, пожалуй, выклевывать глаза самому солнцу. Увидел он, что другие не смогут долететь до него наверх, и подумал: «Зачем мне подыматься выше, я все равно уже король», и он начал спускаться вниз. Птицы, что были внизу, все воскликнули разом:

— Ты должен быть нашим королем, никто не взлетел выше тебя!

— Кроме меня, — крикнула птица-малютка, у которой не было имени: она забралась в перья на груди у орла. И так как она не устала, то взлетела и поднялась так высоко, что могла увидеть бога, сидящего на своем престоле.

Но взлетев так высоко, она сложила крылья, спустилась вниз и крикнула пронзительным голосом:

— Король — я! Король — я!

— Это ты наш король? — гневно воскликнули птицы. — Ты хитростью и уловками взлетела так высоко.

И они выдвинули другое условие: тот будет королем, кто глубже всех заберется под землю.

Как захлопал тут гусь своими широкими крыльями, кинувшись на свое пастбище! Как быстро вырыл яму петух! А утка, та поступила хитрее всех, она прыгнула в яму, но вывихнула себе обе ноги и, переваливаясь с боку на бок, заковыляла к ближнему пруду, восклицая: «Какое несчастье! Какое несчастье!»

А безымянная птица-малышка выискала себе мышкину норку, забралась туда и тоненьким своим голоском закричала оттуда:

— А король-то ведь я! Король-то ведь я!

— Это ты наш король? — воскликнули птицы, еще пуще разгневавшись. — Ты думаешь, твои хитрости чего-нибудь стоят?

И они порешили держать ее в той норе взаперти и там заморить ее голодом. Поставили они в сторожа сову: пусть-де, если жизнь ей мила, плутовку не выпускает. Но вот наступил вечер, и птицы устали от напряженных полетов и улеглись с женами и детьми спать. Осталась у мышиной норы одна лишь сова, она пристально всматривалась в нее своими большими глазами. Но утомилась и она и подумала: «Один глаз можно, пожалуй, будет закрыть. Я могу сторожить и одним глазом, маленький злодей из этой норы никак не выберется». И она закрыла один глаз, а другим пристально глядела на мышиную норку. Высунула голову маленькая плутовка, хотела было ускользнуть, но сова тотчас подошла, и та спрятала голову назад. Тогда сова открыла опять один глаз, а другой закрыла, и решила так делать всю ночь напролет. Но, закрыв снова один глаз, она позабыла открыть другой, и как только оба глаза закрылись, она уснула. Маленькая плутовка это вскоре заметила и ускользнула из норы.

И с той поры сова не смеет больше показываться днем на свет, а не то нападают на нее сзади разные птицы и выдергивают у нее перья. Она вылетает только по ночам, она ненавидит и преследует мышей за то, что они делают такие хитрые норы. И маленькая птица тоже не очень любит показываться на свет, она боится, что ей несдобровать, если ее поймают. Она прыгает по плетням и заборам и, чувствуя себя

в безопасности, иной раз прокричит: «А король-то ведь я!», и потому остальные птицы называют ее в насмешку: «Король на заборе».

Но никто так не радовался, как жаворонок, что не надо ему королю подчиняться. Только покажется солнце, подымается жаворонок высоко-высоко в воздух и поет:

— Ах, как хорошо на свете! Как хорошо! Хорошо-то как! Хорошо!

221. Королек и медведь

Однажды летней порою пошли медведь и волк в лес погулять. Услыхал медведь прекрасное пение какой-то птицы и говорит:

— Братец-волк, что это за птица, которая так прекрасно поет?

— Тише! Это король всех птиц, — сказал волк, — перед ним мы все должны поклоняться.

А то был королек.

— Если это так и есть, — сказал медведь, — мне хотелось бы поглядеть на его королевский дворец, проводи меня туда.

— Это не так-то просто, как ты думаешь, — сказал волк, — надо подождать, пока прибудет госпожа королева.

А вскоре явилась и госпожа королева, принесла в клюве корм, потом явился и сам король, и стали они кормить своих птенчиков. Захотелось медведю поскорей подкрасться, но волк схватил его за рукав и говорит:

— Нет, надо будет подождать, пока господин король и госпожа королева уйдут.

Заприметили волк с медведем хорошо ту впадину, где находилось гнездо, а потом убежали оттуда. Но не было медведю покоя — хотелось ему посмотреть на королевский дворец, и он пошел туда вскоре опять. А в это время король и королева далеко улетели. Заглянул медведь в гнездо, видит — лежат в нем пятеро или шестеро птенцов.

— Вот это и есть королевский дворец? — воскликнул медведь. — Ну и неказистый же дворец! А вы и вовсе не королевские дети, а подкидыши.

Услыхали это молодые корольки, страшно рассердились и как запищат:

— Нет, мы вовсе не подкидыши! Наши родители люди честные. Медведь, ты за это еще заплатишься!

Стало медведю и волку страшно, они вернулись и засели в своих норах. А молодые корольки продолжали шуметь и кричать во все горло; вот родители принесли им опять корм, а они говорят:

— Не станем мы есть мушиных ножек, даже к ним не прикоснемся; лучше с голоду пропадем, пока не будет решено, законные мы дети или нет. Был тут медведь и нас оскорбил.

Сказал тогда старый король:

— Ну, успокойтесь, мы с этим делом покончим!

И он полетел с госпожой королевой к медвежьей берлоге и закричал у самого лаза:

— Эй, старый ворчун-медведь, ты зачем оскорбил моих детей? Плохо тебе за это придется. Надо дело решать кровавой войной.

Итак, объявлена была медведю война, и призваны были им все четвероногие звери: бык, осел, корова, олень, косули и все остальное зверье, что населяет землю. А королек призвал всех и все, что летает в воздухе, — не только птиц больших и малых, но и комаров, шершней, пчел и мух — все должны были слететься.

Подшло время, когда должна была начаться война; и выслал тогда королек разведчиков — узнать, кто у врагов главный генерал-командир. Комар, самый хитрый из всех, стал летать по лесу, где собирались враги, и, наконец, уселся на дерево под листком, там, где давали боевой пароль. Вот поднялся медведь, кликнул лиса и говорит:

— Лис, ты самый хитрый из всех зверей, ты должен быть генералом и вести нас на войну.

— Хорошо, — говорит лис, — но какие же знаки отличия вы мне дадите?

Но никто этого не знал. Тогда сказал лис:

— У меня красивый длинный пушистый хвост, и он похож точь-в-точь на рыжий султан. Если я хвост буду держать вверх — то, значит, дело идет хорошо и вы маршируйте прямо за мной; а если я хвост опущу вниз — то бегите со всех ног куда глаза глядят.

Услыхал это комар, прилетел домой и передал королю обо всем в точности.

Вот наступил день, когда должно было начаться сражение, и — туп-туп-туп! — прибежало-посбежалось с шумом четвероногое зверье, аж земля задрожала. Прилетел и королек по воздуху со своим войском; и жужжал, и вопил, гудел воздух — аж страшно, ой, как страшно становилось всякому! Они двинулись с двух сторон друг на друга.

Выслал королек вниз шмеля, тот должен был сесть лису под хвост и укусить его изо всех сил. Получил лис первый укус, вздрогнул, поднял ногу, но все-таки вытерпел и продолжал держать хвост высоко. Но при втором укусе пришлось ему хвост враз опустить; а третьего не мог он выдержать, закричал и поджал хвост между ног. Увидали это звери, подумали, что все пропало, и пустились бежать наутек, каждый в свою нору. И птицы выиграла сраженье.

Полетели тогда король и госпожа королева домой к своим деткам и закричали:

— Радуйтесь, дети, ешьте и пейте в свое удовольствие, мы на войне победили!

Но молодые корошки сказали:

— Нет, не станем мы есть до тех пор, пока медведь не придет к гнезду и не скажет, что мы — законные дети.

И полетел королек, подлетел к самому лазу медвежьей берлоги и как крикнет:

— Эй, медведь-ворчун, ступай к гнезду моих деток просить у них прощенья и сказать, что они законные дети, а не то все ребра тебе поломаю!

И пополз медведь туда в великом страхе и попросил прощенья. Только тогда и успокоились молодые корошки, уселись все рядышком, стали есть и пить и веселились до самой глубокой ночи.

222. Птичка и крот

Птичка и крот поселились в одном чуме. Все лето птичка пела, а крот запасал на зиму корм. Он каждый день рылся в земле, выкапывал сарану и приносил ее в чум. За лето крот натаскал немало сладких луковиц. Стали зимовать. Питались сараной. На зиму заготовленной сараны им не хватило. К весне у них осталась только одна луковица. Тогда птичка сказала кроту:

— Что мы будем делать? У нас осталась одна луковица. Кому ее есть?

— Давай ее поделим пополам и съедим, — сказал крот.

— Чего ее делить? Она такая маленькая. Мы лучше сделаем так, — посоветовала птичка, — мы бросим луковицу кверху и будем ее ловить. И тот, кто первым поймает, тот и съест ее.

Крот подумал над советом и сказал:

— Нет, птичка, так спорить с тобой я не буду. Ты умеешь летать, а я не умею. Я боюсь, что луковица достанется тебе. Тогда что я буду делать голодный?

— Ты не умеешь летать, но зато ты умеешь отлично прыгать, и луковица может достаться не мне, а тебе.

Крот опять подумал и с птичкой согласился:

— Это правда. Прыгаю я неплохо. Будем ловить.

Подбросили луковицу. Птичка вспорхнула и опередила крота. Она первая поймала луковицу на лету и принялась есть. Крот рассердился. Он прыгнул на птичку, и началась драка из-за луковицы. Избили друг друга до полусмерти и свалились. Когда отдохнули, птичка стала говорить кроту:

— Ты иди в лес и собирай к себе всю звериную силу. Зови волков, лисиц, оленей, песцов, выдр, росомех, медведей. Ты собирай всех зверей, какие здесь есть; а я буду собирать всех птиц — филинов, дятлов, глухарей, рябчиков, куропаток, орлов. Когда мы соберем свои войска,

тогда посмотрим — кто кого сильнее. Если мое войско перебьет твоих зверей, то луковица будет моя; если твое войско одолеет моих птиц — луковица будет твоя.

— Хорошо, — сказал крот и ушел в лес собирать свое звериное войско. Птичка улетела собирать на бой птиц.

К чуму, в котором лежала луковица, собралось много-много разных зверей и видимо-невидимо слетелось разных птиц.

Начался бой. Орел налетел на медведя. Медведь ударил лапой по крылу и сломал его. Орел больше не мог воевать. Он сел на вершину дерева и стал наблюдать за битвой.

По лесу шел старик охотник. Он увидел сидящего на дереве орла и хотел в него стрелять: старику для стрел нужны были орлиные перья.

— Дедушка, ты в меня не стреляй, — сказал орел. — Ты лучше возьми меня. Унеси в чум и корми. Когда у меня заживет крыло, тогда я буду тебя кормить.

Старик взял орла, принес к чуму, посадил его на лабаз и стал кормить оленьим мясом. Долго кормил, но никак не мог дождаться, когда у орла срастется крыло. Старик рассердился.

— Зачем я кормлю его? — сказал он. — Лучше я убью орла и брошу.

Старик подошел к орлу. Орел всадил лапы в глаза старику, вырвал их и улетел. Старик ослеп. Он лежал в чуме. Что больше делать слепому? Однажды к нему пришел черт, сам хозяин земли, и спросил:

— Дед, ты что лежишь?

— Как же мне не лежать? Я слепой, — ответил старик. — Я выкормил больного орла, а он вырвал у меня глаза и улетел. Вот я и сижу в чуме. Я много раз просил шаманов вылечить мне глаза. Они шаманили, но помочь не могли. Может быть, ты мне вернешь свет? За это я отдал бы тебе двух дочерей.

Черт согласился лечить. Шаманил-шаманил и ничего не мог сделать. Отступился от старика и ушел в землю.

После черта к старику пришел Ичечокко и спросил:

— Дедушка, ты что лежишь?

— Как же мне не лежать? Я слепой, — ответил старик. — Я выкормил больного орла, а он вырвал когтями мои глаза и с ними улетел. Вот я и сижу в чуме. Я много раз просил шаманов вылечить меня, но помочь они не смогли. Даже сам черт не мог вылечить мои глаза. Может быть, ты, Ичечокко, мне вернешь свет? За это я отдам тебе двух дочерей.

— Ладно, — сказал Ичечокко и отправился разыскивать орла.

День идет, месяц идет... Вышел на берег моря, нашел орлиное гнездо. Залез к гнезду, подкараулил орла и говорит:

— Орел, ты вырвал у старика глаза. Отдай мне их.

— Нет, даром глаза я тебе не отдам, — сказал орел. — Ты иди на озеро, в котором живет мамонт. Над тем озером я летал много лет и каждый год терял перья из своих крыльев. Перья падали на воду, а мамонт собирал их и уносил к себе в озеро. Вот если эти перья ты возьмешь у мамонта и принесешь мне, тогда я отдам тебе стариковы глаза.

Ичечокчо выслушал орла и отправился разыскивать мамонтово озеро. Когда он подошел к озеру, то на озере поднялся большой вал и из воды показался мамонт.

— Мамонт, — сказал Ичечокчо, — я пришел к тебе за орлиными перьями, которые он ронял из своих крыльев на озеро, а ты подбирал и уносил их в воду. Отдай мне эти перья.

— Нет, Ичечокчо, перья я тебе не отдам, — сказал мамонт. — У меня каждый год вырастали новые бивни и каждый год падали. Бивни мои собирали покойники, делали из них чашки и ложки и продавали купцу Кольсэ. Вот если ты найдешь людское кладбище, отберешь бивни у покойников и принесешь их мне, тогда я отдам тебе орлиные перья.

Мамонт погрузился в воду. По озеру снова покатались волны. Ичечокчо ушел искать кладбище. Нашел. Лег на землю среди могил и притворился мертвецом. Лежит, не шевельнется. Вдруг из земли выскочили покойники, забегали, закричали.

— К нам новый человек пришел. Он голодный. Чем-то мы его кормить будем? Тащите сюда чашки, ложки.

Когда покойники принесли посуду из мамонтова бивня, Ичечокчо схватил ее и убежал. Он пришел к озеру и закричал:

— Мамонт, выходи! Я твои бивни принес!

По озеру побежал вал, и из воды выплыл мамонт. Он увидел свои кости и за них отдал Ичечокчо орлиные перья.

От мамонтова озера Ичечокчо отправился к морю. На берегу нашел орла и говорит ему:

— Я был у мамонта, взял у него все твои перья. Возьми их, а мне давай стариковы глаза.

Орел обрадовался.

— Теперь у меня прибавится силы, — сказал он. — Я буду летать и выше, и быстрее, и легче, и смогу одолеть медведя. Возьми стариковы глаза.

Ичечокчо взял глаза и пошел к старику. Когда вернулся, принялся шаманить. Всю ночь шаманил, потом вставил старику глаза, и старик увидел свет.

— Вот тебе мои дочери, бери их, — сказал весело старик и тут же ушел на охоту.

223. Сорочье гнездо

Давным-давно, предавно,
Когда свиньи пили вино,
А мартышки жевали табак,
А куры его клевали
И от этого жесткими стали,
А утки крикали: «Кряк-кряк-кряк!» —

со всего света слетелись к сороке птицы и попросили ее научить их вить гнезда. Ведь сорока — лучшая мастерица этого дела! Вот собрала она всех птиц вокруг себя и начала показывать им, как и что делать. Сначала взяла немножко грязи и слепила из нее что-то вроде круглой лепешки.

— Ах вот как это делается!.. — сказал серый дрозд и полетел прочь.
С тех пор серые дрозды так и вьют себе гнезда.

Потом сорока раздобыла несколько веточек и уложила их по краю лепешки.

— Теперь я все понял, — сказал черный дрозд и полетел прочь.

Так черные дрозды и поныне вьют себе гнезда.

Потом сорока положила на веточки слой грязи.

— Все ясно, — сказала мудрая сова и полетела прочь.

С тех пор совы так и не научились вить гнездо как следует.

А сорока взяла несколько веточек и обвила ими гнездо снаружи.

— Как раз то, что мне надо! — обрадовался воробей и упорхнул.

Потому воробьи и до нынешнего дня вьют себе гнезда как попало.

Ну а сорока-белобочка раздобыла перышек и тряпочек и выложила ими все гнездышко, так что оно стало уютным-преуютным.

— Это мне нравится! — воскликнул скворец и полетел прочь.

И в самом деле, у скворцов очень уютные гнезда.

И так каждая птица — послушает немножко, не дослушает до конца и улетит.

А тем временем сорока-белобочка все работала и работала, ни на кого не глядя. И вот осталась при ней одна-единственная птичка — горлица. А надо вам сказать, что горлица эта и внимания не обращала на работу сороки, только без толку твердила:

— Мало двух, белобочка, мало дву-у-ух...

Сорока, наконец, услышала ее слова — как раз когда укладывала веточку поперек гнезда — и сказала:

— Хватит и одной!

Но горлица все твердила:

— Мало двух, белобочка, мало дву-у-ух...

Тут сорока рассердилась и воскликнула:

— Хватит и одной, говорю тебе!

А горлица опять свое:

— Мало двух, белобока, мало дву-у-ух!

Тут сорока огляделась по сторонам, видит — все птицы разлетелись кто куда, одна только глупая горлица осталась. Рассердилась сорока и улетела и с тех пор закаялась показывать птицам, как вить гнезда.

Потому-то разные птицы и вьют себе гнезда по-разному.

224. Лесной голубь и курица

В давние времена, когда люди только еще начинали держать домашнюю птицу, они не знали, какую птицу взять — лесного голубя ли курицу. Курица была больше и собой покрасивее — не выбрать ли курицу? Но курица в ту пору несла только два яйца, да и скорлупа была такая твердая, шершавая. А лесной голубь нес по шесть яиц, и скорлупа была красивая, желтая. Пришел он однажды к хозяйке с просьбой — пусть его возьмут в домашние птицы, а курицу отправят в лес. В конце концов велела хозяйка курице возвращаться в лес и послала туда же служанку, чтобы позвать лесного голубя. Лесной же голубь отправился на поле с горохом, а не к дому.

Начала курица в лесу горько плакать, сетовать, что высоко она летать не может и сожрут ее или звери, что на земле, или птицы, что летают, и весь род ее вымрет.

Пролетал тут черный дрозд. Услышал он сетования курицы и научил ее — пусть возьмет у голубя шесть его желтых яиц, а взамен положит ему в гнездо два своих шершавых яйца.

Обрадовалась курица. Побежала она домой. Взяла два своих шершавых яйца и положила в гнездо голубя, а его шесть достала и притащила к себе в гнездо. А чтобы голубь яйца свои не отобрал, курица не сходила с гнезда и высидивала их круглый день, моля бога, чтоб дал ей такие вот яйца.

И о чудо! Через три недели из яиц голубя вылупилось шесть хорошеньких миленьких курочек. Курица же с этих пор тоже начала нести яйца с красивой желтой скорлупой и не меньше шести. И чем больше хозяйка давала курице есть, тем больше яиц она и несла. Так сделал господь курицу полезной и исполнил ее просьбу.

А голубь и по сей день жалуется в лесу: «Ну, нуу, нуу, у меня было шесть золотых яиц, а у курицы два шершавых, вот как!»

225. Хвастливая ласточка

Случилось это у речки, на берегу которой росли ивы, а возле самой воды зеленела трава. Одна маленькая ласточка села на ветку, захлопала крыльями и весело закричала:

— Цзи-ва, цзи-ва, цзи-ва...

А на другом берегу на иву села кукушка и тоже весело закуковала, вытянув шею:

— Ку-ку, ку-ку, ку-ку...

Услышала ее ласточка и рассердилась:

— Как смеет эта безголосая кукушка кричать при мне! Вот бессонная!

Не успела она сказать это, как из травы, квакнув, выскочила жаба.

— Ласточка, ты прямо заворожила меня — такое прекрасное произношение!

— Да, голос у меня неплохой! — отвечает та. — Не знаю, найдется ли среди птиц кто-нибудь искуснее меня? И едва ли есть на свете птица, у которой был бы такой грубый голос, как у кукушки!

— Э! — поторопилась вмешаться жаба. — Словам не всегда можно верить.

— Если б не было гор, то не было бы и равнин, — рассердилась ласточка. — Ну, ладно! Зови кукушку, посмотрим, кто из нас гора, а кто равнина.

— Вот это правильно, — сказала жаба, переплыла реку и спросила кукушку, хочет ли она соревноваться с ласточкой. Та в знак согласия кивнула головой и вслед за жабой перелетела на другой берег.

— Ну, в чем же вы будете соревноваться? — спросила жаба.

— Ясно в чем, в искусстве произношения! — сказала ласточка, не дав кукушке и слова вымолвить. — Давайте считать до десяти. А вы, сестрица жаба, подадите нам знак и будете судьей. Кто первым закончит счет, тот, значит, и искусней, а кто закончит счет последним — тот болван!

— Пусть будет по-твоему, — согласилась кукушка.

Когда переговоры были закончены, жаба квакнула, и соревнование началось.

Ласточка наклонила головку, разинула клюв и зачастила, будто жемчужины рассыпались:

— Один, два, три, четыре, пять, шесть, семь, восемь...

Кукушка вытянула шею, раскрыла клюв и, не торопясь, начала считать:

— Два пятка, два пятка, два пятка и еще два пятка...

— Ласточка, скорей закрой свой клюв, — расхохоталась жаба, — пока ты досчитала до восьми, кукушка добралась уже до четвертого десятка!

226. Коростель и перепелка

Влюбился коростель в перепелку. Захотелось ему поцеловать перепелку, он и отправился к ней.

— А что ты мне дашь за это? — спрашивает перепелка.

— Хочешь, дам тебе теленка?

— Правда, дашь?

— Дам.

Перепелка согласилась. Поцеловались они, и коростель отправился за теленком.

Пошел коростель домой, а сам все думает: «Как тут быть? Что же делать? Теленка-то нет!»

Ждала, ждала его перепелка и стала звать:

— Вабжик, вабжик, гони теленка...

Откликнулся коростель, как будто скотину погоняет:

— Хэй, тпру, тпру, хэй!

С тех пор они так и кричат.

227. О соловье

Прежде у соловья не было жопки, а у клеща была. Надо соловью идти на свадьбу, вот он и думает: «Как же я там без жопки пить да есть буду? Куда же у меня все это надевается?» Вот и просит он клеща одолжить ему жопку. Клещ говорит: «Хорошо, но помни, дорогой мой, чтоб ты сразу же после свадьбы отдал — она и мне самому нужна!» Соловей ему говорит: «Да уж не волнуйся, дорогой мой, как только со свадьбы вернусь, так сразу и отдам». Клещ ему и одолжил.

А как свадьба кончилась, соловей ничего не отдает. Что ж, идет клещ сам за своей жопкой. А соловей как его увидел, так и начал кричать: «Ты что, клещ? Ты что, клещ? Задницу? Задницу? Ту-ту-ту-ту-ту-ту! Бей его! Бей его! Бей его!» И жопку не отдал, да еще и псов на него науськал. Ну, а как законов тогда писанных не было, так пришлось клещу идти себе без жопки, и с тех пор у соловья она есть, а у клеща нету.

228. Женидьба ворона

Однажды ворон полетел из Ерве в Гаррье свататься. Он рассказал невесте и ее родителям о своем богатстве, о том, что у него есть поля и большие запасы ржи и что он может жить с женой без забот. Ворон пригласил родителей невесты посмотреть свои богатства. Они полетели туда. Ворон показал им все скирды ржи, стоявшие недалеко от его гнезда, и сказал, что все это принадлежит ему. Родители невесты улети домой и расхваливали дочери богатство жениха. Они не хотели упустить такого богатого мужа для своей дочери. И сама невеста готова была отправиться к ворону в Ерве. Туда была послана сорока с извещением, что невеста готова ехать к жениху.

Ворон тотчас полетел в Гаррье и взял свою невесту к себе. Ново-брачная тотчас же занялась скирдами.

Однажды утром, когда молодая жена ворона сидела на вершущке скирда и была занята едой, явились люди с возами и увезли все до последнего скирда.

Увидев это, ворона стала кричать:

— Карр! Карр! Увозят рожь! Увозят рожь!

Ее муж услышал это и крикнул ей в ответ:

— Каждый увозит свое! Каждый увозит свое!

229. Как ворона ястреба вывела

Снес ястреб яйцо в вороньем гнезде. Высидела его ворона, и смотрит она, что птенец не ее. Когда он совсем набрался сил, удивляется она, что это за уродина такая.

Принесла червей кормить его, а он ворону когтями за нос. Села она на дерево и закричала: «Урода! Урода!»

А ястребенок отвечает: «Такая уж у нас порода!»

230. Аист и утка

Шел аист по деревне и встретил утку. Говорит он утке:

— Пойдем бродить по свету!

— Как же я могу бродить с тобой? Скоро праздники, я должна для своей хозяйки нанести побольше яиц. Тогда и меня сытно накормят.

— Подумаешь! Невелика награда за такие хлопоты. Лучше пойдем со мной.

Пошла утка с аистом. Пришли они на постоянный двор, приказали подать себе пива, хлеба и сыра.

Съели они весь ужин, трактирщик потребовал платы, а ни аисту, ни утке платить нечем.

Посадил трактирщик обоих в кухню. На другой день приходит и спрашивает:

— Платить будете?

Говорит аист трактирщику:

— Отпусти ты нас. Зачем в кухне держишь?

— Когда заплатите, тогда и отпущу, — отвечает хозяин.

Вдруг видит трактирщик: утка-то на яйцах сидит! Он взял эти яйца, а утку отпустил.

— Почему ты утку отпустил, а меня нет? — спрашивает аист.

— Утка снесла яйца, я эти яйца подложу под другую утку, из них вырастут новые утки. Они мне возместят то, чего не заплатила твоя попутчица, — ответил трактирщик.

Остался аист один в кухне.

Немного погодя трактирщик приходит снова. Видит — аист стену носом долбит.

Удивился трактирщик.

— Зачем, — говорит, — тебе дыра понадобилась?

— А там кошелек, — отвечает аист. — Вот и я расплачусь с тобой.

Наклонился трактирщик, чтобы получше разглядеть кошелек с деньгами, тут аист его — цап! — клювом за нос и держит.

Лучше не спрашивай, что было дальше. Спросишь — рассказчик непременно тебя за нос схватит. Такая уж это история.

И с моим носом так случилось.

231. Сова и ястреб

Однажды ястреб сильно проголодался. И как на зло никакой добычи ему не попадает. На дубе, правда, в гнезде совыта притаились, да сова рядом сидит и глаз с них не спускает. Подлетел ястреб к гнезду и вокруг совы увивается:

— До чего ж у тебя детушки красивые! Век бы на них не нагляделся!

— Все в мать, все в мать! — гордо ответила сова, а сама сидит, не шелохнется.

— Голубятки махонькие, чай, голодны? Ты же их сегодня еще не кормила? — говорит ястреб.

— Много вы, мужики, понимаете, как детей кормить надо! Мои совыта много едят, а надо — и так посидят, — сказала сова как отрезала.

Убрался ястреб несолоно хлебавши.

232. Охотник и куропатка

Однажды шел по лесу охотник и повстречал куропатку.

— Милый охотник, не убивай моих деток! — попросила куропатка.

— А как же я узнаю, что это твои дети? — спрашивает охотник.

— Самые красивые детки во всем лесу — это мои, — отвечает куропатка.

— Ладно, не буду их убивать, — обещал охотник.

Скоро он вернулся, и в руке у него была целая связка убитых куропаток.

— Ох, зачем же, охотник, ты убил моих деток?

— Неужели это твои дети? — спросил охотник. — А я-то стрелял самых некрасивых!

— Ах, — отвечала ему куропатка, — неужели ты не знал, что каждому его детки больше всех на свете нравятся?

233. Журавль и цапля

Летала сова — веселая голова; вот она летала, летала и села, да хвостиком повертела, да по сторонам посмотрела, и опять полетела; летала, летала и села, хвостиком повертела да по сторонам посмотрела... Это присказка, сказка вся впереди.

Жили-были на болоте журавль да цапля, построили себе по концам избушки. Журавлю показалось скучно жить одному, и задумал он жениться. «Дай пойду посватаюсь на цапле!»

Пошел журавль — тят, тят! Семь верст болото месил, приходит и говорит: «Дома ли цапля?» — «Дома». — «Выдь за меня замуж». — «Нет, журавль, нейду за тя замуж: у тебя ноги долги, платье коротко, сам худо летаешь, и кормить-то меня тебе нечем! Ступай прочь, долговязый!» Журавль как несолоно похлебал, ушел домой.

Цапля после раздумалась и сказала: «Чем жить одной, лучше пойду замуж за журавля». Приходит к журавлю и говорит: «Журавль, возьми меня замуж!» — «Нет, цапля, мне тебя не надо! Не хочу жениться, не беру тебя замуж. Убирайся!» Цапля заплакала со стыда и воротилась назад. Журавль раздумался и сказал: «Напрасно не взял за себя цаплю; ведь одному-то скучно. Пойду теперь и возьму ее замуж». Приходит и говорит: «Цапля! Я вздумал на тебе жениться; поди за меня». — «Нет, журавль, нейду за тя замуж!» Пошел журавль домой.

Тут цапля раздумалась: «Зачем отказала? Что одной-то жить? Лучше за журавля пойду!» Приходит свататься, а журавль не хочет. Вот так-то и ходят они по сию пору один на другом свататься, да никак не женятся.

234. О воронах и совах

В пещере между скал жили вороны и совы. Совы видят и ночью, а вороны нет. Ночь за ночью, после ужина, совы ловили ворон, выдирали им перья и поедали их. Ворон становилось все меньше и меньше.

— Если мы останемся жить с совами, то все погибнем. Полетим-ка все вместе в другую страну, — решили вороны, но одна из них сказала:

— Позвольте мне остаться. Я погублю сов и присоединюсь к вам. А вы улетайте. Только перед тем как улететь, выщипайте у меня все перья, чтобы я стала похожа на ананас.

Вороны схватили ее, ощипали так, что она стала похожа на ананас, и улетели. Совы вернулись, смотрят, а ворон нет. Спрашивают они оставшуюся ворону:

— Что это с тобой случилось, дружище?

— Ах, друзья, — отвечает им ворона, — они мне сказали: «Полетим с нами». А я отказалась, тогда они ощипали меня и улетели.

— Можешь ли ты показать нам, куда улетели вороны? — спросили ее совы.

— Если вы обо мне немного позаботитесь, то я покажу вам, — отвечает ворона. — Вы должны приносить мне еду, пока у меня не отрастут новые перья.

Совы согласились и стали заботиться о вороне, пока у нее не выросли новые перья. Однажды ворона им сказала:

— Ах, друзья, когда наступает вечер, я очень мерзну. Пусть каждая из вас по пути домой захватит по вязанке хвороста, чтобы я могла согреться.

Совы принесли хворост и сложили его в две большие кучи по обе стороны от входа в пещеру.

Когда все совы забрались внутрь пещеры, ворона завалила вход хворостом, стащила где-то горящую ветку и подожгла хворост. Все совы сгорели дотла. А ворона вернулась в стаю.

235. Почему днем не видно летучей мыши

Рассказывают, что в давние времена птицы и звери долго воевали между собой. Летучая мышь тогда не участвовала в войне, и никто не знал, на чьей она стороне. Когда же летучая мышь увидела, что побеждают птицы, она полетела в их лагерь. Одна из птиц, увидев ее там, спросила:

— Ты что здесь делаешь?

— А ты что, не знаешь, что ли, что я из вашего рода? Посмотри на мои крылья, — ответила летучая мышь и, расправив свои крылья, показала их птице. Они долго спорили, и наконец птицы приняли ее в свой род.

Прошло немного времени, и началась новая война. Тут уже стали побеждать звери. Тогда летучая мышь, покинув птичий род, бежала в лагерь зверей.

Один зверь, который видел ее перед этим в лагере птиц, спросил ее:

— Ты что здесь делаешь? Уж не пришла ли ты шпионить?

— Нет, я из вашего рода. Посмотри, какие у меня зубы, — ответила летучая мышь и, открыв рот, показала свои зубы.

— Нет, ты не из нашего рода, хотя и зубастая, — сказал этот зверь и не пустил ее в лагерь.

Тогда летучая мышь решила возвратиться к птицам, но ее и там не приняли. Так она и не примкнула ни к птицам, ни к зверям и живет одна. От стыда она показывается только ночью, а днем ее не видно.

236. Мышь и лягушка

Пришла как-то мышь к хаузу, а там пела лягушка. Послушала ее мышь, и очень ей понравилось лягушиное пение. И сказала мышь: «Как жаль, что я живу под землею, а она в хаузе». Пришла однажды мышь к хаузу, а лягушка поет. Лягушка кончила петь. Мышь сказала лягушке:

— Приятельница, — сказала она, — очень мне понравился твой голос. Но часто я не знаю о том, что ты поешь, так как мой дом под землей. Как сделать, чтобы, когда ты поешь, я всегда была здесь?

Лягушка ответила:

— Кроме пенья, я ничего не умею. Если тебе нравится мое пенье, ты сама придумай что-нибудь.

Пошла мышь и украла у старухи из корзины моток ниток. Принесла она моток, размотала длинную нить и пошла на берег хауза, где в это время пела лягушка. Лягушка кончила петь, а мышь ей сказала:

— Подружка, привяжи один конец этой нитки к своей шее, а другой конец я привяжу к моей шее. Я пойду сейчас домой, а когда ты соберешься петь, потяни за нитку, так я и узнаю, приду на берег хауза и буду тебя слушать.

Так они договорились.

Утром наступило время пения лягушки, потянула она за нитку, и мышь пришла на берег хауза. Лягушка начала петь, а мышь затихла, слушая ее. В это время орел, пролетая, увидел на берегу хауза мышь. Опустился орел и схватил мышь. Поднялся он с ней в воздух, а лягушка на нитке тоже поднялась в воздух. Она поднялась уже довольно высоко, когда нитка оборвалась, и лягушка упала на землю.

— Да будет проклят отец того, кто свяжется с кем-то из чужих, — сказала лягушка.

Некоторое время лягушка лежала без сознания, а потом поднялась и прыгнула в хауз. Но со страху она лишилась голоса. Вот и все.

237. Лягушкин совет

Договорилась лягушка с портным, что тот пустит ее на зиму в кадку, а весной в реку выпустит, она же за это даст ему хороший совет. Все сделал портной, как лягушка велела.

На берегу лягушка и говорит портному:

— Что бы ты ни шил, завяжи узелок!

Рассердился портной за такой совет, как размахнется аршином — вот-вот убьет, но лягушка — прыг! — в реку. С той поры у лягушки горб на спине.

238. Лягушка из Киото и лягушка из Осака

Как-то раз выдалось небывалое жаркое лето. Солнце пекло день за днем, а дождя все не было. Наступила жестокая засуха. Пересох даже старый колодец в Киото, где жила одна лягушка. Думала она, думала, как ей быть, и решила переселиться в другое место.

— Осака, говорят, веселый, шумный город, и море там близко! Хочется мне посмотреть на море.

И отправилась лягушка из Киото в Осака.

Но в Осака тоже стояла засуха. Вода пересохла даже в Лотосовом пруду. Лягушка, что там жила, целыми днями смотрела на безоблачное небо и наконец сказала с досадой:

— Нельзя больше оставаться в Осака! Киото — столица Японии, в ней живет сам Сын неба. Уж наверно, там есть на что посмотреть.

И лягушка из Осака отправилась в Киото.

Между Киото и Осака — целых десять ри. Обе лягушки словно сговорились, вышли в путь рано утром в одно и то же время: одна из Киото в Осака, другая из Осака в Киото. Быстро-быстро запрыгали они по дороге.

Долго прыгали лягушки, и к полудню очень проголодались, поясницу у них разломило, от усталости они еле двигали лапками.

Наконец достигли они горного перевала и тут встретились. А надо сказать, что гора Тэннодзан стоит как раз на полпути между Осака и Киото.

Окликнули друг друга лягушки, поздоровались и познакомились.

Лягушка из Киото стала рассказывать лягушке из Осака о столице. Лягушка из Осака стала рассказывать столичной лягушке о своем городе. Лягушка из Киото ужасно опечалилась, узнав, что и в Осака тоже нет дождя. Лягушка из Осака страшно огорчилась, узнав, что и в столице засуха. Но обе решили посмотреть собственными глазами, так ли это.

— Ну-ка, я погляжу с вершины горы на Киото, — сказала лягушка из Осака.

— И я тоже погляжу на Осака. Мне так хочется увидеть море! — отозвалась лягушка из Киото.

Тут обе лягушки поднялись на задние лапки и давай тарачить свои большие глаза.

Лягушка из Киото старалась получше рассмотреть Осака, а лягушка из Осака хотела увидеть столицу.

Вдруг лягушка из Киото сердито крикнула:

— Что такое! Этот хваленый город Осака похож на Киото как две капли воды! Болтали: «Там море, там море!» А моря и не видать!

Лягушка из Осака тоже завопила:

— Что такое! Какой обман! Болтали: «Ах, Киото, ах, столица!» Я-то думала, что там красивые сады, чудесные здания, и что же! Киото просто второй Осака.

— Ну, если Киото так похож на Осака, что же в нем любопытного?

— Ну, если Осака так похож на Киото, что же в нем хорошего?

Обе лягушки решили, что дальше идти и не стоит. Лягушке из Киото надо идти в Киото, а лягушке из Осака надо вернуться в Осака. Крикнули лягушки друг другу «прощай» и запрыгали восвояси.

На самом-то деле лягушка из Киото увидела совсем не Осака, а свой родной город, и лягушка из Осака тоже увидела не столицу, а старые места. Глаза у лягушек на спине, и когда они поднялись на задние лапки, то, конечно, стали смотреть не вперед, а назад.

Вернулась лягушка из Киото домой в свой колодец и принялась рассказывать подружкам:

— Никакого моря на свете нет! Все это пустая болтовня!

А лягушка из Осака снова поселилась в Лotosовом пруду и с тех пор наставляла своих деток:

— Киото — что наш Осака! Одна слава, что столица, а на деле такой же пыльный городишко!

239. Вьюн и щука

Однажды щука захватила вьюна в таком уголке, что и податься ему было некуда. Вот видит он, что беда неминуемая, и говорит:

— А вы, матушка-голубушка, уже исповедались?

— Нет.

— Так ступайте, я вас поисповедаю, а потом уж меня и съедите.

Она его спрашивает:

— А где же ты меня исповедовать будешь?

— Да тут есть и церковка.

Вот она и послушала его, идут к церковке. А он подвел ее к верше и говорит:

— Идите за мной.

Влезли они в вершу, а ей уже назад не выбраться, а для вьюна-то семнадцать дверей в той верше; вот вылез он быстро, бегаёт вокруг верши и говорит ей:

— Сиди, святоша, пока придет рыбак-мехоноша!

240. Рыба и свинья

Как-то в старину поссорилась свинья с рыбой.

— Ты грязнуля! — сказала рыба свинье. — А я чистая!

— Когда тебя едят, — ответила свинья, — все только плюются, а когда меня едят — пальчики облизывают.

241. О раке

Послали раз рака за дрожжами для калачей, а было это на Рождество. Да рачишка как ушел, так и не возвращается. Прежде чем притащился, много времени утекло. Взял у еврея дрожжи и принес наконец-то — в аккурат к Пасхе. «Что ж ты, детинушка, — должен был к Рождеству принести, а на Пасху несешь?» А рак на это: «Эх, хозяйюшка! Не сидись: там, где быстро, там нечистый!»

242. Черепаха на пиру

Сдружились лиса, заяц, черепаха и волк. И загуляли. Гуляли-гуляли, и выпивки им мало стало. Вот они сложились и думают: кого бы послать? Волк отказался, лиса тоже, ну и заяц не пошел. А черепаха согласилась. Вот сидят звери, ждут, когда она вернется. Ждали-ждали, волк и говорит: «Я бы уж давно вернулся», заяц: «Я бы уже давно сбегал», и все звери — так. Вдруг слышат: «Будете обсуждать — совсем не пойду!»

243. Спор муравья с вороном

Поспорили муравей с вороном — кто из них сильнее? Ворон говорит: «Я!», муравей: «Нет, я!» Вот муравей:

— Постой, кто из нас больше унесет олова?

— Ну, ладно!

Ну, муравей взял с себя величиной и понес, а ворон взял с себя величиной, тужился-тужился — и не смог.

И вышло так, что муравей сильнее.

244. Комар и овод

Летит овод. Смотрит, а в холодочке под кустом сидит комар. Он ему и говорит: «Полетим, брат, за компанию!» — «Э, тебе хорошо, у тебя одни ребра, а я человек жирный, солнца боюсь». — «Ну, прощай, коли так!» — «Доброго здоровьичка», — ответил комар.

Вот только солнышко село, летит комар и песенку напевает, а сам думает: «Встречу коня или человека — съем!» Глядь — на сухой ветке сидит надувшийся овод да дремлет. «А, здравствуй, брат пан!» — сказал комар, толкнувши овода ногой. «Да что! Здравствуй!» — отвечает овод спросонья. «Полетим, брат, теперь за компанию!» — «Не полечу:

холодно, да и боюсь жупан в росе замочить». — «Прощай же; видно, овод комару не товарищ!» — «Спокойной ночи!» — ответил овод, потер задними ножками да и захрапел.

245. Комары и лошадь

Задумали комары лошадь одолеть. Облепили ее со всех сторон и стали жалить. Повалилась лошадь на землю и давай кататься.

Всплеснули комары руками и говорят:

— Эх, было б нас одним мужиком больше, ей бы и не подняться!

246. Блоха и муха

Летит муха из города, а блоха в город скачет. Да и повстречались. Давай друг друга расспрашивать. «Я, — говорит муха, — не нашла в городе добра. Вот как поели, сразу всё поубирали, позапирали, а ты летай себе целый день голодная. Да и голодной-то не дают покою: то теснят, то травят, а в слободе я каждый день и наемся, и напьюсь. Хоть и пойдут куда, так я к детям примошусь и все-таки наемся. А еще как в сметану заберусь! В городе когда еще ее увидишь, а если и доведется в нее залезть, так лакей вытащит, обсосет да так шваркнет на пол, что у тебя дня два ребра болят. А в слободе если упадешь в миску со сметаной, так баба тебя ложкой со сметаной выкинет: такая роскошь — ешь сколько душе угодно». — «А я, — говорит блоха, — надумала в город: в слободе народ всё рабочий да худой, редко когда в хате и сидит, а не то чтоб спать; так себе целый день голодная и бродишь. Набросишься с голоду на кошку, а она тебе все глаза выцарапает. А хоть и хозяин с работы вернется, так что? Разве он толком постелет? Где упал, там и заснул — коль на твердом, так на твердом, да так тебя ненароком придавит, что аж мослы трещат. А в городе я залезу куда-нибудь в перину, ляжет пан сытый такой, тут-то и ешь досыта!»

247. Мизгирь

По край болота жили: мизгирь, клоп простой, мошка грязная да строка приказная. Они завоевали, да и заворовали, да скать-де друг дружку и хвалят, а мизгиря-борца ни к какому делу не ставят. Это мизгирию стало вредно; и взяло его великое непокорство: он с горя с кручинушки стал ножками трести да мережки плести и ставить те мережки на те путь-дорожки, где мухи летали. Одна муха летала да в мережку и попала. Мизгирь пришел, в мережке муху застал, ей руки и ноги связал и стал ее бити-губити и за горло давити, а муха вопити. Услыхала их драку черная госпожа оса; она прилетела вскорости, боса

да без пояса. Прилетала да тут же в мережку и попала. Однако рвалась да вырвалась и говорит: «Ахти! Тошно моёй голове! Лучше жить бы мне в своей слободе: у нас выезды частые; а у мизгиря, у плута, мысли лихие».

Вот пропустили про мизгиря такую славу, будто бы его в дальние города послали, будто бы ему там руки и ноги связали и шибко больно наказали. Мухи после того первую весёнку летают да песенки попевают, в барские дома залетают, крестьян кусают. Как бы муху убить, а она, плутовка, и улетит.

Вот мухам стал жар не по нутру, и все они забрались в душу. А мизгирь тогда сдружился с клопом да тараканом и со сверчком-блинником, а душло подтенегил. Сверчок-смолок сел на кочок да в дудочку заиграл, а клоп да таракан учили бить в барабан. Мухи такого шума испужались, тотчас все из душли выбирались и все в мережку попались. Мизгирь их в мережке застал, всем им руки-ноги связал и учал их битигубити и больно за горло давити, а мухи вопити. Тогда мухи, что и по воле летали, к мизгирю тут прилетали и все ему покорство воздавали.

Сему делу конец, а кто сложил про его — молодец.

248. Отчего в мае мороз бывает

Повстречались Март и Апрель. Посудачили, поговорили о погоде. Март и пригласил Апреля в гости. На второй день поехал Апрель на санях. Март увидел, что Апрель на санях едет, надулся, дождь пошел, развезло дороги. Пришлось Апрелю вернуться в свои края.

Через несколько времени опять пригласил Март Апреля в гости. На этот раз Апрель поехал на телеге. Март увидел, что Апрель едет на телеге, надулся, снег пошел, замело дороги. Ни проехать ни пройти. Опять пришлось Апрелю вернуться восвоися ни с чем.

Повстречался Апрель однажды с другим соседом, Маем. Раскланались они как соседи, поговорили о житье-бытье. Апрель сказал, что он занимается сейчас размещением дроздов, а Май сказал, что занимается выращиванием цветов.

После всего природного разговора пригласил Май соседа в гости. Апрель говорит:

— Меня уж Март приглашал. На телеге я поехал — снег пошел, на санях поехал — дождь пошел. Как к вам ездить-то!

Май говорит:

— С какой ты сволочью связался! У него то дождь, то снег, а гостеприимства нет совсем.

На другой год, когда близко подошло соседство, начались опять приглашения. Май говорит Апрелю:

— Поедешь в гости, возьми и телегу, и сани, и лодку.

Апрель так и сделал. Поехал в телеге, а на телегу положил сани и лодку. После долгих приключений приехал он в гости к Марту. Март удивился приезду соседа. Угостились они.

— Как же ты доехал? Погодина-то нехорошая, — с интересом спросил Март.

— Да меня Май научил: он мне велел взять и лодку, и сани.

С той поры Март злится на Май: нет-нет да и морозцу подпускает.

249. Солнце, мороз и ветер

Случилось это в давние времена. Шли как-то солнце, мороз и ветер и разговаривали.

— Я сильнее вас обоих, — говорит солнце.

— Нет, я сильнее! — не соглашается мороз.

Понимают они, что сильному легко на свете жить: куда бы он ни пошел, все его боятся. Но как узнать, кто из них самый сильный?

Шли они, шли и повстречали человека. Увидал он путников, снял шапку, поклонился и идет себе дальше. Вдруг слышит: кличут его путники. Подошел человек, а они его спрашивают:

— Скажи нам, человек, правду, кому из нас ты поклонился? Не всем же троим?

Думает человек, думает, а что ответить, не знает. Сказал бы, что всем троим поклонился, да понравится ли им это? Сказал бы, что одному, да как знать, которому лучше? Солнце спалить может, мороз — заморозить, а ветер — землю высушить. Кому же из них честь отдать? Наконец он решил: «Скажу-ка я, пожалуй, что ветру поклонился. Как бы солнце ни палило, подует ветер — сразу прохладой понесет. Как бы мороз ни лютовал, подует южный ветер — сразу теплее станет». Подумал он так и говорит:

— Ветру я поклонился.

Не понравился такой ответ солнцу, пригрозило оно человеку:

— Попомню я тебе, что ты ветру, а не мне поклонился.

— Не бойся ни солнца, ни мороза! — утешает ветер человека. — Станут они тебя донимать, позови меня!

Летом солнце задумало отомстить человеку — зноем извести его. Направило на него свои лучи и давай палить что есть мочи. Так человеку жарко стало — деваться некуда: ни на дворе, ни в избе дышать нечем. Одно спасенье — в воду залезть, да долго ли в воде высидишь? Вспомнил тут человек про ветер и говорит:

— Хоть бы ветерок подул, все б легче стало!

Поднялся тут северный ветер, и повеяло прохладой. Человек опять за работу взялся. Так и пришлось солнцу отступить и признать, что ветер сильнее его.

А зимой мороз решил с человеком поквитаться. Такого холода напустил, что даже в избе человек в тулуп кутался. Снова вспомнил человек о ветре и говорит:

— Хоть бы ветер подул, тучи нагнал, снег пойдет — мороз и полегчает.

Поднялся тут южный ветер, завихрилась метель, и отступил мороз. Вышел человек из избы и поехал в лес по дрова.

Понял мороз, что ветер сильнее его и нечего ему с ветром тягаться.

Повстречался ветер с солнцем и говорит:

— Самый сильный тот, кто силой своей не бахвалится. Только по делам можно судить, кто сильнее.

250. Нетопырь, репей и кулик

Как-то раз, в давние времена, нетопырь, репей и кулик наняли лодку и поехали за сине море кое-каких товаров купить. Репей и кулик были богачи, а у нетопыря своих денег не было, занял он у соседей. Приехали они за море и накупили гору всяких товаров: нетопырь — неведомо каких, репей — сукон всяких, а кулик — дорогой камень — алмаз. Сложили все в лодку, поплыли домой, да случись такая беда — потонула их лодка со всеми товарами, и сами-то еле-еле спаслись от гибели. Так и не могут они позабыть про это несчастье. Нетопырь, не зная, как с долгами расплатиться, по сей день прячется, боится повстречаться с теми, у кого деньги брал, потому днем не летает, а только по ночам. Репей по сей день под заборами да по проулкам свои сукна высматривает. Кто ни пройдет, он так и хватает за одежду, щупает, не его ли сукно. А кулик все по берегу слоняется, свой алмаз ищет.

251. О мышке, птичке и колбаске

Однажды мышка, птичка да колбаска порешили жить вместе. Стали они вести общее хозяйство и долго жили ладно и богато, в мире и согласии, и хозяйство их все росло и росло.

Работа у птички была такая — летать каждый день в лес за дровами. А мышка должна была воду носить, огонь разводить и стол накрывать, а колбаска оставалась стряпать.

Но кому и так хорошо живется, тому еще большего хочется! Вот случилось птичке повстречаться в лесу с другой птицей, и рассказала она ей про свое хорошее житье-бытье и стала им похваляться. А та, другая птица, стала ее бранить и говорить, что работает-де птичка слишком много и получает мало; а те двое, что остаются дома, живут, мол, куда лучше. Вот хотя бы взять, например, мышку: разведет она огонь, принесет воду и идет себе отдыхать в свою каморку, пока не

позовут ее на стол накрывать. А колбаска, та все у горшков торчит да присматривает, чтобы пища варилась как следует, а как придет время обедать, то стоит ей раза четыре повертеться в каше или в овощах, а они уже и жирны, и посолены, и к столу готовы.

Вот прилетела птичка домой, сбросила свою ношу, и сели они за стол, а после обеда как залегли, да так и проспали до самого утра, — вот уж жизнь-то была, что и говорить, расчудесная!

Но птичку раззадорили, и не захотелось ей на другой день лететь в лес. Она объявила, что слишком долго была у них служанкой и оставалась в дурах и что им следует поменяться работой и попробовать жить по-другому.

И как ни просили ее мышка и колбаска, но птичка, однако, на своем настояла. Пришлось им согласиться; кинули жребий — и выпало колбаске дрова таскать, мышке стряпухою быть, а птичка должна была воду носить.

Но что же случилось потом? Отправилась колбаска за дровами, птичка развела огонь, мышка поставила горшок в печь, и стали они ждать, пока колбаска домой вернется и притащит запас дров. А ее все нету и нету, почуяли они недоброе, и полетела птичка ей навстречу. Увидела она неподалеку на дороге собаку, которая, напав на бедную колбаску, схватила ее и растерзала. Стала птичка обвинять собаку в грабеже и убийстве, но слова помогали мало. Собака ссылалась на то, что нашла, мол, будто у колбаски подметные письма и потому решила ее казнить.

Грустно стало птичке, она взвалила на себя дрова. Полетела домой и рассказала обо всем, что слыхала и видала. Очень они опечалились с мышкой, но решили, что лучше всего им оставаться вместе.

Пришлось птичке накрывать стол, а мышка стала обед готовить. И вот решила она последовать примеру колбаски и прыгнуть в горшок с овощами, повертеться в нем, поболтаться, чтобы было наваристой. Но едва залезла она в горшок, как обварилась, да так сильно, что у нее вылезла шерсть, слезла кожа, тут ей и конец настал.

Пришла птичка обед к столу подавать, глядь — нету стряпухи. Птичка в смущении побросала дрова, стала звать ее и кричать, но стряпухи своей она так и не нашла. И попал по неосторожности огонь на дрова; они загорелись, и начался пожар. Бросилась птичка второпях за водой, да упустила ведро в колодец и сама за ним тоже в колодец упала, и не могла она спастись оттуда — так и утонула.

252. Белка, игла и рукавица

Белка, игла и рукавица жили в большой дружбе. Однажды им стало скучно, и они решили отправиться вместе в лес. Сказано — сделано. Белка и рукавица шли рядом, а иголочка скакала за ними.

Они шли так довольно долго, но не нашли еще никакой добычи, и все три путника были очень опечалены. Тут игла увидела вдруг лужу и крикнула радостно:

Эй, белка, рукавица!
Подите-ка сюда!
Игла нашла находку!
Спешите поглядеть!

Те быстро подбежали, чтобы овладеть добычей, но, увидев находку иглы, они немало удивились и сказали:

— И это вся твоя находка?

— Да, — ответила игла. — Разве этого мало?

— Ах ты, чудачка: из-за таких пустяков ты зовешь нас, — побранили они ее и с досадой направились домой. Игла вернулась вместе с ними.

На следующее утро они снова отправились в лес — белка и рукавица рядом, а игла одна за ними. Они бродили так долгое время; наконец, игла нашла пень и воскликнула, как накануне:

Эй, белка, рукавица!
Подите-ка сюда!
Игла нашла находку!
Спешите поглядеть!

Те подбежали в надежде на этот раз найти хорошую добычу. Но при виде гнилого пня они пришли в такую ярость, что готовы были избить иглу, которая неизвестно для чего позвала своих товарищей. В конце концов, они все-таки помирились и вернулись из лесу все вместе: белка с рукавицей рядом, а игла одна позади.

Проспав ночь, лишь только блеснуло утро, они посоветовались втроем, стоит ли им снова идти в лес, так как им там ничего не удалось найти. Но они скоро сговорились и отправились туда: белка и рукавица рядом, а игла одна за ними. Те двое не нашли и на этот раз ничего, но игла, блуждая одиноко, подошла к большому болоту. Здесь она внимательно осмотрела все кругом своим единственным глазом и увидела оленя, который пасся в болоте. Лишь только она его заметила, как быстро скользнула в травинку, и олень проглотил ее вместе с болотной травой. Таким образом игла попала в желудок оленя и начала его там колоть изо всех сил. Бедный олень не мог долго вытерпеть этого; он упал и умер в мучениях. Когда игла убедилась в его смерти, она вылезла из живота оленя и стала радостно кричать:

Эй, белка, рукавица!
Подите-ка сюда!
Игла нашла находку!
Спешите поглядеть!

Товарищи хорошо слышали, как их звала игла, но они боялись, что и на этот раз будут обмануты. Они советовались друг с другом и говорили:

— Если бы мы могли надеяться, что игла в самом деле нашла что-нибудь хорошее, мы пошли бы к ней. Но кто знает, не лжет ли она и на этот раз?

Однако, несмотря на подобные предположения, они все-таки отправились туда, откуда слышался зов, и нашли мертвого оленя.

Велико было их удивление! Рукавица осмотрела со всех сторон убитую иглой добычу, белка тоже уставилась на нее, и обе были вне себя от удивления и радости. Тут игла сказала им:

— Я убила добычу, а варка — уже ваше дело!

Те послушались ее и принялись усердно за работу. Белка расколола старый пенёк на дрова, рукавица носила из лужи воду. Так им пригодились и прежние находки иглы. Вскоре суп закипел на огне, и все они хорошо и вкусно поели.

Тут и сказке конец.

253. Соломинка, уголек и боб

Жила-была в деревне бедная старуха. Собрала она раз миску бобов и хотела было их сварить. Она затопила печь и, чтоб огонь скорей разгорелся, подбросила пучок соломы. Стала пересыпать бобы в горшок, и вдруг один из них невзначай выскользнул и улегся на полу рядом с соломинкой, а вскоре выскочил к ним из печи и горящий уголек. Вот соломинка и говорит:

— Откуда вы к нам, милые друзья?

Уголек отвечает:

— Да вот посчастливилось мне из огня выскочить, а не то бы верная гибель была мне — я сгорел бы и обратился в пепел.

А боб ему говорит:

— Я тоже ловко спас свою шкуру, а то положила бы меня старуха в горшок и сварила бы из меня, как из моих товарищей, без всякого сожаления похлебку.

— А мне-то разве лучше пришлось бы? — сказала соломинка. — Всех моих сестриц старуха в огонь и в дым обратила; вон — шестьдесят сразу охватила и погубила. Я еще счастливо выскользнула у нее из рук.

— Что ж нам теперь делать? — спрашивает уголек.

— Я думаю, — ответил боб, — раз мы так счастливо спаслись от смерти, так давайте жить, как добрые друзья-товарищи, вместе; а чтоб с нами не приключилось опять какой беды, давайте уйдем отсюда и поселимся в иной, чужедальной стране.

Это всем понравилось, и они отправились вместе в путь-дорогу.

Долго ли, коротко ли, подошли они, наконец, к маленькому ручейку, и не было там ни мостика, ни жердинки, и они не знали, как им перебраться на другую сторону. Но соломинка скоро нашла выход и говорит:

— Знаете что, лягу-ка я поперек ручья, а вы переправитесь по мне, как по мостику.

Так она и сделала — протянулась с берега на берег. А уголек тот был нрава пылкого и смело затопал по вновь построенному мосту.

Дошел он уже до середины, вдруг слышит под собой шум воды, — тут испугался он, остановился на месте и не решился идти дальше. А соломинка вдруг загорелась, переломилась надвое и упала в ручей. Уголек упал за ней следом и, как попал в воду, зашипел и умер.

А боб, тот был поосторожней: он остался на берегу и, увидев, что случилось, засмеялся и никак не мог остановиться, и смеялся так сильно, что в конце концов лопнул.

Тут бы ему и конец настал, но, к счастью, подвернулся странствующий портной, отдохавший у ручья. Сердце было у него жалостливое, он достал иглу и нитки и сшил лопнувший боб. Поблагодарил его боб от всей души, но только нитки-то у портного были черные.

Вот с той поры у всех бобов и виден посредине черный шов.

254. Былинка, блоха и ком земли

Хвала и слава богу! Было ли это, не было ли, жили-были былинка, ком земли и блоха. Однажды отправились они путешествовать. Белобородая былинка несла в руке длинный мундштук, уважаемый ком земли еле-еле передвигался от тяжести своего веса, а госпожа блоха несла на спине свой груз.

Долго ли, недолго ли шли они, приходилось им пересекать узкие ущелья, быстрые реки. Питались они тухлыми лягушками. Но не буду утруждать вас своим рассказом, скажу только, что после всех трудностей и превратностей благородные путники достигли маленького красивого озера, расположенного в плодородной и цветущей долине.

Место им это очень понравилось, и они решили сесть в тени дерева отдохнуть и подкрепиться.

Отдохнули они. Поднялись и зашагали обратно — как в пословице говорится: «Везде хорошо, а дома лучше».

Не успели они пройти и четверти пути, как небо почернело, подул ветер и унес былинку. Хлынул дождь и размочил ком земли. А блоха стала смеяться. И хохотала она так, что внутри у нее что-то оборвалось.

Так бесславно закончилось их путешествие.

С неба упали три красных яблока: одно — сказителю, другое — слушателям, а третье — любителям сказок. Аминь.

255. Три брата

Жили-были три брата. Жили они чрезвычайно бедно. Первый был Пузырь-голова, второй — Узко-горло, а третий — Тонка-нога. Сколько ни работали братья, ничего не зарабатывали — и стали думать, как выбраться из нищеты. Думали-думали и наконец решили отделиться друг от друга, чтобы каждому отдельно попробовать счастья.

У троих были всего-навсего одна коза с двумя козлятами. Старшему брату Пузырь-голове досталась коза, а двум остальным по козленку. В честь раздела решено было зарезать козу. Пузырь-голову послали за водой. У воды ему на голову сел комар. Он хотел отогнать комара, ударил себя по голове, она лопнула, и Пузырь-голова умер.

Братья долго ждали его. Наконец, Узко-горло отправился узнать, в чем дело. Увидел, что брат умер, от испуга сильно вздохнул, и горло его прорвалось. Умер Узко-горло.

Пошел вслед за ним третий брат, Тонка-нога. Испугался он, изумился и хлопнул себя по бедру. Переломилась нога, и он умер.

Так один за другим погибли все три брата.

256. Букашечка

То ли было, то ли нет, жила Букашечка, и не было у нее мужа. И вот отправилась она однажды искать себе мужа. Встретила она на дороге пастуха. Спросил у нее пастух:

— Букашечка, а Букашечка, куда вы идете?

— Мужа искать!

— А за меня пойдете? — спросил пастух.

— А чем вы меня будете бить, если рассердитесь? — спросила Букашечка.

— Вот этим пастушьим посохом, — ответил пастух.

— Измучена, страдаю я,

Но муж такой не для меня, — сказала Букашечка.

Пошла она дальше. Шла она, шла и увидела на дороге всадника.

— Эй, Букашечка, куда вы идете? — спросил ее всадник.

— Мужа искать, — ответила Букашечка.

— А за меня не пойдете? — спросил всадник.

— А чем вы будете меня бить, если рассердитесь? — спросила Букашечка.

— Намочу эту нагайку в воде и отстегаю тебя, — ответил всадник.

— Измучена, страдаю я,
Но муж такой не для меня, — сказала Букашечка.

Пошла она дальше. Шла она, шла и увидела на дороге мышонка.
Спросил ее мышонок:

— Букашечка, а Букашечка, куда вы идете?

— Мужа искать, — ответила Букашечка.

— А за меня не пойдете? — спросил мышонок.

— А чем вы меня будете бить, если рассердитесь? — спросила Букашечка.

— Да поглажу тебя вот этим хвостом, — ответил мышонок.

— Вы радость моего сердца,

Вы лекарство моего сердца! — ответила Букашечка. А потом они стали мужем и женой.

Однажды выдавали дочь падишаха замуж и устраивали свадьбу. Мышонок сказал:

— Ты посиди здесь и никуда не ходи, а я пойду и принесу из дома падишаха всякой всячины и вещи дочери падишаха.

Ушел мышонок, а Букашечке захотелось пить, и пошла она напиться. Только собралась она попить, как поскользнулась и упала в воду. Потом увидела она, как целая толпа людей в чалмах и новых халатах направляется на свадьбу дочери падишаха. Взглянула она на них и сказала:

— Так-так, всадник, я тебе говорю,
В халате с вытканными цветами граната, я тебе говорю,
Пойди и скажи мышонку,
Пойди и скажи тому с худой бороденкой,
Пойди и скажи тому с торбой на спине,
Что луна и лунолика его в воде,
Что луна и светильник его в воде,
Что упала она в хауз с розовой водой падишаха,
Лицо ее потемнело, волосы рассыпались по воде,
А глаза вылезли из орбит.
Пойди и скажи мышонку,
Пойди и скажи тому с худой бороденкой.

А потом эти люди пошли на свадьбу к падишаху и увидели, что там повсюду ходит мышонок с торбой на спине. Вспомнили они слова Букашечки и сказали:

— Не тот ли это мышонок, о котором говорила Букашечка?

Когда мышонок услышал этот разговор, он сразу побежал к месту, где упала Букашечка.

— Дай мне свои ручки, я тебя вытащу, — сказал мышонок.

— Ручки мои поломаны, — ответила Букашечка.

— Дай мне твои ноженьки, — сказал мышонок.

— Ноженьки мои поломаны.

Потом принес мышонок палку и вытащил Букашечку. Потом он зажег в очаге огонь, чтобы высушить ее, а сам пошел за дровами. Букашечка упала в огонь и сгорела. Потом вернулся мышонок, похоронил ее, положил на ее могилку горсть изюма и курут и сказал:

— Пусть, кто съест этот курут, заговорит ртом и задом.

Мышонок пошел и сел в трауре. Приехал мужчина верхом на лошади. Он любил курут и съел его. А после того как съел, сказал лошади: «Чу», — и зад его сказал: «Чу». Удивился он и сказал: «Что за несчастье?» — и зад его сказал: «Что за несчастье?» Испугался он, поскакал и мчался до самого дома. Открыл он дверь, вошел, лопнул у него желчный пузырь, и он умер. Конец.

257. Грибы

Вздумал гриб, разгадал боровик; под дубочком сидючи, на все грибы глядючи, стал приказывать: «Приходите вы, белянки, ко мне на войну». Отказались белянки: «Мы грибовые дворянки, не идем на войну». — «Приходите, рыжик, ко мне на войну!» Отказались рыжики: «Мы богатые мужики, неповинны на войну идти». — «Приходите вы, волнушки, ко мне на войну». Отказались волнушки: «Мы господские стряпушки, не идем на войну». — «Приходите вы, опенки, ко мне на войну». Отказались опенки: «У нас ноги очень тонки, мы не идем на войну». — «Приходите, грузди, ко мне на войну». — «Мы, грузди, — ребятушки дружны, пойдем на войну!»

Это было, как царь-горох воевал с грибами.

258. Орел и птицы

Был гусь и говорит: «Что же, я гусь, высоко летаю, большинства над собой не знаю». Завела перепелка: «Точно, ты, гусь, высоко летаешь, а большинства над собой не знаешь. Точно, я перепелочка — божья пташечка, рано встаю, раннюю зорьку отпеваю». Завела сорока: «Ах, ты, перепелка, ах ты, толстолая, где ж тебе рано встать, раннюю зорьку отпевать! Точно, я сорока-белобока, у людей была, с людьми баяла про те дела, про телесные». Завел сокол: «Ах ты, сорока, ах ты, белобока, тульская колдунья, ярославская хвастунья, где ж тебе у людей быть, с людьми баять про те дела, про телесные! Точно, я, сокол, высоко летаю, на лету всякую птицу побиваю, я всем царь». Завел ворон: «Точно, ты, сокол, высоко летаешь, на лету всякую птицу побиваешь, а зачем же ты хвалишься, орловским царским именем называешься? Царь орел узнает, вам с сорокой худо будет».

Не стерпел такой обиды ворон, в сердцах подал царю орлу списки: «Батюшка, царь орел! Сокол с сорокой похваляются, вашим царским

именем называются». — «Призвать их сюда, сковать нога с ногою, представить их в арестантскую роту, на каторжную работу — копать песок и глину: у кого печь худа, устье помазать годится».

Те как прослышали про царский указ, полетели, аль на деревьях листья зашумели. Прилетают к царю к орлу. Царь орел выходит на крыльцо: «Зачем же ты, сокол, хвалишься, орловским царским именем называешься?» Сокол сел перед ним на колени: «Батюшка, царь орел, прости, виноват, сделал фальшу, великие прошибки, похвалился один раз, и то не знаю, что делать». Сорока глядела-глядела да себе села: «Батюшка, царь орел, прости, виновата, сделала фальшу, великие прошибки, похвалилась один раз на колодесе с бабами пьяными». Орел говорит им: «Будь ты, сокол, барином, а сорока барыней». Сокол с сорокой поклонились царю орлу в ноги и полетели. Обрадовались, что дворянского чина добились.

Ворона глядела-глядела, себе полетела: «Полечу я к царю к орлу, не даст ли, — говорит, — мне какой-нибудь дворянский чин». Где ни взялся молодой воробей, начал бить, начал колотить, всю ей грудь отбил, дыханье заложил. Прилетает ворона к царю к орлу, забыла уж чин просить, начала на воробья жаловаться: «Батюшка царь орел! Молодой воробей разобидел, всю грудь отбил, дыханье заложил!» — «Призвать сюда молодого воробья!» Кличут его туда. А синица под бока толкает и говорит: «Воробей, не робей! Мы с тобой вместе у мужичка на огороде семечко клевали да одно зернышко подымали». — «Синица, побойся ты бога, не говори ты много, мне и так без тебя тошно». И полетел молодой воробей.

Прилетает. Царь орел выходит: «Молодой воробей, зачем, — говорит, — ворону разобидел?» — «Батюшка, царь орел, она вороница, дуровница, поздно вечером летает, широко рот разевает. Выйдет мужик разметать точок, она зашумит, закричит дурным голосом, он бросит метлы, лопату и глядит на небо — знать, говорит, завтра непогода — ворона закричала. На нас, — говорит, — на мелкую пташку зуду нагоняет: кто под тынок, кто под плетенок, кто где денек пребывает, тот там с голоду помирает». — «Что, — говорит, — дура ворона, воробей правду говорит. Воробей! Дай ты ей тычок, пусть знает, мелкую пташку не пугает!»

Завела цапля: «Батюшка, царь орел! Пусти меня спастись!» — «За какие грехи?» — «Мужичок становит вентера и верши, забивает забивы. Забивши, рано утром придет трясть, а там рожен есть». Завела галка: «Ох ты, цапля, ах ты, долгоногая, куда ж тебе, этой дурнице, спастись, ты там всех перепугаешь! Вот я, галка, монастырочка, при колоколенке живаю, божье пенъице слыхаю, на мне платьице черненькое, все равно как на монашенке, вот я туда гожуся».

Тетерев сидит на березе, сидит и говорит: «Я на березе сижу и ваших делов не рассужу». Галка ему говорит: «О глухой шут! Где ж тебе наши дела рассудить!»

Заведала курица: «Батюшка, царь орел! Меня бабы ругают, камышками кидают и птицей не называют. Чем же я не птица? У меня есть тоже крылышки-перышки рябенькие, я такая же пташечка!»

Заведал голубь: «Ох ты, куравница, ах ты, дуравница, выведешь ты детищу дуравницу, ты их не поишь, не кормишь, тебя же с ними поят и кормят, а ты тем не проймешься, к мужику на огород заберешься. А я, голубчик, у бога пташечка, выведу детей парочку, а мало парочку — с добавочком, по озерам, по болотам летаю, мух-козявочек собираю, сам кормлюсь и детей питаю».

Там стоит бочка, на бочке корец, всей сказке конец.

259. Сказка о Ерше Ершовиче, сыне Щетинникове

1729 года, месяца сентября 16 числа

Зародился ершишко-плутишко,

Худая головишко,

Шиловатый хвост,

Слюноватый нос,

Киловатая брюшина,

Лихая образина,

На роже кожа — как елова кора.

Прижилось, прискудалось

Ершишку-плутишку

В своем славном Кубинском озере,

Собрался на ветхих дровнишках

С женою и детишкам,

Поехал в Белозерское озеро,

С Белозерского в Корбозерское,

С Корбозерского в Ростовское:

«Здравствуйте, леци,

Ростовские жильцы!

Пустите ерша пообедать

И коня покормить».

Леци распространились,

Ерша к ночи пустили.

Ерш где ночь ночевал,

Тут и год годовал;

Где две ночевал,

Тут два года годовал;

Сыновей поженил,

А дочерей замуж повыдал,
Изогнал лещов,
Ростовских жильцов,
Во мхи и болота,
Пропасти земные.
Три года лещи
Хлеба-соли не едали,
Три года лещи
Хорошей воды не пивали,
Три года лещи
Белого свету не видали;
С того лещи
С голоду помирали.
Сбиралися лещи в земскую избу
И думали думу заедино
И написали просьбу
И подавали Белозер-Палтос-рыбе:
«Матушка Белозер-Палтос-рыба!
Почему ершишко-плутишко,
Худая головишко,
Разжился, распоселился
В нашем Ростовском озере
И изогнал нас, лещов,
Ростовских жильцов,
Во мхи и болота
И пропасти земные?
Три года мы, лещи,
Хлеба-соли не едали,
Три года лещи
Хорошей воды не пивали,
Три года лещи
Свету белого не видали;
С того мы, лещи,
И с голоду помирали.
Есть ли у него на это дело
Книги, отписи и паспорта какие?»
И думали думу заедино
Щука ярославска,
Другая переславска,
Рыба-сом с большим усом:
Кого послать ерша позвать?
Менька послать —
У него губы толстые.

А зубы редкие,
Речь не умильна,
Говорить с ершом не сумеет!
Придумала рыба-сом
С большим усом:
Послать или нет за ершом гарьюса;
У гарьюса губки тоненьки,
Платице беленько,
Речь московска,
Походка господска.
Дали ему окуня рассыльным,
Карася пятисотским,
Семь молей, понятых людей.
Взяли ерша,
Сковали, связали
И на суд представили.
Ерш пред судом стоит
И с повадкой говорит:
«Матушка Белозер-Палтос-рыба!
Почему меня на суд повещали?» —
«Ах ты, ершишко-плутишко,
Худая головишко!
Почему ты разжился и расселился
В здешнем Ростовском озере,
Изгнал лещов,
Ростовских жильцов,
Во мхи и болота
И пропасти земные?
Три года лещи
Хлеба-соли не едали.
Три года лещи
Хорошей воды не пивали.
Три года лещи
Свету белого не видали,
И с того лещи
С голоду помирают.
Есть ли у тебя на это дело
Книги, отписи и паспорта какие?» —
«Матушка Белозер-Палтос-рыба!
В память или нет тебе пришло:
Когда горело наше славное
Кубинское озеро,
Там была у ершишка избишка,

В избишке были сенишки,
В сенишках клетешко,
В клетешке ларцишко.
У ларцишка замчишко,
У замчишка ключишко, —
Там-то были книги и отписи
И паспорта, и все пригорело!
Да не то одно пригорело;
Был у батюшки дворец
На семи верстах,
На семи столбах,
Под полатями бобры,
На полатях ковры —
И то все пригорело!»
А рыба-семга позади стояла
И на ерша злым голосом кричала:
«Ах ты, ершишко-плутишко,
Худая головишко!
Тридцать ты лет
Под порогом стоял,
И сорок человек
Разбою держал,
И много голов погубил,
И много живота притопил!»
И ершу стало азартно;
Как с рыбою-семгою не отговориться?
«Ах ты, рыба-семга, бока твои сальны!
И ты, рыба-сельдь, бока твои кислы!
Вас едят господа и бояра,
Меня мелкая чета крестьяна —
Бабы щей наварят
И блинов напекут,
Щи хлебают, похваливают:
Рыба костлива, да уха хороша!»
Тут ерш с семгою отговорился.
Говорит Белозер-Палтос-рыба:
«Окунь-рассыльный,
Карась-пятисотский,
Семь молей, понятых людей!
Возьмите ерша».
А ерш никаких рыб не боится,
Ото всех рыб боронится.
Собрался он, ершишко-плутишко,

На свои на ветхие дровнишки
С женою и детишкам
И поезжает в свое славное
В Кубинское озеро.
Рыба-семга хоть на ерша
Злым голосом кричала,
Только за ершом вслед подавалась:
«Ах ты, ершишко-плутишко,
Худая головишко!
Возьми ты меня в свое славное
В Кубинское озеро —
Кубинского озера поглядеть
И Кубинских станов посмотреть».
Ерш зла и лиха не помнит.
Рыбу-семгу за собой поводит.
Рыба-семга идучи устала,
В Кубинском устье вздремала
И мужику в сеть попала.
Ерш назад оглянулся,
А сам усмехнулся:
«Слава тебе господи!
Вчера рыба-семга
На ерша злым голосом кричала,
А сегодня мужику в сеть попала».
Ерш семге подивовал
И сам на утренней зоре вздремал,
Мужику в морду попал.
Пришел Никон,
Заколил прикол;
Пришел Перша,
Поставил вершу;
Пришел Богдан,
И ерша бог дал;
Пришел Вавила,
Поднял ерша на вила;
Пришел Пимен,
Ерша запинил;
Пришел Обросим,
Ерша оземь бросил;
Пришел Антон,
Завертел ерша в балахон;
Пришел Амос,
Ерша в клеть понес;

Идет Спира,
Около ерша стырит;
Амос Спиру
Да по рылу.
«Ах ты, Спира!
Над этакой рыбой стыришь;
У тебя этака рыба
Век в дому не бывала!»
Пришел Вася,
Ерша с клети слясил;
Пришел Петруша,
Ерша разрушил;
Пришел Савва,
Вынял с ерша полтора пуда сала;
Пришел Иуда,
Расклат ерша на четыре блюда;
Пришла Марина,
Ерша помыла;
Пришла Акулина,
Ерша подварила;
Пришел Антипа,
Ерша стипал;
Пришел Алупа,
Ерша слупал;
Пришел Елизар,
Блюда облизал;
Пришел Влас,
Попучил глаз;
Пришла Ненила
И блюда обмыла!

260. Теленок и тигренок

Жили в лесу корова и тигрица. Тигрица считала корову своей старшей сестрой и очень ее любила. Они вместе бродили по лесу, вместе ели, вместе спали.

Был у коровы теленок, у тигрицы — тигренок. Малыши жили дружно, как родные братья. Уйдут корова и тигрица надолго в лес, оставят детенышам молоко, чтобы не проголодались, — вот оба и резвятся вместе весь день.

Время шло. Корова и тигрица старели. Тигренок и теленок росли на глазах.

Однажды корова и тигрица, как всегда, оставили детенышам молока и пошли в лес. Корова бредет себе, траву щиплет, и больше ничего ей не надо. А тигрице на старости лет нелегко стало добывать себе пропитание. В тот день она осталась совсем без добычи. Вернулась с охоты голодная и молча легла рядом с коровой, которая мирно пережевывала свою жвачку под деревом.

День клонился к вечеру, стало темнеть. Пошли корова и тигрица к речке воды попить. Встали рядом на бережку и принялись пить. Корова пьет, а изо рта у нее хлопья пены падают и плывут прямо к тигрице. Глотнула тигрица пены, и показала ей эта пена такой сладкой, что она подумала: «Если во рту у коровы такая сладкая пена, так какое же у нее должно быть сладкое мясо!»

Тигрица ведь целый день не ела. От голода в голове у нее помутилось, она бросилась на корову и задрала ее.

Наелась тигрица — голода как не бывало, — и стало ей жалко корову. Горько заплакала тигрица, да только теперь уж поздно было поправить дело.

Наступила ночь. Тигренок и теленок беззаботно резвились. Вдруг теленок говорит:

— Братец тигр! Что-то долго сегодня не идут наши мамы!

— Сейчас придут, не беспокойся, — отвечает тигренок. — Если ты проголодался, пойдем попьем молока.

Пошли тигренок и теленок пить молоко. Оно стояло в чашках из листьев. Теленок заглянул в свою чашку и видит — молоко в ней покраснело, как кровь. Горестно замычал теленок, заплакал.

Обернулся тигренок, спрашивает:

— Что случилось, братец? Почему ты плачешь?

— Братец тигр! — отвечает теленок. — Мама мне говорила: «Если мое молоко покраснеет, как кровь, — знай, что я умерла». Сегодня молоко покраснело. Кто-то убил мою мать.

В гневе заревел тигренок:

— Нет! Нет! Не может быть! Никто в лесу не посмеет убить нашу мать корову. Если такое могло случиться, я весь лес в крови утоплю!

Тигренок рычит во весь голос, глаза у него кровью налились.

Тут выходит из лесу печальная тигрица. Теленок и тигренок видят, что она вернулась одна, бросились к ней, спрашивают:

— Мать тигрица! Где же матушка корова? Разве сегодня ее с тобой не было?

— Идите, детки, пейте молоко, — отвечает тигрица. — Корова где-то отстала. Она скоро придет.

Не поверил тигренок. Кричит:

— Матушка, по правде скажи! Что случилось? Где мать корова?

Тяжко было тигрице. Мучило ее, что она убила корову. Вот она и сказала правду:

— Сынок, я ее сегодня задрала и съела.

Рассердился тигренок — не помнит себя от ярости. Бросился он на свою мать и вмиг ее разорвал. Потом подошел к теленку и говорит:

— Братец бычок! Моя мать съела твою. Я ее за это убил.

— Плохо ты сделал, братец тигр, — отвечает бычок. — Мать корова умерла, зато у нас была мать тигрица. А теперь мы остались совсем одни. Зачем ты это сделал?

— Ничего, братец бычок. Пока я жив, с тобой в этом лесу ничего не случится. Смотри, этот колокольчик я привяжу тебе на шею. Если ты заметишь опасность, только помотай головой. Я услышу колокольчик и, где бы ни был, сразу явлюсь к тебе на помощь.

Так тигр и бычок прожили в лесу несколько лет. Они по-прежнему любили друг друга, как кровные братья.

Однажды тигр погнался за дичью и убежал очень далеко. Бычок пасся один на зеленой лужайке. В ту пору через лес шел с друзьями на свадьбу какой-то мясник. Он увидел бычка. Бычок был большой и красивый, вот мяснику и захотелось его зарезать. Люди окружили бычка и стали его ловить. Бычок замотал головой — зазвенел колокольчик.

Как ни далеко был тигр, до него долетел звон колокольчика. Он бросил добычу и кинулся на помощь к бычку.

Но пока он бежал, мясник успел прикончить бычка. В отчаянии тигр разорвал мясника и всех, кто с ним был, в мелкие клочья. Да разве этим делу поможешь? Бычка-то уж было не воскресить! Положил тигр голову на тело мертвого брата да так, не сходя с места, и умер.

261. Мудрый голубь

Жили в одном лесу голуби. Они очень любили друг друга и всегда держались вместе. Желание одного было желанием всех. Особенно же все любили и уважали самого старого голубя. Случись какая нужда — голуби сразу обращались к нему за советом, и каждое его слово было для них священо. Вот старого голубя и почитали вожаком стаи.

Однажды в этой местности случился голод. Дожди долго не выпадали, и в лесу началась засуха. С деревьев осыпались листья, кусты пожелтели и высохли. Листка зеленого не найти, а уж о плодах и говорить нечего. Голуби стали умирать от голода. Задумали они покинуть родные края, а старый голубь им говорит:

— Вы предаете родную землю — землю, что вас вскормила. Только неблагодарные дети бросают мать, когда молоко у нее в груди иссякает. Нельзя покидать в тяжелую пору лес, который вскормил нас

такими сладкими и сочными плодами, — только трус, испугавшись врага, бросает родной дом и бежит на чужбину.

Прошло несколько дней. Голуби всё умирали. Наконец старый голубь после долгого размышления нашел выход. Он посоветовал голубям вылетать задолго до рассвета, облетать всю округу и склевывать все, что попадется. Голубям это понравилось. И с рассветом голуби стали улетать далеко от дома. Целый день они опустошали чужие поля, склевывали все, что находили, а к вечеру возвращались обратно.

Приметил голубиную стаю какой-то охотник. Видит он — голуби каждый день куда-то летают в те места, где могут раздобыть пищу.

И вот однажды он, чтобы поймать их, расставил сети и рассыпал вокруг много зерна, а сам спрятался. Спустя некоторое время голуби вернулись. Видят — лежит рассыпанное на земле зерно, и думают: «Спустимся зерна поклевать». Старый голубь тоже видел зерно. Он был очень старый и все испытал на своем веку: холод и жару, радость и горе. Почуял он неладное и запретил голубям опускаться, но было уже поздно: они жадно клевали зерно. И старому голубю пришлось умолкнуть.

А охотник сидел неподалеку, он дернул за веревку, и вся стая оказалась в ловушке. Пришлось голубям пожалеть, что они не послушались совета мудрого голубя и не подумали об опасности.

Старый же голубь, когда увидел, что стае грозит гибель, начал придумывать средство спасти ее. Он ведь был самый мудрый и опытный из всех голубей, самый стойкий и самый бесстрашный, поэтому какая бы беда ни случалась, он никогда не отчаивался. Он и в самую трудную пору не терял головы, а сердце билось спокойно и ровно.

— Если вы хотите спастись из этой ловушки, мало быть просто дружными — здесь нужны хитрость и терпение.

Испуганные голуби приободрились и радостно закричали:

— Говори, говори скорей, что надо делать. А не то придет охотник и унесет всех нас с собой.

— Вы все должны свесить головки так, будто вы умерли, — промолвил старый голубь. — Охотник одного за другим начнет вынимать вас из сети, осматривать и бросать. Лежите спокойно и ждите, пока он не вынет последнего. А как увидите, что он выбросил последнего голубя, все быстро улетайте. Но если кто-нибудь из вас поспешит, вся стая погибнет.

Голубям этот совет очень понравился, и они тут же притворились мертвыми. Через некоторое время охотник вернулся и, увидев мертвых голубей, очень удивился и расстроился. Стал он их шупать и встряхивать — мертвые голуби, да и только.

«Может, я накормил их отравленным зерном, — подумал он, — потому они и умерли. Зачем они мне теперь?»

Бьет себя охотник по голове и сетует на свою горькую судьбу. Со всем отчаялся, бедный, и стал выбрасывать голубей из сети. Выкинул всех, начал было сворачивать сеть, но вдруг увидел, как голуби со свистом взлетели. Сеть выпала у охотника из рук, а сам он так и остался стоять с раскрытым ртом да глядеть вслед улетающей стае.

262. (Верная собака)

Жил однажды богатый купец, и была у него любимая собака. Дела его вдруг пошли худо, и он обеднел. Занял он у друга пять тысяч и оставил ему в залог собаку. Вскоре дом этого друга ограбили дочиста. Собака следила за грабителями, и когда они ушли, побежала за ними, посмотрела, куда они спрятали награбленное, а потом вернулась. Наутро купец увидел, что его ограбили — унесли все его имущество. В отчаянии он не знал, что делать. Но вот он заметил, что собака все подбегает к дверям и точно зовет его с собой. Пошел он за ней, и собака привела его к тому месту, где было спрятано награбленное добро. Все нашлось, и купец, не помня себя от радости, не знал, как благодарить собаку. И вот он написал своему другу, хозяину собаки, — рассказал все как было и добавил, что это собака спасла его имущество; потом привязал письмо к ошейнику собаки и отослал ее к хозяину. Кроме того, он написал, что прощает долг и просит друга принять в дар еще пять тысяч.

А хозяин собаки увидел, что бежит его собака, и смутился — решил, что друг его требует свои деньги; а платить ему было нечем. Пришел он в отчаяние и замыслил дурное — решил убить собаку. Подумал: «Не будет собаки, не будет и долга». Как решил, так и сделал. А когда убил собаку, увидел за ошейником письмо, прочитал его и стал каяться, — прямо не мог себе простить, что убил верную собаку.

263. Ученая кошка

Был один купец. Однажды он задумал отправиться торговать в чужую страну. Поэтому он купил много товаров, приготовил что нужно и, распроставшись со своей семьей, пустился в дорогу. Странствуя из одного места в другое, он прибыл наконец в какой-то город и остановился здесь в караван-сараях. В этой стране был такой обычай, что всякий прибывший в этот город купец должен был отнести царю достойный подарок. Царь же, пригласив купца вечером к себе в гости, играл с ним в нарды.

И вот наш купец, разложив на красивом подносе множество драгоценных материй, также отправился к царю. Во время беседы царь сказал купцу, чтобы он поиграл с ним в нарды и что у него есть кошка, которая с вечера до утра может держать на своем хвосте семь светильников; что он позовет эту кошку и если она подержит с вечера до

утра на своем хвосте семь светильников, то тогда он возьмет себе все богатство купца; если же кошка не сможет сделать этого, то вся его казна перейдет к купцу. Купец принужден был принять такое условие.

Как только царь окликнул, явилась кошка. Закрутив свой хвост, она уселась перед царем. По приказу царя принесли и поставили на ее хвост семь светильников. Царь с купцом начали играть в нарды. Три дня и три ночи играли они, а кошка не сделала ни одного движения. Наконец, купец встал и признал себя побежденным. Царь приказал связать ему руки и посадить в темницу. Все богатство же купца он присвоил себе.

Один из слуг купца, увидев, что с его хозяином случилось такое дело, убежал и, прибыв к себе домой, сообщил об этом жене купца. Последняя же приказала наловить множество мышей и, наполнив ими сундук, забрала с собой много золота и серебра, переоделась в мужское платье и с каким-то караваном отправилась в путь. Путешествуя из одного места в другое, она прибыла наконец в тот самый город, где был арестован ее муж. Положив, как и он, на поднос красивый и драгоценный подарок, она также отправилась к царю; затем, отдав привезенных с собой мышей своим слугам, она поручила им, чтобы в то время, когда она будет играть с царем в нарды, они по одной впускали этих мышей через дверь в комнату.

Царь принял ее также с большим почетом. Во время беседы он предложил ей сыграть с ним в нарды. И когда она согласилась, царь позвал, и тотчас же кошка, войдя в комнату, закрутила свой хвост и уселась перед царем. Тогда принесли и поставили на ее хвост семь светильников. Царь начал играть с женой купца в нарды. В это время слуги последней впустили в дверь несколько мышей.

Увидев мышей, кошка хотела было тронуться с места. Но царь грозно посмотрел на нее, и она осталась спокойно сидеть на месте. Немного спустя слуги впустили еще несколько мышей, и когда мыши начали в комнате танцевать, кошка, не будучи в состоянии больше терпеть, уронила светильники и передушила одну за другой всех мышей.

По условному знаку слуги жены купца, войдя в комнату, крепко связали царю руки и, заключив его в темницу, вывели на свободу купца. Как оказалось, народу уже надоело терпеть жестокости своего царя. Поэтому, узнав в чем дело, жители собрались и избрали купца своим царем.

264. Влюбчивый павлин

В стародавние времена был некий лесной дух — весельчак и щеголь. Ему очень нравилось повеселиться, поплясать и попеть. Поэтому он принял облик золотого павлина. Оперение золотого павлина изумляло всех, его длинный хвост переливался, словно радуга, а грудь сияла, точно солнце. Круглые глаза казались прозрачными, как два дра-

гоценных камня. С утра до вечера золотой павлин расхаживал по горам и лесам, пировал и развлекался. Следом за ним ходила свита — тысячи лесных птичек, готовых услужить ему.

Неподалеку от тех мест, где разгуливал золотой павлин, жил птицелов. Каждый день он расставлял силки и сети. Птицелов несколько раз примечал в лесу золотого павлина, но он не знал, что это лесной дух в обличье птицы, и решил изловить его и съесть.

Птицелов приготовил сеть и расставил ловушки. Но золотой павлин разгадал замысел птицелова, он прошел рядом с ловушкой, не заглядывая в нее, разметал все колышки, к которым была привязана сеть, и ушел лишь после того, как порвал ее на куски острыми когтями.

Под вечер птицелов пришел осмотреть ловушку, он был уверен, что золотой павлин давно уже бьется у него в сетях. Но когда он подошел поближе, то увидел, что на земле валяются колышки и мелкие обрывки сети, а золотого павлина как не бывало. Очень разозлился птицелов и решил во что бы то ни стало поймать чудесную птицу.

«Наверно, этот золотой павлин какой-нибудь лесной дух, — думал птицелов, — ему подвластна волшебная сила, иначе как бы смог он разгадать мой замысел. Но кем бы он ни был, лесным духом или обыкновенным павлином, у него должно быть сердце. А это сердце не может устоять перед женской красотой. Надо найти для него самку, и тогда наверняка золотой павлин окажется в моих руках».

Вскоре птицелов поймал самку и стал приучать ее прогуливаться возле ловушки и петь чудесные песни.

Птицелов говорил себе: «Не может быть, чтобы золотой павлин, слыша каждое утро это призывное пение, не загорелся бы страстью к самке. А когда он будет опьянен ею и страсть сожжет его сердце, он станет совсем другим. Золотой павлин забудет свое волшебное искусство и попадет в мои сети!»

Когда птицелов увидел, что ему удалось приручить самку, он отнес ее в лес и вновь расставил свои сети. Самка ходила возле сетей и пела. Золотой павлин прибежал на ее звонкое призывное пенье. Ему захотелось приблизиться к ней, он распустил хвост и стал танцевать, как зачарованный. Тут сеть упала, и золотой павлин оказался в ловушке у птицелова.

265. Сказка про жерлянку

Жил-был на свете маленький ребенок; мать давала ему каждый день после обеда мисочку молока и кусочек сдобного хлебца, и ребенок садился с мисочкой во дворе. Только начинал он есть, как выползала из стеной щели огненная жерлянка, опускала голову в молоко и ела вместе с ребенком. И ребенок этому радовался; сядет, бывало, со своею мисочкой, а жерлянка все не приходит, и зовет он ее:

Жерлянка-малютка,
Выйди на минутку,
Свежим хлебцем накормлю,
Молочком я напою!

Прибегала жерлянка и пила молоко с удовольствием. Она умела ребенка за это отблагодарить — приносила ему из своих подземных сокровищ разные красивые вещи, блестящие камушки, жемчуга и золотые игрушки. Но пила жерлянка только молоко, а хлебец оставляла.

Взял однажды ребенок свою ложечку, ударил тихонько жерлянку по голове и сказал:

— Послушай, надо и хлебец есть.

А мать в это время была на кухне, услышала она, что ребенок с кем-то разговаривает, и увидела, что замахнулся он ложечкой на жерлянку, вбежала с поленом на двор и убила добрую жерлянку.

И с той поры ребенка будто кто подменил. Пока он ел вместе с жерлянкой, был он сильным и крепким, а теперь пропал у него на щеках румянец, и он стал худеть. А вскоре потом начала по ночам кричать сова, а малиновка собирала веточки и листья для погребального венка, и в скором времени случилось так, что ребенок лежал уже в гробу.

266. О ласочке

Косил мужик луг и нашел гнездо ласки с детенышами, а матери при них не было. Он и не думал им зла чинить, перенес их вместе с гнездом на другое место, а сам снова за работу взялся.

К полудню устал мужик, лег на скошенную траву поспать маленько. А жена ему как раз обед принесла. Будить его не стала, поставила горшки возле него и ушла.

Тут вернулась и ласка-мать. Поглядела — а детей нет там, где она их оставила. Подумала она, что это мужик спящий их поубивал, и решила в отместку его отравить — срыгнула в горшки и прочь побежала.

Бежит — а тут и гнездо, и дети. И жаль ей стало мужика, которого она наказать задумала. Вернулась она скоренько туда, где он спал, видит — горшки нетронуты. Не долго думая, перевернула она горшки и всю еду вылила. Оставила мужика без обеда, а жизнь ему спасла.

267. Змея и мужик

Жил бедный мужик. Ничего-то у него не было, кроме одной коровенки. Продавал молоко, тем и кормились.

Шел однажды мужик по дороге, видит — змеиная нора. И подумал: змея любит белое, дам-ка я ей молока, хоть и жене с детками целый

день поголодать придется. Поставил у норы ковшик, сам отошел, не-подалеку стал.

Выползла змея, выпила молоко, бросила в ковшик червонец и назад уползла. На червонец много накопить можно, не то что на денежку от молока. Идет мужик к жене и деткам с подарками.

Домочадцы спрашивают мужика:

— Где ты столько денег взял?

— Ешьте да пейте, а об этом меня не пытайте!

Наутро мужик опять понес молоко, ковшик у норки поставил. Вы-ползла змея. Выпила молоко, бросила червонец и назад уползла. Свыклись мужик и змея и не боятся один другого уж. Мужик прямо к норе идет, не сворачивает, змея молоко пьет, червонец бросает и упол-зает. Разбогател мужик, много добра нажил. Один из дружков позвал его к себе на неделю. Беспокойно мужику: уйду на неделю, кто станет змее молоко носить, не потерять бы ее. Решил открыться старшему сыну, — родной ведь, не выдаст. Взял молоко и повел сына к норе:

— Вот змеиная нора, а вот молоко. По утрам носи его сюда, змея будет пить и по червонцу дарить. Ты бери его и домой носи. У змеи я разжился, а прежде только что с голоду не помирили.

Мужик ушел, а сын носит змее молоко, собирает червонцы. Раз взял, и в другой, и в третий взял. А потом подумал: откуда у змеи зо-лота столько? Верно, есть у нее волшебный камень, убью-ка я ее, а камень себе возьму.

Вот несет юноша змее молоко и дубинку с собой прихватил. При-шла змея к ковшу, пьет. А парень замахнулся дубинкой, вот-вот ударит. Змея изловчилась-извернулась, только хвост и отхватило ей. Взвилась, обвила парня змея, попримяла изрядно. Еле домой дота-щился, там и душу богу отдал.

Вернулся мужик из гостей. Сына в живых не застал. Понял, в чем дело, горюет, причитает: что дороже, сын или червонцы? Похоронил сына. Прошло время, решил: пойду-ка я к змее, или разорвет она меня, или помирится. Взял ковшик, налил молока, принес к норе, поставил, сам отошел, подалеку стал. Выползла змея и сказала:

— Неси молоко назад, не стану я его пить и мириться с тобой не хо-чу! Да и как нам мириться: я, как оглянусь, увижу, хвоста у меня нет, распалюсь, вспомню, что тайну мою ты не сохранил, сыну открыл, он меня чуть не убил, да я словчила, сама его убила. Может статься, и дальше мы не поладим. Расстанемся да станем каждый по-своему жить!

Мужик головой качает:

— Не сержусь я на тебя, что было — прошло, помирится!..

— Помирится, да с уговором! Ты отходи, когда я пью молоко. А за червонцем дело не станет.

Мужик так и делает с тех пор. Помирились со змеей.

268. Человек, который проглотил мышь

Жил когда-то в Риннарде один человек. Как-то он целый день косил и ближе к вечеру очень захотел пить. Взял он чашку с молоком, жирным таким, чтобы выпить. На кухне было темновато — тогда еще ламп и свечей мало было. Проглотил он молоко, а в нем-то была мышь! Он ничего и не почувствовал, покуда не проглотил молоко вместе с мышью.

И вот с тех пор каждый день, особенно как только он лечь захочет, так чувствует, как у него внутри мышь бегаёт туда-сюда и приплясывает. В то время доктора еще не такие хорошие были, как сейчас, так ни один доктор, ни еще кто-нибудь не мог ему помочь. Уж он и всем своим друзьям про мышь рассказал — он ведь знал, что не хотят они, чтобы с ним что-нибудь дурное случилось.

Пришла его как-то навестить одна женщина. И она сказала, что самое лучшее вот что надо сделать: положить кусок поджаренного бекона и кусок баранины на тарелку с одной и другой стороны рта, когда он в постель ляжет. В комнату надо еще впустить кошку. Когда мышь почует жареное мясо, она вылезет его попробовать.

Это человек три ночи пробовал это лекарство. А на третью ночь мышь-то вылезла и давай есть мясо! И съесть много не успела, как кошка ее сцапала. Тот человек долго еще жил, до самой старости, после того как это случилось. Все это самая что ни на есть правда из всего, что я слышал!

269. Кошачий король

Давным-давно жили в глуши Шотландии двое братьев. Жили они в очень уединенном месте, за много миль от ближайшей деревни, и прислуживала им старуха кухарка. Кроме них троих, в доме не было ни души. Если не считать старухинога кота да охотничьих собак.

Как-то раз осенью старший брат, Элсхендер, решил остаться дома, и младший, Фергас, пошел на охоту один. Он отправился далеко в горы, туда, где охотился с братом накануне, и обещал вернуться домой да захода солнца.

Но день кончился, давно пора было сесть за ужин, а Фергас все не возвращался. Элсхендер забеспокоился — никогда еще не приходилось ему ждать брата так долго.

Наконец Фергас вернулся, задумчивый, промокший, усталый, и не захотел рассказывать, почему он так запоздал. Но вот после ужина, когда братья сидели с трубками у камина, в котором, весело потрескивая, горел торф, и собаки лежали у их ног, а черный кот старой стряпухи, полузакрыв глазки, расположился на коврикe между ними, Фергас словно очнулся и рассказал брату о том, что с ним приключилось.

— Ты, наверное, удивляешься, почему я так поздно вернулся? — сказал он. — Ну, слушай! Я сегодня видел такие чудеса, что даже не знаю, как тебе и рассказать про них. Я шел, как и собирался, по нашей вчерашней дороге. Но когда настала пора возвращаться домой, горы заволокло таким густым туманом, что я сбился с пути. Долго я блуждал, сам не знаю где, как вдруг увидел огонек. Я скорее пошел на него. Но только я приблизился к нему, как перестал его видеть и оказался возле какого-то толстого старого дуба. Я влез на дерево, чтоб легче было отыскать этот огонек, и вдруг вижу подо мной в стволе дупло, а в дупле что-то вроде церкви, и там кого-то хоронят. Я слышал пение, видал гроб и факелы. И знаешь, кто нес факелы? Но нет, ты мне все равно не поверишь!..

Элсхендер принялся уговаривать брата продолжать. Он даже подбросил торфа в камин, чтоб огонь запылал ярче, и младший брат повеселел. Собаки мирно дремали, а черный кот поднял голову и, казалось, слушал так же внимательно, как сам Элсхендер. Братья даже невольно взглянули на него.

— Поверь мне, — продолжал Фергас, — все, что я скажу, истинная правда. Гроб и факелы несли коты, а на крышке гроба были нарисованы корона и скипетр!

Больше он ничего не успел добавить, ибо черный кот вскочил и крикнул:

— О небо! Значит, старый Питер преставился и теперь я — кошачий король!

Тут кот прыгнул в камин и пропал навсегда...

270. Разговор волов на Новый год

Рассказывают, будто разорился какой-то хозяин. Слыхивал он где-то про то, что волы говорят на Новый год, ну и захотелось ему послушать речи волов. На ночь залег тот хозяин в яслях. Может, так до полуночи лежал хозяин — ничего не слышать. Тихо на дворе, скотина легла отдыхать, жует себе жвачку. Лежали волы, лежали, а потом встает один. Встает, а другой ему говорит: «Чего тебе не лежится, чего ноги томишь?» А хозяин в яслях слушает. А дальше вол тот, что встал, говорит: «Как же с нами дальше будет, у хозяина-то нашего корму очень мало. До весны еще далеко, как он нас продержит до весны?» Хозяин все слушает да диву дается. Ну, те, что лежат, говорят: «Ничего, что у нашего хозяина корму мало. Есть еще у него озеред соломы, вот уже три года как стоит. Той соломой хозяин нас и продержит до нового корма. А если б он обмолотил тот озеред, то корца два жита бы взял. Но солому эту хозяин молотить не будет, потому что как только он ее обмолотит, так и умрет. Нам только и поживить-

ся, что зернышками в той соломе». Так вот говорит скотина, а хозяин все это слышит.

Может, в то время жито было дорогое, так и платили, как вот теперь, по три рубля корец. Хозяин тот крутится, не терпится ему обмолотить эту солому. Думает: «Как обмолочу и продам, куплю волам корма». Слышал, однако, что волы говорили, страшно молотить. Крутился, крутился тот хозяин, да потом все-таки не утерпел. «Все-таки, — думает, — это два корца жита», а жито, говорю, дорогое тогда было. Сейчас же за молотильщиками — и перебили солому. Зерно выбили, а хозяин потом долго не жил. Как волы сказали, так все и случилось.

271. Благодарный тигр

Однажды гиляк один жил. Вот зверя искать пошел; двухконечную стрелу неся, так ходил. После того как долго шел, он крик услышал, тигра крик услышал. К нему подошел и, когда посмотрел, оказалось: змей большого тигра к дереву придавил; тигр, помирая, вопит. Вот гиляк к нему подошел, двухконечной стрелой выстрелил, попал. Тот тигр теперь ожил, в гору направился, остановился, посмотрел, снова пошел, остановился, посмотрел. Тот гиляк подумал: «Меня, по-видимому, с собою забрать намеревается». Так подумал, потом посмотрел: все еще стоит! Вот к нему подошел, к нему на спину уселся. Тот тигр того гиляка в гору повез; на ту вершину забравшись, юрту одну увидели. Тогда тот тигр теперь молодым человеком сделался. Вот в юрту вошли, тигр своему отцу новости рассказал. После этого отец его благодарил, за своего сына заплатил, одними только соболями нарту целую наполнил, тому гиляку дал. Тот гиляк вот в свое селение спустился. Так сказано.

272. Медведь и женщина

Как-то раз отправилась одна женщина в поле на жатву и ребенка с собой взяла. Жнет она, жнет, а тут откуда ни возьмись медведь. Занозил он себе лапу и пришел к женщине за помощью. Вынула она занозу. А медведь ей за это принес целый улей меда.

273. Воскрешение страуса

Вот как бывает. Убьет человек страуса, когда он сидит в гнезде на яйцах, принесет убитого страуса домой, и они с женой съедят мясо страуса. А потом жена почистит сеть, сплетенную из сухожилий страуса, вытащит застрявшие в ней окровавленные перья и оставит их в кустарнике.

Тут налетает вихрь, совсем небольшой, и подхватывает страусиные перья. А одно окровавленное перышко вихрь уносит высоко в небо, и потом оно, кружась, падает вниз и попадает в воду. Намокнув, оно оживает. И вот, лежа в воде, оно становится страусенком. Он оперяется, у него появляются крылья и ноги. Тогда страусенок выходит из воды, ложится на берегу, греется на солнце и сушит свои перышки. Он еще совсем маленький страусенок, и у него пока только короткое оперение — перышки у него совсем маленькие и черные, потому что этот страусенок — самец. Ноги у него еще слабые и подгибаются, и он ждет, пока его ноги окрепнут и оденутся в страусиные башмаки. Он ходит, чтобы ноги стали сильными, и потом опять ложится и ждет, пока не окрепнет грудная клетка и не заостенет грудина. Он идет кормиться и ест побеги кустарника и молодые растения, потому что он ведь маленький страусенок и это его пища. Он был когда-то перышком, которое унес вихрь, и вот теперь он превратился в страуса.

Так он живет и ждет, пока не подрастет. Тогда он сможет вернуться на то место, где был когда-то его дом. И он отправляется туда, а по пути выскребает в земле ямы и спит. Добравшись до места, он устраивает новый дом на месте старого, чтобы можно было привести туда своих жен. Кроме двух прежних жен он возьмет еще одну страусиху, и у него будет три жены. Он так делает, потому что однажды уже умер.

Теперь он взрослый самец, его тело окрепло, он чувствует себя сильным, его ноги и колени стали большими, на крыльях у него уже выросли большие перья, как у взрослого страуса. Его грудина уже стала костью, ребра тоже окостенели и стали крепкими, и кричит он теперь громко и сильно. Криком он призывает своих жен-страусих. Когда же они появляются, он встречает их, бегаёт вокруг и оглядывает их, так как их оперение очень красиво. Он их не видел с тех пор, как умер когда-то.

Страус разгребает землю своими сильными когтями, чтобы устроить гнездо, а самки стоят и кормятся возле. Пока гнездо еще сырое и надо ждать, пока земля не подсохнет, поэтому страусихи сначала спят напротив гнезда. Потом страусихи оглядывают гнездо, одна из них ляжет, чтобы опробовать его и убедиться, что дом удобен и сух. Она рыхлит землю в гнезде, чтобы внутри стало мягче, и тогда приходит другая страусиха и откладывает яйцо в сухое гнездо. Потом приходит еще одна самка, хлопает крыльями и тоже кладет яйцо — теперь в гнезде уже два яйца. Она тоже ложится напротив гнезда. Самец всех их загоняет в дом, чтобы они там спали, теперь все самки дома. Когда и третья самка откладывает яйцо, самец выгоняет самок и сам ложится на яйца. А самки, одна за другой, приходят к гнезду, чтобы снова положить яйца, и прогоняют его. Тогда он уходит кормиться. Две его

жены остаются и спят дома, а третья идет кормиться вместе с ним, а потом они спят вместе.

Рано утром самец возвращается вместе с самкой, и они сгоняют тех двух, что спали в доме. И самка, пришедшая вместе с ним, откладывает новое яйцо. Потом все жены уходят, а он ложится на яйца и спит там. Если появляется шакал, страус лягается и отгоняет его от гнезда. Он оберегает яйца, потому что это его дети, и он не дает шакалу убить своих детей.

274. Как медведя приняли за пастора

Как-то отправился один человек в лес поискать планки для саней. Запряг он лошадь в сани без поперечины и поехал в лес. А в лесу была прогалина. Дал он там лошади корму, а сам пошел дальше, поперечину искать.

Было это в то время, когда осенью уже подмораживало. Вышел из лесу медведь и увидал лошадь. Подобрался он к ней сзади да из саней ударил по крупу. Испугалась лошадь и понесла. А у медведя зад соскользнул между боковинами саней, и побежал он, и крепко колотило его о пни да кочки.

Лошадь вылетела из леса и помчалась по равнине. Был на этой равнине пруд. Несколько лет назад в этом пруду утонул один человек, и там с тех пор крест стоял. Дорога шла рядом с ним, и, когда они мчались мимо этого креста, схватился медведь за него лапой. А был он уже старый да подгнивший, так сломался он и остался у медведя в лапах.

Как примчались они к деревне, сбежались тут все поглазеть, что пастор едет. А «пастор» пронесся по деревне с крестом в лапах да все рывкал. Лошадь влетела вместе с «пастором» на хозяйский двор. Там окружили люди «пастора» и покончили с измученным медведем.

275. Рыбак и охотник

Вот встретились рыбак и охотник. Рыбак и говорит:

— Ну что, — говорит, — ты, охотник! Я вчера десять уток принес без ружья.

А тот и спрашивает:

— А как же ты без ружья десять штук принес?

— А вот я заметил, что в этом месте все время стая уток садится и плавает. Я поехал на это место рыбачить. Захватил с собой домашнюю утку и противогаз. Привязал на веревочку домашнюю утку. Противогаз надел на себя, сумку — тоже на себя. И вывернул трубку из противогазной коробки. Присел в воду, чтобы меня не было видно. А утка-

то плавает. И вот дикие утки увидели, что утка плавает, и сели около нее. А я за ножку — да в сумку, за ножку — да в сумку. Десять штук уложил, думаю — хватит, и пошел. Так и принес домой десять штук.

А охотник и говорит:

— Да, это бывает. А у меня еще лучше случай был: я живого медведя с братом домой принес, пудов на шесть.

Я знал, где водятся медведи, и говорю брату: «Пойдем принесем медведя». Он говорит: «Как же так?» — «Слушай мою команду и принесем».

Вот мы и пошли. Я взял с собой кувшин с медом и тряпку. Зашли в лес. Вырубил хороший березовый стяг. Навернул на него на конец тряпку. И пошли к малиннику, где водились медведи.

Вот я намазал эту тряпку медом. Подхожу к малиннику, и выходит медведь на меня. А я ему эту тряпку с медом в рот. И он начинает сосать. А я ему все продвигаю палку дальше, дальше — и второй конец палки оказался у него сзади. Я крикнул брату: «Давай бери!»

Брат подскочил быстро, взял за второй конец. Медведь ничего не мог сделать, только ножками дрыгал. Так и принесли домой.

А рыбак и говорит:

— Ну уж, наверно, неправда...

А охотник и говорит:

— Ну, если уж у нас неправда, так и у тебя неправда, что ты десять уток поймал...

276. Продолжительность человеческой жизни

После того как бог сотворил живущие существа, осел, собака, обезьяна и человек решили обратиться к богу, чтобы узнать продолжительность своей жизни и какое кому определено им назначение. Они, однако, не могли прийти к соглашению насчет того, кому из них первому спросить бога об этом. Тогда осел в нетерпении стал во главе их и обратился к господу с вопросом о своих обязанностях. Разгневанный нетерпением осла господь ответил ему, что его назначение в жизни — носить на своей спине чужое бремя. Почувствовав себя крайне обиженным своею судьбою, осел попросил сказать ему, сколько времени ему назначено жить.

— Тридцать лет, — сказал ему творец.

— Милосердный боже, — взмолился слезно осел. — Сжался надо мною и сократи это время. Я не в состоянии буду мучиться так долго. Спина моя согнется под тяжелым, непосильным бременем, и ноги мои истекнут кровью от безостановочного движения, ибо когда люди узнают о судьбе моей, я не буду иметь от них ни покоя ни отдыха.

Господь сжалился над животным, сократил ему жизнь до восемнадцати лет и велел ему удалиться.

Сейчас за этим к богу пришла собака, чтобы узнать о назначении и продолжительности своей жизни. Заметив, что господь сильно занят, она, чтобы не привлечь к себе его внимания, забралась в угол и решила ждать, пока к ней не обратятся. Спустя некоторое время господь отложил свою работу в сторону и оглянулся. Собака поспешила воспользоваться случаем и, виляя хвостом, приблизилась к трону. Господь обратил внимание на смиренность и преданность собаки и спросил ее, чего она желает. Собака робко предложила богу свои вопросы.

— Иди, — ответил ей бог, — к человеку и веди себя у него так же, как ты вела себя предо мною: бойся и почитай его и охраняй его дом, чтобы никто ничего не брал без его ведома. А если кто-либо это делает, того ты должна кусать, рвать и всячески преследовать, пока вор не отдаст без ведома хозяина взятого. Продолжительность жизни твоей тридцать лет. Но осел жаловался, что тридцать лет для него слишком много, и я уменьшил его жизнь до восемнадцати лет. Довольна ли ты тридцатью годами?

— Милосердный боже! — воскликнула собака в отчаянии. — Такое продолжительное время, как восемнадцать лет, я не буду в силах преданно служить своему хозяину. Бодрствовать и сторожить день и ночь слишком утомительно. Я состарюсь скоро и сделаюсь неспособною к работе многими годами прежде, чем окончу свою жизнь. Хозяин же будет кормить меня только до тех пор, пока я буду ему полезна, а потом я буду еще долго терпеть нужду и лишения, прежде нежели час моей смерти настанет. Сжался же, боже, надо мною.

Сжалился господь над собакою и сократил время жизни ее до двенадцати лет.

Очередь затем дошла до обезьяны. Она тоже застала бога занятым, но ждать ей не хотелось, и потому, чтобы обратить на себя внимание, она стала кривляться и проделывать разные штуки. Она долго гримасничала и вертелась, пока бог не заметил ее и не спросил, что ей нужно.

— Хочу знать, какое у меня назначение в жизни, — ответила обезьяна.

— Именно то, к чему ты только что выказала себя способной. Ты предназначена для потехи человека и должна жить тридцать лет.

— Ах, нет! Праведный боже! Такая долгая жизнь будет для меня невыносима! Гримасничать и дурачиться перед всеми — это несчастная участь. Если буду жить долго, я только надоем себе и другим. Я прошу тебя поэтому сократить мои годы.

Господь внял просьбе обезьяны и определил время ее жизни в десять лет.

Наконец, пришел и человек с теми же вопросами.

— Твое жизненное назначение такое, — сказал ему всемогущий, — учись и приобретай знания, женись, размножайся и господствуй над всеми другими созданиями, возделывай землю и живи в любви и счастье.

— Как долго? — спросил человек.

— Целых тридцать лет, — ответил ему бог.

— Ах, как мало! — воскликнул недовольный. — Я не успею всего сделать в такое краткое время. До семилетнего возраста я совсем не буду знать, что делается вокруг меня; до двадцати лет я должен буду начинать свою голову разными знаниями и остальные десять лет применять их к приобретению богатства, а затем мне придется покинуть все, не пожиная плодов того, над чем я все время трудился, и не испытав радости в своей жизни. Когда же у меня будет время жениться, родить и воспитывать детей, вкушать семейное счастье и пользоваться богатствами, которые приобрету в поте лица своего? О господи, продли время жизни моей!

Всемогущий бог улыбнулся и сказал:

— Хорошо. Я прибавлю к твоим годам время жизни осла — восемнадцать лет. Иди с миром и будь счастлив!

— Это ведь всего сорок восемь лет. Боже милосердный! Это также слишком мало времени, чтобы пользоваться счастьем жизни.

— Так возьми себе и годы собаки и живи еще двенадцать лет.

— Не могу ли я жить хоть немного дольше? — сказал человек и упал на колени, все еще неудовлетворенный.

— Ну, так я, наконец, прибавлю тебе и годы обезьяны. А теперь ступай и живи как можешь! — сказал ему господь.

И человек ушел, довольный тем, что выпросил себе целых семьдесят лет. О бедный человек! Напрасно тебе хотелось так долго жить! После того как ты первые тридцать лет жизни провел в погоне за знаниями и богатством, ты делаешься ослом — ты тащишь ярмо: трудишься и хлопочешь для жены и детей. После восемнадцати лет такой жизни ты начинаешь жить жизнью собаки: в следующие двенадцать лет ты, подобно собаке, стоишь у дверей и охраняешь свой дом, питаешься теми крохами, которые получаешь от своих, не видя благодарности за все то, что ты для них сделал; последние десять лет ты живешь жизнью обезьяны: твои дети и внуки смотрят на тебя как на бесполезное животное и смеются над твоими старческими гримасами. Так ты достигнешь семидесяти лет и приблизишься ко гробу, не воспользовавшись всем тем, на что ты рассчитывал, когда просил бога о продлении твоей жизни до семидесяти лет.

277. Змея, ласточка и комар

Когда-то давно люди, птицы и звери говорили на одном языке. В те времена у самого болота, в камышах, жили черная змея, комар — длинноносый, с тонкими, как волосок, ногами — и белогрудая ласточка. Змея жила под плоским черным камнем, комар ютился среди листьев камыша, а ласточка свила себе гнездо на ветках старого, высохшего дерева. В теплые весенние дни они собирались у дома змеи и беседовали о всякой всячине.

Однажды змея, свернувшись клубком на камне, сказала:

— Послушайте, что я вам скажу. Отныне я не хочу пить кровь кого попало. Буду питаться лишь человеческой кровью. И ты, друг мой комар, должен узнать, правду ли говорят, что кровь человека слаще всякой другой. Помоги мне.

— Конечно, помогу. Разве я могу тебе отказать? — ответил комар и тут же отправился выполнять поручение змеи.

Целый день комар пробовал кровь зверей, птиц и людей и решил, что вкуснее крови человека действительно нет ничего на свете. Под вечер полетел он обратно, в родные камыши. Навстречу ему ласточка.

— Эй, комар-подхалим, куда торопишься? Ты выполнил поручение змеи? — спрашивает она.

— Конечно, выполнил. Разве я могу ослушаться?

— Ну, тогда скажи: чья кровь вкуснее?

— Нет на свете крови вкуснее человеческой, — отвечает комар.

— Ты, наверно, врешь. А ну покажи язык! Если ты сосал кровь человека, твой язык должен быть красным.

— Не веришь, так посмотри, — хвастливо ответил комар.

Только он высунул язык, как ласточка налетела на него и вырвала язык комара — не будет больше вредить людям.

У бедняги на глазах выступили слезы, с бороды кровь капает. Полетел он скорее к змее. А ласточка тоже полетела с ним: хоть и вырвала язык комара, а все же хочет убедиться, что теперь он и впрямь ничего не сможет сказать змее.

Прилетели они домой. Комар вертится вокруг змеи, глазами на ласточку показывает, а сказать ничего не может. Змея то на него, то на ласточку смотрит, никак не поймет, в чем дело.

Тут ласточка говорит:

— Наш общий друг комар издалека летел и всю дорогу пел: «Самая сладкая кровь у лягушки, самая сладкая кровь у лягушки». А у самого дома комар вдруг умолк — видно, горло остудил и теперь не может сказать ни слова.

Тут комар от злости заплакал и заверещал: «зз-зз!»

Змея почувала что-то неладное. Как говорят: «Хоть глаза слепого не видят, но душа его чувствует». Змея с угрозой вернулась к ласточке,

но та вспорхнула и улетела. Все же змея успела вырвать три средних пера из хвоста ласточки.

С тех пор, говорят, хвост у ласточки раздвоенный. С того же времени ласточка перебралась поближе к людям и стала вить гнезда под крышами их домов. Змея же стала есть лягушек. А комар везде и всюду заводит свое «зз-зз», но никак не может высказаться.

278. Отчего у аиста на спине заплата

В давние-давние времена, тут же после сотворения мира, принялись люди жаловаться богу: мол, змеи и всякие гады никому не надобны, мол, многие из них жалят, и от них немало народу помирает. Выслушал бог людей, собрал в мешок всех змей, жаб и прочих гадов, а как самому ему недосужно было, он в ту пору печь топил, — покликнул бог аиста, передал ему мешок и говорит:

— Отнеси и закинь мешок этот в море-океан, только смотри не развязывай!

Взвалил аист мешок на плечи и поволок. Остановился передохнуть, и захотелось ему поглядеть, что в этом мешке. Только развязал его, оттуда змея выползла. Принялся аист ловить ее, а в это время и остальные гады повывлезали из мешка и попрятались в болоте. Вернулся аист к мешку, глядь — а он пустехонек.

Опечалился аист и, вернувшись к богу, рассказал, как все было. А бог все еще печь топил. Услыхал, что аист его повеление не исполнил, да так рассерчал, что схватил головешку и бац аиста по спине! С той поры и осталась у того на спине черная отметина.

Аисту не по душе пришлось эта отметина. По сию пору помнит он, за что она ему досталась, и не терпит змей и лягушек: как попадается ему гад какой, тут и схватит и проглотит.

279. Каня и сорока

Однажды бог приказал всем птицам чистить море. Ну, они все стали чистить и вычистили. Только сорока не чистила. Как только вычистили море, каня взяла да и обмылась. А сорока это увидела, вымазалась в грязи да и полетела к богу: «Боже, боже! Я чистила, вот я вся в грязи, вымазалась, а каня не чистила моря — вон она какая чистенькая вся!» Тогда бог говорит кане: «Ну, коль ты не чистила море, так и не пей воды из моря, а пей только воду с камня да с листа!»

Так вот она теперь, как только долго нет дождя, летает и кричит: пить! пить! — просит у бога пить.

А после бог в этом деле разобрался, что сорока ему солгала. Так она была белая, а стала рябая: те пятна на ней остались и теперь есть, что она в грязи вымазалась. Она очень хитрая птица.

280. Рак

Как только бог сотворил свет, так сотворил и то и се, и наконец рака. Потом сделал бог для него глаза, принес и зовет:

— Рак, рак, на тебе глаза!

Рак пощупал — не понравились они ему, да и говорит богу всевышнему:

— Такие скверные — воткни их в задницу!

Так бог взял да воткнул эти глаза — у рака по сей день глаза там и сидят, где он сказал.

281. Почему у ворона перья стали черными

Ворон не всегда был такой черный, как теперь. Вы думаете, что это шутка? Ошибаетесь, потому что прежде он был такой же белоснежный, как голубь или как гусь. А стал он черным, рассказывают старики, вот почему.

Когда на земле должен был произойти потоп, то Ной сделал себе корабль и взял с собой туда разных зверей и разных птиц. Взял он туда, конечно, и белоснежного ворона с вороной.

Пошли дожди, затопившие всю землю, и много дней плавал корабль по безбрежному морю. Наконец стало усерднее пригревать ясное солнце, и воды начали спадать. Тогда Ной выпустил ворона посмотреть, нет ли где поблизости обсохшего местечка, чтобы пристать его кораблю. Выпуская ворона, Ной просил его возвращаться поскорей, потому что всем наскучило сидеть в тесном корабле, да и запасы стали истощаться.

Вылетел голодный ворон из душного корабля и скоро заметил вдали какую-то черную точку. Подлетел он к ней, сел на нее и думал сначала, что это земля. Но оказалось, что это лошадиный труп. Три дня и три ночи сидел на нем ворон и с жадностью ел падаль, забыв совсем поручение Ноя.

Наелся наконец он досыта и, почистив толстый клюв о белые кости лошади, возвратился на корабль и рассказал, что ничего он не видел, кроме трупа лошади.

— А дальше, — говорит, — я и не летал.

— Почему же ты сразу не вернулся на корабль? — спросил Ной.

— Зачем же мне было возвращаться сейчас же домой, ведь на корабле ты нас уж очень голодом морил. Отощал я совсем...

Рассердился старик Ной и так сказал ворону:

— Ты томил меня и всю тварь земную три дня и три ночи, и все — из-за твоей прожорливости. Отныне да будут твои перья такие же темные, как темна была душа моя!

А так как душа Ноя в то время была совсем черная от горя, то и перья ворона сделались черными.

— Пищей же твоей, — прибавил Ной, — всегда будет одна только падаль, а все птицы станут тебя преследовать!

И с той поры вороны стали черными-черными и питаются отвратительной падалью. Летит теперь ворон над землей и смотрит, нет ли где мертвечинки. А когда после битвы поле усеется трупами, тогда для вороней стаи пир горой.

Вот почему остальные птицы не любят воронов.

282. О рябчике

Сначала рябчик был огромною птицей. Когда он летел, то от одного шума крыльев его все звери и птицы приходили в трепет и от страха бежали — кто куда.

Однажды по лесу ехал Иисус христос верхом на олене. Он подъехал к рябчику. Рябчик вспорхнул и шумом своим напугал Иисуса христа и оленя. Олень бросился в сторону. Иисус христос упал с седла и расшибся о землю. Рассердился.

— Ты очень шумишь, — сказал Иисус рябчику. — Тебя боятся звери и птицы. Чтобы ты никого не пугал, я тебе убавлю крылья.

Иисус христос поймал рябчика, обломал у него крылья и отпустил. Рябчик хотел лететь, но не мог подняться. Крылья были малы. Тогда Иисус христос оборвал у рябчика все лишнее мясо и разделил его между другими птицами, рыбами и зверями.

Вот почему многие рыбы, птицы и звери носят в своем теле куски белого мяса, а окунь весь сделан из мяса рябчика.

283. Осел

Сотворил господь бог животных и, известное дело, нарек их разными именами. Днями позже пришел он проверить, помнят ли они его урок. У всех животных имена накрепко в голове засели, один осел сплеховал — не помнит, и все тут. Тогда господь как ухватит его за уши и ну тянуть что есть силы. «Осел ты, — говорит, — осел и всегда ослом останешься!»

284. Арамаса и пресвятая дева

Однажды пресвятая дева гуляла по берегам быстрой Амазонки, в чьих водах прилив и отлив океана заметен даже на очень большом расстоянии от устья.

Повстречала она рыбу Арамасу, нагнулась и ласково спросила:

— Скажи мне, Арамаса, прибывает сейчас вода или же убывает?

А в ту пору богоматерь наша была уже старенькой, и голос у нее немного дребезжал. Но вместо того чтобы ответить ей так как подобает, рыба посмела вести себя непочтительно. Она безобразно скривила свой рот, чтобы поглумиться над пресвятой девой, и передразнила ее:

— Скажи мне, Арамаса, прибывает сейчас вода или же убывает?

И тогда пресвятая дева прокляла ее. Вот с тех пор у рыбы Арамасы рот свернут набок. Каждый в том может убедиться, если посмотрит на нее.

285. Иисус Христос в яслях

Вот как родился Господь, то лежал в яслях, и вол не тронул из яслей ни одной травинки, да еще дышал и согревал Бога. А конь стоял с другого бока да тянул сено, сколько его было. Вот тут-то Божья матерь и сказала: «Будешь ты, добрый вол, всегда у Бога сытый, а ты, конь, все будешь голодный, хоть будешь есть, пока тебя не раздует».

И оправдались те слова. Конь ест и все голоден, а вол, хоть и голодный, все же со жвачкой.

286. О человеке, который был превращен в медведя

В то время, когда Христос с апостолами по земле ходил, медведей еще не было.

Жил тут один злощипый человек. Тем он был известен, что любил пугать людей, особенно девушек. В один жаркий день забрался он на смоковницу, потому что фиги как раз созрели.

Когда сидел он в густых ветвях этой смоковницы, услышал он шаги. Видит — какие-то люди сюда идут. Решил он тут их напугать.

А был это господь наш Христос, он со своими апостолами шел. И когда солнце сильно стало припекать, пожелал он с ними сесть в тени смоковницы, потому что он смоковницы очень любил.

Уселись они, значит, там. Тут начал этот злой человек с дерева рычать и урчать, как какой-нибудь дикий зверь, как тигр или не знаю кто. Апостолы так испугались, что все бросились бежать. Увидел этот злой человек, как они бегут, смеяться начал и кричит: «Так вы все мошенники — у вас тоже страх есть! Наверно, у вас совесть нечиста?»

Встал тут Христос, поглядел на того человека на дереве и говорит: «У тебя-то совесть чиста, да сердце нечистое. И раз тебе нравится на деревьях сидеть, раз ты рычишь и урчишь, как какой-нибудь дикий зверь, так вот зверем ты и будешь! Тогда и по деревьям карабкаться сможешь».

И тут покрылся этот человек такой темной лохматой шерстью и превратился в медведя. И с того дня есть медведи. И они любят забираться на деревья и плодами лакомиться, которые другие хищные звери, тигры и львы, не едят.

287. Дятел

Дятел прежде был богатый и скупой человек. Однажды он делал топориче к топору. В это время к нему зашел нищий и просит подаюние. Богатый скупец сперва подал нищему щепки, а потом топориче. Но нищий не взял эти милостыни.

Этот нищий был сам бурхан. Он сказал богачу:

— Тебе бурхан дал богатство, а ты не хочешь поделиться с бедными. С этого времени будешь питаться, долбя дерево.

С этими словами обратил богача в дятла. Вот отчего дятел питается теперь долблением дерева.

288. Паук и шелковичный червь

Рассказывают, что однажды паук встретил шелковичного червя и стал над ним посмеиваться:

— О господин мой, червь, как ты хорошо ткешь! Ты так торопишься, так быстро работаешь, что затратишь лет сто, пока оденешь кого-нибудь в свою пряжу! А ты посмотри на меня: если я захочу, то могу в одну минуту наткать столько ткани, что ею можно будет затянуть всю стену!

И вот что ответил пауку шелковичный червь. Он сказал смиренно:

— Что ж, это правда, ты можешь своей паутиной заткать всю стену. Но взгляни: сквозь твою паутину стена, как и прежде, видна, как будто она ничем и не прикрыта. Так скажи мне, господин паук, кто станет одеваться в одежду из твоей паутины?! А я не спешу в своей работе, однако ты нигде не найдешь ткани прочнее моей. И хотя я смогу одеть немногих, но моя ткань любого защитит и от жары, и от холода.

Кто всегда торопится, тот сделает много, но плохо. А лучше сделать меньше, но хорошо.

289. Собака и волк

Однажды крестьянин отправился в лес за дровами. За ним увязалась и его собака. Вместе они вошли в лес.

Вдруг появился волк. Он набросился на собаку и хотел ее съесть, но собака со слезами на глазах сказала ему:

— Что сделала я тебе плохого, что ты хочешь меня съесть? Если ты сейчас съешь меня, все равно завтра опять будешь голодным. Давай

пойдем к нам домой, там каждый день мне дают хлеб и другую пищу, будем жить вместе.

Волк видит, что собака говорит дело, и согласился. Шли они шли, и, когда подошли к селу, волк заметил, что шея у собаки плешивая, вся в нагноившихся ранах.

— Это хорошо, очень хорошо, братец, что ты так прекрасно живешь, но почему у тебя такая шея?

— Знаешь что, братец, у моего хозяина дурной характер: перед тем как положить передо мной хлеб, он надевает мне на шею цепь, а затем говорит: «Ешь».

— Нет, братец, я пойду обратно, а ты живи с сытым желудком и с цепью на шее.

290. Два козла

На перевале, на вершине горы, встретились два козла. Перевал был узким, и они не могли там разминуться. Повернуть назад было невозможно, и они очень перепугались.

Вверх нельзя было подняться из-за того, что гора была очень крутой, вниз невозможно было спуститься из-за отвесного ската.

Так эти козлы вот что сделали: один из них осторожно прижался к склону и лег на землю, а другой осторожно и спокойно перешагнул через своего друга и последовал дальше. После этого они как ни в чем не бывало, прыгая с камня на камень, добрались до горных лугов и стали щипать траву.

Два других козла также поднимались в гору и встретились у горной речки. В том месте через речку было перекинуто бревно, по которому можно было перейти с одного берега на другой.

Спесивые козлы стояли на бревне, не желая уступить друг другу дорогу, и спорили между собой. Наконец они сцепились и, сорвавшись с бревна, полетели в воду. Но и в воде они продолжали драться, пока оба не утонули.

Уступил они друг другу дорогу — остались бы живы.

291. Домашняя мышь и лесная

Жили-были две мыши, домашняя и лесная, и встретились они раз у опушки леса; лесная мышь сидела в орешнике и рвала орехи.

— Бог на помощь! — сказала домашняя мышка. — Вот не думала не гадала встретить родственницу так далеко от города.

— Да, бывает-таки, — ответила лесная мышь.

— Орехи собираешь?

— Да, нужда заставляет: надо чем-нибудь питаться зимой.

— Шелуха крупная, и орехи в этом году полные, так годятся на годное брюхо, — сказала домашняя мышь.

— Годятся, — сказала лесная и стала рассказывать, что ей вообще живется хорошо.

Домашняя же полагала, что ей живется лучше, но лесная стояла на своем и говорила, что нигде не может быть лучше, чем в лесу и в горах, и что ей самой живется как нельзя лучше.

Домашняя, в свой черед, утверждала, что ей живется лучше всех. Так они и не могли никак согласиться между собой. Наконец обещали побывать друг у друга в гостях на Рождество, чтобы поглядеть и ответить, кому живется лучше.

Первая очередь была за домашнею мышью идти в гости. А идти-то пришлось лесом и оврагами, и, хотя лесная мышь на зиму и перебралась с гор в долину, дорога была длинная-предлинная, трудная-плетунная. Ветер дул навстречу, снег был глубокий, рыхлый, так что домашняя мышка совсем утомилась, пока добралась до места.

«Теперь хорошо было бы подкрепиться», — подумала она.

И лесная мышь выставила хорошее угощение: и орехи, и разные коренья, и всякие лесные и полевые плоды. Все это она насобираала по осени и сохраняла в своей норке глубоко под землей, так что запасы не мерзли. Тут же близехонько был ключ, который не замерзал всю зиму; поэтому лесная мышь всегда имела под рукой воду и могла пить сколько хотела.

Мышки накушались досыта, но домашняя мышка все-таки нашла угощенье весьма скромным.

— Сытой быть можно, — сказала она, — но до роскоши далеко. Теперь милости прошу ко мне отведасть моего стола.

Лесная мышь не заставила себя долго ждать, пришла в гости в подполье к домашней. Эта составила обед из объедков и крох с рождественского стола: старуха, хозяйка дома, так наугощалась в сочельник пивом и водкой, что, когда убирала со стола, разроняла на пол немало всякого добра. Тут были и крохи сыра, и кусочки масла и сала, и объедки ватрушек, и прочие вкусные вещи. В чашке, подставленной под втулку пивной бочки, накопилось много пива, так что и питья было вдоволь. И вот обе мыши принялись пировать. Лесная мышь ела, ела без конца; такого угощенья она сроду не отвеживала. Наконец ей страшно захотелось пить: еда-то была такая жирная, плотная.

— За пивом недалеко ходить, — сказала домашняя мышь, прыгнула на краешек чашки с пивом и напилась.

Но напилась в меру, зная, что это питье крепкое. А лесной мыши пиво ужасно понравилось: она ведь сроду ничего другого не пила, кроме воды; вот она и пила глоток за глотком, пока не охмелела. Голова у нее закружилась, ноги сами собой заходили, и она принялась

скакать с одной бочки на другую, прыгать и плясать по полкам между кружками и чашками, пищать и свистеть, как шальная. Вот что значит хмель-то!

— А ты потише веди себя! — говорит ей домашняя мышь. — У нас тут порядки строгие. Сейчас будочник явится.

Лесная мышь заявила, что знать никого не хочет.

А у подпольного люка сидела кошка и ушки наострила, заслышав эту возню. Хозяйке же как раз понадобилось в подполье за пивом слазить; она приподняла половицу, кошка шмыг туда и сразу сцапала лесную мышь. Теперь та иначе заплясала. А домашняя мышь шмыгнула в свою щелочку и притаилась там в безопасности.

Попав в когти кошке, лесная мышь разом отрезвилась и говорит:

— Ах, милый будочник! Будь милостив, пощади меня, я тебе расскажу сказку.

— Рассказывай, — говорит кошка.

— Жило-было нас две мышки, — затянула лесная мышь так жалобно, нараспев, чтобы протянуть время.

— Значит, вы не скучали, — отрезала кошка сухо.

— И нашли мы кусочек мяса да зажарили его...

— Так, значит, не голодали, — говорит кошка.

— Потом повесили его на крышу, чтобы остудить, — продолжала лесная мышь.

— Так ты не обожглась, — говорит кошка.

— Да откуда ни возмись — лисица с вороной и съели наше жаркое.

— А я тебя съем! — крикнула кошка.

Но в эту минуту хозяйка захлопнула половицу так, что кошка вздрогнула от испуга и распустила когти. Лесная мышка — брысь — и улепетгнула в щелочку, в норку к домашней мыши, а оттуда был выход наружу, и она живо собралась восвояси.

— Так вот твое хваленое житье! — сказала она на прощанье домашней мыши. — Боже меня избави от такой сладкой жизни и от такого будочника! Я еле вырвалась из его когтей.

292. Прodelки мышей

Нашли два мышонка яйцо и решили его разбить и съесть. Вдруг они увидели, ворона летит к ним и хочет выхватить у них яйцо. Стали они думать, как спасти яйцо от вороны. Взяли его в лапки, да маленькие они, не удержат ими его! Тогда одна из мышей легла на спину, яйцо положила себе на живот и придерживает четырьмя лапками. А другой мышонок взял его за хвост и поволок к себе в норку.

293. Шакал и аист

Это случилось, когда Будда был аистом с длинной шеей, а тевода — прожорливым шакалом.

Однажды шакал глодал кость, и она застряла у него в горле. Шакал страшно мучился, страдал и наверняка умер бы, не приди ему на помощь аист.

— У тебя такая длинная шея и такой длинный нос, — прохрипел шакал, увидев аиста, — ты один можешь достать кость из моей глотки и спасти меня от гибели. А потом я награжу тебя.

Аист сжалился над шакалом, засунул свой длинный клюв ему в глотку и вытащил злополучную кость.

— Как же ты наградишь меня за услугу? — спросил аист.

И шакал ответил:

— Я позволил тебе влезть в мою пасть, больше того, я позволил тебе живым выбраться оттуда. Это ли не награда?

294. Волк и ягненок

Однажды ягненок щипал травку и незаметно отбился от отары. Пошел он к горному ручейку, а вода в ручье чистая, прозрачная. Ягненок уже нагнулся — хотел напиться, но откуда ни возьмись появился волк.

Захотелось волку есть, вот он и решил вызвать ягненка на ссору, чтобы был предлог растерзать его. Выпучив глаза, волк сердито прорычал:

— Эй, ты! Как ты смеешь мутить воду, когда я пью? Да еще делаешь вид, что не виноват!

— Я не мутил воду, — возразил ягненок, — ведь вода течет с верховьев вниз, ты стоишь выше по течению, а я ниже! Разве можно винить меня?

Не удалось волку запугать ягненка. Решил он подойти с другой стороны:

— Допустим, в этом ты не виноват! Но слышал я, что ты плохой малый, смеешь за глаза поносить меня. В прошлом году ты ругал меня! Помнишь? Когда я узнал об этом, хотел найти тебя и выяснить, в чем дело. Вот сегодня ты мне и попался!

Ягненок поспешил объяснить:

— Волк! Как же я мог тебя ругать в прошлом году? Ведь я тогда еще и на свет не родился!

У волка давно текли слюнки, ему не терпелось съесть ягненка.

— Какое мне дело, родился ты тогда или нет? Не трать попусту слов! Сейчас я тебя съем! Пусть ты ничего плохого не совершил, зато твой отец совершал. Так что все равно и ты виноват.

Волк разинул пасть, набросился на ягненка и свалил его на землю. Ягненок пытался освободиться и жалобно просил:

— Я совсем не знаю, какой проступок совершил мой отец! Помилуй меня!

На это волк ответил:

— О дурных поступках и твоих и твоего отца я тоже ничего не знаю. Но я знаю, что мясо твое нежное, вкусное. Пусть это и будет твоей виной! Поэтому я должен тебя съесть!

И жестокий волк проглотил ягненка.

Так и у людей: хороший человек никогда не найдет справедливости у дурного.

295. Змея и лисица

Змея и лисица считались друзьями, а сами только и думали, как бы друг друга погубить.

Однажды змея говорит лисице:

— Народ ходит на поклонение святым местам в Мекку, давай-ка и мы пойдем туда.

Лиса согласилась, и они отправились в Мекку. Шли ночью, шли днем и дошли до берега моря.

— Что же нам теперь делать? — сказала змея. — Ведь я не умею плавать. Как же мы попадем на ту сторону?

— Полезай мне на спину, — отвечает лисица. Она подумала, что сбросит змею в воду и погубит ее, но посреди моря змея обвинила лисью шею и начала душить подругу. А лисица говорит:

— Душа уже отлетает от меня, и я боюсь умереть, не взглянув в глаза моей дорогой подруге. Дай мне посмотреть на тебя последний раз!

— Хорошо, — согласилась змея и вытянула голову вперед. Тогда лисица вцепилась в змеиную голову зубами и начала ее грызть.

Выйдя на сушу, лисица растянула на земле мертвую змею и сказала:

— Мне больше нравится прямая подруга, а не извивающаяся!

296. О трех быках

Жили-были три быка: черный, рыжий и белый. Изнуренные тяжелым трудом в поле, они решили уйти от своего хозяина в прерию, туда, где есть сочная трава и родники. Долго и привольно жили они в прериях, защищаясь от диких зверей. Тело у них стало гладким, рога острыми, как копье, а в быстроте и ловкости они не уступали лесным зверям. Чтобы лучше защищаться от хищников, они все делали по очереди. Охраняя друг друга, они ели траву, пили воду, спали или отдыхали.

Однажды быков увидел лев. Испугавшись их крепких рогов и ловкости, он мирно приблизился к ним и, сделав вид, будто хочет помочь им советом, сказал:

— Я спускался сейчас по этому откосу и принял белого быка за белую палатку, рыжего — за шэмму, а черного — за черную палатку. Поэтому, если бы ты, белый, отправился туда, где на белой земле растет белая трава и белые деревья, ты был бы похож на них. А тебе, черный, лучше было бы пастись там, где на черной земле растет сочная трава, где растут черные деревья с черными листьями: ты слился бы с ними. Тебе же, рыжий, лучше будет там, где на рыжей земле растут рыжие цветы, рыжая трава, рыжие деревья. Для вашей безопасности ничего лучшего и не придумаешь.

После этого хитрого совета лев сказал им, куда надо идти. Поверив ему, обманутые быки пошли туда, куда их направил лев. А лев, когда увидел, что быки разошлись в разные стороны, устроил засаду и растерзал их по одному. Так рассказывают.

Прежде чем следовать совету, надо узнать, кто тебе советует: друг или враг.

297. Ястреб и дикая кошка

Однажды ястреб украл соленую рыбу, сушившуюся на солнце. Он полетел с нею на дерево каманчиле, сел на ветку и начал есть. Дикая кошка, жившая в норе под деревом, увидела, что ест ястреб, и с притворным восхищением сказала:

— Как красиво блестят твои черные перья, ястреб!

Услышав похвалу, ястреб приосанился, а потом замахал крыльями. Похвала была ему очень приятна.

— Ты особенно хорош, когда ходишь, — льстиво продолжала дикая кошка.

Ястреб запрыгал с гордым видом по ветке.

— Вчера кто-то говорил: голос твой так красив и нежен, что околдовывает всех, кому случится услышать твою песню. Дай мне хоть немного послушать твое пение, прекрасный ястреб, — попросила дикая кошка.

Ястреб, почувствовав от ее слов безмерную гордость, раскрыл клюв и закричал:

— Уак-уак-уак-уак!

Как только ястреб закричал, рыба, которую он держал, выпала из его клюва на землю. Дикая кошка тут же подхватила ее и унесла в нору.

Все это видела цапля, стоявшая на спине буйвола неподалеку от них. Она сказала:

— Ястреб, позволь мне дать тебе совет: не надо верить каждому слову, которое слышишь от других. Думай сам и помни, что ворованное впрок не идет.

298. Умная ворона

Увидела раз жаждающая ворона кувшин, подлетела к нему и видит, что воды в нем мало, почти на дне. «Горлышко у кувшина узкое, — подумала ворона, — не удастся напиться». Думала, думала ворона, что ей делать, и придумала. Решила она набрать камешки и набросать в кувшин. Так и сделала. Вода мало-помалу поднялась до такого уровня, что ворона смогла утолить жажду.

Мораль: вначале обдумай, а потом приступай к делу.

299. Попокоруа и кикихи

Попокоруа, муравей, вечно занятый поисками пропитания под корой деревьев или на земле, не мог понять, почему кикихи, цикада, ведет себя так легкомысленно, почему она только и делает, что греется на солнышке и нисколько не тревожится о будущем.

— Дорогая кикихи, — сказал как-то муравей. — Давай вместе возьмемся за работу и сделаем запасы на зиму. Ведь зимой на земле холодно и пусто.

В ответ послышался громкий скрипучий смех цикады.

— Дорогой муравей, у меня есть дела поважнее, — сказала кикихи. — Ползи сюда, на солнышко, и мы вместе споем хвалебную песню Тане.

Муравей понял, что с цикадой бесполезно разговаривать. Он перестал обращать на нее внимание и спокойно продолжал собирать мошек и личинок. Муравей трудился и тихонько напевал: «Зима идет. Нам нужна еда, а то мы умрем холодной зимой. Нужно работать, а то мы погибнем».

Цикада взглянула на своего друга, который ползал где-то там, внизу. «Что за глупое создание! — подумала она. — Бедный муравей, он совсем не умеет радоваться жизни. Как было бы прекрасно, если бы он приполз сюда и спел мою песенку!» И цикада запела песню, которую кикихи поют долгими летними днями: «В чем мое счастье? Ничего не делать, греться на солнышке, сидеть на ветке и бить крылышками».

Дни шли за днями, лето кончилось. Солнце больше не грело, листья на деревьях дрожали от ледяного ветра. На земле поселилась Хине-Такура, Дева Зима, а Тио-роа сделала воду твердой.

Кикихи, такая счастливая и беззаботная летом, стала совсем тоненькой. Она жестоко страдала от холода, понапрасну прижимаясь к

твердой коре, и в конце концов умерла. А попокуруа жил в своем уютном доме, у него было вдоволь еды, и он спокойно ждал лета.

300. Ворона и птенцы

В старину там ворона воронят растила. Надо их через море перенести. Взяла одного, несет через море и спрашивает у птенца:

— Что ты для меня сделаешь за то, что я несу тебя?

Отвечает вороненок:

— Неси, и я потом тебя понесу.

Ворона говорит:

— Врешь, не понесешь ты меня, поди в море, — и сбросила его в море.

Второго птенца взяла, несла и спрашивает опять:

— Что ты для меня сделаешь за то, что тебя несу?

— Неси, я тоже потом тебя буду носить.

— Врешь, не будешь ты меня носить.

И его тоже уронила в море. Взяла третьего птенца. Несет его над морем и спрашивает:

— Что ты для меня сделаешь, раз я тебя несу?

— Неси дальше, маменька, ведь я потом своих птенцов буду носить. А смогу, так и тебе кусочек принесу.

— Вот тебя перенесу через море, ты правду сказал.

301. Гнездо перепелки

Свила перепелка гнездо на поле богатого землевладельца. Вывелись у нее птенцы, и вот однажды, когда их мать отправилась раздобывать еду, услышали они голос хозяина, говорившего своим сыновьям:

— Хлеб уже созрел, скажите работникам, что пора начинать жатву.

Вернулась перепелка и застала птенцов в страхе и тревоге.

— Что случилось? — спросила она.

Птенцы рассказали ей о том, что слышали. Мать ответила:

— Не тревожьтесь.

Несколько дней спустя вернулся хозяин на поле и увидел, что оно не сжато. Он очень рассердился и строго наказал работникам приниматься за жатву. Узнав об этом от птенцов, перепелка повторила:

— Не тревожьтесь.

Через несколько дней вернулся хозяин и сказал своим сыновьям:

— Работники не исполняют моих приказаний, завтра мы сами придем сюда жать.

Узнав об этих словах, перепелка сказала:

— Теперь пора, детки; давно сказано: приказами да указами дела не сделаешь. Теперь придет сюда сам хозяин — значит, пора спасаться подобру-поздорову.

И когда на другой день хозяин с сыновьями приняли жать хлеб, птицы были уже далеко.

302. Адычах и Кечох

Жили два парня. Были они большими друзьями. Одного звали Адычах, другого — Кечох. Дали они клятву не покидать друг друга в беде.

— Мой отец очень храбрый. Я весь в него пошел. Ты, Кечох, со мной не пропадешь, — говорил Адычах.

Кечох молча выслушал своего друга и хорошо запомнил его слова.

Как-то шли они по тайге. Навстречу им медведь. Адычах мигом оказался на дереве. Кечох упал на землю и притворился мертвым. Медведь подошел к нему, обнюхал лицо и заковылял в тайгу — мертвых медведи не трогают. Адычах подождал, пока медведь ушел, слез с дерева и спросил у товарища:

— Что тебе медведь говорил?

— Он сказал: никогда не ходи в тайгу с другом, который только о себе думает...

С тех пор появилась у хакасов пословица: «Без беды друга не узнаешь».

303. Глава о вороне, голубе-вахире, крысе, черепахе и газели

Царь сказал ученому:

— Я выслушал притчу о двух любящих друг друга, разлученных вероломным кознодеем. Расскажи мне теперь притчу о верных братьях, о том, как началась их взаимная связь и как наслаждались они друг с другом.

Мудрый ученый сказал:

— Ничто не может сравниться с хорошим братом, ибо братья — помощники во всяком добре и утешители в несчастьях. Притчей об этом будет притча о вороне, голубе-вахире, крысе, черепахе и газели.

Царь сказал:

— Как же это было?

Философ сказал:

— Говорят, было в одной земле место, обильное дичью, в котором охотились охотники. Было там одно большое дерево, ветвистое и густолиственное, а на нем гнездо ворона. Однажды, сидя на дереве, уви-

дел ворон охотника скверного вида и злой наружности, который направлялся к дереву, неся в руке палку, а на плече силок. Ворон испугался и сказал: — Привлекло человека сюда какое-то дело. Посмотрим, что он будет делать. — А охотник приблизился, поставил зерна и спрятался неподалеку. Прошло немного времени, как пролетел мимо голубь, называемый вяхирем. Он был во главе многих голубей, находившихся также с ним. Вяхирь увидел зерна, но не заметил силка, и попали голуби все в силок. Охотник, радуясь, выбежал поспешно к ним, и голуби забились вразброд, пытаясь спастись. Но вяхирь сказал им: — Не забывайте друг друга, стремясь освободиться, и пусть никто из вас не выказывает больше заботы о себе, чем о своем товарище, но все помогайте один другому; может быть, мы вырвем силок и спасем друг друга.

Они так и сделали, рванули сеть и улетели с ней под небеса. Охотник последовал за ними, думая, что голуби пролетят немного, а потом утомит их сеть, и они упадут.

Ворон сказал: — Последую-ка я за ними и посмотрю, чем кончится их дело с охотником. — А вяхирь обернулся и увидел, что охотник преследует их, не оставляя надежды. Он сказал товарищам: — Я вижу, что охотник старается нас настигнуть. Если вы остановитесь на открытом месте, то не скроетесь от него; летите же к хорошей и населенной местности, тогда он не замедлит потерять ваше направление, удалится и откажется вас поймать. Мы здесь недалеко от населенной и цветущей страны, где я знаю нору крысы, моей подруги, и если мы достигнем ее, то она разгрызет на нас эту сеть и освободит нас от тех мучений, которые мы от нее терпим.

Они направились туда, куда вяхирь указал, и скрылись от охотника, который удалился, отчаявшись их найти. Но ворон не отстал от них, а пожелал посмотреть, найдут ли они средство избавиться от сети, чтобы научиться этому и быть наготове, если это случится и с ним.

Когда вяхирь добрался с голубями до крысы, он приказал им спуститься. Они спустились и нашли вокруг норы сто отверстий, устроенных крысой на случай опасности, так как она была опытна и хитра. Вяхирь позвал ее по имени, а имя ее было Изака. Крыса ответила из норы: — Кто ты? — Тот сказал: — Я вяхирь, твой друг. — И крыса выбежала поспешно к нему. Увидев его в тенетах, она сказала: — Кто свергнул тебя в эту беду, тебя, столь пронизательного?

Вяхирь сказал: — Разве ты не знаешь, что нет ничего хорошего или дурного, что не было бы predetermined тому, кого оно постигнет в свой день и срок? Судьба свергла меня в эту беду: она показала мне зерна и сделала меня слепым пред сетью, так что запутался в ней я и товарищи мои. Нечего удивляться тому, что со мной произошло, и моему слабому сопротивлению року: и более сильные и мощные, чем

я, не сопротивляются ему. Солнце и луна затмеваются тогда, когда это им назначено, и рыб ловят в пучине, и птицы бывают принуждены спуститься с высоты. Путь, коим слабый достигает того, что ему нужно, тот же, что отделяет умного от предмета его желаний.

Крыса принялась грызть узлы, в которые был запутан вяхирь, и тот сказал ей: — Начни с узлов моих товарищей, а потом примешься и за мои. — Он несколько раз повторял эти слова, а крыса все не обращала внимания. Наконец, крыса сказала: — Затвердил ты мне эти слова, как будто не мила тебе своя собственная душа и ты не видишь за ней у себя прав.

Вяхирь сказал: — Не осуждай меня за эти указания. Побудило меня к ним только то, что я принял на себя начальство над стаей этих голубей, и поэтому они имеют на меня права. Они уже выполнили свои обязательства по отношению ко мне, проявив покорность и любовь и выказав повиновение мне и помощь, да избавит нас господь от ловца! Но я побоялся, что, если ты начнешь с моих узлов, тебе наскучит и будет лень после освобождения моего заняться и их оставшимися узлами. А я знаю, что, если бы ты начала с них и я был бы последним, ты не успокоилась бы на этом и, хотя бы и овладели тобой усталость и лень, не прекратила бы усилий, чтобы разорвать мои узлы.

Крыса сказала: — Вот что увеличивает в любящих и привязанных к тебе эту привязанность и любовь!

И принялась она грызть, пока не освободила их. Тогда отправился вяхирь с голубями своими на место свое, возвращаясь спокойно. Когда ворон увидел то, что сделала крыса и как она освободила голубей, он страстно захотел подружиться с ней и сказал: — Я не могу быть уверенным, что со мной не случится подобное тому, что случилось с голубями, и что я не буду нуждаться в крысе и ее любезности.

Он приблизился к норе крысы, позвал ее по имени, и та ответила: — Кто ты?

Он сказал: — Я ворон. Дела мои таковы. Я видел твой поступок и твою верность своим друзьям и то, чем бог наградил голубей. И вот я пожелал побрататься с тобой и пришел для этого.

Крыса сказала: — Нет у нас с тобой оснований для дружбы. Умному надлежит стремиться к тому, к чему он найдет дорогу, и оставлять поиски того, что не бывает, чтобы не сочли его глупцом, как того, кто желал пользоваться на суше кораблем, а на воде повозкой. Какой может быть между нами путь к дружбе, раз я являюсь пищей, а ты поедаящим?

Ворон сказал: — Подумай хорошенько, ведь если ты и являешься для меня пищей, то, съев тебя, я нисколько не удовлетворюсь, а между тем твое существование и любовь принесут мне счастье и безопасность, пока я жив. Да и не вправе ты возвращать меня, пришедшего

искать любви твоей, ни с чем. Мне известен твой добрый нрав, хотя ты и не хочешь показать себя. Но обладающий мудростью не скроет своего совершенства, несмотря на свои усилия утаить его. Это подобно мускусу, который держат в скрытом и запечатанном виде, что не мешает распространяться аромату его. Не меняй же свой характер и не отказывай мне в твоей любви и благосклонности.

Крыса сказала: — Наиболее сильна та вражда, которая коренится в природе. И тут бывает вражда, где успех переходит, как, например, вражда слона со львом: иногда лев убивает слона, а другой раз слон льва. Но бывает вражда, где вред наносится только одной стороне, как это происходит между мной и тобой. В моей вражде нет вреда для тебя, но вред с твоей стороны мне. Не может быть у природной вражды примирения, если не исчезнет то, что ее вызывает, и примирение в такой вражде не передается по наследству и не переходит к другим. Ведь вода хотя и долго нагревается, все-таки это не мешает ей тушить огонь, когда ее льют на него. Кто враждебен по природе, хотя бы и примирился, тот подобен обладателю змеи, который держит ее в своей руке. Умный не дружит с хитрым врагом.

Ворон сказал: — Я уразумел твои слова. Ты достойна своего совершенного характера и понимаешь искренность моих слов. Но не отягчай наших отношений словами: «Нет у нас к дружбе пути!» Мудрые и благородные ко всему достойному ищут путей и связей. Любовь между хорошими людьми медленно разрывается и скоро завязывается. Это похоже на золотой кувшин, который не скоро ломается и легко исправляется и чинится, если случится поломка. Любовь же между дурными скоро разрывается и медленно завязывается, подобно кувшину из глины, который бьется от малейшего изъязна, и не починить его никогда. Благородный проникается любовью к благородному при единой встрече или знакомстве одного дня, а подлый человек не сближается ни с кем иначе, как из страха или какой-нибудь выгоды. Ты благородна, а я нуждаюсь в твоей любви, и я не отойду от твоих дверей и не буду вкушать пищу, пока ты не побратаешься со мной.

Крыса сказала: — Я принимаю братство твое. Я никогда не отказываю нуждающемуся в том, что ему нужно. Своими первыми словами я только хотела найти оправдание себе. И если ты окажешься вероломным, то не скажешь: «Я нашел крысу слабоумной, доступной обману».

Затем она вышла из своей норы и остановилась у входа. Ворон сказал: — Что держит тебя у входа и мешает выйти ко мне и подружиться со мной? Разве еще в твоей душе есть сомнения?

Крыса сказала: — Люди здешнего мира обмениваются между собой двумя вещами и из-за них вступают в дружбу: именно тем, что в душе, и тем, что в руке. Люди, обменивающиеся тем, что в душе, суть

чистые друзья, а что до тех, кто дает друг другу то, что в руке, то они — только оказывающие друг другу взаимную поддержку и пользу, одни из коих пользуются выгодами других. Кто же творит доброе дело, домогаясь награды или ища каких-нибудь мирских благ, то примером тому в его дарах и приобретениях будет охотник, бросающий зерна птицам: он не ищет этим пользы для них, но только для самого себя. Обмен тем, что в душе, лучше обмена тем, что в руке. Я уверилась уже в твоём бескорыстии и даю тебе то же самое от себя. И не зломыслие удерживает меня выйти к тебе, но я знаю, что есть у тебя друзья такой же природы, как и ты, которые не думают обо мне так, как ты. Я боюсь, что увидит меня кто-нибудь из них и погубит.

Ворон сказал: — Конечно, это признак друга — выказывать дружбу к товарищу своего друга и вражду к его врагу, но у меня нет ни друга, ни товарища, кто не был бы к тебе расположен, а кто и оказался бы таким, с тем я легко порвал бы связь. Ведь когда у посеявшего базилику вырастает среди нее какая-нибудь вредная и сорная трава, то он вырывает ее, вырывая вместе с ней и часть базилики.

Тогда крыса вышла к ворону, и они приветствовали друг друга и дружески говорили. Они подружились и прожили так несколько дней или сколько было угодно господе.

Как-то ворон сказал крысе: — Твоя нора близка к людской дороге, и я боюсь, как бы не бросили в меня камнем. Я знаю укромное место, и у меня есть друг — черепаха. Там много рыбы, и я у ней найду что поесть; я хочу пойти к ней и пожить с ней спокойно.

Крыса сказала: — Не пойти ли и мне с тобой? Здешнее место мне не нравится.

Ворон сказал: — Чем оно тебе не нравится?

Крыса сказала: — У меня есть что рассказать и сообщить, и я передам тебе это, если мы пойдем туда, куда ты хочешь.

Ворон взял крысу за хвост и полетел с ней и прибыл туда, куда желал. Когда он приблизился к месту, обитаемому черепахой, та увидела ворона с крысой и испугалась, не зная, что он ей друг, и нырнула в воду. А ворон опустил крысу, сел на дерево и позвал черепаху по имени. Она узнала его голос, вышла, приветствовала его и спросила: — Откуда ты прибыл? — Ворон рассказал ей свою историю, как он следовал за голубями и о том, что произошло у него с крысой потом, до прибытия их к ней.

Когда черепаха услышала про крысу, то пришла в восторг от ее ума и верности; она приветствовала ее и сказала: — Что привлекло тебя в эту землю?

Ворон сказал крысе: — И где те истории и рассказы, которые, как ты утверждала, ты мне расскажешь? Сообщи их теперь, когда черепаха спрашивает тебя о них. Ведь она по отношению к тебе то же, что и я.

Крыса начала свою повесть и сказала так: — Первым обиталищем моим, где я поселилась в одном из городов, был дом одного благочестивого человека. У него не было семьи. Каждый день ему приносили корзину с пищей. Он съедал сколько нужно, а остальное клал опять в корзину и подвешивал ее у себя дома. А я, бывало, подстерегала, когда он уйдет, и едва он выходил, как бросалась к корзине и поедала все, не оставляя ничего, бросая еще и другим крысам. Несколько раз пытался благочестивец повесить корзину так, чтобы мне было не достать, но это ему не удавалось. Однажды пришел к нему ночевать гость. Они поужинали вместе и начали разговор. Благочестивец сказал гостю: — Из какой ты земли и куда держишь теперь свой путь? — А гость был человек, прошедший много земель и повидавший чудес. Он принялся рассказывать благочестивцу про исхоженные им страны и виденные им вещи. А благочестивец в это время то и дело хлопал в ладоши, отгоняя крыс. Гость рассердился и сказал: — Я тебе рассказываю, а ты хлопаешь, как будто смеешься над моим рассказом. К чему было тогда и спрашивать? — Благочестивец извинился пред гостем и сказал: — Я молчу, слушая тебя, а хлопал я для того, чтобы отогнать крыс, которые меня измучили. Не оставить в доме никакой пищи, чтобы они не съели.

Гость сказал: — Что, крыса одна или их много? — Благочестивец сказал: — Какое! Их много, но среди них есть одна, которая меня одолела, и я не могу придумать против нее никакой хитрости. — Гость сказал: — Тут что-то есть. Ты напомнил мне слова человека, сказавшего своей жене: «Ради чего-нибудь да продает эта женщина сезам очищенный за неочищенный».

Благочестивец сказал: — Как это было?

Притча. Гость сказал: — Остановился я однажды у одного человека в таком-то городе. Мы поужинали вместе, потом он постлал мне постель, а сам отправился также спать вместе с женой. Нас разделяла перегородка из камыша. Среди ночи услышал я, что разговаривают между собой муж и жена. Я прислушался, и вот человек тот сказал: — Я хочу завтра пригласить родных закусить с нами. — Жена сказала: — Как ты зовешь людей к столу, раз нет у тебя избытка в пище и для твоей семьи, и ты человек, который не делает запасов и не заготавливает впрок? — Муж сказал: — Не жалею о том, что мы истратили и чем накормили. Ведь иногда у того, что делает запасы и откладывает, бывает в результате то же, что у волка.

Жена сказала: — А что было с волком?

Притча. Муж сказал: — Вышел однажды охотник поутру со стрелами и луком на добычу и ловлю. Не прошел он далеко, как убил газель. Он повалил ее наземь, взвалил на себя и повернул домой. На дороге попала ему свинья. И бросилась она на него, увидав его. Тогда

охотник положил газель, взял лук и пустил в свинью стрелу, вонзившуюся ей в середину туловища. А свинья все-таки добралась до охотника и так ударила его клыками своими, что лук и стрелы выпали у него из рук; и пали оба мертвыми. Голодный волк проходил мимо них. Увидев человека, газель и свинью, он, убедившись в обильной находке, сказал: — Надо будет спрятать то, что смогу. Неблагоразумно пренебрегать запасами и припасами. Я буду беречь и хранить свою находку. А сегодня я удовольствуюсь тетивой лука. — Затем он приблизился к луку, чтобы съесть тетиву. Но едва он разорвал ее, как лук вздрогнул и развернулся и поразил его в смертельное место горла, так что он умер.

— Я привел тебе эту притчу для того, чтобы ты знала, что страсть делать запасы влечет худой конец.

Жена сказала: — Правильно твое слово. У нас рису и сезама хватит на шесть или семь человек. Завтра я приготовлю кушанье, а ты пригласи на обед, кого хочешь. — Утром она взяла сезам, вышелушила его и разложила на солнце, чтобы он высох. Потом она сказала мужу: — Отгоняй от сезама птиц и собак, — а сама ушла по своим делам и нуждам. Но муж выказал беспечность, и вот пришла собака и начала есть сезам, и это увидела жена. Потом собака нагадила на зерна, и женщина та не захотела, чтобы кто-нибудь из гостей их ел. Она пошла на рынок и обменила их на равное количество неочищенного сезама. Она делала это, а я был на рынке и видел это и слышал, как один человек сказал: — Ради чего-нибудь да отдала она сезам очищенный за неочищенный.

— Так же и я скажу о крысе, которая, по твоим словам, нападает на корзину, где бы ты ее ни поставил: почему-либо да может именно она делать это, а не ее подруги. Сыщи-ка мне топор. — Тот принес топор, а я была тогда в норе, только не в своей, и слышала их слова. А в том месте, где была моя нора, лежала тысяча динаров; не знаю, кто их туда положил. Я, бывало, рассыпала их и играла ими и кичилась, вспоминая их местонахождение. Гость подрыл мою нору и добрался до денег. Он взял их и сказал благочестивому: — Вот что давало силу крысе делать те нападения, которые она делала, ибо деньги укрепляют силу и ум. Ты увидишь, что больше никогда к ней не вернется сила и отвага на то, что она могла делать раньше. — Услышав слова гостя, я почувствовала себя разбитой и неразумной в своем самовосхвалении. Я перешла в другую нору и утром узнала, что положение мое у крыс понизилось и уважение их ко мне уменьшилось. Они заставили меня прыгнуть к корзине, к чему я их приучила, но я не сумела этого сделать, и они отступили от меня и начали говорить меж собой так: — Погиб любимец судьбы, и скоро придется его кормить кому-нибудь из вас. — Они все оставили меня и присоединились к моим врагам. Они стали пори-

цать и унижать меня пред каждым, с кем они про меня говорили, и я сказала себе: — Видно, и спутник, и брат, и родственник, и друг, и помощник следуют только из-за денег. Я не вижу, чтобы и доблесть обнаруживала что-либо другое, кроме денег, и нет ни ума, ни силы, как только при деньгах. Я обнаружила, что тому, у кого нет денег, мешают его бедность в достижении желаний, и перестает он стремиться к своей цели. Так же и вода от летних дождей иссыкает в долинах и не дойдет еще ни до моря, ни до реки, как впитает ее земля, так как вода является для нее пищей, благодаря которой она достигает своей цели.

Я нашла, что брат неимущий не имеет ни семьи, ни детей, ни имени. И у кого нет денег, нет у того в глазах людей и ума, и не принадлежит ему ни здешняя, ни будущая жизнь. И когда постигает человека нужда, то бросают его братья, и пренебрегают им его близкие. А иногда житейские нужды и потребности для поддержания себя и семьи принуждают его искать удовлетворения этого средствами, коими он приносит в жертву свою честь и гибнет и теряет, таким образом, и здешнюю и будущую жизнь. Бедность — вершина всех несчастий, навлекающая на бедняка злобу людей. Вместе с тем ею же похищается ум и доблесть, и чрез нее же уходит знание и благовоспитанность. Она — верховой конь для дурных мнений и место, где кончается стыд. А у кого пропадает стыд, уходит и радость, и встречает он злобу, а кто встречает злобу, тот бывает обижен, а кто обижен, тот печалится, пропадает у того разум, и плохи становятся его память и ум; у кого же недостаток постигает ум, память и разум, у того большая часть его слов бывает против него, а не за него. Я обнаружила, что обедневшего человека начинает подозревать тот, кто относился к нему с доверием, и дурно думать о нем, кто прежде думал хорошо. Если согрешит другой, думают на него, и становится он мишенью подозрений и злых мыслей. И нет качества, которое не было бы для богатого в похвалу, а для бедного не стало бы порицанием. Если он храбр, его назовут опрометчивым, если он щедр, его назовут расточителем. Если он кроток, его назовут слабым, а если он исполнен достоинства, его назовут тупоумным. Если он красноречив, его назовут дураком. Смерть легче бедности, побуждающей к попрошайничеству, особенно у скупых скряг. Если бы благородный был принужден положить руку в пасть дракона и извлечь яд, а потом его проглотить, то все-таки это было бы более легко для него, чем попрошайничать у низкого скупца. Сказано: если кто испытывается болезнью в теле, которую он не сможет устранить, или пребыванием на чужбине, так что он не знает ни дневного, ни ночного убежища и не надеется вернуться, или достигнут нуждой, заставляющей его просить, — для того жизнь — смерть и смерть — покой. Часто и не хочет человек просить, но испытывает нужду, которая

побуждает его к воровству и насилию, а это еще злее, чем то, от чего он отвращался. Сказано: немота лучше лживого языка, обман лучше насилия, а нужда и бедность лучше привольной жизни и благоденствия за счет людей.

Затем я увидела, что гость извлек мои динары и разделил их с благочестивцем. А тот положил свою долю в мешок, который поместил ночью в головах. И захотелось мне взять у него динары и вернуть их в свою нору в надежде, что возвратится чрез это ко мне некоторая часть моей силы и придут снова ко мне мои друзья. Я отправилась, а благочестивец уже спал. Я нагнулась над его изголовьем, но нашла, что гость бодрствовал и у него была палка. Он ударил меня ею больно по голове, и я убежала поспешно в свою нору. Когда боль успокоилась, мной опять овладело сильное желание и алчность, победившие мой ум. Я вышла с теми же намерениями, приблизилась, а гость уже подстерегал меня. И еще раз он нанес мне палкой такой удар по голове, что из нее потекла кровь, и я убралась в нору, перевертываясь со спины на живот, и там упала без чувств. И постигло меня страдание, так настроившее меня против денег, что я не могу теперь слышать про них без того, чтобы не проник в меня ужас.

Потом я стала вспоминать и нашла, что несчастья жизни сей приходят к людям только через алчность и жадность и что обитатель здешнего мира не перестает пребывать в несчастье и муке потому, что алчность и жадность все время проникают в него. Я увидела, что отличие щедрости от скупости велико, и нашла, что броситься на опасности и предпринять далекие путешествия в поисках денег для жадного легче, чем щедрому протянуть руку, чтобы взять их. Я увидела, что нет ничего равного довольству. Я услышала, что мудрые говорили: умение управлять собой лучше ума, добронравие выше благочестия и довольство лучше богатства. Более всего следует терпеть то, что недоступно изменению. Сказано: самый совершенный дар — милосердие, вершина любви — доверие, а вершина разума — знание того, что будет и что не будет, добродушие и спокойное отхождение от недостижимого. И добилась я того, что стала довольной и удовлетворенной и перешла из дома благочестивца в поле.

Крыса, спутница ворона, сказала черепахе: — У меня был один друг голубь, с кем я дружила прежде ворона. Но вот ворон рассказал мне о твоих отношениях с ним и сказал, что желает к тебе пойти. Я захотела также отправиться с ним к тебе и не пожелала быть одинокой, так как нет радости в здешнем мире, равной дружбе с братьями, и нет печали, равной удалению от них. Я испытала это и узнала, что умному не следует желать от жизни сей больше, чем тот насущный хлеб, коим он может отстранить от себя нужду и страдание, а это ведь можно удалить немногим, всего лишь пищей и кровом, когда этому помогает

простор страны и щедрость души. И если бы человеку была предоставлена вся жизнь сия со всеми находящимися в ней благами, то он воспользовался бы из этого лишь немногим, утолив этим свои потребности, а что до остального, то ему бы его не охватить. С таким убеждением я и двинулась вместе с вороном. Я буду тебе сестрой, и пусть будет таково же и твое отношение ко мне.

Когда крыса окончила речь, черепаха ответила ей тонкими и остроумными словами; она сказала: — Я выслушала твои слова. Это прекрасная речь! Однако я вижу, что ты не упомянула окончательного исхода дела, от которого, равно как и от твоего странствования к нам, осталось что-то в твоей душе, а этого быть не должно. Знай, что доброе слово завершается только действием. Если больной знает средство от болезни своей, но не лечится им, то бесполезно ему его знание и не найдет он себе покоя и облегчения. Сопровождай делом решения свои и действуй, соображаясь с умом. Не печалься о том, что у тебя мало денег: доблестный почитается и в бедности, как лев, который внушает страх, даже когда он лежит неподвижно. А богатого презирают, если нет доблести у него, хотя и велико его богатство, как собаку, к которой относятся с презрением, хотя и разукрашена она ошейниками и браслетами. Не горюй же о жизни на чужбине, ибо у умного не бывает ее. Где бы он ни был чужестранцем, с ним всегда его ум, которого ему достаточно; это подобно тому, как со львом, где бы он ни находился, всегда его сила, при помощи которой он может жить всюду, куда бы ни отправился. Итак, старайся помочь себе всеми способами, достойным добра, и когда сделаешь это, то добро само придет искать тебя, как вода стремится к скатам и птицы водяные к воде. Счастье создано только для зорких, благоразумных, разыскивающих, а что до лентяев, нерешительных, колеблющихся и полагающихся на других, то редко благоденствие сопутствует им. Так и молодая женщина не ищет пользы от дружбы со стариком.

Пусть же не печалит тебя то, что ты, по твоим словам, имела деньги, а утром оказалась неимущей. И деньги и прочие блага жизни скоро приходят, когда приходят, и быстро уходят, когда уходят, как мяч, который скоро поднимается и скоро же падает. Сказано: вещи, в коих нет твердости и постоянства, таковы: тень облаков, дружба со злыми, женская любовь, ложная хвала и большое богатство. Нет радости умному в большом богатстве, ни печали в малости его. Но богатство его — его ум и свершенные им добрые дела. Он может быть уверен, что не похитят от него того, что он свершил, и не наложат на него ответственности за то, что он не сделал. Он не должен выказывать беспечности к делам будущей жизни и к запасам добрых деяний для нее. Внезапно придет смерть, и никому не известно это время. Ты не нуждаешься больше в моих увещаниях и видишь то, что тебе полезно.

Однако я намерена удовлетворить твои права: ты наша сестра, и тебе будет оказано все, что в наших силах.

Услышав, как ответила черепаха крысе, ее ласковое обращение и красоту слов, ворон обрадовался, повеселел и сказал: — Ты обрадовала и осчастливила меня и заслужила и сама такую же радость, которую ты доставила мне за крысу. Ведь наиболее сильной радостью, почетной жизнью и доброй славой обладает тот, в чьем доме постоянно теснятся братья и друзья из хороших людей, около которого всегда толпятся они, так что он радуется им, а они его, и он находится впереди их нужд и дел. Когда спотыкается благородный, он оправляется только при помощи благородного, подобно слону: если он завязнет в грязи, то извлекут его только слоны. Умный не замечает благодеяний, совершаемых им, хотя бы и великое множество было их; и если он даже рискует собой и с опасностью бросается на разные добрые подвиги, он не видит в этом вреда, напротив, он знает, что он только меняет тленное на вечное и покупает на малое великое. Самые счастливые те, у кого более всех ищут защиты, просят и достигают желанного, а того, в чьем богатстве никто не участвует, не сочтут богатым.

Во время этой речи ворона вдруг приблизилась к ним бегом газель. Ворон, крыса и черепаха испугались. Черепаха прыгнула в воду, крыса ушла в нору, а ворон взлетел и сел на дерево. Газель подошла к воде, попила немного и потом встала, озираясь в страхе. Ворон поднялся ввысь посмотреть, не следует ли кто-нибудь за газелью, осмотрел все стороны, но не увидел ничего. Тогда он стал звать черепаху выйти из воды и сказал крысе: — Выходи, здесь нет ничего опасного. — И вот собрались опять ворон, крыса и черепаха на своих местах. Черепаха сказала газели, увидя, что та смотрит в воду и не пьет: — Пей, если ты жаждешь, и не бойся и не страшись. — Газель приблизилась к ним. Черепаха поздоровалась с ней, приветствовала ее и сказала: — Откуда пожаловала? — Газель ответила: — Я когда-то бывала в этих степях, и всадники, не переставая, гоняли меня с места на место. Сегодня я увидела старца и побоялась, что он охотник, почему и подошла со страхом.

Черепаха сказала: — Не бойся, мы никогда не видали здесь охотников. Мы предоставим тебе нашу любовь и наше место, а пастбище от нас недалеко. — Газель пожелала подружиться с ними и осталась там. А у них был шалаш из кустарника, куда они приходили каждый день и где они собирались, забавляясь рассказами, которыми они обменивались между собой. И вот однажды ворон, черепаха и крыса сошли там в свое время, а газели не было. Они подождали час, но так как та все медлила, они испугались, что постигла ее какая-нибудь беда, и сказали ворону: — Слетай, посмотри, не увидишь ли газель где-нибудь поблизости. — Ворон взлетел, посмотрел и вдруг увидел га-

зель, запутавшуюся в тенетах охотника. Он поспешно прилетел и сообщил это крысе и черепахе.

Черепаха и ворон сказали крысе: — В этом деле не на кого надеяться, кроме тебя; помоги нашему брату. — Крыса поспешно побежала, добралась до газели и сказала: — Как попала ты в эту беду, ты, такая пронизательная?

Газель сказала: — Разве пронизательность ограждает от скрытой судьбы, которая не видна и от которой не уберешься?

Во время их разговора к ним подошла черепаха, и газель сказала ей: — Напрасно ты пришла сюда. Когда придет охотник, то, если крыса кончит разгрызать мои веревки, я обгону его бегом, у крысы много норок для убежища, а ворон улетит; но ты тяжела для того, чтобы бежать, и я из-за тебя боюсь охотника.

Черепаха сказала: — Нельзя считать жизнью разлуку с любимым. Лишь встреча брата с братом помогает переносить тревоги и успокаивает в несчастьи. Тогда открывает один другому свое горе и печаль, а при разлуке друзей гибнет сердце, неуместной делается радость и затягивается покровом взор.

Не окончила еще черепаха своей речи, как показался охотник. Но крыса как раз покончила с тенетами, и вот спаслась газель бегством, улетел ворон, а крыса забралась в нору. Когда он пришел к своим тенетам и увидел их разорванными, он удивился, начал смотреть вокруг, но не увидел никого, кроме черепахи. Он взял тогда и завернул ее в свои сети.

А газель, ворон и крыса не замедлили собраться. Они следили за охотником и вот увидели, как он взял черепаху и связал ее веревками. Сильна стала тогда их печаль, и крыса сказала: — Подумать только, едва мы перевалили через одно несчастье, как попали в другое, худшее! Правильно сказано: человек устойчив, пока не споткнется, а если споткнулся на рыхлой земле, то всегда будет его тянуть споткнуться и на месте ровном. И моя судьба, разлучившая меня с моей семьей, имуществом, родиной и страной, не удовольствовалась этим, но лишила еще всего того, чем я жила, — общества черепахи, лучшей из друзей, дружба коей не покоится на искании награды или воздаяния, но является дружбой благородной и верной, превосходящей любовь отца к детищу, дружба, прекратит которую только лишь смерть. О это тело, всегда сопровождаемое несчастьями! Оно не перестает меняться и изменяться, и нет у него ничего постоянного и ничего прочного, как не вечен для восходящего светила его восход и для заходящего его закат, но меняются они, и делается восходящее светило заходящим и заходящее восходящим, восток западом и запад востоком. Эта грусть напоминает мне былые печати как зажившая рана, которую поразил удар, ибо соединяются тогда два страдания: боль удара и боль потре-

воженной раны. То же бывает и с тем, у кого растревожены раны при утрате братьев, с которыми раньше он был вместе.

Ворон и газель сказали крысе: — Хотя и сильна наша печаль и твоя речь, но в ней нет пользы для черепахи. Оставь же это и приступи к поискам выхода для нее, ибо сказано: храбрые познаются в битве, надежные — в займе и уплате, семья и дети — в беде, а друзья — в несчастье. — Крыса сказала: — Я вижу такое средство. Ты побежишь, о газель, и когда будешь близко от дороги охотника, то ляжешь неподвижно, как будто раненая. На тебя спустится ворон, как бы поедая тебя, я же проследую за охотником и буду недалеко от него. Я надеюсь, что, увидев тебя, он оставит свой лук, стрелы и черепаху и поспешит к тебе. А когда он приблизится к тебе, ты отбежишь, прихрамывая, так что желание его поймать тебя не пропадет. Ты будешь поддаваться ему несколько раз, так что он то приблизится к тебе, то ты отставишь его, насколько можешь. Я же надеюсь, как только охотник уйдет, разгрызть сеть, опутывающую черепаху. Тогда уйдем мы с ней и вернемся на наше место.

Газель и ворон так и сделали. Они действовали совместно и долго мучили охотника, пока он не вернулся назад, а крыса тем временем разгрызла сети черепахи, и они убежали все вместе. Когда же охотник пришел и нашел сеть разорванной и раздумал о хромавшей газели и вороне, который будто бы ел газель, а на самом деле нет, и о неподвижном лежании ее перед этим, он испугался и сказал: — Не иначе это земля духов или чародеев. — И он вернулся обратно, ничего не желая и ни на что не обращая внимания. А ворон, газель, черепаха и крыса отправились, спокойные и довольные, в свой шалаш. Такова притча о взаимной помощи братьев.

304. (Слон и воробиха)

В чаще одного леса жила пара воробьев, свивших гнездо на ветке тамалы. С течением времени воробиха положила яйца. И вот как-то один дикий и пьяный от страсти слон, мучимый жарой и стремившийся к тени, приютился под этой тамалой. Ослепленный страстью, он потянул концом хобота ветку, на которой жила пара воробьев, и сломал ее. Когда она сломалась, разбились воробьиные яйца. А пара воробьев, которой суждено было остаться в живых, с трудом избежала смерти. Тогда воробиха, подавленная горем из-за гибели своих детей, стала сетовать. И тут, услышав сетования, к ней пришел ее лучший друг дятел и, опечаленный ее несчастьем, сказал: «Дорогая, зачем напрасно горевать? Сказано ведь:

О мертвом, об утраченном и о минувших временах
Не станет мудрый горевать в отличие от глупого.

А также:

К чему о смертных горевать? Глупец, горяющий о них,
Получит новую печаль и терпит бедствия вдвойне.

И кроме того:

Ведь слезь и слезы плачущих достанутся теньям родных.
Так лучше, чем оплакивать, свершить обряды должны».

Воробьяха сказала: «Это так, но что из того? Злой слон уничтожил в опьянении мое потомство. Поэтому, если ты мне друг, придумай какое-нибудь средство уничтожить этого большого слона — тогда прекратится горе, причиненное гибелью потомства. Сказано ведь:

Тому, кто помогал в беде,
Тому, кто над твоим несчастьем насмеялся, —
Воздав обоим по заслугам,
Вторичного рожденья ты достиг».

Дятел ответил: «Хорошо ты сказала. Сказано ведь:

Кто друг в несчастье — тот лишь друг, пусть даже касты он другой,
Когда счастливо ты живешь, то всякий может другом стать.

А также:

Кто друг в несчастье — тот лишь друг, лишь тот, кто кормит, —
твой отец.
Кому ты веришь — близок тот, лишь та, что преданна, — жена.

Узнай же силу моего разума! Однако и у меня есть друг — комар по имени Винавара. Я позову его и приду с ним, чтобы погубить этого негодного злого слона». Затем он пришел с воробьяхой к комару и сказал: «Дорогой, это — мой друг, воробьяха, опечаленная злым слоном, который разбил ее яйца. Поэтому, когда я употреблю средство, чтобы погубить его, ты должен мне помочь». Комар ответил: «Дорогой, что можно сказать в таком случае? Но у меня есть лучший друг — лягушка по имени Мегхадута. Позвав ее, мы сделаем, что следует. Сказано ведь:

Коль добрые, достойные, ученые и мудрые
Замыслят план какой-нибудь, всегда осуществится он».

Затем они втроем пошли к Мегхадуте и рассказали ей обо всем, что произошло. Тогда она сказала: «Что значит этот бедный слон перед разгневанной толпой? Ты, комар, лети к этому опьяненному и жужжи ему в ухо, чтобы, услышав твой голос, он зажмурился от удовольствия. Тогда дятел клювом выколет ему глаза. Когда же его начнет мучить жажда, он услышит мой голос, а я буду находиться на краю ямы. Подумав, что там водоем, он пойдет вперед, достигнет ямы, упадет в нее и отойдет в небытие». И когда это было исполнено, тот опьяненный слон зажмурился от сладкого жужжания комара, дятел выколот

ему глаза, и, бродя в полночь, мучимый жаждой, он последовал за голосом лягушки, достиг большой ямы, упал в нее и погиб.

305. Потеря приобретенного

Здесь начинается четвертое назидание, которое называется «Потеря приобретенного». И вот в нем первое двустишие:

Кто, поддавшись на уговоры,
упускает свою добычу,
Будет обманут, безрассудный,
как крокодил обезьяной.

На берегу моря жил царь обезьян по имени Валиваданака. Когда он состарился и стал слабым, другая обезьяна, которая только что вступила в пору юности и чье сердце было полно жестокой зависти, воспылала к нему враждой. Охваченная яростью, она прогнала его из стада, и с тех пор он жил один. Валиваданака нашел на берегу пальму, прозванную Мадхугарбха, и, поселившись на ней, питался ее плодами. Однажды во время еды он выронил плод пальмы из рук. А тот упал в воду с гулким и сладостным всплеском. Тогда обезьяна принялась кидать в воду один плод за другим. К подножью дерева подплыл крокодил по имени Кришака, начал подхватывать эти плоды и с удовольствием их есть. Валиваданака проникся к крокодилу расположением и дружбой и, находясь в его обществе, стал даже забывать о своем изгнании из стада. Да и крокодил почувствовал в душе любовь к обезьяне и не спешил возвращаться домой.

Между тем жена крокодила, чье сердце страдало из разлуки, сказала своим подругам: «Где мой супруг? К чему это, покинув свой дом, он так страстно привязался? Как долго его нет сегодня! Он забыл о трех целях жизни, да и сам себя, видно, не помнит». Одна из ее подруг ей отвечала: «Разве будут у тебя с таким супругом дом и довольство? Ты и не подозреваешь, чем он занят. Я своими глазами видела, как на берегу моря он забавляется украдкой с какой-то обезьяной, воспылав к ней страстной любовью. Теперь, когда ты об этом знаешь, не теряй времени и поступай так, как считаешь нужным». Когда жена крокодила такое услышала, сердце ее обожгла великая обида. Она забросила все домашние дела, надела черное платье, натерла тело сезамовым маслом, взошла на ложе, которое со всех сторон окружили подруги, и стала беспокойно по нему метаться.

Но вот крокодил, которого дружба с Валиваданакой принудила забыть о времени, вернулся домой. Увидев свою жену в таком состоянии, он со встревоженным сердцем начал спрашивать, что за беда с нею случилась. Однако никто не отвечал на его расспросы, все храни-

ли молчание. Он спрашивал снова и снова, и наконец одна из подруг, которая для жены крокодила была словно бы вторым сердцем, сказала с видом отчаяния на лице: «Господин, ее болезнь неизлечима. Можешь считать, что она погибла. Ей уже не выздороветь». Когда крокодил это услышал, им овладело глубокое горе. И будучи любящим супругом, он воскликнул: «Если можно бы было сделать ее здоровой ценой моей жизни, я бы ради нее этой жизнью пожертвовал». Подруга отвечала: «Милый, есть одно только лекарство от ее болезни. Если бы удалось достать сердце обезьяны, она осталась бы в живых. В ином случае она переступит порог смерти. Такова тайна женского естества».

Крокодил стал думать: «Откуда же мне взять обезьянье сердце? Разве что у Валиваданаки? Но это было бы великим злом и шло бы вразрез с заповедями долга. Однако:

Кто первый — жена, друг,
исполненный добродетелей?
Когда приходится выбирать,
жену ценишь выше друга.

Так:

С ней обрешь три цели жизни,
затем друга, затем славу.
Так как же не чтить жену высоко,
в себе воплотившую все миры!

И все-таки в какое тяжкое положение я попал!

Мой единственный друг, благодетель,
любимый, достойный,
Из-за женщины должен погибнуть.
О, как я несчастен!»

Он долго раздумывал и, хотя сердце его противилось этому, медленно-медленно направился к Валиваданаке. А тот спросил его: «Милый, чем ты так взволнован?» Крокодил отвечал: «Друг, нелегко это говорить, но дружить с тобою по-прежнему я не могу. Сколько времени ты один оказывал мне услуги, а я в ответ даже малости для тебя не сделал! И еще:

Люди становятся друзьями,
когда имеют от этого выгоду.
Ты же, тигр среди обезьян,
выгоды для себя не ищешь.

И такое изречение сказано будто бы о тебе:

Неблагодарному оказывать услуги,
не забывать друзей и близких,
Поддерживать того, кто падает, —
вот благородных истинные свойства».

Валиваданака отвечал: «А разве не благодаря твоей верной дружбе случилась со мной эта перемена судьбы и я, изгнанный с родины и от родичей, живу теперь спокойно и в свое удовольствие? Правильно сказано:

Кто сотворил это сокровище,
защиту от боли, горя и страха?
Любви и доверия средоточие —
два эти слога: друж-ба!

Ты скажешь: „Я не привел тебя в свой дом, не познакомил с женой, не пил с тобой из одной чаши“. Что ж тут такого? Это еще не истинная дружба. А кроме того:

С дурным человеком
знакомить жену опасно:
Ему все равно,
жена это или актерка.
А доброму другу
не нужен для дружбы повод:
Он добр по природе
и рад оказать услугу».

Крокодил сказал:

«Что странного, когда человек благородный
Почитает мудрых и добродетельных?
Но когда так делает низкородженный,
Это удивительно, как замерзшее солнце.

Однако

Не докучай другу и родичу
слишком пылкой любовью:
Перекормит корова теленка —
и он начинает ее бодать.

Так вот, милый, я хочу воздать тебе услугой за услугу. Посреди этого моря есть остров. На нем живут три девушки-обезьяны, только что вступившие в пору юности и такие красивые, каких раньше я никогда не видывал. Деревья на острове подобны древу желаний, а вкус их плодов — вкусу армиты. Я могу посадить тебя на свою спину и отвезти на этот остров».

Услышав его слова, обезьяна была вне себя от радости и воскликнула: «Хорошо, милый! Мне это по душе, поскорее вези меня». И крокодил посадил доверчивую обезьяну, словно бы уже отмеченную знаком смерти, к себе на спину и поплыл вместе с нею.

По дороге он размышлял: «Увы!

Тяжко, губительно дело,
затеянное женою.

Вижу его жестокость,
стыжусь и все-таки делаю».

Заметив, как он встревожен, обезьяна, с которой он плыл все дальше и дальше, сказала: «Друг, мне кажется, ты сам на себя не похож сегодня». Она стала его настойчиво расспрашивать, и крокодил, полагая, что она уже в его власти, сказал, глупец: «Моя жена больна и просила меня принести ей нежное сердце обезьяны — единственное для нее лекарство. Это-то меня и печалит».

Услышав это, Валиваданака счел было себя уже погибшим и пришел в безмерное отчаяние. Но затем сказал: «Милый, ты поступил верно. Но отчего ты раньше меня не предупредил? Тогда бы, прежде чем плыть с тобой, я бы захватил свое сердце. Правильно говорится:

Кто, в деле не разобравшись,
спохватывается не вовремя,
Бывает людьми осмеян,
как вор, похитивший лук».

Крокодил спросил: «Как так?» Обезьяна рассказывает:

Рассказ первый

В одном городе был пойман вор, укравший лук. Его связали и повели на царский двор, а судьи там ему говорят: «Ты будешь свободен, приятель, если заплатишь сто рупий штрафа, или перетерпишь сто ударов кнута, или съешь сто луковиц». А он, человек недалекий, сказал в ответ: «Съем лук». Но едва только съел семь или восемь головок лука, как от горечи в горле у него потекло из глаз и ноздрей, на губах выступила пена, и он закричал: «Не могу его есть. Но и ста рупий не могу заплатить. Выбираю сто ударов кнута». Когда же его несколько раз хлестнули кнутом, он снова завопил: «Их я тоже не вытерплю. Лучше возьмите сто рупий или больше, если хотите, но только пощадите меня». Так он стал посмешищем в глазах людей, да к тому же изведal телесную муку.

Поэтому я говорю: «Кто, в деле не разобравшись...»

Зачем мне идти к тебе без сердца? Да и ты хорош будешь, когда вьихься к жене, не исполнив задуманного. Сказано:

Кто хочет достичь трех целей:
добродетели, выгоды и любви,
Пусть идет к брахману, царю, женщине,
но идет не с пустыми руками.

Так вот, друг. Я хотел бы повидаться с твоей женой, но лишь с сердцем в руках». Крокодил спросил: «А где же твое сердце?» Обезьяна отвечала: «На пальме, где я живу». Крокодил подумал: «Неужели

мои старания были напрасны? Теперь, даже если я убью друга, жена все равно останется больна». И он сказал: «Милый, поплывем поскорее за твоим сердцем». Обезьяна ответила: «Раз ты этого хочешь, друг, мы быстро его раздобудем». — «Плывем же!» — сказал крокодил.

И вот они возвратились к пальме. Обрадовавшись, Валиваданака прыгнул на дерево, взобрался на высокую ветку и с облегчением подумал: «Ух! Я снова живу!» А крокодил в это время звал его снизу: «Милый, бери свое сердце — и в путь». Рассмеявшись, Валиваданака отвечал: «Глупец, разве ты не знаешь, что сердце находится внутри нас самих?»

Ты хитрил и хотел меня погубить,
в ответ и я пошел на хитрость:
Тебя запутал в сетях обмана,
а себя избавил от смерти».

Крокодил сказал: «Милый, даже если ты не дашь мне сердца, все равно спустись. Чтобы вылечить жену от болезни, я отыщу другое сердце». Обезьяна отвечала: «Нет, негодный, я не осел.

Пришел, ушел и снова пришел —
на сей раз чтобы погибнуть.
Поистине, этот глупый осел
не имел ни ушей, ни сердца».

Крокодил спросил: «Как так?» Обезьяна рассказывает:

Рассказ второй

В окрестностях одного леса жил лев, а с ним слуга — шакал. Как-то лев тяжело заболел и уже не мог ходить на охоту. Шакал, у которого шея высохла от голода, спросил льва: «Как же нам теперь быть?» — «Милый, — отвечал лев, — от этой болезни меня могут избавить только уши и сердце осла. Иного лекарства нет». Шакал сказал: «Хорошо, дорогой, я приведу осла».

Так сказав, он явился к ослу, чьим хозяином был один мойщик, и спросил его: «Отчего ты так худ?» Тот отвечал: «Я ношу тяжелые тюки с одеждой, а мой негодяй хозяин даже кормит меня не каждый день». Шакал сказал: «К чему эти мучения! Я отведу тебя в такое место, где ты будешь чувствовать себя как на небе». — «В какое место? Скажи», — попросил осел. Шакал сказал: «В этом лесу живут четыре ослицы, вступившие в пору расцвета своей юности и такие красивые, каких, думаю, свет не видывал. Они, как и ты, возненавидели свою прежнюю жизнь и убежали от хозяев. К ним-то я тебя и поведу». Услышав такое, осел воскликнул обрадованно: «Веди!» — и шакал отвел этого глупца ко льву.

Но лев слишком понадеялся, что добыча уже у него в лапах, и когда прыгнул на осла, то промахнулся и перелетел за его спину. «Что это? Не удар ли молнии?» — подумал осел и, кое-как ускользнув от льва, с перепуганным сердцем, не оглядываясь, побежал к своим сородичам.

Тогда шакал сказал льву: «Какой из тебя повелитель мира! „Я, мол, лев. Нет мне равных. Кто от меня скроется!“ — а сам не можешь даже убить осла, которого подвели тебе под нос. Как же ты одолеешь своих врагов?» Лев отвечал: «Это правда. Но приведи его еще раз, и тут уж я непременно его убью». Шакал сказал: «Тогда готовься. Хоть он и видел твой славный подвиг, я постараюсь снова заманить его силой своего разума». И шакал со смехом пустился в дорогу.

Подойдя к ослу, он спросил: «Почему ты убежал обратно?» Тот отвечал: «Страшное дело со мною случилось. Не знаю, что за существо, но величиною с гору, внезапно бросилось на меня сверху. И мне лишь потому удалось от него убежать, что, видно, не кончился еще срок моей жизни». Шакал сказал: «Разве ты не знаешь:

Когда стремишься к трем целям,
почти всегда в этом мире
Мерещатся препятствия,
которых на деле нет.

Вот и тебе что-то померещилось Нет в лесу таких существ. Иначе как я, такой слабый, мог бы там спокойно жить? Пойдем же в этот лес безмятежного удовольствия!» Обманутый этими словами, осел снова пошел с шакалом. А лев, поджидавший его внутри пещеры, увидев, что он подходит, бросился ему на спину, разорвал ее своими когтями и убил его.

Затем лев сказал шакалу: «Милый, этим лекарством так нужно пользоваться: сначала почтить богов положенным обрядом, а потом принять. Тогда оно подействует. Поэтому побудь здесь немного и последи за убитым ослом, пока я не кончу обряд и не вернусь». Когда лев ушел, шакал подумал: «У меня и у льва совпадают желания. А ведь это не про нас говорят: неразлучные друзья. Откуда мне взять другого осла? Приму-ка я сам это лекарство себе на пользу!» И, воздав хвалу богам-хранителям мира, шакал полакомился ослиными ушами и сердцем. Съев их, он хорошо вытер лапы и рот и стал ждать.

Когда лев вернулся и по обычаю обошел осла слева направо, он вдруг заметил, что у того не хватает ушей и сердца. Тогда он сказал шакалу: «В чем дело? Отвечай, где его сердце и уши?» А тот воскликнул: «Откуда же два уха и сердце у такого глупца, который сначала ушел, а потом вернулся?»

Поэтому я и говорю: я не осел, и тебе не удастся снова меня заполучить. Уходи!

Ты прибег к лицемерным речам,
свое затевая дело,
Но ошибся едва заметно,
и я твой замысел понял.
Твой обман был хитро задуман,
и я, ему подражая,
На обман ответил обманом:
за сходным следует сходное.

И так хорошо говорится:

Ошибки ума не бесплодны,
Но служат ему наставлением;
Они лечат разум разумных,
Подобно лучшим лекарствам.
Хвалят плоды райского дерева,
сладкие, как амрита,
Но они не по мне — мне нравятся
плоды моей пальмы».

Крокодил сказал: «Как же ты мог истинно обещать мне „приду“ и все-таки не прийти?»

Если тысячу жертвоприношений коня
и истину положить на весы,
Тысячу жертвоприношений коня
истина перевесит».

Обезьяна ответила: «Глупец, тебе не удастся меня обмануть напоминанием о моем обещании. Сказано:

Кто, забывая о выгоде,
говорит не ко времени правду,
Тот в своем безрассудстве —
второй водочерпий Юдхиштхира».

Крокодил спрашивает: «Как так?» Обезьяна рассказывает:

Рассказ третий

В одной деревне жил некий водочерпий при колодце. Как-то, будучи пьяным, он упал в колодец и, когда падал, большим черепком от кувшина поранил себе лицо, так что вылез, весь залитый кровью. Когда же рана зажила, ему опостылела прежняя его работа и он решил: «Не буду больше этим заниматься». Затем он поступил в услужение к некоему царю. Так как он был молод, хорош собою и мужествен, а лицо его украшал шрам, его сочли важной персоной и частенько одаривали браслетами и драгоценностями, платьем, угощением и иными дарами. Вскоре между этим царем и одним из его врагов началась

война. Царь почтил своих слуг золотом, одеждой, повозками, украшениями, сладостями и как-то, беседуя с водочерпием, спросил его: «Милый, откуда у тебя этот шрам?» Тот отвечал: «От осколка, божественный». Царь сказал: «Это и так ясно. Такой боевой рубец мог оставить только осколок от оружия. Я давно это понял. Но в какой битве и в какой стране это произошло?» А глупец водочерпий по своей правдивости ответил: «Это не боевой рубец, а рубец от осколка кувшина. Я получил его, когда упал в колодец». Тут же привратник схватил его, вытолкнул в шею из дворца и крикнул вслед: «Эй, проваливай, правдолюбец Юдхистхира!»

Поэтому я говорю: «Кто, забывая о выгоде...»

Крокодил спросил: «Неужели для тебя ничего не значат заповеди доброго поведения?» Обезьяна отвечала:

«Ни один человек, достойный счастья,
не вел бы себя иначе,
И всякий мудрый согласится
с правотою моих поступков»

Тут крокодил признал в душе пронизательность и ум Валиваданаки и сказал ему:

«Если мудрый признает свою ошибку
и оценит разум другого,
Он будет твердо стоять на ногах
и больше уж не споткнется.

И еще:

Если себя называют друзьями,
но скрывают тайные замыслы
Люди мудрые — даже их ссора
сулит им удачу в будущем».

Так сказав, он распрощался со своими надеждами и отправился к себе домой.

Здесь кончается четвертое назидание, называющееся «Потеря приобретенного».

306. Джатака о постоянстве

Во времена стародавние, когда на бенаресском престоле восседал Брахмадатта, Бодхисатта был советником царя. И жил при дворе некий пес, который постоянно заходил в загон к царскому слону и, когда того кормили, подбирал и проглатывал падавшие на пол рисовые катышки. Так изо дня в день, чтобы прокормиться, он посещал царского слона, постепенно они подружились, и пес стал есть вместе со слонем.

Теперь они уже не могли жить друг без друга. Потехи ради пес часто цеплялся за хобот слона и раскачивался на нем из стороны в сторону.

Как-то раз один деревенский житель за хорошую цену купил пса у прислужника, который ходил за слоном, и увез пса к себе в деревню. Скучая по своему другу, слон перестал есть и пить и отказался от купаний. Об этом доложили царю. Властитель вызвал Бодхисатту и велел ему: «Ступай, премудрый, узнай, что происходит со слоном». Бодхисатта пошел в загон и, видя уныние слона, помыслил: «На теле его нет никаких признаков болезни, должно быть, этого слона разлучили с его другом, вот он и затосковал». И он спросил у прислужника: «Послушай, не был ли этот слон дружен с кем-либо?» — «Был, господин, — ответил прислужник, — он водил дружбу с одним „остронюхом“». — «Куда же тот подевался?» — спросил Бодхисатта. «Его забрал один человек», — ответил прислужник. «А не знаешь ли ты, где этот человек живет?» — продолжал его спрашивать Бодхисатта. «Не знаю, господин», — ответил тот.

Бодхисатта отправился к царю и доложил ему: «Государь, твой слон не болен. Он тут завел дружбу с одним „остронюхом“ и теперь отказывается от еды, потому, вероятно, что разлучен с другом». И, молвив это, Бодхисатта спел царю такой стих:

Не ест ни риса, ни травы, к тому же
купаться не идет к речной излуке.
Причина, видно, в нарушении дружбы:
тоскует слон с приятелем в разлуке.

Выслушав Бодхисатту, царь спросил его: «Что же теперь нам делать, премудрый?» Бодхисатта ответил: «Вели, государь, бить в барабаны и объявить всем, что некий человек увел из дворца пса, любимца царского слона, и что тот, в чьем доме найдут этого пса, будет нещадно бит палками». Царь последовал совету Бодхисатты. Услыхав царское повеление, деревенский житель тотчас отпустил пса. Пес помчался прямо к слону и вскоре уже был в его загоне. Обняв его хоботом, слон посадил к себе на голову, а потом, печально всхлипывая, спустил на землю и поел сам только после того, как покормили его друга. «И повадки тварей всяких известны ему», — сказал по этому случаю царь о своем советнике и воздал ему великую хвалу.

307. Благодарные животные и неблагодарный человек

Жил в одном селении брахман по имени Яджнядатта. Его жена, подавленная бедностью, каждый день повторяла ему: «Эх, беспомощный и жестокосердный брахман! Разве не видишь ты, как дети мучаются от голода, что остаешься беззаботным? Отправляйся куда-нибудь в путешествие, найди какой-нибудь способ добыть пищи, сколько

сможешь, и скорее возвращайся обратно». И, устав от этих речей, брахман отправился в далекое путешествие. Через несколько дней он достиг большого леса. Блуждая в этом лесу и исхудав от голода, он пустился на поиски воды. И вот в одном месте он увидел большой колодец, поросший травой. Когда он заглянул туда, то увидел в нем тигра, обезьяну, змея и человека, и они тоже увидели его. Тогда тигр подумал: «Это человек» — и обратился к нему: «Эй, эй, великодушный! Спасти живое существо — великая заслуга. Подумай об этом и вытащи меня, чтобы я смог встретиться с любимыми друзьями, женой, детьми и родственниками». Брахман ответил: «Даже услышав твое имя, все живые существа ощущают страх. Конечно, и я боюсь тебя». А тигр снова сказал:

«Убийца, лжец и пьяница, клятвопреступник и скопец
Сумеют грех свой искупить. Неблагодарный — никогда».

И снова он сказал: «Я клянусь тройной клятвой, что ты не потеряешь от меня зла. Будь же сострадателен и вытащи меня». Тогда дваждырожденный подумал про себя: «Если и случится несчастье из-за спасения живых существ, все же это принесет пользу». Подумав так, он вытащил его. Тогда обезьяна сказала: «О добрый человек! Вытащи и меня». Услышав это, дваждырожденный вытащил и ее. Тогда змей сказал: «О дваждырожденный! Вытащи и меня». Услышав это, брахман сказал: «Ведь люди трясутся, даже услышав твое имя. Как же тут трогать тебя?» Змей сказал: «Нет у нас своей воли. Мы не кусаемся, когда нас к этому не вынуждают. Клянусь тройной клятвой, что тебе не будет от меня зла». Услышав это, он вытащил и его. Тогда они сказали: «Каждый человек — вместилище всех пороков. Подумав об этом, не вытаскивай того человека и не доверяй ему». И снова тигр сказал: «Вон виднеется гора с множеством вершин. В северной ее части среди пещер и непроходимых мест — мое логово. Туда ты должен прийти один раз из милости ко мне, чтобы я отблагодарил тебя и, свободный от бремени неисполненного долга, вступил в будущее существование». Сказав это, он отправился в логово. Тогда обезьяна сказала: «Там, у логова, вблизи водопада, — мое жилище. Приходи ко мне туда». Сказав это, она ушла. Змей сказал: «Когда у тебя будет неотложное дело, вспомни обо мне». Сказав это, он отправился туда, откуда пришел.

Между тем человек, находящийся в колодце, снова и снова кричал: «Эй, брахман, вытащи и меня!» И дваждырожденный почувствовал жалость и, подумав: «Он — сородич», вытащил его. Тогда тот сказал: «Я — ювелир и живу в Бхригукачхе. Если тебе понадобится обработать какую-нибудь золотую вещь, приходи ко мне». Сказав это, он отправился туда, откуда пришел.

А брахман бродил, но так ничего и не нашел. И вернувшись домой, он вспомнил слова обезьяны. Он пошел к обезьяне и увидел ее. Она поделилась с ним плодами, сладкими, как нектар, и они оживили его. Затем обезьяна сказала: «Всегда приходи сюда, когда тебе понадобятся плоды». Дваждырожденный сказал: «Ты исполнила все. Теперь покажи мне тигра». Она повела его и показала ему тигра. Узнав его, тигр дал ему в благодарность искусно сделанное шейное украшение и другие сокровища и сказал: «Один царевич, унесенный лошадью, оказался рядом со мной, и я убил его. Все, что ему принадлежало, я тщательно спрятал и оставил для тебя. Возьми это и иди куда хочешь». И взяв эти вещи, брахман вспомнил о ювелире. «Он окажет мне услугу и продаст это», — подумал он и отправился к нему. А ювелир с уважением принял его, предложил ему воду для омовения ног, почетное сиденье, еду, питье, угощения и, оказав всевозможные знаки внимания, сказал: «Пусть господин укажет, что мне делать». Дваждырожденный сказал: «Я принес золото, и ты должен продать его». Ювелир сказал: «Покажи золото». Когда тот показал его, ювелир, увидя золото, подумал: «Ведь я обработал его для царевича». Подумав так про себя, он сказал: «Оставайся здесь, а я его кое-кому покажу». Сказав так, он пошел в царский дворец и показал его царю. Увидя золото, царь сказал: «Где ты достал это?» Тот ответил: «В моем доме находится брахман, который это принес». Тогда царь подумал: «Несомненно, этот злодей убил моего сына. Так я покажу ему, что за это следует». И он приказал стражникам: «Свяжите этого негодного брахмана и, когда пройдет ночь, посадите его на кол».

И вот связанный ими брахман вспомнил о змее. И едва он вспомнил о нем, тот явился к нему и сказал: «Какую услугу оказать тебе?» Дваждырожденный сказал: «Освободи меня от этих оков». Тот сказал: «Я укушу любимую жену царя и не исцелю ее от яда, несмотря на заклинания великого заклинателя и целебные противоядия других врачей. Лишь прикосновением твоей руки я исцелю ее от яда. Тогда ты будешь освобожден». Дав такое обещание, змей укусил царицу. Тогда в царском дворце поднялся плач, и весь город пришел в смятение. Были созваны врачующие от яда заклинатели, волшебники, люди, сведущие в тайном учении, и врачи, живущие в разных странах. Но, несмотря на все их усердие, ничьи усилия не могли освободить ее от яда. Тогда стали ходить и бить в барабан. И услышав это, дваждырожденный сказал: «Я исцелю ее от яда». Вслед за этими словами его освободили от оков, повели и доставили к царю. Тогда царь сказал: «Исцели ее от яда». И тот, подойдя к царице, одним прикосновением руки исцелил ее от яда.

И видя, что она снова ожила, царь отнесся к нему с уважением и вниманием и почтительно спросил его: «Расскажи правду. Каким об-

разом получил ты это золото?» Тогда дваждырожденный рассказал, как произошло все случившееся, с самого начала. И узнав о происшедшем, царь наказал ювелира, подарил брахману тысячу деревень и назначил его своим министром. И приведя свою семью, окруженный друзьями и родными, вкушая всевозможные наслаждения, приобретя множество заслуг благодаря обильным жертвоприношениям и управляя с заботливостью, простиравшейся на все царство, он счастливо проводил свою жизнь.

308. О воздаянии за добро и в особенности за правый суд

Слепой король Феодосий правил весьма справедливо. Он издал закон, чтобы во дворце висел колокол и любой, кто пожелает обратиться с жалобой, своей рукой ударял в колокол, и тогда появлялся бы приставленный для этого судья и разбираал всякое дело.

Во дворце жила змея, которая устроила себе гнездо в том месте, куда свешивалась веревка колокола, и вскоре вывела детенышей. Когда они могли уже ползать, мать однажды взяла их на прогулку за городскую стену. В отсутствие змеи жаба забралась в ее гнездо и заняла его. Змея со своими детенышами возвратилась и, увидев, что гнездо ее занято, бросилась на жабу, но не могла ее одолеть, и так жаба завладела ее гнездом. Тогда змея обвилась хвостом вокруг веревки, с силой потянула ее к себе и ударила в колокол, словно говоря: «Иди сюда, судья, и защити меня, ибо жаба неправо заняла мое гнездо».

Когда судья услышал удары колокола, он пришел, но, не видя никого, снова удалился. Тут змея во второй раз ударила в колокол, судья снова пришел и заметил, что веревку дергает змея, жаба же сидит в ее гнезде; он ушел и рассказал обо всем королю. Король говорит ему: «Вернись и не только прогони, но и убей жабу, чтобы змея вновь могла занять свое гнездо». Так судья и поступил.

В один из дней после этого происшествия, когда Феодосий лежал на своей постели, змея вползла в его опочивальню, держа в зубах драгоценный камень. Когда слуги ее увидели, они предупредили короля, что в покой вползла змея, а он в ответ: «Не прогоняйте ее! Я не сомневаюсь, что она не причинит мне зла». Змея между тем вползла на постель и приблизилась к лицу его; добравшись до глаз царя, она выпустила из зубов своих камень и тотчас покинула опочивальню. Лишь только камень коснулся век короля, он прозрел. В великой радости Феодосий велел сыскать змею, но она исчезла. Король берег полученный от нее камень и окончил жизнь в мире.

309. Рассказ о хозяине собаки

Рассказывают, что жил на свете некий муж. Он очень любил охоту, и у него была борзая собака, которая ловила добычу. Охотник был очень привязан к собаке. У него был также сын, в котором отец души не чаял. Никого на свете он не любил так сильно, он просто рассудок потерял от любви к сыну. Однажды жена его пошла по делам и оставила сына на попечение мужа. Но и отец недолго оставался с сыном, так как к нему прибыл гонец от царя и вызвал его во дворец. Отец отправился вместе с гонцом и оставил с ребенком собаку. Собака стала сторожить ребенка. Вдруг из щели выползла большая змея и направилась к ребенку, а он в это время спал. Она раскрыла зев и собиралась ужалить его. Но тут на нее набросилась собака и разорвала в клочья.

Когда отец возвращался из царского дворца, собака встретила его у ворот дома, а морда ее была в крови. Отец заподозрил ее в убийстве ребенка и пришел в сильное волнение. Сгоряча он выхватил меч и зарубил собаку насмерть. Потом он вбежал в дом и кинулся к колыбели, а там безмятежно спал мальчик, на лбу его была испарина. Отец удивился, стал осматривать комнату и увидел около колыбели куски разорванной змеи. Он стал бить себя по лицу, разодрал одежды, раскаялся в поспешном поступке тогда, когда в этом не было проку.

310. (Андрокл и лев)

Следующая история — тоже свидетельство того, что животные понятливы, даже если совсем дики и не обучены никакой премудрости кичащимися своим искусством дрессировщиками. От одного римского сенатора сбежал раб по имени Андрокл, совершив, точно не могу сказать какой, проступок. Андрокл попал в Ливию; он держался в стороне от городов (их местоположение он, говорят, определял по звездам) и стремился укрыться в пустыне. Придя туда и изнемогая от палящего зноя, он с наслаждением забрался в пещеру и лег отдохнуть. А пещера эта, оказывается, была логовом льва. И вот скоро с охоты возвращается лев, страдая от острой колочки, вонзившейся ему в лапу. Он замечает Андрокла, но глядит на юношу кротким взглядом, ластится к нему, протягивает большую лапу и, как умеет, просит, чтобы тот вытащил занозу. Андрокл, хотя и не дорожил жизнью, сначала оробел. Однако, видя кротость льва и сострадая его беде, вытаскивает занозу и облегчает муки животного. Благодарный за исцеление, лев не остается в долгу: отныне признает юношу своим гостем и делится с ним добычей. Только он, по обычаю диких животных, ест мясо сырым, Андрокл же свою долю варит. Так они совместно и трапезовали, и никто не нарушал своих привычек. Юноша прожил в пещере льва три года. Когда он до неузнаваемости оброс волосами и начал стра-

дать от зуда кожи, то распрощался со львом и вручил свою судьбу случаю. Во время странствий Андрокл был схвачен, и, когда выяснилось, кому он принадлежит, его в оковах отправили в Рим к хозяину. Тот за совершенные Андроклом поступки чинит над ним расправу и решает бросить на съедение диким зверям. Между тем был пойман тот самый ливийский лев и выпущен на арену вместе с обреченным на смерть юношей, который прежде жил с ним под одним кровом и делил трапезы. Андрокл не узнал льва, а тот сейчас же стал к нему ласкаться и, свернувшись, улегся у ног. И тут Андрокл наконец узнал его и, обняв, приветствовал, как друга после долгой разлуки. Люди, видя все это, подумали, что юноша — чудодей, и напустили на него пантеру, но как только она кинулась на Андрокла, лев, защищая своего благодетеля и сотрапезника, растерзал пантеру. Это, конечно, вызвало всеобщее удивление, а устроитель зрелища призвал к себе Андрокла и расспросил, в чем дело. Тут по театру проходит смутный слух об истории юноши, а когда она становится известной, народ требует освобождения обоих — и льва и Андрокла.

311. (Отец Герасим и лев)

В одном поприще от святого Иордана-реки есть лавра, называемая лаврой отца Герасима. Когда перешли мы в ту лавру, рассказали нам живущие тут старцы об отце Герасиме, как ходил он однажды по болоту у Иордана и встретил его лев, громко ревевший из-за лапы своей: вонзилась в нее тростниковая щепка. От этого распухла лапа и наполнилась гноем. Как увидел старец его в такой беде, сел и, взяв его за лапу, раздвинул рану и вынул тростинку с обильным гноем. Хорошо очистив язву и завязав ее платком, отпустил его. Исцеленный же лев потом не оставил старца, но, как ученик, куда бы ни шел тот, следовал за ним, так что дивился старец и впоследствии такому разуму зверя. С тех пор старец кормил его, бросал ему хлеб, давал чечевичную похлебку. Был же в той лавре один осел, на котором приносили воду для нужд святых отцов из святого Иордана, откуда пьют воду; отстоит же от лавры река в одном поприще. Вошло у старцев в обычай льва посылать, чтобы ходил он и пас осла по краю святого Иордана. Однажды, пасясь, отошел осел ото льва довольно далеко, и вот человек с верблюдами, из Аравии идущий, нашел его и взял с собою. Лев же, утратив осла, вернулся в лавру, очень печальный и угрюмый, к отцу Герасиму. Решил же отец Герасим, что съел осла лев, и спросил: «А где осел?» Тот же, подобно человеку, молча стоял, глядя в землю. Сказал ему старец: «Съел ли его ты? Благословен Господь: все, что делал осел, отныне делать тебе». С тех пор, как и сказал старец, таскал он короб с четырьмя кувшинами и приносил воду. Пришел же однажды воин к старцу молиться и увидел льва, носящего воду, а узнав причи-

ну, сжалился над ним и, вынув три золотых, дал старцам, чтобы купили осла для своих надобностей и освободили бы от такой работы льва. Владелец же верблюдов, который похитил осла, вновь возвращался, чтобы продать пшеницу в святом городе, и осел был при нем. Перейдя святой Иордан, случайно тот встретился с львом, увидел его и, оставив верблюдов, бежал. Лев, признавши осла, помчался к нему и, взяв его пастью за холку, как делал обычно, привел — с тремя верблюдами, одновременно и радуясь, и возглашая, что осла, которого потерял, отыскав, привел к старцу. Старец же думал, что лев съел осла. Тогда старец, узнав, что оболган был лев, дал имя льву Иордан. Находился же в лавре лев свыше пяти лет, не отлучаясь из нее никогда. Когда же к Богу отправился отец Герасим и погребен был отцами, по Божьему усмотрению не было в лавре льва. Немного спустя вернулся он в лавру и искал старца своего. Отец Севатий, ученик отца Герасима, киликиец, увидя его, сказал: «Иордан! Старец наш оставил нас, сирот, и отправился к Господу — на возьми и поешь!» Лев же есть не хотел и начал, стоя, глазами своими туда и сюда часто поводить, ища старца своего, громко рыча, но не теряя надежды. Отец же Севатий и прочие старцы, глядя его по спине, говорили: «Отошел старец к Господу, оставив нас». Но хотя ему так они говорили, не могли его от воплей и рыдания отвратить. Только думали его словом утешить и успокоить, как он лишь пуще рыдал, и вопли сильней испускал, и стоны издавал, перемежая их криками, — и мордой, и глазами выражая печаль, какую испытывал, не видя старца. Тогда сказал ему отец Севатий: «Пойди со мною, потому что не веришь нам, и покажу тебе, где лежит наш старец». И взяв, повел его туда, где того погребли. Находилось это от церкви за полпоприща. Став над могилой отца Герасима, отец Севатий сказал льву: «Вот, старец наш здесь погребен был». И преклонил колени отец Севатий над гробом старца. Лишь услышал лев и увидел, как склонился отец Севатий над гробом, оплакивая, наклонился и он, сильно ударя головою о землю и ревя. И так очень скоро умер над гробом. Все это было с бессловесной душой, как если бы Бог желал прославить его почитающих не только в сей жизни, но и после смерти и показать нам, как повиновались звери Адаму до послушания им божеской заповеди и до лишения блаженства в раю.

312. О том, что следует прислушиваться к доброму совету

Однажды стрелок поймал птичку под названием соловей, и, когда хотел убить ее, она заговорила человеческим голосом и сказала так: «Что тебе за прок, человек, если убьешь меня? Ведь ты не насытишься мной, а если отпустишь, я подам тебе три совета. Если неукоснитель-

но будешь им следовать, получишь великую пользу». Пораженный тем, что птица говорит, стрелок пообещал отпустить ее на волю, коли она даст ему эти три полезных совета. Соловей говорит: «Ну, слушай! Первый: никогда не гонись за тем, что тебе не под силу. Слушай теперь второй: не жалея того, что непоправимо! Слушай третий: никогда не верь невероятному. Следуй трем этим советам и будешь счастлив!»

Стрелок, как пообещал, отпустил соловья. Он, вольно летая, сладко запел, а кончив свою песню, сказал стрелку: «Увы тебе, человек, ибо ты принял неправильное решение и потому лишился сегодня драгоценного сокровища: ведь у меня внутри жемчужина величиной более страусового яйца».

Стрелок, услышав это, весьма огорчился, что отпустил птицу на свободу, развернул свою сеть, чтобы вновь ее поймать, и сказал: «Лети ко мне в дом, и я буду тебя всячески ластить, кормить из рук и давать тебе, когда захочешь, летать». Соловей в ответ: «Теперь я точно знаю, что ты глуп, ибо ничего не извлек из моих советов: ты жалеешь о том, что непоправимо, напрасно стараешься меня поймать, и даже пустил в ход сеть; вдобавок ты поверил, что у меня внутри жемчужина величиной более страусового яйца, тогда как я сам намного меньше его. Ты глуп и никогда не поумнеешь». С этими словами соловей улетел, а стрелок в огорчении и печали воротился домой и больше не встречал соловья.

313. Лисица и дровосек

Лисица, убегая от охотников, увидела дровосека и взмолилась, чтобы он ее приютил. Дровосек велел ей войти и спрятаться в его хижине. Немного спустя показались охотники и спросили дровосека, не видал ли он, как пробежала здесь лисица? Тот отвечал им вслух: «Не видал», а рукою меж тем подавал знаки, показывая, где она спряталась. Но знаков его охотники не заметили, а словам его поверили; вот дождалась лисица, чтобы они ускакали, вылезла и, не говоря ни слова, пошла прочь. Дровосек начал ее бранить: он-де ее спас, а от нее не слышит ни звука благодарности. Ответила лиса: «Уж поблагодарила бы я тебя, если б только слова твои и дела рук твоих не были так несхожи».

Эту басню можно применить и к таким людям, которые речи говорят хорошие, а дела делают дурные.

314. Лев и бык

В давние времена в снежных горах северной Индии находилось львиное логовище. Однажды в этом логовище голодная львица родила детеныша. Не находя себе пищи, она хотела было съесть львенка, но почувствовала жалость и не могла исполнить задуманного. Когда же

она пошла бродить по горам и долам, она встретила стадо коров. Коровы, почуяв запах львицы, бросились бежать; осталась только одна корова с теленком. Львица высосала кровь той коровы, а мясо и шкуру потащила к себе. Теленок последовал за нею и пришел в львиное логовище. Опьяненная кровью, львица завалилась спать, теленок же вместе со львенком стал сосать ее; львица позволила это потому, что в одурелом состоянии приняла теленка за своего собственного детеныша.

Немного времени спустя львица заболела, потому что исколола себе десны костями лани, и почувствовала, что приближается к смерти. Тогда она призвала двух своих сыновей и завещала им следующее: «Живите вы дружно между собой! Если придет враг, соединяйте ваши силы и помогайте друг другу. Если будут вас ссорить, не слушайтесь никого, ничьих наветов!» Сказав это, она умерла.

После ее смерти львенок ушел в лес, но во время водопоя теленок и львенок сходились, пили вместе, прыгали и играли. Прошло некоторое время, львенок превратился в льва, вырос и теленок и стал быком, но они по-прежнему продолжали жить как братья. Однажды подошла к ним лиса, которая, следуя за львом, поела остатки растерзанных им ланей, и увидела, как они пьют воду и играют. Лиса тотчас решила их посорить и разлучить. «По милости льва, — подумала она, — я была сыта. Теперь этот бык будет разделять со львом его добычу». И стала она говорить обоим друзьям слова, которые должны были натравить их друг на друга.

Однажды лев поймал лань, съел ее мясо, выпил ее кровь и лег отдохнуть. Тогда явилась к нему лиса, опустив хвост и уши, не трогая мяса лани, растерзанной львом. «Что с тобой случилось, лиса? — спросил ее лев. — Ешь мясо!» — «Как я могу есть? — ответила ему лиса. — Ведь у тебя оказался враг. Я твоя тетка и потому не могу не беспокоиться». — «У меня нет никакого врага. Ешь себе мясо да помалкивай!» — возразил ей лев. Лиса тогда сказала ему: «Если ты не послушаешься слов тетки, то потом будешь раскаиваться». — «В таком случае говори, кто же мой враг?» — воскликнул лев. «А вот здешний бык. Он говорит: „Лев убил мою мать; теперь я убью льва“». — «Ну, мы с ним друзья». — «Нет, ты не знаешь, — возразила лисица, — ведь твоя мать-львица съела его мать». — «Лиса, ты действительно моя тетка, — сказал тогда лев, — скажи мне, когда же бык собирается убить меня?» — «Когда бык завтра утром встанет да начнет копать землю рогами и мычать, вытягиваясь и изогнув свой хвост, знай по этим признакам, что он собирается убить тебя». У льва после этих слов зародилось сильное подозрение, и он обещал быть осторожным.

Лиса же после этого пошла к быку, который, поев травы на южной стороне горы, лег отдохнуть. Лиса подошла к нему с плачем, ударяя

хвостом по земле и хлопая ушами. «Лиса, что с тобой приключилось?» — спросил ее бык. «Племянник мой, — ответила ему лиса, — у тебя есть враг. Вот поэтому-то я, твоя тетка, беспокоюсь и плачу». — «У меня нет никакого врага, — возразил ей бык, — никто со мной не справится». — «Нет, на северной стороне этой горы живет лев. Он все говорит: „Моя мать съела мать быка, теперь я тоже съем его самого“». Услышав эти слова, бык вскричал: «Ну, ты, молчи! Мы с этим львом родные братья. Он не может стать мне врагом!» Лиса тогда сказала ему: «Если ты теперь не слушаешься моих слов, то потом будешь сожалеть». Бык тогда подумал про себя: «Лиса ведь моя тетка; это действительно правда». — «Скажи-ка мне, — обратился он к лисе, — каким же образом лев собирается убить меня?» — «Завтра утром лев поднимется, потянется, встряхнет гриву и, выставив когти, начнет скрести землю. Это признак того, что он хочет напасть на тебя и убить». — «В таком случае я буду осторожен».

На следующий день утром, когда лев и бык, вставши, посмотрели друг на друга, то заметили как раз те признаки, о которых говорила лиса. Напал тогда на них обоих гнев, хотя они и всегда так вставали на восходе солнца, но раньше они не наблюдали друг за другом, и теперь оба поверили подзадоривающим словам лисы. Лев кинулся на быка и вцепился ему в шею, бык же вонзил свой рог в пуп льва. И бык и лев — оба упали мертвыми. Тогда с неба раздался голос, неизвестно кому принадлежавший: «Не слушай слов скверных, зловредных друзей! Не полагайся на них!»

315. Притча о лисице и винограднике

Лисица увидела виноградник, который был со всех сторон огорожен. Обходя ограду, она выискала в ней небольшое отверстие, через которое попыталась проникнуть в виноградник, что не удалось ей вследствие ее тучности. Что же придумала она? Пропостилась она целых три дня подряд, так что отошала и стянулась настолько, что сумела наконец пролезть через это отверстие в виноградник. Здесь она настолько обьяелась виноградом, что опять потучнела, и настолько, что не могла уже пролезть через отверстие обратно. Вот лисица сызнова пропостилась целых три дня подряд, отошала и стянулась настолько, что свободно вылезла из виноградника, как раньше и пролезла.

Выходя же из виноградника тощая, голодная и измученная, она обернулась назад и, долго всматриваясь в него, воскликнула: «Ах ты, милый виноградничек, виноградничек дорогой ты мой! Как чуден ты, как великолепны ягодки твои! Всё в тебе так и манит к себе своей прелестью и роскошью! Но что все-таки пользы в том? Какими входят в тебя, такими и выходят из тебя назад!»

316. Лисица и виноград

Голодная лисица увидела виноградную лозу со свисающими гроздьями и хотела до них добраться, да не смогла; и, уходя прочь, сказала сама себе: «Они еще зеленые!»

Так и у людей: иные не могут добиться успеха по причине того, что сил нет, а винят в этом обстоятельства.

317. О тех, кто презирает поэзию

Один из моих учеников рассказал мне недавно, как многие люди ненавидели его за то, что он был предан изучению свободных искусств. Я спросил: «Они были ученые?» Он ответил, что нет; это были неотесанные мужланы, совершенно далекие от муз и граций. Тогда я сказал: «Разве ты не знаешь — у мудрости нет иных врагов, кроме неучей, как об этом говорится в старой пословице. Поэтому, — сказал я, — ты не должен огорчаться. Они поступают, как лисица, которая, сидя под грушевым деревом, била по нему хвостом, желая, чтобы груши упали, но била она напрасно — ни одна груша не упала, а лиса, говорят, сказала: „Ах, какие горькие эти груши, я ни одной не смогла бы съесть“».

Другой добавил: «Эта лиса недавно несколько миль шла следом за ослом и ждала, пока упадут его testiculos, когда же она увидела, что надежда ее тщетна, она сказала: „Какие они черные и вонючие — я никогда не смогла бы их съесть“».

Так и получается: ни один ученый и образованный человек не презирает поэзию и свободные искусства. Только тем людям они кажутся черными и презренными, которые ничего не читали, ничему не учились, которые не желают изумляться и познавать поистине великое. Я не завидую их невежеству.

318. Лисицы у Меандра

Собрались однажды лисицы на берегу Меандра, чтобы напиться; но река неслась с таким шумом, что, как они друг друга ни подбадривали, никто не решался сойти к воде. Но вот одной из них захотелось унижить других: она вышла вперед, стала насмеяться над их трусостью, а сама, гордясь своей отвагой, смело бросилась в воду. Течение вынесло ее на середину реки, а остальные лисы, стоя на берегу, кричали ей: «Не покидай нас, вернись, покажи, как вернее спуститься к воде?» Отвечала лисица, увлекаемая течением: «У меня есть весточка в Милет, и я хочу ее туда снести; когда буду возвращаться, покажу!»

Против тех, кто своей похвалой сам себя вводит в опасность.

319. (Лисица и блохи)

Заели лисицу блохи. Она и вздумала, как блох извести. Пришла к реке и стала с кончика спускать свой хвост в реку. Блохи с хвоста прыгали ей на спину. Она стала и задние ноги спускать в воду. Блохи прыгали ей все выше на спину, на шею и голову. Она еще глубже ушла в воду так, что только одна голова была видна. Блохи все сошлись у нее на мордочке. Тогда лисица нырнула в воду. Блохи скочили на берег, а лисица вышла из воды в другом месте.

Волк видел это и хотел сделать лучше. Волк сразу прыгнул в реку, нырнул глубоко и долго сидел под водой; он думал, что блохи все на нем помрут. Вышел из воды, а блохи все на нем отжили и стали его кусать.

320. Злополучный волк

Многие ищут высоких мест и важных, возносятся выше своего положения, ищут большего и смотрят на лучшее; но, как вознесутся они выше прежнего, так подчас упадут ниже прежнего. Послушай об этом басню.

Волк на рассвете поднялся со своего ложа, потянулся и говорит: «Благодарение богу! Нынче мне суждено наесться по-настоящему, так уж мне подсказывает моя задняя лапа». Отправился он в дорогу, нашел на дороге пирожок, целый и нетронутый, — обронил кто-то из прохожих, — повертел его и говорит: «Нет, не буду тебя есть, от тебя у меня только в брюхе забурчит! И зачем мне тебя есть? Нынче я наемся по-настоящему, так уж мне на рассвете подсказала моя задняя лапа». Пошел дальше, нашел свиную тушу, соленую и сухую. Перевернул ее и говорит: «Нет, не буду тебя есть, от тебя мне только пить захочется. И зачем мне тебя есть, если я знаю, что наемся сегодня по-настоящему?»

Пошел дальше, видит: пасется на лугу лошадь с жеребенком; говорит волк: «Благодарение богу! Я ведь так и знал, что сегодня наемся по-настоящему!» И обращается к лошади: «Ну, сестрица, сейчас я твоего жеребенка съем». А лошадь ему: «Воля твоя, делай с нами что хочешь; только вот я вчера на ходу занозила себе ногу, а ты ведь лекарь, вот я и прошу тебя, сперва вытащи ее, а потом уже съешь жеребенка». Подошел волк к лошадиной ноге, хотел было вытащить занозу, а лошадь как хватит его прямо по лбу, а сама с жеребенком — в лес, и была такова. Опамятовался волк и говорит: «Ничего, это мне не беда, ведь сегодня я еще наемся вдоволь».

Пошел он дальше по дороге и видит: два барана борются на лугу. Говорит волк: «Благодарение богу! Вот уж где я наемся по-настоящему». И обращается к ним: «Ну, братцы, сейчас я кого-то из вас съем». А один из баранов ему отвечает: «Воля твоя, делай с нами что

хочешь. Но сначала рассуди нас праведным судом: луг этот нам достался от родителей, а мы не умеем его поделить, оттого и деремся». — «Что ж, — говорит волк, — исполню вашу просьбу, только скажите как?» Говорит один из баранов: «Слушай, господин наш: соизволь встать на самой середине луга, я отойду к одному краю, брат к другому, и кто первый до тебя добежит, тому и владеть лугом, а другого ты съешь». — «Давайте!» — говорит волк. Разошлись бараны по две стороны поля да как припустятся со всех ног прямо на волка! И так они его боднули справа и слева, что даже обмарался волк. Ушли бараны прочь, а волк остался чуть живой, с переломанными ребрами. Полежал он малость, опамятовался и говорит: «Нет, и это мне не беда, ведь я еще сегодня наемся вдоволь!»

Пошел он дальше и видит: пасется свинья с поросятами. Говорит волк: «Слава тебе, владычица небесная! Так я и знал, что обед у меня сегодня будет на славу». И объявляет свинье: «Закушу я, сестрица, твоими поросятками!» Свинья ему в ответ: «Воля твоя, делай что хочешь; об одном прошу, окрести их сперва, а то они еще некрещеные. А потом уж и ешь их, как твоей душе угодно». — «Что же, — говорит волк, — покажи, в чем их крестить». Подвела его свинья к канаве, где была мельница, и говорит: «Вот тебе святая вода». Встал волк над канавкой, словно священник, хотел было уже ухватить поросенка да окунуть в воду, а свинья как хрюкнет, да и толкнула волка изо всей силы в самую середину канавы. Понесла его вода прямо на мельничное колесо, и ступицы отделали ему всю шкуру. Еле-еле выбрался волк и говорит: «Хоть и обманули меня, а мне все горя мало: все-таки у меня будет сегодня обед на славу».

Шел он мимо деревни и видит: стоят козы около хлебной печи. Говорит волк: «Слава богу! Вот он, мой обед, на глазах у меня гуляет!» — и направился прямо к ним. А козы, едва его завидев, все попрятались в печь. Подошел волк, встал перед заслонкой и говорит: «Привет вам, сестрицы! А я к вам пришел, чтобы съесть вас и наестся до отвалу». Козы ему отвечают: «А мы, господин наш, ведь только для того и забралась сюда, чтобы ты отслужил нам обедню, а мы послушали; а потом выйдем все к тебе и тогда делай с нами, что тебе угодно». Тут притворился волк епископом и начал перед печью завывать громким воем. А селяне, как услышали этот вой, повыскакивали с дубьем и с собаками, исколотили волка до полусмерти, а собаки еще и покусали. Едва он ускользнул от них, ни жив ни мертв.

Тогда подошел волк к высокому дереву, растянулся под ним и начал сетовать, начал каяться и говорить такие слова: «Господи, господи, сколько же на меня несчастий в один день разом навалилось! Но как подумаю я о том, так вижу, что сам виноват безмерно. Зачем я был такой гордый, зачем пирожком побрезговал и свиной тушей погну-

шался!» И еще сказал: «Ведь отец мой не был лекарем, и я не учился лекарскому делу; зачем же полез я в лекари и хотел у кобылы занозу из ноги вытягивать? Отец мой не был судьей, и я не учился законам; зачем же полез я в посредники и хотел рассудить двух баранов? Отец мой не был священником, и я не учился грамоте; зачем же я брался крестить поросят? Отец мой не был епископом, и на мне нет никакого сана; зачем же я брался петь обедню и раздавать благословения?» И взмолился: «Господи боже, пусть же на меня с небес обрушится великий меч и поразит меня на этом самом месте!» А на дереве сидел человек и рубил ветки; он не пропустил ни одного волчьего слова, и, когда тот кончил стенать, взял он и швырнул в него топором, да так метко, что волк из-под дерева так колесом и покатился. А когда встал он на ноги, то посмотрел сперва на небо, потом на дерево и молвил: «Господи, господи, до чего же быстро до тебя долетают наши молитвы!» И со всех ног, избитый и израненный, бросился он в лес; откуда уходил надменным, туда вернулся униженным.

Учит эта басня: не берись не за свое дело, не гонись за тем, что выше тебя, будь всяк своим местом доволен.

321. Волк и старуха

Волк злой, голодный искал себе добычи,
Рыскал он всюду и наконец услышал:
Где-то в домишке малыш кричит и плачет,
А над ним бабка твердит ему, грозитя:
«Уймись, дожدهшься: выброшу тебя волку!»
Волк живо понял эти бабкины речи,
И вот, в надежде на легкую поживу,
Сел, дожидаясь, чтобы сожрать младенца.
Уж полночь близко, вдруг снова бабкин голос:
Она смеялась, крошку свою лаская,
И говорила: «Детка ты моя, детка,
Что нам до волка? Мы вмиг его зарежем!»
Услышав это, побрел волк восвояси,
Так рассуждая: «Как видно, в этом доме
Слово и дело не в ладу меж собою,
И мне, бедняге, опять ходить голодным».

322. Волки и овцы

Волки хотели напасть на стадо овец, но никак это им не удавалось, потому что овец сторожили собаки. Тогда решили они добиться своего хитростью и послали к овцам послов с предложением выдать со-

бак: ведь из-за них-то и пошла вражда, и если их выдадут, то меж волками и овцами водворится мир. Овцы не подумали, что из этого получится, и выдали собак. И тогда волки, оказавшись сильнее, без труда расправились с незащитным стадом.

Так и государства, которые без сопротивления выдают народных вождей, незаметно для себя становятся вскоре добычей врагов.

323. (Белка и волк)

Белка прыгала с ветки на ветку и упала прямо на сонного волка. Волк вскочил и хотел ее съесть. Белка стала просить:

— Пусти меня!

Волк сказал:

— Хорошо, я пущу тебя, только ты скажи мне, отчего вы, белки, так веселы. Мне всегда скучно, а на вас смотришь, вы там вверху всё играете и прыгаете.

Белка сказала:

— Пусти меня прежде на дерево, а оттуда тебе скажу, а то я боюсь тебя.

Волк отпустил, а белка ушла на дерево и оттуда сказала:

— Тебе оттого скучно, что ты зол. Тебе злость сердце жжет. А мы веселы оттого, что мы добры и никому зла не делаем.

324. Плата за зло

Старый лев умирал. Лежал он на земле и едва дышал. Несколько животных, пострадавших в свое время от него, пришли отомстить ему. Подошел кабан и ударил его клыками; подошел бычок и боднул его рогами; подошел осел и ударил копытами. Лев едва не сдох от злости — приходится терпеть в этом мире и от ослов.

Делай добро в молодости, с тем чтобы к тебе относились с уважением в старости.

325. (Заяц — посланник луны)

Случилось некогда, что двенадцать лет подряд не выпадал дождь. Было это великой бедой для всех живых существ, особенно для слонов. Царем слонов был тогда слон по имени Чатурдашана. К нему-то и обратились другие вожаки слоновьих стад: «Спаси нас, напои водой!» Он отвечал: «Узнайте только, где есть вода, и я утолю вашу жажду». Тогда наиболее быстрые из слонов были посланы на розыски воды по восьми сторонам света. Пройдя все страны одну за другой, они нашли озеро по названию Лунное, размерами — прямо говоря — с небо и полное чистой воды. Как только озеро было найдено, царь Чатурда-

шана повел к нему своих подданных. Но, когда слоны спускались к труднодоступным берегам этого озера, они погубили многих зайцев, которые издавна строили у озера свои жилища: раздавили своими ногами им шеи и головы.

Слоны искупались, и царь слонов увел их с берега. А зайцы, сколько их осталось в живых, собрались на совет: «Что нам делать? Ведь, узнав путь сюда, слоны непременно явятся снова. Нужно найти такое средство, чтобы больше они не приходили». Тут взял слово заяц по имени Виджая: «Такое средство есть. Я обещаю вам, что они не вернуться. Пусть только будет милостива ко мне Владычица Луна, свидетельница всех наших дел!» Выслушав его слова, царь зайцев по имени Шилимукха сказал: «Думаю, что так и будет. Ибо:

Куда ни послать Виджаю,
знатока государственной мудрости,
Дела, места и времени,
всюду — верный успех.
Тому, кто говорит красноречиво,
разумно, взвешенно,
Не слишком много и обдумав дело,
и следует о деле говорить.

Убедившись в мудрости Виджайи, слоны оценят и мою тройственную государеву силу, хотя сам я буду от них далеко.

Так:

Хоть не царя, а лишь его посла
или письмо перед собою вижу,
Все ж понимаю, мудр этот владыка
или, напротив, мудрости лишен.

Помни об этом. Сказано:

Соединяет посол, и он же
разъединяет соединенное.
В деле, что делает посол,
благо всего народа.

И когда идет посол — это все равно что я иду, его государь. Поэтому да будет тебе удача в твоих начинаниях!»

Простившись с царем зайцев, Виджая направился к царю слонов. Подойдя и увидев его издали, Виджая стал размышлять: «С таким, как он, такому, как я, не стоит встречаться. Говорят:

Слон убивает, едва коснувшись,
змея — только понюхав,
Ветала — одною улыбкой,
злодей — воздавая почести.

Поэтому как бы то ни было, но он должен увидеть меня в таком месте, куда ему не добраться». И вскарабкавшись как можно выше на верхушку отвесной скалы, Виджая крикнул: «Как поживаешь!» Царь слонов поднял глаза на крик, заметил зайца и спросил: «Откуда ты взялся?» Тот отвечает: «Я посол». — «Кем же ты послан? — спрашивает слон. — Говори, что у тебя за дело». Заяц сказал: «Сам знаешь, послу нельзя чинить вред: он говорит только то, что ему приказали. Всем известно: послы говорят, что им поручено, даже тогда, когда поднято оружие. Ни их, ни тех, кто их сопровождает, нельзя убивать. Я пришел к тебе по приказу Владычицы Луны. Вот ее слова: „Как смеешь ты не различать своего и чужого и причинять чужому вред? Сказано:

Кто, слабости собственной не зная
и силы своих противников,
Заносчиво берется за дело,
тот навлекает беду.

Вопреки обычаю ты возмutil воды Лунного озера и обрек на смерть моих стражей — зайцев. Между тем я их покровительница, ибо ношу их образ на своей груди и во всем мире известна под именем „Носящая знак зайца“. Если ты не откажешься от неподобающего тебе дела, тебя ждет от меня великое зло. Если же откажешься — великая выгода. Либо я буду освежать твое тело своими лучами, либо я стану удерживать их, и тогда твое тело спалит зной и ты быстро погибнешь“». Выслушав эти слова, слон, чье сердце охватило великое смещение, сказал зайцу: «Милый, твоя правда. Я поступил дурно, но отныне не буду враждовать с Владычицей Луной. Покажи мне дорогу к ней. Где смогу я ее увидеть?» Виджая отвечал: «Я покажу, следуй за мной». Так сказав, он быстро пошел к Лунному озеру и показал слону в его волнах отражение полной луны.

«Я в самом деле смогу очистить себя от вины только тогда, когда совершу поклонение божеству», — подумал слон и опустил в воду свой хобот, обхватом в две человеческие руки. В тот же момент отражение луны, словно бы подхваченное колесом, рассыпалось по взбаламученной воде в разные стороны. И слон увидел сразу тысячу лун. А Виджая, сделав вид, что перепугался, отпрянул назад и воскликнул: «О горе, горе! Ты вдвойне разгневал Луну». — «Чем же?» — спросил слон. «Тем, что дотронулся до воды». — «Как же ее умилистить?» — спросил слон. Виджая сказал: «Не касайся больше воды и не пей ее». Услышав эти слова, слон вытащил из воды хобот, поджал хвост, встал на колени и, склонив голову до земли, воздал почести Владычице Луне. А затем сказал зайцу: «Милый, всеми деяниями своими служи Благой Луне до самой смерти». И с этими словами, не оглядываясь, пошел прочь той же дорогой, какой пришел, и больше уже не возвращался.

326. Верблюд, волк и лиса

Верблюд, волк и лиса пошли вместе и, найдя оброненный путниками один белый хлебец, говорят: «Что же нам делать с ним, ведь его не хватит на нас на всех?» Говорит лисица: «Это — еда для одного; кто из нас старше и ветх деньми, пусть и съест». И все трое согласились. Волк сказал: «Я тот волк, которого во дни потопа сам Ной взял в ковчег». Лиса сказала: «Ты товарищ моему внуку: ведь я — та лиса, которую сам бог создал и предъявил Адаму, а тот нарек меня лисою». А верблюд вытянул шею, взял хлебец, поднял голову, стал жевать и говорит: «Вы коротыши, а так говорите! Ну а эти ноги, что у меня, разве они выросли у молокососа?» Волк и лиса ходили вокруг, но не могли ему повредить, отстали и убежали.

327. Больной олень

Олень занемог и прилег где-то на лугу. Животные, навещая его, щипали траву вокруг него и выщипали ее всю. И олень, оправившись от болезни, все же погиб, изнуренный от недостатка корма.

Басня показывает: кто заводит друзей бесполезных и никчемных, вместо выгоды потерпит только убыток.

328. Олень и охотники

Однажды олень захотел пить. Он спустился к источнику, чтобы напиться. В воде он увидел свое отражение. Очень его огорчило, что у него такие худые и некрасивые ноги, но зато очень обрадовался тому, что у него большие и ветвистые рога.

Внезапно на оленя напали охотники. Он бросился бежать. Пока олень мчался по ровному полю, охотники не могли настичь его. Однако, свернув в лесную чащу, он запутался рогами в густых ветвях деревьев. Охотники настигли оленя и убили его.

Умирая, он сказал: «О, горе мне, глупому! Я сокрушался, что у меня худые и некрасивые ноги, а они сохраняли мне жизнь. Рога же, которыми я так гордился, погубили меня».

Эта история учит нас, что достойно похвалы не то, что кажется красивым, а то, что выручает нас в трудную минуту жизни.

329. Козел и волк

Нередко на тех, у кого и сила и власть, восстают люди бессильные и нищие. Послушай об этом басню.

Волк гнался за козлом, чтобы его поймать; но козел взобрался на высокий обрыв у реки и был там в безопасности. Сел волк подстере-

гать его внизу. Два дня, три дня прошло, наконец почувствовал волк голод, а козел жажду, и разошлись они в разные стороны: сперва волк, чтобы поесть, потом козел, чтобы попить. Вот напился он досыта, посмотрел на свое отражение в воде и говорит: «Ах, какие отличные у меня ноги и какая прекрасная борода и какие огромные рога! И волк посмел за мною гнаться? А вот возьму я и выйду сам на него и не дам ему надо мной насильничать!» А волк из-за его спины все эти слова потихонечку подслушивал, а потом как вонзит зубы прямо ему в ляжку да и говорит: «О чем это ты здесь рассуждаешь, братец козел?» Увидел козел, что попался, и говорит: «Ах, господин волк, пощади и прости мою вину: таковы уж козлы, что когда напьются, то и пойдут болтать, чего не следует». Но волк его не стал жалеть и сожрал.

Учит эта басня людей бессильных и нищих не восставать на тех, у кого и сила, и власть.

330. Коза и волк

Коза паслась у высокого обрыва. Увидел ее волк и захотел сожрать, но подняться к ней побоялся. И сказал волк козе:

— О несчастная, почему ты оставила землю, луг, долину и забралась на этот высокий откос? Если ты, упаси боже, сорвешься и упадешь в пропасть, то непременно погибнешь.

Коза ответила волку:

— Неужели ты заботишься обо мне больше, чем о самом себе? Я отлично знаю, что если спущусь в долину, то достанусь тебе на обед.

Есть такие друзья, которые советуют делать не то, что выгодно тебе, а то, что выгодно им самим.

331. Лев и бык

Лев хотел растерзать быка, но не отважился на это, боясь его большой силы. Он пошел к нему, чтобы перехитрить его, и сказал: «Знаешь, я зарезал жирного ягненка и хочу, чтобы ты откушал хлеба у меня сегодня вечером». Бык согласился, но, когда пришел к жилищу льва и увидел, что тот приготовил много хвороста и большие сковороды, он убежал обратно, разглядев, в чем дело. Лев спросил его: «Почему ты повернул обратно?» — «Я понял, — ответил бык, — что эти приготовления делаются для кого-то большего, чем ягненок».

Вот смысл этого: не дело умного верить своему врагу и сближаться с ним.

332. Газель и лев

Однажды газель из страха перед охотниками скрылась в пещере. Туда вошел лев, желая растерзать ее. Она сказала себе: «Горе мне, несчастной! Я бежала от людей, попала в руки того, кто еще сильнее их».

Вот смысл этого: иной бежит от легкого испуга и попадает в великую беду.

333. Осел и мул

Погонщик навьючил осла и мула и погнал их в путь. Пока дорога была ровной, осел еще держался под тяжестью; но когда пришлось идти в гору, то выбился он из сил и попросил мула взять у него часть поклажи: тогда он-де сможет донести остальную часть. Но мул такие его слова и слушать не захотел. Рухнул осел с горы и убился насмерть; а погонщик, не зная, как теперь быть, взял и перевалил ношу осла на мула, да еще вдобавок навьючил на него и ослиную шкуру. Нагруженный сверх всякой меры, промолвил мул: «Подделом мне: кабы я послушался осла и принял малую часть его груза, не пришлось бы мне теперь тащить и всю его ношу, и его самого».

Так некоторые заимодавцы, не желая сделать должникам ни малейшей уступки, нередко теряют на этом весь капитал.

334. Осел, навьюченный солью

Осел, навьюченный солью, переходил через реку, но поскользнулся и упал в воду; соль растаяла, и ослу стало легче. Обрадовался осел, и когда в следующий раз подошел к реке, навьюченный губками, то подумал, что если он опять упадет, то снова встанет с облегченной ношей, и поскользнулся уже нарочно. Но вышло так, что губки от воды разбухли, поднять их было уже невмочь, и осел утонул.

Так и некоторые люди своими собственными хитростями, сами того не ведая, доводят себя до беды.

335. Осел и соловей

Мудрецы рассказывают, что однажды осел услышал на заре пение соловья и был очарован его голосом. И спросил осел соловья:

— Скажи мне, дружок, что ты сегодня ел, отчего у тебя такой прекрасный голос?

— Мой завтрак состоял сегодня из росы и воздуха, — ответил соловей.

Осел, пожелав уподобиться соловью и обрести столь же сладкий и благозвучный голос, широко раскрыл свою пасть, дабы в нее попало

побольше росы и воздуха. От всякой другой пищи он отказывался. Так он и окошел.

Мораль этой басни ясна: человек не должен стремиться к тому, что противоречит его природе.

336. Джатака о львиной шкуре

В давние времена, когда в Варанаси царствовал Брахмадатта, Бодхисаттва возродился в семье одного пахаря и, когда вырос, сам стал добывать пропитание пахотой.

В то время один торговец, нагрузив осла, бродил с ним от деревни к деревне, продавая товары.

И всякий раз, куда бы торговец ни приходил, он снимал с осла носу, надевал на него львиную шкуру и пускал в ячменное или рисовое поле. Сторожившие эти поля люди, увидев одетого в шкуру осла, думали, что это лев, и не решались подойти к нему.

И вот однажды этот торговец, расположившись у ворот одной деревни, стал варить себе завтрак, а осла, одев в львиную шкуру, пустил в ячменное поле.

Сторожа, охранявшие поле, подумали, что это лев, и, боясь подойти к нему, пошли в деревню и рассказали, что видели.

Все жители деревни, вооружившись, стали дуть в трубы, бить в барабаны и с криками подошли к полю.

Испуганный осел закричал своим ослиным голосом.

Тогда Бодхисаттва, догадавшись, что это осел, произнес первую гатху:

Не тигра голос слышу я, не леопарда и не льва.

Со шкурой львиной на спине осел презренный здесь кричит.

А когда жители деревни поняли, что это осел, они бросились на него и били до тех пор, пока не перебили ему кости; тогда они ушли в деревню, захватив с собой львиную шкуру.

Когда торговец подошел к полю и увидел, что осел попал в такую беду, он произнес вторую гатху:

Ведь долго мог еще осел ячмень зеленый в поле есть, —

Он в шкуре львиной закричал и оттого теперь погиб.

Как только он произнес эти слова, осел испустил дух, а торговец оставил его и ушел.

337. Утопающий осел

Осел упал в реку, стал тонуть и от страха напачкал в воду. Всплыл на поверхность воды его помет и, плывя, опередил осла. И воскликнул осел: «Ах ты, дрянь, озорник, да ты ведь вышел из моего нутра, скажи же, пожалуйста, где ты научился плавать?»

338. Мул

Лидийский мул, увидев в реке свое отражение, возгордился своей красотой и ростом и пустился бежать, как лошадь, потрясая гривой; но, пустившись бежать, он тотчас почувствовал, что родился-то он от осла, и быстро остановился, укротив свой пыл и задор.

339. Обезьяна и рыбак

Обезьяна имеет привычку, видя, что делает человек, делать то же самое. Увидела обезьяна, как рыбак закинул сети, чтобы ловить рыбу, а сам ушел обедать. Спустилась тут она с дерева, взяла сеть, хотела подобно рыбаку закинуть ее, но запуталась в ней и говорит: «Поделом мне, ибо я взялась за то, в чем несведуща».

340. Обезьяна и клин

*Кто лезет не в свои дела, тот терпит наказание.
Так обезьяна, вырвав клин, погибла по своей вине.*

Есть в одной стране город. Недалеко от него в роще некий купец строил храм. Ежедневно в полуденное время зодчий и все рабочие отправлялись в город за едой. И как-то раз стая обезьян приблизилась к этому наполовину выстроенному храму. А один работник оставил там большое полурасколотое бревно из дерева анджаны, вставив в него клин из кхадиры. Обезьяны начали весело играть, где им хотелось: на верхушках деревьев, на возвышающихся частях постройки и на кучах поленьев. И тут одна из них, близкая к гибели, безрассудно уселась на бревно. «Кто вставил этот клин в неподходящее место?» — подумала она и, схватив обеими лапами, начала его вытаскивать. Между тем яйца ее попали в щель полурасколотого бревна, и ты поймешь без лишних слов, что произошло, когда она вытасчила клин.

341. Человек и свинья

Человек однажды нагрузил на вьючное животное барана, козу и свинью и отправился в город продавать их. Баран и коза не шевелились на спине животного, но свинья все время билась без отдыха. И человек сказал ей: «О худший из зверей, почему это баран и коза молчат и не бьются, а ты не затихаешь и не успокаиваешься?» — «Каждый знает свое горе! — отвечала свинья. — Я знаю, что барана ищут из-за шерсти, козу из-за молока, а у меня, несчастной, нет ни шерсти, ни молока, и я уверена, что по приезде в город меня сейчас же отправят на бойню».

Вот смысл этого: кто погряз в грехах и преступлениях, совершенных им ранее, тот знает, каков будет его конец.

342. Свинья и собака

Свинья и собака спорили, у кого лучше дети. Собака сказала, что она рожает быстрее всех зверей на свете. Но свинья ответила: «Коли так, то не забудь, что рожаешь ты детенышей слепыми».

Басня показывает, что главное не в том, чтобы делать быстро, а в том, чтобы сделать до конца.

343. Кузнец и собака

У одного кузнеца была собака. Пока кузнец работал, она спала, когда же он кончал и садился с товарищами есть хлеб, собака просыпалась. «О скверная собака, — сказал ей кузнец, — почему это стук молота, который потрясает землю, не будит тебя, а когда ты услышишь легкий звук жующих челюстей, ты просыпаешься?»

Вот смысл этого: иной слушает то, что устраивает его дела, и пренебрегает тем, в чем нет выгоды.

344. Собака на сене

Многие люди жалеют для других даже то, что не надобно им самим; и хоть от собственного добра им нет никакого проку, все же они чужих к нему не подпускают. Послушай об этом басню.

Жадная собака лежала в закуте, полном сена. Шли мимо быки, но она им не давала ухватить ни клочка, скаля большие зубы. И сказали ей быки: «Нехорошо ты делаешь, коли жалеешь для нас то, что тебе все равно не по нутру. Ведь сама ты сено есть не можешь по природе своей, а нам его есть не даешь». И подобно этому, она держала кость в пасти, сама ее разгрызть не могла и другим собакам не давала.

Басня показывает, что нелегко избавиться от зависти. С трудом ее можно унять, но совсем искоренить нельзя.

345. Две собаки

У хозяина собаки был в доме званый пир. Собака пошла на рынок, встретила другую и сказала ей: «Знаешь, у нас сегодня званый пир, приходи к нам попить вместе». И собака отправилась с ней и вошла в кухню, но едва ее увидели слуги, как один из них схватил ее за хвост и выбросил со двора через стену. Она упала оглушенная. Когда

она оправилась и отряхнулась от пыли, ее увидели товарищи и сказали ей: «Где ты была сегодня? Ты, наверно, пиновала! Мы ведь видели, что ты сейчас вышла, не зная, где дорога».

Вот смысл этого: многие делаются прихлебателями, но уходят выгнанными, испытав презрение и унижение.

346. Кошка-подвижница

Ворон сказал: — Жил у меня один брат — птица Сифрид у подошвы горы. Гнездо его было недалеко от дерева, на котором находилось мое жилище, и мы часто встречались и сходились по соседству. И вот как-то потерял я его и не знал, куда он делся. Он долго скрывался, так что я уже подумал, что он погиб. Один заяц пришел на его место, не знаю, что он там делал. Он пробыл там некоторое время, а потом Сифрид вернулся к себе, увидел там зайца и сказал: — Это мое место, убирайся отсюда! — Заяц сказал: — Жилище в моих руках, а ты на него притязашь. Если у тебя есть права, то ищи против меня защиты.

Сифрид сказал: — Это мое место, и у меня есть на это доказательство.

Заяц сказал: — Придется обратиться к судье.

Сифрид сказал: — Недалеко от нас, на берегу моря, живет одна кошка-подвижница. Она молится весь день, не обижает ни одного животного и не проливает крови. Она вечно постится и разговляется только водой и травой. Пойдем сегодня ночью к ней, я буду судиться с тобой. — Заяц сказал: — Хорошо! — И они отправились вдвоем, а я последовал за ними, чтобы посмотреть на эту постницу, как она рассудит между ними. Прибыв к кошке, они рассказали свою историю.

Кошка сказала: — Постигла меня старость, и заложило мне уши. Я почти не слышу. Подойдите ко мне и дайте мне послушать вблизи. — Они повторили свои слова. Она сказала: — Я поняла ваш рассказ. Я начну с наставления, прежде разбора вашего дела.

Не стремись ни к чему, кроме истины. Тот, кто стремится к истине, достигает желаемого, хотя бы и был суд против него, а следующий лжи — бывает побежден в споре. Нет у обитателя здешнего мира из благ его ни денег, ни друга, кроме совершенных им добрых дел. Умному надлежит стараться искать то, что сохранится у него и вернется с пользой, а все остальное — презирать. Деньги для него должны быть тем же, что и глина, а женщины неукротимые — ехиднами. Люди же в отношении добра, которого он им желает, и зла, коего он им не хочет, — то же, что и он сам. — И так она не переставала повествовать, а они все слушали и приближались к ней, как вдруг прыгнула она к ним, схватила и убила их обоих.

347. Кошка и куры

Кошка прослышала, что на птичьем дворе разболелись куры. Она оделась лекарем, взяла лекарские инструменты, явилась туда и, стоя у дверей, спросила кур, как они себя чувствуют. «Отлично! — сказали куры, — но только когда тебя нет поблизости».

Так и среди людей разумные распознают дурных, даже если те и прикинутся хорошими.

348. Мышь, ее дочь, петух и кот

Мышь дочери говорила: «Не выходи из норки!» А та вышла и увидела петуха, который разгребал ногами солому и громко кричал. Испугалась мышка. Потом она увидела кота, который шел к ней по дорожке медленно и мягко, и от неожиданности так и бросилась, дрожа, в свою норку. Мать увидела, что она вся дрожит, и спросила, в чем дело. Та ей и говорит, что видела она петуха, который был как дьявол, и кота, который был как святой отшельник. Говорит мать: «Кто злым кажется, того не бойся, а вот кто святым кажется, того остерегайся».

Басня учит остерегаться лицемеров.

349. Джатака о цапле

Во времена стародавние Бодхисатта воплотился на земле в облике божества, обитавшего в дереве, что росло на опушке рядом с заросшим лотосами прудом. В соседнем пруду, поменьше первого, в ту засушливую пору осталось совсем немного воды, а рыбы в нем водилось великое множество. Некая цапля, видя обилие рыбы, задумалась: «Найти бы способ одурачить этих рыб и съесть их одну за другой». Наконец, измыслив средство, цапля отправилась на берег пруда и, усевшись, сделала вид, будто погружена в глубокую задумчивость. Рыбы, видя ее в таком состоянии, спросили: «О чем размышляешь, госпожа?» — «О вас, о вас моя забота», — ответила цапля. «Какая же это забота, госпожа?» — полюбопытствовали рыбы. «А вот думаю, — отвечала цапля, — что в пруду вашем воды осталось совсем мало и корма здесь никудышные, а засуха жестокая. Вот я и печалюсь: „Как же теперь быть рыбам, что им делать?“» — «А и впрямь, что нам делать, госпожа?» — встревожились рыбы. «Если вы только захотите довериться мне, — сказала цапля, — я смогу вам помочь: буду брать вас по одной в клюв и переносить в большой пруд, поросший лотосами пяти видов, и там выпускать». — «Госпожа, — усомнились рыбы, — но ведь с тех пор как стоит мир, не было такого, чтобы цапля

заботилась о судьбе рыб. Ты, видно, просто хочешь съесть нас всех поодиночке». — «Да что вы, — возмутилась цапля, — разве я могу есть тех, кто мне доверился? Впрочем, если не верите моим рассказам о пруде, пусть какая-нибудь из вас слетает со мной туда и убедится собственными глазами». Говоря: «Она сильна и в воде и на суше», рыбы решились довериться цапле. Они поручили ее заботам большую одноглазую рыбу. Цапля схватила одноглазую клювом, перенесла ее на другой пруд, выпустила в воду и позволила осмотреть ей весь пруд. Затем она перенесла эту рыбу в старое обиталище и выпустила в воду. Одноглазая принялась расхваливать перед товарками достоинства нового пруда, те, внимая ей, загорелись желанием переселиться и стали упрашивать цаплю: «Прекрасно, госпожа. Перенеси нас туда».

Первой цапля пожелала переселить ту самую одноглазую рыбу. Зажав ее в клюве, цапля полетела к новому пруду и, держа свою жертву так, чтобы та могла любоваться водной гладью, опустилась на вершину дерева варана на берегу, потом она распластала одноглазую рыбину на ветке, ударом клюва лишила ее жизни и съела со всеми внутренностями, позволив только косточкам упасть к подножию дерева. Покончив с едой, цапля вернулась к ожидавшим ее рыбам и сказала: «Я выпустила первую, давайте понесу следующую». Действуя таким образом, цапля перетаскала и съела по очереди всех рыб. Когда она в последний раз явилась за добычей, в маленьком пруду уже не осталось ни одной рыбы, но там жил еще и рак. Стремясь съесть и его, цапля сказала: «Дружище, я перенесла всех рыб в большой пруд, поросший лотосами; хочешь, перенесу и тебя?» — «Как же ты меня перенесешь?» — спросил рак. «Зажму в клюве и понесу», — ответила цапля. «Нет, — отказался рак, — так я не полечу с тобой: если ты понесешь меня в клюве, то выронишь на лету». — «Не бойся, — уговаривала рака цапля, — в полете я буду крепко держать тебя». Слушая ее, рак думал: «Унести-то рыб она унесла, но уж отпустить их не отпустила. Что же, пусть она перенесет меня на другой пруд. Если же она не выпустит меня — сдавлю ей горло клешней и так лишу жизни». И рак предложил цапле: «Дорогая! Боюсь, что ты все-таки не сможешь крепко держать меня. Вот уж у нас, раков, хватка так хватка, поэтому давай лучше я уцеплюсь клешней за твою шею: если только мне удастся обхватить ее, я готов лететь с тобой». Не подозревая подвоха, цапля охотно согласилась.

Прочно, будто в кузнечные клещи, зажав шею цапли, рак сказал: «Ну, а теперь полетели». Взмыв в воздух, цапля позволила раку любоваться прудом, а затем направилась к дереву варана. «Погоди-ка, тетушка, — воскликнул рак, — вот он, пруд, под нами, ты же уносишь меня куда-то в сторону». — «Возлюбленный мой племянничек, — на-

смешливо ответила цапля, — уж, конечно, ты для меня дороже кровного родственника. Ты, поди, вообразил меня своей рабыней: куда, дескать, захочу, туда она меня и понесет. Взгляни-ка на грудку костей у подножия дерева варана: как съела я всех рыб, так съем и тебя, безмозглого». Рак возразил цапле: «Этих рыб погубила их собственная глупость. Что до меня, то я себя съест не позволю, скорее уж сам прикончу тебя. Ты по дурусти своей не поняла еще, что я перехитрил тебя: если уж нам суждено умереть, мы умрем с тобой вместе. Оторву-ка я тебе клешнями голову и швырну ее на землю». И с этими словами рак с силой сдавил шею цапле. Задыхаясь, цапля стала хватать ртом воздух, из ее глаз ручьями полились слезы. В страхе за свою жизнь она стала молить рака: «Господин, я пощажу тебя, только сохрани мне жизнь». — «Хорошо, только сейчас же сядь и выпусти меня в воду!» — потребовал рак. Цапля повернула обратно, опустилась на самый берег и, подойдя к воде, положила рака на выступавший над поверхностью ком грязи. Рак перекусил клешнями шею цапли — точь-в-точь так, как перерезают ножом лотосовый стебель, — и нырнул в воду. При виде этого небывалого чуда божество, обитавшее в дереве варана, наполнило весь лес криками одобрения, а затем громко пропело ласкающим слух голосом такой стих:

Хоть плут и искушен в искусстве плутовства,
Навряд ли полного добьется торжества.
Как цапля ни была коварна и хитра,
Рак победил ее — таков закон добра!

350. Рассказ о голубе

Рассказывают, что голубь и голубка собирали в своем гнезде зерна пшеницы и ячменя. Гнездо переполнилось, и тогда голубь сказал голубке:

— Не трогай ни одного зернышка, чтобы нам было чем кормиться зимой.

— Хорошо, — ответила голубка.

Наступил зной, и пшеничные зерна подсохли и стали меньше. Голубь вернулся однажды в гнездо и увидел, что пшеницы стало меньше.

— Разве не запретил я тебе трогать пшеницу? — спросил он голубку.

Она стала клясться, что невиновна, но он не поверил ей и заклевал ее до смерти и остался один.

Когда настала зима, семена набухли и заполнили гнездо, как и раньше. И тут-то голубь догадался, что он убил свою голубку без вины. Он раскаялся, когда не было в том проку, и стал оплакивать постоянно голубку.

351. (Воробей и баран)

Воробей пролетал над пастбищем овец. Он увидел это пастбище и остановился, разглядывая его, и вдруг большой орел ринулся на ягненка из маленьких ягнят и унес его в когтях и улетел.

И когда воробей увидел это, он захлопал крыльями и сказал: «Я сделаю то же, что сделал этот!» И он возгордился собою и сравнил себя с тем, кто больше его, и в тот же час полетел и опустился на жирного барана с обильной шерстью. А шерсть барана сбилась, потому что он лежал на своей моче и навозе, и стала точно выплюнутая.

И воробей, опустившись на спину барана, захлопал крыльями, и его ноги запутались в шерсти, и он хотел улететь, но не мог высвободиться.

И все это происходило, а пастух видел, что сначала произошло с орлом и что потом случилось с воробьем. И он подошел к воробью, сердитый, и, схватив его, выщипал ему перья из крыльев, привязал ему к ноге нитку и принес его своим детям и бросил им его. И кто-то из детей спросил: «Что это?» — и пастух ответил: «Он уподобил себя тому, кто выше его, и погиб».

352. Галка и птицы

Зевс пожелал назначить птицам царя и объявил день, чтобы все явились к нему. А галка, зная, какая она некрасивая, стала ходить и подбирать птичьи перья, украшая ими себя. Настал день, и она, разубранная, предстала пред Зевсом. Зевс за эту красоту хотел ее выбрать царем, но птицы, вознегодовав, обступили ее, каждая вырывая свое перо; и тогда, голая, она снова оказалась простой галкой.

Так и у людей должники, пользуясь чужими средствами, достигают видного положения, но, отдав чужое, остаются такими ж, как были.

353. (Птица и обезьяны)

*Не может гнуться дерево, не входит в камень острый нож.
Кто поучает дурака, как Сучимукха, гибнет тот.*

В окрестностях одного леса жила стая обезьян. И однажды зимой, совсем обессиленные, они заметили с наступлением ночи светлячка. Увидев его, они подумали: «Это огонь», осторожно взяли его, покрыли сухой травой и, приблизив к нему руки, плечи, животы и груди, стали почесываться, как бы в действительности наслаждаясь счастьем желанного тепла. И была там одна в особенности мучимая холодом обезьяна, которая то и дело поддувала траву, вся поглощенная этим. Тогда птица по имени Сучимукха спустилась, гонимая судьбой, с дерева и на свою погибель сказала ей: «Дорогая, не трудись. Это не

огонь, это — светлячок». А обезьяна, не обращая внимания на ее слова, снова начала дуть и не прекращала этого, несмотря на неоднократные уговоры птицы. К чему много слов? Приблизившись к самым ее ушам, птица так досадила ей, что обезьяна наконец схватила ее и раздробила ей ударом о камень клюв, глаза, голову и шею, так что та отошла в небытие.

354. Птицелов и аист

Птицелов расставил на журавлей сети и издали наблюдал за ловлей. Вместе с журавлями опустился на поле и аист, и птицелов, подбежав, поймал его вместе с ними. Стал аист просить не убивать его: ведь людям он не только не вреден, но даже полезен, потому что ловит и убивает змей и прочих гадов. Ответил птицелов: «Будь ты хоть трижды полезен, но был ты здесь среди негодяев и потому все равно заслужил наказание».

Так и мы должны избегать общества дурных людей, чтобы самим не прослыть их сообщниками в недобрых делах.

355. Гуси вместо аистов

В одном месте водилось много белых аистов. Некий человек украл у аистихи яйца и подложил ей в гнездо гусиные. Аистиха вывела и вырастила птенцов, полагая, что это ее собственные. Когда они подросли, пришел аист-отец и увидел, что они совсем на него не похожи. Он собрал всех аистов, сколько их было в тех местах, и показал им птенцов. Они схватили невинную аистиху, убили ее и высосали у нее мозг.

356. Джатака о воронах

«Устали клювы от трудов...» Эту историю Учитель во время своего пребывания в Джетаване рассказал об одном содружестве старых бхикшу. Говорят, что они были в Саваттхи крупными землевладельцами, жили в богатстве и благополучии и дружили между собой.

И вот однажды, занимаясь своими делами, они услышали, как Учитель проповедует дхарму. Тогда они решили: «Мы ведь уже старики, что нам теперь мирская жизнь! Давайте вступим в сангху и, следуя прекрасному учению Будды, освободимся от страдания». Раздав все свое имущество детям и другим родственникам и покинув своих близких, провожавших их со слезами, они пришли к Учителю и стали просить его принять их в сангху. Учитель их принял. Но, вступив в сангху, они не стали вести жизнь, обычную для отшельников. Из-за преклонного возраста им не удалось постичь дхарму. Как и прежде, в

мирской жизни, они и после вступления в сангху построили себе хижины на краю монастыря и поселились вместе. Даже когда они отправлялись за милостыней, то обычно заходили к своим детям и женам и там кормились.

У одного из них была в миру жена, которая проявляла особенную заботу обо всех этих старцах. Поэтому собранную в виде милостыни пищу они приносили к ней в дом и там ели, а она приготавливала им из своих припасов разные соусы и приправы.

Но однажды эта женщина схватила какую-то болезнь и умерла.

Тогда эти старики тхеры направились в монастырь. Обняв друг друга за шею и рыдая, они бродили вокруг монастыря и причитали: «Какая прелестная миранка умерла!»

Услыжав их вопли, отовсюду сошлись другие бхикшу и стали спрашивать старцев, отчего они так рыдают.

«У нашего друга, — сказали старцы, — была в миру жена. Это была такая прелестная женщина! А о нас она как заботилась! И она умерла. Где же ты теперь найдем такую? Оттого-то мы и плачем».

Тогда бхикшу собрались в зале дхармы и стали обсуждать поведение старцев. В это время вошел Учитель и спросил, о чем идет речь. Когда бхикшу ему объяснили, Учитель сказал: «Не только теперь, о бхикшу, они бродят, причитая об этой умершей женщине; еще прежде, когда они возродились в образе ворон и когда одна ворона погибла в море, они пытались вычерпать воду из моря и достать ее; и только одно мудрое существо спасло тогда их».

И Учитель рассказал историю о прошлом.

Однажды, когда в Варанаси царствовал Брахмадатта, Бодхисаттва возродился в образе морского духа.

Две вороны, муж и жена, в поисках корма прилетели к морскому берегу.

А в это время какие-то люди только что совершили на этом берегу жертвоприношения нагам и ушли.

Спустившись в том месте, где люди приносили жертву, и увидев молоко, рыбу, мясо, вино и другие яства, обе вороны вдоволь наелись всего этого и напились вина. От вина они сильно охмелели, и им захотелось порезвиться на море. Но когда они, опустившись на поверхность, стали плавать, сильная волна подхватила ворону и унесла в море, а там ее проглотила рыба.

«Жена моя погибла!» — стал плакать и причитать муж вороны.

Стая ворон, услышав его рыдания, прилетела на этот берег узнать, что случилось. А когда муж вороны рассказал, как жену унесло море, все вороны в один голос стали рыдать.

Но потом они решили: «Что для нас эта морская вода? Мы ее вычерпаем и, опустошив море, достанем подружку». И, набирая воды в

клювы, они стали выливать ее на сушу. Но от соленой воды глотки их быстро пересохли, и они опустились на берег отдохнуть. Клювы их устали, глаза покраснели. Валясь от сна, они сказали друг другу: «Когда мы берем морскую воду и относим ее на берег, то место, откуда мы ее взяли, снова наполняется водой. Не сможем мы вычерпать море». И они произнесли следующую гатху:

Устали клювы от трудов, и глотки наши высохли,
Из моря воду черпаем, а море наполняется.

И они снова стали трещать: «А какой клюв был у этой вороны, какие круглые глаза, какое оперенье, какой приятный голос! Оттого-то ее у нас похитило море».

И когда они так причитали, страшного вида морской дух показался из воды и разогнал их всех. Это и было их спасением.

Приведя эту историю для разъяснения дхармы, Учитель отождествил перерождения: «Тогда вороной была мирская жена, мужем вороны — старик тхера, остальными воронами — остальные старые тхеры, а божеством моря был я».

357. Ворон и воронята

Сидел ворон на придорожном дереве, а с ним его воронята. Сидел и учил своих воронят быть осторожными. Проходил по дороге человек, и сказал ворон воронятам: «Вот кого надо вам опасаться больше всех: как только увидите, что он наклоняется к земле, — летите скорее прочь!» Отвечает один вороненок: «А я улечу, едва он покажется, он даже наклониться не успеет!» — «Отлично, — говорит отец, — видно, мне за тебя и впредь можно не беспокоиться; но остальным моим птенцам вновь и вновь буду твердить: будьте осторожны!»

358. Ласточка и птицы

Как только зацвела омела, ласточка догадалась, какая в ней таится опасность для пернатых; и, собрав всех птиц, она стала их уговаривать. «Лучше всего, — говорила она, — вовсе вырубить дубы, на которых растет омела, если же это невозможно, то нужно лететь к людям и умолять их не пользоваться силой омелы для охоты на птиц». Но птицы не поверили и осмеяли ее, и она просительницей полетела к людям. За ее сообразительность люди ее приняли и оставили жить у себя. Вот почему остальных птиц люди ловят и едят и только ласточку, просившую у них убежища, не трогают, позволяя ей спокойно гнездиться у них в домах.

Басня показывает: кто умеет предугадывать события, тот легко уберегается от опасностей.

359. (Петух и сокол)

Халиф Мансур любил и привечал Абу-Айюба больше, чем всех остальных своих приближенных. Но всякий раз, как халиф призывал его к себе, Абу-Айюб бледнел и дрожь пробегала по его телу. Однажды близкий друг спросил его:

— Почему ты дрожишь и меняешься в лице всякий раз, когда халиф присылает за тобой: ведь он любит тебя больше всех своих приближенных?

Абу-Айюб ответил ему таким рассказом:

«Однажды сокол сказал петуху:

— Ты с первых дней своих близок к человеку, он кормит и поит тебя, выстроил тебе дом подле своего дома. Почему же всякий раз, как он приближается к тебе или хочет притронуться, ты пугаешься, кричишь, мечешься по двору, взлетаешь на крышу? Я же — птица недомашняя и выросшая в горах, но как поймает меня человек, привыкаю сидеть у него на руке, а как он пустит меня на ловитву, возвращаюсь к нему с добычей, хоть и волен улететь; и никогда не пугаюсь, не шумлю.

— Эх, сокол, — сказал петух, — видел ли ты хоть раз, слышал ли хоть раз, чтобы сокола протыкали вертелом и жарили над огнем?

— Нет, — ответил сокол.

— А я, — продолжал петух, — с тех пор как я научился понимать, что есть благо и что есть зло, видел сотни петухов, которым отрубали головы, обрывали перья, вспарывали живот, а потом протыкали их вертелом, жарили над огнем и съедали. Потому-то я и кричу и сердце мое в тревоге».

360. Петухи

Два петуха дрались на улице, и один победил другого. Возгордившись, он взлетел на высокую кровлю, стал там надменно расхаживать, петь и топорщиться по случаю своей победы, гордясь ею. Но вдруг налетел орел, подхватил его и унес в небеса.

361. О говорящей сороке

У одного Аутсбургского бюргера была сорока, которая умела говорить человеческим голосом. Так как она часто слышала, как хозяйский работник зазывал покупателей: «Вино за четыре пфеннига!» — то и сама так кричала. Когда однажды ночью виноградники сильно пострадали из-за мороза, то на другой день вино стало продаваться на два пфеннига дороже. Сорока тем не менее зазывала: «Вино за четыре пфеннига!» Поэтому у дома хозяина собралось много народа для по-

купки вина, которое в других местах продавалось за шесть пфеннигов. Они с бранью требовали хозяина, так как им не давали вина по той цене, о которой кричала сорока. Поэтому рассерженный хозяин выбросил сороку в грязь. Когда она приподнялась, то увидела приближающуюся к ней свинью, всю в грязи, вымазанную навозом. Сорока ее спросила: «Разве ты тоже кричала, что вино продается за четыре пфеннига?» (Она думала, что свинью, как и ее, выбросили в грязь за то, что она кричала: «Вино за четыре пфеннига!»)

362. Краб и его мать

Кто бранит обиженных судьбою, тому следует сперва самому жить правильно и ходить прямо, а потом уже учить других.

«Не ходи боком, — говорила мать крабу, — не волочи брюхо по мокрым камням». А тот в ответ: «Сперва ты, наставница моя, ступай прямо, а я посмотрю и тогда уж пойду за тобой».

363. (Черепаша и гуси)

*Кто добрым советам друзей
не радуется всем сердцем,
Гибнет, как глупая черепаха,
сорвавшаяся с палки.*

Есть в стране Магадхе озеро по названию Пхуллотпала. В нем долгое время жили два гуся со своей приятельницей черепахой. Однажды к озеру пришли рыбаки и условились провести на нем ночь, а утром наловить рыбы, черепах и иной живности. Подслушав их разговор, черепаха сказала гусям: «Друзья, слышали, что говорят рыбаки? Как же мне теперь быть?» Гуси отвечали: «Сначала нужно все хорошенько проверить, а потом уже действовать так, как подскажет необходимость». Черепаха возразила: «Ну, нет. Я уже видела, какие здесь случаются беды.

Так говорится:

Предусмотрительная и Решительная
счастливы, гибнет же Будь-что-будет».

Гуси спросили: «Как так?» Черепаха рассказывает:

Некогда пришли на это же озеро такие же рыбаки, и три рыбы стали совещаться друг с другом, как им быть. Одна из них, которую звали Предусмотрительная, сказала: «Я поищу другое место, где есть вода» — и с этими словами уплыла в соседнее озеро. Вторая рыба, по имени Решительная, говорит: «Пока не ясна суть дела, к чему мне тревожиться? Когда возникнет нужда, тогда и решу, как поступить.

Так говорится:

Умен, кто справится с бедой,
когда она случится:
Жена купца у мужа на глазах
сумела от любовника отречься».

Будь-что-будет спрашивает: «Как так?» Решительная рассказывает:
Жил в Викрамапуре купец по имени Самудрадатта. Жена его Ратнапрабха то и дело предавалась любовным утехам с одним из его слуг.
Ибо:

Нет, кого бы женщины не любили,
и нет, кого бы они любили.
Они — как коровы в лесу, что ищут
все новой и новой травы.

Однажды Ратнапрабха поцеловала слугу в губы, а Самудрадатта увидел это. Тогда распутница поспешно подошла к мужу и сказала: «Мой господин, этот слуга ведет себя очень дурно. Только что я убедилась, что у него изо рта пахнет приправой от нашего обеда».

Так говорится:

Женщина ест за двоих,
ума у нее на четверых,
На шестерых — хитрости
и на восьмерых — любострастия.

Услышав ее слова, слуга воскликнул рассерженно: «Может ли слуга оставаться в доме, где хозяйка каждую минуту принюхивается, чем пахнет у него изо рта». Затем он встал и ушел, и купцу лишь с большим трудом удалось убедить его вернуться.

Поэтому я говорю: «Умен, кто справится с бедой...» и т.д. На это Будь-что-будет сказала:

«Чему быть суждено, то и будет,
а чему не бывать, не бывает —
Вот лекарство от яда забот.
Почему бы не пить его!»

Наутро Решительная попала в сети, но, попавшись, притворилась мертвой. Тогда ее отбросили прочь, и она что было сил прыгнула в воду и ушла на дно. А Будь-что-будет была поймана рыбаками и убита.

Поэтому я и говорю: «Предусмотрительная и Решительная» и т.д.

Вот почему нужно сделать так, чтобы я сегодня же попала в другое озеро. Гуси сказали: «А удастся ли тебе проползти посуху?» Черепаха ответила: «Нужно придумать такой способ, чтобы я вместе с вами полетела по воздуху». Гуси спрашивают: «Разве есть такой способ?» Че-

репаха сказала: «Возьмите в клювы какую-нибудь палку, а я уцеплюсь за нее ртом. Тогда я смогу взлететь с помощью ваших крыльев». Один из гусей заметил: «Этот способ возможен.

Однако:

Рассуждая о пользе, разумный
и о вреде должен подумать.
Смотри: на глазах глупой цапли
мангусты съели ее птенцов».

Черепаха спрашивает: «Как так?» Гусь рассказывает:

Есть на севере гора, называемая Гридхракути. Рядом с нею на берегу реки Айравати жили на смоковнице цапли. А в норе под деревом поселилась змея, которая пожирала малолетних птенцов этих цапель. Слыша жалобы горюющих родителей, одна из цапель сказала: «Сделайте так. Пойдите и наловите рыбы, а затем разбросайте одну рыбину за другой от норы мангустов до змеиной норы. В поисках рыбы, до которой мангусты большие охотники, они непременно доберутся до змеи и, найдя ее, убьют по врожденной к ней ненависти». Так все было сделано, и все так и произошло. Но когда, убив змею, мангусты услышали писк птенцов на дереве, они и их всех съели.

Поэтому я и говорю: «Рассуждая о пользе, разумный...» и т.д.

Увидев, как мы летим с тобою, люди что-нибудь крикнут. А услышав их крики, ты ответишь. И тогда тебе конец. Поэтому лучше оставься на месте». Черепаха ответила: «Разве я глупая? Ничего я не буду говорить». Гуси исполнили просьбу черепахи, и пастухи коровьих стад, увидев, как черепаху несут по воздуху, побежали с криками вслед за нею. Один кричал: «Давайте эту черепаху изжарим и тут же съедем!» Другой: «Отнесем ее домой!» Черепаха, услышав эти грубые возгласы, забыла о своих благих намерениях и гневно воскликнула: «Чтоб вам золой подавиться!» И едва она так крикнула, как упала, и пастухи ее убили.

364. Утка и лягушка

Осталась после дождей небольшая лужа на горе. Прилетела туда утка, села да так в ней и зажила.

Побратались утка с лягушкой, вместе проводили время и приятно беседовали по мере возможности. Когда солнце стало припекать и усилился летний зной, воды в луже поубавилось. Утка сказала лягушке:

— Давай переселимся куда-нибудь.

Лягушка ответила:

— Ты привыкла вечно таскаться по свету, а я не могу покинуть свое родовое имение.

Утка улетела и поселилась в местах, где было много воды, лягушка осталась на родине. Спустя некоторое время утка сказала:

— Полечу-ка я навестить названую мою сестру, как-то она там поживает?

Прилетела — лужа, оказывается, высохла, а лягушка околела.

Утка сказала:

— Нет, сестра, уж лучше скитаться, как я скитаюсь, чем любить такое родовое имение!

365. Лягушки, просящие царя

Лягушки страдали оттого, что не было у них крепкой власти, и отправили они к Зевсу послов с просьбой дать им царя. Увидел Зевс, какие они неразумные, и бросил им в болото деревянный чурбан. Сперва лягушки испугались шума и попрятались в самую глубь болота; но чурбан был неподвижен, и вот понемногу они осмелели настолько, что и вскакивали на него, и сидели на нем. Рассудив тогда, что ниже их достоинства иметь такого царя, они опять обратились к Зевсу и попросили переменить им правителя, потому что этот слишком уж ленив. Рассердился на них Зевс и послал им водяную змею, которая стала их хватать и пожирать.

Басня показывает, что правителей лучше иметь ленивых, чем беспокойных.

366. Лопнувшая лягушка и бык

Бессильный гибнет, подражая сильному.

Лягушка на лугу быка увидела

И, росту столь огромному завидуя,

Надула дряблую кожу, а детей своих

Спросила: «Превзошла ль быка я тучностью?»

Те говорят, что нет. Сильней напыжилась

Всем животом и прежний задает вопрос

О том, кто больше. «Бык», — они ответили.

Тогда еще сильнее, возмущенная,

Хотела вздуться, но упала, лопнувши.

367. Муравей и голубь

Муравью захотелось пить; он спустился к источнику, чтобы напиться, но упал в воду. Голубь с ближнего дерева оторвал листок и бросил ему; муравей выбрался на листок и спасся. В это время остановился поблизости охотник, приготовил свои прутья и хотел уже голу-

бя изловить; но тут муравей укусил птицелова в ногу, прутья у него дрогнули, и голубь успел улететь.

Басня показывает, что при случае и от бессильных бывает помощь.

368. (Вошь и клоп)

В покоях одного царя стояло несравненное ложе, наделенное всеми достоинствами. И там в одном месте покрывала жила вошь по имени Мандависарпини. Окруженная многочисленным потомством и наследниками — сыновьями, детьми сыновей, дочерьми, детьми дочерей, — она все время питалась кровью спящего царя. И от нее она стала упитанной и приметной. Так она жила там, и вот однажды занесенный ветром клоп по имени Дундука упал на это ложе. И увидя это необычайно мягкое и благоуханное ложе, покрытое превосходным тончайшим покрывалом, с двумя подушками и подобное широкому песчаному берегу Джажнави, он достиг высшей радости. Прикосновение к нему похитило его разум, и как-то, бродя взад и вперед, он по воле судьбы повстречался с Мандависарпини. Она сказала: «Как ты попал в это жилище, предназначенное для царя? Скорей уходи отсюда». Тогда он ответил: «Почтенная! Не говори мне так. И вот почему:

Огонь дваждырожденный чтит, брахмана — касты низшие,
Супруг — в почете у жены, пришельца каждый должен чтить.

А я — твой гость. Ведь разного рода кровью наслаждался я: брахманов, кшатриев, торговцев и шудр. Она у них соленая, слизистая и не насыщает. Напротив, у того, кто находится на этом ложе, кровь, несомненно, услаждает сердце и подобна нектару. Он ведь не страдает от болезней, ибо постоянно и усердно принимает лекарства и другие целебные средства, предписанные врачами, и ветры, желчь и флегма у него не несут ущерба. Он полон сил благодаря приятным, жидким, искусно приготовленным кушаньям, крепким от примеси сахара, граната и трех приправ и состоящим из превосходного мяса обитателей земли, воды и воздуха. Впитавшая все это кровь кажется мне подобной жизненному эликсиру. Потому я и хочу отведать ее по твоей милости: ведь она приносит радость и насыщение, благоуханна и сладка». Та ответила: «Невозможно это для тех, кто, обладая, подобно тебе, огненным ртом, живет благодаря укусам. Сказано ведь:

Кто места, времени,
Других, себя и дел своих не знает
И поступает безрассудно,
Тот не достигнет счастья никогда».

Тогда, упав к ее ногам, он снова начал умолять ее. И с великой милостью она сказала: «Да будет так!» — выразив этим свое согласие.

Потому что, когда царю читали однажды рассказ Карнисуты, она, находясь на своем месте в покрывале, услышала, что ответил Муладева на вопросы Девадатты. А именно:

Кто не почтил просителя коленопреклоненного,
Тот Брахме, Хари и Шамбху не оказал почтения.

И вспомнив эти слова, она согласилась и сказала: «Но ты не должен приближаться к нему для питания в неподходящем месте и в неподходящее время». Он спросил: «Каковы же подходящее место и время? Я только что пришел и не знаю этого». Она ответила: «Когда телом царя овладевает опьянение, усталость или сон, ты можешь осторожно кусать его ноги. Вот — место и время». И он согласился с ней. И вот как-то вечером, не зная подходящего времени и мучимый голодом, он укусил едва задремавшего царя в спину. А тот, словно обожженный раскаленным камнем, словно ужаленный скорпионом, словно тронутый головней, мгновенно вскочил, схватился за спину и сказал, повернувшись: «Ой! Кто-то укусил меня. Из всех сил ищите в кровати это насекомое». Услышав слова царя, испуганный Дундука убежал и залез в щель кровати. Тут пришли исполнители царских приказаний и, по приказу господина, взяв светильник, из всех сил стали искать. Волею судьбы они настигли Мандависарпини, спрятавшуюся в шерсти одежды, и убили ее вместе с родственниками.

369. Комар и лев

Комар подлетел ко льву и крикнул: «Не боюсь я тебя: ты не сильнее, чем я! Подумай, в чем твоя сила? В том, что ты царапаешься когтями и кусаешься зубами? Так это делает любая баба, когда дерется с мужем. Нет, намного я тебя сильнее! Если хочешь — сойдемся в бою!» Затрубил комар, набросился на льва и впился ему в морду возле ноздрей, где волосы не растут. А лев стал раздирать себе морду собственными когтями, покуда не изощел яростью. Победил комар льва и взлетел, трубя и распевая победную песню. Но тут вдруг попался он в сети к пауку и погиб, горько сетуя, что воевал с врагом, сильнее которого нет, а гибнет от ничтожной твари — паука.

Басня обращена против того, кто побеждал великих, а побежден ничтожным.

370. Комар и бык

Комар уселся на рог быка и долго там сидел, а потом, собираясь взлететь, спросил быка: может быть, не улетать ему? Но бык в ответ: «Нет, любезный: и как ты прилетел, я не заметил, и как ты улетишь, не замечу».

Эту басню можно применить к человеку ничтожному, от которого, есть ли он, нет ли, не может быть ни вреда, ни пользы.

371. Дуб и тростник

Дуб и тростник спорили, кто сильнее. Подул сильный ветер, тростник дрогнул и пригнулся под его порывами и оттого остался цел; дуб встретил ветер всей грудью и был выворочен с корнем.

Басня показывает, что с сильнейшими не следует спорить.

372. Члены тела

Лишаясь своих близких, всякий становится бессильным. Так, о членах человеческого тела рассказывают, что некогда руки и ноги взбунтовались: руки не желали кормить бездельничающий желудок, и ноги отказались работать для него. Желудок, изголодавшись, взывал к ним, но ему несколько дней ничего не давали. Однако когда потом его опять захотели накормить, он отказался; и так как все проходы его уже закрылись, все члены тела погибли вместе с ним.

Басня обращена к тем, кто видит в ней собственную глупость.

373. Борей и Солнце

Борей и Солнце спорили, кто сильнее; и решили они, что тот из них победит в споре, кто заставит раздеться человека в дороге. Начал Борей и сильно подул, а человек запахнул на себе одежду. Стал Борей еще сильнее дуть, а человек, замерзая, все плотнее кутался в одежду. Наконец, устал Борей и уступил человека Солнцу. И Солнце сперва стало слегка пригревать, а человек понемногу принялся снимать с себя все лишнее. Тогда Солнце припекло посильнее; и кончилось тем, что человек не в силах был вынести жары, разделся и побежал купаться в ближайшую речку.

Басня показывает, что часто убеждение бывает действеннее, чем сила.

374. Жених волка

У одного шляхтича на Мазовше была такая злая жена, что он жить с ней не мог и жизнь была ему не в жизнь — сплошное мучение. Вот как-то раз поймала шляхта в яме волка, который много перерезал у нее свиней, телят, овец, гусей. Вытащили его из ямы и думают, что же с ним делать. Разные люди разный ему приговор выносят, а тот, у которого была злая жена, сказал: «Зачем его убивать? Жених его надо, жених!»

375. (Из приключений барона Мюнхгаузена)

Все шло прекрасно, пока я не добрался до России, где зимой не принято путешествовать верхом. Так как обычно я следовал правилу всегда придерживаться местных обычаев, я добыл маленькие одноконные беговые сани и весело помчался в Санкт-Петербург. Не могу сейчас точно сказать, было ли это в Эстляндии или в Ингерманландии, но помню только, что случилось это в дремучем лесу, когда я вдруг увидел, что за мной со всех ног несется чудовищной величины волк, подгоняемый нестерпимым зимним голодом. Он вскоре настиг меня, и спастись от него не было никакой надежды. Машинально я кинулся ничком в сани, предоставив лошади, во имя общего нашего блага, полную свободу действий. И тут почти сразу произошло именно то, что я предполагал, но на что не смел надеяться. Волк, не удостоив такую мелочь, как я, своим вниманием, перескочил через меня, с яростью накинулся на лошадь, растерзал и сразу же проглотил всю заднюю часть бедного животного, которое от страха и боли понеслось еще быстрее. Спасшись таким образом, я тихонько приподнял голову и, к ужасу своему, увидел, что волк чуть ли не целиком вгрызся в лошадь. Но лишь только он успел забраться внутрь, как я, со свойственной мне быстротой, схватил кнут и принялся изо всей мочи хлестать по волчьей шкуре. Столь неожиданное нападение, да еще в то время, когда волк находился в таком футляре, не на шутку напугало зверя. Он изо всех сил устремился вперед, труп лошади рухнул наземь, и — подумать только! — вместо нее в упряжке оказался волк! Я не переставал стегать его кнутом, и мы бешеным галопом, вопреки нашим общим ожиданиям и к немалому удивлению зрителей, в полном здравии и благополучии въехали в Санкт-Петербург.

КОММЕНТАРИИ К ТЕКСТАМ И ТИПОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СЮЖЕТОВ

№ 1

Австралийцы мункан: Макконнел 10.
ТМ D 197.1.

Рассказ о тотемическом предке времени «начала». У.Макконнел предваряет этот текст следующей справкой: «В представлениях аборигенов игуана ассоциируется с корой деревьев, по стволам которых эта ящерица очень ловко лазает. Возможно, поэтому именно пулвайя-игуане приписывается изобретение лодок из коры. Считается, что Мин Татя, мужчина-игуана, первый показал людям, как делать лодки из коры и как, стоя в плывущей по реке лодке, бить рыбу копьем».

валлаби — вид небольших кенгуру.

пулвайя — тотемические предки.

аува — жилища предков, тотемические центры.

№ 2

Австралийцы мункан: Макконнел 3.
ТМ А 2258.

У.Макконнел заключает этот текст следующим пояснением: «И теперь люди собирают устриц и пекут их в горячей золе. Устрицы белые, потому что когда-то Мин Теаледьян обсыпал братьев-устриц золой. У них плоские раковины, потому что когда-то он ударил Мин Вару по лицу копьёметалкой. Раковины устриц раскрываются, когда их кладут в горячую золу, так же как в самом начале открывал рот и кричал от боли Мин Вара, когда Мин Теаледьян кидал в него горячую золу. У акулы маленькие глаза и она плохо видит, потому что братья-устрицы кидали песок в глаза Мин Теаледьяну. Плавник акулы — это бумеранг, который младший брат-устрица бросил в Мин Теаледьяна».

См. также предыдущий текст.

№ 3

Папуасы: Маринд-аним, Вирц 26.
ТМ D 169.4.

Дема-казуар в этом мифе выступает то как человек, то как казуар, обладающий магическими способностями.

казуар — крупная птица, не умеющая летать, но быстро бегающая.

№ 4

Папуасы: Маринд-аним, Неверманн 5.

ТМ А 1414; А 2218.

Миф о родовых предках-демах с несколькими этимологическими мотивами.

№ 5

Бушмены: Котляр 77.

ТМ А 1714 + ТМ А 741.

Текст из цикла мифов о Цагне-богомоле и его семье: жене, сыновьях, приемной дочери Дикобразе и ее муже Квамманга, их сыне Ихневмоне. В родственную связь вовлекаются люди, животные, космические объекты, атмосферные явления: в мифе представлен целый пучок этимологических мотивов.

богомол — насекомое, похожее на кузнечика, центральный герой бушменского фольклора.

каросс — накидка из шкуры антилопы.

Вар.: Аффр: буш: Котляр 76, СНА 1959 3.

№ 6

Бушмены: Котляр 83.

ТМ А 2575; D 415.1.

Миф включает популярные в бушменском фольклоре мотивы: Цагн улетает в минуту опасности, и вещи следуют за ним (в том же сборнике — № 80, 86, 87, 89, 96); Цагн исцеляется в воде (там же, № 80, 96). Цагн побеждает соперников с помощью Ихневмона и в других сюжетах (см. коммент. Е.С.Котляр к № 83).

№ 7

Австралийцы: Лангло-Паркер 31.

ТМ А 714; А 712; А 2426.2.

Два мотива этого этимологического мифа — создание солнца и утреннее пение пересмешника — уравниваются и отнесены ко временам тотемных предков.

глазной зуб — верхний клык.

Вар.: Австр: Время 14 (пересказ А.Ван Геннепа), 57.

№ 8

Австралийцы: Лангло-Паркер 27.

ТМ А 2284.2.

Ссора дрофы (журавля) и эму, как отмечает У.Макконнел, — любимый сюжет в пляске корробори.

корробори — обрядовая пляска австралийских аборигенов.

Вар.: Австр: Макконнел 21, Время 56.

№ 9

Бушмены: Котляр 111.

ТМ К 944.

Хейше — герой бушменской мифологии, подобный Цагну, имеющий прямое отношение к устройению мира.

При некотором сходстве с предыдущим австралийским бушменский миф от него отличается. Акцент делается не на этиологию, а на заключительный мотив превращения «бывших людей». Предложение убить своих детей (жен) в бушменском фольклоре приписывается и другим трикстерам. Мотив этот вообще широко распространен в фольклоре народов Африки.

Вар.: Афр: буш: Котляр 31, 32, 125.

№ 10

Азанде: Судан 318.

ТМ А 1111.

Победа над драконом (другим чудовищем, гигантской лягушкой), заточившим воду, хорошо известна героическому эпосу и волшебным сказкам. Как показывает эта сказка, мотив отворения воды не чужд и животному эпосу, так что паук выступает здесь в роли культурного героя.

№ 11

Индейцы цимшиан: Thompson VII b.

ТМ А 1411.

Текст представляет собой одну из основных частей космогонического мифа о Вороне, распространенного у североамериканских индейцев Тихоокеанского побережья (мифологические рассказы о Вороне известны и палеоазиатам Чукотки). Ему предшествует история рождения, смерти и воскресения светящегося юноши, который съел все припасы племени, и отец, назвавший сына Великаном, отправил его с напутствиями внутрь страны. Ярко выраженные черты культурного героя накладываются на элементарную этиологию, объясняющую особенности ландшафта.

Вар.: Ам: индейцы ияк: Романова I, 3; **Север:** чук: Богораз 51, 52, СНСВ 34.

№ 12

Ительмены: Меновщиков 1974 166.

ТМ К 1042 + ТМ Е 781.

Рассказы о проделках Ворона нередко связываются с его семейной жизнью. Здесь контаминированы два сюжета: чайки (чирки) топят лису и проделки Ворона над лисой. Первый известен и как самостоятельная сказка, второй выступает только в контаминации с первым. Оба популярны на Чукотке.

ёвала — рыба, отметавшая икру.

Вар.: Север: кер: Меновщиков 1974 116; эск: Меновщиков 1969 20, Меновщиков 1974 52.

№ 13

Ительмены: Меновщиков 1974 179.

Постоянная тема палеоазиатских животных сказок о Вороне (Кутхе, Кукни), не теряющая мифологического значения, — проделки мышей над «дедушкой» Вороном. Кутх отрезает себе уши и нос, мышата гадят ему в рот, пришивают к ресницам спящего Ворона красные тряпочки, и ему чудится пожар, разрисовывают Ворона, так что он принимает себя за женщину и сватается к собственному

отражению — вот наиболее часто встречающиеся эпизоды в злключениях Ворона. В указатели сюжетов (и мотивов) они не включены.

Вар.: Север: ительм: СНС 1951 516, СНС 1959 480, СНСВ 246, Меновщиков 1974 180, 196, 202; кер: Меновщиков 1974 123; кор: Бабошина 31; чук: Богораз 159, СНСВ 31, Бабошина 38, Меновщиков 1974 104; эск: СНС 1959 508, Меновщиков 1974 38, Меновщиков 1985 36.

№ 14

Кереки: Меновщиков 1974 119.

См. коммент. к предыдущему тексту.

№ 15

Эскимосы: Меновщиков 1985 7.

ТМ К 563 + ТМ К 149.

Популярная эскимосская сказка. Оба трюка классифицируются условно: у Томпсона с северным фольклором они не связаны, а обмен глаза на камень в указателе мотивов не зафиксирован.

евражка — суслик.

Вар.: Север: эск: Бабошина 21, СНСВ 78, 196, Рубцова 26, Меновщиков 1969 32, Меновщиков 1971 44, Меновщиков 1985 135, Пермьяков 107, Голоса 66.

№ 16

Эскимосы: Меновщиков 1985 4.

ТМ J 2413 + ТМ D 651.1 + ТМ К 952.

В сказке разрабатываются популярнейшие ситуации фольклорного животного эпоса: неудачное подражание, спасение с помощью ложного обещания, возмездие за обман — со специфическими для архаического фольклора магическими превращениями.

с тремя полосами на носу — речь идет о татуировке.

Вар.: Север: кер: Меновщиков 1974 123; кор: Бабошина 27, Меновщиков 1974 126; чук: Богораз 102, СНСВ 46, Меновщиков 1974 110; эск: СНС 1951 558 (= СНС 1959 504 = Меновщиков 1969 23), Голоса 76.

№ 17

Эскимосы: Меновщиков 1969 32 (= СНС 1959 503 = Меновщиков 1985 6).

Икеда 249 J.

Как предполагает Г.А.Меновщиков, этот сюжет возник в гипотетической протопалеоазиатской этнической среде и распространился вместе с миграцией племен на новые места обитания (Меновщиков Г.А. Об одном сходном сюжете у эскимосов, юкагиров, японцев и вьетнамцев. — Страны и народы Востока. Вып. 13. Кн. 2. М., 1972). На побережье Тихого океана преобладают варианты, где действуют ворон и сова, в других регионах птицы меняются (ворон и гагара у якутов, ворон и павлин во Вьетнаме, сорока и горная куропатка на Памире), а в Африке пострадал крокодил. Сюжет, вне сомнения, очень древнего происхождения (Е.М.Мелетинский указывает на то, что взаимное раскрашивание птиц — «специфический мотив тотемической мифологии»: Мелетинский Е.М. Палеоазиатский мифологи-

ческий эпос. М., 1979, с. 201–202), но обычная для него этимология давно получила комическую и этическую разработку (ворон стал черным из-за небрежности павлина, зависти совы, тупости совы-красильщицы).

Вар.: **Евр:** рус: Устье 78; **Север:** эск: Меновщиков 1974 45, Меновщиков 1985 139; як: Эргис 22; **Аз:** вьет: Карпов 176, Козел 148; тадж: Памир 80; яп: Японские 105, Десять 301; **Афр:** Судан 313.

№ 18

Эвенки: Василевич–Петрова 9.

ТМ В 292.1; ТМ К 934; ТМ К 346.2; ТМ Х 111.7.

Сказки о проделках лисы над волком, стариком, росомахой составляют основу животного эпоса многих народов сибирского Севера: эвенков, эвенов, якутов, долган. Лиса-пастух, съедающая чужое стадо, — один из центральных сюжетов этого цикла. Обманутыми оказываются старик и старуха, у которой лиса выменивает обычно не инструменты, как в публикуемом варианте, а сало. Особняком стоит едва ли связанный с этой традицией памирский вариант, где лиса показывает одну и ту же овцу, съев остальных.

Вар.: **Север:** ор: Аврорин–Лебедева 2; чук: Бабошина 54; эв: Василевич 1, 2, 4, Василевич–Васильев 5, Василевич–Левин 2, СНС 1959 186 (= Пермяков 176), Воскобойников 1958 46; эвен: СНС 1951 283, 291; як: Эргис 9; **Аз:** тадж: Памир 76.

№ 19

Эвенки: Василевич 8.

АТ 10*** + АТ 21 + ТМ К 1311.

В сказке контаминированы популярнейшие на Севере сюжеты. Первый из них, АТ 10***, — тюрко-монгольского происхождения. Из Южной Сибири он распространился по всему Северу, дойдя до Норвегии (именно норвежские варианты отмечены в АТ). Сюжет АТ 21 имеет мировую известность. На Север он пришел, скорее всего, от русских. Но если эскимосские варианты мало отличаются от русских (лиса или песец говорят медведю, что едят собственные внутренности), то у эвенов и долган лиса делает вид, что ест собственный язык (или penis). Последний эпизод известен лишь в немногочисленных северных вариантах.

Вар.: к АТ 10***: **Север:** долг: Ошаров 74, Попов 28; кер: Меновщиков 1971 118; нган: СНС 1951 117; тоф: СНС 1959 558 (= Пермяков 177); тув: Таубе 48, 49; чук: СНСВ 72; эв: Василевич 1, 2, 8–11, 17, Василевич–Васильев 5, Василевич–Титов 22, 54, 62, Ошаров 32, Сергеев 19, Воскобойников 1958 48; эск: Меновщиков 1985 137; к АТ 21 (лишь северные): долг: Попов 28; тув: Таубе 49; эв: Василевич 3, Василевич–Васильев 5; эск: СНС 1951 563, Меновщиков 1974 50, Меновщиков 1985 18; к ТМ К 1311: **Север:** долг: Попов 28; эв: Василевич–Васильев 5.

№ 20

Тофалары: СНС 1959 558 (= Пермяков 177).

(АТ 157) + АТ 10*** + ТМ К 1010.

В популярной на Севере сказке контаминированы два эпизода — отдаленно напоминающая сюжет АТ 157 («Обучение бояться человека») северная версия рассказа о человеке как самом грозном существе и вариант сюжета АТ 10*** (см.

коммент. к предыдущей сказке). Часто лиса «лечит» медведя, прикладывая к его ранам раскаленные камни.

Вар.: к (АТ 157): **Север:** тоф: Шерхунаев 237; чук: Бабошина 20, Меновщиков 1974 106; эск: Меновщиков 1969 38 (= Меновщиков 1974 50), Меновщиков 1985 18, 137, 138; як: Эргис 1, 2, 11.

№ 21

Долганы: Попов 28.

ТМ К 940 + АТ 10* + ТМ К 824 + АТ 15 + АТ 122 F + АТ 10*** + АТ 21 + ТМ К 1311 + АТ 2 + ТМ J 1149.

Сказка представляет сложную контаминацию сюжетов как исконно северных, так и заимствованных, но уже прочно вошедших в повествовательный репертуар народов Севера. Пришлые сюжеты образовали здесь устойчивые региональные версии — как, например, АТ 15: лиса не притворяется повитухой, а съедает припасы, находясь в санях и отвечая незадачливому хозяину, как называются места, по которым они едут. Но всемирно известный сюжет АТ 122 F («Подожди, пока я стану жирнее») на Севере устойчивой версии не имеет (в других регионах их несколько: волк и собака — в басенной традиции, волк и лошадь, волк и ягненок и др. — в разных региональных версиях).

рёлка — гривка, гряда, идущая по болоту.

Вар.: к ТМ К 1311, АТ 10***, АТ 21: см. коммент. к № 19; к ТМ К 940: **Север:** долг: Ошаров 74; эв: Василевич 1, 2, 17, Василевич–Васильев 5, СНС 1951 172; к АТ 10*: долг: Ошаров 74; эв: Василевич 1, 2, 17, Василевич–Васильев 5; к ТМ К 824: кеты: Дульзон 31; нен: Куприянова 2; хан: Ошаров 115; эв: Василевич 1, Василевич–Васильев 5, Ошаров 43; к АТ 15 (северная версия): ор: Аврорин–Лебедева 2; эв: Василевич 5, 7, Василевич–Васильев 5, Ошаров 7, Сергеев 18, СНС 1951 173 (= СНС 1959 187); эвен: СНС 1951 283, 291; юк: СНС 1959 493; як: Эргис 9; к АТ 122 F: **Север:** чук: Богораз 32; эск: Меновщиков 1985 23; **Евр:** лат: Алксните 70, Ниедре 1958 265; рус: Зиновьев 9; удм: Кралина 25; укр: Березовский 152; эст: Сказки финские 36, Эстонские 278; Аз: инд: Зограф 1971 10; тадж: Свод Т291; **Лит-ра:** Эзоп 134, Лафонтен IX 10, Толстой 208; к АТ 2 (северные варианты): ительм: Меновщиков 1974 173; кор: Меновщиков 1974 128; нен: Тонков 208 (= СНС 1951 91 = СНС 1959 81), Щербакова 2; тоф: Шерхунаев 237; тув: Таубе 47, 48, чук: Богораз 157, СНСВ 46, Бабошина 16; эв: Василевич 2, Василевич–Васильев 5, Василевич–Левин 2, Василевич–Титов 22, 62, Воскобойников 1958 46; эск: СНС 1951 563, Расмуссен 142, Рубцова 23, Меновщиков 1985 137, 138; юк: Иохельсон 8, 26; як: Эргис 8; к ТМ J 1149: долг: Попов 33; ор: СНС 1951 371, Аврорин–Лебедева 2; эв: Василевич–Васильев 5, Ошаров 10, Василевич–Петрова 8, Сергеев 18, 20; юк: СНС 1959 493; як: Эргис 6.

№ 22

Орочи: Аврорин–Лебедева 10.

ТМ К 1867 + (ТМ К 911) + ТМ А 2213.5 + ТМ А 2411.

Сюжет хорошо знаком многим народам Севера. Его устойчивая черта — этиологическая концовка. Остальные элементы варьируются, и это привносит в повествование самые разнообразные акценты — от одобрения проделки старика до осуждения его коварства (за что в долганской сказке бог превратил старика в галку). Оригинальная особенность орочской сказки — социальный акцент: превосходство бедняка над богачом.

юкола — вяленая рыба, заготовленная впрок.

Вар.: долг: Попов 38; нан: СНС 1951 349; ул: СНС 1951 363; эв: Василевич-Козловский 5, Воскобойников 52; эск: Меновщиков 1985 48; як: Эргис 9.

№ 23

Саамы: СНС 1959 23.

АТ 15 + АТ 20 + АТ 8 + АТ 8*.

Известный только у саамов сюжет АТ 8* контаминирован здесь с другими широко известными, но приобретенными у саамов оригинальные черты. Так, сюжет АТ 15 в этом варианте не похож ни на европейские, ни на варианты, составляющие северную версию. Сюжет АТ 20 известен повсеместно, а сюжет АТ 8 — не только в Северной Европе, но и в Америке (Роуб указывает 36 мексиканских вариантов сказки об окрашивании в стogu сена или в сухой траве — с лисой, койотом, кроликом).

Вар.: к АТ 15: см. коммент. к № 21; к АТ 20 (северные): нган: СНС 1951 117; саамы: Чарнолуцкий 202; хан: Лукина 97; к АТ 8: **Евр:** саамы: Керт 155; даг: Кавказ 48; рус: Новиков 1971 54; к АТ 8*: саамы: Керт 157.

№ 24

Саамы: Керт 156.

АТ 8***.

Популярная саамская сказка, в которую обычно включаются и другие эпизоды (АТ 8*: лиса обменивает обгорелые кости медведя на оленя; АТ 8***: лиса подговаривает животных убить северного оленя и затем разгоняет их).

пойда — сало.

Вар.: саамы: Керт 157.

№ 25

Эвены: СНС 1959 260.

ТМ А 2217.2; А 2413.2.

Ареал этого сюжета очень широк: он известен не только повсеместно в Сибири и на Крайнем Севере, но и индейцам США, откуда пришел и в негритянский фольклор. Кроме бурундука в этом сюжете выступают белка, горноста́й, росомаха, которых медведь погладил с лаской или в гневе. С другой стороны, этиология расцветки животных порой настолько элементарна, что мотив полос на спине от чужой лапы мог легко «самозародиться» у разных народов. Ср., например, бушменский текст: «Лев пришел к водоему. Из воды вылезла лягушка и стала над ним насмехаться. Лев хотел убить ее, но только поцарапал ей спину. Лягушка быстро прыгнула в воду, но с тех пор у нее на спине черные полосы» (Котляр 21).

Вар.: аз: алт: Танзаган 33, 57; бур: Магай 1968 17, Потанин 1883 181 9-а; кеты: Алексеенко 143; нив: СНС 1959 385; тоф: Шерхунаев 230; хак: Балтер 87; Север: эв: Василевич 11, Ошаров 38, Сергеев 32; юк: СНС 1959 489 (= Иохельсон 66); Ам: негры США: Пермяков 157; **Евр:** рус: Морохин 11.

№ 26

Ненцы: СНС 1959 82.

(ТМ К 869.2) + ТМ F 912 (= ТМ К 952) + ТМ К 171.

Из трех эпизодов, составляющих эту сказку, наиболее популярен в фольклоре народов Севера второй: проглоченная мышь губит оленя (у палеоазиатов — горностай и медведь). Его связывают с древним мотивом проглатывания, восходящим к обрядам посвящения и нередко демонстрирующим шаманскую ловкость архаического трикстера. Ворон, превратившись в хвойную иглу, проникает внутрь волка (Меновщиков 1974 126), Богомол-Цагн входит в пупок слоники, чтобы спасти свою племянницу газель (Котляр 93), койот побеждает великанов, забираясь внутрь чудовищ (Всевидающий глаз 32, 60). В индийских сказках остался популярным сюжет о проникновении шакала во внутренности слона (АТ 68).

Вар.: Север: нен: Тонков 201 (= СНС 1951 87), Ошаров 192; хан: СНС 1959 51, Ошаров 129; чук: СНС 1951 434, Меновщиков 1974 107.

№ 27

Якуты: Эргис 20.

ТМ А 2482 + ТМ А 2494. 13

Указанные мотивы не исчерпывают содержания этой сказки, популярной у народов Сибири — от Монголии до Якутии. Этиологический мотив — почему журавль во время перелетов несет на себе птичку будэнэ (богоргоно) — обрастает многими эпизодами, среди которых чаще других появляются рассказы о беркут-обманнике, poslanном на поиски хорошей страны на севере, и о любовной связи чирка с женой беркута.

Вар.: алт: Потанин 1883 185 20-б, Танзаган 54; бур: Потанин 1883 174 2-д, Элиасов 1973 90, 95; эв: Мыреева-Романова 328, Сергеев 34; як: Потанин 1883 185 (= СНС 1951 623 = СНС 1959 567), Эргис 19.

№ 28

Кеты: СНС 1959 173 (= Алексеенко 23).

АТ 232.

В указателе Аарне-Томпсона сообщается о десяти финских и одном польском варианте этого сюжета. Н.П.Андреев дает формулировку сюжета в русском указателе, но русскому фольклору он не известен. Украинская «сказка» о кулике из собрания И.П.Березовского — плод любительского сочинительства (ВСС 232). Польская (точнее, кашубская) сказка — о другом: ворона уговаривает чайку остаться на зиму — у той мерзнут ноги. Регион, где этот сюжет живет полнокровной жизнью, — это Сибирь.

Вар.: алт: Танзаган 60; кеты: Алексеенко 24; тоф: Шерхунаев 245; шор: Дыренкова 51; хан: Ошаров 144, Лукина 17; эв: Ошаров 42, Василевич-Рычков 3, СНС 1951 176 (= Воскобойников 1958 54), Сергеев 34, Воскобойников 1973 11; эвен: СНС 1959 258.

№ 29

Мампруси: Анпеткова-Шарова 16.

АТ 68 + ТМ J 2136.5.

Здесь контаминированы два сюжета. Первый — явно индийского происхождения (С.Томпсон указывает исключительно индийские варианты). Можно считать, что в Африке он породил все же достаточно оригинальную версию, где нет ни дружбы шакала со слоном, ни полонившей шакала ссохшейся шкуры слона, ни

притворства шакала божеством. У трикстера появляется незадачливый партнер, погибший из-за жадности и несообразительности. Африканская версия распространилась и в Америке — с теми же деталями, но зайцем и медведем в качестве партнеров. Завершающий сказку эпизод — украденная горячая пища жжет голову пауку — известен лишь в Африке. Этиологический акцент здесь не обязателен.

набиа — царский сын.

вари — игра в камешки.

кундунгу — волк.

дуку — глиняный сосуд.

Вар.: к АТ 68 (афр): Маврикий 2; к ТМ J 2136.5: аш: США 1976 63; мам: Анпеткова-Шарова 34.

№ 30

Хауса: Лионго Фумо 266.

ТМ Z 43.6 (ср. АТ 231*).

Построенная по кумулятивному принципу, эта сказка имеет и другие мотивировки проделки паука — в частности, таким образом он освобождается от долгов. Распространенная в основном в Западной Африке, эта сказка попала и в Америку.

Коллективная работа (гайа) организуется для строительства дома и других трудоемких работ.

Вар.: Афр: бау: Аура Поку 120; аш: США 1976 109; хау: США 1959 215; эве: США 1959 175; Ам: Бразилия 76.

№ 31

Ашанти: США 1976 65.

ТМ K 1867.1 + АТ 175.

Контаминация двух сюжетов — о мнимой смерти трикстера и всемирно известного сюжета о смоляном человечке — обычна для африканского фольклора. Сюжет АТ 175 («Смоляной человечек и кролик») бытует в нескольких регионах. Большинство вариантов отмечено в Африке и Америке, хорошо известен он в Индии и Юго-Восточной Азии. Его знают на Пиренейском полуострове. Это дало возможность Эспинозе заявить об индийском происхождении сюжета, мигрировавшего затем в Африку и в Испанию, а оттуда, двумя путями, в Америку. М.Херсковитц исключает Испанию: в Африке эта сказка известна повсеместно, и отсюда она попадает и в Америку, и в Европу.

Вар.: к ТМ K 1867.1: Афр: мам: Анпеткова-Шарова 18; нил: Судан 176; Сенегал 144; эве: США 1959 174; к АТ 175 (африканские): аш: США 1976 57; бак: Ангола 91, 128, Конго 42; бари: Харузина 129; бас: Лионго Фумо 256; зулу: Снеггрев 35 (= Лионго Фумо 361 = США 1976 239); иранги: США 1976 57; йор: Фуджа 120; Маврикий 1; Мадагаскар 84; мам: Анпеткова-Шарова 18; мбу: Ангола 226; нил: Судан 237; пеп: Бисау 35; Сенегал 144; эве: США 1959 154, 174.

№ 32

Ашанти: США 1976 66.

Ср. АТ 1088.

Эта сказка, мотивы которой не поддаются убедительной классификации по указателю, популярна у группы народностей акан, в Западной Африке. Много ее

вариантов в знаменитом собрании Л.Фробениуса «Атлантис». Основным персонажем остается обычно паук (ананси), но соперники его варьируются (хамелеон, белка). Этиологический мотив факультативен.

Вар.: **Афр:** фан: Харитонов 14.

№ 33

Хауса: Лионго Фумо 261.

Ср. Бедкер 349 + ТМ J 1806.

Из мотивов, составляющих эту сказку и не поддающихся надежной классификации по Томпсону, наиболее популярны первый и последний. История о горшке с дерьмом вместо меда, принесенном в подарок вождю, хорошо известна африканскому фольклору (встречается она и в других регионах, только без вождя). Но еще известнее заключительный эпизод: пока гиена бегает за огнем к закату, мясо утащено. Его знают и в Африке, и далеко за ее пределами: трикстер отправляет ягуара к звезде у южноамериканских индейцев, во Вьетнаме таким образом одурачен тигр, а у народов Поволжья лиса посылает медведя за огнем к звезде или луне, он взбирается на ель, падает и разбивается. Региональная «разбросанность» сюжетов и отсутствие промежуточных звеньев позволяют предположить его независимое происхождение в разных центрах.

Вар.: **горшок с «медом»:** **Афр:** хау: Лаптухин 16; к ТМ J 1806: **Афр:** ки-нури: Лионго Фумо 327; нил: Судан 137; Ангола: Некрасова 35; Ам: Зиберт III 10 (= Бразилия 205), Пермяков 323; **Аз:** вьет: Козел 212; **Евр:** мари: Четкарев 1955 171; чув: Чувашия 213.

№ 34

Балуба: Конго 77 (см. также: США 1976 102).

АТ 967 (ТМ В 523.1); ТМ В 364.

В европейском фольклоре так обычно спасен человек (в еврейской версии — Соломон). В фольклоре африканском трюк связывается с персонажами-животными. *брусса* — кустарниковая саванна.

№ 35

Мампруси: Анпеткова-Шарова 35.

В большинстве вариантов этой известной африканской сказки, не попавшей в каталоги Томпсона, высмеяны именно претензии паука на исключительную мудрость, причем всегда его посрамляет «меньший» (мальчик, собственный маленький сын, женщина).

патыринарга — паук.

Вар.: **Афр:** аш: США 1976 69; бау: Аура Поку 90.

№ 36

Бауле: Аура Поку 94.

ТМ J 2425.

Ситуация «неудачного подражания» связана здесь с магическими способностями червяка — особенность, теряющаяся в последующем развитии этой ситуации (ср. АТ 85). Сходные сюжеты известны в американском фольклоре.

Вар.: Афр: нил: Судан 217 (паук и слон); мам: Анпеткова-Шарова 19 (паук и кузнечик).

№ 37

Мампруси: Анпеткова-Шарова 31.

ТМ С 410, С 491, С 920.

Сказка относится к группе сюжетов, связанных с запретом задавать вопросы. Трикстер, использующий этот запрет в своих целях, сам в конце концов становится жертвой его нарушения.

Вар.: Афр.: бай: Аура Поку 104 (= Пермяков 113), Сенегал 133.

№ 38

Хауса: СНА 1976 70.

ТМ К 475 + ТМ L 210 + ТМ К 1821.2; ТМ К 2320.

В сказке контаминированы три сюжета, легко вступающие в разные конфабуляции.

Вар.: к ТМ К 475: бак: Ангола 34; бай: Аура Поку 73; йор: Фуджа 113; хау: Лаптухин 15; к ТМ L 210: хау: Лаптухин 16; к ТМ К 1821.2: Сенегал 127; хау: СНА 1959 216.

№ 39

Бамана (бамбара): Frobenius VIII 82.

Руб 74*Е (= Хансен **74 X, **74 Z).

Цикл трудных задач, выполняемых зайцем для того, чтобы стать вождем (получить в жены дочь вождя, добыть у бога хитрости или просто стать больше, чем он есть), очень обширен. Задачи эти может решать и паук, получающий в награду от бога сказки. Кроме тех, о которых рассказывается в сказке бамана, часто встречаются такие: выдернуть зуб у слона, набрать слез у оленя, достать шкуру леопарда, принести печень шакала и льва. Сказка особенно популярна в Западной Африке. Отсюда она попала в Америку, где и зафиксирована в указателях Хансена и Руба. Одна из задач — наполнить мешок воробьями (мухами) — встречается в латышском фольклоре, независимо от африканских сказок.

Мангала (Манкала) — божество древних бамана (от «аллах»).

Домба — прародитель бамана.

маса — вождь.

Зонзанни — заяц.

Сурукку — шакал.

Вар.: Афр: аш: СНА 1959 57; бай: Аура Поку 80; ман: Бисау 58; пеп: Бисау 38; Сенегал 171; хау: СНА 1959 222; Ам: Однажды 35; Евр: лат: Анцелане 79, Арайс 188.

№ 40

Суахили: СНА 1959 74.

Хансен **74 R (ср. АТ 55).

Сказка о колодце зверей популярна в Африке и Америке. Завершается она обычно наказанием зайца и его спасением. В каталоге Аарне-Томпсона пред-

усмотрен «универсальный» номер для всевозможных вариантов спасения схваченного трикстера — 122 Z. Сюда можно отнести и трюк с легко рвущейся веревкой (ср. также АТ 1310).

Вар.: **Афр:** Ангола: Некрасова 39; бак: Конго 42; гот: Харузина 82 (шакал); ира: Коль-Ларсен 1963 44; кам: Лионго Фумо 231 (= США 1976 80); кик: Лионго Фумо 203; Маврикий 1; **Ам:** Бразилия 84; **Евр:** лат: Арайс 183.

№ 41

Кикуйю: Лионго Фумо 210.

ТМ К 1035 + АТ 5 + АТ 73.

Все сюжеты, составившие эту сказку, очень популярны в африканском фольклоре. Трикстер расправляется со своим противником, спуская на него с горы камень, а тот разевает рот пошире и убит — эта проделка знакома и сказкам Индии и Японии. Сюжет АТ 5 обычен в европейском фольклоре (но на подходе к Восточной Европе его популярность угасает, а русские его вообще не знают), но особенно любим он в Африке. К тому же трюку охотно прибегают трикстеры в фольклоре Индии, Латинской Америки. Трикстеры широко варьируются: лиса убегает от волка, собаки, медведя (албанские, болгарские, немецкие, польские, финские, румынские, украинские сказки), шакал скрывается от крокодила (Индия), в Африке эту проделку используют заяц, черепаха, паук (а у чагга человек прячется в норе от слона), койот хватает кролика за ногу (индейцы Америки), волк обманут черепахой (Пуэрто-Рико). Гораздо менее распространен сюжет АТ 73. Лишь единичные его варианты отмечены в Европе (Испания, Югославия). Его основной регион — Африка, откуда он занесен в Центральную и Южную Америку: трикстер (обыкновенно заяц или кролик) бросает в глаза сторожу грязь или табак.

Вар.: **к АТ 5:** **Евр:** алб: Албанские, 262; болг: Болгария 173; молд: Ботезату 54; норв: Асбьернсен-Му 159; слов: Богатырев 180; укр: ВСС 5, Галица 249; фин: Аарне 78; **Аз:** инд: Зограф 1976 38 (= Пермяков 210), Сингальские 21, 22; **Афр:** ак: Лионго Фумо 231 (= США 1976 80); бас: Лионго Фумо 256; ган: США 1976 86; зулу: Лионго Фумо 361 (= США 1976 239); йор: Фуджа 102 (= Пермяков 200); Маврикий 9; нил: Судан 214; **Ам:** Бразилия 72; **к АТ 73:** **Афр:** бас: Лионго Фумо 256; бау: Аура Поку 80; моро: Судан 288; **Ам:** Бразилия 72, Зиберт III 7.

№ 42

Суто-чвана (басуто-тсвана): США 1959 35.

ТМ К 1867 + АТ 66 В + АТ 2 А + ТМ К 1810 + АТ 56 С + АТ 74 D*.

Цепочка проделок зайца включает несколько популярных в Африке и за ее пределами сюжетов. Добывание пищи трикстером, притворяющимся мертвым, — сюжет, знакомый фольклору многих народов (см. здесь № 22). В Африке это делает обычно лев по подсказке зайца (иногда лев не разыгрывает покойника, а попросту прячется). Не все клюют на этот обман: притворщик выдает себя, пошевелив хвостом. Это также очень популярный сюжет, распространенный в Азии и Африке. Хорошо известен в африканском фольклоре и сюжет о совместном строительстве дома, когда трикстер привязывает партнера или вплетает его хвост и ест мясо на глазах у одуряченного товарища (АТ 2 А). Трюк «показать одного и того же детеныша» входит в сюжет АТ 56 С. Томпсон учел, однако, лишь индийскую версию этого сюжета — о шакале-учителе, а африканские варианты отнес к сюжету АТ 37 (лиса-нянька поедает медвежат), не обратив внимания на содержа-

ние проделки. В Африке часто речь идет о пауке и крокодиле, и трюк видоизменяется: трикстер берется раскрасить яйца крокодила, съедает их, а крокодилу показывает одно и то же яйцо. Сюжет АТ 74 D* (тигр бросает кролика через реку) не обязательно связан с превращением трикстера в камень — тот может просто забраться в ямку и выставить хвост, принимаемый тигром за палку. Этот сюжет известен как в Африке, так и в Америке.

Вар.: к ТМ К 1867: **Афр:** ак: Лионго Фумо 238, 243; Некрасова 84; к АТ 66 В (африканские): нуб: Судан 102; Сенегал 52; к АТ 2 А: см. здесь № 60; к АТ 56 С: бух: США 1976 77; буш: Коль-Ларсен 1962 100; зулу: США 1976 239; моро: Судан 295; нил: Судан 214; хау: США 1976 68; чок: Ангола 280; к АТ 74 D*: Ам: Бразилия 123.

№ 43

Акамба: Лионго Фумо 221.

ТМ К 944 + ТМ К 951.1 (ср. АТ 1131).

Сказка включает два мотива, популярные во многих африканских сказках: договор об убийстве (продаже) матерей (жен) во время голода (см. здесь № 9) и расправу с соперником, когда раскаленный камень брошен в пасть вместо мяса.

Вар.: к ТМ К 944: **Афр:** бал: Бисау 88; ман: Бисау 55; Сенегал 120; фула: Бисау 157; экои: США 1976 108; к ТМ К 951.1: зезуру: США 1976 136; кик: Лионго Фумо 210; ламба: США 1959 48; эф: Ганкин 28, 30.

№ 44

Фула: Бисау 157.

ТМ К 944 + АТ 1525 D.

К популярному мотиву продажи (убийства) матерей (см. предыдущую сказку) здесь присоединяется сюжет с проделкой трикстера, несколько раз прикинувшегося мертвым, — сюжет, не нашедший себе места в указателе сказок о животных. Однако сходным образом поступает ловкий вор, бросающий на дороге сначала один сапог, а потом другой (АТ 1525 D). Не только в Африке, но и в Европе сюжет связывается и с животными-трикстерами, притворяющимися мертвыми, — как в сюжете АТ 1 (например, в греческой сказке лиса таким образом оставляет в дураках священника, идущего с мешком хлеба).

Вар.: к ТМ К 944: см. здесь № 43; к АТ 1525 D: **Афр:** хау: Лаптухин 50.

№ 45

Биафада: Бисау 97.

ТМ К 345 + ТМ К 955.1.

Сюжет о трикстере, утачившем мясо на дерево, включает много эпизодов, которые значительно варьируются, так что в африканском фольклоре нет идентичных по составу сказок с этим сюжетом. Разрабатываются в основном два момента: как простофиля призывает кого-нибудь на помощь (страуса, обезьяну) и как трикстеру удается спастись (например, спрятавшись в калесе).

Вар.: **Афр:** ак: Лионго Фумо 243; Сенегал 16, 151; суа: США 1959 83 (= СНВ 1962 59); хау: Лаптухин 16.

№ 46

Бушмены хадзапи: Коль-Ларсен 1962 99.

ТМ К 851.

В Африке эта история оформляется обычно как рассказ об игре, в которой трикстер губит простофилю. Но сюжет этот легко трансформируется в историю о неудачном подражании. Это происходит и в нашем варианте, снабженном необычной концовкой: вместо того чтобы съесть погубленного приятеля, заяц оживает и дает ему наставления. Чаще всего простофилю обещают научить танцевать, он лезет в траву — трава подожжена (ТМ К 1055) — сюжет, известный от Кореи до Африки.

№ 47

Чоко (Панама): Зиберт V 1.

АТ 34 В* + Роуб *22 + АТ 122 D + Хансен 122 **Н + (АТ 1563).

Вошедшие в эту контаминацию рассказы — разной степени известности. В воду прыгает за сыром обычно одураченный хищник (а не заяц, как указано у Томпсона вслед за Хансен) — версия, популярная в Центральной Америке. История о том, как ягуар бьет себя камнем между ног, — редкая, известная только в Америке. В Европе же подобные проделки входят в круг сюжетов об одураченном волке (АТ 122), и среди них обещание пойманного достать добычу получше — сюжет, знакомый многим народам на всех континентах. История соперничества зайца с человеком в этой сказке находит соответствие в сюжетах бытовых сказок.

кайман — южноамериканский аллигатор.

агути — горбатый заяц.

Вар.: к АТ 122 D: **Евр:** рус, укр, бел: ВСС 122 D, Худяков 45; **Аз:** каз: КС III 220; тадж: Свод Т076, Т225.

№ 48

Креолы: Маврикий 5.

АТ 49 А + АТ 72.

Сказка записана на о-ве Маврикий, где почти все сказки о животных — африканского происхождения. Но сюжет АТ 49 А сложился, скорее всего, в Индии (или Юго-Восточной Африке), тогда как африканское происхождение сюжета АТ 72 едва ли может вызывать сомнение. Поездка кролика верхом на лисе — популярнейший сюжет в фольклоре Южной и Северной Америки. Его записи в Европе единичны и зависимы, по-видимому, от переводов «Сказок дядюшки Римуса» Харриса. Пара трикстер-простофиля в сюжете АТ 72 варьируется. Часто с помощью этого трюка заяц добивается расположения невесты.

Вар.: к АТ 49 А: см. здесь № 123; к АТ 72: **Афр:** буш: Котляр 37; мбу: Ангола 237; хая: США 1959 224; Ам: Зиберт III 7; **Евр:** лат: Арайс 186.

№ 49

Ламба: США 1959 49.

АТ 50* (=АТ 200 В*).

С.Томпсон ввел сюжет АТ 50* на основании единственного варианта из Пуэрто-Рико, отмеченного Т.Хансен. Там праздник для рогатых устроен львом; пес попал туда, так как смог достать рога, а кошке не повезло. Кошка наябедничала

льву, и пса разоблачили и бросили в воду. Этот же сюжет попал в АТ еще раз — на основании трех сказок: одной из Индии и двух из Пуэрто-Рико: АТ 200 В*. Вражда между кошками и собаками объяснена лукавством пса и последовавшим разоблачением. Как показывает этот вариант, сюжет знаком и африканцам, от которых он, скорее всего, мигрировал в Америку.

Вар: **Ам:** куб: Куба 182.

№ 50

Индейцы меномини: Thompson XXV.

(АТ 225) + ТМ К 751 + ТМ J 2136.6 + ТМ А 2317.3.

Все мотивы, составившие эту сказку, популярны в индейском фольклоре. Связываются они не только с зайцем Манабозо, но и с другими трикстерами. Полет Манабозо на канюке — мотив, независимый от европейской сказки о том, как журавль улиз лису летать (АТ 225). Известный в Азии и Африке мотив притворства мертвым у индейцев выглядит как магический трюк: заяц превращается в мертвого оленя. История о том, как канюк лишился перьев на голове и шее, знакома и негритянскому фольклору США.

№ 51

Негры США: Пермяков 161.

(ТМ К 714) + ТМ К 955.1.

Этот текст представляет собой не народную сказку, а новеллу, написанную по мотивам народной сказки американским писателем Дж.Ч.Харрисом (1848–1908). Но, поскольку его «Сказки дядюшки Римуса» сделали негритянские сказки о животных известными широкому читателю и стали восприниматься как подлинные, мы включаем этот текст в фольклорную часть сборника, тем более что имеются фольклорные варианты этого сюжета. Уже в древнем Египте была известна история о льве и дровосеке, посадившем льва за стол и лившем на него с крыши воду-кипяток. В негритянском фольклоре в подобной ситуации оказывается не только волк, но и медведь.

№ 52

- Манджаку: Бисау 20.

АТ 291 + ТМ К 521.7.

Популярная африканская сказка, получившая широкое распространение и в Америке, где появилась новая версия: веревка привязывается к дереву, а не к партнеру. Ситуация «Заяц в сгнившей шкуре» обычно входит в этот сюжет лишь в африканских вариантах.

Вар.: **Афр:** ар: СНВ 1962 29; бак: Ангола 43; бам: СНА 1976 81; Камерун: Харузина 44; Маврикий 6; нгангела: Некрасова 16; хау: СНА 1959 217 (= Пермяков 194); **Ам:** Бразилия 82; негры США: Пермяков 66.

№ 53

Бамбара: СНА 1976 221.

АТ 1565.

В европейском регионе это бытовая сказка о плуте, нарушающем тайком уголок не чesаться. В Африке же это сказка о животных, причем строится она не на

проделке, в результате которой достигается превосходство трикстера над партнером, — это своего рода состязание в хитрости, где партнеры достойны друг друга. Отступление от обычной схемы одурачивания делает возможной моралистическую концовку.

Вар.: Афф: пеп: Бисау 43 (заяц прогоняет комаров); **Ам:** Бразилия 72.

№ 54

Шиллуки: Судан 190.

АТ 136 В*.

С.Томпсон включил этот сюжет в указатель на основании двух латышских вариантов (у Арайса–Медне — десять). Сказка из Африки (с той же этимологией) меняет представление об ареале сюжета.

Вар.: Евр.: лат: Арайс 179.

№ 55

Креолы: Маврикий 10.

ТМ D 950.

Популярная африканская сказка о дереве, название которого способна знать лишь черепаха, имеет мифологические корни: это дерево либо кормит животных (если его правильно назвать), либо оно чудесным образом связано с источником. Нередко для того, чтобы узнать название дерева, от животных требуется соблюдение табу. Однако обзор вариантов показывает, что мифологические подробности исчезают из сказки о животных, превращая неудачливых искателей в типичные фигуры простофиль. Так произошло и в публикуемой креольской сказке.

Вар.: Афф: Ангола: Некрасова 87; балуба: Конго 106, 115; бух: США 1976 77; **Ам:** Бразилия 113.

№ 56

Пампанго: Рыбкин 60.

(АТ 1030) + ТМ К 171.9 + ТМ К 581.1.

Три эпизода, составляющие эту сказку, хорошо известны во многих странах. Первый отдаленно напоминает сюжет АТ 1030 («Вершки и корешки»), второй — это переработка мотива ТМ К 171.9 (обезьяна обманывает лису при дележе бананов), третий же выступает в «чистой» форме — это мотив ТМ К 581.1: черепаха наказана утоплением (ср. АТ 1310). Последний имеет хождение в Азии (кроме Филиппин, в Индии, Индонезии), особенно широко — в Африке, а также в Америке.

Вар.: к ТМ К 171.9: **Аз:** вьет: СНВ 1962 107, Козел 212; **яп:** Японские 50 (обезьяна и краб); **Лит-ра:** Крылов IX 7 (два мальчика с каштанами); к ТМ К 581.1: **Аз:** индонез: Брагинский 29, 37; **Афф:** лунда: США 1959 70 (= Пермяков 203); Мадагаскар 56; мбу: Ангола 213; **Ам:** Куба 124.

№ 57

Индейцы тупи: Зиберт III 3.

ТМ А 2214.5.1 (=ТМ А 2312.1.1).

Сюжет африканского происхождения. Сказка о черепахе, попавшей на небо, сильно варьируется: черепаха отправляется и к богу, и к молнии, и к ястребу. Бы-

вает, что проигравшая в споре птица бросает черепаху — отсюда особенности ее панциря.

Вар.: **Афр:** баньянга: Конго 207; бух: США 1976 76; мамп: Анпеткова-Шарова 21 (=Пермяков 204); **Ам:** Бразилия 109 (жаба); Куба 158.

№ 58

Индейцы пауни: Thompson XXXVIII.

АТ 297 А + ТМ К 581.1.

Сюжет АТ 297 А распространен в индейском фольклоре Северной Америки. Зарегистрирован он и в Японии. Это своего рода «пессимистическая» версия сюжета АТ 210, когда дружине странных предметов и животных удается сломить врага. Связь между этими сюжетами не доказана, но весьма вероятна. Мотив К 581.1 (ср. АТ 1310) встречается у многих народов Азии, Африки, Америки (см. здесь № 56), и его заимствование индейцами очевидно.

№ 59

Готтентоты: США 1959 8.

ТМ J 2136.6.1 + ТМ К 361.1 + ТМ К 1034 + ТМ К 951.1 (ср. ТМ К 721.1).

Из составляющих сказку мотивов первый напоминает известную индийскую историю о шакале и слоне (АТ 68), но едва ли как-нибудь с ней связан. Следующие два известны преимущественно в Африке.

Вар.: к ТМ К 951.1: см. здесь № 43.

№ 60

Коса: Лионго Фумо 359.

АТ 2 А (ТМ К 1021.1).

Сюжет известен достаточно широко (Индия, Индонезия, Африка, Америка), но записей его немного. Обычно простофиля, хвост которого привязан, делается легкой добычей трикстера. В африканских вариантах трикстер съедает мясо на глазах у привязанного льва (гиены).

Вар.: **Афр:** зулу: Снегирев 35 (= Лионго Фумо 361 = США 1976 239); Сенегал 120; сут: США 1959 35.

№ 61

Индейцы тупи: Зиберт III 2.

АТ 78 А + Роуб 74*F (=Хансен **74 D).

История с маскировкой зайца (=опоссума), запугавшего тигра, — одна из любимых в латиноамериканском фольклоре. Она родственна сказке о зайце-бездельнике, отказавшемся рыть колодец, но нашедшем доступ к воде (Хансен **74 R). Корни ее — в африканском фольклоре. Тип 78 А встречается в Африке и Юго-Восточной Азии, но наибольшей популярностью пользуется в Америке (не только у индейцев, но и негров). Связь его со стоящим рядом в указателе типом 78 представляется сомнительной: в одном случае животное привязывается к другому для храбрости, в другом — это результат проделки трикстера.

Вар.: к АТ 78 А: **Ам:** Бразилия 72; **Афр:** ар: СНВ 1962 33; **Аз:** индонез: Островский 34.

№ 62

Астеки: Зиберт VI 3.
АТ 1530 + АТ 74 С*.

Сюжет АТ 1530 в европейском фольклоре связан с проделками хитрецов в чело-веческом облике, а в Африке и Америке — с трикстерами-животными: зайцем, шакалом, лисой, койотом. Мотив «Я не тот, кого ты ищешь» в фольклоре народов Азии, Африки и Америки встречается довольно часто в прикреплении к разным сюжетам. Сюжет 74 С* (трикстер бросает плод с дерева и едва не убивает просто-филю, или же плод застревает у него в глотке) — один из наиболее популярных в Мексике и Центральной Америке (Роуб указывает 37 вариантов), а также в Юж-ной Америке (Чили, Перу). Известен он и в Африке. В европейском фольклоре он встречается редко (по одному-два варианта в Бельгии, Испании, Югославии) и получил особый номер в указателе — АТ 136: поросенок забирается на яблоню, волк позволяет ему спуститься, если поросенок пожертвует своей ляжкой, поросе-нок бросает в пасть волку корягу, которая раздражает тому пищевод.

Вар: к АТ 1530 (животные-трикстеры в Африке и Америке): **Афр:** ак: Лионго Фумо 230; гот: Харузина 82; сут: США 1959 40; **Ам:** аймара: Зиберт IV 1; яки: Зи-берт VI 4; к АТ 74 С*: **Афр:** нузы: Судан 180.

№ 63

Мальгаши: Мадагаскар 54.
ТМ К 341.2.2; К 343.3.

Ситуация, в которой животные идут в гости и одно поедает угощение, а дру-гое голодает, обычна для африканских сказок (см. здесь № 38) и американского фольклора. Обычен и следующий сюжетный ход: хитрец наказан более пред-усмотрительным компаньоном.

вуаницира — ласка.

фаналука — циветта, куница.

фосса — дикая кошка.

ра — приставка перед именами.

фахана — птицы или животные, преподносимые гостям в подарок.

Вар.: **Афр:** мбу: Ангола 267 (заяц и леопард).

№ 64

Балуба (луба): Конго 75.
ТМ К 81; К 1723.

Сказка популярна в Африке, где слон уstraшен обычно не козлом, а курицей (петухом), не перестающей клевать. Версия с постоянно жующим козлом известна не только в Африке, но и в негритянском фольклоре США. Сюжет изредка встре-чается на Кавказе и в Средней Азии.

Вар.: **Афр:** йор: Фуджа 64; мам: Анпеткова-Шарова 14; хау: Лаптухин 19; **Ам:** Однажды 48; **Аз:** узб: Афзалов 24 (=Пермяков 78); **Евр:** абаз: Тугов 23.

№ 65

Камба (акамба): Лионго Фумо 220 (=США 1976 99).
ТМ J 2413.4.2.

Одна из популярнейших африканских сказок. Кроме трюка «отрезанная голова» не менее часто встречается трюк «отрезанная лапа». В роли трикстера обычно выступает петух (курица), антагонисты же варьируются — от кота до ястреба или слона.

Вар.: **Афр:** балуба: Конго 100 (= СНА 1976 91); бан: Конго 212; бас: Лионго Фумо 260; бурунги: Пермяков 348; суа: СНА 1959 92; **Ам:** Однажды 86.

№ 66

Эве: СНА 1959 168 (= Харузина 36).

ТМ А 2433.

Сказка о строительстве дома партнерами, не ведающими о совместной работе, широко распространена в Африке и занесена в Америку. Партнеры варьируются, как и развязка (продолжают жить вместе, трикстер выживает простофилю).

Вар.: **Афр:** ак: Лионго Фумо 254; бак: Ангола 123; балуба: Конго 66; ламба: СНА 1959 50; хехе: СНА 1976 82; **Ам:** Бразилия 120.

№ 67

Зомбо (баконго): Ангола 8.

ТМ В 236; В 240.

Известная повсеместно в Экваториальной Африке сказка о выборе вождя построена на комическом обыгрывании повадок животных. Состав претендентов в вожди меняется: чаще всего рассказывается о собаке, грызущей кости, а остальные животные встречаются реже. Кроме упомянутых в публикуемом варианте, говорится также о гиене, низложенной за пожирание падали.

Вар.: **Афр:** балуба: Конго 120; беджа: Судан 122 (= Пермяков 114); мбу: Ангола 242.

№ 68

Луба (балуба): СНА 1976 31 (др. пер.: Конго 118).

(ТМ А 2513.1.1).

В этом сюжете рядом с собакой появляются разные животные. Сходная сказка — о курице, посланной цесаркой за огнем. За пределами Африки сказка встречается редко (в Китае вместо собаки и шакала — барс и кошка).

Вар.: **Афр:** ак: Лионго Фумо 219; бак: Конго 45; балуба: Конго 169; бангала: Конго 144; бау: Аура Поку 61; мбу: Ангола 243; суа: Лионго Фумо 18; **Аз:** кит: СНК 456.

№ 69

Зомбо (баконго): Ангола 7.

ТМ К 171.9 + ТМ К 955.

Сохраняя схему сюжета, африканские сказки варьируют трикстеров (лягушки, жаба, черепаха).

нгуа-нкаси — дядя по матери.

Вар.: **Афр:** Ангола: Некрасова 64; балуба: Конго 86 (= СНА 1976 103); мальгаш: Мадагаскар 56; суа: СНА 1959 89; **Ам:** Бразилия 104; Однажды 33; **Аз:** см. здесь № 56.

№ 70

Нтанду (баконго): Ангола 111.
(ТМ А 2493.14); (ТМ А 2494.12.9); (ТМ Х 130).

Тема дружбы, прекращенной вследствие коварства одного из партнеров, обычна в животном эпосе Африки. В указателях АТ и ТМ этой сказки мы не нашли и определяем ее лишь по сходным мотивам. Сюжет распространен в Западной Африке.

Вар.: Афр: бак: Курлендер 16; пеп: Бисау 32.

№ 71

Тонга: Океания 147.
(АТ 204) + (АТ 4*); ТМ А 2494.16.7.

Крыса — основной трикстер немногочисленных океанийских сказок о животных. Она оставляет в дураках осьминога, краба, летучую собаку, черепаху. Хотя мы воспользовались указателем АТ, связи океанийской сказки с отмеченными типами чисто внешние. Сказка об овце, утке и петухе, попавших в беду на море (АТ 204), популярна в Дании, известна немцам, норвежцам и финнам, а сказка о лисе, которая гадит на волка в ситуации «битый небитого везет» (АТ 4*), известна в Латвии.

Вар.: Ок: Полинезия 137, Фиджи 124.

№ 72

Украинцы: Чубинский П 38.
ТМ К 143 + АТ 158 + АТ 1 + АТ 2 + АТ 3 + АТ 4.

В эту характерную для восточнославянских сказок контаминацию вошли популярнейшие сюжеты европейского фольклора. Самые известные из них — АТ 1 и АТ 2: о лисе, прикинувшейся мертвой, и о волке, ловившем рыбу на хвост. Особенно любимы они в Центральной, Северной и Восточной Европе. Встречаются они уже в средневековом животном эпосе («Изенгрим», «Роман о Ренаре»), причем в устойчивой связке. В Южной Европе волк не ловит рыбу на хвост, а привязывает к хвосту корзину (АТ 2 В).

Исследовавший этот сюжет К.Крон признал его родиной Северную Германию, откуда он ушел в Скандинавию, Россию и на юг. Распространенное мнение, будто первоначально в этом сюжете лиса дурачила медведя и что это была сказка этиологическая («Почему у медведя короткий хвост»), не имеет достаточного основания: в большинстве вариантов речь идет о волке (как и в животном эпосе средневековья). Гипотеза В.Юнгмана о византийском происхождении сюжета остается недоказанной. Из Европы сказка разошлась по другим частям света — с заменой трикстеров (кролик, шакал, одуроченных (обезьяна, лиса) и объектов кражи (вплоть до арбузов и бананов вместо традиционной европейской рыбы). Среди сотен вариантов сказки АТ 1 + АТ 2 можно выделить несколько версий. Так, волк решает повторить проделку лисы и тоже притворяется мертвым, но мужик ударяет его топором (немецкие и французские варианты). В японских вариантах лиса оказывается оборотнем: она превращается в девушку, кокетничает с возницей, он сажает ее на телегу, а потом обнаруживает, что нет ни девушки, ни рыбы.

Иногда к сюжетам АТ 1 и АТ 2 присоединяются, образуя цепочку похождений лисы, сюжеты АТ 3 и АТ 4.

Сказка о зверях в саях у лисы (АТ 158) долгое время считалась типично русской (Л.З.Колмачевский писал более ста лет назад: «Совершенно самостоятельной формацией, образовавшейся на русской почве, представляется рассказ о катании лисы на санках»). Однако ее хорошо знают в Германии, Финляндии, Прибалтике и Поволжье. В русских вариантах лиса рубит дерево на сани, приговаривая заклятие, — деталь, отсутствующая и здесь, в варианте украинском, где вместо обычного набора зверей в саях едет один волк.

Сюжет АТ 158 чаще является в восточноевропейском фольклоре продолжением сказки о лисичке со скалочкой (АТ 170). Здесь в роли начального эпизода выступает другой сюжет, не нашедший места в указателе, но весьма популярный у восточных славян: лиса выменивает бычка на пирожок с навозом (см. ТМ К 143).

Вар.: к ТМ К 143: **Евр:** дарг: Даргинские 13; лит: Королева 15; рус: Зеленин Вят 120, Прибалтика 200; укр: Афанасьев 4, 6, Рудченко II 4, Бессараба 20, Гнедич IV 1508, Гринченко 20; бел: Шейн II 4, 6, Федеровский II 22, Романов II 21, 23; сербы: СНЮ 229; Аз: узб: Афзалов I 26; к АТ 158: **Евр:** кар: Конкка 1959 51, Конкка-Тупицына 4; коми: Коми 84; лат: Алксните 58, Арайс 85, 93, 124; лит: Королева 15; мари: Четкарев 1955 144; морд: Мокша 33; рус, укр, бел: ВСС 158, Боровик-Мирер 8, Митропольская 1, Кирюхин 9, Зиновьев 6, Онегина 31, 40, Устье 2, 45, Пудож 30, 37, Ончуков Неизд шокш 27, Сибирь 45, 49; удм: Верещагин 1886 131, Первухин 7, 8, Кралина 30; фин: Сказки финские 4; к АТ 1: **Евр:** болг: Болгария 151; груз: Курдованидзе 1; кар: Конкка 1963 1, 2, 4, Конкка-Тупицына 1; лат: Ниедре 1948 34, Алксните 42, Арайс 98, 118; лит: Королева 12; мари: Четкарев 1955 76; морд: Евсеев 12; пол: Глинкин 32; рус, укр, бел: ВСС 1, Разумова-Сенькина 57, Ефремов 159, Митропольская 7, Морохин 1, Леонова 1, Зиновьев 1, Онегина 67; сербы: СНЮ 229; фин: Аарне 78; чув: Григорьев 28; **Север:** ительм: Меновщиков 1974 173; кор: Меновщиков 1974 128; нен: СНС 1951 91 (= Тонков 208 = СНС 1959 81), Щербакова 2; саамы: Керт 157; чук: Богораз 104; эв: Василевич 3, 6, Воскобойников 1958 46; юк: Иохельсон 26; як: Эргис 8; Аз: айс: Матвеев 296; баш: Бессонов 78; белуджи: Зарубин II 6; бирм: Маунг 29, Бирма 1976 37; каз: Смирнова 70 (= Потанин 1972 173); кхм: Камбоджа 87; тат: Насыров-Поляков 8; хак: Катанов 127; **Афр:** гот: Блик-Каллуэй 15; **Лит-ра:** Ренар III 22, Рейнеке 18; к АТ 2: **Евр:** бельг: Барбовер 273; кар: Конкка 1959 123, Конкка 1963 2, 4, Конкка-Тупицына 1; лат: Ниедре 1948 34, Арайс 98, 117, 118, 119; лит: Королева 12; мари: Четкарев 1955 76; молд: Богезату 54; морд: Евсеев 12; норв: Норвегия 82 (= Скандинавия 163); рус, укр, бел: ВСС 2, Зеленин Вят 120, Боровик-Мирер 5, Разумова-Сенькина 57, Ефремов 159, Митропольская 6, Морохин 1, Леонова 1, Зиновьев 1, Онегина 67, Сибирь 45, Тверь 234, Ончуков Неизд шокш 2, 21, Новгород 28, 29; фин: Аарне 78; чув: Григорьев 28; **Кавказ:** абаз: Тугов 1; груз: Курдованидзе 1, 12; кум: СНД 10; осет: Бязыров 41; Аз: айс: Матвеев 296; баш: Бессонов 78; корейцы: Феи 338; монг: Потанин 1883 158; тадж: Свод Т217; тат: Насыров-Поляков 8, Замалетдинов 18; туркм: Стеблева 1969 1; хак: Катанов 127; **Север:** см. коммент. к № 21; **Ам:** Однажды 67; **Афр:** нуэры: Судан 169; **Лит-ра:** Ренар III 377, Рейнеке 215; к АТ 3 и АТ 4: см. коммент. к № 75.

№ 73

Французы: Франция 6.

АТ 2 В + АТ 40 В* + АТ 15* + АТ 121.

Составившие эту сказку сюжеты довольно редки (кроме последнего). Смысл проделки с корзиной во французской сказке не понят: лиса наполняет ее камнями

вместо рыбы — волк остается без хвоста. Этот сюжет зарегистрирован у испанцев и греков, но был известен уже в средние века и вошел в басни. Сюжет АТ 40 В* засвидетельствован только во французском фольклоре (и франкоязычной Канаде). История с мясом, утащенным на дерево, поразительно напоминает африканские сказки и лишь условно отвечает типу АТ 15* — вообще говоря, случайному, введенному в указатель на основании единственной финской сказки. Сюжет о зверях, образующих пирамиду, — один из интернациональных. В Индии это обыкновенно тигры, в Европе — волки, взбирающиеся один на другого, чтобы достать добычу (в Индии — козла, в Европе — человека). Французские варианты представляют противником волка то лису, то дровосека.

Вар.: к АТ 2 В: Лит-ра: Эзоп (Ромул 49); к АТ 121: см. коммент. к № 166.

№ 74

Немцы: Haltrich № 102–103.

АТ 2 D.

Сказка известна в основном в Центральной Европе (немцы, французы, венгры, есть варианты из Прибалтики). Нередко она рассказывается как продолжение истории о неудачной ловле волком рыбы на хвост.

Вар.: Евр: лат: Арайс 103.

№ 75

Лужичане: Романенко 120.

АТ 34 В + АТ 3 + АТ 4.

Сказка о волке, выпившем воду из колодца, чтобы достать сыр, у Томпсона отмечена в двух вариантах — испанском и польском. Но она хорошо знакома западным и южным славянам, а испанская сказка широко распространилась в Латинской Америке (Роуб указывает восемь ее мексиканских вариантов). Сюжеты АТ 3 и АТ 4 обычно выступают вместе и чаще как продолжение рассказа о ловле рыбы на хвост (АТ 2). В Европе эти сказки знают повсеместно. С сюжетом АТ 3 на севере Европы связывается этимологический мотив — почему у лисы кончик хвоста белый. Сказка о притворной болезни трикстера есть и в других регионах (так, у японцев кролик дурачит обезьяну и выдру, вызывая затем их жалость мнимой болезнью: см. Икеда 3). Особенно популярен этот сюжет в Латинской Америке, где кролик-трикстер едет на крокодиле, ягуаре, койоте и лисе. В некоторых редакциях романа о Ренаре и в немецких фольклорных вариантах Лис едет верхом на волчке и блудит с ней.

Вар.: к АТ 34 В: Евр: лат: Арайс 102; пол: Глинкин 32; сербы: СНЮ 229; Ам: аймара: Зиберт IV 1; кохити: Пермяков 63; к АТ 3: Евр: болг: Болгария 173; кар: Конкка 1963 4; лат: Арайс 116, 119; морд: Евсевьев 12; пол: Глинкин 32; рус, укр, бел: ВСС 3, Никифоров 46, Зиновьев 1, Морохин 1, Сибирь 45, Ончуков Неизд. шокш 21, Новгород 28; слов: Богатырев 180; фин: Аарне 78; Аз: тадж: Свод Т011; тиб: Потанин 1912 20 (3); к АТ 4: Евр: болг: Болгария 173; кар: Конкка-Тупицына 1; лат: Арайс 119; нем: Гриммы 74; пол: Глинкин 32; рус, укр, бел: ВСС 4, Ефремов 159, Зиновьев 1, Морохин 1, Сибирь 45, Ончуков Неизд шокш 21; сербы: СНЮ 229; слов: Богатырев 180; чув: Чувашия 64; Аз: тадж: Свод Т011, Т365; Север: эв: Сергеев 18; Афр: суг: СНА 1959 40.

№ 76

Латыши: Арайс 116.

АТ 3 + АТ 21*.

Из двух сюжетов, составивших эту сказку, первый — «Лиса вымазывает голову тестом (сметаной)» — известен достаточно широко, а второй — только в Восточной Европе (Прибалтика, Польша, Белоруссия). По сути дела, это особая версия сюжета АТ 21 («Пожирание собственных внутренностей»), и в указателе восточнославянских сказок она особо не выделена. Но версия эта не связывается, как обычно, с сюжетом АТ 20 («Звери в яме»), а попадает в цепочку проделок лисы над волком.

Вар.: к АТ 3: см. коммент к № 75; к АТ 21*: бел: Афанасьев 5, Шейн II 6, Федеровский II 21.

№ 77

Латыши: Арайс 58.

АТ 68**.

Зафиксированный лишь в Латвии и у фламандцев (всего три варианта), этот сюжет связан, по справедливому замечанию Х.Шварцбаума, с древними повествовательными мотивами. Сюда же, несомненно, относится и тип 48* — о медведе и лисе, ходивших к обезьянам. Этот сюжет — о путниках, пришедших в обезьянье царство, — встречается уже в средневековых баснях (Берехия, Мария Французская) и в романах о Ренаре-Рейнеке, где лиса и волк отправляются именно за едой. Здесь путник, польстивший обезьяньим детям, вознагражден, а сказавший о них правду сурово наказан. Подобный сюжет известен и в эскимосском фольклоре — вне зависимости от европейской повествовательной традиции.

Вар.: Север: эск: Меновщиков 1985 9 (= Меновщиков 1969 26); Лит-ра: Рейнеке 225.

№ 78

Калмыки: Илишкин–Очиров 230.

Ной 41 + АТ 21 + АТ 41.

Все три сюжета, составившие эту сказку, значительно деформированы по сравнению с их классическими версиями: у степных калмыков не было виноградников, куда в сказках других народов отправляется волк со специальным разрешением, не было погребов, куда забирается и где объедается волк. Сюжет АТ 41 имеет длительную историю в европейской словесности. Античная басня о мыши и ласке (у Горация — лиса), где мышь (лиса) объедается в амбаре и должна ждать, пока похудеет, в средневековом животном эпосе подверглась фольклорному влиянию, и ситуация была привязана к паре классических антагонистов — лисе и волку, павшему жертвой коварства лисы. Эта сказка широко известна в Европе, а также на Востоке, где обычно связывается с другой историей — о фирмане волка (Ной 41). Хотя в указателе Д.Ноя формулировка сюжета 41 совпадает в основном с каталогом Аарне–Томпсона, речь в аннотируемых Ноем текстах идет о другом: лиса ссылается на особую бумагу (фирман), разрешающую будто бы волку беспрепятственно пожирать крестьянскую собственность (виноград, овец и т.п.). Здесь же, на Востоке, в этом сюжете устойчив мотив обмана волка лисой, втыкающей в уши кусочки мяса (ягоды винограда).

Вар.: к Ной 41; **Аз:** белуджи: Зарубин II 5; кур: Фаризов–Руденко 11; пер: Ашрафи 346; тур: Бекташи 43, Стеблева 1986 3; туркм: Багрий II 22; **Афр:** суа: СНА 1959 89; к АТ 21: см. коммент. к № 19 и 95; к АТ 41: **Евр:** лат: Арайс 48, 106; нем: Гриммы 73; пол: Глинкин 36; рус, укр: ВСС 41; **Аз:** айс: Матвеев 367; пер: Османов 497; тадж: Свод Т188; тур: Стеблева 1986 3, 4; туркм: Багрий II 22; узб: Афзалов I 30; **Афр:** сут: СНА 1959 40; **Лит-ра:** Рейнеке 65, Толстой 35.

№ 79

Калмыки: Ватагин 256.

Бедкер 93 (= ТМ К 962).

Сюжет индийского происхождения, получивший широкую известность через «Панчатантру» и ее переделки. Часто встречается в фольклоре народов Средней Азии и Кавказа, знаком средневековой западноевропейской повествовательной литературе. Обычно верблюд легко соглашается на то, чтобы его съели, но иногда его уговаривают, и он делается жертвой обмана. Вторая часть сказки — лиса съедает лакомые куски, пока тигр (лев) ходит за водой (дровами), — мало отличается от сюжета АТ 52 («Осел без сердца»).

цаган-махан — толстая кишка.

Вар.: **Аз:** каз: Смирнова 38–45; калп: Каракалпаки 59; тат: Замалетдинов 22, 23; **Кавказ:** ад: Максимов–Керашев 332; дарг: СНД 21 (= Даргинские 15); лезг: СНД 6, 16; осет: Бритаев–Калоев 19; чеч: Мальсагов 151; **Лит-ра:** Панчатантра I 13, I 21, Хитопадеша IV 9, Калила 103, Стефанит греч I 37, рус, с. 22, 56, 74.

№ 80

Американцы: Однажды 39.

АТ 32.

Предположительная родина сюжета — Ближний Восток (здесь появилась конструкция колодца с двумя ведрами). В Европе сказка была хорошо известна уже в средневековье (Роман о Лисе, Петр Альфонси, Мария Французская, Берехия) и рассказывается повсеместно. Здесь она связана с соперничеством волка и лисы. Отсюда сюжет пришел в Америку. Чаще всего он соединяется с сюжетом АТ 34: волк прыгает в воду за отражением сыра.

Вар.: **Аз:** ар: СНВ 1962 28; пер: Ромаскевич 62; тат: Ахмет 67; **Евр:** укр: ВСС 32; **Афр:** фульбе: СНА 1959 256; **Лит-ра:** Рейнеке 220, КБ 96 (Одон Черитонский), Лафонтен XI 6.

№ 81

Башкиры: Бессонов 72.

АТ 34 А.

Эта знаменитая басня одинаково популярна на Востоке и на Западе, где ее считают одной из древнейших в античном наследии. Широкая известность сюжета в Европе начинается с басен Эзопа, Федра и Бабрия. Часто встречается он в баснях средневековой Европы (Альбер, Мария Французская, Берехия и др.). Другая версия восходит к джатаке (№ 374), где рассказ о шакале, бросившем мясо и нырнувшем за рыбой, связан с историей о женщине, предавшей мужа и убежавшей с разбойником, который оставил ее голой. Эта версия распространилась как письменным (некоторые редакции «Панчатантры»), «Калила и Димна»), «Книга

попугая»), так и устным путем (она известна в Индии, Тибете). К ней относится и башкирская сказка, где мотив любовника утерян.

Вар.: **Аз:** инд: Урду 278, Зограф 1964 200, Сингальские 121; **Евр:** порт: Португалия 266; удм: Кралина 37; укр: ВСС 34 А; **Афр:** зулу: СНА 1959 18; эф: Ганкин 195; **Лит-ра:** Эзоп 133, Федр I 4, Бабрий 79, Панчатантра IV 8, Калила 57, Рассказы попугая 10, Белов–Вильскер 359, Лукман 41, Лафонтен VI 17, Толстой 39, 153.

№ 82

Молдаване: Ботезату 53.

АТ 44*.

Сказка о дружбе овцы с лисой и волке, целующем «присягу» (капкан), известна лишь в Восточной Европе, прежде всего на Украине, а также у ближайших соседей (Молдавия, Прибалтика).

Вар.: **Евр:** рус, укр, бел: ВСС 44*.

№ 83

Аварцы: Атаев 17.

АТ 35 В*.

История о волке, заманенном в западню хитрой лисой, встречается в средневековых восточных баснях (сирийцы, армяне). Наиболее популярна версия, в которой лиса отказывается от мяса, ссылаясь на пост. Она соотносится с демократической сатирой средневекового города, обыгрывающей ложное благочестие. Версия эта знакома как мусульманам, так и христианам. Реже встречаются варианты без «антирелигиозного» акцента.

ураза — мусульманский пост в течение месяца рамадан, заканчивающийся в новолуние.

Вар.: **Аз:** каз: КС II 174, III 222, Смирнова 41, 42, 71; кирг: Брудный–Эшмамбетов 1977 257; пер: Ромаскевич 62; сир: Белов–Вильскер 380, 384; тадж: Свод Т032, Т215; туркм: Мары 6; узб: Афзалов I 30, 47; **Кавказ:** ав: Атаев 24; груз: Курдованидзе 17; дарг: Даргинские 17; кум: СНД 10; лезг: СНД 20; тагы: Кукуллу 40; **Евр:** лат: Арайс 122; лит: Королева 7; рус, укр, бел: ВСС 35 В*.

№ 84

Латыши: Арайс 109.

АТ 47 С.

Сказка близка к типу АТ 47 А (см. здесь № 91), и это скорее не разные типы, а разные версии одного и того же сюжета. К типу 47 С Томпсон указывает лишь варианты из Испании и Чили (есть также записи из Аргентины и Бразилии). Отмечен этот тип и в Ирландии. Но больше всего вариантов — в Восточной Европе, где граница между типами АТ 47 А и АТ 47 С нередко размыта (как в сказке из собрания Гриммов: № 132). Отметим также начальный эпизод, не вошедший в указатели, — о взаимных упреках волка и дятла, бывающий обычно заставкой либо к АТ 47 С, либо к сказке о лисе — сапожнице волка (АТ 102). Но происхождение его независимо от этих сюжетов: как отдельный рассказ он встречается уже в средневековых баснях.

Вар.: к АТ 47 С: Евр: вен: Гидаш 71, лат: Арайс 110; лит: Королева 10; рус, укр, бел: ВСС 47 А; к эпизоду «Волк и дятел»: ав: Саидова–Далгат 119 (= СНД 28), Атаев 9; бел: Шейн II 126; лит: Королева 10; рус: Митропольская 3; укр: Березовский 31; чув: Данилов 13; **Лит-ра:** Ромул 40.

№ 85

Туркмены: Стеблева 1969 12.
АТ 51 + (АТ 47 D).

Сюжет «Львиная доля» (АТ 51) очень популярен в мировом фольклоре. Он рано вошел в литературную традицию: Эзоп и средневековые басни, романы о Лисе, арабская повествовательная литература X–XIV вв., персидские поэты (Руми). В новоевропейской басенной традиции сюжет был трансформирован: лев, пользуясь правом сильного, забирает всю добычу себе (Лафонтен, Крылов). Эта версия отразилась и в устной традиции (см. ВСС 51). Второй эпизод этой сказки не нашел места в указателях, но широко известен в среднеазиатском фольклоре. И.Левин, по согласованию с С.Томпсоном, предложил классифицировать его как 47 D¹ (см.: Свод, с. 56).

кейик — степная антилопа.

Вар.: к АТ 51: Аз: айс: Матвеев 227; афг: Лебедев 1972 33; инд: Урду 121; пер: Ашрафи 345; сир: Белов–Вильскер 396; тадж: Свод Т187; тат: Замалетдинов 27; уйг: Кабиров 45; **Кавказ:** абаз: Тугов 8, ав: Атаев 21; груз: Долидзе 97 (= Курдованидзе 4); лаки: СНД 13; таты: Кукуллу 39; **Афр:** беджа: Судан 124; бура: США 1976 101; Сенегал 98; фульбе: США 1959 255; хау: Лионго Фумо 261; эф: Курлендер 22; **Евр:** алб: Албанские 232; эр: Франция 45; **Лит-ра:** Эзоп 149, Абуль-Фарадж 371 (Белов–Вильскер 177), Орбели 26, Рейнеке 204, Лафонтен I 6, Крылов IV 16, Толстой 290; к (АТ 47 D): Аз: белуджи: Зарубин I 20; каз: Смирнова 41, КС I 181, III 248; кирг: Брудный 1956 119; кур: Фаризов–Руденко 9; пер: Ромаскевич 45; тадж: Свод Т258.

№ 86

Турки: Бекташи 112.
АТ 51 А.

Популярная в средневековой литературе басня восточного происхождения. Устное ее бытование, несомненно, поддерживается литературной традицией, вместе с которой сюжет проник и в Новый Свет (Роуб указывает три мексиканских варианта). Устные варианты немногочисленны.

Вар.: Аз: бирм: Бирма 1976 88, Маунг 12; инд: Урду 89; тадж: Свод Т378; узб: Насреддин 850 (Тимур и приближенные); **Евр:** хор: СНЮ 225; чехи: Чешские 328; **Лит-ра:** Лафонтен VII 7, РБ 32 (Сумароков).

№ 87

Нубийцы: Судан 99.
АТ 50.

Один из наиболее распространенных сюжетов, проходящих сквозь фольклор и литературу от античности до наших дней. Он лег в основу средневекового литературного животного эпоса — от латинской поэмы X в. «Бегство пленника» до многочисленных редакций «Романа о Лисе». Как в поэмах, так и в средневековых

баснях, от Марии Французской до древнерусского «Слова на доносящих князю на друга» (XVII в.), речь идет о волке (реже медведе), с которого лев в конце концов сдирает шкуру, чтобы излечиться, завернувшись в нее. В арабской литературе складывается особая версия, распространившаяся от Ближнего Востока до Индии: лев переломал волку ноги, отыскивая лекарство. Гиена вместо волка в этом сюжете встречается лишь в Индии и Африке. Лекарством служит печень — мотив, обычный для африканских сказок, но известный и за пределами Африки, прежде всего на Кавказе и очень редко — в Европе.

сакиз — водоподъемное колесо в оросительной системе.

Вар.: **Евр:** лат: Арайс 56, 57; укр: ВСС 50; **Кавказ:** абаз: Тугов 7; абх: Бгажба 86; ад: Алиева 79; груз: Курдованидзе 14; лаки: СНД 23; **Аз:** афг: Лебедев 1958 154; инд: Урду 155; каз: КС III 247; тадж: Свод Т372; тат: Замалетдинов 26; **Афр:** бам: СНА 1976 84; бал: Бисау 85; Сенегал 107; суа: СНА 1959 80; эф: Ганкин 30; **Лит-ра:** Эзоп 273, Ромул II 49, Орбели 42, Ренар X 1157, Рейнеке 200, Лафонтен VIII 3, Толстой 275.

№ 88

Сиамцы: Ключ 141.

АТ 50 А.

Один из наиболее известных басенных сюжетов. Упоминается уже Платоном, на него ссылаются Гораций и Плутарх, а после Эзопа, Федра и Бабрия к этому сюжету обращаются многие баснописцы. Любили его в Византии и Сирии, его приписывали Лукману. Фольклорных вариантов мало.

Вар.: **Евр:** лат: Арайс 56; укр: ВСС 50 А; **Аз:** айс: Матвеев 225; вьет: Никулин 183; осет: Дзагуров 17; каз: Смирнова 73; пер: Османов 497; туркм: Стеблева 1969 13; чеч: Мальсагов 147; **Афр:** эф: Ганкин 24; **Лит-ра:** Эзоп 142, Бабрий 103, Ромул I 86, Лукман 6, Лафонтен VI 14, Толстой 217.

№ 89

Карелы: Конкка 1963 3.

АТ 9 АВС.

Сюжет АТ 9 — о работающем медведе и праздной лисе — распространен очень широко, не только в Европе, но и Азии, Африке, Америке (партнеры варьируются). Что же касается отдельных проделок лисы, получивших в указателе Томпсона каждая свой номер (А, В и С), то сказки о них, по сведениям Томпсона, единичны: по одной у шведов (А и С) и четыре сербских (В). На самом деле и сюжет 9 В имеет более широкий ареал, и сюжеты 9 А и С хорошо известны не только шведам, но и карелам и финнам. Особую версию сюжет 9 А имеет в Средней Азии (см. здесь № 162).

Вар.: **Евр:** кар: Конкка 1963 4, Конкка–Тупицына 1; фин: Аарне 78.

№ 90

Мордва: Образцы 5.

АТ 1030.

Сюжет близок к типу АТ 9 — о совместной работе лисы и медведя, в результате которой медведю достается мякина, а лисе — зерно. В сказке о дележе урожая («Вершки и корешки») часто выступают мужик и медведь, мужик и черт

(глухой великан). В Европе она известна повсеместно. В других регионах трикстеры варьируются (еж и кабан у кабиллов, шакал и крокодил в Индии).

Вар.: **Евр:** кар: Конкка–Тупицына 55; лат: Арайс 22; морд: Образцы 13, Шахматов 320, Евсевьев 5; норв: Асбьернсен–Му 162; рус, укр, бел: ВСС 1030, Смирнов 185, Красноярск 2 38, Боровик–Мирер 9, Зиновьев 16, Морохин 60, Шейн II 18; тат: Поляков–Насыров 10; фин: Сказки финские 18; Аз: дунг: Хасанов–Юсупов 39; инд: Зограф 1964 60 (= Зограф 1976 26); тадж: Свод Т052, Т237, Т352; тур: Стеблева 1986 4.

№ 91

Норвежцы: Асбьернсен–Му 163.

АТ 47 А.

Сказка популярна повсюду в Европе, за исключением восточных славян, где она редка (а русским совсем не знакома). Иногда встречается в Америке, Африке, даже Китае. Есть индийские варианты, где лошадь нарочно притворяется мертвой (но то же у Гриммов). Шутливая этиологическая концовка: заяц так смеется, что лопается губа (ср. АТ 70), — характерна прежде всего для Северной Европы. Сюжет был известен уже в средние века и вошел в «Роман о Лисе». Однако средневековая версия, особенно у Штейнгевеля (осел предлагает волку привязаться и тащит его к дому своего хозяина), близка к АТ 122 N* — это проделка осла, чтобы спастись от волка. В современной устной традиции лошади не приходится спасаться от волка (лисы), ставшего жертвой собственной наивности.

Вар.: **Евр:** нем: Гриммы 132; укр, бел: ВСС 47 А; эст: Сказки финские 36; Аз: кит: СНК 72 (= СНВ 1962 265); **Афр:** нуэры: Судан 167.

№ 92

Норвежцы: Асбьернсен–Му 160.

АТ 7 + АТ 49.

Сказка о состязании в назывании деревьев широко распространена в Скандинавии и за ее пределами встречается редко (по одному варианту у немцев, индейцев-апачей и в Африке). Иногда в состязание вступают люди (или Бог с дьяволом). Известность сказки о медведе, искусанном осами, в Европе также ограничивается в основном Скандинавией. Изредка она встречается у славян (по одному варианту у русских и поляков). Зато хорошо знают ее в Латинской Америке (Руб указывает пять мексиканских вариантов, где, естественно, действуют кролик и койот; ср. также: Хансен 51**А — лиса в отместку тигру за сожранную добычу привязывает к его брюху осиное гнездо).

Вар.: **Евр:** рус: Бардин 191 (частичное соответствие АТ 49).

№ 93

Норвежцы: Норвегия 84.

АТ 15.

Всемирно известный сюжет о лисе-повитухе и двусмысленных именах «ново-рожденных», зафиксированный в сотнях вариантов, имеет несколько версий, ареалы которых пересекаются. Так, в Европе, где эта сказка известна повсюду, рассказы о волке и лисе, петухе и курочке, кошке и мышке. В Северной Европе, которую считают родиной этого сюжета (но называют и Кавказ, и арабскую басню), в

сказках этого типа действуют лиса и медведь, а у восточных славян — лиса и волк. За пределами Европы в подобных ситуациях оказываются другие трикстеры (черепаха в Африке, братец Кролик у негров США, где этот сюжет имеет много вариантов). В Северной и Восточной Европе устойчиво сохраняется завершающая сказку проделка лисы с перемазыванием меда (масла) на брюхо спящему волку (медведю). В других регионах она встречается гораздо реже.

Вар.: **Евр:** бельг: Барбовер 281; болг: Болгария 180; кар: Конкка–Тупицына 1; лат: Алксните 105, Арайс 106, 114, 285; морд: Шахматов 255, 389, Образцы 10, Евсевьев 5; нем: Гриммы 2; рус, укр, бел: ВСС 15, Боровик–Мирер 10, Чернышев 1, Симина 23, Леонова 2, Морохин 2, Фридрих 1, Пудож 23, Сибирь 28; сербы: СНЮ 236; тат: Ярмухамедов 238, Замалетдинов 19; фр: Франция 6; шот: Шотландия 253; эст: Сказки финские 35; як: Эргис 3, 4; **Север:** см. коммент. к № 21; **Кавказ:** абаз: Тугов 4; ав: Атаев 2; ад: Хуажев 209; азерб: Сеидов 206; груз: Курдованидзе 3; лаки: Назаревич 164; осет: Дзагуров 20; **Аз:** тадж: Свод Т018, Т327; **Афр:** ак: Лионго Фумо 238; бак: Конго 42; ндибу: Ангола 91.

№ 94

Латыши: Арайс 59.

АТ 136 А* + АТ 20 А + АТ 31.

Один из популярнейших в евроазиатском фольклоре сюжет «Звери в яме» (АТ 20) имеет разные экспозиции, цель которых — сообщить о том, как звери попали в яму. Здесь в роли такой экспозиции выступает сюжет АТ 136 А*, известный лишь в Восточной Европе (в латышском указателе АМ он включен в формулировку сюжета АТ 20 А). С другой стороны, трикстер, попавший в яму и всех перехитривший, должен оттуда выбраться, и тут также необходимо дополнительно сюжетное звено. В латышской сказке это сюжет АТ 31. Обычно лиса соблазняет козла прохладой и сочной травой. Сюжет этот вошел уже в басни Эзопа. В европейских сказках, восходящих к «Роману о Лисе», вместо козла фигурирует волк.

Вар.: к АТ 136 А* + АТ 20 А: **Евр:** лат: Ниедре 1958 268; лит: Королева 35; рус, бел: Садовников 53, Урал 152, Митропольская 24, Романов III 17, Сибирь 29; эст: Эстонские 267; к АТ 31: **Евр:** лат: Арайс 69, 122; рус, укр: ВСС 31, Сибирь 30, **Аз:** ар: Тысяча и одна ночь 149–150; индонез: Брагинский 24; корейцы: Феи 348; сиам: Ключ 140; **Афр:** бух: США 1976 77; **Лит-ра:** Эзоп 9, Федр IV 9, Бабрий 182, Синтипа 10 (см. коммент. к Эзоп 9), Лафонтен III 5. См. также здесь № 123.

№ 95

Русские: Балашов 70.

АТ 20 С + АТ 21.

В отличие от предыдущей сказки, русский вариант «Зверей в яме» принадлежит к самой распространенной в Европе версии этого сюжета: звери бегут от войны или в страхе перед концом света. Кумулятивная композиция, втягивающая в повествование разных животных, всегда имеет здесь шуточный характер. Известность сказки не ограничивается пределами Европы: ее знают и в Азии, и в Африке, и в Америке (Мексика). Сюжет АТ 21 часто завершает эту сказку, хотя и не всегда с ней связан. Он хорошо известен и в Европе, и в Азии.

Вар.: к АТ 20 С: **Евр:** вен: Гидаш 36; груз: Долидзе 94 (= Курдованидзе 9), Курдованидзе 8; лат: Арайс 64, 65; лит: Литовские 19, Королева 33; мари: Четкарев 1955 171; морд: Образцы 11; норв: Скандинавия 204; рус, укр, бел: ВСС 20 С,

Пудож 36; **Аз:** каз: Смирнова 50, 51; кхм: Марунова 161; тат: Замалетдинов 55; тиб: Дэнба 86; **Афр:** зомбо: Ангола 39; **к АТ 21:** **Евр:** лат: Ниедре 1958 268, Арайс 64, 65, 69, Сказки финские 41; лит: Королева 12, 35; морд: Шахматов 322, Образцы 11, Евсевьев 3; рус, укр, бел: ВСС 21, Сибирь 29, Пудож 30, 36, Тверь 44, 192; **Кавказ:** абх: Шакрыл 12; груз: Курдованидзе 11; **Аз:** белуджи: Зарубин I 20, II 5; бур: Элиасов 1973 83; вьет: Козел 212; каз: Смирнова 50, 51; калм: Илишкин—Очилов 230; калп: Каракалпаки 59; кит: СНК 424; монг: Потанин 1883 168; пер: Ромаскевич 45; тадж: Свод Т369; тиб: Потанин 1912 20 (5); тув: Таубе 49; хак: Балтер 84.

№ 96

Русские: Афанасьев 40.

АТ 103.

Сказка известна повсеместно в Европе, но особенно популярна в Восточной Европе, включая Поволжье и Кавказ. Выделенные Томпсоном типы АТ 103 А (Кот — муж лисы) и АТ 103 А* (кот объявлен королем и получает пищу от зверей) представляют версии одного сюжета — АТ 103 («Звери прячутся от незнакомого животного»). Наиболее детально разработана русская версия, где кот выдается за сибирского воеводу, бурмистра и т.п. От русских сюжет стал известен и соседним тюркским народам, пришел на север.

Вар.: **Евр:** вен: Ортутай 62; кар: Конкка 1959 36, Конкка 1963 9; лат: Алксните 66, 78, Арайс 62, 149, 277; лит: Королева 21, 31; мари: Четкарев 1955 74, 171; морд: Образцы 9; пол: Глинкин 37; рус, укр, бел: ВСС 103; рус: Боровик—Мирер 6, Крюкова 103, Шурыгин 110, Комовская 1956 4, Фридрих 3, Леонова 5, Зиновьев 11, Сибирь 39, Тверь 104, Новгород 23, 24; сербы: СНЮ 223, 245; слов: Богатырев 150; удм: Гаврилов 1, Первухин 2, Кралина 20, 23; **Кавказ:** абаз: Тугов 11, 12; ав: Атаев 16; ад: Хуажев 25; лаки: Багриль II 40 (= СНД 9); осет: Дзагуров 10; чеч: Арсанов 235; **Аз:** алт: Потанин 1883 178; кир: Брудный—Эшмамбетов 1977 241; тадж: Свод Т039; тат: Насыров—Поляков 9, Замалетдинов 44; яп: Японские 145; **Север:** хан: СНС 1959 52; эв: Василевич—Титов 19.

№ 97

Корейцы: Харитонов 145.

АТ 51***.

Хотя Томпсон ссылается лишь на два венгерских варианта этой сказки, она имеет мировую известность. Ее знают в Индии и Тибете. О'Салливан и Кристиансен указывают шесть ее ирландских вариантов, она зафиксирована в Мексике и Израиле (см. указатели Роуба и Ноя), есть ее украинский вариант. В роли судьи выступают лиса (в Европе) и обезьяна (в Азии и Америке), тогда как судятся разные животные (но чаще — две кошки, причем в самых разных регионах).

Вар.: **Аз:** инд: Урду 123; тиб: Дэнба 83; **Евр:** вен: Гидаш 69; укр: ВСС 51***; **Афр:** Ганкин 22.

№ 98

Литовцы: Королева 23.

АТ 68 А, В.

Сюжеты 68 А и 68 В трудноразличимы и нередко выступают «в блоке»: голодная лиса засовывает голову в кувшин с едой, не может высвободиться, бежит топить

горшок и тонет сама. Не менее распространена другая версия: лиса напугана воем ветра в пустом кувшине, оставленном волком или мужиком, хочет его утопить и тонет сама. Версия эта известна в Персии и Средней Азии, но знают ее и в Восточной Европе (Украина, Белоруссия, Прибалтика). В Западной Европе сюжет неизвестен (кроме Греции).

Вар.: **Евр:** лат: Ниедре 1958 268, Арайс 45; рус, укр, бел: ВСС 68 А, 68 В, Афанасьев 48, Смирнов 69, Березовский 13; **Аз:** белуджи: Зарубин II 5; инд: Ми-наев 24; каз: КС III 254; кирг: Брудный 117; пер: Османов 1987 24; тадж: Свод Т049, Т092, Семенов II 10, Памир 64; узб: Афзалов I 45.

№ 99

Украинцы: Бессараба 38.

АТ 68*.

У Томпсона — единственный саамский вариант. Еще один, ирландский, добавил Кристиансен и О'Салливан. С учетом восточнославянских вариантов можно говорить о более широком ареале этого довольно редкого сюжета. Концовка украинской сказки — пародийное осмысление сюжета о мудрых советах (ср. АТ 150).

Вар.: **Евр:** рус: Сими́на 6; укр: ВСС 68*.

№ 100

Латыши: Арайс 44.

АТ 65*.

Сказка рассказывает не только о животных, но и о людях: дурни жарят мясо на костре, разожженном по другую сторону реки (АТ 1262). Обе версии — с животными и людьми — популярны в Прибалтике, особенно в латышском фольклоре. Иначе истолкована сходная ситуация в осетинских сказках: лиса притворяется, будто ей тепло от костра, расположенного вдали, лисенок вскакивает — на него упала искра; «лисенок более лжив, нежели лиса» (Дзагуров 3, Бязыров 40).

Вар.: **Евр:** эст: Эстонские 256.

№ 101

Немцы: Гриммы 75.

АТ 105.

Сказка распространена в основном в Европе, но единичные записи встречаются и в других регионах. Сюжет был любим средневековыми баснописцами. Учитывая его близость к сюжету АТ 105* (о единственной уловке ежа), отголоски которого есть у Архилоха (VII в. до н.э.), можно согласиться с В.Юнгманом, возводящим сюжет к Греции гомеровской эпохи.

Вар.: **Евр:** лат: Арайс 43; морд: Евсевьев 11; пол: Глинкин 38; укр: ВСС 105; фин: Сказки финские 20; **Аз:** инд: Урду 151; **Лиг-ра:** Рейнеке 195, Лафонтен IX 14, Толстой 75.

№ 102

Греки: Hahn 91.

АТ 105* + АТ 33 + АТ 69**.

Сказка представляет балканскую версию типа АТ 105 — по-видимому, древнейшую (см. коммент. к предыдущей сказке). Сюжет АТ 69** известен на юге

Европы от Пиренеев до Балкан. У Томпсона, имевшего в виду испанскую сказку, его содержание изложено неточно: по указателю Боггса, речь идет как раз о еже, который просит лису о последнем поцелуе, цепляется за нее и таким образом спасается от лесного пожара. На Балканах сюжет АТ 69** известен лишь в контаминации с АТ 105*, хотя еще в средние века он рассказывался и самостоятельно. Тип АТ 33 известен во многих странах. Наиболее древнее упоминание о нем — в «Хитопадеше». Он может испытывать влияние типа АТ 41 — о лисе в винограднике.

Вар.: к АТ 105* + АТ 69**: Евр: болг: Болгария 159; сербы: СНЮ 233; укр: Березовский 95; к АТ 69**: Лит-ра: Ромул 26; к АТ 33: Евр: болг: Болгария 159; каб: Алиева 74; лат: Арайс 42; лит: Королева 18; пол: Глинкин 33; рус, укр, бел: ВСС 33; Аз: вьет: Никулин 35; индонез: Островский 125; кирг: Брудный-Эшмамбетов 1977 255; туркм: Стеблева 1969 1; Лит-ра: Хитопадеша I 2-3.

№ 103

Украинцы: Рудченко I 17.
АТ 105 В* + АТ 225.

При несомненной близости к типам АТ 105 и особенно АТ 105*, где единственная хитрость — притвориться мертвым, сюжет АТ 105 В* имеет другой ареал: это Восточная Европа (Томпсон ссылается на варианты из Румынии и Югославии) и тюркские народы, которые, скорее всего, заимствовали сказку у западных соседей — от казахов до якутов ее варианты совпадают до деталей, и речь идет все о тех же лисе и журавле. Своеобразная версия этого сюжета сложилась в Закавказье: рассказывается о двух лисах, у одной семь хитростей, у другой — одна. Попав в капкан, эта лиса притворяется мертвой, спасается сама и спасает подругу. Мотив постепенной утраты хитростей типичен для восточных сказок, которые не относятся к типу 105. В «Хитопадеше» шакал, знающий 64 хитрости, по дороге ко льву обнаруживает, что хитростей у него становится тем меньше, чем ближе лев. Этот сюжет встречается и в еврейской религиозной литературе. Сюжет АТ 225 известен в Европе с давних времен — начиная с античной басни об орле и черепахе. Хорошо его знают и на других континентах, где сказки этого типа в равной мере и своего происхождения, и заимствованы. Это одна из любимых сказок в Америке (Роуб указывает девять мексиканских вариантов с разными трикстерами и простофилями) — вплоть до «Сказок дядюшки Римуса». К этому же типу восходит и знаменитая сказка о гусях и черепахе (см. коммент. к № 363).

Вар.: к АТ 105 В*: Евр: лат: Арайс 42; морд: Образцы 1; рус: Боровик-Мирер 2; укр: ВСС 105 В*; Аз: алт: Танзаган 30; арм: Мокс 4, Карапетян 1979 143; бирм: Бирма 1977 41; каз: Смирнова 67; як: Эргис 19; к АТ 225 (европейские): лат: Арайс 79 (= Пермяков 168); рус, укр: ВСС 225 А; фин: Сказки финские 22; фр: Франция 2; Лит-ра: Эзоп 230, Федр II 6, Бабрий 115.

№ 104

Даргинцы: СНД 14 (= Даргинские 16).
(АТ 56 В) + АТ 225.

История с лисой, пожирающей птенцов журавля, отнесена к типу АТ 56 В условно, так как здесь нет основного ее мотива — мести птицы с помощью собаки. Но даргинский вариант не единичен: сказка о лисе и журавлихе бытует у тюркских народов и на Кавказе. Вопрос о связи ее с сюжетом АТ 56 В остается откры-

тым. Сказка о журавле, поднявшем лису в воздух и бросившем ее вниз, лишь в европейских вариантах имеет мотивировку, зафиксированную в указателе АТ: журавль учит лису летать. В восточных вариантах журавль (аист) предлагает лисе отправиться в другое место (где больше еды или в других целях).

Вар: к (АТ 56 В): **Кавказ:** ав: Атаев 11; инг: Арсанов 298; **Аз:** каз: Смирнова 68; узб: Афзалов I 35; к АТ 225 (восточные): инг: Арсанов 298; каз: Диваев 37; пер: Османов 443; тадж: Свод Т396; узб: Афзалов I 35; хак: Балтер 77.

№ 105

Аргентинцы: Karlinger-Pögl 37.

Хансен **67 F + АТ 60 + АТ 58**.

В сказке контаминированы сюжеты разного происхождения. Рассказы о желянии лисы раскрасить своих детей и научиться свистеть — южноамериканские (записывались в Перу, Аргентине, Чили). Сказка о коварном угощении — европейская. Она известна уже в античности. Записаны десятки и сотни ее литературных и фольклорных вариантов. Из Европы сюжет распространился по всем континентам. Лисе (другому хищнику) противостоит обычно журавль или аист — птица с длинным клювом, и появление здесь куропатки несколько неожиданно. Чаще всего лиса (или шакал) бывает одураченной, но есть варианты, где последнее слово именно за лисой: пытаюсь угоститься похлебкой (сливками, кашей), журавль ломает себе клюв — версия, вошедшая в формулировку сюжета у Аарне-Томпсона.

Вар.: к АТ 60: **Евр:** кар: Конкка 1959 76, Конкка 1963 6, 7; рус, укр, бел: ВСС 60, Зиновьев 5, Морохин 5, Пудож 30; **Кавказ:** абаз: Тугов 9; азерб: Багрий-Зейналлы 505; **Аз:** башк: Бессонов 77; бирм: Бирма 1977 225; пер: Ромаскевич 45, Османов 443; тадж: Свод Т380; тат: Замалетдинов 21; язгулямцы: Памир 74; **Афр:** балуба: Конго 120; **Лит-ра:** Эзоп 385, Федр I 26, Бабрий 2, 51, Толстой 49.

№ 106

Русские: Афанасьев 15.

АТ 61 А.

Сюжет известен по византийским источникам и «Роману о Лисе» (Смит 61 А: Ренар убеждает ястреба Юбера исповедоваться — съедает его). В устной традиции сказка распространена преимущественно в России (есть редкие украинские, польские и греческие варианты). Русская сказка — книжного происхождения («Повесть о куре и лисе», XVII в.). Узбекский и казахский варианты близки к русской версии, но здесь лиса подружилась с петухом и схватила его, когда проголодалась (обвинения сходны).

Вар.: **Евр:** рус, укр: ВСС 61 А, Сибирь 33; **Аз:** каз: Смирнова 66; узб: Афзалов I 43; **Лит-ра:** КБ 95 (Кирилл Епископ).

№ 107

Болгары: Болгария 182.

АТ 61 + АТ 122 В*.

Сказка известна по всей Европе и на Кавказе. Сюжет ее вошел уже в «Роман о Лисе» (Смит 61 — тоже с напоминанием петуху Шантеклеру о том, как хорошо пел его отец), средневековые басни («Ромул», Мария Французская). Уловка, с

помощью которой спасается петух, классифицируется либо как АТ 6 (жертва побуждает хищника открыть рот), либо как АТ 122 В* (нужно помолиться перед едой).

Вар.: **Евр:** лат: Арайс 68; луж: Романенко 131; укр: Березовский 52; **Кавказ:** ав: Саидова–Далгат 150, Атаев 15; лаки: Багрий II 35, СНД 7; **Аз:** тадж: Амонов 56, Свод Т284; **Лит-ра:** Ренар II 858.

№ 108

Каракалпаки: Каракалпаки 187.
АТ 62.

Всемирная известность этого сюжета во многом поддерживается исключительной его литературной популярностью: сказка о мире у зверей вошла в «Роман о Лисе», средневековые сборники басен, ее обрабатывали баснописцы нового времени. Тем не менее ее практически не знают на Кавказе и в Восточной Европе (в Прибалтике и у русских сложилась особая версия сюжета, выделенная в указателе АТ как особый тип — АТ 62*: указ запрещает тетеревам сидеть на деревьях).

Вар.: **Евр:** лат: Арайс 83; рус: Морохин 8; укр: ВСС 62; **Аз:** инд: Урду 129; каз: КС I 181, Смирнова 42; пер: Османов 441; тадж: Свод Т054; тат: Замалетдинов 16; **Ам:** Однажды 41; **Афр:** беджа: Судан 120; эф: Эфиопия 212; **Лит-ра:** Рейнеке 24, Ромул 22, Лафонтен II 15, Толстой 77.

№ 109

Русские: Афанасьев 31.
АТ 62*.

Восточноевропейская версия сюжета АТ 62, «Мир у зверей». Ее особенности не всегда замечаются (так, сюжет АТ 62* вообще не включен в ВСС), хотя вполне очевидны: речь идет не о мире среди зверей, а об указе птицам не сидеть на деревьях. Нет в этой версии и заключительной фразы о том, что собаки еще не слыхали о мире. Вместе с эмигрантами версия проникла в Израиль (Ной 62*).

Вар.: **Евр:** лат: Арайс 67; рус, укр, бел: ВСС 62; **Север:** кеты: Алексеенко 145.

№ 110

Турки: Бекташи 114.
ВСС — 61*.

Сюжет этой сказки, известный от Средней Азии до Германии, встречающийся уже в баснях Эзопа, не нашел себе места в указателе Аарне–Томпсона (Мегас предложил для него номер *62 А). У него несколько версий. В европейских вариантах собака с петухом отправляются в лес, где лиса предлагает петуху поиграть или попеть вместе (на Кавказе — построить дом) и разорвана сторожем-собакой. В мусульманских вариантах лиса зовет петуха помолиться, а он отправляет ее к собаке-имаму.

эзан — призыв к молитве (намазу), возглашаемый с минарета муэззином.

Вар.: **Евр:** босн: СНЮ 237; лит: Королева 41; рус, укр: ВСС — 61*, Морохин 6; **Кавказ:** абх: Бгажба 94; арм: Карапетян 1979 143; **Аз:** каз: КС III 255; тат: Замалетдинов 17; **Лит-ра:** Эзоп 264, Толстой 116.

№ 111

Немцы: Haltrich 114.
AT 227.

Близкий к типу AT 122, этот сюжет распространен преимущественно в Западной Европе (больше всего немецких вариантов). Известна сказка о волке — исповеднике гусей. Гуси спасаются не только бесконечным гоготаньем, но и тем, что просят разрешения потанцевать.

Вар.: **Евр:** лат: Алксните 63, Арайс 245; нем: Гриммы 86; укр, бел: ВСС 227.

№ 112

Персы: Османов 480.
AT 56 A + AT 6.

Тип AT 56 включает несколько взаимосвязанных сюжетов, из которых наиболее известный — о лисе, грозящей свалить дерево. Часто он контаминируется с сюжетом AT 6: птица заставляет лису заговорить и спасается. Сказка записывалась повсеместно. Попала она и в литературу («Калила и Димна», «Роман о Лисе»).

Сюжет AT 6 известен не только в «связке» с AT 56, но и как самостоятельная сказка, особенно в Европе. Обманута обычно лиса, схватившая птицу, но на Востоке иная пара — крокодил и заяц (см. ниже вьетнамскую сказку о хитроумном зайце и комментарий к ней).

Вар.: к AT 56 A: **Аз:** бур: Элиасов 1959 267; калм: Ватагин 258; кур: Фаризов–Руденко 17; монг: Потанин 1883 168, Михайлов 182; пер: Ромаскевич 1; тадж: Семенов II 12, Амонов 53, Памир 75, Свод T115–118; туркм: Стеблева 1969 14; узб: Афзалов I 47; хак: Катанов 127, Балтер 77; **Кавказ:** ав: Атаев 18; ад: Алиева 77; груз: Курдованидзе 16; лаки: СНД 7; **Евр:** алб: Албанские 241; кар: Пажлаков 89, Конкка 1963 7; лат: Арайс 99, 139, Ниедре 1948 31, Алксните 52; лит: Королева 8, 35; мари: Марийские ск., 1945 94; молд: Ботезату 54, 58; морд: Эрзя 1 (= Евсеев 2), Образцы 7; порт: Португалия 163; рус, укр, бел: ВСС 56 A, Дон 216, Боровик–Мирер 15, Сибирь 29, 32; удм: Кралина 22; эст: Сказки финские 37; **Север:** нган: СНС 1951 118; негид: СНС 1959 283; нен: Тонков 204 (= СНС 1951 89 = СНС 1959 80); ор: Аврорин–Лебедева 1; эв: Василевич 18, Василевич–Левин 2, Василевич–Титов 64, Воскобойников 1958 49, Мыреева–Романова 4, Сергеев 17; эвен: СНС 1951 286, 291; юк: Иохельсон 25; як: Эргис 5, 6; **Афр:** гот: Блик–Каллэуэй 16; нуб: Судан 102; эф: Эфиопия 219; **Лит-ра:** Калила 265; к AT 6 (вне связи с AT 56): **Евр:** болг: Болгария 182; лат: Арайс 82, 85; рус, укр: ВСС 6, Зиновьев 3, Фридрих 4; фр: Франция 1; шот: Шотландия 252; **Кавказ:** ав: Саидова–Далгат 150; груз: Курдованидзе 2; дарг: Даргинские 22; лаки: Багрий II 35; **Аз:** афг: Лебедев 1958 161; каз: КС I 181, КС III 245; курд: Руденко 2; тадж: Амонов 56; **Афр:** бак: Ангола 87; малаг: Мадагаскар 58; **Лит-ра:** Орбели 86.

№ 113

Французы: Франция 18.
AT 56 B.

Обычно лиса в этой сказке добирается до птенцов дрозда хитростью: она обещает научить их какому-нибудь ремеслу (мотив ремесла в группе сюжетов AT 56 вообще очень устойчив) — и съедает их у себя в доме. Сюжет вошел в «Роман о

Лисе» и известен в Европе повсеместно, но записей его немного, за исключением Франции (более 20 вариантов).

Вар.: **Евр:** лат: Арайс 219; рус, укр, бел: ВСС 56 В.

№ 114

Адыгейцы: Максимов–Керашев 335.

АТ 56 А* + АТ 122 D*.

Хитрость лисы, прикинувшейся мертвой и поймавшей сороку (ворону), — принадлежность сюжета АТ 56 А. Но иногда этот мотив бытует и как самостоятельная сказка (Томпсон дает ему особый номер 56 А*), заканчивающаяся освобождением птицы (АТ 6, АТ 61, АТ 122 D*). Лиса ловит птицу не только притворившись мертвой, но и с помощью иной уловки: просит птицу показать, что она делает при сильном ветре. Птица спрятала голову под крыло и поймана. Это сюжет АТ 56 D. Юнгман полагает, что он возник независимо от АТ 56 А. Встречается этот сюжет в Германии, Африке, на Украине и на Кавказе, а источником его можно считать «Калилу и Димну».

Сюжет АТ 122 D* введен Томпсоном на основании латышских вариантов (в АМ их указано уже около 60). Если расширить мотивировку (в АМ: сделать птицу вкуснее) и способ «расправы» (птица засунута не только в ступицу колеса, но и в бочку, корзину), то ареал сюжета АТ 122 D* много шире: лиса бросает птицу с горы не только в Прибалтике, но повсеместно в Восточной Европе, на Кавказе, в Средней Азии.

сметка — плетеный улей.

Вар.: **к АТ 56 А*:** **Евр:** морд: Образцы 7; укр: Березовский 39; **Кавказ:** груз: Долидзе 92; осет: Шифнер 68, Бритаев–Калоев 17; **Аз:** каз: КС III 217; **Афр:** эф: США 1959 311; **Лит-ра:** Рейнке 132; **к АТ 122 D*:** **Евр:** кар: Пажлаков 89; лит: Королева 8; молд: Ботезату 58; рус: Балашов 143, Сибирь 32; **Кавказ:** осет: Шифнер 68; **Аз:** каз: КС III 217; тадж: Амонов 53, Свод Т300; **Север:** нен: СНС 1951 89 (= СНС 1959 80 = Пермяков 109).

№ 115

Шугнанцы: Памир 75.

(АТ 61) + АТ 56 В* + АТ 6.

Одна из наиболее распространенных версий сюжета АТ 56 — о дружбе лисы и перепелки. Ее ареал — Средняя Азия и Кавказ. Версия очень устойчива: речь всегда идет именно о лисе и перепелке, выполняющей три просьбы лисы (накормить, рассмешить, напугать или дать побегать). Большинство вариантов заканчивается сюжетом АТ 6, но обычно перепелка просит лису дать ей помолиться.

Вар.: **к АТ 56 В*:** **Аз:** каз: Смирнова 61–64; калп: Каракалпаки 65; кирг: Брудный 66, Брудный–Эшмамбетов 1968 211; тадж: Памир 76, Свод Т016; тат: Замалетдинов 32; **Кавказ:** абаз: Тугов 10; абх: Шакрыл 6; ад: Максимов–Керашев 325, Хуажев 203, Алиева 68; груз: Долидзе 92, Курдованидзе 28; инг: Арсанов 294; осет: Бритаев–Калоев 13, Дзагуров 9; таты: Кукуллу 42; **Евр:** слов: Богатырев 69; **к АТ 6:** см. коммент к № 112.

№ 116

Чуваши: Григорьев 25.

АТ 56 С* (= АТ 248 А*) + АТ 154. IV.

Сюжет АТ 56 С* (= АТ 248 А*) отличается от АТ 56 В* (и родственных АТ 223 и АТ 248) лишь началом: птица (обычно дрозд или дятел) помогает лисе выбраться из ямы. Эта версия: птица помогает лисе и выполняет ее желания (нередко сказка заканчивается бегством лисы от собак и разговором с ногами, ушами, хвостом) — характерна для Восточной Европы.

Вар.: к АТ 56 С*: **Евр:** лат: Ниедре 1958 268, Сказки финские 41; рус, укр, бел: ВСС 248 А*, Пудож 42, Тверь 44, 192; эст: Эстонские 267; **Кавказ:** абх: Шакрыл 12; к АТ 154.IV: см. коммент. к № 194.

№ 117

Панджабцы: Зограф 1964 63.

АТ 223 + АТ 91.

Сюжет АТ 223 соотносится и с АТ 56 В*, и с АТ 248, где птица то выполняет требования лисы накормить, напоить и рассмешить ее, то мстит человеку, садясь на голову лошади, так что тот убивает лошадь, и т.п. Рассказ о дружбе шакала и птицы представляет индийскую версию единого, по сути дела, сюжета «Лиса (шакал) и птица», получившего в указателе АТ три разных номера. Индийская часть этого рассказа — несколько смазанный вариант сюжета АТ 91.

Вар.: к АТ 223: Аз: инд: Минаев 25; **Кавказ:** осет: Дзагуров 10; к АТ 91: см. коммент. к № 305.

№ 118

Немцы: Гриммы 58.

АТ 248.

Знакомая многим европейским народам, эта сказка представляет версию сюжета о том, как птица выполняет требования шакала (лисы) напоить, накормить, рассмешить и напугать его. Лишь в Индии этот сюжет вполне автономен (АТ 223), тогда как в других регионах он давно стал частью более сложных сюжетных схем. Требование насмешить (птица садится на голову, ее хотят убить — бьют человека по голове) превратилось в сюжете АТ 248 в изощренную месть воробья (или другой птицы). Чаще речь идет не о мужике, переехавшем собаку (она могла уснуть на дороге и потому, что напилась допьяна), а о лисе, спасенной сорокой (воробьем) и требующей, чтобы ее накормили и напоили. Комментаторы дали этому сюжету три номера: АТ 56 В*, АТ 56 С* и АТ 248 А*.

Вар.: **Евр:** рус, укр, бел: ВСС 248, Тверь 48.

№ 119

Ирландцы: O'Sullivan 2.

АМ *63* (= ВСС — 59**) + ТМ L 315.3.

В Указателе АТ тип 63 — это рассказ о том, как лис избавился от блох, постепенно погружаясь в воду. Отмеченный в латышском и восточнославянском указателях сюжет — иного содержания: лиса охотится на уток, накрывая голову листьями или травой (арбузной коркой). Хотя сюжет и не попал в указатель АТ, у него давняя известность: он вошел в 33-ю «ветвь» романа о Ренаре, где Лис с помощью этого трюка ловит цаплю и съедает ее.

Сюжет о мести лисы орлу встречается уже в древнем Египте. В ирландском варианте тема возмездия уступает место обыкновенной для трикстера хитрости: дело не в мести, а в хорошей добыче для голодной лисы.

Вар.: к АМ *63*: укр: ВСС — 59**; к ТМ L 315.3: см. коммент. к № 133.

№ 120

Сирийцы: Белов–Вильскер 373.

АТ 64.

Формулировка типа АТ 64 у Томпсона, данная на основе Эзоповой басни, отличается от популярного фольклорного сюжета, имеющего широкий ареал — от Средней Азии до Португалии. Эзопова лиса тщетно уговаривает других лисиц отрезать хвосты. В народных сказках бесхвостая лиса зовет своих подруг в виноградник, связывает им хвосты и пугает их. На Кавказе лисы теряют хвосты, потому что засунули их в прорубь, т.е. этот эпизод сближается с типом АТ 2 (Волк у проруби).

Вар: Аз: айс: Матвеев 296; белуджи: Зарубин 5; кирг: Брудный 117; пер: Османов 488; тадж: Памир 64, Свод Т092; тур: Стеблева 1986 13; **Кавказ:** абх: Бгажба 100; груз: Долидзе 94 (= Курдованидзе 9), Курдованидзе 12; осет: Бязыров 41; **Евр:** порт: Португалия 160; укр: ВСС 64; **Афр:** кабылы: Таос–Амуруш 167; эф: Ганкин 26, 32; **Лит-ра:** Эзоп 17, Лафонтен V 5, Толстой 205.

№ 121

Осетины: Дзагуров 15.

АМ *54*.

Хотя сюжет введен лишь в указатель латышских сказок, его исконный ареал много южнее — на Ближнем Востоке, где он встречается уже в «Книге занимательных историй» Абуль-Фараджа (XIII в.).

Вар.: Аз: тадж: Свод Т042; **Евр:** лат: Арайс 101; **Лит-ра:** Белов–Вильскер 178 (Абуль-Фарадж 374).

№ 122

Вьетнамцы: Никулин 35.

ТМ К 620 + АТ 58 + АТ 6 (ТМ К 561.3).

В сказку вошли сюжеты, распространенные в Индии и Индокитае. Рассказ о крокодиле, перевозящем зайца, пообещавшего ему невесту, известен преимущественно в Индии (здесь вместо зайца — шакал). Всемирно известный сюжет АТ 6 имеет множество местных версий. В Индокитае рассказывается обычно о зайце (обезьяне), заставившем крокодила открыть пасть (ТМ К 561.3).

Вар.: к ТМ К 620: Аз: кхм: Алеу 116 (= Пермяков 124), Марунова 162; к АТ 58: Аз: синг: Сингальские 17; к АТ 6 (ТМ К 561.3): Аз: бирм: Маунг 21, Бирма 1976 84.

№ 123

Вьетнамцы: Никулин 31.

АТ 49 А + АТ 38 + (АТ 30) + (АТ 31).

Центральный эпизод в этой контаминации — АТ 49 А — известен повсеместно в Юго-Восточной Азии (откуда проник в Африку и Америку). В Европе встре-

чается редко (здесь действуют лиса и медведь). Сюжет АТ 38 («Лапа в расщелине дерева») имеет в этом регионе устойчивую версию: тигр играет на свирели — лапа зажата между стволами бамбука. Региональное своеобразие сюжета АТ 31 (в европейской формулировке: «Лиса выбирается из ямы по спине волка») в том, что трикстер щекочет тигра и выброшен из ямы.

Вар.: к АТ 49 А: Аз: бирм: Бирма 1976 39, 141; вьет: Карпов 74, СНВ 1962 107; индонез: Островский 20; кит: Глаза 173; таг: Рыбкин 78, 127; **Афр:** балуба: США 1976 91; креолы: Маврикий 5; к АТ 38 (тигр, играющий на свирели): Аз: бирм: Бирма 1976 182; вьет: Карпов 74; индонез: Островский 22 (= Брагинский 22); к АТ 30 и 31 (трикстер выброшен из ямы): Аз: вьет: Козел 212.

№ 124

Китайцы: Рифтин 16.

Икеда 58 (ТМ К 579.2).

Судя по ареалу (от Индонезии до Крайнего Севера), этот сюжет можно считать очень древним, распространившимся вместе с расселением племен из Центральной Азии на север и на юг (а затем и на запад, в Африку). В фольклоре народов Севера речь идет о лисе, спасающейся по спинам налимов (нерп). В Японии и Китае заяц считает крокодилов (здесь и этиология короткого заячьего хвоста). В Индонезии в сходной ситуации оказывается карликовая антилопа канчиль, в Африке — обезьяна.

Вар.: Аз: индонез: Островский 105 (= Пермяков 136 = Брагинский 25); яп: Мифологии древнего мира. М., 1977, с. 419; **Афр:** Сенегал 63; **Север:** долг: Попов 35; эвен: СНС 1951 286, 291; негид: СНС 1959 283; ор: Аврорин–Лебедева 1.

№ 125

Бирманцы (палаун): Бирма 1977 336.

АТ 1** (ср. АТ 1).

Сюжет зафиксирован в Латинской Америке (Мексика, Пуэрто-Рико, где кролик делает дыру в корзине и крадет сыр). Южноазиатская версия оказывается промежуточной между АТ 1 и АТ 1**: заяц обычно притворяется мертвым (в этом соль трюка) и, очутившись в корзине, съедает бананы.

Вар.: Аз: бирм: Маунг 29, Бирма 1976 37; кхм: Камбоджа 87, Алеу 116, Марунова 169.

№ 126

Грузины: Долидзе 95.

АТ 92.

Сюжет индийского происхождения, вошедший в знаменитые сборники: «Панчатантру», «Шукасапрати», «Калилу и Димну». Известен в основном на Востоке. Вариантные отличия очень незначительны (лев упал в колодец, потому что поскользнулся, кинулся на эхо, а не на отражение).

Вар.: Аз: айс: Матвеев 90; афг: Лебедев 1958 133, Лебедев 1972 55; бирм: Маунг 13; вьет: Никулин 180, Козел 251; каз: Смирнова 71; калм: Джимбинов 133; калп: Каракалпаки 54; кирг: Брудный–Эшмамбетов 1977 247; кит (Тибет): СНК 136, Дэнба 80; синг: Сингальские 138; тадж: Свод Т079, Т179, Т187, Т365; уйг: Кабилов 114; **Кавказ:** даг: СНВ 1938 5; чеч: Мальсагов 148; Евр: алб: Албанские

237; лат: Арайс 183; укр: ВСС 92; **Афр**: хау: СНА 1959 219, Лаптухин 31; эф: Ганкин 30; **Лит-ра**: Панчатантра I 7, Хитопадеша II 8, Шукасаплати 31, Калила 92, Стефанит греч I 29, рус, с. 17, 52, 70.

№ 127

Мексиканцы: Paredes 26.

АТ 175 + ТМ К 842 + АТ 74 С* + АТ 1530 + АТ 49 А + АТ 66 А + Роуб 8 + АТ 34.

Сказка включает популярнейшие в фольклоре Центральной и Южной Америки сюжеты — частью европейского, частью африканского происхождения (в свою очередь, сюжеты АТ 49 А и АТ 66 А в Африку пришли из Индии). Европейские сказки образовали в Америке свои устойчивые версии (как, например, ныряние койота за сыром). Вошли в эту большую контаминацию и рассказы собственно американские (угощение койота плодами с колючками — у Томпсона тип АТ 74 С* сформулирован несколько иначе, поджигание тростника, в котором койот ожидает появления свадьбы, — тип, не имеющий ничего общего с европейской сказкой АТ 8). В отличие от публикуемой здесь атекской сказки «Койот и опоссум» (где в роли трикстера выступает койот) эта сказка отчетливее связана с европейской традицией.

колорины — красные семена, употребляемые для счета (особенно моряками, считавшими рейсы). Упоминание о колоринах — знак того, что действие заканчивается, в сказке — обозначение ее конца.

Вар.: к АТ 175: Аз: инд: Зограф 1971 4; индонез: Островский 25, Си Мелю 125; таг: Рыбкин 99; тадж: Свод Т338; тиб: Потанин 1912 19; **Афр**: см. коммент. к № 31; Ам: Однажды 36; **Евр**: лат: Арайс 180, 183; **Лит-ра**: Белов–Вильскер 496; к АТ 74 С*: см. коммент. к № 62; к АТ 1530: см. коммент. к № 62; к АТ 49 А: см. коммент. к № 123; к АТ 66 А: см. коммент. к № 129; к АТ 34: Аз: белуджи: Зарубин 5, 6; тадж: Амонов 43; **Афр**: зулу: СНА 1959 18; фульбе: СНА 1959 256; Ам: Однажды 39, Пермяков 152; индейцы: Зиберт VI 4, Пермяков 324; **Лит-ра**: Лафонтен XI 6, Толстой 156.

№ 128

Индийцы (санталы): Bodding 15.

АТ 1* + Бедкер 349 + Бедкер 212 + Бедкер 784 + Бедкер 1064 + АТ 175.

Большинство проделок и злоключений шакала в этой сказке известно лишь в Индии (кроме начального и конечного эпизодов). История двух обманщиков — один притворяется мертвым или раненым, а другой в это время крадет поставленную на землю корзину — знакома в Европе шведам, латышам, южным славянам, она зафиксирована в Центральной Америке (Мексика, Пуэрто-Рико) и в Японии. Обычно это заяц или птица, шакал или лиса. Всемирно известный сюжет о смоляном (восковом) чучеле здесь несколько изменен.

Вар.; к АТ 1*: Аз: синг: Сингальские 23; **Евр**: лат: Арайс 98; к АТ 175: см. коммент. к № 31, 127.

№ 129

Индийцы (панджаби): Зограф 1964 75 (= Зограф 1976 38).

АТ 5 + АТ 66 В + АТ 66 А.

Сюжеты АТ 66 А и АТ 66 В любимы в Азии, Африке и Америке. Родиной их можно считать Индию, где шакал разоблачает притворившегося мертвым крокодила самыми разнообразными способами. В Америке, куда этот сюжет попал в основном с переселенцами из Африки, появились свои приемы разоблачения притворщика (так, в Мексике кролик говорит койоту, что мертвые всегда пускают ветры, — и койот тут же выдал себя). Сюжет АТ 66 А — с приветствием дома — известен уже по «Панчатантре» и «Тути-наме» («Книге попугая»), а АТ 66 В — по джатакам.

Вар.: к АТ 5: см. коммент. к № 41; к АТ 66 А: **Афр:** суа: СНА 1959 80; **Кавказ:** кум: СНД 3; **Лит-ра:** Панчатантра III 15, Тантракхьяика III 8; к АТ 66 В: **Аз:** бирм: Маунг 21; индонез: Островский 105; кхм: Марунова 165, 167; **Афр:** см. коммент. к № 42; **Лит-ра:** Сыркин 19 (джатака 57).

№ 130

Индийцы (санталы): Bodding 7.

АТ 78 + АТ 64* + ТМ К 1035 (= Бедкер 191) + АТ 5 + АТ 66 В II.

Центральная часть повествования — о шакале, соперничающем с тиграми, — очень популярна в Индии. К ней несколько механически присоединяется начальный эпизод, с утрашением леопарда, и конечные, составляющие обычно самостоятельную сказку об одуроченном крокодиле. Их ареал охватывает не только Индию.

Вар.: к АТ 78: см. коммент к № 171, 172; к АТ 5: см. коммент. к № 41, 129; к АТ 66 В: см. коммент. к № 129.

№ 131

Сингалы: Сингальские 16.

АТ 68 + Бедкер 1189.

Сюжет популярен в Индии и окрестных странах, а также в Африке. Отдельные его мотивы встречаются в джатаках (№ 148, 490), в некоторых редакциях «Панчатантры». В сингальской сказке с этим сюжетом контаминируется другой, о воронах, восходящий к джатаке № 529 и не имеющий широкого хождения в фольклоре.

деватава — местное божество.

барабаничик — представитель одной из самых низких каст, в сингальских сказках — традиционный дурак.

Вар.: к АТ 68: **Аз:** кхм: Алеу 116; **Афр:** см. коммент. к № 29.

№ 132

Индийцы (синдхи): Schimmel 30.

Бедкер 830 (= ТМ J 2131.5.6) + Бедкер 881 + Бедкер 588.

В этой сказке причудливо переплелись мотивы разных сказок, известных в Индии. Начало ее — из знаменитой истории о крашеном шакале (лисе), который избран царем зверей, но изгнан или убит, когда обнаружена его истинная природа (его узнали по вою, или же дождь попросту смыл с него краску). Этот сюжет вошел в «Панчатантру» и связанные с ней книги («Тантракхьяика», «Хитопадеша»), «Шукасапгати» и вместе с «Книгой попугая» попал в разные уголки Азии и Европы. Следующие же эпизоды известны лишь в Индии и у ближайших соседей.

Вар.: к Бедкер 830; Аз: каз: КС II 173, Смирнова 72; перс: Османов 504; тиб: Дэнба 84 (= Пермяков 178); Кавказ: груз: Курдованидзе 6; лаки: Багрий II 37 (= СНД 11); Евр: рус: Боровик–Мирер 4; Лит-ра: Панчатантра I 11, Хитопадеша III 6, Рассказы попугая 91, Урду 303 (Хайдари).

№ 133

Египтяне (древние): Кацнельсон 212.

ТМ L 315.3.

Один из древнейших сказочных сюжетов, египетский вариант которого может быть возведен к XIV в. до н.э. (Э.Бруннер-Траут). Но еще древнее его вавилонская версия, находящаяся уже в мифе об Этане, которому более трех тысяч лет (исследование И.Левина). Далее этот сюжет приходит в древнюю Грецию (басня Архилоха, затем Эзоп, Федр, Бабрий) и в средневековую литературу. Если в древнейших текстах кошка (змея, лиса) заключала мир с орлом и взывала к божественному возмездию, в результате которого орел, занеся угольки в свое гнездо, становился невольным виновником собственного несчастья, то в средневековых баснях лиса сама поджигает дерево, на котором находится гнездо орла. Так именно и формулируется этот сюжет у Томпсона. В современном фольклоре сюжет встречается редко (см. здесь № 119).

Вар.: Лит-ра: Эзоп I, Федр I 28, Бабрий 186, Ромул II 59, Карапетян 1975 61, Толстой 74.

№ 134

Индонезийцы: Бали 135.

Бедкер 493 (= Роуб 105*С).

Известный во многих странах Азии сюжет, скорее всего, индийского происхождения. Есть единичный вариант из Мексики.

Вар.: Аз: бирм: Маунг 30; каз: КС III 267; кит: Глаза 160, СНК 456; Лит-ра: Орбелиани 133.

№ 135

Сингалы: Сингальские 19.

АТ 20 D* + АТ 183*.

Сюжет сказки о лисе-богомолке (в Западной Европе звери отправляются в Рим) записывался редко, но в разных регионах (Томпсон ссылается на датский и польский варианты, хотя хорошо известны варианты из Греции и Германии, есть эта сказка и у восточных славян). Кот вместо лисы в сингальской сказке появился, скорее всего, под влиянием сказки о коте-святоше (АТ 113 В). Одна из распространенных версий этого сюжета — о лисе, судившей птиц, и спасшемся удоде. Вместо воробья (соловья, жаворонка), вызвавшего петя перед раскрытым окном и спасшегося (так в АТ), в сингальской сказке действует заяц-танцор — довольно редкая концовка, получившая особый номер в АТ на основании именно этой сказки, опубликованной Паркером, и двух вариантов из Литвы.

гамарала — староста сельской общины.

упасака — буддист-мирянин, ревностно исполняющий предписанные обеты.

Вар.: к АТ 20 D*: Аз: айс: Матвеев 367; белуджи: Зарубин I 20; инд: Зограф 1964 58 (= Зограф 1976 25); курд: Руденко 2; пер: Османов 504, Османов 1987 22,

24; тадж: Амонов 19, Свод T014, T395; **Кавказ**: груз: Долидзе 92, Курдованидзе 10; **Евр**: алб: Албанские 224; болг: Болгария 145; рус, укр, бел: ВСС 20 D*; **Север**: як: Эргис 5; **Лит-ра**: Орбелиани 38; к **АТ 183***: **Евр**: пол: Глинкин 109.

№ 136

Даргинцы: Даргинские 18.
АТ 113 В.

Известность сюжета начинается с джатак (хотя изображения стычки кота с мышами нередки в древнем Египте, так что гипотеза о древнеегипетском происхождении сюжета не лишена оснований). Знаком этот сюжет и позднеантичной басне. Он вошел в животный эпос Убайда Закани (XIV в.). В современном фольклоре история о коте — притворном святоше имеет несколько версий. В странах, где распространился буддизм (и с ним джатаки), бегует версия, в которой мыши проходят гусяком возле кота и он поедает каждый раз последнюю из них. В Персии и прилегающих странах кот отправляется в Мекку, съедая своих спутников (петуха, утку и т.п.) в пещере. Эта версия близка к сказке о лисе, исповедовавшей птиц (АТ 20 D*, но не АТ 61 А). Наиболее распространена версия, в которой состарившийся кот созывает мышей (реже — кур) к себе и после покаяния съедает их, восходящая, видимо, к античной басне. Ее ареал охватывает Северную Африку, Юго-Восточную Европу и Кавказ, где записано особенно много вариантов.

Вар: **Аз**: бирм: Бирма 1976 66; инд: Минаев 24, Ольденбург 18, Урду 38; кирг: Брудный-Эшмамбетов 1968 218; монг: Михайлов 200; сиам: Ключ 170; тадж: Памир 69; тув: Тува 33, Таубе 47; **Кавказ**: абаз: Тугов 13; абх: Бгажба 87; ав: Саидова-Далгат 148, Атаев 19; ад: Максимов-Керашев 304; арм: Мокс 2; каб: Алиева 65; осет: Дзагуров 6; чеч: Арсанов 237; **Афр**: кабилы: Таос-Амруш 192; **Евр**: алб: Албанские 252; болг: Болгария 169; **Лит-ра**: Джатаки 128, Махабхарата V 160, Эзоп 348 (Псевдо-Досифей), Ромул 43.

№ 137

Украинцы: Березовский 131.
АТ 113*.

Один из древнейших сюжетов, известный в разных регионах, хотя записывался нечасто (Томпсон указывает лишь на три варианта из Пуэрто-Рико). Тема знакома литературному животному эпосу, где говорится о войне кошек и мышей и притворстве кота; его торжественно хоронят (попутно пародируется обряд похорон). В романе Л.Фейхтвангера «Гойя» говорится о рельефе на стене храма в Таррагоне, сделанном по «Повести о том, как мыши кота хоронили», — с тем же трюком кота. Сюжет вошел в народные картинки от Египта до Вьетнама, в том числе и русские, воспринятые как сатира на шутовские хороводы Петра I и его погребение. Песенка, которую поет мышь в украинской сказке, восходит именно к лубочному тексту («Кот казанский, а ум астраханский, разум сибирский»).

Вар: **Евр**: рус, укр, бел: ВСС 113*, Анисимова 125; **Аз**: перс: Ромаскевич 65; **Афр**: хау: Лаптухин 13.

№ 138

Армяне: Карапетян 1979 149.
АТ 110.

Сюжет восточного происхождения, попавший в Европу вместе с «Калилой и Димной» в средние века и вошедший в басенную литературу (Одо из Черинтона, Бонер, Паули, Сакс). В устной традиции чаще всего встречается на Ближнем Востоке, хотя хорошо знают его и в Европе.

Вар.: **Аз:** инд: Урду 166; тадж: Свод Т384; тур: Мокс 3, Бекташи 115; **Афр:** эф: Эфиопия 136; **Евр:** лат: Арайс 288; луж: Романенко 134; укр: Березовский 129, 130; **Лит-ра:** Калила 267, Лафонтен II 2, РБ 317 (Измайлов), Толстой 52.

№ 139

Латыши: Арайс 289.

АТ 110*.

Сюжет зарегистрирован лишь в Латвии, где сказка о коварном сверчке очень популярна.

Вар.: **Евр:** лат: Арайс 202.

№ 140

Американцы: Однажды 74.

АТ 122 В.

Казалось бы, столь простой сюжет должен был «самозародиться» повсюду. Но вариантов его немного (совсем их нет в Южной Америке, у восточных славян), и говорится в них не о кошке и мышке, а о воробье, оставившем в дураках кошку.

Вар: **Евр:** лат: Арайс 261; лит: Литовские 29.

№ 141

Хорваты: СНЮ 222.

АТ 51** + (АТ 35 В*).

Сюжет АТ 51** — о поисках ежом подходящего мясника — отмечен только в Югославии (известна, впрочем, немецкая сказка о лисах, убивших корову и пригласивших волка разделить ее, — волк все забрал себе, дав просительницам лишь по маленькому кусочку). Окончание сказки можно условно квалифицировать как сюжет АТ 35 В*, хотя здесь нет центрального мотива, на котором строится сюжет: трикстер вовлекает партнера в капкан, чтобы достать приманку. Капкан, выданный за молчаливого судью, — оригинальный мотив.

Вар.: см. коммент. к № 83.

№ 142

Латыши: Арайс 195.

АТ 80.

Сказка о еже, выжившем хозяина из его норы, имеет разные мотивировки: неадаптивный хозяин напуган ежовыми иглами, либо еж так запакостил жилище, что хозяин вынужден его покинуть (так именно сформулирован сюжет у Томпсона). Сказку знают в разных уголках Европы (Прибалтика, Ирландия, Германия, Испания, Италия, Греция), но записей ее немного. Древность сюжета несомненна: уже Архилох (VII в. до н.э.) упоминает о еже, выжившем лису. Известен сюжет и за пределами Европы.

Вар.: **Аз:** айс: Матвеев 226; **Афр:** хау: Лаптухин 19; **Лит-ра:** Толстой 66.

№ 143

Литовцы: Королева 61.

АТ 293 G*.

Сюжет распространен в Прибалтике. Сходная сказка — о радже и птичке, нашедшей жемчужину, — записана в Индии.

Вар.: Евр.: лат: Арайс 196; рус: ВСС 293 G*; Аз: инд: Урду 153.

№ 144

Абхазы: Шакрыл 14.

АТ 30.

Сказка о падении волка в яму известна от Индокитая до Ирландии. Рано вошел этот сюжет и в литературу («Роман о Лисе», «Тысяча и одна ночь»). Лишь на севере Европы и на Украине лиса предлагает волку бежать наперегонки (в формулировке Аарне–Томпсона — основная проделка), чаще же она предлагает прыгать через яму. Свинья как трикстер в этом сюжете встречается лишь на Кавказе и на Украине.

Вар.: Евр.: лат: Ниедре 1948 34, Арайс 110; пол: Глинкин 33; рус, укр: ВСС 30; Аз: вьет: Никулин 31, Козел 24, 212; каз: КС III 258; туркм: Стеблева 1969 12; Лит-ра: Тысяча и одна ночь 149.

№ 145

Китайцы (чжуан): СНК 310.

ТМ В 264.3.

Сюжет известен в Индии и Китае.

Вар.: Аз: кит: СНВ 1962 261.

№ 146

Тувинцы: Тува 35.

АТ 235.

Тип сформулирован в АТ следующим образом: «Сойка берет на время оперение кукушки и не возвращает его». К нему можно отнести массу других сказок, совершенно независимых от сюжета с сойкой, но с тем же результатом: отдавший на время лишается навсегда оперения, хвоста, рогов и т.п. Подобные сказки всегда имеют этиологическую концовку и распространены во всех частях света. В Северной Европе речь идет обычно о птицах. В фольклоре тюрко-монгольских народов в дураках оказывается верблюд.

Вар.: Аз: вьет: Козел 91 (рыбы); каз: КС I 172; калм: Джимбинов 144 (петух и павлин); кит: Глаза 157 (петух и олень); монг: Потанин 1881 167, Беннигсен 19; Афр: балуба: Конго 96 (черепаха и попугай); буш: Коль-Ларсен 1962 104 (антилопа и водяной козел); малаг: Мадагаскар 41 (кукушка и зимородок); Евр.: лат: Арайс 212 (кулик и голубь); Ож: полинез: Океания 159 (летучая собака и крыса).

№ 147

Алтайцы: Танзаган 46.

АТ 120.

Этот древний сюжет, по-видимому восточного происхождения, известен повсюду. Он встречается в римской историографии (царем Тира станет тот, кто пер-

вым увидит солнце), в средневековой повествовательной литературе. Рассказывается и о людях (два соперника, купец и вдова), и о споре крестьянина с чертом. Чаще речь идет о животных (лиса или медведь и свинья). В Средней Азии, у монголов, в Сибири эта история обычно связывается с двенадцатигодовым циклом, в котором каждый год называется по животному. Хотя публикуемая алтайская сказка литературно обработана, она сохраняет устойчивые черты тюрко-монгольской версии.

В двенадцатигодовом цикле мыши принадлежит не последний год, как говорится в этой сказке, а первый. Остальные годы названы здесь в правильной последовательности.

Вар.: **Аз:** бур: Потанин 1883 143; каз: КС I 187, Смирнова 17–20; кирг: Брудный–Эшмамбетов 1977 306; монг: Беннигсен 20; тадж: Молдавский 291; тиб: Глаза 167, Дэнба 75; **Север:** тоф: Шерхунаев 234; як: Эргис 17; **Евр:** кар: Конкка 1959 126; **Кавказ:** груз: Глonti 126.

№ 148

Немцы: Grimms 38.

АТ 65.

Сказка бытует в основном на севере Европы (Германия, Дания, Норвегия). Вместо лисы иногда появляются другие разборчивые невесты: кошка, ворона. Тема Матроны Эфесской, перенесенная в животный мир, известна уже «Роману о Лисе», где Ренар, прикинувшийся мертвым, возвращается домой в одежде трубадура, когда там готовятся к свадьбе (пародийное осмысление знаменитого сюжета «Муж на свадьбе своей жены»). Серьезная новеллистическая ситуация испытания верности предстает в животном эпосе в сниженном, комическом варианте.

№ 149

Русские: Афанасьев 14.

АТ 43.

Сюжет распространен в Восточной Европе. Более всего вариантов, представляющих полную версию, — у русских. К этому типу относят и три индийские сказки о домиках, построенных из навоза и воска. Когда навозный домик размыт дождем, его обитатель хочет перебраться в домик из воска (см. также Бедкер 1048: ворона построила гнездо из соли, оно размыто, просит пристанища у воробья, которому она не дала щепотки соли). Связь индийской версии, очень неустойчивой (здесь все время меняются персонажи — от обезьян до птицы с мышью), с восточноевропейской сказкой АТ 43 — более чем проблематична. Д.Ной указывает два курдских варианта этого сюжета — об овце и козе, о козе и ленивом козле, также далекие от восточноевропейской версии. Характерная черта русских вариантов этой сказки — изгнание лисы петухом (шмелем). Эта развязка не входит в формулировку сюжета в АТ — так же, впрочем, как и в сюжете АТ 212, о козе лупленой. Между тем она устойчива в полной версии.

Вар.: **Евр:** лат: Арайс 192, Ниедре 1948 34; морд: Евсеев 9; рус, укр, бел: ВСС 43, Ончуков 276, Боровик–Мирер 1, Зиновьев 2, Морохин 3; удм: Верещагин 196.

№ 150

Русские: Зиновьев 18.

АТ 212.

Сказка о козе лупленой распространена по всей Европе. Есть и африканские ее варианты, едва ли связанные с основной версией. Вторая ее часть — изгнание козы — имеет особый номер у АТ среди формульных сказок (АТ 2015; ср. также АТ 43). Только этот эпизод и встречается в африканских сказках. В романских вариантах (Италия, Португалия, Франция) коза нередко убивает старика. Здесь же коза может принадлежать и колдунье, посылающей мальчиков пасти ее. Выгоняют козу петух, еж, пчела (в Африке муравей выгоняет змею). Песенки в тексте — характерная черта сюжета (в публикуемом варианте отсутствует обычная характеристика козы: «дереза», «полбока луплена»).

Газимур — река в Забайкалье.

гребелка — гребень горы.

имануха — коза.

Вар.: **Евр:** вен: Ортутаи 64; лат: Арайс 251, Ниедре 1958 281; лит: Королева 57; рус, укр, бел: ВСС 212, Багизбаева II 241, Кирюхин 4, Урал 155, Фридрих 14, 15, Шурыгин 111, Сибирь 50, 62, Ончуков Неизд шокш 10, Новгород 20, 21; хор: СНЮ 185; **Аз:** пер: Розенфельд 23; тат: Замалетдиднов 59; **Кавказ:** ног: Ногайские 5; осет: Дзагуров 23; **Афр:** мас: Харузина 29; ндибу: Ангола 85.

№ 151

Русские: Смирнов 16.

АТ 61 В.

Сказка известна более всего в России и Прибалтике (Литва, Латвия), гораздо реже — у ближайших соседей. Устойчивый элемент русских вариантов — не только песенки, которыми лиса сманивает петуха, но и формульный характер всех вообще разговоров. Содержание песенок сильно варьируется, равно как и набор персонажей (к более или менее обязательным коту, петуху и лисе добавляются дрозд, воробей, баран; у лисы семья от трех до семи лисят, с разными именами; кот не только берет гусли, но и переодевается гуслиаром и т.п.). В некоторых вариантах вместо петушка речь идет о жихарке, которого утащила яга, и здесь сказка переходит в сюжет АТ 327 («Мальчик у ведьмы»).

В нашей перепечатке не сохраняются фонетические особенности записи.

порато — сильно.

и другой и третий након — во второй и третий раз.

Вар.: **Евр:** кар: Конкка–Тупицына 2; лат: Арайс 254, 255, Алксните 47; лит: Королева 27; морд: Мордва 32; пол: Щербаков 19; рус, укр, бел: ВСС 61 В, Боровик–Мирер 16, Багизбаева I 190, Фридрих 15–17, Зиновьев 69, Морохин 7, Устье 1, Пудож 20, Ончуков Неизд шокш 1, Новгород 18, 19; чехи: Чешские 356.

№ 152

Персы: Османов 1987 15.

АТ 123.

Один из популярнейших сюжетов мирового фольклора. Сотни устных вариантов, десятки литературных обработок, множество версий, где меняются персонажи, мотивы, «тесты» (хищника «проверяют» не только на голос, но и на лапу, на хвост), финалы — все это составляет необычайно пеструю и сложную историю знаменитого сюжета. Предлагаемый персидский вариант принадлежит к одной из наиболее полных версий, распространенной у фарсиязычных народов. Ее отличительные черты — главные персонажи: волк и коза с козлятами (от трех до семи),

кратко изложенный мотив вторжения волка, положительная роль кузнеца, развернутый эпизод битвы между козой и волком. В других регионах столь отчетливых версий нет — кроме балканской, получившей в каталоге АТ особый номер АТ 123 А (лиса покупает жеребенка — волк меняет голос, проникает в дом и пожирает его). В европейских сказках речь часто идет не о козе, а о женщине с детьми. Человеческие персонажи типичны и для африканского материала, для Дальнего Востока (тигр, пантера, людоедка — и дети). На Дальнем Востоке наказание хищника связывается с сюжетом АТ 210. Подробнее о сюжете АТ 123 см. в нашей работе: Костюхин, с. 103–110.

Вар.: **Аз:** ар: Винников 49, 50; белуджи: Порожняков 10; бирм: Бирма 1976 29; бур: Элиасов 1973 84; пер: Ромаскевич 31; тадж: Сухаревы 1–8, Памир 77, Свод Т047, Т212, Т412; тат: Замалетдинов 39; тур: Стеблева 1986 7; **Евр:** бельг: Барбовер 272; лат: Арайс 138; лит: Королева 42; молд: Молдавия 14; морд: Шахматов 251, 309, Мокша 25; нем: Гриммы 5; рус, укр, бел: ВСС 123, Боровик–Мирер 12, Онегина 54, Зиновьев 12, Морохин 13, Новгород 31; серб: СНЮ 229 (АТ 123 А); **Кавказ:** ав: Атаев 4; ад: Максимов–Керашев 307; груз: Курдованидзе 20; инг: Багрий II 47; **Север:** як: Эргис 43; **Афр:** бари: Судан 252; каранга: США 1976 127; коса: Лионго Фумо 356; мам: Анпеткова–Шарова 30; Сенегал 93; сусу: Бисау 129; хау: США 1959 204; **Ок:** Океания 58; **Лит-ра:** Лафонтен IV 15, Толстой 48.

№ 153

Англичане: Шерешевская 11.

АТ 124.

Популярный в западноевропейском фольклоре сюжет (Англия, Ирландия, Бельгия, Франция, Италия, Испания — всюду эта сказка записывалась) получил всемирную известность благодаря мультфильму Уолта Диснея и дерзкой песенке поросят, которым не страшен серый волк. До русской фольклорной традиции сказка тем не менее не дошла (известны лишь одна украинская публикация и русская сказка, рассказанная Ф.П.Господаревым), хотя в пересказе С.Михалкова она вошла в круг детского чтения. Хорошо знают эту сказку в Америке. Чаще всего речь идет о трех поросятах, но С.Томпсон предлагает иную формулировку сюжета — с гусем, строящим дом из перьев, и свиньей с ее кирпичным домом. Сказке же о трех поросятах Томпсон присвоил особый номер — АТ 124 А* — на основании валлонского и испанского вариантов. В южноевропейской версии волка дурачит гусыня, которой кузнец сделал железный домик.

Вар.: **Евр:** рус, бел: Господарев 78; укр: ВСС 124 А*; фр: Франция 4; **Аз:** корейцы: Феи 336.

№ 154

Немцы: Гриммы 27.

АТ 130.

Эта популярная европейская сказка, привлекавшая внимание видных сказковедов (ей посвятил специальное исследование А.Аарне), имеет незначительные региональные особенности (животные приняты за ремесленников, они строят собственный дом и изгоняют посягающих на него волков или разбойников). За пределами Европы сюжет встречается гораздо реже, причем немногочисленные варианты чаще всего зависимы от европейских. На Востоке распространен другой сюжет, родственник европейскому, — АТ 210 (см. здесь № 156).

Вар.: Евр: алб: Албанские 248; англ: Шерешевская 78; бельг: Барбовер 223; кар: Пажлаков 91; лат: Арайс 133, 136, 236, 239, Ниедре 1948 47; лит: Королева 37; морд: Шахматов 315, Евсевьев 10, Эрзя 4; норв: Асбьернсен—Му 5; пол: Глинкин 41; рус, укр, бел: ВСС 130, Комовская 76, Фридрих 9, 10, Зиновьев 10, Тверь 124, 236; серб: СНЮ 215; удм: Кралина 32; фин: Сказки финские 19; фр: Франция 9; чехи: чешские 325; чув: Чувашия 210; шотл: Шотландия 275; **Кавказ:** абх: Шакрыл 13; ад: Хуажев 200; лаки: Багрий II 48; осет: Бязыров 46; **Аз:** ар: Винников 25; калм: Ватагин 261; курды: Фаризов—Руденко 20; пер: Османов 475; тадж: Амонов 32, Свод Т024, Т354, Т399; тат: Замалетдинов 53, 55; узб: Афзалов I 37; **Афр:** эф: Эфиопия 114.

№ 155

Мордва: Эрзя 4.

АТ 130 (130 В + 130 А + 130).

Своеобразие восточноевропейских вариантов сюжета АТ 130 в том, что животные не вторгаются в чужой дом, а строят собственный (вернее, строит один из обитателей, а другие приходят к нему с наступлением холодов), а затем прогоняют пришельца. См. также комментарий к предыдущей сказке.

Вар. к АТ 130 А и 130 В: Евр: кар: Пажлаков 91; коми: Коми 20; лат: Арайс 133, 136, 238; лит: Королева 37; морд: Шахматов 315; рус, укр, бел: ВСС 130, Боровик—Мирер 19, Никифоров 62, Анисимова 132, Фридрих 9—11, Багизбаева II 241, Зиновьев 10, Онегина 18, Тверь 124; удм: Кралина 32; **Север:** ханты: СНС 1959 52.

№ 156

Японцы: Seki 6.

Икеда 9 + АТ 210.

Тип АТ 9 представлен в Японии оригинальной версией с приготовлением рисовой каши, достающейся не трикстеру, а честному труженику. Более половины японских вариантов, относящихся к этой версии, имеют продолжением всемирно известный сюжет АТ 210. Со времени исследования А.Аарне об этом сюжете, написанного в начале XX в., количество его вариантов заметно увеличилось, и обзор их подтверждает правоту Аарне, считавшего этот тип азиатским по происхождению и возводившего к нему популярную в Европе сказку о странствиях животных (АТ 130: Бременские музыканты). Точка зрения В.Юнгмана, видевшего родину сюжета в Северо-Восточной Европе, где он сложился на основе античной басни о путешествии животных и вещей, а затем через Южную Европу проник в Азию, — недостаточно аргументирована. Особенность сюжета АТ 210 — бесконечное варьирование персонажей. В роли обиженных выступают старуха, старик, краб, курица, воробей, заяц и т.д., в роли обидчиков — обезьяна, шакал, хорек, ястреб, особенно же часто — черт, баба-яга, ведьма, чудовище (таковы и русские варианты о Верлиоке, без достаточных оснований выделенные в особый тип — АТ 210*). Еще пестрее набор союзников — от самых ничтожных предметов (чаще других фигурируют навоз, ступка и иголка) до коровы и кошки.

мораи — суффикс, указывающий на обращение к близкому человеку.

мохи — клейкая рисовая каша, сделанная из толченого риса, сваренного на пару.

иголка из татами — длинная тяжелая игла, которой вышивали на татами — соломенных матах.

мисо — соленая паста из соевых бобов, употреблявшаяся для приправы.

с рук сбыто! («дондо хараи») — традиционная концовка сказки, восходящая к формуле рыночных торговцев.

Вар.: **Аз:** алт: Танзаган 111; бирм: Бирма 1976 19, Бирма 1977 13, Маунг 69; бур: Элиасов 1959 275; инд: СНВ 1962 163, Зограф 1964 31, 50 (= Зограф 1976 63, 65); кит: Глаза 183, Рифтин 122, Рифтин 1972 48, СНК 255; корейцы: Феи 234; пер: Османов 1987 416; сиам: Ключ 62; таг: Рыбкин 100; тув: Таубе 29; яп: СНВ 1938 184; **Евр:** алб: Албанские 214; лат: Арайс 241, Алксните 89; лит: Литовские 68, Королева 33, 144, 377; нем: Гриммы 10, 41; рус, укр, бел: ВСС 210*, Рождественская 34; слов: Богатырев 160; **Кавказ:** абх: Шакрыл 13, Бгажба 209; груз: Дolidзе 89 (= Курдованидзе 26); **Север:** нан: СНС 1951 352; нен: Ошаров 192; эвен: СНС 1951 302; энцы: Долгих 32; Ам: Однажды 33.

№ 157

Коми: Коми 20.

АТ 126 А*.

Сюжет наиболее популярен в Восточной Европе, но отдельные его варианты встречаются и в Мексике, и в Индии. Пришла эта сказка и в Поволжье, к народам Севера, на Кавказ и в Среднюю Азию. Наиболее распространена версия с медведем-гадальщиком. В других случаях падающему кричат, чтобы он хватал самого большого волка, а в Мексике волки запуганы тем, что баран мочится на них с дерева, а потом падает (Роуб 126 А*). Сюжет часто контаминирован с типами АТ 125, АТ 126.

Вар.: **Евр:** кар: Конкка 1963 10; рус, укр, бел: ВСС 126 А*, Афанасьев 46, 554, Ончуков 254, Зеленин Вят 83, Якушин 284, Рудченко I 24 (= Березовский 188); **Север:** нен: Ошаров 221; манси: СНС 1951 25; **Кавказ:** абх: Шакрыл 1; ад: Хуажев 205; азерб: Багрий — Зейналы 478; осет: Бязыров 46; **Аз:** инд: Зограф 1971 9; каз: КС II 200; кирг: Брудный–Эшмамбетов 1977 248; тадж: Свод T108; тат: Замалетдинов 52; тув: Таубе 53; туркм: Стеблева 1969 9, 10; узб: Афзалов I 17; уйг: Кабиров 117.

№ 158

Дунгане: Хасанов–Юсупов 40.

АТ 239.

Сказка сложилась в Индии. История об олене, попавшем в ловушку и обманувшем охотника (Бедкер 504), известна уже в джатаках. Она стала одним из эпизодов развернутого сюжета о дружбе животных, любимого в древнеиндийской литературе («Панчатантра», «Хитопадеша», «Океан сказаний»). Сюжет распространился и в соседних странах. Здесь вместо шакала появляются волк или лиса, которая сама заманивает оленя в ловушку.

Вар.: **Аз:** бирм: Бирма 1976 9; кхм: Марунова 185; монг: Михайлов 7; синг: Сингальские 32–34.

№ 159

Бирманцы (лису): Бирма 1977 167.

АТ 275 + АТ 275 А* (= АТ 1074).

Сказка принадлежит к одному из самых «универсальных» сюжетов, известных во всем мире. Именно эти две хитрости (трикстер прицепляется к хвосту и рас-

ставляет на пути своих родственников или ставит одного из них на финише) варьируются более всего. В сотнях вариантов этих сюжетов одураченными оказываются и классические простофили (волк, тигр), и популярные трикстеры (лиса), а среди их «оппонентов» — опять-таки как популярные трикстеры (черепаха), так и животные, выступающие лишь в этом (или преимущественно в этом) сюжете: рак, клещ, лягушка и т.п. При стабильности сюжетной схемы сказка о беге наперегонки отличается широким варьированием деталей. Можно говорить о нескольких региональных версиях сюжета АТ 275: победитель в состязании получает соборный урожай (средневековая Европа и Средняя Азия — см. здесь № 162), получает в жены дочь вождя (Африка). Но в большинстве случаев говорится о посрамлении самонадеянного хвастуна, и это открывает дорогу к морализации. Едва ли не любая из версий встречается не только в локально ограниченном ареале, но и далеко за его пределами. Лишь в фольклоре народов Севера сложилась очень устойчивая и только здесь распространенная версия о состязании лисы и налива. Более 20 вариантов сюжетов АТ 275 и АТ 1074 и близких к ним открывают книгу Г.Л.Пермякова «Проделки хитрецов» (1-е изд.: М., 1972) и использованы в его логико-семиотическом исследовании «От поговорки до сказки» (М., 1970).

Вар.: Аз: (для Восточной и Юго-Восточной Азии): бирм: Бирма 1977 242, 333, Маунг 7 (= Пермяков 37); вьет: Карпов 54, 58, Козел 165; индонез: Островский 46, СНВ 1962 209, Си Мелю 133 (= Пермяков 36), Брагинский 40; кит: СНК 328, 402, 424; кхм: Алеу 90, 116; сиам: Ключ 139; синг: Сингальские 10; яп: СНВ 1962 389, Пермяков 54. См. также коммент. к № 162.

№ 160

Финны: Löwis of Menar 49.
АТ 250.

«Рыбий» вариант состязания животных распространен в Прибалтике, Финляндии, Скандинавии, по одному варианту — в Германии, Ирландии. Его можно считать балто-скандинавской версией сюжета АТ 275. Постоянный герой — ерш, соперники меняются.

Вар.: Евр: лат: Анцелане 83, Погодин 443.

№ 161

Украинцы: Березовский 98.
АТ 275 А*.

Сказка о состязании между ежом и зайцем в настоящее время распространена преимущественно в Восточной Европе, а также в Испании (Богтс 275*А: состязание лисы или зайца с жабой или ежом). Можно предполагать, что ранее этот сюжет пользовался большей популярностью: древность его несомненна. В.Юнгман полагает, что античность знала его уже в эпоху ранней классики (VII–VI вв. до н.э.). Сохранилась чернофигурная ваза V в. до н.э. с изображением лисы, зайца и двух ежей. Известна и средневековая латинская обработка сюжета (состязание льва с ежом).

Вар.: Евр: лат: Арайс 194; укр, бел: ВСС 275 А*; Кавказ: осет: Дзагуров 13; Лит-ра: Толстой 179.

№ 162

Таджики: Свод Т015.
АТ 9 А + АТ 275.

Ареал этой сказки — Средний Восток и Средняя Азия. Хотя мотив состязания за урожай встречается в сюжете АТ 275 уже в средневековых баснях (латинских и армянских) и ему приписывают византийское происхождение, только в Персии и у соседних народов он связан с проделкой лиса-бездельника (она близка сюжету АТ 1530 — см. здесь № 62).

Вар.: **Аз:** (для Средней Азии): белуджи: Порожняков 105; каз: Смирнова 41, 47; тадж: Амонов 30, Памир 70; узб: СНВ 1938 3.

№ 163

Тагалы: Рыбкин 122.

АТ 275 А.

На первый взгляд этот сюжет кажется производным от АТ 275: здесь говорится о состязании контрастной пары животных и выигрывает тот, кто по логике вещей должен проиграть. Но в сюжете АТ 275 А нет главного композиционного элемента — проделки: улитка (а чаще черепаха) выигрывает благодаря беспечности ее противника. Так назидательность делается совершенно откровенной. Поэтому нет оснований считать моралистическую сказку праформой сказки о проделке хитреца (см. ВР III 339: эзоповская басня о черепахе и зайце, уснувшем по дороге, определена как праформа сюжета АТ 275). Сюжет АТ 275 А известен античной и средневековой басенной традиции. В отличие от сказки АТ 275 он более узко локализован в устном бытовании: это в основном Африка (и, следовательно, Латинская Америка и негры США). Популярность его в Восточной Азии находится в зависимости от успехов просвещения (Х.Икеда отмечает, что в Японии каждый знает эту сказку, но из школьных хрестоматий, в устной же традиции у японцев состязаются насекомые: см. Икеда 275 А).

Вар.: **Афр:** беджа: Судан 129 (= Пермяков 59); вай: Крил 32; хау: Лаптухин 21; **Евр:** алб: Албанские 209; **Лит-ра:** Эзоп 226, Бабрий 177, Белов–Вильскер 362 (= Пермяков 59), Лукман 20, Лафонтен VI 10.

№ 164

Коми: Коми 23.

АТ 135*.

Сказка распространена у финских народов, от них заимствована и русскими жителями Беломорского побережья. В русских вариантах опущен мотив дружбы мыши и сороки, мышь делает лодку из хлебной корки (так и у саамов), и действие развигивается по типу сказки о теремке (АТ 283 В*).

Вар.: **Евр:** коми: Коми 22; рус: Балашов 79, 99; Север: саамы: Чарнолуцкий 202.

№ 165

Русские: Афанасьев 82.

АТ 283 В*.

Русское происхождение этой восточноевропейской сказки несомненно: у соседей вариантов значительно меньше и в художественном отношении они слабее русских. Замечательно разнообразны прозвища животных (комар-пискун, песец-молодец, заяц-ботогун и др.). Чаще всего животные забираются жить в лошадиный череп, рукавицу, потерянный горшок.

Вар.: **Евр:** лат: Арайс 234; рус, укр, бел: ВСС 283 В*, Боровик–Мирер 5, Морохин 18.

Украины: Рудченко I 1.

AT 122 A + AT 122 M* + AT 122 N* + Кш 157e (ТМК 551.20) + AT 121 + AT 157***.

К типу AT 122 — «Волк теряет свою добычу» — в каталоге AT отнесено большое количество сюжетов о проделках, с помощью которых пойманное животное спасается от хищника. В принципе число этих проделок, объединенных типом 122, не ограничено (Томпсон ввел номер 122 Z: «Другие проделки, чтобы спастись от хищника»). Эти сюжеты принадлежат разным народам из разных регионов и зачастую между собой не связаны, так что их объединение выглядит чисто условным. Внутри разных регионов неудачи хищника, теряющего добычу, образуют цепочки из нескольких эпизодов — как и в публикуемой сказке.

В европейском фольклоре тип 122 конкретизируется как 122 A: «Волк (лиса) в поисках завтрака». Он включает несколько злоключений волка, среди которых наиболее часто встречаются его угроза лошади, лягнувшей волка, свинье, столкнувшей его в воду, и барану (ослу), также — по-разному — оставившему волка в дураках.

История сюжета AT 122 уходит в античность: уже в баснях Эзопа есть основные эпизоды этого сюжета, вплоть до заключительного сетования волка на свою глупость. Мотив этот проливает свет на генезис типа AT 122: он восходит, по-видимому, к более архаичной группе сюжетов о неудачном подражании.

Сказка о волке-дурне неоднократно использовалась средневековыми баснописцами, отразились ее эпизоды в «Изенгриме» и «Романе о Лисе». Она известна повсюду в Европе и на Кавказе, знают ее и в Средней Азии. В Восточной Европе волк нередко просит пищи у Бога (или св. Георгия) — региональная особенность сюжета.

К типу AT 122 здесь присоединяется сюжет AT 121, хорошо известный не только в Европе, но и в Индии. Нередко сюжет этот имеет предысторию, особенно популярную в Восточной Европе (как специфический мотив он выделен в польском указателе Ю.Кшижановского): портной «снимает мерку» (вар.: отмеряет «смертную свечу») с волка — избивает его аршином. Типа AT 157*** как такового нет: это версия типа AT 121, в которой портной, оставивший волка без хвоста, спасается на дереве и пугает волков. Тип AT 122 M* известен самым разным народам от Китая до Ирландии. Он совпадает фактически с типом AT 126 C*.

Вар.: к AT 122 A: **Евр:** алб: Албанские 234; болг: Болгария 173; лит: Литовские 29; молд: Молдавия 219; рус, укр, бел: ВСС 122 A, Митропольская 28, Зиновьев 9, Тверь 47; слов: Богатырев 69; удм: Кралина 24; фин: Сказки финские 21; чув: Чувашия 120, Григорьев 39; шотл: Вольнка 39, Шотландия 253; фр: Франция 11; **Кавказ:** абх: Бгажба 84; ав: Атаев 3; ад: Хужев 189, Алиева 72; азерб: Сеидов 197; груз: Долидзе 88 (= Курдованидзе 19); каб: Алиева 70; осет: Бритаев-Калоев 15; таты: Кукуллу 46; чеч: Арсанов 240, Мальсагов 153; **Аз:** бур: Элиасов 1973 33, 84; каз: Смирнова 75, 76; пер: Османов 445; тадж: Свод T076; тат: Замалетдинов 23, 36; узб: Афзалов I 55; **Лит-ра:** Эзоп 97, Ромул 44, 50, Византия 409, Новеллино 44, Орбелиани 36, Лафонтен V 8, XII 17; к AT 122 M*: **Евр:** алб: Албанские 248; лат: Арайс 157, 159; лит: Литовские 29; пол: Глинкин 34; рус, укр, бел: ВСС 122 M*, Фридрих 28, Тверь 47; серб: СНЮ 215; удм: Кралина 25; чув: Чувашия 120, Григорьев 39; эст: Эстония 278; **Аз:** кит: Глаза 186, узб: Афзалов I 25; к AT 122 N*: **Евр:** алб: Албанские 220; болг: Болгария 173; лат: Арайс 159; молд: Молдавия 219; рус, укр, бел: ВСС 122 N*; **Аз:** ар: Винников 26; белуджи: Зарубин I 19; калп: Ка-

ракалпаки 68; пер: Ромаскевич 8; тадж: Памир 73, Свод Т115, Т354; Кавказ: кум: Багрий II 5; Лит-ра: Сыркин 19 (джатака 57), Ромул 47, Рейнеке 146; к Кш 157е: Евр: лат: Арайс 38, 40, Алксните 26, Погодин 430; лит: Королева 52; рус, укр, бел: Афанасьев 56, 555, Афанасьев Легенды 32, Смирнов 170, Куприяниха 32, Боровик–Мирер 11, Соколова 64, 65, Бахтин–Ширяева 78, Кретов 12, Рудченко I 2, 4, Бессараба 43, Гнатюк Легенды 152, 166, Шейн 191–193, Романов III 12; чув: Григорьев 39; Аз: тат: Ярмухамедов 237, Замалетдинов 36; к АТ 121: Евр: бельг: Барбовер 283; вен: Гидаш 159; лат: Арайс 36, 38, Алксните 26; лит: Королева 52; рус, укр, бел: ВСС 121, Боровик–Мирер 11, Митропольская 28, Фридрих 9, Березовский 153, 172, 205, Тверь 234; удм: Кралина 24; фр: см. здесь № 73; Аз: каз: КС II 200; монг: Беннигсен 76, Потанин 1883 91-6; пер: Ромаскевич 14.

№ 167

Греки: Megas 3.
ТМ U 11.1 + АТ 122 А.

Сюжет Эзоповой басни об осле вошел в басенную традицию средневековья и нового времени и прочно закрепился в греческом фольклоре (здесь осел спасается с помощью известного трюка — лягает волка в морду).

Вар.: к ТМ U 11.1: **Евр:** укр: ВСС — 76 С* (текст спутан и недостоверен); **Афр:** эф: Ганкин 18; **Лит-ра:** Эзоп 427, Бебель II 26, Византия 409, Лафонтен VII 1, РБ 163 (Княжнин), Крылов II 4; к АТ 122 А: см. коммент. к предыдущей сказке.

№ 168

Венгры: Dégh 28.
АТ 122 Е.

Сюжет этой сказки, чаще всего фиксировавшейся на Кавказе, неустойчив. Он сближается с типом АТ 123 (коза распарывает волку брюхо и освобождает проглоченных; см. также ЕВ 8 III: волк съедает поочередно двух ягнят и падает через дымоход в кипящую воду, когда приходит за третьим, — по типу АТ 124), а также с АТ 103 С* (волк спрашивает, что у козла на голове и под брюхом — вилы и дубинка, пистолеты и подсумок). Связь основной версии (волк нападает поочередно на трех козлят), имеющей ареал от Германии до Кавказа, с североευропейской, легшей в основу формулировки у Томпсона (троль пропускает через охраняемый им мост двух козлов в надежде на то, что третий окажется жирнее, — сброшен в воду), представляется проблематичной, поскольку в скандинавской версии отсутствует стержневой мотив запугивания волка.

Вар.: Кавказ: ад: Максимов–Керашев 313; дарг: СНД 8; каб: Алиева 69; осет: Дзагуров 4; чеч: Мальсагов 139; Евр: луж: Романенко 137.

№ 169

Белорусы: Романов III 10.
АТ 101 + АТ 100 + АТ 102 + АТ 104 + АТ 103.

Сюжеты АТ 100–104 часто выступают в контаминации, и самая распространенная из них — 101 + 100. Она встречается уже в «Романе о Лисе» и средневековых баснях. Сюжеты эти известны в Европе повсеместно, более всего — у славян и в Прибалтике. Шире ареал сюжета АТ 102: его знают фарсизычные народы, он проник в Среднюю Азию, отдельные варианты записаны в Африке. Здесь он, од-

нако, находится в окружении иных сюжетов и имеет другую версию. Сюжет АТ 104 обычно служит продолжением истории о собаке — сапожнице волка и редко бывает самостоятельной сказкой (таков единственный его русский вариант).

Вар.: к АТ 100: **Евр:** кар: Конкка 1959 66; лат: Арайс 149, Алксните 38, 72; лит: Королева 44; пол: Глинкин 36; рус, укр, бел: ВСС 100, Магай 1968 16, Кирюхин 7, Фридрих 5, Сибирь 38, Тверь 47, 104; чув: Данилов 13, Григорьев 28, 39; **Кавказ:** груз: Курдованидзе 20; **Аз:** хак: Катанов 127; **Афр:** креолы: Маврикий 4; **Лит-ра:** Ромул 52; к АТ 101: **Евр:** кар: Конкка 1959 66; лат: Арайс 149, Алксните 38, 72; лит: Королева 44; морд: Акимова–Степанов 173; нем: Гриммы 48; пол: Глинкин 36; рус, укр, бел: ВСС 101, Кирюхин 7, Фридрих 5, Тверь 104; словен: СНЮ 245; **Кавказ:** абаз: Тугов 11; **Аз:** яп: Японские 145; **Афр:** эф: Ганкин 21; **Лит-ра:** Ромул 52; к АТ 102: **Евр:** лат: Арайс 143, 146, Алксните 46, 78; лит: Королева 10; молд: Молдавия 462; пол: Глинкин 37; порт: Португалия 160; рус, укр, бел: ВСС 102; слов: Богатырев 69; чув: Данилов 13; **Аз:** афг: Лебедев 1958 177; белуджи: Зарубин II 5; кирг: Брудный 117; пер: Османов 497; тадж: Свод Т092, Т394; к АТ 103: см. коммент. к № 96; к АТ 104: **Евр:** лат: Королева 21; нем: Гриммы 48; пол: Глинкин 37; рус, укр, бел: ВСС 104, Коротин 190, Тверь 104; слов: Богатырев 69, 150; удм: Первухин 3; **Аз:** туркм: Мары 4, Стеблева 1969 9.

№ 170

Синдхи (Пакистан): Schimmel I 44.

Бедкер 613 + АТ 122 G + АТ 122 H.

У Томпсона указаны лишь индийские варианты, но те же уловки встречаются и в африканских сказках. Чаще рассказывается здесь о черепахе, которая просит размочить ее панцирь в воде и спасается.

Вар.: к АТ 122 G: **Аз:** кхм: Камбоджа 80; синг: Сингальские 14, 22; **Афр:** банта: Бисау 85; балуба Конго 121; лунда: США 1959 70; суа: СНВ 1962 59; хау: Лаптухин 20; **Евр:** молд: Ботезату 58; к АТ 122 H: **Аз:** ар: СНВ 1962 32; бур: Бурятские 125; инд: Зограф 1964 53 (= Зограф 1976 52), Зограф 1971 4.

№ 171

Индийцы (хинди): Зограф 1964 68.

АТ 126 + АТ 78.

Сюжет особенно популярен в Азии и Африке. На Кавказе хищников прогоняют убежавшие из дому животные (здесь сюжет АТ 126 обычно соединяется с АТ 125). В Индии льва (тигра) изгоняет семейство шакалов, занявшее его пещеру (TR 1149). Обычная концовка сказки — гибель обезьяны, берущейся разоблачить шакала. Этот эпизод (с разными животными) имеет особый номер в указателе — АТ 78. Сюжет вошел в «Рассказы попугая», и это способствовало его популярности.

Вар.: к АТ 126: **Аз:** афг: Лебедев 1972 35; бирм: Бирма 1977 38, Маунг 14; бур: Элиасов 1959 325; вьет: Никулин 247, Козел 241; дунг: Хасанов–Юсупов 508 8; инд: Минаев 2; индонез: Островский 34; кирг: Брудный–Эшмамбетов 1977 248; кхм: Камбоджа 71, Алеу 116; пер: Ромаскевич 70; синг: Сингальские 29; тадж: Свод Т100, Т108, Т174; **Кавказ:** абаз: Тугов 12; абх: Шакрыл 1; ад: Хуажев 205; азерб: Багрий–Зейналлы 478, Сеидов 201; осет: Бязыров 46; чеч: Арсанов 235; **Евр:** рус: Серебрянников 4; **Север:** нен: Ошаров 221; **Афр:** бан: Конго 216, 217; гот: США 1959 10; иранги: США 1976 100, Сенегал 157; фула: Бисау 154; хау: США

1959 221, Лаптухин 18; хехе: СНА 1976 82; **Лит-ра:** Шукасаптати 73, Урду (Хайдари) 291; Рассказы попугая 82; к **АТ 78:** см. коммент. к № 172.

№ 172

Тувинцы: Тува 25.

АТ 78 + АТ 125.

Комическое устрашение хищника в этой сказке напоминает предыдущую индийскую сказку, но отмечено Томпсоном как особый тип — **АТ 125**. С этими двумя сюжетами, часто перекрещивающимися, контаминируется сказка о гибели простодушного советчика, с которым уstraшенный хищник связывается хвостом (лиса, обезьяна), — **АТ 78**. Более всего оба сюжета популярны в Азии и Африке, гораздо реже — в Европе (хотя сюжет **АТ 125** известен уже средневековому животному эпосу: он попал в «Изенгрим»).

кулугур — негодяй.

чадаган — тувинский струнный музыкальный инструмент.

Вар.: к **АТ 78:** **Аз:** белуджи: Порожняков 88; бирм: Бирма 1976 64, Бирма 1977 239, Маунг 14; бур: Элиасов 1959 325; вьет: Козел 241; инд: Минаев 2, Зограф 1964 68, 88 (= Зограф 1976 43, Пермяков 207); индонез: Островский 34; калм: Ватагин 259; калп: Каракалпаки 68; кит: Глаза 170, Рифтин 1972 45; кхм: Камбоджа 71; монг: Потанин 1883 169; тадж: Семенов I 1, Амонов 209, Свод Т100; тиб: Потанин 1912 20; тув: Таубе 31; **Кавказ:** азерб: Сеидов 193; дарг: Даргинские 93; лезг: СНД 33; осет: Бритаев–Калоев 132; **Афр:** гот: СНА 1959 10; хехе: СНА 1976 82; **Евр:** укр: Березовский 133, 134; **Лит-ра:** Шукасаптати 42–44, Орбелиани 53, Страпарола 10 II; к **АТ 125:** **Аз:** каз: Смирнова 77, КС II 200, III 124; калм: Ватагин 261; монг: Владимирцов 125, Михайлов 165, 203; пер: Османов 1987 281; тадж: Амонов 50, Свод Т074, Т108; тат: Замалетдинов 51, 52; тиб: Потанин 1912 20; тув: Тува 29, Таубе 53; туркм: Стеблева 1969 3; узб: Афзалов I 17; уйг: Кабилов 117; **Кавказ:** кум: СНД 18; **Евр:** алб: Албанские 248; кар: Конкка 1963 10; рус, укр: ВСС 125; серб: СНЮ 215; чув: Григорьев 32.

№ 173

Латыши: Арайс 154.

АТ 285 С.

У Томпсона указаны лишь три испанских варианта, где раскаленными камнями (булавами) накормлена змея. В латышских вариантах речь идет о волке и завершается повествование шуточной этимологией.

Вар.: **Евр:** лат: Алксните 72, Анцелане 77.

№ 174

Русские: Афанасьев 52.

АТ 106*.

Эта сказка-прибаутка известна только восточным славянам, причем заметно преобладают русские варианты (никакой перевод не сохраняет игры слов и рифму). Разница между вариантами незначительна, что заставляет думать о гипотетическом книжном источнике, но такого нет.

Вар.: **Евр:** рус, укр, бел: ВСС 106*, Сибирь 40, Ончуков Неизд шокш 19.

№ 175

Украинцы: Березовский 169.

АТ 165 А*.

Ареал сюжета — Восточная Европа, где он зафиксирован у латышей (24 варианта) и украинцев (4 варианта).

Вар.: Евр: лат: Арайс 155; укр: ВСС 165 А*.

№ 176

Сербы: СНЮ 398.

АТ 165.

Сказка известна в Прибалтике и на Балканах (кроме сербов ее рассказывают болгары). На Кавказе отправившийся на богомолье волк, проголодавшись, нападает на козленка.

Вар.: Кавказ: ав: Атаев 3; осет: Дзагуров 12.

№ 177

Молдаване: Молдавия 375.

АТ 118.

Ситуация комического устрашения разрабатывается в нескольких сюжетах, где мотивы легко переходят из одного в другой, а соперники варьируются. Обычно это лошадь или осел против медведя, льва или тигра. Таковы сюжеты АТ 118, 103 С*, 125 В*, 125 С*, 64*. Наиболее популярны следующие мотивы: лошадь высекает искры копытами, осел пугает соперника ревом, пометом («пушечными ядрами»), он ловит птицу заднепроходным отверстием, падает в воду и вытряхивает рыб из ушей, гонит оленей из леса и т.п. Ареал этого «макросюжета» огромен. Его европейская версия — АТ 118 — известна здесь повсеместно. Версия с ослом, пугающим соперника «пушечными ядрами», распространена в Испании, а типы АТ 125 В* и С* — в Венгрии и на Украине (добывание ослом воды из земли, сгибание дерева). Но родина сюжета АТ 103 С* (и близких АТ 125 В*, С*) — Азия, где его знают повсюду (см. здесь № 179). Зафиксирован этот сюжет и в Мексике (Руб 103 С*).

Вар.: Евр: лат: Арайс 174, Алксните 82; рус, укр, бел: ВСС 118, Сибирь 41; словен: СНЮ 220.

№ 178

Украинцы: Березовский 25.

АТ 88*.

Хотя С.Томпсон отмечает лишь два латышских варианта, известность сюжета выходит далеко за пределы Прибалтики: эту историю знают славяне, она зафиксирована у современных ассирийцев. Обычно она оформляется как забавный случай, бывальщина. Условно к этому типу можно отнести кавказские сказки о том, как еж посылает медведя за медом на дерево, тот падает и разбивается.

Вар.: Евр: рус, укр: ВСС 88*, Зиновьев 8; Аз: айс: Матвеев 232; **Кавказ:** ад: Алиева 78; осет: Дзагуров 13.

№ 179

Киргизы: Брудный–Эшмамбетов 1968 207.

АТ 103 С* + АТ 126.

Киргизская сказка представляет азиатскую версию сюжета АТ 103 С*, которая близка одновременно версии индийской (АТ 64*). Обычная ее концовка — это сюжет АТ 126 (осел благодарит волка за то, что тот привел ему еще одного тигра).

См. коммент. к № 177.

Вар.: к АТ 103 С*: **Аз:** ар: Винников 25; индонез: Островский 65; каз: Смирнова 79; калп: Каракалпаки 68; пер: Османов 470; тадж: Семенов I 1, Памир 73, Свод Т157; **Кавказ:** азерб: Сеидов 193; **Евр:** укр: ВСС 103 С*; **Афр:** гот: СНА 1959 10; хау: СНА 1959 228; **Лит-ра:** Страпарола 10 II, Орбелиани 53; к АТ 126: см. коммент. к № 171.

№ 180

Афганцы: Лебедев 1972 36.

АТ 214* + АТ 52.

В этом варианте сюжет АТ 52 включает несколько рассказов, один из которых — известная басня о завистливом осле (АТ 214*). У сюжета АТ 52 богатая фольклорная и литературная история. Он имеет несколько версий. Наш вариант принадлежит к классической, сложившейся, по-видимому, в Индии. В других версиях сюжет АТ 52 служит продолжением сюжета ТМ К 962 (звери уговаривают верблюда отдать себя на растерзание), имеет других «героев», другие мотивировки. Речь может идти об осле — сборщике пошлыни, растерзанном за то, что осмелился потребовать пошлыню у льва (версия, характерная для еврейской повествовательной традиции и зафиксированная в АТ), об олени (басни Эзопа, Бабрия, Марии Французской), о свинье (басни Авиана, Берехии). История сюжета чрезвычайно запутана: классическая версия, индийская по происхождению (Х.Шварцбаум), оказала сильное влияние на европейские басни, но в самой Индии современные устные варианты не принадлежат всецело к классической версии: тут и обезьяна, и коза, и ягненок, а в формулировке сюжета в указателе Томпсона-Роберта появляется кабан, известный по басне Авиана. Поэтому не лишена вероятности и гипотеза Б.Перри о зависимости индийской версии от греческих (и ближневосточных) басен. Распространенный в средневековой прозе, сюжет АТ 52 практически не встречается в устной повествовательной традиции народов Европы. Зато он остается очень популярным на Востоке. Басенный сюжет об осле, завидующем богатому убранству лошади, известен только в традиции литературной, античной и средневековой, и его афганский устный вариант — одно из редких исключений.

Сюжету АТ 52 посвящена большая литература (см., в частности, статьи Л.Г.Барага: ЕМ IV 442–445 и «Фольклор народов РСФСР». Уфа, 1984, вып. 11, с. 77–90).

хадис — предание о деяниях пророка Мухаммада.

Вар.: к АТ 52: **Аз:** кирг: Мучник 14; синг: Сингальские 9; **Кавказ:** лезг: СНД 16; осет: Бритаев–Калоев 19; **Афр:** суа: СНА 1959 97; эф: Ганкин 9, 10; **Лит-ра:** Панчатантра IV 2, Эзоп 313, Бабрий 95, Авиан (Бабрий, с. 244), Калила 188; к АТ 214*: **Лит-ра:** Эзоп 329, Бабрий 160, Белов–Вильскер 360.

№ 181

Персы: Ашрафи 347.

АТ 214 А.

Известность сюжета начинается с «Панчатантры». Вошел он и в «Книгу попугая». Сюжет широко распространен от Индии до арабских стран, включая Север-

ную Африку. Отдельные варианты за пределами этого ареала — например, в США, где слон перевозит шакала через реку лакомиться сахарным тростником, из-за воя шакала слон пойман и побит, он погружается в воду и топит шакала. Наиболее варьируется концовка сказки. Если в «Панчатантре» наказан лишь осел, а благоразумный шакал спрятался, то в Персии и на Ближнем Востоке пойманы оба (обычно верблюд и шакал) и шакал отмищен приятелем: брошен в воду, пропасть и т.п.

Вар.: Аз: инд: Ольденбург 19, Урду 101, 376; каз: Смирнова 89, 90; синг: Сингальские 39; тадж: Семенов I 1, Амонов 32; туркм: Стеблева 1969 7, 10; **Евр:** рус: Кирухин 93; **Афр:** эф: Эфиопия 114, Ганкин 10, 32; **Лит-ра:** Панчатантра V 5, Рассказы попугая 140, Орбелиани 46.

№ 182

Индийцы (урду): Урду 195.

АТ 214.

Известнейший басенный сюжет, от Эзопа до Лафонтена. В устной традиции редок.

Вар.: **Лит-ра:** Эзоп 91 (и коммент., с. 284), Бабрий 129, Римские деяния 36, Рейнеке 192, Лафонтен IV 5, Толстой 390.

№ 183

Афганцы: Лебедев 1972 19.

АТ 670 + АТ 207 А.

Редкие варианты этого сюжета С.Томпсон фиксирует в Ирландии, Бельгии и Латинской Америке. Но полной жизнью сюжет живет совсем не там, а на Востоке. В Европе он был известен уже в эпоху эллинизма. Позднее его популярность поддерживалась литературными источниками: он вошел в рамочную историю «Тысячи и одной ночи». В наше время сюжет имеет мировую известность, но чаще всего записывается на Востоке, где он обычно контаминируется с сюжетом АТ 670 («Язык животных»).

Вар.: Аз: азерб: Сеидов 193; бирм: Бирма 1977 39; каз: КС I 201; калп: Каракалпаки 67, 68; кирг: Брудный–Эшмамбетов 1968 215; пер: Энциклопедия 302; тадж: Амонов 32; узб: Афзалов I 37; **Кавказ:** осет: Бязыров 43; **Евр:** алб: Албанские 173; укр: ВСС 207 А, Гнедич 1529; **Афр:** суа: СНА 1959 118; хау: СНА 1976 173; **Лит-ра:** Тысяча и одна ночь (рамка).

№ 184

Русские: Фридрих 8.

АТ 47 D (=АТ 117* = АТ 119 С*).

Сюжет, фигурирующий в АТ под тремя номерами, восходит к джатакам и распространяется в басенной традиции поздней античности и средневековья (Афтоний, «Ромул», Штейнгель). Устные его варианты более всего известны у славян и в Прибалтике, хотя знают эту сказку и в Мексике. В восточноевропейской версии лису (шакала), прислуживавшую льву, заменили изгнанные из дому собака и кошка. От русских эта версия пришла к соседним народам.

Вар.: Аз: каз: Смирнова 93; синг: Сингальские 37; тадж: Свод Т371; тат: Замалетдинов 35; **Евр:** пол: Глинкин 39 (= Щербаков 22); рус, укр, бел: ВСС 117*, Кирухин 8, Сибирь 38; **Лит-ра:** Джатаки 143, Орбели 43, Ромул 55.

№ 185

Шведы: Скандинавия 118.

АТ 200, АТ 200 А.

Одна из самых популярных европейских сказок. Часто она имеет этимологическую концовку — почему собаки обнюхивают одна другую. Эта концовка (АТ 200 А) может разрастаться в самостоятельную сказку: собаки отправляют посланца в Рим, собачьи права утеряны — теперь ищут грамоту под хвостом (см. следующую сказку).

Вар.: **Евр:** алб: Албанские 226; лат: Арайс 246, Алксните 104, Ниедре 1948 22, Ниедре 1958 284, Анцелане 76; лит: Королева 403; луж: Романенко 131; пол: Глинкин 37; рус, укр, бел: ВСС 200, Зиновьев 20; чехи: Талова 79; чув: Данилов 14; эст: Сказки финские 39; **Кавказ:** ав: Саидова–Далгат 141; **Ам:** бразильцы: Бразилия 92; **Лит-ра:** Сакс 228, Лафонтен XII 8.

№ 186

Португальцы: Karlinger–Espadinka 20.

АТ 200 В.

Сказка фиксировалась в Германии и Восточной Европе (Польша, Венгрия, Прибалтика, Украина, Белоруссия). Древнейшая версия зафиксирована в баснях Федра: собаки отправляют послов к Юпитеру просить лучшей доли, но послы опозорились, загадив дворец Юпитера. Собаки же до сих пор ждут посланцев и обнюхиваются. В эфиопском варианте речь идет об ослах, также отправившихся просить у Бога лучшей доли. В Польше и Литве собаки посылают одного пса за перцем в Пруссию (формулировки этой версии и даны в АТ).

Вар.: **Евр:** укр, бел: ВСС 200 В; **Афр:** эф: Эфиопия 39 (ср. также: Курлендер 21); **Лит-ра:** Федр IV 19.

№ 187

Осетины: Дзагуров 22.

АТ 81.

Сюжет известен давно и повсеместно. У Эзопа и на Кавказе, а также в Польше речь идет о собаке. В Скандинавии рассказывают о зайце, в России — о тетереве. Птица является главным персонажем этой сказки и в Африке, у негров США, а также в Сибири. В малайской сказке не хотят строить дом в солнечную погоду обезьяна и краб. Сходная история рассказывается о человеке: крыша не нужна ему в хорошую погоду, а в дождь ее не возвести (АТ 1238).

куту — корзина для хранения кукурузы.

Вар.: **Евр:** пол: Глинкин 35; рус, укр: ВСС 81, Кирюхин 96; **Север:** хан: Лукина 193; **Аз:** тув: Тува 26; **Афр:** мам: Анпеткова-Шарова 4; **Лит-ра:** Эзоп 384.

№ 188

Эстонцы: Сказки финские 38.

АТ 70.

Восходящий к Эзоповой басне, сюжет широко распространен в устной традиции, особенно европейских народов. Обычно зайцы смеются над лягушками. Мотив расщепленной заячьей губы у Эзопа отсутствует, и в европейских сказках он

закрепился, видимо, под влиянием известной сказки о медведе, утащенном лоша-
дью (АТ 47 А).

Вар.: Евр: кар: Конкка–Тупицына 3; лат: Арайс 178, Анцелане 78; лит: Литов-
ские 31; пол: Глинкин 43; рус, укр, бел: ВСС 70, Леонова 4; удм: Верещагин 73;
Кавказ: абх: Бгажба 84; Аз: каз: КС III 246; **Север:** як: Эргис 14; **Лит-ра:** Эзоп
138, Бабрий 25, Ромул I 35, Белов–Вильскер 368, Орбели 126, Лафонтен II 14,
Толстой 159.

№ 189

Латыши: Арайс 191.

АТ 71.

Сказка распространена в Прибалтике (финны, латыши, эстонцы), изредка за-
писывалась у западных славян. Вместо зайца спорить с морозом может мужик (и
тогда, естественно, исчезает шутивная этимология выпученных глаз у зайца).

Вар.: Евр: пол: Глинкин 146.

№ 190

Турки: Бекташи 115.

ТМ J 2600.

Популярность этого широко известного сюжета может быть поставлена в
связь и с басенной традицией, и с известной поговоркой «Докажи, что ты не верб-
люд». В роли чрезмерно осторожных животных выступают кроме зайцев и сами
верблюды, но чаще — лисицы. Содержание «приказа» варьируется (убить всех
верблюдов, подковать их, изгнать всех бесхвостых, рогатых и т.п.). Чаще всего
сюжет фиксировался на Ближнем Востоке, на Кавказе, у мусульманских народов.

Вар.: Кавказ: арм: Карапетян 1979 135; дарг: Даргинские 28; Аз: тат: Баши-
ров 62; **Лит-ра:** Лафонтен V 4.

№ 191

Абхазы: Бгажба 10.

Ной 212*А.

Д.Ной ссылается на два варианта этого сюжета, причем один из них — кавказ-
ского происхождения. На Кавказе сказка укоренена давно: она встречается уже
среди армянских средневековых басен.

Вар.: Лит-ра: Орбели 98.

№ 192

Коми: Коми 18.

АТ 37.

Этот сюжет особенно популярен у финских народов и у русских. Он имеет две
версии: лиса идет в няньки к медведю и поедает медвежат, лиса нанята плакаль-
щицей и поедает старуху. В русских сказках о лисе-плачье завязкой служит обыч-
но комическая история о том, как старик полез на небо, усадив старуху в мешок и
взяв его в зубы. Старик заговорил — старуха упала и разбилась. Независимо от
этого типа в Индии и Африке распространен сюжет АТ 56 С, где шакал съедает
своих подопечных, демонстрируя затем единственного оставшегося детеныша.

Оригинальна латиноамериканская версия: кролик (койот) нанялся в услужение к лисе (тигру, медведю) и угощает хозяйку жарким из ее детей (Роуб 37).

Вар.: **Евр:** кар: Конкка 1959 90; коми: Коми 19; морд: Шахматов 331, Акимова—Степанов 193; норв: Асбьернсен—Му 22; рус, укр: ВСС 37, Боровик—Мирер 18, 20, Бардин 198, Завьяловский 70, Зимин 109, Кирюхин 3, Еремина 9, Сибирь 51, Ончуков Неизд шокш 6, 21, Пудож 30; удм: Первухин 5; **Север:** саамы: Керт 122; **Кавказ:** груз: Курдованидзе 12.

№ 193

Лезгины: СНД 2.

АТ 170.

У этого популярнейшего сюжета несколько версий. В Центральной России и в Европе обманщицей оказывается лиса, на севере России и в Поволжье — старушка, на Кавказе — воробышек (полуцыпленок). В других регионах действующими лицами бывают свои трикстеры (в Индии, где сюжет получил особый номер — АТ 170 А, — шакал, в Африке — паук или заяц). Наконец, во всех регионах в роли хитреца может выступать мужчина (старик, лентяй, просто «дядя»).

ковха — быстрый танец.

саз — струнный инструмент.

Вар.: **Кавказ:** ад: Хуажев 157; азерб: Багриль—Зейналлы 466; груз: Долидзе 93, 98 (= Курдованидзе 25); дарг: Даргинские 24; ног: Ногайские 4; **Евр:** бельг: Барбовер 268; кар: Конкка 1959 51, Конкка 1963 12, Конкка—Тупицына 4; коми: Коми 84; лат: Арайс 85, 93, Алксните 58; мари: Четкарев 1955 144; рус, укр: ВСС 170, Багизбаева II 289, Зиновьев 1, Онегина 31, 40, Устье 2, Сибирь 49, Тверь 236, Пудож 37, Ончуков Неизд шокш 12, 27, Новгород 30, 70; удм: Верещагин 131, Первухин 7, 8; фин: Сказки финские 4; фр: Франция 5; Аз: бур: Элиасов 1959 198; инд: Зограф 1976 35; пер: Ромаскевич 19; тадж: Памир 64, Свод Т101; тур: Стеблева 1986 8; туркм: Багриль II 29; **Север:** удэге: СНС 1959 368; **Афр:** бау: Аура Поку 67; моро: Судан 295; зве: США 1959 172, США 1976 9.

№ 194

Белорусы: Романов III 18.

АТ 154. I—IV.

Сказка известна во многих странах, особенно популярна в Европе и на Кавказе. Ядро ее составляет рассказ о том, как лиса помогла крестьянину избавиться от медведя (АТ 154.II). Обычно эта история имеет продолжением рассказ о неблагодарности крестьянина, принесшего в мешке собак вместо обещанных кур. Эта сказка (АТ 154. II—IV) популярна как в Европе, так и в Азии, встречается в Африке и Латинской Америке. Замечательна и ее литературная история — от Петра Альфонси и «Романа о Лисе» до проповедей XVII в. По мнению И.Левина, сюжет сложился в Магрибе доисламского периода (середина I тысячелетия н.э.).

В цепочке эпизодов, составляющих сюжет АТ 154, самый неустойчивый — первый: крестьянин обзывает лошадь «медвежьей едой», и является медведь. Часто его заменяет сказка о разделе урожая между мужиком и медведем (АТ 1030), что типично для русского материала, — либо история в целом обходится без завязки. Последнее звено (АТ 154.IV) часто выступает как заключительный эпизод других историй — или в сюжете АТ 56, когда лиса просит напугать ее и птица приводит ее к собакам, или лиса убегает от собак после того, как она оплакала

старуху (АТ 37). Н.П.Андреев и В.Я.Пропп выделили эпизод о лисе и ее хвосте как особый сюжет *154.1. Но самостоятельной сказки с таким сюжетом нет — это именно эпизод, являющийся заключением в сказках, относящихся к типам АТ 4, АТ 37, АТ 56, АТ 155, АТ 170.

Вар.: **Евр:** вен: Ортугаи 61; лат: Арайс 22, 25, Алксните 22, 24, Сказки финские 41; лит: Королева 55; молд: Ботезату 54; морд: Образцы 7, 13, Шахматов 320, Акимова—Степанов 193, 194; норв: Асбьернсен—Му 127; пол: Глинкин 32; рус, укр, бел: ВСС 154, Садовников 15, Боровик—Мирер 9, 18, 20, Акимова 412, Тумилевки 1958 9, Разумова—Сенькина 66, Кирюхин 9, Зиновьев 1, Леонова 1, Еремина 9, Сибирь 43, Тверь 44, 170, 236, Новгород 34; фин: Аарне 220, Сказки финские 18; фр: Франция 5; чув: Данилов 11; эст: Эстонские 13; **Кавказ:** абх: Шакрыл 6; ав: Саидова—Далгат 138, Атаев 25; азерб: Багрий—Зейналлы 505; груз: Долидзе 98 (= Курдованидзе 25), Курдованидзе 10, 21; дарг: Даргинские 44; каб: Алиева 73, 75; кум: Арсанов 333; лезг: СНД 33; осет: Дзагуров 2; **Аз:** алт: Танзаган 119; белуджи: Порожняков 88; вьет: Никулин 216; каз: Смирнова 39, 48; кит: СНК 273; корейцы: СНВ 1962 278; пер: Ромаскевич 5, 28; тадж: Памир 68, Свод Т017, Т044, Т320; тат: Замалетдинов 33; тур: Стеблева 1986 6, 70; уйг: Кабилов 286; **Север:** ительм: Меновщиков 1974 195; саамы: Керт 157.

№ 195

Казахи: Смирнова 49.

АТ 36 + ЕВ I V + АТ 154. II.

Все сюжеты, вошедшие в эту контаминацию, известны в довольно широком ареале. Наиболее распространен первый из них — о лисе, обесчестившем медведицу (в европейских вариантах: лис и медведица или волчица, заяц и лиса). В средние века он вошел в «Роман о Лисе». В современном фольклоре сюжет имеет широкое хождение. Нередко, однако, грубоватая откровенность ситуации (см. «Русские заветные сказки», № 1) подвергается «моральной цензуре»: заяц попросту побил лису, отъел у нее сзади кусок мяса и т.п. В европейских вариантах лис впоследствии переодевается, чтобы оскорбленная медведица его не узнала. На Востоке этот мотив в сюжете АТ 36 отсутствует. Эпизод с крестьянином, ставшим невольным свидетелем позора медведицы, выполняет роль связующего звена между сюжетами АТ 36 и АТ 154. II. Он характерен для тюркского фольклора. Популярная сказка о том, как лиса спасла крестьянина от медведя (АТ 154. II—IV), имеет здесь не вполне обычную концовку: крестьянин не приносит собак в мешке — они «оказываются» у него в утробе (эпизод отмечен в указателе ЕВ 1). Версия эта распространена в странах мусульманского Востока, но ее знают и в России, и в Индии.

ойбай — междометие, выражающее испуг или удивление.

кап — мешок.

шокпар — дубинка.

Вар.: к АТ 36: **Евр:** алб. Албанские 216; лат: Арайс 132; рус, укр: ВСС 36; чув: Чувашия 64; **Кавказ:** азерб: Багрий—Зейналлы 505; груз: Долидзе 94; лезг: СНД 16; **Аз:** бирм: Бирма 1976 182; каз: Смирнова 39, 48; тадж: Семенов I 3, II 11, Свод Т018, Т027; **Афр:** ганда: СНА 1976 86; суа: Лионго Фумо 13; **Лит-ра:** Рейнеке I 13; к ЕВ I V: **Аз:** инд: Урду 70, Зограф 1971 8; каз: Смирнова 39; кирг: Брудный—Эшмамбетов 1968 204; пер: Ромаскевич 5, 28; тадж: Свод Т027, Т044; **Кавказ:** азерб: Багрий—Зейналлы 505; **Евр:** рус: Смирнов 185; к АТ 154: см. коммент. к № 194.

№ 196

Узбеки: Афзалов I 33.

АТ 155.

Это один из самых знаменитых сюжетов животного эпоса. Записано более тысячи его вариантов во всех частях света. Прочно вошел он и в литературу. Меняются неблагодарные животные, судьи, спасители (так, лишь в мексиканском фольклоре, по данным С.Роуба, в роли неблагодарных животных выступают змея, лев, крокодил, тигр, ягуар, волк, а в роли спасителей — койот, лиса, кролик, черепаха, петух). Варьируется и концовка: в указателе сюжетов восточнославянских сказок эта история получила название «Старая хлеб-соль забывается» — не только неблагодарная змея (волк) живет по этому закону, но и мужик убивает свою спасительницу-лису.

Родиной сюжета считали Индию (К.Крон) или Малую Азию (Т.Бенфей, В.Юнгман). Поскольку индийские варианты не дают единой версии сюжета, калейдоскопически соединяя черты разных версий, предпочтительнее малоазийское происхождение этой сказки. Узбекская сказка представляет версию, распространенную в Персии, Афганистане и Средней Азии. Ее устойчивые черты: змея спасена из огня, судят корова, дерево и лиса. Обзор версий сделан И.Левиным в комментарии к осетинским сказкам (Дзагуров 18).

Вар.: аз: айс: Матвеев 229; афг: Лебедев 1972 14; бирм: Бирма 1976 10, 91, Маунг 17; бур: Элиасов 1959 360; вьет: Харитонов 153; дунг: Хасанов-Юсупов 508; инд: Ольденбург 25, Зограф 1964 92 (= Зограф 1976 40), Зограф 1971 49, Урду 49, 352; индонез: Островский 82, Бали 40; каз: Смирнова 82–84, КС III 92; корейцы: Феи 357; кхм: Алеу 134, 292, Марунова 177; монг: Михайлов 162; синг: Сингальские 45; тадж: Семенов II 2, Амонов 279, Свод Т376; тиб: СНК 144, Дэнба 73; тув: Тува 28; тур: Стеблева 1986 6, 70; туркм: Стеблева 1969 41; уйг: Кабилов 286; хак: Балтер 117; **Кавказ:** абх: Бгажба 219; азерб: Багрий I 9 (= Багрий-Зейналлы 513); арм: Багрий III 119; груз: Курдованидзе 22; дарг: Даргинские 20; каб: Алиева 71; кум: СНД 26; лаки: СНД 85; ног: Ногайские 6; осет: Бритаев-Калоев 25, Дзагуров 18, 26; чеч: Арсанов 240; **Евр:** алб: Албанские 236, 264; болг: Болгарские 178; босн: СНЮ 395; лат: Арайс 25; молд: Молдавия 372; морд: Образцы 18, Мокша 29; пол: Глинкин 43 (= Щербаков 25); рус, укр, бел: ВСС 155, Багизбаева I 192, Кириухин 1, 2, Фридрих 6, Новгород 32; удм: Кралина 26; шведы: Скандинавия 116; эст: Эстонские 275; **Север:** эв: Сергеев 27; **Афр:** балуба: Конго 65 (= СНА 1976 88); бангала: Конго 153; гот: Блик-Каллзуэй 13; зомбо: Ангола 24; креолы: Маврикий 9; мам: Анпеткова-Шарова 22; мандинга: Бисау 174; мбунду: Ангола 215; моро: Судан 306; ндибу: Ангола 87; нил: Судан 157; нуб: Харитонов 154; Сенегал 46, 149; суа: Лионго Фумо 259; суд: СНА 1959 261; сут: СНА 1959 39; эф: СНВ 1962 58, Эфиопия 66, 242; **Ам:** кубинцы: Куба 143; **Лит-ра:** Рассказы попугая 127, Тысяча и одна ночь 150, Альфонси (Латинская 178), Рейнеке III 4, Орбелиани 110, Лафонтен X 2, Толстой 268.

№ 197

Мордва: Эрзя 5 (= Шахматов 158).

(АТ 295) + АТ 163.

Популярная восточноевропейская сказка (Россия, Латвия, Литва, Поволжье). «Пессимистическая» и «оптимистическая» (волк или медведь убит) концовки встречаются на равных, хотя сказка с «мрачным» финалом естественно сближает-

ся со «страшилками». Эпизод с дочкой и сынком с войлочным животом и тростниковыми ножками — из поволжской (и сибирской) версии сюжета АТ 295 (см. здесь № 255).

Вар.: Евр: дат: Скандинавия 37; лат: Арайс 166; лит: Королева 66; морд: Мокша 37; рус, укр, бел: ВСС 163, Анисимова 126, Акимова–Архангельская 84, Фридрих 13, Зиновьев 14, Еремина 22, Сими́на 46, Онегина 70, Сибирь 48, Ончуков Неизд шокш 11, 18; удм: Гаврилов 4; Аз: калм: Джимбинов 129.

№ 198

Русские: Ефремов 157.
АТ 161 А* = АТ 163 В*.

Сказка известна в Восточной Европе. Обычно речь идет о медведе, реже о волке (или яге). Иногда сказка оканчивается наказанием обидчика, но чаще медведь убит или запуган.

Вар.: Евр: лат: Арайс 169; лит: Королева 69; морд: Образцы 2; рус, укр, бел: ВСС 161 А*, Леонова 7, 8, Зиновьев 15, Фридрих 2, 12, Морохин 14, Сибирь 47, Тверь 235, Новгород 25–27.

№ 199

Русские: Смирнов 15.
ВСС — 161 А** (= АА *160 I).

Популярная у русских и на Кавказе сказка, не нашедшая себе места в указателе АТ (хотя С.Томпсон дал сюжету АА *160 I номер 163 В*, но формулировка его практически совпадает с АТ 161 А*). В кавказских вариантах действуют волк и ослица (свинья).

Вар.: Евр: рус: ВСС — 161 А**, Новгород 25; Аз: тат: Замалетдинов 47; Кавказ: ав: Атаев 14; груз: Долидзе 87; дарг: Даргинские 22; осет: Шифнер 68, Бритаев–Калоев 17; чеч: Мальсагов 64.

№ 200

Белорусы: Федеровский III 109.
АТ 168 = АТ 160 А.

Ареал этого сюжета — Прибалтика и прилегающие районы, где варианты более редки. Часто он представляет бывальщину, реже — сказку о ловком цыгане-музыканте, которому удалось выбраться из ямы (Украина, Германия), или скрипаче, оказавшемся в яме в компании с волком и медведем (см. Кш 160 А).

Вар.: Евр: лат: Арайс 164; рус, укр, бел: ВСС 168, Фридрих 7.

№ 201

Чехи: Талова 66.
АТ 38.

Мотив защепленной лапы (хвоста и т.д.) встречается в нескольких сюжетах. Соперники варьируются: человек и великан, лиса и медведь, дровосек и лев — как и мотивировка. Одна из самых старых мотивировок, известная уже в древнем Египте, связана с сюжетом АТ 157 А: лев отправляется на поиски человека и становится жертвой проделки с клином. Другая мотивировка защемления лапы свя-

зана с сюжетом АТ 151 (обучение играть на скрипке). Сюжет АТ 38 известен во всех частях света, более всего — в Европе, где он вошел в «Роман о Лисе». На северо-востоке Европы сюжет имеет этиологическую концовку (почему у медведя короткий хвост).

Вар.: Евр: лат: Арайс 17; пол: Кш 38; рус, укр: ВСС 38, Зеленин Вят 22; фр: Франция 23; Аз: каз: КС II 169; тадж: Свод Т377; Лит-ра: Ренар I 580, Рейнеке 35. См. также коммент. к № 123.

№ 202

Русские: Дон 211.

АТ 161 В*.

Сюжет обычно входит в сказку о Борме-ярыжке (АТ 485), но его место, конечно, следит животного эпоса. Как отдельная сказка он бытует в Восточной Европе.

Вар.: Евр: лат: Алксните 29; рус, бел: ВСС 485 В*, Устье 50.

№ 203

Поляки: Глинкин 42.

АТ 1061 + АТ 151 + АТ 1159.

Сказку знают в Европе повсеместно, в других регионах она редка. С одной стороны, этот сюжет связан с типом АТ 38 (лапа в расщелине дерева), с другой — с проделкой человека над глупым чертом (великаном) — АТ 1159 или АТ 1091. Здесь именно и появляется обценный мотив женщины, поставленной на четвереньки, что напоминает черту о расщелине и обращает его в бегство (в публикуемой сказке этот мотив несколько смягчен). К группе сюжетов о состязании человека с чертом относится и эпизод с разгрызанием орехов вместо камней (АТ 1061). Мотив испытания героя, получающего в жены королевскую дочку, в этой сказке очень устойчив — от Гаскони до Поволжья. В некоторых вариантах в беду попадает не только лев (медведь), но и другое животное (в Индии человек запугивает тигра, шакала и медведя — см. TR 151), что, в свою очередь, сближает сюжет с типом АТ 152.

Вар.: Евр: лат: Арайс 29; лит: Королева 54; нем: Гриммы 8; рус, укр, бел: ВСС 151, Морохин 75; фр: Франция 23; чув: Данилов 10; Аз: инд: Зограф 1971 6 (= Зограф 1976 48).

№ 204

Ингуши: Мальсагов 152.

АТ 153 + АТ 152.

Типы АТ 151, 152 и 153 нередко включают подробности непристойного свойства. Сказка о холощении медведя обычно имеет продолжение: медведь требует того же от мужика — тот подставляет вместо себя жену (то же — в сказке о мужике и глупом черте, АТ 1133). Сюжет популярен на севере Европы и в Германии, а к югу и востоку Европы его известность падает.

нухдувхирг — лопатка для очистки лемеха от земли.

Вар.: к АТ 153: Евр: укр: ВСС 153; к АТ 152: см. следующую сказку.

№ 205

Русские: Зеленин Перм 568 (примеч. к № 70).

АТ 152 В*.

Сказка известна в Европе повсеместно, но редко печатается полностью из-за непристойного конца. В отредактированном виде это тип АТ 152, где потеряна «изюминка» этой сказки — комизм истолкования пострадавшими животными эротических забав мужика. Эпизод «сделать медведя пегим» рассказывается и как самостоятельная сказка, и в качестве одной из проделок человека, калечащего животных.

В нашей перепечатке устранены диалектные фонетические особенности.

паук — здесь: паут, слепень.

пеганый — пегий.

сабан — плуг.

Вар.: **Евр:** лат: Арайс 20; рус, укр: ВСС 152; фр: Франция 23; **Лит-ра:** Майков В. Избранные произведения. М.–Л., 1966, № 43.

№ 206

Белорусы: Федеровский I 488.

АТ 298 А.

Ареал сюжета — восточные славяне и Прибалтика.

Вар.: **Евр:** лат: Арайс 300; рус, укр, бел: ВСС 298 А.

№ 207

Украинцы: Рудченко II 7 (перевод по кн.: Украинские народные сказки. М., 1956, с. 9).

АТ 159.

Сказка фиксируется в Восточной Европе, где речь идет о соломенном бычке. Особая версия сложилась на Кавказе: звери тайком терзают лошадь, пойманы ее хозяином и откупаются — все, кроме медведя (далее — АТ 154.II).

Вар.: **Евр:** кар: Конкка 1963 11; лит: Королева 48; рус, укр, бел: ВСС 159, Боровик–Мирер 13, Пудож 4; **Кавказ:** ав: Саидова–Далгат 138, Атаев 25; кум: Арсанов 333; лезг: СНД 33.

№ 208

Латыши: Арайс 32.

АТ 179 В*.

Очень популярная у латышей (около 50 вариантов), эта сказка встречается иногда и у соседей.

Вар.: **Евр:** рус: Балашов 157.

№ 209

Индонезийцы: Си Мелю 128.

АТ 157.

Сюжет всемирной известности, восходящий к басне Эзопа. Обычные персонажи этой сказки — лев, медведь, волк (в Тибете — тигр, у негров США — аллигатор и даже кит). Уже в древности закрепляется комическое истолкование человеческого оружия. Сimalурская сказка предлагает экзотический набор персонажей, принадлежа к основной версии.

Вар.: **Евр:** лат: Арайс 41; луж: Романенко 130; молд: Ботезату 56; нем: Гриммы 72; норв: Асбьернсен 75; рус, укр, бел: ВСС 157, Леонова 6, Ончуков Неизд

тавд 63; слов: Богатырев 170; удм: Верещагин 74, Кралина 29; чув: Данилов 9; **Кавказ**: осет: Дзагуров 8; **Север**: чук: Богораз 105; юк: Иохельсон 13; **Аз**: бур: Элиасов 1959 85; **Ам**: Однажды 54; **Лит-ра**: Эзоп 287, Бабрий 1.

№ 210

Египтяне древние: Кацнельсон 215.

АТ 157 А + АТ 38 + АТ 75.

Древнеегипетская сказка, зафиксированная в папирусе II в. н.э., объединяет три популярных сюжета. Рассказ о том, как лев искал человека, здесь не полон: в нем отсутствует проделка, с помощью которой был пойман лев. Нет здесь и обычной мотивировки поисков: старый лев наказывает львенку остерегаться человека. Зато полно изложен мотив поисков и встреч с животными, пострадавшими от человека. Этот сюжет одинаково популярен в средневековой литературе и современном фольклоре. Львенок (тигренок) либо вовлечен в сеть, либо человек заманивает его в клетку. В Иране и на Кавказе своеобразна мотивировка поисков: тигр удивляется тому, как мал кот, узнает, что виною этому человек, отправляется ему мстить за издевательство над родственником.

Связь сюжета АТ 157 А с АТ 75 («Помощь слабого») сохранилась в Северной Африке и у евреев. Но чаще он выступает самостоятельно. Это один из старейших повествовательных типов, известный в древних цивилизациях: Египте, Индии, Греции. Особенно популярен он в баснях — от Эзопа до наших дней.

Вар.: к АТ 157 А: **Аз**: айс: Матвеев 193; бирм: Бирма 1976 11; вьет: Карпов 316, Козел 244; инд: Ольденбург 25; индонез: Бали 45; каз: КС II 169, III 249; пер: Ромаскевич 7; тадж: Амонов 17, Памир 71, Свод Т190, Т393; тат: Замалетдинов 57; тиб: Дэнба 91; **Кавказ**: ад: Хуажев 184; груз: Долидзе 91, Глонти 57, 417, 418; **Евр**: болг: Болгарские 142; **Лит-ра**: Тысяча и одна ночь 146, Ромул II 57; к АТ 38: см. коммент. к № 201; к АТ 75: **Аз**: инд: Урду 170; тиб: Дэнба 81; узб: Афзалов I 9; **Афр**: эф: Ганкин 19; **Евр**: лат: Арайс 175, Алксните 69; рус, укр: ВСС 75, Зинovieв 7; **Лит-ра**: Панчатантра II 8, Эзоп 150, Бабрий 107, Ромул I 22, Белов-Вильскер 358, КБ 115 (Маро), Лафонтен II 11, Крылов IX 9, Толстой 109.

№ 211

Индийцы (санталы): Зограф 1971 5.

АТ 176.

Сказка очень популярна в Индии. Цепь неудач шакала заканчивается, однако, его спасением — как в сюжете АТ 175, где заяц нередко спасается с помощью той же проделки, заманив на свое место простофилю.

бхитар — домашний алтарь, отгороженный невысокой стенкой.

гхат — место, где берут воду.

Вар.: **Аз**: инд: Зограф 1971 4.

№ 212

Японцы: Японские 18.

Икеда 176.

Одна из самых распространенных в Японии сказок о животных (Х.Икеда насчитывает 89 ее вариантов), включаемая в школьные хрестоматии. Таджикский ее вариант — несомненно книжного происхождения. Отдельные проделки (подож-

женный на спине хворост, лекарство из перца) встречаются в животных сказках Азии и Африки.

Вар.: Аз: бирм: Маунг 25; тадж: Свод Т206; Афр: мбунду: Некрасова 60.

№ 213

Индийцы (курукки): Зограф 1971 11.

АТ 177 + АТ 181 + АТ 154.И.

Сюжет сказки о напуганном тигре, уведенном ворами, популярен в Индии, Китае, Японии (см. TR 177, Икеда 177, Эберхард 10). Обычно тигр боится капанья дождя. В сюжете АТ 181 (человек выдает тайну тигра) говорится об играх тигра с ящерицей (крабом, хамелеоном), причем тигр оставлен в дураках. Вторая часть этой сказки развертывается в публикуемом тексте по типу АТ 154.И (= TR 155.Иб).

Вар.: к АТ 177: Аз: бирм: Бирма 1976 199, Маунг 10; вьет: Карпов 161; дунг: Хасанов-Юсупов 508 9; инд: Зограф 1964 162, Зограф 1971 6, 75; кит: Рифтин 1972 45; корейцы: Феи 346; кхм: Алеу 79; монг: Беннигсен 76, Потанин 1883 91; синг: Сингальские 13, 31; яп: Десять 126; Афр: мам: Анпеткова-Шарова 15; ну-эры: Судан 160; Лит-ра: Белов-Вильскер 58 («Повесть о Синдбане»); к АТ 181: инд: Зограф 1971 7, 8; синг: Сингальские 11; к АТ 154.И: см. коммент. к № 194.

№ 214

Таты: СНД 27.

АТ 159 В.

По сути дела, этот тип представляет особую версию сюжета АТ 285 D, сложившуюся, скорее всего, в Персии и известную вплоть до Греции и Болгарии, а также в Африке. Кроме льва речь может идти о медведе.

Вар.: Аз: тадж: Свод Т227, Т255; туркм: Стеблева 1969 16; Евр: алб: Албанские 254; укр: ВСС 159 В; Афр: эф: Эфиопия 135; Лит-ра: Орбелиани 21.

№ 215

Индийцы (урду): Урду 131.

АТ 163 А*.

Известный уже в джатаках, сюжет об услужливом дураке связывается то с ручным животным, то со слугой. Хотя сюжет вошел в «Панчатантру», где обезьяна, отгоняя пчелу, рассекла царю голову мечом, наибольшее распространение получила иная версия — с медведем. Она закрепляется и в европейской басенной традиции, давая устные варианты, преимущественно в Восточной Европе.

Вар.: Аз: афг: Лебедев 1972 22; корейцы: Феи 348; тадж: Свод Т075; тат: Замалетдинов 42; Евр: рус, укр, бел: ВСС 163 А*, Зиновьев 13; Лит-ра: Джатаки 44, Панчатантра I 30, Страпарола 13 IV, Лафонтен VIII 10, Крылов IV 11.

№ 216

Афганцы: Лебедев 1972 56.

Беджер 508 (АТ 233 А).

Известный по «Рассказам попугая» сюжет зафиксирован во многих странах мусульманского мира. С одной стороны, он соотносится с сюжетом АТ 33 (приворившаяся мертвой лиса выброшена из ямы), с другой — с рассказом о том, как

попугай, притворившиеся мертвыми, выброшены из сети и улетели (АТ 233 А). Сказку о купце и попугае можно считать усложненной версией именно этого, индийского сюжета АТ 233 А, получившего известность благодаря книге.

лунги — полоса ткани из шелка или хлопка для пояса или чалмы.

Вар.: Аз: инд: Урду 44; индонез: Брагинский 51; крым: СНВ 1938 1; узб: Лесная 155.

№ 217

Индийцы (хинди): Зограф 1964 434 (= Зограф 1976 108).

Ной 178 (а) + АТ 243.

В середине этой сложной сказки — новеллистическая история женитьбы царя с волшебносказочным мотивом крылатого коня (ТМ В 41.2). Сказка о попугае, притворившемся богом, сложилась в Индии. Войдя в «Рассказы попугая», она стала известной и на Ближнем Востоке — более в литературной, чем фольклорной традиции («Синдбад-наме»). Обычно красotka преследует попугая за то, что он рассказывает хозяину о ее любовных проделках (в нашем варианте эта мотивировка смазана). Несколько отступает от нормальной версии и второй сюжет (ср. АТ 916 II С): царь убивает сокола, выбившего из его рук чашу с ядом, и затем жалеет о содеянном. Чаще всего этот сюжет является вставной новеллой в волшебных сказках, распространенных на Востоке.

Вар.: к Ной 178 (а): Аз: пер: Ромаскевич 4; Кавказ: арм: Хачатрянц 129; Литра: Толстой 83; к АТ 243: Аз: инд: Зограф 1976 192; синг: Сингальские 48; Литра: Белов–Вильскер 43, Мутавадж 19.

№ 218

Украинцы: Верховина 322.

АТ 219 Е*.

Тип АТ 219 Е* можно считать версией широко известной сказки АТ 715 А («Петух и жерновки»), помещенной среди сказок волшебных. Границы между ними не всегда отчетливы. Путешествие в тридевятое царство с чудесными помощниками в украинской сказке приобретает бытовой характер, хотя в целом черты волшебносказочного повествования остаются хорошо различимыми, вплоть до одного из заключительных мотивов — мерки с прилипшей золотой монетой (см. знаменитую сказку об Али-Бабе). Сюжет АТ 219 Е* распространен в Восточной Европе, единичные варианты — в Греции и Польше.

полонина — высокогорные луга.

Вар.: Евр: алб: Албанские 228, 230; молд: Молдавские 22; рус, укр, бел: ВСС 219 Е*, Зеленин Вят 112, Федеровский II 18, 19.

№ 219

Сингалы: Сингальские 47.

АТ 241.

Известный по джатакам (№ 321) и вошедший в знаменитые древнеиндийские книги, этот сюжет вместе с буддийскими книгами дошел до Тибета, известен бурятам. Особенность цейлонского варианта — концовка в духе сказок о неправедном суде (ср. АТ 1660).

кос — джекфрут, плод хлебного дерева.

Вар.: Аз: инд: Урду 93; кхм: Марунова 181; Лит-ра: Панчатантра IV 9, Хитопадеша III 1.

№ 220

Немцы: Гриммы 171.

АТ 236* + АТ 221 (221 А + 221 В).

Сюжет о выборе царя птиц известен в большинстве стран Европы, в том числе Восточной (но не встречается у русских). Большинство ученых (В.Клингер, И.Больте и И.Поливка, В.Юнгман) уверены в античном его происхождении. Х.Шварцбаум связывает его, однако, с шумерской басней о крапивнике, посраившем расхваставшегося слона. Но в шумерской басне этот сюжет не обрисовывается с достаточной ясностью. В монгольском фольклоре сюжет АТ 221 имеет лишь первую часть — АТ 221 А, и в роли хитреца здесь выступает летучая мышь. Знают эту сказку и в Юго-Восточной Азии (тоже лишь АТ 221 А), где победительницей выходит маленькая птичка. Гриммовский вариант включает также мотивы сюжета АТ 236* — о подражании голосам птиц.

Вар.: к АТ 221: Евр: ирл: Ирландские 64; лит: Королева 392; луж: Романенко 136; молд: Ботезату 96; пол: Глинкин 44; укр: ВСС 221; Аз: монг: Потанин 1883 173; тиб: Дэнба 75; тув: Тува 31; Афр: зомбо: Ангола 42; Ам: Суринам: Пермяков 75; Лит-ра: Эзоп 386; к АТ 236*: см. коммент. к № 226.

№ 221

Немцы: Гриммы 102.

АТ 222.

Известный преимущественно в Европе и близкий типу АТ 104, сюжет АТ 222 обособляется от него и в гриммовском варианте, очевидно связанном с отразившей еще в «Рейнеке-лисе» версией, является как бы продолжением типа АТ 221 — об избрании королька царем птиц. Вообще же мотивировки войны широко варьируются (в Мексике, например, инициатором войны обычно бывает кузнецик). Тема войны животных и птиц известна уже архаическому фольклору, и с нею связано много сюжетов, независимых от европейской версии, хотя порою и напоминающих ее (ср., например, сказку хауса о войне птиц и четвероногих, где тоже побеждают птицы, и сказку из США).

Вар.: Евр: лат: Арайс 208; луж: Романенко 139; Афр: куаньяма: Ангола 409; хау: СНА 1976 107; Ам: Однажды 48.

№ 222

Ханты: Ошаров 121.

АТ 222 В*.

Известная преимущественно в Восточной Европе (больше всего вариантов записано в России), эта сказка связана с одним из древнейших повествовательных типов, засвидетельствованных уже в аккадской литературе (миф об Этане, исследованный И.Левиным). Война птиц и четвероногих — это вступительная история к типу АТ 313, выполняющая функцию мотивировки. В Западной Европе сюжет довольно редок, хотя отмечен повсеместно. Персонажи восточноевропейской версии — чаще всего мышь и воробей. Но в сказках народов Сибири, где сюжет распространялся довольно широко, действует просто «птичка». Здесь сюжет АТ 313

уступает место другим волшебным сказкам, более привычным для собственной традиции.

сарана — сибирская красная лилия, луковица которой употребляется в пищу.

Вар.: **Евр:** коми: Коми 24, 25; лат: Арайс 203; мари: Четкарев 1941 21; морд: Образцы 12, Евсевьев 16; рус, укр, бел: ВСС 222 В*, Якушкин 473, Сибирь 52; удм: Кралина 33; фр: Франция 17; чув: Григорьев 70; эст: Эстонские 265; **Кавказ:** абх: Шакрыл 11; **Север:** манси: Лукина 186; нен: СНС 1959 75, Щербакова 5; саамы: Чарнолусский 198; эв: СНС 1959 212, Василевич–Титов 59; эвен: СНС 1959 256; **Аз:** айс: Матвеев 351; тат: Васильев 30-б; туркм: Багрий II 26; хак: Катанов 126.

№ 223

Англичане: Шершевская 149.

АТ 236.

Происхождение сюжета связывается иногда с Индией (В.Юнгман указывает на «Панчатантру»), но ареал его охватывает лишь Северную Европу и Прибалтику. Единственное исключение составляет китайский вариант, очень близкий к европейским сказкам и, скорее всего, случайно занесенный столь далеко на Восток. В отличие от группы сюжетов о подражании птичьим голосам (АТ 236*) сюжет сказки о сороке, безуспешно учившей птиц вить гнезда, довольно устойчив, хотя «набор» птиц, преждевременной заявляющих о том, что они уже всему научились, переменчив. Чаще речь идет о голубе (но встречаются кукушка — в русской сказке, курица — в китайской).

Вар.: **Евр:** лат: Арайс 211, Алксните 96, Анцелане 84; лит: Королева 393; рус: Зиновьев 31; **Аз:** кит: Глаза 155.

№ 224

Эстонцы: Viidalepp 30.

АТ 240.

Сказка популярна в Скандинавии и Прибалтике. Особенность публикуемого эстонского варианта — сотворение чуда. Обычно же голубь — растяпа, которого удалось обмануть сороке, и с тех пор он несет лишь два яйца. Но соперником голубя нередко бывает и курица. Иногда она выигрывает у голубя состязание в беге (АТ 240*: во время состязания кричит голубю, что у того расстегнулись штаны, голубь их поправляет — и проигрывает) и теперь несет много яиц.

№ 225

Китайцы (хань): СНК 107.

АМ *7*.

Сказки о состязании в счете рассказываются не только о животных, но и о людях. В Европе спорят обыкновенно лиса и волк (или медведь) — и чаще соревнуются не в счете, а в том, кто первым назовет три дерева (АТ 7).

Вар.: **Евр:** лат: Арайс 126.

№ 226

Поляки: Глинкин 45.

АТ 236*.

Сюжет АТ 236* объединяет самые разные сказки, построенные на подражании птичьим голосам. Их общая черта — комическое содержание: чаще всего птицы в таких сказках с шуточной этимологией изображаются простофилями. Особенно богат польский материал (см. Кш 233).

Вар.: Евр: лат: Арайс 220, Анцелане 89–92; лит: Королева 398; нем: Гриммы 171, 173, 190; рус, бел: Акимова 430, Добровольский I 290; чув: Данилов 19; Аз: алт: Танзаган 43; тат: Насыров–Поляков 11; хак: Балтер 83.

№ 227

Поляки: Ulanowska 293.

АТ 234.

Сюжет близок к АТ 235: сойка берет на время оперение кукушки и отказывается его вернуть. Но здесь говорится чаще о глазах, а не о красивом наряде. Наиболее распространена в Европе (Франция, Испания, Италия, Ирландия, Финляндия, Германия) версия, в которой соловей берет у веретеницы глаз и не возвращает его. Веретеница в отместку просверливает дырки в яйцах соловья. Польская версия имеет иную этимологию — шуточное истолкование соловьиного свиста (ср. АТ 236*). В Польше эта сказка фиксируется с XVI в. (Ю.Кшижановский). Об обмене глазами жабы и земляного червя упоминает в «Ромео и Джульетте» Шекспир (I, III, 31). Вообще же мотив глаз, одолженных на время, популярен в мировом фольклоре и связывается с парами самых разных животных (паук и навозный жук у индейцев, змея и червь в Японии, две змеи на Мадагаскаре).

Вар.: Аз: яп: Японские 182; Афр: малаг: Мадагаскар 60; Ок: Полинезия 117.

№ 228

Эстонцы: Сказки финские 40.

АТ 243*.

Сюжет распространен в Прибалтике и Финляндии (более всего в Эстонии, где записано свыше 20 его вариантов). Одна подобная сказка зафиксирована у негров Вест-Индии. Концовка сказки сближает ее с сюжетом АТ 236* — о подражании птичьим голосам.

Вар.: Евр: лат: Арайс 227.

№ 229

Белорусы: Добровольский I 279.

АТ 230 + АТ 236*.

Больше всего записей этого сюжета в Финляндии. Есть греческие варианты. Обычно рассказывается о воспитании совенка, которого принимают за малыша, тогда как ему уже много лет. Когда правда выясняется, его выгоняют (или он пожирает своих воспитателей). Наш вариант выглядит несколько иначе, причем финал его соотносится со сказками, где комически толкуются голоса птиц.

Вар.: к АТ 230: Евр: рус, укр, бел: ВСС 230; Лит-ра: КБ 94 (Неккам); к АТ 236*: см. коммент. к № 226.

№ 230

Поляки: Глинкин 46.

АТ 211 В*.

Ареал этого сюжета невелик: от Германии до Прибалтики (в АТ — лишь латышские варианты), причем везде он стал шуткой — с шутливой этиологией в немецкой сказке, со звукоподражаниями животным в латышских вариантах и просто с комическим жестом, как в этой польской сказке.

Вар.: Евр: лат: Ниедре 1948 50.

№ 231

Латыши: Арайс 215.

АТ 247 В**.

В латышском фольклоре сложилась группа сюжетов о ястребе и сове. Ястреб расхваливает совят, сова жмурится от удовольствия — ястреб уносит совят (АТ 247 В*). В другом сюжете (АТ 247 В***), когда совят хвалят, они в мать, когда же смеются над их внешностью, — в отца. Публикуемый вариант — попытки ястреба обмануть сову неудачны — содержит детали и сюжета АТ 247 В***. Все три известны только в Латвии.

№ 232

Норвежцы: Скандинавские 161.

АТ 247.

Один из популярнейших и древнейших сюжетов мирового фольклора, имеющий и богатую литературную историю. Немало его легендарных вариантов (Бог, дева Мария, Соломон дают поручение вороне или черепахе найти самого красивого ребенка — выбран свой). Уже в шумерской басне собака отдает предпочтение собственным щенкам. Среди нескольких версий сюжета самая распространенная — с просьбой птицы не трогать ее птенцов как самых красивых, они именно и убиты как самые гадкие. Иногда вместо животных речь идет о людях, предпочитающих пусть уродливых, но собственных детей (Индия, Сирия). Кроме Европы сказка распространена в мусульманском мире.

Вар.: Евр: норв: Асбьерсен–Му 73; пол: Глинкин 47; рус, укр, бел: ВСС 247, Фридрих 16; Кавказ: арм: Карапетян 1979 165; осет: Дзагуров 21; Аз: каз: Смирнова 101; Лит-ра: Лафонтен V 18.

№ 233

Русские: Афанасьев 72.

АТ 244 А*.

Эта шуточная сказка известна только в Восточной Европе, в небольшом количестве записей. Русская дореволюционная фольклористика (Л.Колмачевский, В.Бобров) была убеждена в русском ее происхождении. Но кроме восточных славян (по одному-два варианта) ее знают в Прибалтике.

Вар.: Евр: лат: Арайс 213, Ниедре 1948 18; лит: Королева 24; рус, укр, бел: ВСС 244 А*, Балашов 101, Сибирь 53, Ончуков Неизд шокш 13.

№ 234

Сингалы: Сингальские 27.

Бедкер 15.

Сюжет использован в качестве рамочной истории в знаменитых индийских книгах, вместе с которыми он стал известен в Европе. Вошел он и в устную традицию, но записей его немного.

Вар.: Аз: тадж: Свод Т186; **Афр:** суа: Лионго Фумо 21; **Лит-ра:** Панчатантра, Тантракхьяика, Хитопадеша (рамка 3-й книги), Калила 160, Белов–Вильскер 329, Мануэль I 19.

№ 235

Эфиопы: Ганкин I.
АТ 222 А.

Среди многочисленных вариантов сюжета о летучей мыши, известного уже античности, преобладают две версии. В первой летучая мышь в войне между птицами и зверями принимает сторону то одних, то других. За это она наказана и летает только ночью. Эта версия распространена в Европе, но отдельные варианты встречаются далеко за ее пределами: в Африке и Китае. В другой версии летучая мышь, пользуясь своим странным обличем, отказывается платить налоги и зверям, и птицам. Эта версия широко известна в Азии, и этиологическая концовка здесь не обязательна. Иногда вместо летучей мыши появляются иные животные, относительно природы которых завязывается спор: страус, черепаха, крокодил. Версия о двусмысленном поведении летучей мыши на войне была закреплена басенной традицией, где сюжет обычно сопровождается осуждением двуличия.

Вар.: **Евр:** лат: Арайс 228, Анцелане 80; **Аз:** алт: Танзаган 66; бирм: Бирма 1976 53, Бирма 1977 214, Маунг 46; инд: СНВ 1962 189, Урду 19; кит: СНВ 1962 267, Глаза 175; монг: Потанин 1883 169; таг: Рыбкин 19; **Афр:** бак: Ангола 11; бан: Конго 214; фанг: Харитонов 20; хау: Лаптухин 32; **Лит-ра:** Эзоп 172, 420 (Игнатий Диакон), Федр 185, Лафонтен II 5, КБ 216 (Моравский).

№ 236

Таджики: Свод Т229.
АТ 278.

Сюжет имеет две версии. Одна восходит к Эзопу и получила распространение в Европе: лягушка решила утопить мышшь (обычно та просит подругу помочь ей перебраться через болото) и предложила связать лапы вместе — обе унесены коршуном. Она вошла и в средневековую литературу. По-видимому, на Ближнем Востоке сложилась другая версия: мышшь и лягушка связываются вместе потому, что хотят быть неразлучны, — с тем же финалом. Эта версия распространена в устной традиции Востока и в Африке.

хауз — пруд, водоем.

Вар.: **Евр:** укр: ВСС 278; **Аз:** афг: Лебедев 1972 26; каз: Смирнова 106; тадж: Свод Т280; **Афр:** эф: СНА 1959 312, Эфиопия 189; **Лит-ра:** Эзоп 345, Лафонтен IV 11.

№ 237

Латыши: Арайс 200.
АТ 278 С*.

Сюжет, пародирующий известную сказку о мудрых советах (АТ 150), распространен в Прибалтике.

№ 238

Японцы: Десять 116.
Икеда 279.

Распространенная в Японии, эта сказка в других регионах встречается крайне редко. Тем не менее ее латышский вариант очень близок японскому; лягушки из Риги и Лиепай отказываются от своих намерений, так как каждая смотрит на свой собственный город.

Вар.: Евр: лат: Арайс 198.

№ 239

Украинцы: Рудченко I 26.
АТ 253.

Сюжет введен в АТ на основании Эзоповой басни: рыбак вытягивает невод — крупная рыба попалась, а мелкая ускользнула в море. Отсюда следует мораль: важным и богатым трудно избежать опасности, а бедному спастись легко. Немногочисленные фольклорные сказки имеют совершенно иное содержание: крупная рыба заманена в сеть мелкой рыбешкой-трикстером. В публикуемой украинской сказке появляются дополнительные акценты: трикстер освобождается от хищника с помощью коварной просьбы (ср. АТ 122), используя к тому же исповедь (ср. АТ 61 А). Сюжет известен не только в Европе (Франция, Румыния, восточные славяне), но и в Азии, однако связь между вариантами здесь не прослеживается.

Вар.: Евр: рус, укр: ВСС 253, Афанасьев 80, Сибирь 55; Аз: вьет: Козел 91; Лит-ра: Эзоп 284.

№ 240

Латыши: Арайс 205.
АТ 137.

Эта забавная история известна лишь в Европе (Прибалтика, Румыния, Венгрия, Украина). Сама ситуация хвастовства гастрономическими достоинствами хорошо знакома средневековому литературному животному эпосу (так хвастается Ерш в «Повести о Ерше Ершовиче»).

Вар.: Евр: укр: ВСС 137.

№ 241

Поляки: Gustawicz 62.2.
АТ 288 В*.

Сказка популярна на юге (Испания, Италия) и востоке Европы (Болгария, Польша, Украина, Прибалтика). Кроме рака рассказывается о еже, жабе и особенно улитке, а в еврейском фольклоре — и о людях. Особенность восточноевропейской версии — тихоход отправляется за дрожжами и ходит от Рождества до Пасхи.

Вар.: Евр: лат: Арайс 204; нем: Гриммы 164; укр: ВСС 288 В*; Ам: Однажды 125.

№ 242

Русские: Багизбаева I 201.
АТ 288 С*.

Сюжет впервые появился в указателе латиноамериканских сказок Хансен, где черепаха послана к Богу за дождем. Единственный вариант из Пуэрто-Рико и отмечен Томпсоном. С той же формулировкой этот сюжет вошел в ВСС (единст-

венный украинский вариант). Анекдот был популярен у московских студентов в 50-е годы (тоже с выпивкой, а не с дождем). Устойчивая деталь сюжета — черепаха никуда не торопится, но мгновенно огрызается, когда о ней говорят плохо.

Вар.: Евр: укр: BCC 288 C*.

№ 243

Белорусы: Федеровский III 534.

AT 280.

Сюжет известен на востоке Европы — от Финляндии до Греции.

Вар.: Евр: лат: Анцелане 82; удм: Верещагин 71; укр, бел: BCC 280.

№ 244

Украинцы: Березовский 483.

BCC 282 B* (= AA *284 I).

Формулировка этого сюжета в указателе восточнославянских сказок не совпадает с AT 282 B* (беседа блохи и мухи), зафиксированным в Румынии и Венгрии: у мухи глаза опухли от смеха над человеком, безуспешно пытавшимся ее поймать. Забавная сказочка о разговоре комара со слепнем, в которой появляются иногда комические угрозы (изничтожить людей, разорить деревню), известна лишь русским и украинцам, но в очень широком ареале — от Закарпатья до Забайкалья.

Вар.: Евр: рус, укр: BCC 282 B*.

№ 245

Латыши: Арайс 229.

AT 281.

При всей элементарности ситуации сюжет этого анекдота зафиксирован только в фольклоре народов Прибалтики (единственный индийский вариант в указателе TR далек от формулировки сюжета AT 281).

Вар.: Евр: лат: Арайс 158, Алксните 75; эст: Эстонские 253 (= Пермьяков 73).

№ 246

Украинцы: Березовский 478.

AT 282 A*.

Сказка о блохе и мухе, меняющихся местами, распространена в Восточной Европе (больше всего украинских и польских вариантов). Она имеет несколько версий. Мухи могут быть разных «национальностей» (польская, русская, немецкая) — и тогда сказочка связывается с комическими замечаниями по поводу быта разных народов. В другой версии вместо мухи и блохи появляются лихорадки. Наконец, третья версия — о подагре и пауке — знакома уже ранней средневековой литературе и вошла в басенную традицию.

Вар.: Евр: пол: Глинкин 145; рус, укр, бел: BCC 282 A*; слов: Чешские 458; Кавказ: осет: Бязыров 44; Лит-ра: Сакс 127, Лафонтен III 8, Крылов V 16.

№ 247

Русские: Иваницкий 617.

AT 283 A*.

Сюжет этой русской социально-сатирической сказки очень редок. Повествование может быть столь ритмизовано, что превращается в юмористическую песенку.

Вар.: Евр: рус: BCC 283 A*.

№ 248

Русские: Соколова 34.

AT 294.

Тип AT 294 включает разные сюжеты о месяцах и временах года. Спор зимы и весны у Эзопа и Бабрия вообще «бессюжетен». У славян к типу AT 294 относятся прежде всего сказки о поездке февраля (апреля) в гости к марту. Иногда появляется этиология — почему в марте 31 день. У латышей известна также сказка о хвастовстве месяцев — кто сильнее.

Вар.: пол: Глинкин 60; рус, укр: BCC 294; Лит-ра: Эзоп 272, Бабрий 55 (переделки).

№ 249

Латыши: Арайс 305.

AT 298 A*.

Сказку можно считать обособившейся версией сюжета AT 298 (см. коммент. к № 373). Версия локализована в Восточной Европе (см. соответствующие указатели: AM 298 A*, BCC 298 A*, Кш 276 В). Индийский миф о союзе богов Ветра, Дождя и Солнца, указанный Х.Шварцбаумом, имеет с типом AT 298 A* мало общего.

Вар.: Евр: рус, укр, бел: BCC 298 A*.

№ 250

Литовцы: Королева 399.

AT 289.

Эзопова басня о незадачливых партнерах, потерпевших кораблекрушение, была переведена на сирийский и арабский языки, вошла в византийские «Басни Синтипы» и новоевропейские басни, но редко встречается в фольклоре (кроме Прибалтики).

Вар.: Кавказ: абх: Бгажба 93; Аз: синг: Сингальские 7; Лит-ра: Эзоп 171, Лафонтен XII 7.

№ 251

Немцы: Гриммы 23.

AT 85.

Сказка известна в Европе повсеместно, особенно в Северной, но до самого последнего времени не фиксировалась у восточных славян. Отдельные ее варианты записаны в Америке и Азии. Африканская версия о слоне (червяке), вытапливающим из себя жир, с неудачным подражанием паука (см. здесь № 36), по-видимому, независима от европейской, равно как и версия сибирская о выдре, ныряющей в кипяток и достающей рыбу, и сварившейся вороне. Больше всего немецких вариантов, где рассказывается обыкновенно о мышке и сосиске. Уже в середине

XVII в., когда эта сказка была истолкована как притча о причинах крушения Германии, встречается редкая мотивировка нападения собаки на сосиску — из-за подметных писем.

Вар.: Евр: лат: Арайс 207; рус: Морохин 21.

№ 252

Финны: Сказки финские 23.

АТ 90.

Популярная у финнов сказка относится к группе сюжетов о совместной жизни забавных существ (АТ 85, АТ 210, АТ 295), отличаясь локальным своеобразием.

Вар.: Евр: кар: Конкка 1959 10.

№ 253

Немцы: Гриммы 18.

АТ 295.

Этот всемирно известный сюжет имеет несколько версий. В европейских вариантах речь идет обычно о бобе, соломинке и уголке. В литературной традиции (с XV в.) и связанных с нею устных вариантах в повествование входят животные (кошка, мышь, утка). У славян (лужичане, словаки, русские) лопнул не боб, а пuzырь, так что сказка лишилась шутовой этиологической концовки и целиком перешла в область «черного юмора». Сюжет пришел также в Африку, Японию, к народам Сибири, где количество персонажей может умножаться, в повествование включаются зверушки и насекомые. Еще дальше отстоят от «основной» версии те рассказы, где говорится о нелепых людях и сожительстве нелепых предметов, закончившемся крахом.

Вар.: Евр: лат: Арайс 264, 290, Алксните 118, Анцелане 97; луж: Романенко 132; рус, укр: ВСС 295, Багизбаева II 244, Зиновьев 22, Морохин 19, Сибирь 58; Аз: тадж: Свод Т262; тув: Таубе 45; Север: кеты: Дульзон 31, 46; манси: Лукина 200; хан: Лукина 104; **Афр:** бак: Ангола 38; хау: Лаптухин 19.

№ 254

Айсоры: Матвеев 23.

АТ 295.

Эта версия сюжета о неудачном путешествии нелепых существ (в том числе из неорганического мира), погибших от дождя, имеет меньше вариантов, чем основная — о бобе, соломинке и уголке. Но связана она с более древними культурами, и центр ее ареала — Ближний Восток, так что эта версия, по-видимому, старше «основной».

Вар.: Аз: белуджи: Порожняков 113; монг: Потанин 1883 97; **Кавказ:** дарг: Даргинские 28.

№ 255

Казахи: Смирнова 109.

АТ 295.

Казахская сказка представляет особую версию сюжета АТ 295, где неожиданно и нелепо гибнут не незадачливые путешественники, а жалкие существа со сла-

бенькими членами тела. Версия эта известна в широком ареале — от Ближнего Востока (см. коммент. Н.П.Андреева в «Народных русских сказках А.Н.Афанасьева», 1936, I, с. 557) до Якутии. Набор персонажей может увеличиваться — до семи в якутской сказке.

Вар.: Аз: каз: Смирнова 108; Евр: морд: Шахматов 327, Акимова–Степанов 192; рус: Афанасьев 88; Север: тоф: Шерхунаев 247; як: Эргис 38.

№ 256

Таджики: Свод Т207.

АТ 2023 (= Ев 21).

Родиной этого сюжета, известного от Индии до Португалии, можно считать Персию, где он особенно популярен (только в Своде таджикского фольклора отмечено 28 его вариантов). Здесь сложилась основная его версия, в которой подробно разработан мотив сватовства. Нередко погибает не только букашка, но и мышонок, упавший в похлебку. В вариантах, записанных в Поволжье, букашка гибнет потому, что мышонок, вытаскивая ее, оторвал ей руки и ноги.

Вар.: Аз: пер: Ромаскевич 29, Османов 452; тадж: Свод Т081, Т251; тур: Стеблева 1986 9; Кавказ: дарг: Даргинские 26; Евр: порт: Португалия 149; рус: Барг 1969 23; чув: Данилов 110.

№ 257

Русские: Афанасьев 90.

АТ 297 В.

Редкая русская сказка, которую исследователи склонны причислять скорее к песням, чем к сказкам: повествование ритмизовано и напоминает скоморошину. Сказка впитывает социальную сатиру: она играет социальными ярлыками (в вариантах появляются белянки — столбовые дворянки, валуи — господски холуи, мухоморы — сенаторы).

Вар.: Евр: рус, укр: ВСС 297 В, Парилов 154.

№ 258

Русские: Эрленвейн 15.

АТ 220, 220 А.

Одна из редких социально-сатирических сказок, пародирующих судопроизводство. Сказки о ссоре и суде птиц чаще встречаются в архаическом материале. О брани орла и синицы упоминается в памятниках литературы Киевской Руси. Мотив суда птиц использован Дж.Чосером («Птичий парламент»). В современном европейском фольклоре этот сюжет встречается лишь в России и Прибалтике.

Вар.: Евр: рус, укр, бел: ВСС 220, 220 А.

№ 259

Русские: Афанасьев 79.

АТ 254**.

Восходящая к древнерусской сатирической повести XVII в., сказка о Ерше жила как в рукописях, так и в устной традиции. Известна лишь русским (украинская сказка о суде кита — царя рыб над ершами далека от русской сказки), причем

все устные варианты в большей или меньшей степени зависимы от рукописной литературы. В публикуемом варианте нет многих подробностей, связанных со сценой суда, зато развернута шуточная концовка — игра именами, прочно удерживающаяся в устных вариантах этого сюжета. Тема суда над рыбами известна также в устной и письменной традиции Восточной и Юго-Восточной Азии (Корея, Вьетнам).

киловатая брюшина — с килой, грыжей.

менёк — налим.

гарьёс — хариус.

морда — ловушка для рыбы.

заколил прикол — поставил ловушку.

стырит — шныряет, шастает.

слясил — утащил.

разрушил — разрезал.

Вар.: **Евр:** рус: ВСС 254**, Митропольская 291, Фридрих 17, Сибирь 55, Пудож 39.

№ 260

Индийцы (хинди): Зограф 1964 78.

АТ 131.

Кроме Индии сказка популярна в Монголии, где она входит в сложные волшебные сказки.

Вар.: **Аз:** монг: Потанин 1883 237, Беннигсен 33, Михайлов 220.

№ 261

Индийцы (панджабцы): Зограф 1964 39.

АТ 233 А.

Сюжет сложился в Индии, где вошел в «Панчатантру» и «Шукасаптати». Вместе с «Рассказами попугая» он стал известен другим народам от Индонезии до Африки. Это наиболее простая сказка из относящихся к типу АТ 233, где мудрая птица тщетно предостерегает товарищей о грозящей им опасности, а затем находит путь к спасению. Но она может осложняться за счет дополнительной истории о мудром попугае (соловье), попавшем все же в плен и спасшемся с помощью все той же уловки (Бедкер 508; см. здесь № 216).

Вар.: **Аз:** белуджи: Порожняков 314; бур: Элиасов 1973 101; инд: Урду 266, Зограф 1976 192; индонез: Брагинский 51; синг: Сингальские 28; тадж: Свод Т386; **Афр:** эф: СНА 1976 217 (= Ганкин 20); **Лит-ра:** Панчатантра I 19, Шукасаптати 103, Рассказы попугая 20.

№ 262

Индийцы: Ольденбург (изд. 1956 г.) 99.

АТ 178 В.

Печатаемая сказка входит как вставная новелла в сказку о трех купленных советах (АТ 910). Это особая версия сюжета АТ 178 А, редко встречающаяся за пределами Индии.

Вар.: **Афр:** эф: Ганкин 207.

№ 263

Азербайджанцы: Багрий–Зейналлы 270.

АТ 217.

Сюжет индийского происхождения, образовавший на пути в Европу несколько региональных версий. В Индии и у персов он входит в волшебные сказки (АТ 550, 551): братья отправляются за лекарством для больного отца. Они получают желаемое, если кошка не удержит светильник до утра. В тюркских сказках речь обычно идет о купце, отправившемся торговать, и здесь это сказка новеллистическая. У славян этот сюжет выглядит как притча: герой (девушка, шут Балакирев) спорит с царем о том, что сильнее — наука или природа. Кот бросился за мышью — природа сильнее. Как аргумент в споре о приоритете природы история с кошкой, брошенной за мышью, используется и в еврейском фольклоре (Ной 217).

Вар.: **Аз:** айс: Матвеев 338; ар: Винников 36; белуджи: Зарубин I 6; инд: Зограф 1976 114; каз: КС III 65; кирг: Брудный 121; пер: Исфакан 109, Османов 1987 294; синг: Сингальские 100; узб: Лесная 179; **Евр:** пол: Щербаков 260; рус: Кирюхин 82, Шастина 50.

№ 264

Вьетнамцы (ма): Никулин 278.

Бедкер 144.

Сюжет, вошедший в джатаки (№ 159, 491), известен народам, среди которых распространен буддизм.

Вар.: **Аз:** синг: Сингальские 137.

№ 265

Немцы: Гриммы 105 (I).

АТ 285 (и 285 А).

Рассказ о дружбе человека со змеей (АТ 285) имеет несколько версий. Самая полная, классическая (и, по-видимому, первичная), — АТ 285 D: змея отказывается от примирения. В усеченном виде (как АТ 285 А) сюжет принадлежит скорее преданиям, чем сказкам, и известен в основном в Европе (но отдельные варианты отмечены в США и Индии).

Вар.: **Евр:** укр: ВСС 285.

№ 266

Поляки: Щербаков 300.

АТ 285 А*.

С.Томпсон указывает польские и латышские варианты этого рассказа. Знают его и на Украине. Но родина его много южнее: он зарегистрирован в еврейском фольклоре (Ной 285 А*) и на Кавказе. Чаще рассказывается о змее.

Вар.: **Евр:** укр: ВСС 285 А*; **Лит-ра:** Орбелиани 124.

№ 267

Грузины: Глонти 150.

АТ 285 D.

Родиной этого известного сюжета можно считать Индию. Здесь брахман не только получает от змеи золото, но она способствует улучшению урожая с его

поля. В Индии (джатака № 343) складывается и другая версия этого рассказа: царевич убивает птенца — птица выклеывает ему глаз. К ней восходит греческий рассказ Филарха. Многочисленные средневековые басни зависимы не от Эзопа, а от «Панчатантры». Здесь появляется новый мотив: инициатива покушения на змею принадлежит жадной снохе. Устные варианты в большинстве своем также принадлежат к версии, сложившейся в Индии. Обычная концовка этой истории — отказ змеи от примирения: она будет помнить о потерянном хвосте, а человек — о потерянном сыне (ср. АТ 159 В).

Вар.: Аз: айс: Матвеев 229; пер: Османов 1987 359; тадж: Амонов 111; туркм: Стеблева 1969 18; Кавказ: азерб: Багрий I 3; арм: Багрий III 185; инг: Мальсагов 161; лаки: СНД 85; Евр: алб: Албанские 114; рус: Тумилевич 1958 6; Лит-ра: Панчатантра III 6, Калила 226, Эзоп 51, Бабрий 167, Белов-Вильскер 369, Ромул I 39, II 48, Римские деяния 67, Лафонтен X 12.

№ 268

Ирландцы: O'Sullivan 7.
АТ 285 В*.

Сюжет этого бытового рассказа из области «народной медицины» связан обычно со змеей, заползшей в рот спящему человеку и выманенной чистой водой после того, как пострадавшего накормили чем-нибудь соленым. Это может быть и ящерица. Рассказ встречается в старой итальянской новелле, есть его польские варианты (Кш 286), известна сказка из Пакистана (кошка вытаскивает кобру, когда факир заснул и обитавшая в его животе змея высунула голову, чтобы подышать). Особенно популярен он в Ирландии.

№ 269

Англичане: Шерешевская 57.
АТ 113 А.

Случай, о котором повествуется в этом сюжете, повсюду в Европе воспринимается как реальное происшествие, диковинное и «страшное». Так, в Ирландии (где сюжет фиксировался наиболее часто) эта история включает следующую деталь: человек не только стал свидетелем кошачьих похорон, но ему пришлось отбиваться от кошек, и одну из них он убил. Когда он рассказывает жене о случившемся, на него бросается домашний кот. Но чаще, в Венгрии и Чехословакии, Эстонии и Германии, речь идет именно о бегстве домашнего кота, услышавшего о смерти кошачьего короля.

№ 270

Украинцы: Драгоманов 5.
АТ 206.

Сюжет этот, известный в основном в Скандинавии и Прибалтике, а также во франкоязычной Канаде, зафиксирован в европейской фольклорно-литературной традиции с XI в. У восточных славян его знают лишь украинцы. Здесь из забавного рассказа о простофилях-животных, довольных тем, что они едят плохо обмолоченную солому и им достается много зерна (обычно используются звукоподражания), он превратился в мрачноватую быличку о смерти человека, переступившего предел возможного.

озеро — леса для сушки снопов.

корец — старинная хлебная мера.

Вар.: Евр: укр: ВСС 206, Чубинский I 48.

№ 271

Нивхи: Штернберг 37.

ТМ В 375.

Мотив благодарного животного, спасенного человеком, обычен для волшебных сказок. В первобытном фольклоре много бывальщин о контактах охотников с животными, вызволенными из беды и отблагодарившими спасителя. Хотя в нивхском рассказе и есть чудесное превращение тигра в юношу, он принадлежит к тому же типу бывальщин (ср. АТ 156, АТ 160).

Вар.: Север: нанайцы: СНС 1959 305; нивхи: Штернберг 36, СНС 1959 386; ульчи: СНС 1959 345.

№ 272

Татары: Замалетдинов 41.

АТ 156.

Если в литературной традиции эта история превращается в новеллистическую сказку — как в известном рассказе об Андрокле и льве, то в устной традиции это бывальщина, известная по всему земному шару. В роли благодарных животных выступают тигр, медведь, волк, змея (в Китае — тигрица, которой помогла повитуха, в Прибалтике — змея, в Японии — волк, у которого вытащена кость из горла).

Вар.: Евр: алб: Албанские 254; морд: Мордва 21; укр: ВСС 160; Кавказ: груз: Курдованидзе 23.

№ 273

Бушмены: Котляр 138.

ТМ В 37.

Типичный для бушменского фольклора мотив воскрешения в воде здесь связан не с мифами о первопредках, а с «бытовой мифологией», т.е. включен в мифбыличку, своеобразный архаический вариант сюжета о птице-фениксе.

№ 274

Эстонцы: Viidalepp 18.

АТ 116.

Сказка о простаках, принявших медведя за проповедника, популярна в Скандинавии и Прибалтике. Порою она превращается в бытовой рассказ: в латышском фольклоре медведь прыгнул в сани, спасаясь от волка, а затем отблагодарил хозяина медом. У русских сюжет знают по «Генералу Топтыгину» Н.А. Некрасова.

Вар.: Евр: норв: Асбьернсен 49; рус: бел: ВСС 116; Лит-ра: Толстой 157.

№ 275

Русские: Бахтин-Ширяева 41.

АТ 167 А*.

Эта охотничья небыллица имеет давнюю историю: ее рассказывал уже Мюнхгаузен. Есть латышские варианты этого сюжета.

Вар.: Лит-ра: Бюргер 45.

№ 276

Узбеки: Остроумов 169.

АТ 173 (=АТ 828).

Сюжет широко распространен в средневековой литературе (басни на еврейском, французском, испанском, немецком языках). Здесь и в устной традиции складывается наиболее распространенная версия, где срок жизни распределяется между человеком, ослом, собакой и обезьяной. Эзопова басня дает иной набор персонажей, и человек здесь вынуждает животных поделиться частью жизни. Символическое истолкование разных возрастов человеческой жизни встречается в притчах и картинках, причем число возрастов увеличивается до семи и десяти, а символизация их имеет комический оттенок. Предполагаемая родина сюжета — Ближний Восток, и более всего вариантов — еврейских.

Вар.: **Евр:** лат: Анцелане 65; мак: СНЮ 208; нем: Гриммы 176; рус, укр: ВСС 828, Фридрих 61, Тверь 71; **Кавказ:** осет: Дзагуров 103; Аз: каз: Смирнова 36; **Лит-ра:** Эзоп 105, Бабрий 74.

№ 277

Ногайцы: Ногайские 2.

ТМ А 2236.1.

История о ласточке, спасительнице рода человеческого, имеет широкий ареал, внутри которого есть несколько локальных центров. Это Кавказ, Прибалтика (и Польша), Поволжье и тюрко-монгольский регион — от Хакасии и Монголии до Каспийского моря. Сюжет включает несколько устойчивых мотивов. Прежде всего это этиологическая концовка (чаще — о раздвоенном хвосте ласточки и жужжании комара). Сильнее варьируется начало истории. На Кавказе, в Прибалтике и Поволжье оно нередко связывается с легендой о Ноевом ковчеге, в котором дьявол, обернувшийся мышью, прогрыз дыру, закрытую змеей. В награду за это змее позволено питаться самым вкусным мясом. В тюрко-монгольском регионе этот мотив встречается редко, но сохраняется приуроченность повествования к какому-то давнему времени, «началу», т.е. его легендарно-мифологическая окраска.

Вар.: **Евр:** лат: Погодин 434, 435; лит: Литовские 25; рус: Кирюхин 171; удм: Кралина 19; чув: Данилов 20; **Кавказ:** абх: Шакрыл 93, Бгажба 94; груз: Вирсаладзе 103; Аз: алт: Танзаган 49; бур: Магай 1940 37; каз: Смирнова 16; калм: Джимбинов 127; кирг: Мучник 308; монг: Потанин 1881 159, 1883 183, Беннигсен 21; туркм: Багрий II 23; уйг: Кабиров 200; хак: Катанов 154; **Север:** тоф: Шерхунаев 254.

№ 278

Литовцы: Королева 395.

Кш 2521 (= ТМ А 2003, А 2411.2.5.3.1).

Ареал сюжета — Прибалтика, Белоруссия, Украина, Польша. Рассказывается также о зайце (с этимологией раздвоенной губы) и о человеке, превращенном за провинность в аиста (девушка в этой ситуации напоминает древнегреческую Пандору).

Вар.: Евр: лат: Погодин 440; лит: Литовские 24, Королева 395; укр, бел: Драгоманов 26, Бессараба 2, Чубинский I 62, Романов IV 18.

№ 279

Белорусы: Романов IV 166.

Кш 2537.

Сюжет распространен в славянском мире, Прибалтике и Поволжье. Наказание, назначенное канюку, всегда связывается с его обвинением в безделье, подлинном или мнимом, пока другие птицы работали (обычно — рыли колодец: АТ 55). В Прибалтике Божья кара постигает не только канюка, но также иволгу, луня и даже осину, у которой дрожат листья. Сюжет устойчиво связывается с народной приметой: канюк кричит к дождю (см. в Словаре В.И.Даля: «Каня плачет — у Бога пить просит»). Иногда, как и в этом белорусском варианте, сюжет включает проделку истинной бездельницы — сороки (или вороны), присвоившей себе результаты труда канюка.

Вар.: Евр: лат: Арайс 292, Погодин 439, Алксните 92, Анцелане 40, 94; лит: Литовские 28; рус, укр: Афанасьев Легенды 8–9, Гнатюк Легенды 28; чув: Чувашия 285.

№ 280

Белорусы: Федеровский I 579.

Кш 2611 (= ТМ А 2231.1.3).

Эта забавная история известна более всего в Восточной Европе (Прибалтика, Белоруссия, Польша, Германия).

Вар.: Евр: бел: Сербов 179; лат: Анцелане 40.

№ 281

Румыны: Яцимирский 142.

ТМ А 1021, А 2234.1.1.

Древнейшее свидетельство этого сюжета — в вавилонском эпосе о Гильгамеше (начало II тысячелетия до н.э.). Здесь ворон ест утопленников. То, что ворон не вернулся в ковчег, — знак того, что вода спала. В Библии это известие приносит голубь, а мотив наказания ворона отсутствует (см. Быт. 8, 7: «И выпустил ворона, который, вылетев, отлетал и прилетал, пока осушилась земля от воды»), так что обретение вороном черного цвета — апокрифическая по отношению к библейскому тексту подробность. Легенду о вороне рассказывают не только в Европе, знают ее и индейцы Северной Америки.

№ 282

Эвенки: Ошаров 53.

ТМ А 2287.

Классический мотив животной легенды — наказание за непочтительность (ТМ А 2231.7) — здесь, как это свойственно архаическому фольклору, осложнен действиями, типичными для демиурга (Христос как бы заново создает животных).

Вар.: Север: кет: Таубе 16; хан: Лукина 18; эв: Василевич 34; як: Эргис 26.

№ 283

Португальцы: Португалия 156.

Хонти *208.

Отмеченный впервые в венгерском фольклоре, сюжет известен в разных регионах, но записывался довольно редко.

Вар.: Ам: Однажды 65; Афр: ман: Бисау 65.

№ 284

Индейцы (тупи): Зиберт III 5.

АТ 250 А.

Сюжет более всего распространен в Северной Европе, где камбала, проиграв состязание сельди, скривила рот, да так и осталась криворотой. Реже встречается «легендарная» версия, попавшая в Южную Америку от португальцев: за дерзкий ответ Богу или Деве Марии кривым ртом наказывается палтус (Норвегия, Исландия), камбала (Прибалтика), рыба морской язык (Португалия).

Вар.: Евр: лат: Анцелане 40; нем: Гриммы 172; пол: Глинкин 49.

№ 285

Украинцы: Драгоманов 16.

ТМ А 2231.

Легенда популярна в Восточной Европе. Известна и другая легендарная этиология того, что лошадь всегда голодна: она отказалась перевезти через реку Христа или Богородицу, ссылаясь на то, что еще не ела.

Вар.: Евр: укр: Чубинский I 49, Кравченко 101.

№ 286

Греки: Karlinger Inseln 30.

ТМ D113.2.

Одна из древнейших тем мирового фольклора — превращение человека в животное — получает в легенде моралистическую окраску. Подобные легенды распространены повсеместно не только в Европе, но и в Азии (см. следующий текст). В восточноевропейских вариантах речь идет обычно о мельнике, прячущемся под мостом, и в финале легенды появляется этиологический мотив: медвежья лапа похожа на человеческую руку.

№ 287

Буряты: Элиасов 1973 92.

АТ 751 А.

Характерный образец легенды о превращении человека в животное в наказание за жадность. Скупец может быть превращен в паука, муравья, комара, даже в сурка. Превращение в дятла — самая распространенная версия. Сюжет часто фиксировался в Европе, причем рассказывается обычно о жадной крестьянке. Подобные рассказы записывались и в Африке, и в Азии — от Китая до Турции. У Шекспира безумная Офелия вспоминает историю о сове, бывшей когда-то дочерью пекаря и пожалевшей хлеба для Господа, переодевшегося нищим («Гамлет», акт IV, сцена 5).

бурхан — бог.

Вар.: Аз: каз: Потанин 1881 151; тадж: Амонов 48; Лит-ра: Эзоп 166.

№ 288

Эфиопы: СНА 1976 228.

АТ 283 D*.

С.Томпсон указывает на три латышских варианта, но этот нравоучительный сюжет — явно не латышского происхождения. Его охотно использовала популярная литература, но устная традиция его не приняла. Хотя публикуемый текст включен в сборник африканских сказок, он извлечен из популярного сборника и едва ли записан из уст сказочника. Русский фольклор также прошел мимо этого сюжета, использованного в «Азбуке» Л.Н.Толстого с несколько иным акцентом: за короткие нити шелковичного червя платят золотом, а длинные нити паука никому не нужны.

Вар.: Лит-ра: Толстой 68.

№ 289

Армяне: Карапетян 1979 116.

АТ 201.

Этот популярный басенный сюжет берет начало в античности и проходит сквозь всю историю басни. В фольклоре довольно редок. Тема «лучше быть голодным, но свободным, чем сытым, но рабом» связывается и с другими животными: дикий и домашний осел, лев и собака, тигр и лошадь.

Вар.: Евр: лат: Арайс 153; укр: ВСС 201; Аз: вьет: Никулин 280; калп: Каракалпаки 156; Лит-ра: Эзоп 183, 269, Федр III 7, Бабрий 100, Лафонтен I 5, Хемницер 110, Толстой 63, 206.

№ 290

Эфиопы: Ганкин 54.

АТ 202.

Излюбленный баснописцами сюжет, привлекавший и русских поэтов. Устные варианты довольно редки.

Вар.: Аз: тадж: Свод Т245; Ам: Однажды 54; Лит-ра: РБ 341 (Измайлов), Лафонтен 11 4, Михалков С. Собр. соч. в 4-х томах. Т. 1. М., 1963, с. 24.

№ 291

Норвежцы: Асбьернсен–Му 107.

АТ 112 + АТ 111.

Сказка о городской и полевой мышях — один из древнейших сюжетов, встречающихся уже в шумерской словесности (однако с иным смыслом: сельская мышь отговаривает городскую от переезда в деревню, так как там нечего есть). Мораль ее — предпочтение жизни скромной, но спокойной, вместо богатой, но полной опасностей — сформировалась в античной литературе и характерна для большинства как литературных, так и устных вариантов, известных повсеместно. Однако в фольклоре встречается иной поворот сюжета: городская мышь отправляет простодушную деревенскую в лапы коту, выдаваемому за священника или хозяина дома, которому надо оказать уважение (варианты из Румынии и с Кавказа). Сюжет о том, как мышь рассказывает кошке сказку, а та ее съедает (АТ 111), популярен лишь в Северной Европе. Благополучная концовка встречается редко.

Вар.: к АТ 112: **Евр:** лат: Арайс 202; укр: ВСС 112; **Кавказ:** абх: Бгажба 79; ад: Хуажев 213; груз: Курдованидзе 18; **Афр:** беджа: Судан 128; хау: Лапгухин 24; **Лит-ра:** Эзоп 324, Бабрий 108, Гораций. Сатиры II 6, Византия 414, Лафонтен I 9, РБ 2 (Кантемир), 18 (Сумароков), 232 (Хвостов), 450 (Маздорф), Толстой 69; к АТ 111: **Евр:** луж: Романенко 129.

№ 292

Айсоры: Матвеев 237.

АТ 112*.

Сюжет введен С.Томпсоном в указатель на основании единственного латышского варианта. Но его знают в разных частях света (известны ирландские варианты, есть записи в Чувашии). Сюжет давно стал достоянием литературной басни.

Вар.: **Лит-ра:** Лафонтен X 1, Толстой 56.

№ 293

Кхмеры: Марунова 186.

АТ 76.

Один из древнейших басенных сюжетов, известный в Греции, на Ближнем Востоке и в Индии еще до новой эры. Отличия между версиями незначительны (хотя в джатаке 308, где дятел вытаскивает кость у льва, нет самой распространенной мотивировки: птица лезет в пасть зверя, рассчитывая на щедрое вознаграждение). Популярность сюжета в устной традиции поддерживается его широкой басенной известностью. Кхмерский вариант также зависим от басенной традиции, а не от древнеиндийской джатаки, хотя речь идет об одном из воплощений Будды.

тевода — род небожителей.

Вар.: **Аз:** айс: Матвеев 225; инд: Урду 172; **Евр:** лат: Арайс 142; рус, укр: ВСС 76; **Ам:** индейцы: Романова 99; **Афр:** балуба: Конго 120; хау: Лапгухин 41; **Лит-ра:** Эзоп 156, Федр I 8, Бабрий 94, Рейнеке 197, Лафонтен III 9, РБ 7 (Тредиаковский), 19 (Сумароков), 66 (Херасков), 226 (Озеров), 237 (Хвостов), 318 (Измайлов), 547 (Охлебинин), Крылов VI 12, Толстой 155.

№ 294

Монголы: Глаза 181.

АТ 111 А.

Популярнейший басенный сюжет, берущий в европейской повествовательной традиции начало от Эзопа. Поскольку в 426-й джатаке в подобной ситуации оказываются пантера и коза, а диалог козы и пантеры встречается в шумерской письменности, этот сюжет возводят к вавилонской древности (Х.Шварцбаум). Однако современные индийские устные варианты с буддийским источником не связаны (как и публикуемый монгольский) — они представляют Эзопову версию. В некоторых вариантах (например, албанском) ягненку (барану) удастся спастись: он предлагает запрыгнуть волку прямо в пасть и сшибает его (АТ 122 М* = АТ 126 С*).

Вар.: **Евр:** лат: Ниедре 1948 40; укр: ВСС 111 А; **Аз:** инд: Урду 105; **Афр:** эф: Ганкин 65; **Лит-ра:** Эзоп 155, Федр I 1, Бабрий 89, Лафонтен I 10, Крылов I 13, Толстой 274.

№ 295

Аварцы: СНД 5.
АТ 279* = АТ 133*.

В идентичных по сути дела сюжетах АТ 279* и АТ 133* речь идет о коварном скорпионе или змее, которые хотят ужалить лису (козла, краба, черепаху) во время переправы через реку. Но в басне Эзопа (№ 196) краб задушил змею, когда та спала. Эзопова версия удерживается в новогреческих сказках, где краб душит змею не из моралистических побуждений, а спасаясь от ее смертоносных объятий. Ареал сюжета — Персия, Ближний Восток, Кавказ, Балканы.

Вар.: **Аз:** айс: Матвеев 226; крым: Кустова 91; тадж: Свод Т043; тур: Бекташи 113, Стеблева 1986 5; **Кавказ:** ав: Саидова–Далгат 127, Атаев 1; арм: Хачатрянц 153; **Лит-ра:** Эзоп 196, Орбелиани 60.

№ 296

Эфиопы: Ганкин 64.
ТМ J 1022.

Этот басенный сюжет был популярен в античности, стал известен на Ближнем Востоке и в Северной Африке, вошел в средневековые европейские басни. В устной традиции встречается редко.

шэмма — эфиопская национальная одежда.

Вар.: **Аз:** бирм: Бирма 1976 87; **Лит-ра:** Эзоп 296, 354 (Афтоний), Бабрий 44, Белов–Вильскер 355, Лукман 1.

№ 297

Пампанго (Филиппины): Рыбкин 57.
АТ 57.

Знаменитая Эзопова басня о вороне и лисице обошла весь мир, давая многочисленные литературные и фольклорные варианты. Сюжетная схема очень устойчива: ворон уносит кусок мяса (у Федра — кусок сыру, более полюбившийся баснописцам), лисица (шакал) льстивыми похвалами побуждает его каркнуть. Мы приводим более экзотический вариант, принадлежащий основной версии. Другая версия, представленная в джатаках (№ 294), не получила широкого распространения: ворона не роняет кусок изо рта, а трясет ветку с плодами, которыми хочет полакомиться лъстец-шакал.

Вар.: **Евр:** алб: Албанские 241, лат: Арайс 68; рус, укр: ВСС 57, Разумова–Сенькина 14, Морохин 4; **Аз:** каз: Смирнова 69; **Север:** нган: СНС 1951 118 (= СНС 1959 131); чук: Меновщиков 1974 103 (= СНС 1951 423 = СНС 1959 417); эв: Сергеев 32; **Ам:** Всевидящий глаз 132; **Лит-ра:** Эзоп 124, Федр I 13, Бабрий 77, Ренар II 858, Мануэль I 5, Лафонтен I 2, КБ 91 (Игнатий Диакон), 180 (Лессинг), РБ 10 (Тредиаковский), Крылов I, Толстой 304.

№ 298

Айсоры: Матвеев 89.
АТ 232 D*.

Басня, известная по собраниям Авиана и Псевдо-Досифея, редко встречается в устной традиции (есть лишь ирландские и латышские записи, а также единствен-

ный вариант из Пенджаба). Публикуемый айсорский вариант говорит о том, что она была известна и на Ближнем Востоке.

Вар.: **Евр:** укр: ВСС 232 D*; **Лит-ра:** Эзоп 349 (Псевдо-Досифей), КБ 89 (Авиан), Толстой 65.

№ 299

Маори: Рид 95.

АТ 280 А.

Знаменитая басня о муравье и цикаде, восходящая к Эзопу, известна повсюду. Беспечным ленивцем может оказаться жук, сверчок, стрекоза, кузнечик, но пример предусмотрительности и трудолюбия неизменно подает муравей. Десятки басенных переработок не только в Европе, но и у арабов и персов разнесли этот сюжет по многим странам. Закрепился он и в фольклоре, о чем свидетельствуют его региональные версии (в Средней Азии любительницей легкой жизни рисуется лягушка). В новозеландской сказке, сравнительно с классической версией, недостает лишь заключительной беседы муравья с цикадой, которой дан совет поплясать.

Тане — один из верховных богов Полинезии, с которым связаны жизнь и благополучие.

Три-роа — олицетворение льда и снега.

Вар.: **Евр:** лат: Арайс 204; луж: Романенко 135; укр: ВСС 280 А; **Аз:** калм: Илишкин-Очиров 237; каз: *Крафт И.И.* Из киргизской старины. Оренбург, 1900, с. 134; тадж: Свод Т240; **Север:** тоф: Шерхунаев 246; **Лит-ра:** Эзоп 112 (и с. 286), Бабрий 140, Белов-Вильскер 361, Лафонтен I 1, РБ 9 (Тредиаковский), Хемницер 106, РБ 160 (Нелединский-Мелецкий), 229 (Озеров), Крылов II 12, Толстой 119, КБ 221 (Бирс).

№ 300

Карелы: Конкка-Тупицына 91.

АТ 244 С* = АТ 244***.

В АТ этот сюжет, включенный под двумя номерами, отмечен в Литве и Финляндии. Но ареал его значительно шире: его знают в Прибалтике, России, Польше, Румынии, есть три израильские записи (Ной 244 С*). Х.Шварцбаум указывает на использование сюжета Глюкелем из Гаммельна (1645–1724), размышлявшим о взаимоотношениях детей и родителей.

Вар.: **Евр:** рус: Кирюхин 5; **Лит-ра:** Толстой 297.

№ 301

Португальцы: Португалия 267.

АТ 93.

Это скорее басня о людях, а не о животных (как и следующая). Сюжет был известен уже римскому поэту Квинту Эннию (III–II вв. до н.э.) и вошел в «Аттические ночи» Авла Геллия. Далее его судьба связана с баснями Бабрия и средневековой басенной традицией. Иногда сюжет встречается в современном фольклоре (Прибалтика, Венгрия, Румыния).

Вар.: **Аз:** инд: Зограф 1964 45 (= 1976 57); **Лит-ра:** Бабрий 88, Лафонтен IV 22, Хемницер 125, РБ 189 (Дмитриев).

№ 302

Хакасы: Балтер 107.

АТ 179.

Сюжет этой Эзоповой басни обошел весь свет. Он охотно использовался баснописцами и моралистами. Между литературными и фольклорными вариантами устанавливается взаимодействие. Так, в басне Лафонтена использована ситуация, распространенная в европейском фольклоре: охотники пьют под шкуру неубитого медведя, а потом встречаются с ним в лесу (поэтому проповедники обращались к этому сюжету для порицания пьянства). Сказке нередко придается характер бы-вальщины (охотники называются по именам, вместо охотников в рассказе появляются путешественник и проводник).

Вар.: Евр: лат: Арайс 173; порт: Португалия 146; укр: ВСС 179; Кавказ: арм: Карапетян 1975 101; Аз: хак: Катанов 89; Лит-ра: Эзоп 65, Авиан 9, Лафонтен V 20, КБ 171 (Хагедорн), Толстой 269.

№ 303

Калила 143.

АТ 233 В + АТ 180.

Восходящая ко 2-й книге «Панчатантры» глава из «Калилы и Димны» рассказана вслед за историей о том, как шакал Димна посеял вражду между львом и быком. Рамочная история дружбы животных в «Калиле и Димне» включает три рассказа, из которых лишь один относится к животному эпосу — о жадном волке (АТ 180). Сюжет о спасении птиц из сети восходит к джатакам (№ 33) и вошел в «Махабхарату» (V 64). Здесь птицы вновь были пойманы, как только начали ссориться между собой (Беджер 1056). Из этого сюжета рождается большое новеллистическое повествование в «Панчатантре». Обе версии, краткая и расширенная, вошли в устную традицию (в Средней Азии — через «народную литературу»). Сюжет о распрямившемся луке вместе с переделками «Калилы и Димны» достиг Европы и попал в сборники назидательных примеров. Он также известен фольклорной традиции, в основном восточной.

Вар.: к АТ 233 В: Аз: инд: Урду 97; каз: КС III 92; кхм: Алеу 112; тадж: Свод Т386; узб: Афзалов I 9; Лит-ра: Джатаки 33, Панчатантра кн. 2, Хитопадеша кн. 1, Сомадева 410, Белов–Вильскер 316; к АТ 180: Аз: монг: Беннигсен 76, Михайлов 191; Кавказ: ав: Саидова–Далгат 152; Лит-ра: Панчатантра II 4, Хитопадеша I 6, Сомадева 412, Белов–Вильскер 322, Толстой 210.

№ 304

Панчатантра I 18.

АТ 248 А.

Кроме «Панчатантры» и зависимой от нее «Калилы и Димны» этот рассказ вошел в несколько редакций «Рассказов попугая». Популярными сборниками способствовали внедрению этого сюжета в устную традицию многих народов от Китая до Африки.

Винарава — букв. «Жужжащая, словно лютня».

Мегхадута — букв. «Вестник облака».

Вар.: Аз: инд: Урду 365; кит: СНВ 1962 263 (= Глаза 176); сиам: Ключ 181; синг: Сингальские 26; тадж: Амонов 27, Свод Т083; туркм: Стеблева 1969 5; Кав-

каз: ад: Максимов–Керашев 316; **Афр:** акамба: Лионго Фумо 228; эф: Ганкин 40; **Лит-ра:** Калила 22, Рассказы попугая 134.

№ 305

Тантракхьяика: Гринцер 186.
АТ 91 + АТ 52.

Сказка об обезьяне, оставившей сердце дома, — одна из самых древних и самых популярных на Востоке — от Японии до Африки. Древнейшая ее версия встречается в джатаках (№ 57). Затем сюжет вошел в знаменитые древнеиндийские книги «Панчатантру» и «Шукасапати», в корейские «Повесть о зайце» и «Исторические записи трех государств» Ким Бусика (1145 г.). С переделками индийских книг сюжет пришел в Европу (в XVI в. его пересказывал Г.Сакс). Во время этих странствий исчезла старинная этическая заповедь: не следует слушаться женщин — надо хранить верность в дружбе. Обезьяну (или зайца) хотят заманить в воду, чтобы попросту ее съесть, — вот смысл устных вариантов этого сюжета, распространившегося всюду в Азии и Африке, известного в Европе и США.

Вар.: к АТ 91: **Аз:** бирм: Бирма 1976 50; **вьет:** Никулин 181; **евреи:** СНВ 1962 117; **инд:** Зограф 1976 30; **корейцы:** Феи 331; **таг:** Рыбкин 121, 128; **яп:** Японские 35, Десять 113; **Афр:** суа: СНА 1959 97; эф: Ганкин 11 (= Пермяков 181); **Лит-ра:** Сыркин 19 (джатака 57), Панчатантра IV рамка, Сомадева 450, Шукасапати 103, Калила 183, Корейские 87, Белов–Вильскер 362, Мутававдж 40; к АТ 52: см. коммент. к № 180.

№ 306

Джатаки 27.
АТ 74 А*.

Сюжет этого мемората, рассказа об удивительном случае, использован Л.Толстым в известной истории о льве и собачке, которая выдана за «быль», имевшую место в Лондоне. Сюжет со львом и собачкой фольклористы зафиксировали в устном бытовании в Латвии. Ссылки на индийский материал имеют в виду все ту же джатаку (ТМ А 2493.31, Бедкер 818).

бодхисатта — буддийский святой, ведущий людей по пути нравственного совершенствования.

Вар.: **Лит-ра:** Толстой 165.

№ 307

Панчатантра I 9.
АТ 160.

Благодаря «Панчатантре» этот сюжет, восходящий к джатакам, стал широко известным. Его знают в разных концах Азии и Африки, он нередко встречается в средневековой европейской литературе. Сюжет вошел в «Римские деяния» и в поэму «Исповедь влюбленного» Джона Гауэра, современника и приятеля Чосера. В Европе индийский брахман превратился в бедного вязальщика хвороста. В одной из средневековых хроник сообщается, что историю эту любил рассказывать Ричард Львиное Сердце по возвращении из крестового похода. Сюжет зафиксирован и в фольклоре почти всех стран Европы, но в немногих вариантах.

дваждырожденный — здесь брахман, член одного из трех главных сословий древнеиндийского общества, привилегией которого было обучение грамоте и наукам (приобщившись к знаниям, человек как бы рождался во второй раз).

Вар.: **Аз:** ар: Ирак 60; инд: Ольденбург 5, Зограф 1971 14; корейцы: Феи 230; **Кавказ:** арм: Хачатрянц 124 (= Карапетян 1967 170); ав: Атаев 6; **Евр:** рус, укр, бел: ВСС 160; фин: Сказки финские 10; **Афр:** бау: Аура Поку 54; суа: Лионго Фумо 14; хау: Лаптухин 34; эф: Ганкин 73; **Лит-ра:** Сомалева 469, Джатаки 73, Калила 243, Римские деяния 58, 1*.

№ 308

Римские деяния 48.

АТ 207 С.

Сюжет впервые встречается в буддийской литературе (корова жалуется на убийство ее теленка царским сыном — Бедкер 275) и хорошо знаком европейской средневековой новеллистике. Кроме «Римских деяний», пришедших и в Восточную Европу в XV–XVI вв., он вошел в книгу И.Паули «И в шутку и всерьез» (№ 648). Но европейскому фольклору сказка осталась чуждой: отмечены лишь два ее латышских варианта, в которых ситуация представлена в бытовом плане: старую лошадь изгоняют, она бьет в колокол и созывает людей, хозяин вынужден взять ее обратно (версия, знакомая по «Новеллино», сборнику XIII в.). Устные варианты этого сюжета сосредоточены в основном на Ближнем и Среднем Востоке (Израиль, Иран, Афганистан), а также в Индии. В указываемых вариантах из Осетии и дунганском сюжет трансформирован в эпизод волшебносказочного повествования и выступает в контаминации с другими сюжетами волшебных сказок (АТ 533, 567).

Вар.: **Аз:** дунг: Хасанов–Юсупов 6; инд: Бирбал 197; **Кавказ:** осет: Дзагуров 76; **Лит-ра:** Новеллино LII, доп. IV, XIV.

№ 309

Мугаввадж 35.

АТ 178 А.

История о брахмане и мангусте (АТ 178 А) сложилась в древней Индии и известна по многим средневековым сборникам. В Европе она привязывалась к легендарным личностям давно минувших дней (греческое предание об Офитее, рассказ об уэльском вожде Ллевелине). Рассказ печатается в извлечении из арабской версии «Синдбад-наме» — книги, восходящей, как полагают исследователи, к индийскому оригиналу. Она была очень популярна среди персов и арабов, вошла в «Книгу Тысячи и одной ночи» и переведена на многие европейские языки.

Вар.: **Евр:** рус: ВСС 178 А, Корепова 11; **Кавказ:** ав: Саидова–Далгат 18; **Афр:** эф: Ганкин 207; **Лит-ра:** Панчатантра V 1, Хитопадеша IV 11, Сомалева 457, Калила 191, Владимирцов 105, Белов–Вильскер 55, Ключ 171 (Книга птиц).

№ 310

Элиан 535.

АТ 156.

Всемирно известный сюжет о благодарном льве появляется в «Аттических ночах» Авла Геллия. В Европе он становится известным благодаря Элиану: история

об Андрокле и льве входит в многочисленные собрания басен и назидательных примеров, печатается в народных книгах, учебниках, календарях. Но в устной традиции сюжет выглядит гораздо проще и часто оформляется как бывальщина (см. здесь № 272).

Вар.: Кавказ: груз: Курдованидзе 23; Аз: ар: Ирак: 14, 20; Лит-ра: Римские деяния 47.

№ 311

Древняя Русь 122 (Синайский патерик, слово 134).

АТ 156 А.

В средневековой литературе сюжет античного происхождения АТ 156 был преобразован и расширен: лев, покоренный духовной силой святого старца, умирает на его могиле. Он встречается в агиографии, в том числе «Синайском патерике» — одним из древнейших произведений переводной литературы на Руси. Этот сборник нравоучительных рассказов о монахах-пустынниках составлен Иоанном Мосхом в конце VI — начале VII в. В устной традиции сюжет редок (Латвия, Эстония, Югославия).

№ 312

Римские деяния 74.

АТ 150.

Истоки этого сюжета, неоднократно привлекавшего внимание исследователей, — в древнеиндийской буддийской прозе. Широкою известность он получил благодаря роману о Варлааме и Иоасафе, распространившемуся в десятках переводов и редакций (русский перевод появился в XI–XII вв.). Этот рассказ неизменно включался в самые популярные книги западноевропейского средневековья: «Учебную книгу клирика» Петра Альфонси, «Римские деяния», «Золотую легенду», «И в шутку и всерьез» Паули, а также в проповеди. Очень популярен сюжет на Ближнем Востоке («Тысяча и одна ночь», еврейская поучительная литература). Сказка распространена и в современной устной традиции, но всюду — в небольшом количестве вариантов. Обычные персонажи сказки — ласточка или соловей (воробей, попугай, просто птичка), дающие советы человеку (иногда — лисе). Наиболее отступают от основной версии индийские варианты (в цейлонской сказке коза дает поучения гиене).

Вар.: Аз: афг: Лебедев 1958 170; инд: Урду 143; тадж: Свод Т122; туркм: Стеблева 1969 17; Кавказ: ав: Саидова–Далгат 129, Атаев 8; ад: Алиева 63; чеч: Арсанов 241; таты: Кукуллу 45; Евр: укр: ВСС 150; шот: Шотландия 240; Лит-ра: Белов–Вильскер 180 (Абуль-Фарадж 382), КБ 100 (Ромул), Древняя Русь 200.

№ 313

Эзоп 22.

АТ 161.

Сюжет обрабатывался европейскими баснописцами от Эзопа до нового времени (Федр, Бабрий, Ромул, Мария Французская, Берехия, Бернат из Люблина и др.). Известен он и в древнеиндийском материале («Канджур» — см. Бедкер 1134), но ни в Индии, ни в прилегающих странах он не получил распространения. Зато мно-

го вариантов в Европе — по-видимому, под влиянием переводов Эзопа (Скандинавия, Германия, Франция, Испания, Греция, Польша).

Вар.: Лит-ра: Эзоп, с. 279 (Максим Тирский), Федр А 26, Бабрий 50, Поджо 133.

№ 314

Владимирцов 122.

АТ 59*.

Этот сюжет является рамкой 1-й книги «Панчатантры» и вошел во все связанные с нею книги. Впервые появляется он в джатаках (№ 349). В настоящее время встречается повсеместно в Азии. Комментируемая сказка вошла в монгольский перевод известного индийского сборника «Двадцать пять рассказов Веталы». Обращение рассказа нами опущено.

Вар.: Аз: бирм: Бирма 182; бур: Элиасов 1959 371; инд: Зограф 1971 3; индонез: Островский 65; каз: КС II 165; монг: Потанин 1883 90-а; синг: Сингальские 18; Кавказ: азерб: Сеидов 189; Лит-ра: Панчатантра I рамка, Хитопадеша II рамка, Сомадева 396, Калила 73, Мануэль I 22.

№ 315

Мидраш (рабба) Когелет 5 21 — *Бейлин С.Х.* Странствующие, или Всемирные повести и сказания в древнеравнинской письменности. Иркутск, 1907, гл. 23, № 7.

АТ 41*.

С.Томпсон указывает единственный румынский вариант этого сюжета. Это более ранняя версия широко известного в Европе и за ее пределами типа АТ 41 («Волк объедается в погреб»), который предполагает участие двух персонажей — трикстера (обычно это лис) и простофили (волк). Но в античности лиса сама забирается в погреб (или дупло) — Гораций, Эзоп — и вынуждена поститься, чтобы выбраться оттуда. В другой версии объедается мышь и порицает ее ласка (басни св. Иеронима, Берехии). Текст из «Мидраш Когелет», созданный талмудистом Гниво на рубеже III–IV вв., как и другие средневековые варианты этого сюжета, отличается религиозно-философской направленностью. Он иллюстрирует известное размышление Екклезиаста о человеческой судьбе: «Как вышел он нагим из утробы матери своей, таким и отходит, каким пришел, и ничего не возьмет от труда своего, что мог бы он понести в руке своей» (Еккл 5, 14).

№ 316

Эзоп 15.

АТ 59.

Знаменитая Эзопова басня обошла весь мир. Чаще встречается в литературе, чем в фольклоре, где речь в подобной ситуации может идти не только о лисе и винограде — меняются персонажи, меняются и предметы, на которые не стоит обращать внимания, раз они недоступны. В Скандинавии сорока не дает лисе ягод для ее матушки — та решает, что они кислые; в Африке шакал выпускает козу — все равно она тощая; в Израиле скрипач не может сыграть мелодию — плохая. Меняется и объем повествования — от развернутой истории до одной фразы (как в Армении: «Не дотянулась лиса до винограда, сказала: „Кислый!“»).

Вар.: Евр: лат: Арайс 45; укр: ВСС 59; Кавказ: арм: Карапетян 1979 162; Аз: айс: Матвеев 226; Лит-ра: Эзоп, с. 279, Федр IV 3, Бабрий 19, Бебель I 31, Лафон-

тен III 11, КБ 167 (Саманиего), РБ 11 (Трелиаковский), Крылов VI 17, Толстой 150.

№ 317

Бибель I 31.

АТ 59 + АТ 115.

Здесь два рассказа. Первый, о лисе и грушах, — вариант типа АТ 59 (см. предыдущий текст). Второй — о тщетных ожиданиях голодной лисы — встречается уже в «Панчатантре». В Европе его латинские переводы известны с XVI в. Историю эту знают как на Западе (в основном в Скандинавии, Прибалтике), так и на Востоке.

Вар.: к АТ 115: Аз: инд: Зограф 1971 12; монг: Потанин 1883 168; Евр: лат: Арайс 46; Лит-ра: Панчатантра II 7.

№ 318

Эзоп 232.

АТ 67.

Этот редкий сюжет встречается и в устной традиции. Есть его испанский вариант, находящийся в зависимости от басни Эзопа. Близка к АТ 67 индийская сказка, где шакал, боясь перейти через поток, делает вид, будто ищет брод, а затем хочет перепрыгнуть через речку, но его уносит течением (Бедкер 464, ср. АТ 64* II В). В абхазской сказке лягушка, уносимая течением, утешает себя тем, что ей давно хотелось побывать на море.

Вар.: Кавказ: абх: Бгажба 102.

№ 319

Толстой 67.

АТ 63.

Восточным славянам этот сюжет не известен (хотя и включен в указатель Аарне–Андреева). Редко фиксировался он и в Восточной Европе (два польских, по одному эстонскому и венгерскому варианту). Одиночные варианты отмечены в Испании, Бельгии, Дании, зато 12 — в Словении, 48 — в Ирландии (по новейшему указателю). Известен сюжет и в Индии (Бедкер 46), где от блох избавляется шакал. Оригинальная деталь рассказа Толстого — неудачное подражание волка.

Вар.: Лит-ра: Орбелиани 60.

№ 320

Ромул 50.

ТМ J 2066.4 + АТ 122 J + АТ 122 К* + АТ 122 А + АТ 122 С + Кш 47 В (cd).

Средневековая литературная версия типа АТ 122 А включает эпизоды, не потерявшие популярности и в современной устной традиции. Выделенный как самостоятельный тип АТ 122 J — лошадь (осел) просит вытащить занозу из копыта, прежде чем ее съесть, — в современной Европе открывает историю злоключений волка. В эту цепочку входит и мотив отказа от сала в надежде на лучшую добычу (ТМ J 2066.4), здесь и просьба свиньи окрестить поросят. Мотив заключительных сетований волка с требованием немедленного «возмездия» (особо выделенный в

указателе Ю.Кшижановского) также прочно закрепился в устной традиции. Сравнительно реже встречается в наши дни эпизод с баранами, попросившими волка рассудить их (АТ 122 К*). Более свободно связан с цепочкой эпизод пения, на которое сбегаются люди (или собаки), имеющий множество вариантов от Европы до Индии, причем «поет» либо хищник, либо его жертва, спрашивающая разрешение спеть в последний раз или помолиться перед смертью (АТ 122 С).

Вар.: к АТ 122 А: см. коммент. к № 166; к АТ 122 J: **Евр:** алб: Албанские 223, 224; лат: Арайс 158, 161; Аз: кирг: Брудный–Эшмамбетов 1968 224; **Лит-ра:** Эзоп 187, Бабрий 122, Орбели 19; к АТ 122 К*: **Евр:** алб: Албанские 219; болг: Болгарские 173; лат: Арайс 156; рус: Кретов 2; **Кавказ:** азерб: Сеидов 197; груз: Долидзе 86 (= Курдованидзе 19); осет: Бритаев–Калоев 15; чеч: Мальсагов 153; **Лит-ра:** Орбели 139; к АТ 122 С: **Евр:** рус, бел: ВСС 122 С, Магай 1968 16; эст: Эстонские 278; **Кавказ:** азерб: Сеидов 197; груз: Долидзе 86 (= Курдованидзе 19); кум: Багрий II 5; осет: Бритаев–Калоев 15, Дзагуров 12; Аз: бур: Бурятские 125, Элиасов 1973 33; тадж: Свод Т140, Т142, Т228; **Лит-ра:** Эзоп 97, Ромул 31, КБ 99 (Ромул), Орбели 17, 139.

№ 321

Византия 412.

АТ 75*.

Встречающийся уже в баснях Эзопа, этот сюжет стал достоянием басенной традиции средневековья. В фольклоре встречается редко, и его известность подерживается литературой, а отчасти и бытовой практикой (так, Х.Икеда замечает, что грозить плачущему ребенку драконом, полицейским и т.п. — обычное дело в Японии, где записано восемь вариантов этого сюжета).

Вар.: **Евр:** укр: ВСС 75*; Аз: калп: Каракалпаки 190; **Лит-ра:** Эзоп 158, с. 289, Бабрий 16, Орбели 52, Лафонтен IV 16, Толстой 122.

№ 322

Эзоп 153.

АТ 203 А*.

В указателе АТ отмечены два латышских варианта этого сюжета, и только (в новом указателе латышских сказок АМ — не два, а один). Сюжет этот — явно литературный: кроме собрания басен Эзопа он встречается у Афтония и в сборнике «Ромул». В «Жизнеописании Эзопа» (фр. 97) приведен другой вариант, где говорится о войне овец с волками, «когда звери еще говорили по-человечьи», и о волке-ораторе, убедившем овец выдать собак волкам. Сюжет вошел и в сборники средневековых армянских басен, использовался в проповедях. Мораль, естественно, варьируется.

Вар.: **Лит-ра:** Орбели 47, 141, 142, КБ 221 (Бирс).

№ 323

Толстой 69.

АТ 87 В*.

Басня Л.Н.Толстого, построенная на известной в фольклоре ситуации (ср. АТ 150: человек отпускает лису за три совета), перепечатывалась в детских книжках, откуда попала в сборники народных сказок (Украина, Казахстан). Изредка ее

рассказывали и фольклористам. Басня В.Измайлова начала XIX в. свидетельствует, что сюжет был придуман раньше Толстого.

Вар.: **Евр:** лат: Арайс 142; укр: ВСС 87 В*; **Аз:** каз: КС III 243. **Лит-ра:** РБ 406 (Измайлов).

№ 324

Матвеев 242.

АТ 50 С.

Басня восходит к Федру, рассказ которого неоднократно обрабатывался средневековыми баснописцами (Берехия, Мария Французская, Альбер). В устной традиции был замечен единственный латышский вариант, на основании которого и введен тип АТ 50 С. К нему следует добавить украинский вариант (в ВСС неосновательно отнесенный к АТ 51): звери приносят еду ослабевшему льву, тот все забирает себе, они моят его голодом, а затем бьют и толкают; заяц по наущению лисы тоже мстит льву, трепля его за ухо.

Вар.: **Евр:** укр: Березовский 37; **Лит-ра:** Федр I 21, Лафонтен III 14, РБ 73 (Херасков), Крылов VII 9, VIII 1, Толстой 72.

№ 325

Тантракхьяика III 2.

АТ 92 А.

Эта история, вошедшая в древнейшую редакцию «Панчатантры» — «Тантракхьяику», повторяется во всех редакциях этой знаменитой книги, включена в «Хитопадешу», «Океан сказаний», «Калилу и Димну», дошла до Европы, попав в средневековые сборники назидательных примеров.

Вар.: **Лит-ра:** Панчатантра III 2, Хитопадеша III 3, Сомадева 431, Калила 165, Белов–Вильскер 332.

№ 326

Орбели 25.

АТ 80 А*.

История соперничества животных — кто старше — известна уже в древней Индии: куропатка, обезьяна и слон доказывают свое старшинство, ссылаясь на баньян — кто помнит его совсем маленьким (джатака № 37). Эта версия распространена также в Корее, Тибете, Монголии. В средневековой литературе Ближнего и Среднего Востока точкой отсчета становится сотворение мира или всемирный потоп, причем в сюжете утверждается новая идея — права сильного: победителю должна достаться добыча, но получает ее самый сильный, не утруждая себя поисками доказательств (персидская «Синдбад-наме», поэма Руми «Месневи», средневековые еврейские и армянские басни). Сюжет хорошо известен и в современной устной традиции от Кореи до Испании. Состав животных меняется, но всюду добыча достается сильному наглецу (верблюду, волку).

Вар.: **Аз:** афг: Лебедев 1972 31; **Кавказ:** абаз: Тугов 14; груз: Курдованидзе 15; **Евр:** рус: Комовская 1956 5, Василенко 28; **Лит-ра:** Джатаки 37, Орбели 140, Белов–Вильскер 178 (Абуль-Фарадж 372).

№ 327

Эзоп 408 (Синтипа 20).

ТМ W 151.2.1.

Эта византийская басня была известна уже Бабрию. Она вошла в средневековые восточные сборники и новоевропейскую басенную традицию.

Вар.: Лит-ра: Бабрий 46, Белов–Вильскер 357, Лукман 3, Лафонтен XII 6.

№ 328

Белов–Вильскер 355.

АТ 77.

Античная басня об олене и охотниках (у Эзопа — об олене и льве) вошла в сборники средневековых басен (Берехия, Мария Французская) и проповеди (Жак де Витри). Хотя сюжет отмечен в нескольких европейских указателях, популярностью он не пользуется, и жизнь его в устной традиции поддерживается дидактической литературой (таково происхождение двух украинских «вариантов»). Активное живет сюжет на Востоке, где из басенной традиции он проник в фольклор народов Африки.

Вар.: Евр: лат: Арайс 177; укр: ВСС 77; Север: эв: Сергеев 28; Афр: малаг: Мадагаскар 48; хау: Лаптухин 23; Лит-ра: Эзоп 74, Федр I 12, Бабрий 43, Лукман 2, Лафонтен VI 9, Толстой 207.

№ 329

Ромул 46.

АТ 132.

Эта средневековая басня, нередко сближаемая с типом АТ 77 (олень любит своего отражением), зафиксирована в фольклорной традиции нескольких народов — в Латвии, Швеции, Бельгии (валлоны), Венгрии, а также в Мексике и Пуэрто-Рико (по одному варианту). Устные варианты лишены «охранительной морали» средневековой басни, и ситуация обычно обыгрывается в комическом духе (козел прикидывается пьяным и дурачит волка).

Вар.: Евр: лат: Арайс 155; Аз: дунг: Хасанов–Юсупов 508, № 7.

№ 330

Белов–Вильскер 361.

АТ 127 А*.

В формулировке Томпсона, основанной на трех испанских вариантах, волк сминает козла со скалы и пожирает его, но одновременно указан и другой исход: козел отказывается сойти вниз. Это, по сути дела, разные сюжеты: козел обманут грубой лестью (ТМ К 815) — затея волка раскрыта (ТМ К 2061.4). Ни с чем остается волк (иногда лев) в этой ситуации уже в басне Эзопа и последующих ее переделках поздней античности и средневековья (Авиан, Берехия, Ближний Восток).

Вар.: Лит-ра: Эзоп 157, Толстой 255.

№ 331

Лукман 5.

ТМ J 452.2.

Сюжет Эзоповой басни, вошедший в восточную басенную традицию — вплоть до Индии.

Вар.: Лит-ра: Эзоп 143, Бабрий 97, Белов–Вильскер 358.

№ 332

Лукман 8.

ТМ N 255.1.

Известная Эзопова басня, распространенная и на Востоке.

Вар.: Лит-ра: Эзоп 76, Белов–Вильскер 363.

№ 333

Эзоп 181.

АТ 207 В.

Сюжет охотно использовался баснописцами и моралистами. Чаще речь идет об осле и лошади. В устной традиции сюжет встречается редко, и национальные указатели дают ссылки обычно на единственный вариант (у Томпсона — данные по Венгрии и Испании).

Вар.: Евр: лат: Арайс 244; укр: ВСС 207 В; Аз: афг: Лебедев 1958 163; Лит-ра: Бабрий 7, Лафонтен VI 16, Хемницер 100, Толстой 112.

№ 334

Эзоп 180.

АТ 211.

В античной басенной традиции речь идет об одном осле или муле (по сообщению Элиана, принадлежавшем знаменитому мудрецу Фалесу Милетскому). В современном фольклоре, где этот сюжет редок, говорится обычно о двух ослах (или об осле и верблюде, осле и муле), так что возникает типичная для сказок о животных пара трикстера и простофили.

Вар.: Аз: афг: Лебедев 1958 145; корейцы: Феи 352; Лит-ра: Бабрий 111, Элиан VII 42 (Памятники поздней античной поэзии и прозы II–V вв. М., 1964, с. 291), Белов–Вильскер 368, Лафонтен II 10.

№ 335

Белов–Вильскер 351.

АТ 292.

Сирийская басня, приписанная Иосифу, современнику Навуходоносора, принадлежит ближневосточной традиции, отразившейся и в баснях Эзопа (осел завидует пению цикады). В устном репертуаре сюжет не встречается (за исключением единственного венгерского варианта).

Вар.: Лит-ра: Эзоп 184.

№ 336

Джатака № 189: Сыркин 33.

АТ 214 В.

Родину этого сюжета видят как в Индии, так и в Греции. Более связана и мотивирована индийская версия, где осел выглядит фигурой «страдательной», так как

шкуру льва на него надел хозяин. У античных баснописцев осел сам напяливает на себя львиную шкуру и обнаружен совершенно случайно: по торчащим ушам, из-за того, что ветер сдул с него шкуру. В индийских вариантах осел узан по голосу. Меняется лишь мотивировка: в различных редакциях «Панчатантры» осел кричит либо потому, что увидел ослицу, либо потому, что принял за ослицу ползущего с испугу на четвереньках стражника. В устной традиции сюжет довольно редок, но особенно любим в средневековой литературе (от тюркской версии «Расказов попугая» — «Тоты-нама» — до Альбера, Берегии и Лафонтена).

гатха — буддийские стихи.

Вар: **Аз:** кхм: Марунова 181; **Лит-ра:** Панчатантра IV 7, Хитопадеша III 2, Сомадева 430, Эзоп 188, Бабрий 139, Орбели 10, Лафонтен V 21, РБ 13 (Тредиаковский), 27 (Сумароков), Толстой 147.

№ 337

Орбели 51.
(ТМ А 2495).

Сюжет греческой басни известен в поздней античности и средневековье. В греческих баснях рассказывается о верблюде. Мораль варьируется — от политической максимы: «Басня относится к государству, в котором властвуют недостойные и неразумные вместо достойных и разумных» (басня из пересказа Бабрия) до назидания: «Очень недостойно, когда отроки поучают старцев, невежды — ученых, глупцы — мудрецов» (армянская проповедь).

Вар.: **Лит-ра:** Эзоп 293, Бабрий 40.

№ 338

Плутарх: Эзоп, коммент. к № 300.
ТМ J 954.1.

В этой известной басне мул обычно хвастается тем, что дедом его был конь.

Вар.: **Кавказ:** арм: Карапетян 1979 165; **Афр:** эф: Ганкин 51; **Лит-ра:** Эзоп 300, Бабрий 62, Ромул 44, Орбели 87, Лафонтен VI 7.

№ 339

Орбели 44.
ТМ J 2413.4.3.

В этом сюжете обезьяна подражает либо сапожнику — и перерезает себе горло, либо рыбаку — и запутывается в сетях. Популярнее вторая версия, известная повсюду на Ближнем Востоке и вошедшая в басни от Эзопа до Крылова.

Вар.: **Афр:** эф: Ганкин 144, **Лит-ра:** Эзоп 203, Бабрий 157, Белов–Вильскер 363, Крылов I 14.

№ 340

Панчатантра I 1.
(АТ 38), Бедкер 1009.

Особая версия сюжета АТ 38 («Лапа в расщелине дерева») сложилась в Индии. Вместе с «Панчатантрой» она пришла в Европу, где была использована баснописцами (Лютер, Кирхофф).

Вар.: Лит-ра: Хитопадеша II 1, Сомадева 391, Калила 76, Стефанит греч I 8, рус, с. 8, 47, 65, Толстой 110.

№ 341

Лукман 19.

TM J 1733.

Этот популярный сюжет восходит, по мнению специалистов, к древневавилонскому басенному наследию (Х.Шварцбаум).

Вар.: Лит-ра: Эзоп 85 (здесь же: с. 284, Жизнеописание Эзопа 30), Элиан Рассказы X 5, Лафонтен VIII 12.

№ 342

Эзоп 223.

AT 219 F*.

Этот сюжет предположительно восходит к шумерской древности (Х.Шварцбаум сопоставляет его с басней-пословицей из вавилонского Талмуда: если в течение вашей жизни вы потеряли 60 детей, то что в них толку? Другое дело жена, родившая лишь одного, но более жизнеспособного ребенка, чем ваши 60). Форма диспута вообще характерна для древневосточной басни. В фольклорной традиции этот сюжет почти не встречается (у Томпсона — единственный венгерский вариант). На Ближнем Востоке популярен другой подобный диспут — между лисицей и львицей. Лиса попрекает львицу в том, что она приносит лишь одного детеныша. «Зато льва!» — парирует та.

Вар.: Лит-ра: Эзоп 249, Бабрий 189, Белов-Вильскер 177 (Абуль-Фарадж 365), Лукман 11, Орбели 23, РБ 531 (Филимонов).

№ 343

Лукман 29.

TM W 111.5.4.

Сюжет Эзоповой басни, распространенный на Ближнем Востоке.

Вар.: Лит-ра: Эзоп 344, Белов-Вильскер 356.

№ 344

Ромул 53.

TM W 156.

Известная история о собаке на сене идет из античности, хотя в басне Федра говорится не о собаке, а о драконе, стерегущем золото (Федр IV 21). Историю хорошо знали и в средние века, ее часто использовали в проповедях. В устной традиции сюжет почти не встречается, хотя поговорку о собаке на сене знают все.

Вар.: Евр: лат: Арайс 248; **Лит-ра:** РБ 94 (Ржевский).

№ 345

Лукман 39.

TM J 874.

Эзопова басня, получившая известность и на Ближнем Востоке.

Вар.: Лит-ра: Эзоп 295, Бабрий 42.

№ 346

Калила 167.

Бедкер 135.

Рассказ о коте-монахе появляется в «Панчатантре» и делается широко известным благодаря «Калиле и Димне». По содержанию он напоминает сказку о коте — притворном святом — АТ 113 В (см. здесь № 136).

Сифрид — соловей.

Вар.: Лит-ра: Панчатантра III 3, Белов–Вильскер 334, Лафонтен VII 16.

№ 347

Эзоп 7.

ТМ К 2061.7.

Популярная в античности и на Ближнем Востоке более позднего времени басня. Вместо курицы иногда появляется свинья, а вместо кота — волк или хорек. Версия со свиньей и волком вошла в средневековые европейские басни.

Вар.: Лит-ра: Бабрий 121, Федр А 17, византийская басня — Эзоп, с. 278, Лукман 33, Белов–Вильскер 362.

№ 348

Ромул 66.

АТ 112**.

Один из популярных басенных сюжетов — от средневековья до нового времени. С.Томпсон делает помету в указателе: «старая русская басня». Встречается и в фольклоре — от Восточной Европы до Мексики.

Вар.: Евр: лат: Арайс 285; Лит-ра: Лафонтен VI 5, Толстой 56.

№ 349

Джатаки 38.

АТ 231.

Сюжет, вошедший в индийскую повествовательную прозу («Панчатантра», «Хитопадеша»), стал известен на Ближнем Востоке и в Европе благодаря «Калиле и Димне» и ее переработкам. На Руси его знали по «Стефаниту и Ихнилату». Но устной традиции он остался чуждым, войдя лишь в фольклор Индии и соседних стран.

Вар.: Аз: индонез: Брагинский 34; синг: Сингальские 20; Евр: укр: ВСС 231; Лит-ра: Панчатантра I 6, Хитопадеша IV 6, Сомадева 394, Калила 89, Белов–Вильскер 307, Стефанит греч I 26, рус, с. 15, 52, 69, Лафонтен X 4, Толстой 177.

№ 350

Мутаввадж 45.

Бедкер 113.

Сюжет индийского происхождения. Он вошел в энциклопедию буддизма — «Ганджур», в «Калилу и Димну», но самую широкую известность приобрел в составе одной из популярнейших на Востоке книг — «Синдбад-наме». Встречается и в фольклоре народов Востока.

Вар.: **Аз:** калм: Ватагин 90; синг: Сингальские 41; **Лит-ра:** Калила 204, Белов-Вильскер 59 (Повесть о Синдбаде), Шидфар 49 (Синдбад).

№ 351

Тысяча и одна ночь, ночь 152.

ТМ J 2413.3 (ср. АТ 230 А*).

Сюжет неоднократно обрабатывался баснописцами от Эзопа до наших дней. Обычно речь идет о галке или вороне. В устной традиции встречается редко. Близок к этой басне тип АТ 230 А*: сова вцепилась одной лапой в зайца, а другой — в дерево: разорвана пополам. Это рассказ Л.Толстого (с. 155), и он отмечен лишь в латышском указателе. Однако древнейший его вариант находится в старой японской истории VIII в.: ястреб хочет схватить двух кабанов сразу и вцепляется им в спины — остается без костей и со сломанными лапами (рассказывается как реальный случай, происшедший во время правления императора Нинтоку в 379 г.).

Вар.: **Кавказ:** дарг: Даргинские 14; **Лит-ра:** Эзоп 2, Бабрий 137, Белов-Вильскер 353, Лафонтен III 16, Толстой 49, Крылов II 21.

№ 352

Эзоп 101.

АТ 244.

Уже в античности сложились две версии этого сюжета — о галке, украсившейся чужими перьями и ощипанной птицами (Эзоп, Бабрий), и о вороне в павлиньих перьях, отвергнутой и воронами, и павлинами (Федр). Обе нашли продолжение в европейской басенной традиции (Берехия, Мария Французская, Лафонтен, Крылов). Устных вариантов этой басни немного, и большинство из них записано на Ближнем Востоке.

Вар.: **Лит-ра:** Федр I 3, Бабрий 72, Лафонтен IV 9, КБ 180 (Лессинг), РБ 12 (Трелиаковский), Крылов VII 27, КБ 222 (Бирс).

№ 353

Панчатантра I 25.

ТМ J 1761.3 = ТМ J 1064.1 = Бедкер 1019.

Вместе с «Панчатантрой» сюжет пришел в Европу, где использовался в средневековых проповедях. Сучимукха, «остроклювая птица», уже в византийской редакции, «Стефаните и Ихнилате», стала вороном, что и закрепилось в европейской традиции (ТМ J 1064.1). В устной традиции сюжет почти не встречается.

Вар.: **Аз:** инд: Урду 139; **Лит-ра:** Калила 113, Стефанит греч I 45.

№ 354

Эзоп 194.

ТМ J 451.2 = ВСС — 245 А*.

Редкий басенный сюжет, восходящий к Эзопу. В устной традиции не закрепился.

Вар.: **Кавказ:** арм: Карапетян 1975 62; **Евр:** укр: ВСС — 245 А*; **Лит-ра:** Бабрий 13, Толстой 154.

№ 355

Орбелиани 72.

Кш 241.

Сюжет отмечен в указателе польских сказок (два варианта), но его обработка у Орбелиани не отступает от формулировки Ю.Кшижановского. Отдельные его мотивы встречаются в средневековых баснях и нравоучительных рассказах (Одо из Черитона, Паули): анст в ссоре с женой выклеывает ей глаза или убивает ее по подозрению в неверности («Римские деяния»).

№ 356

Джатака № 146: Сыркин 25.

Бедкер 975.

146-я джатака, о воронах, оставила след в устной традиции народов, знакомых с буддизмом.

Джатавана — монастырь в Саваттхи, где Будда рассказал большую часть джатак.

бхикшу — буддийский монах, оставивший дом и живущий подаянием.

дхарма — добродетель, отражающая благочестие, нравственный закон.

сангха — буддийская община.

тхера — старший буддийский монах.

наги — полубоги с человеческой головой и змеиным телом, обитатели преисподней.

Вар.: **Аз:** сиам: Ключ 153.

№ 357

Ромул 30.

Кш 231 = Бедкер 1083 + ТМ J 1122.1.

История эта известна от Индии до Ирландии. Ее знали уже в средние века (басни Марии Французской, Вардана). Есть другая версия ответа вороненка: что ему делать, если у человека уже есть камень (так сформулирован сюжет и в указателе мотивов С.Томпсона).

Вар.: **Евр:** лит: Литовские 21; **Кавказ:** ав: Атаев 7; лаки: СНД 31; **Аз:** пер: Ашрафи 335; **Афр:** эф: Ганкин 50; **Лит-ра:** Орбели 15.

№ 358

Эзоп 39.

АТ 233 С.

Сюжет популярен в европейской басенной традиции и в устной традиции не встречается. Рассказывается не только о ласточке (с этимологией: почему ласточка устраивает гнездо близ человеческого жилья), но и о сове, благоразумного совета которой опасаться омелы и льна птицы не послушались.

Вар.: **Лит-ра:** Бабрий 164, Эзоп 376 (Дион Хрисостом), Лафонтен I 8.

№ 359

Али Сафи, с. 45, № 10.

ТМ J 1423.

До «Занимательных рассказов о разных людях» Али Сафи (1533 г.), где история о петухе и соколе превращена в притчу, она встречается в сирийской «Книге занимательных историй» Абуль-Фараджа (XIII в.). Популярный на Ближнем и Среднем Востоке сюжет стал достоянием и европейской басенной традиции. Известен он и в восточном фольклоре.

Вар.: Кавказ: арм: Карапетян 1975 61; Аз: афг: Лебедев 1972 53; пер: Ашрафи 332; Лит-ра: Белов-Вильскер 181 (Абуль-Фарадж 383), Лафонтен VIII 21, Толстой 173.

№ 360

Орбели 57.

ТМ J 972.

Эта маленькая басенка хорошо демонстрирует подвижность басенных моральных уроков. У Томпсона смысл ее сформулирован по Эзопу: победил один, а благами пользуется другой, ему вся слава. Но есть и другой вывод: «Господь гневается на горделивых и милосерд к смиренным». Наконец, в публикуемой армянской басне речь идет лишь о наказании за гордыню, а не о достоинствах смирения. Сюжет популярен в баснях и встречается иногда в устной традиции.

Вар.: Кавказ: абх: Бгажба 102; Аз: индонез: Си Мелю 135; Лит-ра: Эзоп 263, Бабрий I 5, Белов-Вильскер 353, Лукман 35, Лафонтен VII 13, Толстой 52.

№ 361

Бебель II 61.

АТ 237.

Сюжет был, по-видимому, хорошо известен в средневековье: он вошел и в книгу И.Паули «В шутку и всерьез» (№ 669). В современной устной традиции сюжет зафиксирован только во Франции. В указателях латиноамериканских сказок (Хансен, Руб) к этому типу отнесена группа анекдотов о попугае. Здесь, в частности, в сходной ситуации оказываются попугай и кот. Есть подобные анекдоты и в фольклоре североамериканских негров.

№ 362

Византийская басня: Эзоп 323.

АТ 276.

Вошедший в средневековые басни, этот сюжет, известный по пересказам Бабрия, охотно использовался в поучительной литературе. В устной традиции встречается редко (есть латышские и польские варианты — см. Кш 275 А).

Вар.: Кавказ: арм: Карапетян 1975, 28; Лит-ра: Лафонтен XII 10, РБ 263 (Бенитцкий).

№ 363

Хитопадеша IV 1–4.

Икеда 225 А (Бедкер 1001) + Бедкер 506 + Бедкер 23 (ТМ К 401.1.1).

Типичный пример обрамленного повествования, где роль рамки принадлежит известному сюжету о черепахе и гусях (лягушке и утках), не попавшему тем не менее в указатель Аарне-Томпсона. Вместе с «Панчатантрой» он обошел многие

страны мира и укоренился в Европе благодаря популярности «басен Бидпая» и многочисленным обработкам — вплоть до «Лягушки-путешественницы» В.Гаршина. Менее известны две другие истории, заключенные в рамку, — о трех рыбах и птице и змее, хотя и они совершили путешествие из Индии в Западную Европу.

Бар.: к Икеда 225 А; **Аз:** каз: Смирнова 104, 105; кхм: Алеу 97; сиам: Ключ 151; синг: Сингальские 22; туркм: Стеблева 1969 8; **Кавказ:** азерб: Сеидов 209; **Афр:** сут: СНА 1959 42; **Лит-ра:** джатака № 215, Панчатантра I 16, Калила 107, Сомадева 400, Стефанит греч I 40, рус, с. 24, 57, 76, Лафонтен X 3, Толстой 105; к **Бедкер** 506; **Аз:** айс: Матвеев 92; **Афр:** эф: Ганкин 66; **Лит-ра:** Джатаки 114, Панчатантра I 32, Калила 94, Стефанит греч I 32, рус, с. 19, 54, 72; к **Бедкер** 23; **Аз:** айс: Матвеев 76; инд: Урду 107; каз: КС II 188; **Лит-ра:** Панчатантра I 27, Калила 115, Белов–Вильскер 312, Рассказы попугая 20.

№ 364

Орбелиани 150.
АТ 278 А.

Известный прежде всего по басне Эзопа о двух лягушках, одна из которых жила в пруду, а другая — в придорожной луже и была раздавлена телегой, этот сюжет попал и в устную традицию (США, Мексика, Япония). Возможно, Эзопова басня связана с индийской джатакой об алчной птице, попавшей под колесницу. Вообще смерть от телеги — устойчивый мотив, который в притче Орбелиани исчез.

Бар.: **Аз:** яп: Десять 303; **Лит-ра:** Эзоп 69, Джатаки 115.

№ 365

Эзоп 44.
АТ 277.

Сюжет Эзоповой басни постоянно привлекал внимание европейских баснописцев. Часто он истолковывается как сатира на царскую власть. Действительно, у Федра этот сюжет связывается даже с конкретной политической ситуацией в Афинах времен тирана Писистрата. Но столь же очевидна направленность басни против глупости и тщеславия. Устные варианты очень редки (Ирландия, Прибалтика, Румыния). Зато исключительно щедро представлен он в басенных традициях народов Европы. Античная гидра уступила в этом сюжете место журавлю (цапле, аисту).

Бар.: **Евр:** лат: Арайс 197; **Афр:** малаг: Мадагаскар 57; **Лит-ра:** Федр I 2, Бабрий 174, Рейнеке 90, Лафонтен I 3, РБ 78 (Майков), 236 (Хвостов), Крылов I 6.

№ 366

Федр I 24.
АТ 277 А.

Басня известна уже в одной из рукописей эзоповского сборника: здесь червяк позавидовал змее, стал растягиваться и лопнул от натуги. Классическая ее версия — с лягушкой и быком — представлена у Федра. Она привлекала многих баснописцев. Любили ее и проповедники. Д.Ной в указателе типов еврейских сказок под номером 277 помещает несколько сюжетов, объединенных общей темой: «Будь доволен своей участью — неумеренные притязания наказываются». Кроме типов АТ 277 («Лягушки, просящие царя») и АТ 277 А, здесь названы сказки о верблю-

де, пожелавшем иметь рога, о сосне, хотевшей сменить иголки на листья, о луне, требовавшей уравниять ее с солнцем. Не все эти желания вызваны завистью, как в истории с лягушкой и быком. В указателе мотивов С.Томпсона есть еще несколько сказок той же тематики, известных в Индии и Африке и живущих в устной традиции. Сюжет о лопнувшей лягушке в фольклоре редок.

Вар.: **Евр:** лат: Арайс 201; **укр:** ВСС 277 А; **Лит-ра:** Эзоп 254, Лафонтен I 3, РБ 159 (Нелединский–Мелецкий), 396 (Агафи), Крылов I 6.

№ 367

Эзоп 235.

АТ 240 А*.

Сюжет известен преимущественно на Востоке — от Китая до Средиземного моря, хотя Томпсон указывает только латышские его варианты, зависимые, скорее всего, от литературного источника. В воду падает не только муравей, но и пчела.

Вар.: **Аз:** айс: Матвеев 241; **инд:** Урду 198; **кит:** Глаза 183; **корейцы:** Феи 354; **Кавказ:** адыг: Алиева 80; **Лит-ра:** Лафонтен II 12, РБ 251 (Шишков), Толстой 105.

№ 368

Панчатантра I 10.

АТ 282 С*.

Имена персонажей — значащие: Мандависарпини — «Медленно Ползущая», Дундука — «Крошечный». Сюжет вошел в 12 редакций «Панчатантры» (Бедкер 895), отсюда — в «Калилу и Димну» и в «Стефанит и Ихнилат». Известен он и в средневековых западноевропейских книгах назидательных рассказов. В устной традиции встречается преимущественно в Индии.

Джахнави — одно из имен реки Ганга.

Карнисута — автор книги о воровстве.

Муладева — плут в индийских сказках.

Девадатта — женское имя.

Брахма — одно из трех верховных божеств индийского пантеона.

брахманы, кшатрии, торговцы (вайшьи), шудры — главные сословия («варны») древнеиндийского общества.

Хара — одно из имен Шивы, верховного божества индийского пантеона.

Шамбху — одно из имен Шивы.

Вар.: **Аз:** синг: Сингальские 42; **Афр:** хау: Лаптухин 23; **Лит-ра:** Калила 97, Сомадева 397, Стефанит греч I 34, рус, с. 20, 54, 73.

№ 369

Эзоп 258.

ТМ L 478.

Эта басня, не вошедшая в основной сборник Эзоповых басен, была тем не менее хорошо известна в античности (ее, в частности, пересказывает Ахилл Татий в романе «Левкиппа и Клитофонт»). Она прочно вошла в европейскую басенную традицию и встречается также в фольклоре Восточной Европы, Кавказа и Африки.

Вар.: **Евр:** молд: Ботезату 56; **Кавказ:** адыг: Максимов–Керашев 319, Алиева 67; **Афр:** эф: Ганкин 41 (= СНА 1959 312); **Лит-ра:** Лафонтен II 9, РБ 65 (Дубровский), Крылов III 9, Толстой 211.

№ 370

Эзоп 137.

ТМ J 953.10.

Эзопова басня восходит к шумерской о моските и слоне, сохранившейся у арабов. Большинство литературных вариантов зависимо от Эзопа. Другая версия этого сюжета — о блохе и верблюде (Берехия 73, Мария Французская 38), восходящая к «Ромулу».

Вар.: Аз: афг: Лебедев 1958 169; **Кавказ:** арм: Карапетян 1979 168; **Афр:** эф: Ганкин 44; **Лит-ра:** Бабрий 84, Лукман 13, РБ 519 (Федоров).

№ 371

Эзоп 70.

АТ 298 С*.

Восходит этот популярный басенный сюжет, надо полагать, к шумерской древности (Х.Шварцбаум считает эзоповскую версию кратким пересказом более распространенного прототипа, в котором тростник и дерево вели между собой спор). В древнееврейской литературе в той же ситуации оказываются тростник и кедр. Известен сюжет и древнеиндийской литературе (Махабхарата XII 113, ранние редакции «Панчатантры»). От несколько видоизмененной версии Бабрия-Авиана берут начало средневековые басни о дубе, упавшем во время бури в воду и спрашивающем у тростника, как ему удалось устоять. В новоевропейских баснях восстановлен мотив соревнования дуба и тростника. В устной традиции сюжет встречается редко.

Вар.: Евр: лат: Арайс 294; **Лит-ра:** Эзоп, коммент. к № 70, Бабрий 36, КБ 110 (Катс), Лафонтен I 22, РБ 37 (Сумароков), 161 (Нелединский-Мелецкий), 164 (Княжнин), 193 (Дмитриев), 230 (Хвостов), 362 (Иванов), 485 (Маслович), 537 (Зилов), Крылов I 2, Толстой 267.

№ 372

Ромул 66: Федр, с. 80.

АТ 293.

Эту басню рассказал Менений Агриппа римской толпе, призывая к союзу плебеев с патрициями. Сюжет широко использовался в античной литературе (Дионисий Галикарнасский, Тит Ливий, Плутарх), встречается он и в европейской литературе эпохи Возрождения («Кориолан» Шекспира, «В шутку и всерьез» Паули). Особенно велика его популярность в басенной традиции. В фольклоре редок.

Вар.: **Афр:** эф: Ганкин 225; **Лит-ра:** Эзоп 130 (и с. 378), Белов-Вильскер 365, Лукман 32, Лафонтен III 2, РБ 38 (Сумароков).

№ 373

Эзоп 46.

АТ 298.

Один из древнейших басенных сюжетов, восходящий, по-видимому, к шумерскому мифу о споре Зимы с Летом, где Энлиль признает победителем Зиму за то, что она накапливает животворную влагу. В Европе распространилась древнегреческая версия. В устной традиции сюжет встречается от Индонезии до Ирландии, но довольно редко.

Вар.: **Евр:** лат: Арайс 305; рус: Господарев 26; **Кавказ:** чеч: Мальсагов 83; **Аз:** узб: Афзалов II 168; **Лит-ра:** Бабрий 18, Лукман 34, Лафонтен VI 3, РБ 31 (Сумароков).

№ 374

Dawna faciesja polska 810.

AT 165 В*.

Популярная средневековая фацеция, встречающаяся и у Жака де Витри (но речь идет о преступнике), и у Абстемия (тут волк). В Польше она известна как в литературе (Бернат из Люблина, Рей), так и в фольклоре (см. Кш 1368). В указателе Томпсона сюжет включен по единственному испанскому варианту. Знают эту историю и на Украине.

Вар.: **Евр.:** пол: Глинкин 108; укр: ВСС 165 В*; **Лит-ра:** Бебель III 15.

№ 375

Бюргер Г.А. Удивительные путешествия на суше и на море, военные походы и веселые приключения барона фон Мюнхгаузена. М., 1985, с. 14.

AT 166 В* (= AT 1910).

Тип AT 166 В* включает несколько отмеченных лишь в Латвии историй о волке и лошадях, бытовых по содержанию. Лишь последняя из них — 166 В₄* — небылица, встречающаяся в западноевропейской новеллистике (ср. также Эзоп 38: волк стал лизать бычье ярмо и незаметно оказался в упряжке). Это известная фацеция, вошедшая и в фольклор. В указателях этот сюжет занимает место среди небылиц — как AT 1910.

Вар.: **Евр:** лат: Арайс 212; рус, бел: ВСС 1910.

УКАЗАТЕЛЬ СЮЖЕТОВ, ПРЕДСТАВЛЕННЫХ В СБОРНИКЕ

По каталогу Аарне–Томпсона (АТ)

1. Кража рыбы 72
- 1*. Лиса крадет корзинку 128
- 1**. Кролик делает дыру в корзине и крадет сыр 125
2. Ловля рыбы на хвост 21, 72
- 2 А. Закопанный хвост 42, 60
- 2 В. К волчьему хвосту привязана корзина, наполненная камнями 73
- 2 D. Волку (медведю) предлагают перекувырнуться в воздухе — сгорел его хвост из кудели 74
3. Мнимые кровь и мозги 72, 75, 76
4. Катание мнимобольного проказника 72, 75
- 4*. Лиса гадит на волка, который везет ее 71
5. Хватание за ногу 41, 129, 130
6. Жертва заставляет хищника заговорить 112, 115, 122
7. Название трех деревьев 92
8. «Окрашивание» на стogu сена 23
- 8*. Лиса обменивает обожженные кости медведя на северного оленя 23
- 8***. Лиса выжигает себе глаза 24
- 9 А. Медведь молотит — лиса делает вид, что поддерживает крышу 89, 162
- 9 В, С. При дележе урожая лиса берет зерно, медведь — мякину; у лисы каша светлая, у медведя — темная 89
- 10*. Лиса побуждает медведя ступить на тонкий лед 21
- 10***. Падение с обрыва 19, 20, 21
15. Кража масла (меда) прикинувшимся крестным отцом 21, 23, 93
- 15*. Лиса обманывает волка и поедает его добычу 73
20. Животные поедают друг друга 23
- 20 А. Звери в яме 94
- 20 С. Звери в страхе бегут от конца света 95
- 20 D*. Петух и другие животные отправляются в Рим (паломничество животных) 135
21. Пожирание собственных внутренностей 19, 21, 78, 95
- 21*. Лиса заявляет, что ест собственные мозги 76

30. Лиса заманивает волка в яму: бег наперегонки 123, 144
31. Лиса выбирается из ямы по спине волка 94, 123
32. Волк, спускаясь в колодец в одном ведре, освобождает лису в другом 80
33. Лиса притворяется мертвой, выброшена из ямы и спасается 102
34. Волк бросается в воду за отражением сыра 127
- 34 А. Собака роняет мясо из-за отражения в воде 81
- 34 В. Волк пьет воду, чтобы достать сыр 75
- 34 В*. Заяц спрашивает соперника, где он нашел сыр 47
- 35 В*. Лиса достает приманку из капкана, вовлекая в него волка 83, 141
36. Переодетый лис насилует медведицу 195
37. Лиса — нянька у медведя 192
38. Лапа в расщелине дерева 123, 201, 210, 340
- 40 В*. Медведю предлагают новый хвост, сделанный в кузнице 73
41. Волк объедается в погребе 78
- 41*. Лиса в саду 315
43. Медведь строит дом из дерева, лиса — изо льда 149
- 44*. Волк требует шкуру с овцы 82
- 47 А. Лиса (медведь и т.п.) цепляется зубами за хвост лошади; заячья губа 91
- 47 В = 122 J
- 47 С. Лиса привязывает один конец веревки волку на шею, а другой — к рогам коровы, которую они собираются съесть 84
- 47 D. Собака, подражая волку, хочет убить лошадь 85, 184
49. Медведь и мед 92
- 49 А. Осинное гнездо — королевский барабан 48, 123, 127
50. Большой лев 87
- 50 А. Лиса видит, что следы ведут в логово льва и ни один не ведет наружу 88
- 50 С. Осел гордится тем, что лягнул ослабевшего льва 324
- 50*. Лев устраивает праздник для рогатых животных 49
51. Львиная доля 85
- 51 А. Лиса отказывается от посредничества 86
- 51**. Волк забирает лучшие куски 141
- 51***. Лиса — посредница в дележе сыра 97
52. Осел без сердца 180, 305
- 56 А. Лиса грозит свалить дерево 112
- 56 В. Лиса выманивает птенцов у дрозда 104, 113
- 56 С. Шакал — школьный учитель 42
- 56 А*. Лиса притворяется мертвой и ловит птицу 114
- 56 В*. Лису накормили и рассмешили 115
- 56 С*. Лиса сидит в яме и угрожает съесть птенцов 116
57. Ворон с куском сыра во рту 297
58. Крокодил перевозит шакала 122
- 58**. Лиса просит дрозда научить ее петь 105
59. Лиса и кислый виноград 316, 317
- 59*. Шакал — причинитель зла 314
60. Лиса и журавль приглашают друг друга 105
61. Лиса и петух 107, 115
- 61 А. Лиса-исповедница 106
- 61 В. Кот, петух и лиса 151
62. Мир у зверей 108

- 62*. Запрет сидеть на деревьях 109
63. Лиса избавляется от блох 319
64. Бесхвостая лиса заставляет других лис отрезать себе хвосты 120
64*. Шакал повелевает тиграми 130
65. Женихи лисы 148
65*. Лиса жарит жука у реки 100
66 А. «Привет, дом!» 127, 129
66 В. Притворившееся мертвым (спрятавшееся) животное выдает себя 42, 129, 130
67. Лиса, уносимая течением, говорит, что плывет в далекий город 318
68. Шакал пойман в звериной шкуре 29, 131
68 А, В. Лиса топит горшок 98
68*. Лиса насмехается над капканом 99
68**. Волк наказан медведицей 77
69**. Спасение просьбой о последнем поцелуе 102
70. Кто трусливее зайца 188
71. Спор зайца с морозом 189
72. Кролик едет верхом на лисе 48
73. Слепление стража 41
74 А*. Лев и собака 306
74 С*. Кролик бросает кокосовый орех 62, 127
74 D*. Хвост кролика принят за палку 42
75. Помощь слабого 210
75*. Волк тщетно ждет, пока няня выбросит ребенка 321
76. Волк и журавль 293
77. Олень любит свое отражение в воде 328
78. Животное для безопасности позволяет привязать себя к другому животному
130, 171, 172
78 А. Животное позволяет привязать себя, чтобы его не унесло бурей 61
80. Еж в барсучьей норе 142
80 А*. Кому достанется улей? 326
81. Заяц не хочет строить дом зимой из-за холода 187
85. Мышь, птичка и сосиска 251
87 В*. Почему белка веселая 323
88*. Медведь забирается на дерево 178
90. Игла, рукавица и белка 252
91. Обезьяна, оставившая свое сердце дома 117, 305
92. Лев бросается на собственное отражение 126
92 А. Заяц — посланник луны 325
93. Взятый за дело хозяин 301
100. Волк поет в гостях у собаки 169
101. Старая собака спасает ребенка (овцу) 169
102. Собака — сапожница волка 169
103. Звери прячутся от незнакомого животного 96, 169
103 С*. Осел встречает медведя или льва 179
104. Трусливые соперники 169
105. Единственное уменье кошки 101
105*. Единственная уловка ежа 102
105 В*. Лиса и ястреб 103
106*. Волк и свинья 174

110. Звонок для кошки 138
 110*. «Дома ли кот?» 139
 111. Беседа кошки с мышкой 291
 111 А. Волк несправедливо обвиняет ягненка и пожирает его 294
 112. Полевая мышь в гостях у городской мыши 291
 112*. Мыши несут яйцо 292
 112**. Мыши и кот 348
 113 А. Смерть кошачьего короля 269
 113 В. Кот, притворившийся святым 136
 113*. Похороны кота 137
 115. Голодная лиса тщетно ждет, пока у лошади отпадет губа (яйцо) 317
 116. Медведь на возу 274
 117* = 47 D
 118. Лев, напуганный лошадей 177
 119 С* = 47 D
 120. Кто первым увидит восход солнца 147
 121. Волки взбираются друг на друга, чтобы залезть на дерево 73, 166
 122 А. Волк (лиса) в поисках завтрака 166, 167, 320
 122 В. Крыса уговаривает кошку умыться перед едой 140
 122 С. Овца уговаривает волка запеть 320
 122 D. «Дай мне поймать добычу получше!» 47
 122 Е. В ожидании жирного козла 168
 122 F. «Подожди, пока я стану пожирнее» 21
 122 G. «Вымой меня перед тем, как съесть» 170
 122 Н. «Подожди, пока я высохну» 170
 122 J. Осел просит волка вытащить занозу из копыта, прежде чем тот его съест 320
 122 В*. Белка уговаривает лису помолиться перед едой 107
 122 D*. Как сделать птицу вкуснее 114
 122 К*. Волк берется рассудить баранов перед тем, как их съесть 320
 122 М*. Баран прыгает волку в пасть 166
 122 N*. Осел уговаривает волка проехать верхом 166
 123. Волк и козлята 152
 124. Сдугтый домик 153
 125. Волк бежит от волчьей головы 172
 125 В*, С*, D* = 103 С*
 126. Овца прогоняет волка 171, 179
 126 А*. Напуганные волки 157
 126 С* = 122 М*
 127 А*. Волк уговаривает козла спуститься со скалы и пожирает его (или козел отказывается спуститься) 330
 130. Животные на ночлеге (Бременские музыканты) 154, 155
 130 А. Животные строят себе дом 155
 130 В. Животные сбегают, когда им грозит смерть 155
 131. Дружба тигренка и теленка 260
 132. Козел любит отражением своих рогов 329
 133* = 279*
 135*. Мышь делает лодку из хлебной корки 164
 136 = 74 С*
 136 А*. Исповедь зверей 94

- 136 В*. Состязание зайца с бараном 54
137. Грязная свинья и чистая рыба 240
150. Советы лисы 312
152. Человек красит медведя 204
152 В*. Пахарь-озорник 205
153. Выхолощивание медведя 204
154. «Медвежья еда» 194
154. II. Лиса согласна помочь человеку избавиться от медведя в награду за гусей
194, 195, 213
154. IV. Лиса разговаривает с глазами, ушами, ногами, хвостом 116, 194
155. Неблагодарная змея возвращена в заточение 196
156. Заноза, выгашенная из лапы льва (Андрокл и лев) 272, 310
156 А. Преданность льва 311
157. Обучение бояться человека 20, 209
157 А. Лев ищет человека 210
157***. Волк с оторванным хвостом 166
158. Звери в санях 72
159. Пойманные звери откупаются 207
159 В. Вражда льва и человека 214
160. Благодарные звери и неблагодарный человек 307
160 А = 168
161. Крестьянин выдает лису, указывая на нее 313
161 А*. Медведь на деревянной ноге 198
161 В*. Опоенный лев 202
163. Пение волка 197
163 А*. Медведь отгоняет мух 215
163 В* = 161 А*
165. Волк-святой 176
165 А*. Волк сердится на бабу 175
165 В*. Волк наказан женитьбой 374
166 В*. Волк и лошади 375
167 А*. Крестьянин ловит медведя 275
168. Музыкант в волчьей яме 200
170. Лиса съедает своих спутников 193
173. Человек и животные пересматривают срок жизни 276
175. Смоляной мальчик и кролик 31, 127, 128
176. Крестьянин обманывает шакалов 211
177. Вор и тигр 213
178 А. Ллевелин и его собака (Брахман и мангуста) 309
178 В. Верная собака в качестве залога 262
179. Что медведь шептал ему на ухо 302
179 В*. Старик несет квашню 208
180. Распрявившийся лук 303
181. Человек выдает тайну тигра 213
183*. Заяц просит потанцевать 135
200. Собачьи права 185
200 В. Почему собаки обнюхиваются 186
200 В* = 50*
201. Голодный волк предпочитает свободу обильной еде и цепи 289

202. Два упрямых козла 290
203 А*. Овцы прогоняют своих пастухов 322
204. Овца, утка и петух в опасности на море 71
206. Солома, обмолоченная дважды 270
207 А. Осел склоняет уставшего от работы вола сказаться больным 183
207 В. Жестокая лошадь и осел 333
207 С. Животное звонит в колокол и требует справедливости 308
210. Путешествие петуха, курицы, утки, булавки и иголки 156
211. Два осла 334
211 В*. Гусь, селезень и хряк идут в корчму 230
212. Коза-обманщица 150
214. Осел пытается ласкаться к хозяину 182
214 А. Верблюд и осел пойманы из-за пения осла 181
214 В. Осел в лвиной шкуре выдает себя ржанием 336
214*. Осел завидует богатому убранству лошади 180
217. Кот и свеча 263
219 Е*. Петушок старика и курочка старухи 218
219 F*. Спор собаки и свиньи о детях 342
220, 220 А. Совет птиц: суд орла над вороной 258
221. Выборы царя птиц 220
222. Война птиц и четвероногих 221
222 А. Летучая мышь в войне птиц и четвероногих 235
222 В*. Воробей и мышь 222
223. Дружба птицы и шакала 117
225. Журавль учит лису летать 50, 103, 104
227. Гуси просят отсрочки для молитвы 111
230. Воспитание большеголовой и большеглазой птицы 229
230 А* = ТМ J 2413.3
231. Цапля переносит рыб 349
231*. Животные поедают друг друга 30
232. Глухарь и перелетные птицы 28
232 D*. Ворона бросает камешки в кувшин с водой, чтобы напиться 298
233 А. Птицы спасаются, притворившись мертвыми 216, 261
233 В. Птицы улетают с сетью 303
233 С. Ласточка и конопляное семя 353
234. Соловей и веретеница 227
235. Сойка берет на время оперение кукушки и не возвращает его 146
236. Дрозд учит голубя (и других птиц) вить гнезда 223
236*. Различные сказки с подражанием птичьим голосам 220, 226, 229
237. Сорока объясняет, почему свинья грязная 361
239. Ворона помогает оленю бежать из силков 158
240. Голубка обменивается яйцами: два за семь 224
240 А*. Пчела падает в воду, спасена голубем 367
241. Назойливая птица и обезьяна 219
243. Попугай притворяется богом 217
243*. Ворона женится 228
244. Ворона в чужих перьях 352
244 А*. Сватовство журавля к цапле 233
244 С*. Ворон несет птенцов через море 300

247. Каждый любит своих детей больше всего 232
247 В**. Сокол хвалит совят 231
248. Собака и воробей 118
248 А. Слон и жаворонок 304
248 А* = 56 С*
250. Состязание рыб в плавании 160
250 А. Кривой рот камбалы 284
253. Рыбы в верше 239
254**. Суд над Ершом Ершовичем 259
275. Состязание лисы и рака 159, 162
275 А. Состязание зайца и черепахи 163
275 А*. Состязание ежа и зайца 159, 161
276. Краб пятится: научен своими родителями 362
277. Царь лягушек 365
277 А. Лягушка тщетно пытается стать такой же большой, как вол 366
278. Мышь и лягушка связываются лапами, чтобы перебраться через болото 236
278 А. Лягушка упорствует в том, чтобы жить в луже на дороге 364
278 С*. Совет лягушки 237
279*. Змея, обвинявшаяся вокруг краба, не хочет выпрямиться 295
280. Муравей несет груз величиной с себя 243
280 А. Муравей и ленивый сверчок 299
281. Оводы и лошадь 245
282 А*. Блоха и муха 246
282 С*. Вошь приглашает блоху 368
283 А*. Паук мертв 247
283 В*. Терем мухи 165
285 А. Умерший ребенок и хвост змеи 265
285 С. Крестьянин кормит змею, чтобы она не кусала его скотину 173
285 D. Змея (птица) отказывается от примирения 267
285 А*. Гадюка отравляет пищу ребенка 266
285 В*. Змея, выманенная из желудка человека 268
288 В*. Чересчур спешащая жаба 241
288 С*. Неторопливая черепаха 242
289. Летучая мышь, нырок и терновник терпят кораблекрушение 250
291. Ложное перетягивание каната 52
292. Осел пытается заполучить голос цикады 335
293. Спор живота и членов тела 372
293 G*. Еж, монета и барин 143
294. Месяцы и времена года 248
295. Боб, соломинка и уголек 197, 253, 254, 255
297 А. Война черепахи 58
297 В. Война грибов 257
298. Состязание ветра и солнца 373
298 А. Мороз и его сын 206
298 А*. Человек приветствует ветер 249
298 С*. Тростник клонится под ветром 371
670. Язык животных 183
751 А. Крестьянка превращена в дятла 287
967. Паук затягивает яму паутиной, спасая беглеца 34

1030. Дележ урожая 56, 90
1061. Кто раскусит камень 203
1074 = 275 А*
1088. Кто больше съест? 32
1525 D. Ловкий вор обманывает прохожих (сообщников) 44
1530. Держание скалы 62, 127
1563. «Обеих?» 47
1565. Уговор не чesаться 53
2023. Муравьиха находит монетку, покупает новое платье и садится у дверей
(= ЕВ 21. Свадьба сверчка и мышонка) 256

По другим указателям сюжетов

- АМ *7*. Лиса состязается с волком в счете 225
АМ *54*. Лисята горюют, расставаясь с матерью 121
АМ *63*. Во время охоты на уток лиса погружается в воду, держа в зубах зеленую ветку 119
Бедкер 15. Война между воронами и совами 234
Бедкер 23. Птица мстит змее за своих птенцов 363
Бедкер 93. Верблюда уговаривают предложить себя в жертву 79
Бедкер 113. Птица в запальчивости убивает своего птенца 350
Бедкер 135. Кот-аскет судит куропатку и зайца 346
Бедкер 144. Павлин пойман, когда прилетел на крик павы 264
Бедкер 191. Шакал, упавший в ручей, спасен крокодилем 130
Бедкер 212. Шакал, у которого муравьи проели сзади дыру 128
Бедкер 349. Шакал гадит старухе в ступку 33, 128
Бедкер 493. Кошка и тигр 134
Бедкер 506. Три рыбы 363
Бедкер 508. Попугай в клетке 216
Бедкер 588. Шакал поселяется возле пруда и требует почитания 132
Бедкер 613. Птица, пойманная собакой, умывается, обсыхает, машет крыльями и улетает 170
Бедкер 784. Шакал глотает все ту же рыбу 128
Бедкер 830. Шакал, упавший в чан красильщика, делается синим 132
Бедкер 881. Шакал выдает себя за султана и поселяется у реки 132
Бедкер 975. Ворона напилась пьяной и унесена в море 356
Бедкер 1001 = Икеда 225 А
Бедкер 1009. Любопытная обезьяна исследует расщелину в дереве 340
Бедкер 1019. Светлячок принят за огонь 353
Бедкер 1064. Шакал отдает свой барабан зайцу — тот его портит 128
Бедкер 1083 = Кш 231
Бедкер 1189. Ворона и слон 131
ВСС—59** = АМ *63*
ВСС—61*. Петух и собака ночуют в лесу 110
ВСС—161 А**. Медведь и старуха 199
ВСС—245 А* = ТМ J 451.2
ВСС 282 В*. Разговор комара со слепнем 244
ЕВ 1 V. Крестьянин узнает тайну волчицы, обесчещенной лисом 195

ЕВ 21 = АТ 2023

Икеда 9. Нечестная крестьянская работа 156

Икеда 58. Мост из крокодилов 124

Икеда 176. Гора Кахи-Кахи 212

Икеда 225 А. Болтливая черепаха 363

Икеда 249 J. Сова-красильщица 17

Икеда 279. лягушка из Киото и лягушка из Осака 238

Кш 47 В. Волк, конь и баран 320

Кш 157. Каково на вкус человеческое мясо 166

Кш 231. Ворона старая и молодая 357

Кш 241. Аист и гусиные яйца 355

Кш 2521. Аист 278

Кш 2537. Канюк 279

Кш 2611. Рак 280

Ной 41. Фирман волка 78

Ной 178 (а). Сокол и отравленная вода 217

Ной 212 *А. Коза и овца 191

Роуб 8. Окрашивание на стогу сена 127

Роуб *22. Опоссум говорит тигру, что дробит себе яйца 47

Роуб 74 *Е. Заяц просит бога сделать его побольше 39

Роуб 74 *F. Кролик маскируется и напивается воды из реки 61

Роуб 105 *С = Бедкер 493

Хансен **67 F. Лиса хочет, чтобы у ее лисят были такие же красные лапы, как у гуся 105

Хансен **74 R. Колодец зверей 40

Хансен **74 X, Z = Роуб 74 *Е

Хансен 122 **Н. Обезьяна предлагает льву открыть рот и закрыть глаза, чтобы впрыгнуть ему внутрь. Разбивает льву череп камнем и спасается 47

Хонти *208. Отчего у осла длинные уши 283

По указателю мотивов Томпсона (ТМ)

А 522. Животное — культурный герой 1

А 712. Солнце как ежедневно зажигаемый огонь 7

А 714. Происхождение солнца от предмета, брошенного в небо 7

А 741. Происхождение луны от предмета, брошенного в небо 5

А 1021. Всемирный потоп: спасение в ковчеге 281

А 1111. Заточенная вода 10

А 1411. Кража света 11

А 1414. Происхождение огня 4

А 1714. Происхождение животных из различных трансформированных объектов 5

А 2213.5. Свойства животных как следствие побоев 22

А 2214.5.1. Орел бросает черепаху: ее панцирь в трещинах 57

А 2217.2 и А 2413.2. Оцарапанная спина бурундука: отсюда на ней полосы. Полосы бурундука 25

А 2218. Признаки животных как следствие того, что они обожжены или опалены 4

А 2231. Свойства животных: наказание за непочтительность 285

А 2234.1.1. Ворон не возвращается в ковчег по повелению Ноя: черный цвет как результат наказания 231

- A 2236.1. У кого на свете самая сладкая кровь: у комара вырван язык 277
- A 2258. Характерные черты животных как результат ссоры 2
- A 2284. Происхождение свойств животных: животное убеждено в необходимости покалечить себя 8
- A 2284.2. Дрофу убеждают убить своих птенцов, оставив лишь двух; с тех пор несет два яйца 8
- A 2287. Христос определяет свойства животных 282
- A 2312.1.1. Происхождение трещин на панцире черепахи 57
- A 2317.3. Почему канюк лысый 50
- A 2411. Происхождение окраски животного 22
- A 2426.2. Пение птиц 7
- A 2433. Характерные для животных жилища 66
- A 2482. Почему животные мигрируют 27
- A 2493.14. Дружба обезьяны со слоном 70
- A 2494.12.9. Вражда шимпанзе с человеком 70
- A 2494.13. Вражда между птицами 27
- A 2494.16.7. Вражда между осьминогом и крысой 61
- A 2495. Отношение животного к собственным экскрементам 337
- A 2513.1.1. Собака ищет более сильного хозяина 68
- A 2575. Ссора животных 6
- B 37. Бессмертная птица 273
- B 236. Собрание животных выбирает царя 67
- B 240. Царь животных 67
- B 264.3. Сражение между буйволом и тигром 145
- B 292.1. Животное — пастух у человека 18
- B 364. Животное отблагодарило за спасение 34
- B 375. Освобождение животного охотником (рыбаком) 271
- C 410. Запрет на задавание вопросов 37
- C 491. Табу: удивление при виде чуда 37
- C 920. Смерть от нарушения табу 37
- D 113.2. Превращение человека в медведя 286
- D 169.4. Превращение человека в казуара 3
- D 197.1. Превращение человека в игуану 1
- D 415.1. Превращение богомола в других животных 6
- D 651.1. Превращение с целью убить врага 16
- D 950. Волшебное дерево 55
- E 781. Замененные глаза 12
- F 912. Жертва убивает изнутри того, кто ее проглотил 26
- J 451.2. Аист пойман вместе с журавлями и убит 354
- J 452.2. Бык отказывается от приглашения тигра на обед 331
- J 874. Собака, выброшенная из столовой, принята за пьяную 345
- J 953.10. Комар просит прощения за то, что посидел у быка на рогах 370
- J 954.1. Мул — потомок царского боевого коня 338
- J 972. Петуху достается слава, добытая доблестью другого петуха 360
- J 1022. Сражение льва с быками 296
- J 1064.1. Ворон убит обезьянами 353
- J 1122.1 = Кш 231
- J 1149. Различные способы обнаружения спрятавшегося 21
- J 1423. Жареный сокол 359
- J 1733. Почему поросята визжат 341

- J 1806. Закат солнца принят по ошибке за огонь 33
- J 2066.4. Волк отказывается от солонины (и т.п.) в тщетном ожидании другой добычи 320
- J 2136.5. Безрассудный вор пойман 29
- J 2136.6. Животное поймано в туше другого животного 50
- J 2136.6.1. Жадный шакал пойман в туше буйвола 59
- J 2413. Глубое подражание животных 16
- J 2413.3. Галка пытается унести ягненка, подражая орлу 351
- J 2413.4.1, J 2413.4.2. Птица уверяет другое животное в том, что у нее отрезана нога (4.1) или голова (4.2) 65
- J 2413.4.3. Обезьяна перерезала себе горло, подражая сапожнику 339
- J 2425. Неумелая работа хозяина 36
- J 2600. Трусливый глупец 190
- K 81. Обманное состязание в еде 64
- K 143. Продажа навоза 72
- K 144. Обмен бутылки с маслом на козу (корову) 72
- K 149. Продажа бесполезных предметов 15
- K 171. Обманный дележ 26
- K 171.9. Обезьяна обманывает лису при дележе бананов 56, 69
- K 341.2.2. Вор притворяется больным и совершает кражу 63
- K 343.3. Компаньон отослан, и мошенник крадет общие припасы 63
- K 345. Ограбленный сообщник 45
- K 346.2. Пастух убивает животных, порученных ему 18
- K 361.1. Шакалу приказано унести мясо семье льва, но он приносит его к себе домой 59
- K 401.1.1. Следы от украденного приводят к простофилю 363
- K 475. Обман с помощью двусмысленностей 38
- K 521.7. Животное спасается, подражая другому животному 52
- K 561.3. Крокодила уговаривают открыть пасть 122
- K 563. Спасение благодаря просьбе, из-за которой открыт выход 15
- K 581.1. Черепаху наказывают утоплением 56, 58
- K 620. Спасение путем обмана сторожа 122
- K 714. Обманное завлечение в яму (ловушку) 51
- K 721.1. Простофилю убеждают закрыть глаза и открыть рот — в глотку бросают раскаленный камень 59
- K 751. Животное притворяется мертвым и хватает соперника 50
- K 824. Притворный доктор убивает своих пациентов 21
- K 842. Простофилю убеждают занять место находящегося в мешке — он убит 127
- K 851. Обманная игра: один поджигает другого 46
- K 869.2. Обманная игра в прятки 26
- K 911. Притворство мертвым с целью убить врага 22
- K 934. Лиса-пастух 18
- K 940. Путем обмана заставляют убить свою жену или скотину 21
- K 944. Обманное соглашение об убийстве жен (детей) 9, 43, 44
- K 951.1. Раскаленный камень брошен в пасть: противник убит 43, 59
- K 952. Животное убито изнутри 16, 26
- K 955. Убийство путем сжигания 69
- K 955.1. Убийство путем обваривания кипятком 45, 51
- K 962 = Бедкер 93
- K 1010. Обман при фальшивом врачевании 20

- К 1034. Простофилю убеждают лезть по веревке за пищей, веревка рвется 59
 К 1035. Камень (жесткий плод) брошен в пасть жадного простофили 41, 130
 К 1042. Водоплавающие птицы забирают простофилю в море и сбрасывают его в воду 12
 К 1311. Соблазнение путем маскировки или замещения 19, 21
 К 1723. Козел притворяется, будто жует скалу; пугает волка 64
 К 1810. Обман с помощью переодевания 42
 К 1821.2. Маскировка с помощью раскрашивания тела 38
 К 1867. Трикстер притворяется мертвым, чтобы достать пищу 22, 42
 К 1867.1. Трикстер притворяется мертвым и ест спелые плоды 31
 К 2061.7. Кот предлагает лекарские услуги петуху и курам 347
 К 2320. Обман путем запугивания 38
 L 210. Скромный выбор — лучший 38
 L 315.3. Лиса сжигает дерево, на котором находится гнездо орла 119, 133
 L 478. Комары, победившие льва, убиты затем пауком 369
 N 255.1. Олень спасается от охотников — попадает ко льву 332
 U 11.1. Осел наказан за то, что стащил клочок травы 167
 W 111.5.4. Ленивая собака просыпается, лишь чтобы поесть 343
 W 121. Трусость 190
 W 151.2.1. Посетители больного оленя съедают всю его пищу, и он умирает с голоду 327
 W 156. Собака на сене 344
 X 111.7. Неправильно понятые слова ведут к смешному результату 18
 X 130. Юмор, основанный на физических недостатках 70
 Z 43.6. Человек приглашает животных поработать у него в поле 30

Неидентифицированные сюжеты

- Волк и дятел: взаимные попреки 84
 Ворон сватается к собственному отражению, бросается в воду и тонет 14
 Ворон отправлен за водой — лиса столкнула его в реку 13
 Ворон ловит мышей, лиса выпускает их 13
 Ворону во снемышата гадят в рот 14
 Ворону кажется, что нос и щеки заслоняют ему свет, отрезает их 13
 Ворону подвешены к глазам тряпочки; он пугается «пожара» и гибнет 14
 Гиена ночью съедает шкуры, которые даны ей для постели 33
 Гиена приносит дар: гадит в горшок и прикрывает сверху медом 33
 Гиена утаскивает мертвого льва, привязанного к ее хвосту 43
 Заячья трусость: «Докажи, что ты не верблюд!» 190
 Лиса остается без шкуры, вставляет ягодки вместо глаз 12
 Лису топят чирки (чайки) 12
 Паук и мальчик (Паук разбивает горшок с мудростью) 35
 Паук и ящерица: паук завладевает полем ящерицы, протоптав к нему тропинку; ящерица возвращает урожай, предложив пауку накидку из мух 32
 Пауку обжигает голову горячая пища 29
 Шакал отсылает льва домой и пожирает добычу 59
 Шакал поднимает льва на веревке и обрезает ее 59

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

а) регионы и народы

Австр — Австралия

Аз — Азия

Ам — Америка

Афр — Африка

Евр — Европа

Ок — Океания

абаз — абазинцы

абх — абхазцы

ав — аварцы

ад — адыгейцы

азерб — азербайджанцы

айс — айсоры

ак — акамба (камба)

алб — албанцы

алт — алтайцы

англ — англичане

ар — арабы

арм — армяне

афг — афганцы

аш — ашанти

бак — баконго

бал — балонго

бам — бамбара

бан — баньянга

бас — басумба

бау — бауле

баш — башкирцы

бел — белорусы

бельг — бельгийцы

бирм — бирманцы

болг — болгары

босн — боснийцы (муслимане)

браз — бразильцы

бур — буряты

бух — бухеба

буш — бушмены

вен — венгры

вьет — вьетнамцы

ган — ганда

гот — готтентоты

груз — грузины

даг — дагестанцы

дарг — даргинцы

дат — датчане

долг — долгане

дунг — дунгане

инг — ингуши

инд — индийцы

индонез — индонезийцы

ира — ираку

ирл — ирландцы

ительм — ительмены

йор — йоруба

каб — кабардинцы

каз — казахи

калм — калмыки

калп — каракалпаки

кам — камба (акамба)

кар — карелы

кер — керечи

кик — кикуйю

кирг — киргизы

кит — китайцы

кор — коряки
крым — крымские татары
куб — кубинцы
кум — кумыки
кур — курды
кхм — кхмеры
лат — латыши
лезг — лезгины
лит — литовцы
луж — лужичане
мак — македонцы
малаг — малагасийцы
мам — мампруси
ман — манканья
мари — марийцы
мас — масаи
мбу — мбунду
молд — молдаване
монг — монголы
морд — мордвины
нан — нанайцы
нган — нганасаны
негид — негидальцы
нем — немцы
нен — ненцы
неп — непель
нив — нивхи
нил — нилоты
ног — ногайцы
норв — норвежцы
нуб — нубийцы
ор — орочи
орок — ороки
осет — осетины
пеп — пепель
пер — персы
пол — поляки
полинез — полинезийцы
порт — португальцы
рус — русские
сиам — сиамцы
синг — сингальцы

сир — сирийцы
слов — словаки
словен — словенцы
суа — суахили
суд — суданцы
сут — суто-чвана
таг — тагалы
тадж — таджики
тат — татары
тиб — тибетцы
тоф — тофалары
тув — тувинцы
тур — турки
туркм — туркмены
удм — удмурты
узб — узбеки
уйг — уйгуры
укр — украинцы
ул — ульчи
фан — фанти
фин — финны
фр — французы
хак — хакасы
хан — ханты
хау — хауса
хор — хорваты
чеч — чеченцы
чок — чокве
чув — чувашы
чук — чукчи
шор — шорцы
шот — шотландцы
эв — эвенки
эвен — эвены
эск — эскимосы
эст — эстонцы
эф — эфиопы
юк — юкагиры
як — якуты
яп — японцы

б) указатели сказочных сюжетов, энциклопедии

- АА — Андреев Н.П. Указатель сказочных сюжетов по системе Аарне. Л., 1929.
- АМ — Arājs K., Medne A. Latviešu pasaku tipu rādītājs. Rīga, 1977.
Арайс К., Медне А. Указатель типов латышских народных сказок. Рига, 1977.
- АТ — Aarne A., Thompson St. The Types of the Folktale. A Classification and Bibliography. Second Revision. Helsinki, 1961 (FF Communications. № 184).
- Бедкер — Bødker L. Indian Animal Tales: A Preliminary Survey. Helsinki, 1957 (FF Communications. № 170).
- ВСС — Сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская сказка. Сост. Л.Г.Бараг, И.П.Березовский, К.П.Кабашников, Н.В.Новиков. Л., 1979.
- Икеда — Ikeda H. Type and Motif-Index of Japanese Folk-Literature. Helsinki, 1971 (FF Communications. № 209).
- Костюхин — Костюхин Е.А. Типы и формы животного эпоса. М., 1987.
- Кш — Krzyżanowski J. Polska bajka ludowa w układzie systematycznym. Т. 1–2. Wrocław–Warszawa–Kraków, 1962.
- Ной — Noy D. The Jewish Animal Tale of Oral Tradition. Haifa, 1976.
- Робб — Robe S.L. Index of Mexican Folktales. Including Narrative Texts from Mexico, Central America and the Hispanic United States. Berkley–Los Angeles–London, 1973.
- Хансен — Hansen T.L. The Types of the Folktale in Cuba, Puerto Rico, the Dominican Republic and Spanish South America. Berkley–Los Angeles, 1957.
- Хонти — Honti H. Verzeichnis der publizierten ungarischen Volksmärchen. Helsinki, 1928 (FF Communications. № 81).
- ВР — Bolte J., Polivka G. Anmerkungen zu den Kinder- und Hausmärchen der Brüder Grimm. Bd. 1–5. Lpz., 1913–1932.
- ЕВ — Eberhard W., Boratav P.N. Typen türkischer Volksmärchen. Wiesbaden, 1953.
- ЕМ — Enzyklopädie des Märchens. Bd. 1–... В.–N. Y., 1975–...
- ТМ — Thompson St. Motif-Index of Folk Literature. Vol. 1–6. Bloomington, Indiana, 1955–1958.
- ТР — Thompson St., Roberts W.R. Types of Indian Oral Tales. Helsinki, 1960 (FF Communications. № 180).

в) источники текстов

- Аарне — Аарне А. Финские сказки. — Живая старина. 1901, № 1, 2.
- Аворин–Лебедева — Аворин В.А., Лебедева Е.П. Орочские сказки и мифы. Новосибирск, 1966.
- Акимова — Фольклор Саратовской области. Книга I. Сост. Т.М.Акимова. Саратов, 1946.
- Акимова–Архангельская — Песни, сказки, частушки Саратовского Поволжья. Сост. Т.М.Акимова, В.К.Архангельская. Саратов, 1969.
- Акимова–Степанов — Сказки Саратовской области. Сост. Т.М.Акимова, П.Д.Степанов. Саратов, 1937.
- Албанские — Албанские народные сказки. М, 1989.
- Алексеев — Мифы, предания, сказки кетов Сост. Е.А.Алексеев. М., 2001.
- Алеу — Похождения хитроумного Алеу и другие сказки Камбоджи. М., 1967.
- Али Сафи — Али Сафи. Занимательные рассказы о разных людях. М., 1966.
- Алиева — Сказки адыгских народов. Сост. и примеч. А.И.Алиевой. М., 1978.
- Алксните — Латышские народные сказки. Сост. А.Алксните, О.Амбайнис, А.Анцелане, К.Арайс, М.Асаре. Рига, 1957.

- Амонов — Таджикские сказки. Сост. Р.Амонов. М., 1961.
- Ангола — Сказки народов Анголы. Сост. Г.Анпеткова-Шарова. М., 1975.
- Анисимова — Песни, сказки. Сб. сост. А.П.Анисимова. Пенза, 1962.
- Анпеткова-Шарова — Сказки мампруси. Собрала и записала Г.Анпеткова-Шарова. Типологический указатель сюжетов И.Левина. М., 1966.
- Анцелане — Латышские народные предания. Избранное. Сост. А.Анцелане. Рига, 1962.
- Арайс — Латышские народные сказки. Сказки о животных. Сост. К.Арайс. Рига, 1965.
- Арсанов — Чудесные родники. Сказания, сказки и песни народов Чечено-Ингушской АССР. Подбор С.С.Арсанова. Грозный, 1963.
- Асбьернсен — *Асбьернсен П.Х.* Норвежские сказки. 2-е изд. СПб.—М., (1908).
- Асбьернсен—Му — Избранные норвежские сказки, собранные Асбьерсеном и Му. 2-е изд. М., 1914.
- Атаев — Аварские народные сказки. Сост. Д.М.Атаев. Типологический анализ сюжетов И.Левина. М., 1972.
- Аура Поку — Аура Поку. Мифы, сказки, легенды, басни, пословицы и загадки народа бауле. Собраны Г.Химмельхебером в этнографической экспедиции на Берег Слоновой Кости. М., 1960.
- Афанасьев — Народные русские сказки А.Н.Афанасьева. Изд. подготовили Л.Г.Бараг, Н.В.Новиков. Т. 1–3. М., 1984–1985.
- Афанасьев Легенды — Афанасьев А.Н. Народные русские легенды. Казань, 1914.
- Афзалов — Узбекские народные сказки. Т. 1–2. Сост. М.И.Афзалов, Х.Расулев, Э.Хусаинова. Таш., 1963.
- Ахмет — Ахмет Ахай озенбашский. Первая книга сказок. Сост. Мирер. М., 1940.
- Ашрафи — Персидские анекдоты. Пер. М.Ашрафи и др. М., 1963.
- Бабошина — Сказки Чукотки. Записала О.Е.Бабошина. М., 1958.
- Бабрий — *Федр. Бабрий.* Басни. Изд. подгот. М.Л.Гаспаров. М., 1962.
- Багизбаева — *Багизбаева М.М.* Фольклор семиреченских казаков. Ч. 1–2. А.-А., 1977, 1979.
- Багрий — Фольклор Азербайджана и прилегающих стран. Под ред. А.В.Багрия. Т. 1–3. Баку, 1930.
- Багрий—Зейналлы — Азербайджанские тюркские сказки. Пер., статьи и коммент. А.Багрия и Х.Зейналлы. М.—Л., 1935.
- Балашов — Сказки Терского берега Белого моря. Изд. подг. Д.М.Балашов. Л., 1970.
- Бали — Сказки острова Бали. Собраны и обработаны Якобой Хойкас-ван Леувен Бомкамп. М., 1983.
- Балтер — Хакасские народные сказки. Пер. и лит. обработка Б.Балтера. Абакан, 1955.
- Бараг 1969 — Народные сказки, легенды, предания и были, записанные в Башкирии на русском языке в 1960–1966 гг. Подбор текстов, ред. вступит. ст. и примеч. Л.Г.Барага. Уфа, 1969.
- Барбовер — Барбовер Зеленая Борода. Французские и бельгийские народные сказки. М., 1993.
- Бардин — Фольклор Чкаловской области. Сост. А.В.Бардин. Чкалов, 1940.
- Бахтин—Ширяева — Сказки Ленинградской области. Собрали и подготовили к печати Владимир Бахтин и Пелагея Ширяева. Л., 1976.
- Баширов — Веселая россыпь. Татарский народный юмор. Сост. Г.Б.Баширов. М., 1974.
- Бгажба — Абхазские сказки. Изд. 3-е. Сост., обработал и перевел Х.С.Бгажба. Сухуми, 1974.
- Бебель — *Бебель Г.* Фацетии. Изд. подг. Ю.М.Каган. М., 1970.
- Бекташи — Бекташи и другие. Турецкие короткие народные рассказы. Сост. и пер. Р.А.Аганин. М., 1972.

- Белов–Вильскер — Рассказы, освежающие разум и изгоняющие печаль. Сост. и коммент. А.Белова и Л.Вильскера. Л., 1972.
- Беннигсен — *Беннигсен А.П.* Легенды и сказки Центральной Азии. СПб., 1912.
- Березовский — Казки про тварин. Сост., вступит. ст. и примеч. И.П.Березовского. Киев, 1976.
- Бессараба — *Бессараба И.В.* Материалы для этнографии Херсонской губернии. Пг., 1916 (Сборник ОРЯС АН. Т. XCIV, № 4).
- Бессонова — Башкирские народные сказки. Запись и пер. А.Г.Бессонова. Уфа, 1941.
- Бирбал — Забавные рассказы про великомудрого и хитроумного Бирбала, главного советника индийского падишаха Акбара. М., 1978.
- Бирма 1976 — Сказки народов Бирмы. Сост. В.Б.Касевич, Ю.М.Осипов. М., 1976.
- Бирма 1977 — Волшебная арфа. Сказки народов Бирмы. Сост. Е.Западова. М., 1977.
- Бисау — Сказки народов Бисау. Предисл. Ф.Мендельсона. М., 1971.
- Блик–Каллзуэй — Басни и сказки диких народов. СПб., 1874.
- Богатырев — Словацкие сказки. Сост. П.Богатырев. М., 1955.
- Богораз — *Богораз В.Г.* Материалы по изучению чукотского языка и фольклора, собранные в Колымском округе. Ч. I. Образцы народной словесности чукоч. СПб., 1900.
- Болгария — Болгарские народные сказки. М., 1953.
- Боровик–Мирер — Фольклор Горьковской области. Сказки. Записали В.И.Боровик, С.И.Мирер. Горький, 1939.
- Ботезату — Молдавский фольклор. Ред. коллегия: Г.Г.Ботезату, В.М.Гацак, И.Д.Чобану. Кишинев, 1976.
- Брагинский — Волшебный жезл. Сказки народов Индонезии и Малайзии. Сост. и предисл. В.Брагинского. М., 1972.
- Бразилия — Бразильские сказки и легенды. М., 1962.
- Бритаев–Калоев — Осетинские народные сказки. Сост. С.Бритаев и Г.Калоев. М., 1959.
- Брудный — Киргизские народные сказки. Сост. и обработал Дм.Брудный. Фрунзе, 1956.
- Брудный–Эшмамбетов 1968 — Киргизские сказки. Сост. и пер. Д.Брудного и К.Эшмамбетова. М., 1968.
- Брудный–Эшмамбетов 1977 — Киргизские народные сказки Сост., пер. и обработка Дм.Брудного и К.Эшмамбетова. Фрунзе, 1977.
- Бурятские — Бурят-монгольские сказки. Чита, 1953.
- Бургер — *Бургер Г.А.* Удивительные путешествия на суше и на море, военные походы и веселые приключения барона фон Мюнхгаузена. М., 1985.
- Бязыров — Осетинские народные сказки. Сост. А.Х.Бязыров. Изд. 2-е. Цхинвали, 1971.
- Василевич — Сборник материалов по эвенкийскому (тунгусскому) фольклору. Сост. Г.М.Василевич. Л., 1936.
- Василевич–Васильев — *Васильев В.Н.* Образцы тунгусской народной литературы. — Сборник материалов по эвенкийскому (тунгусскому) фольклору. Сост. Г.М.Василевич. Л., 1936.
- Василевич–Левин — *Левин В.И.* Две сказки саянских эвенков. — Сборник материалов по эвенкийскому (тунгусскому) фольклору. Сост. Г.М.Василевич. Л., 1936.
- Василевич–Петрова — *Петрова Т.И.* Сказки эвенков Приангарья. — Сборник материалов по эвенкийскому (тунгусскому) фольклору. Сост. Г.М.Василевич. Л., 1936.
- Василевич–Рычков — *Рычков К.* Из области тунгусского творчества. — Сборник материалов по эвенкийскому (тунгусскому) фольклору. Сост. Г.М.Василевич. Л., 1936.

- Василевич–Титов — *Титов Е.И.* Материалы по устному творчеству эвенков Прибайкалья. — Сборник материалов по эвенкийскому (тунгусскому) фольклору. Сост. Г.М.Василевич. Л., 1936.
- Василенко — Сказки, пословицы, загадки. Сборник устного народного творчества Омской области. Ред., подг. текстов, сост. В.А.Василенко. Омск, 1955.
- Васильев — *Васильев М.А.* Памятники татарской народной словесности. Сказки и легенды. Казань, 1924.
- Ватагин — Медноволосая девушка. Калмыцкие народные сказки. Пер., сост. и примеч. Марка Ватагина. М., 1964.
- Верещагин — *Верещагин Г.* Вотяки Сосновского края. — Записки РГО по отд. этнографии. СПб., 1886, т. XIV, вып. 2.
- Верховина — Сказки Верховины. Закарпатские украинские народные сказки. Ужгород, 1970.
- Византия — Памятники византийской литературы IX–XIV веков. М., 1969.
- Винников — *Винников И.Н.* Язык и фольклор бухарских арабов. М., 1969.
- Вирсаладзе — *Вирсаладзе Е.Б.* Грузинские народные предания и легенды. Сост., пер. и примеч. Е.Б.Вирсаладзе. М., 1973.
- Владимирцов — Волшебный мертвец. Монгольско-ойратские сказки. Пер. Б.Я.Владимирцова. М., 1958.
- Волянка — Серебряная волянка. Шотландские народные сказки. М., 1959.
- Воскобойников 1958 — Фольклор эвенков Бурятии. Вступит. ст., сост. и примеч. М.Г.Воскобойникова. Улан-Удэ, 1958.
- Воскобойников 1973 — Кто дал эвенкам солнце. Сказки, предания и устные рассказы эвенков. Вступит. ст., запись, пер. и примеч. М.Г.Воскобойникова. Иркутск, 1973.
- Время — Время сновидений. Мифы и легенды аборигенов Австралии. Сост. и пер. Т.А.Черниловская, А.М.Давыдов. М., 1987.
- Всевидящий глаз — Всевидящий глаз. Легенды североамериканских индейцев. М., 1964.
- Гаврилов — *Гаврилов Б.* Произведения народной словесности, обряды и поверья вотяков Казанской и Вятской губерний. Казань, 1880.
- Галица — Сказки зеленых гор, рассказанные М.М.Галицей. Зап. и сост. П.В.Винтур и И.М.Чендей. Ужгород, 1966.
- Ганкин — Амхарские народные сказки. Пер., предисл. и примеч. Э.Б.Ганкина. М., 1979.
- Гидаш — Венгерские народные сказки. Сост. А.Гидаш. М., 1958.
- Глаза — Глаза дракона. Легенды и сказки народов Китая. М., 1959.
- Глинкин — Польские народные легенды и сказки. Сост. П.Глинкин. М.–Л., 1965.
- Глonti — Грузинские народные новеллы. Сост., ред. и примеч. А.Глonti. Тбилиси, 1974.
- Гнатюк Легенды — *Гнатюк В.* Галицько-руські народні легенди. Львов, 1902 (Этнографічний збірник. Т. XII).
- Гнедич — *Гнедич П.* Материалы по народной словесности Полтавской губернии. Роменский уезд. Вып. IV. Сказки, легенды, рассказы. Полтава, 1916.
- Голоса — Голоса Америки. Из народного творчества США (Баллады, легенды, сказки, притчи, песни, стихи). М., 1976.
- Господарев — Сказки Ф.П.Господарева. Зап., вступит. ст., примеч. Н.В.Новикова. Петрозаводск, 1941.
- Григорьев — Чувашские сказки. Сост. и пер. С.Г.Григорьева. М., 1971.
- Гриммы — *Братья Гримм.* Сказки. М., 1978.

- Гринцер — Индийская средневековая повествовательная проза. Сост. и предисл. П.Гринцера. М., 1982.
- Данилов — Сказки и предания чуваш. Собр. и пер. Н.Ф.Данилов. Чебоксары, 1963.
- Даргинские — Даргинские сказки. Предисл. и примеч. М.-З.Османова. М., 1963.
- Десять — Десять вечеров. Японские народные сказки. М., 1965.
- Джатаки — Джатаки. Из первой книги «Джатак». Пер. с пали Б.Захарьина. М., 1979.
- Джимбинов — Калмыцкие сказки. Сост. Б.Джимбинов. М., 1962.
- Дзагуров — Осетинские народные сказки. Запись, пер., предисл. и примеч. Г.А.Дзагурова. Авт. типологического анализа сюжетов Исидор Левин при участии Уку Мазинга. М., 1973.
- Диваев — Казахская народная поэзия. Из образцов, собранных и записанных А.А.Диваевым. Сост. Н.С.Смирнова и др. А.-А. 1964.
- Добровольский — *Добровольский В.Н.* Смоленский этнографический сборник. Ч. I. СПб., 1891 (Записки РГО по отд. этнографии. Т. XX).
- Долгих — Мифологические сказки и исторические предания энцев. Зап., введ. и коммент. Б.О.Долгих. М., 1961.
- Долидзе — *Долидзе Н.И.* Грузинские народные сказки (Сто сказок). Тбилиси, 1956.
- Дон — Фольклор Дона и Кубани. Сб. I. Ростов-на-Дону, 1938.
- Драгоманов — *Драгоманов М.* Малорусские народные предания и рассказы. Киев, 1876.
- Древняя Русь — Памятники литературы Древней Руси. XII век. М., 1980.
- Дульзон — *Дульзон А.П.* Кетские сказки. Томск, 1966.
- Дыренкова — *Дыренкова Н.П.* Шорский фольклор. М.-Л., 1940.
- Дэнба — Прodelки дядюшки Дэнба. Тибетское народное творчество. М., 1962.
- Евсевьев — *Евсевьев М.Е.* Избранные труды. Т. 3. Мордовские народные сказки и загадки. Саранск, 1964.
- Еремина — Песни и сказки пушкинских мест. Фольклор Горьковской области. Вып. I. Изд. подг. В.И.Еремина, М.А.Лобанов, В.Н.Морохин. Л., 1979.
- Ефремов — Вологодский фольклор. Народное творчество Сокольского района. Сост., примеч. и вступит. ст. И.В.Ефремова. Вологда, 1975.
- Завьяловский — *Завьяловский П.Т.* Предания и сказки Оренбургских степей. Чкалов, 1948.
- Замалетдинов — Татарские народные сказки. Сост. Ленар Замалетдинов. Казань, 1986.
- Зарубин — Белуджские сказки, собранные И.И.Зарубиным. Ч. 1-2. М.-Л., 1932, 1949.
- Зелени Вят — Великорусские сказки Вятской губернии. Сборник Д.К.Зеленина. Пг., 1915.
- Зелени Перм — Великорусские сказки Пермской губернии. Сборник Д.К.Зеленина. Пг., 1914.
- Зиберт — Легенды и сказки индейцев Латинской Америки. Сост. Э.Зиберт. М.-Л., 1962.
- Зимин — *Зимин М.М.* Ковернинский край (Наблюдения и записи). — Труды Костромского научного общества по изучению местного края. Кострома, 1920, вып. XVII.
- Зиновьев — Русские сказки Забайкалья. Подг. текстов, сост., предисл. и примеч. В.П.Зиновьева. Иркутск, 1983.
- Зограф 1964 — Сказки народов Индии. Предисл. и примеч. Г.Зографа. М.-Л., 1964.
- Зограф 1971 — Сказки Центральной Индии. Под ред. Г.А.Зографа. М., 1971.
- Зограф 1976 — Сказки народов Индии. Предисл. и примеч. Г.Зографа. Л., 1976.
- Иваницкий — Песни, сказки, пословицы, поговорки и загадки, собранные Н.А.Иваницким в Вологодской губернии. Вологда, 1960.

- Илишкин—Очиров — Калмыцкие народные сказки. Под ред. И.К.Илишкина и У.У.Очирова. Элиста, 1961.
- Иохельсон — *Иохельсон В.И.* Материалы по изучению юкагирского языка и фольклора, собранные в Колымском округе. Ч. I. Образцы народной словесности юкагигов. СПб., 1900.
- Ирак — Сказки и предания Ирака. Сост. В.А.Яременко. М., 1990.
- Ирландия — Ирландские легенды и сказки. Сост. и предисл. Н.Шерешевской. М., 1960.
- Исфахан — Сказки Исфахана. Пер. с перс. Э.Джалиашвили и Н.Фарас. Предисл. Ю.Борщевского. М., 1967.
- Кабиров — Уйгурские сказки. Сост. М.И.Кабиров. А.-А., 1963.
- Кавказ — Сказки народов Северного Кавказа. Ростов-на-Дону, 1959.
- Калила — Калила и Димна. Изд. 2-е. М., 1957.
- Камбоджа — Сказки, пословицы, поговорки Камбоджи. М., 1959.
- Каракалпаки — Каракалпакские народные сказки. Нукус, 1959.
- Карапетян 1967 — *Карапетян Г.О.* Армянский фольклор. М., 1967.
- Карапетян 1975 — Забавные и назидательные истории армянского народа. Сост. Г.О.Карапетян. М., 1975.
- Карапетян 1979 — Армянский фольклор. Сост. Г.О.Карапетян. М., 1979.
- Карпов — Сказки и легенды Вьетнама. Сост. В.Карпов. М., 1958.
- Катанов — *Катанов Н.Ф.* Хакасский фольклор. Абакан, 1963.
- Кацнельсон — Фараон Хуфу и чародеи. Сказки, повести, поучения древнего Египта. Сост. И.С.Кацнельсон. М., 1958.
- КБ — Классическая басня. Сост., подг. текста, примеч. М.Л.Гаспарова и И.Ю.Подгаецкой. М., 1981.
- Керт — Саамские сказки. Под ред. Г.М.Керта. Мурманск, 1980.
- Кирюхин — Русский прозаический фольклор в Дагестане и на Северном Кавказе (В записях 1972—1975 гг.). Публикация, вступит. ст. и коммент. В.С.Кирюхина. Махачкала, 1980.
- Ключ — Серебряный ключ. Тайские сказки. Пер. и примеч. В.И.Корнева. М., 1963.
- Козел — Волшебный козел. Вьетнамские народные сказки. Предисл. Н.Никулина. М., 1976.
- Коль-Ларсен 1962 — Волшебный рог. Мифы, легенды и сказки бушменов хадзапи. Собраны Л.Коль-Ларсеном. М., 1962.
- Коль-Ларсен 1963 — Заяц в башмаках. Сказки племени ираку. Собраны Л.Коль-Ларсеном в Восточной Африке. М., 1963.
- Коми — Фольклор народа коми. Т. I. Предания и сказки. Архангельск, 1938.
- Комовская — Предания и сказки Горьковской области. Зап. и ред. текстов, вступит. ст. и примеч. Н.Д.Комовской. Горький, 1951.
- Комовская 1956 — Сказки, рассказы, песни Горьковской области. Вступит. ст., записи, ред. текстов, коммент. Н.Д.Комовской. Горький, 1956.
- Конго — Как храбрый Мокеле добыл для людей солнце. Сказки с реки Конго. Пер. Э.Львовой. Предисл. Е.Котляр. М., 1973.
- Конкка 1959 — Карельские народные сказки. Сост., вступит. ст. и примеч. У.С.Конкка. Петрозаводск, 1959.
- Конкка 1963 — Карельские народные сказки. Изд. подг. У.С.Конкка. М.—Л., 1963.
- Конкка—Тупицына — Карельские народные сказки. Южная Карелия. Изд. подг. У.С.Конкка, А.С.Тупицына. Л., 1967.
- Корейские — Корейские предания и легенды из средневековых книг. Сост. и коммент. Л.Концевича. М., 1980.

- Корепова — Лекарство от задумчивости. Русская сказка в изданиях 80-х годов 18 века. Изд. подг. К.Е.Корепова. СПб., 2001.
- Королева — Королева-лебедь. Литовские народные сказки. Вильнюс, 1965.
- Коротин — *Коротин Е.* Фольклор яицких казаков. Песни, народная проза, детский фольклор. А.-А., 1981.
- Котляр — Мифы и сказки бушменов. Сост., пер., предисл. и примеч. Е.С.Котляр. М., 1983.
- Кравченко — *Кравченко В.Г.* Этнографические материалы, собранные В.Г.Кравченко в Волынской и соседних с ней губерниях. Житомир, 1914 (Труды Общества исследований Волыни. Т. XII).
- Кралина — *Кралина Н.* Сто сказок удмуртского народа. Ижевск, 1961.
- Красноярские — Записки Красноярского подотдела Восточно-Сибирского отдела РГО по этнографии. Т. I, вып. 1. Красноярск, 1902; вып. 2. Томск, 1906.
- Кретов — Народные сказки Воронежской области. Современные записи. Под ред. А.И.Кретева. Воронеж, 1977.
- Крил — Светящийся незнакомец (Народные сказки Либерии). Предисл. Е.С.Котляр. М., 1966.
- Крылов — *Крылов И.А.* Басни. Изд. подг. А.П.Могиланский. М.—Л., 1956.
- Крюкова — *Крюкова М.С.* Сказки. Архангельск, 1940.
- КС — Казахские сказки. Сост. В.М.Сидельников. Т. 1–3. А.-А., 1958, 1962, 1964.
- Куба — Кубинские народные сказки. Сост. Н.Булгакова и С.Фейхоо. М., 1966.
- Кукуллу — Золотой сундук. Сказки татов Дагестана. Сост. А.Кукуллу. М., 1974.
- Куприяниха — Сказки Куприянихи. Зап. и коммент. А.М.Новиковой и И.А.Оссовецкого. Воронеж, 1937.
- Куприянова — *Куприянова З.Н.* Ненецкий фольклор. Л., 1960.
- Курдованидзе — Грузинские народные сказки. Сост., вступит. ст., примеч. Т.Д.Курдованидзе. М., 1988.
- Курлендер — Барабан короля. Африканские сказки. Собр. Г.Курлендером. М., 1971.
- Кустова — Сказки крымских татар. В передаче М.Г.Кустовой. Симферополь, 1941.
- Лангло-Паркер — Мифы и сказки Австралии. Собр. К.Лангло-Паркер. М., 1965.
- Лаптухин — Сказки, притчи, легенды хауса. Пред. и пер. В.В.Лаптухина. М., 1964.
- Латинская — Памятники средневековой латинской литературы X–XII веков. Отв. ред. М.Е.Грбарь-Пассек и М.Л.Гаспаров. М., 1972.
- Лафонтен — Басни Лафонтена (Полное собрание). Под ред. А.И.Введенского. СПб., 1901.
- Лебедев 1958 — Сказки и стихи Афганистана. Сост. К.Лебедев. М., 1958.
- Лебедев 1972 — Афганские сказки и легенды. Сост., предисл. и примеч. К.А.Лебедева. М., 1972.
- Леонова — Фольклор Западной Сибири. Сказки. Под ред. Т.Г.Леоновой. Омск, 1982.
- Лесная — Сказки народов СССР. Избранные. Сост. и коммент. Л.Лесная. М., 1939.
- Лионго Фумо — Сказание о Лионго Фумо. Сказки народов Африки. Отв. ред. Н.В.Охотина. М., 1962.
- Литовские — Литовские народные сказки. Рига, 1930/1931.
- Лукина — Мифы, предания, сказки хантов и манси. Сост. Н.В.Лукина. М., 1990.
- Лукман — Мудрость Хикара и басни Лукмана. Под ред. и с предисл. И.Ю.Крачковского. Пг., 1920.
- Маврикий — Сказки острова Маврикий. М., 1974.
- Магай 1940 — Сказки Магая (Е.И.Сорокикова). Записи М.Азадовского и Л.Элиасова. Л., 1940.

- Магай 1968 — Сказки и предания Магая. Записи Л.Е.Элиасова. Улан-Удэ, 1968.
- Мадагаскар — Сказки Мадагаскара. Пер., предисл. и коммент. Ю.С.Родман. М., 1965.
- Макконнел — *Макконнел У.* Мифы мункан. М., 1981.
- Максимов-Керашев — Адыгейские сказания и сказки. Пер. и лит. обр. П.Максимова и Т.Керашева. Майкоп, 1952.
- Мальсагов — Сказки и легенды ингушей и чеченцев. Сост., пер., предисл. и примеч. А.О.Мальсагова. М., 1983.
- Мануэль — *Хуан Мануэль.* Граф Луканор. М.—Л., 1961.
- Маринд-аним — Мифы и предания папуасов маринд-аним. М., 1981.
- Марунова — Пропавшая палица. Легенды и сказки Камбоджи. Сост. И.Марунова. М., 1972.
- Мары — Туркменские народные сказки Марыйского района. Зап. и пер. Н.Ф.Лебедев. М.—Л., 1954.
- Матвеев — Истребитель колючек. Сказки, легенды и притчи современных ассирийцев. Сост. К.П.Матвеев. М., 1974.
- Маунг — *Маунг Хтин Аунг.* Бирманские народные сказки. М., 1957.
- Меновщиков 1969 — Эскимосские сказки и легенды. Изд. 2-е. Зап., пер., предисл. и примеч. Г.А.Меновщикова. Магадан, 1969.
- Меновщиков 1974 — Сказки и мифы народов Чукотки и Камчатки. Сост. Г.А.Меновщиков. М., 1974.
- Меновщиков 1985 — Эскимосские сказки и мифы. Сост. Г.А.Меновщиков. М., 1985.
- Минаев — Индийские сказки и легенды, собранные в Камаоне в 1875 году И.П.Минаевым. М., 1966.
- Митропольская — Русский фольклор в Литве. Исслед. и публ. Н.К.Митропольской. Вильнюс, 1975.
- Михайлов — Монгольские сказки. Сост. Г.Михайлов. М., 1962.
- Мокс — *Орбели И.А.* Фольклор и быт Мокса. М., 1982.
- Мокша — Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Т. III, ч. I. Мокшанские сказки. Сост. А.Маскаев. Саранск, 1966.
- Молдавия — Молдавские сказки. Кишинев, 1968.
- Молдавский — Господин Леший, господин Барин и мы с мужиком. Записки о сказочниках Дм.Молдавского и сказки, собранные Вл.Бахтиным и Дм.Молдавским. М.—Л., 1965.
- Мордва — Мордовские народные сказки. Саранск, 1971.
- Морохин — *Морохин В.Н.* Сказки родного края. Горький, 1978.
- Мутаввадж — Повесть о царе ал-Мутаввадже, о царице, мудреце Синдбаде, о семи везирах и о рассказе каждого из них. М., 1967.
- Мучник — Киргизские народные сказки (избранные). Лит. обр. Н.А.Мучника. Фрунзе, 1944.
- Мырсева-Романова — *Мырсева А.Н., Романова А.В.* Фольклор эвенков Якутии. Л., 1971.
- Назаревич — *Назаревич А.* В мире горской народной сказки. Дагестанские тетради. Махачкала, 1962.
- Насреддин — Двадцать три Насреддина. Сост. М.С.Харитонов. М., 1978.
- Насыров-Поляков — *Насыров А.К., Поляков П.А.* Сказки казанских татар и сопоставление их со сказками других народов. Казань, 1900.
- Некрасова — Истории Черной Земли. Сказки и легенды Анголы. Сост. Л.В.Некрасовой. М., 1975.
- Ниедре 1948 — Латышские сказки. Предисл. Я.Ниедре. Рига, 1948.
- Ниедре 1958 — Латышские народные сказки. Предисл. Я.Ниедре. М., 1958.

- Никифоров — Севернорусские сказки в записях А.И.Никифорова. М.—Л., 1961.
- Никулин — Сказки народов Вьетнама. Сост., вступит. ст. и коммент. Н.И.Никулина. М., 1970.
- Новгород — Традиционный фольклор Новгородской области. Сказки. Легенды. Предания. Былички. Заговоры. Изд. подг. М.Н.Власова, В.И.Жекулина. СПб., 2001.
- Новеллино — Новеллино. Изд. подг. М.Л.Андреев, И.А.Соколова. М., 1984.
- Новиков — Русские сказки в ранних записях и публикациях (XVI—XVIII века). Вступит. ст., подг. текста и коммент. Н.В.Новикова. Л., 1971.
- Ногайские — Ногайские народные сказки. Сост. и пер. Аждаут Ногай. Предисл. Е.С.Котляр. М., 1979.
- Норвегия — Норвежские сказки. М., 1962.
- Образцы — Образцы мордовской народной словесности. Вып. 2. Сказки и загадки. Казань, 1883.
- Однажды — Однажды один человек... Сборник американского фольклора. М., 1968.
- Океания — Сказки и мифы Океании. М., 1970.
- Ольденбург — *Ольденбург С.Ф.* Индийские сказки. Берлин—Петроград, 1921.
- Онегина — Сказки Заонежья. Сост. Н.Ф.Онегина. Петрозаводск, 1986.
- Ончуков — *Ончуков Н.Е.* Северные сказки. СПб., 1908.
- Ончуков Неизд — Неизданные сказки из собрания Н.Е.Ончукова (тавдинские, шокшозерские и самарские сказки). Сост. В.И.Еремина, В.И.Жекулина. СПб., 2000.
- Орбели — *Орбели И.* Басни средневековой Армении. М.—Л., 1956.
- Орбелиани — *Орбелиани Сулхан-Саба.* О мудрости вымысла. М., 1951.
- Ортутай — Венгерские народные сказки. Сост., вступит. ст. и примеч. Д.Ортутай. Будапешт, 1974.
- Османов — Персидские сказки. Сост. Н.Османов. М., 1958.
- Османов 1987 — Персидские народные сказки. Сост. М.—Н.Османов. М., 1987.
- Островский — Индонезийские сказки. Пер. и предисл. В.В.Островского. М., 1956.
- Остроумов — *Остроумов Н.П.* Сказки сартов в русском изложении. Таш., 1906.
- Ошаров — *Ошаров М.И.* Северные сказки. Собраны и обработаны М.Ошаровым. Новосибирск, 1936.
- Пажлаков — Карельские сказки. Сост. И.Пажлаков. Петрозаводск, 1947.
- Памир — Сказки народов Памира. Сост. и коммент. А.Л.Грюнберга и И.М.Стеблин-Каменского. М., 1976.
- Панчатантра — Панчатантра. Пер. и примеч. А.Я.Сыркина. М., 1958.
- Парилов — *Парилов И.Г.* Русский фольклор Нарыма. Новосибирск, 1948.
- Первухин — *Первухин Н.Г.* Эскизы преданий и быта инородцев Глазовского уезда. Эскиз IV. Следы языческой древности в образцах устной народной поэзии вотяков. Разд. Вотские сказки. Вятка, 1889.
- Пермяков — Прodelки хитрецов. Мифы, сказки, басни и анекдоты о прославленных хитрецах, мудрецах и шутниках мирового фольклора. Сост., вступит. ст. и общая ред. текстов Г.Л.Пермякова. М., 1972.
- Погодин — *Погодин А.Л.* Космические легенды балтийских народов. — Живая старина. 1895, вып. 3—4.
- Поджо — *Поджо Браччолини.* Фацетии. Пер. и коммент. А.К.Дживелегова. М.—Л., 1934.
- Полинезия — Мифы, предания и сказки Западной Полинезии. Острова Самоа, Тонга, Ниуэ и Ротума. Сост., предисл. и примеч. М.С.Полинской. М., 1986.
- Попов — Долганский фольклор. Вступит. ст., тексты и пер. А.А.Попова. М., 1937.
- Порожняков — Сказки, басни и легенды белуджей. Сост. А.Е.Порожняков. М., 1974.
- Португалия — Сказки и легенды Португалии. Вступит. ст. Э.В.Померанцевой. М., 1980.

- Потанин 1881, 1883 — *Потанин Г.Н.* Очерки северо-западной Монголии. Вып. 2. СПб., 1881; вып. 4. СПб., 1883.
- Потанин 1912 — *Потанин Г.Н.* Тибетские сказки и предания. — Живая старина. 1912, вып. 2–4.
- Потанин 1972 — Казахский фольклор в собрании Г.Н.Потанина (Архивные материалы и публикации). Сост. и коммент. С.А.Каскабасова, Н.С.Смирновой, Е.Д.Турсунова. А.-А., 1972.
- Прибалтика — Фольклор русского населения Прибалтики. Авторы-составители: А.Ф.Белоусов, Т.С.Макашина, Н.К.Митропольская. М., 1976.
- Пудож — Русские народные сказки Пудожского края. Сост. А.П.Разумова, Т.И.Сенькина. Петрозаводск, 1982.
- Разумова–Сенькина — Русские народные сказки Карельского Поморья. Сост. А.П.Разумова, Т.И.Сенькина. Петрозаводск, 1974.
- Расмуссен — *Расмуссен К.* Великий санний путь. М., 1958.
- Расказы попугая — Рассказы попугая. Подг. Б.Каррыев. Аш., 1963.
- РБ — Русская басня XVIII–XIX веков. Сост., подг. текста и примеч. В.П.Степанова и Н.Л.Степанова. Л., 1977.
- Рейнке — Рейнке-лис. Поэма XV века. В пер. Льва Гинзбурга. М., 1978.
- Ренар — Роман о Лисе. Предисл. и коммент. А.Д.Михайлова. М., 1987.
- Рид — Сказки и легенды маори. Из собрания А.Рида. М., 1981.
- Римские деяния — Средневековые латинские новеллы XIII в. Изд. подг. С.В.Полякова. Л., 1980.
- Рифтин — Китайские народные сказки. Пер. Б.Рифтина. М., 1959.
- Рифтин 1972 — Китайские народные сказки. Сост., предисл. и коммент. Б.Л.Рифтина. М., 1972.
- Рождественская — Сказы и сказки Беломорья и Пинежья. Запись текстов, вступит. ст. и коммент. Н.И.Рождественской. Архангельск, 1941.
- Розенфельд — Персидские сказки. Предисл. и примеч. А.Розенфельд. М., 1956.
- Романенко — Сказки, пословицы и песни лужицких сербов. Сост. А.Романенко. М., 1962.
- Романов — *Романов Е.Р.* Белорусский сборник. Вып. 3. Сказки. Витебск, 1887; вып. 4. Сказки космогонические и культурные. Витебск, 1891.
- Романова — Мифы, сказки и легенды индейцев. Северо-Западное побережье Северной Америки. Сост. О.И.Романова. М., 1997.
- Ромаскевич — Персидские народные сказки. Подбор, пер., примеч. и вступит. ст. А.А.Ромаскевича. М.–Л., 1934.
- Ромул — Средневековые латинские басни. — Басни Эзопа. Пер., сост. и коммент. М.Л.Гаспарова. М., 1968.
- Рубцова — *Рубцова Е.С.* Материалы по языку и фольклору эскимосов (чаплинский диалект). Ч. I. М.–Л., 1954.
- Руденко — Курдские народные сказки. Запись текстов, пер., предисл. и примеч. М.Б.Руденко. М., 1970.
- Рудченко — *Рудченко И.* Народные южнорусские сказки. Вып. 1–2. Киев, 1869–1870.
- Рыбкин — Сказки и мифы народов Филиппин. Сост., пер. и примеч. Р.Л.Рыбкина. Предисл. Б.Б.Парникеля. М., 1975.
- Садовников — Сказки и предания Самарского края. Собраны и записаны Д.Н.Садовниковым. СПб., 1884.
- Саидова–Далгат — Аварские сказки. Сост. М.Саидова, У.Далгат. М., 1965.
- Сакс — *Сакс Ганс.* Избранное. М.–Л., 1959.

- Свод — Свод таджикского фольклора. Т. I. Басни и сказки о животных. Подг. И.Левин, Д.Рабиев, М.Явич. М., 1981.
- Сеидов — Азербайджанские сказки. Собр. и обр. Н.Сеидов. Баку, 1977.
- Семенов — Семенов А.А. Материалы для изучения наречия горных таджиков Центральной Азии. Ч. 1–2. М., 1900, 1901.
- Сенегал — Самба-храбрец. Сказки и легенды Сенегала. Вступит. ст. Ф.Мендельсона. М., 1977.
- Сербов — Сербов И.А. Белорусы-сакуны. — Сборник ОРЯС. СПб., 1915, т. 94, № 1.
- Сергеев — Эвенкийские сказки. Ред. и вступит. ст. М.А.Сергеева. Чита, 1952.
- Серебрянников — Меткое слово. Песни. Сказки. Дореволюционный фольклор Прикамья. Собр. В.Н.Серебрянников. Пермь, 1964.
- Си Мелю — Остров красавицы Си Мелю. Мифы, легенды и сказки острова Сималур. Собраны Г.Келером. М., 1964.
- Сибирь — Русские сказки Сибири и Дальнего Востока: волшебные и о животных. Отв. ред. Е.И.Шастина. Новосибирск, 1993.
- Симина — Пинежские сказки. Собраны и зап. Г.Я.Симиной. Архангельск, 1975.
- Сингальские — Сингальские сказки. Сост., пер. и примеч. Б.М.Волхонского и О.М.Солнцевой. М., 1985.
- Сказки финские — Сказки финские, эстонские и латышские. М.—Пг., 1923.
- Скандинавия — Скандинавские сказки. М., 1982.
- Смирнов — Смирнов А.М. Сборник великорусских сказок Архива Русского географического общества. Вып. 1–2. Пг., 1917.
- Смирнова — Казахские сказки о животных (Легенды, предания, бытовые рассказы, сказки и басни). Сост. С.А.Каскабасов, Е.А.Костюхин, Н.С.Смирнова, Е.Д.Турсунов. А.-А., 1979.
- СНА 1959 — Сказки народов Африки. Сост. Д.А.Ольдерогге. М.—Л., 1959.
- СНА 1976 — Сказки народов Африки. Сост. А.А.Жуков и Е.С.Котляр. М., 1976.
- СНВ 1938 — Сказки народов Востока. М.—Л., 1938.
- СНВ 1962 — Сказки народов Востока. Сост. И.С.Быстров, Е.М.Пинус, А.З.Розенфельд. М., 1962.
- СНД — Сказки народов Дагестана. Сост. Х.Халилов. М., 1965.
- Снегирев — Сказки зулу. Вступит. ст., пер. и примеч. И.Л.Снегирева. М.—Л., 1937.
- СНК — Сказки народов Китая. Предисл. М.Черкасовой. М., 1961.
- СНС 1951 — Сказки народов Севера. Сост. М.Г.Воскобойников, Г.А.Меновщиков. М.—Л., 1951.
- СНС 1959 — Сказки народов Севера. Сост. М.Г.Воскобойников, Г.А.Меновщиков. М.—Л., 1959.
- СНСВ — Сказки народов Северо-Востока. Ред. Н.В.Козлов. Магадан, 1956.
- СНЮ — Сказки народов Югославии. Сост. Л.Архипова. М., 1962.
- Соколова — Сказки земли Рязанской. Подг. текстов, вступит. ст., примеч. и коммент. В.К.Соколовой. Рязань, 1970.
- Сомарева — Сомарева. Необычайные похождения Нараваханаттты, сына блистательного царя Удаяны. Пер., послесл. и примеч. Н.Д.Серебрякова. М., 1972.
- Стеблева 1969 — Проданный сон. Туркменские народные сказки. Сост., вступит. ст. и примеч. И.Стеблевой. М., 1969.
- Стеблева 1986 — Турецкие сказки. Сост., пер., вступит. ст. и примеч. И.В.Стеблевой. М., 1986.
- Стефанит — Стефанит и Ихнилат. Средневековая книга басен по русским рукописям XV–XVII веков. Изд. подгот. О.П.Лихачева и Я.С.Лурье. Л., 1969.
- Страпарола — Страпарола. Приятные ночи. М., 1978.

- Судан — Сказки народов Судана. Сост. И.Кацнельсон. М., 1968.
- Сухарева — *Сухарев И.А., Сухарева О.А.* Материалы по таджикскому фольклору. Самарканд, 1934.
- Сыркин — Повести, сказки, притчи древней Индии. Сост. А.Я.Сыркин. М., 1964.
- Талова — Чешские народные сказки. Пер. и сост. М.Таловой. М., 1956.
- Танзаган — Танзаган — отец алтайцев. Алтайские сказки. Записали и пересказали по-русски Анна Гарф и Павел Кучиак. М., 1978.
- Таос-Амуш — *Таос-Амуш М.* Волшебное зерно. Сказки, легенды и песни берберов Кабилии. М., 1974.
- Таубе — Сказки и предания алтайских тувинцев. Собраны Эрикой Таубе. М., 1994.
- Тверь — Золотые зерна. Сказки, легенды, предания, мемуарные рассказы Тверского края. Сборник А.В.Гончаровой. Тверь, 1999.
- Толстой — *Толстой Л.Н.* Полное собрание сочинений. Т. 21. Новая азбука для чтения (1874–1875). М., 1957.
- Тонков — *Тонков В.* Ненецкие сказки. Архангельск, 1936
- Тува — Тувинские народные сказки. Пер., сост. и примеч. Марка Ватагина. М., 1971.
- Тугов — Абазинские народные сказки. Сост., пер., вступит. ст. и примеч. В.Б.Тугова. М., 1985.
- Тумилевич — Русские народные сказки казаков-некрасовцев. Собраны В.Ф.Тумилевичем. Ростов-на-Дону, 1958.
- Тысяча и одна ночь — Книга Тысячи и одной ночи. Пер. М.А.Салье. Т. 1–8. М., 1958–1959.
- Урал — Русские народные сказки Урала. Сост. П.Галкин, М.Китайник, Н.Куштум. Свердловск, 1959.
- Урду — Индийские сказки. Пер. с урду М.И.Клягиной-Кондратьевой и В.Л.Крашенинникова. М., 1956.
- Устье — Фольклор Русского Устья. Л., 1986.
- Фаризов-Руденко — Курдские сказки. Пер. И.Фаризов и М.Руденко. М., 1959.
- Федеровский — *Federowski M.* Lud białoruski na Rusi Litewskiej. Т. 2–3. Kraków, 1902–1903.
- Федр — *Федр. Бабрий.* Басни. Изд. подгот. М.Л.Гаспаров. М., 1962.
- Феи — Феи с Алмазных гор. Корейские народные сказки. Сост. В.Пак. М., 1991.
- Фиджи — Мифы, предания и сказки фиджийцев. Сост. М.С.Полинская. М., 1989.
- Франция — Французские народные сказки. Сост. Е.А.Лопырева. М.-Л., 1959.
- Фридрих — *Фридрих И.Д.* Русский фольклор в Латвии. Сказки. Сост. И.Д.Фридрих. Рига, 1980.
- Фуджа — Четырнадцать сотен каури (Сказки йоруба). Собраны Абайоми Фуджей. М., 1969.
- Харитонов — Книга о судах и судьях. Легенды, сказки, басни и анекдоты разных веков и народов о спорах и тяжбах, о судах и судьях, о хитроумных расследованиях и удивительных приговорах. Сост., вступит. ст. и примеч. М.С.Харитонova. М., 1975.
- Харузина — *Харузина В.Н.* Африканские сказки. М., 1919.
- Хасанов-Юсупов — Дунганские народные сказки и предания. Сост. М.Хасанов и И.Юсупов. М., 1977.
- Хачатрянц — Армянские сказки. 2-е изд. Пер. и примеч. Я.Хачатрянца. М.-Л., 1933.
- Хемницер — *Хемницер И.И.* Полное собрание стихотворений. М.-Л., 1963.
- Хитопадеша — Индийская средневековая повествовательная проза. Сост. и предисл. П.Гринцера. М., 1982.
- Хуажев — Адыгейские сказания и сказки. Сост. и пер. М.К.Хуажев. Майкоп, 1963.

- Худяков — *Худяков И.А.* Материалы для изучения народной словесности. СПб., 1863.
- Чарнолуцкий — Саамские сказки. Зап. и пер. В.В.Чарнолуцкий. М., 1962.
- Чернышев — *Чернышев В.И.* Сказки и легенды пушкинских мест. М.—Л., 1950.
- Четкарев 1941 — Марийские сказки. Т. I. Ронгинский район. Зап., пер., ст. и коммент. К.А.Четкарева. Йошкар-Ола, 1941.
- Четкарев 1955 — Марийские народные сказки. Сост. К.А.Четкарев. Йошкар-Ола, 1955.
- Чешские — Чешские и словацкие народные сказки. М., 1990.
- Чубинский — *Чубинский П.П.* Труды этнографическо-статистической экспедиции в Западно-Русский край. Юго-Западный отдел. Т. I—II. СПб., 1878.
- Чувашия — Чувашияские сказки. М., 1937.
- Шакрыл — Абхазские народные сказки. Сост. К.С.Шакрыл. Авторы типологического анализа сюжетов Исидор Левин и Уку Мазинг. М., 1975.
- Шастина — Русские сказки Восточной Сибири. Сост., предисл. и коммент. Е.И.Шастиной. Иркутск, 1985.
- Шахматов — *Шахматов А.А.* Мордовский этнографический сборник. СПб., 1910.
- Шейн — *Шейн П.В.* Материалы для изучения быта и языка русского населения Северо-Западного края. Вып. 2. СПб., 1893.
- Шерешевская — Английские народные сказки. Сост. и пер. Н.Шерешевской. М., 1957.
- Шерхунаев — *Шерхунаев Р.А.* Сказки и сказочники Тофаларии. Кызыл, 1975.
- Шидфар — Средневековые арабские повести и новеллы. Отв. ред. Б.Я.Шидфар. М., 1982.
- Шифнер — *Шифнер А.* Осетинские тексты, собранные Дан.Чонкадзе и Вас.Цораемым. Изд. А.Шифнер. СПб., 1868.
- Шотландия — Шотландские народные сказки и предания. Пер. М.Клягиной-Кондратьевой. М., 1967.
- Штернберг — *Штернберг Л.Я.* Материалы по изучению гилияцкого языка и фольклора. Т. I. Образцы народной словесности. СПб., 1908.
- Шукасаптати — Шукасаптати. Семьдесят рассказов попугая. Предисл. и примеч. В.И.Кальянова. М., 1960.
- Шурыгин — Сказки Смоленского края. Сост. и обр. В.Ф.Шурыгин. Смоленск, 1952.
- Щербаков — Польские народные сказки. Сост. А.Щербаков. Л., 1980.
- Щербакова — Ненецкие сказки. Сост. А.М.Щербакова. Архангельск, 1984.
- Эзоп — Басни Эзопа. Пер., ст. и коммент. М.Л.Гаспарова. М., 1968.
- Элиан — *Элиан.* О природе животных. — Поздняя греческая проза. Сост., вступит. ст. и примеч. С.Поляковой. М., 1960.
- Элиан Рассказы — *Элиан Клавдий.* Пестрые рассказы. Пер., ст. и примеч. С.В.Поляковой. М.—Л., 1963.
- Элиасов 1959 — Бурятские сказки. Т. I. Сост., вступит. ст. и примеч. Л.Е.Элиасова. Улан-Удэ, 1959.
- Элиасов 1973 — Бурятские народные сказки. Сост. Л.Е.Элиасов. Изд. 2-е. Улан-Удэ, 1973.
- Энциклопедия — Иранская сказочная энциклопедия. Сост., предисл. и коммент. И.Брагинского. М., 1977.
- Эргис — Якутские сказки. Т. I. Изд. подг. Г.У.Эргис. Якутск, 1964.
- Эрзя — Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Т. III, ч. 2. Эрзянские сказки. Сост., предисл. и примеч. А.И.Маскаева. Саранск, 1967.

- Эрленвейн — Народные русские сказки и загадки, собранные сельскими учителями Тульской губернии в 1862 и 1863 годах. Изд. А.А.Эрленвейн. Изд. 2-е. М., 1882.
- Эстонские — Эстонские народные сказки. Сост. Э.Якубинская, Э.Туркина. М.—Л., 1965.
- Эфиопия — Золотая земля. Сказки, легенды, пословицы, поговорки Эфиопии. М., 1960.
- Якушкин — Собрание народных песен П.В.Киреевского. Записи П.И.Якушкина. Т. I. Подг. текстов, вступит. ст. и коммент. З.И.Власовой. Л., 1983.
- Японские — Японские сказки. М., 1956.
- Ярмухамедов — Татарские народные сказки. Сост. Х.Х.Ярмухамедов. Казань, 1970.
- Яцимирский — *Яцимирский А.И.* Сказочные сокровища забытого уголка. Собрание румынских сказок и легенд. М., 1902.
- Bodding — *Bodding P.O.* Santal Folk Tales. Vol. 1–3. Oslo, 1925–1929.
- Dawna facecja polska — *Krzyżanowski J., Żukowska-Billip K.* Dawna facecja polska (XVI–XVIII w.). Warszawa, 1960.
- Degh — *Degh L.* Folktales of Hungary. Chicago, 1965.
- Frobenius — *Frobenius L.* Atlantis. Bd. 8. Erzählungen aus dem West-Sudan. Jena, 1922.
- Gustawicz — *Gustawicz B.* Podania, przesady, gadki i nazwy ludowe w dziedzinie przyrody. — *Zbiór wiadomosci do antropologii krajowej.* Kraków, 1881, V.
- Hahn — *Hahn J.G.* Griechische und albanesische Märchen. Bd. 1–2. München–Berlin, 1918.
- Haltrich — *Haltrich J.* Deutsche Volksmärchen aus dem Sachsenlande in Siebenbürgen. 5. Aufl. Hermannstadt, 1924.
- Karlinger Inseln — *Karlinger F.* Märchen griechischer Inseln und Märchen aus Malta. Düsseldorf–Köln, 1979.
- Karlinger–Espadinka — *Karlinger F., Espadinka M.A.N.* Märchen aus Portugal. Frankfurt am Main, 1976.
- Karlinger–Pögl — *Karlinger F., Pögl J.* Märchen aus Argentinien und Paraguay. Düsseldorf–Köln, 1987.
- Löwis of Menar — *Löwis of Menar A.* Finnische und estnische Volksmärchen. Jena, 1927.
- Megas — *Megas G.A.* Griechische Volksmärchen. Gesam. und hrsg. von Georgios A.Megas. Düsseldorf–Köln, 1965.
- O’Sullivan — *O’Sullivan S.* Folktales of Ireland. Chicago, 1966.
- Paredes — *Paredes A.* Folktales of Mexico. Chicago–London, 1970.
- Schimmel — Märchen aus Pakistan. Hrsg. von Annemarie Schimmel. Düsseldorf–Köln, 1980.
- Seki — *Seki K.* Folktales of Japan. Chicago, 1963.
- Thompson — Tales of the North American Indians. Selected and annotated by St. Thompson. Bloomington–London, 1966.
- Ulanowska — *Ulanowska S.* Niektóre materyjały etnograficzne we wsi Łukowcu (mazowieckim). — *Zbiór wiadomosci do antropologii krajowej.* Kraków, 1884, VIII.
- Viidalepp — *Viidalepp R.* Estnische Volksmärchen. B., 1980.

СОДЕРЖАНИЕ

Е.А.Костюхин. Животные в мире мифа, сказки и басни..... 5

Когда звери говорили

1. Игуана делает лодку из коры (пер. <i>О.Ю.Чудинова</i>).....	18
2. Устрица и акула (пер. <i>О.Ю.Чудинова</i>).....	19
3. Ягил, дема-казуар (пер. <i>М.С.Харитонов</i>).....	20
4. Пожар в Сендаре (пер. <i>Г.Л.Пермяков</i>).....	23
5. Как Цагн сделал антилопу канна (пер. <i>Е.С.Котляр</i>).....	23
6. Цагн и кот (пер. <i>Е.С.Котляр</i>).....	27
7. Как было создано солнце (пер. <i>С.А.Любимов, И.Ф.Курдюков</i>).....	29
8. Диневан-эму и Гумбл-Габбон-дрофа (пер. <i>С.А.Любимов, И.Ф.Курдюков</i>).....	30
9. Как Хейше обманул страуса (пер. <i>Е.С.Котляр</i>).....	33
10. Как Тюр otvorил воду (пер. <i>Ф.Мендельсон</i>).....	34
11. Кража света (пер. <i>Е.А.Костюхин</i>).....	36
12. Как Кутх лису напугал (пер. <i>А.П.Володин</i>).....	38
13. Кутх шьет (пер. <i>Е.П.Орлова</i>).....	40
14. Кукки (пер. <i>В.В.Леонтьев</i>).....	42
15. Евражка и ворон (пер. <i>Г.А.Меновицков</i>).....	45
16. Ворон и волк (пер. <i>Г.А.Меновицков</i>).....	47
17. Ворон и сова (пер. <i>Г.А.Меновицков</i>).....	49
18. Лисица (пер. <i>Т.И.Петрова</i>).....	50
19. Лисица и медведь (пер. <i>Г.М.Василевич</i>).....	51
20. Лиса и медведь (пер. <i>Л.Ю.Тузушева</i>).....	51
21. Похождения лисицы (пер. <i>А.А.Попов</i>).....	52
22. Бедняк и богач (пер. <i>В.А.Аврорин, Е.П.Лебедева</i>).....	56
23. Сказка про лиса (пер. <i>В.В.Сенкевич-Гудкова</i>).....	57
24. Лиса и саам (пер. <i>Е.Я.Пация</i>).....	59
25. Медведь и бурундук (пер. <i>К.А.Новикова</i>).....	60
26. Олешек и мышка (пер. <i>Н.М.Тереценко</i>).....	60
27. Чирок и беркут (пер. <i>И.А.Худяков</i>).....	62
28. Глухарь, утка и гусь (пер. <i>Г.Корсаков</i>).....	65
29. Как паук стал маленьким (пер. <i>Г.Анпеткова-Шарова</i>).....	66
30. Как паук устроил пиршество (пер. <i>И.Быкова, И.Осницкая</i>).....	68
31. Почему Ананси прячется в темных углах (пер. <i>В.С.Диковская</i>).....	70

32. Почему ящерица двигает головой и почему паук ткёт паутину и ловит мух (пер. В.С.Диковская)	72
33. Гиена и паук (пер. И.Быкова, И.Осницкая)	75
34. Сказка об антилопе и пауке (пер. Э.Львова).....	77
35. Паук и мальчик (пер. Г.Аннеткова-Шарова)	78
36. Как паук чуть было не сгорел (пер. Г.Пермяков).....	79
37. Как обезьяна перехитрила паука (пер. Г.Аннеткова-Шарова)	80
38. Как черепаха обманула паука (пер. И.Н.Быкова).....	81
39. Легенда о Мангалле (пер. Е.А.Костюхин)	84
40. Хитрый заяц (пер. Г.Н.Гоцко).....	86
41. Леопард и заяц (пер. О.Зайцева).....	89
42. Лев и заяц (пер. Н.В.Охотина)	91
43. Как заяц победил льва и обманул гиену (пер. З.Акишева)	94
44. Как шакал с зайцем жен продавали (пер. Ф.Никольников).....	97
45. Как заяц на дереве мясо варил (пер. Ф.Никольников).....	98
46. Заяц и матсу (пер. Г.Пермяков)	100
47. Коварный агути (пер. Б.Фихман).....	101
48. Заяц и улитка (пер. Р.Л.Рыбкин).....	103
49. Заяц в гостях у слона (пер. Н.В.Охотина)	106
50. Великое падение трикстера и его месть (пер. Е.А.Костюхин).....	107
51. Конец братца Волка (пер. З.Каневский)	108
52. Слон, бегемот и заяц-веревочник (пер. Ф.Никольников)	110
53. Обезьяна и заяц (пер. С.Г.Лемешко)	113
54. Заяц и буйвол (пер. Ф.Мендельсон).....	113
55. Колофаны (пер. Р.Л.Рыбкин)	114
56. Черепаха и обезьяна (пер. Р.Л.Рыбкин)	116
57. Почему у черепахи щит из кусочков (пер. А.Андрес)	117
58. Боевая команда большой черепахи (пер. Е.А.Костюхин)	118
59. Как шакал и лев охотились вместе (пер. Н.В.Охотина).....	121
60. Львиный хвост (пер. О.Зайцева).....	122
61. Ягуар и опоссум (пер. А.Андрес)	124
62. Койот и опоссум (пер. Э.Великанова)	125
63. Рафосса, Рафаналука и Равуанцира (пер. Ю.С.Родман).....	126
64. Сказка о слоне и козле (пер. Э.Львова).....	128
65. Как петух победил гиену (пер. З.П.Акишева).....	129
66. Гиена и лесной кот (пер. В.Н.Володина)	131
67. Выборы вождя (пер. Г.Аннеткова-Шарова).....	132
68. Пес и его старший брат шакал (пер. А.А.Жуков).....	134
69. Лягушка и хамелеон (пер. Г.Аннеткова-Шарова)	135
70. Макака и хамелеон (пер. С.Н.Глаза, Г.Аннеткова-Шарова).....	136
71. Осьминог и крыса (пер. Ю.Баранов).....	137
72. Про волчишку-братишку и лисичку-сестричку (пер. Е.А.Костюхин).....	137
73. Волк и лиса (пер. К.И.Варшавская).....	141
74. Как лис сделал волку хвост из пеньки и смолы (пер. Е.А.Костюхин)	142
75. Битый небитого везет (пер. А.Романенко).....	144
76. Как лиса свои мозги ела (пер. Ч.Шкленник, С.Бажанова).....	145
77. Умному всегда везет (пер. Ч.Шкленник, С.Бажанова)	145
78. Волк, лиса и заяц (пер. Лунин).....	146
79. Барс, волк, лиса и верблюд (пер. М.Ватагин)	148
80. Сыр в колодце (пер. А.Сергеев)	150
81. Лиса и невеста (пер. А.Г.Бессонов).....	151
82. Лиса и волк (пер. Ю.Семенов).....	151

83. Как лиса увидела луну (пер. Д.М.Атаев).....	152
84. Как волк шубу себе добыл (пер. Ч.Шкленник, С.Бажанова)	153
85. Лиса, лев и волк (пер. И.Стеблева)	153
86. Насморк (пер. Р.А.Аганин).....	154
87. Лев, гиена, лиса и заяц (пер. И.Кацнельсон).....	155
88. Старый тигр (пер. В.И.Корнев).....	156
89. Медведь, волк и лиса делают урожай (пер. У.С.Конкка).....	156
90. Медведь и лиса (пер. А.Юртов).....	157
91. Медведь и лиса (пер. А. и Л. Ганзен).....	158
92. Медведь и лиса (пер. А. и Л. Ганзен).....	158
93. Как лиса и медведь купили масла к Рождеству (пер. Е.Суриц)	159
94. Как звери исповедоваться ходили (пер. Ч.Шкленник, С.Бажанова)	160
95. Курочка и петушок.....	162
96. Кот и лиса.....	164
97. Как судились лиса и собака (пер. М.С.Харитонов).....	166
98. Лиса и горшок (пер. В.Чепайтик).....	167
99. Мужик и лисица (пер. Е.А.Костюхин).....	167
100. Как лиса жука жарила (пер. Ч.Шкленник, С.Бажанова).....	168
101. Лиса и кот (пер. Г.Петников)	168
102. Лисица и еж (пер. Е.А.Костюхин)	169
103. Журавль и лисичка (пер. Е.А.Костюхин).....	170
104. Лисица и журавль (пер. П.К.Услар)	171
105. Куропатка и лиса (пер. Е.А.Костюхин).....	171
106. Лиса-исповедница.....	172
107. Хитрый петух (пер. М.Клягина-Кондратьева).....	173
108. Лиса и петух (пер. А.А.Волков, И.С.Майоров).....	174
109. Лиса и тетерев	175
110. Утренний намаз (пер. Р.А.Аганин).....	175
111. Как гуси перехитрили лиса (пер. Е.А.Костюхин)	175
112. Ворона и лиса (пер. Н.Османов).....	176
113. Дрозд и лис (пер. К.И.Варшавская).....	178
114. Лиса и сорока (пер. П.Максимов, Т.Керашев).....	180
115. Перепел и лиса (пер. А.Л.Грюнберг, Л.Карамшоев)	180
116. Лиса и дятел (пер. С.Г.Григорьев).....	183
117. Шакал и куропатка (пер. Н.Толстая).....	184
118. Собака и воробей (пер. Г.Петников).....	187
119. Лис и орел (пер. Е.А.Костюхин).....	190
120. Месть (пер. А.Белов, Л.Вильскер)	191
121. Лиса и лисенок (пер. Г.А.Дзагуров).....	192
122. Прodelки хитроумного зайца (пер. Н.Никулин)	192
123. Заяц и тигр (пер. Н.Никулин).....	193
124. Заячьи хвосты (пер. Б.Л.Рифтин)	196
125. Хитрый кролик (пер. Г.Минина).....	197
126. Лев и заяц (пер. Н.И.Долидзе).....	198
127. Кролик и койот (пер. Е.А.Костюхин).....	199
128. Шакал и заяц (пер. Е.А.Костюхин)	203
129. Глупый крокодил (пер. Н.Толстая).....	205
130. Хитрость шакала (пер. Е.А.Костюхин).....	207
131. Шакал-деватава (пер. Б.М.Волхонский, О.М.Солнцева).....	209
132. Шакал-султан (пер. Е.А.Костюхин).....	210
133. Коршун и кошка (пер. И.С.Кацнельсон, Ф.Л.Мендельсон).....	211
134. Кошка и тигр (пер. З.А.Миркина).....	212

135. Кот-упасака (пер. Б.М.Волконский, О.М.Солнцева)	214
136. Покаяние старого кота (пер. М.-З.Османов)	215
137. Панихида по коту (пер. Е.А.Костюхин)	216
138. Совет мышей (пер. Г.О.Карапетян)	217
139. Сверчок, мышь и кот (пер. Ч.Шкленник, С.Бажанова)	218
140. Отчего коты и кошки умываются после еды (пер. А.Сергеев)	218
141. Еж и серна (пер. М.Волконский)	218
142. Крот и еж (пер. Ч.Шкленник, С.Бажанова)	219
143. Еж и барин (пер. В.Чепайтис)	220
144. Свинья (пер. К.С.Шакрыл)	220
145. Умный буйвол (пер. М.Черкасова)	221
146. Верблюд (пер. М.Ватагин)	223
147. Как мышь победила верблюда (пер. А.Гарф, П.Кучияк)	223
148. Свадьба госпожи Лисы (пер. Г.Петников)	225
149. Лиса, заяц и петух	227
150. Коза-борза	228
151. Кот, дрозд, петух и лиса	231
152. Шангуль и Мангуль (пер. Д.С.Комиссаров)	233
153. Сказка про трех поросят (пер. Н.Шерешевская)	235
154. Бременские уличные музыканты (пер. Г.Петников)	237
155. Бык и волк (пер. неизвестен)	239
156. Обезьяна и фазан (пер. Е.А.Костюхин)	242
157. Коза, баран и кошка (пер. Г.Алексеев)	245
158. Олень, волк и ворон (пер. И.Юсупов)	246
159. Сила единства (пер. Г.Минина)	247
160. Ерш и лосось (пер. Е.А.Костюхин)	248
161. Как еж и заяц бегали наперегонки (пер. Е.А.Костюхин)	249
162. Черепаха, муравей и лис (пер. Э.Улуг-заде, М.Явич)	250
163. Как олень и улитка бежали наперегонки (пер. Р.Л.Рыбкин)	252
164. Мышь и сорока (пер. Г.Алексеев)	252
165. Терем мухи	254
166. Бедный волк (пер. Е.А.Костюхин)	255
167. Волк, лис и осел (пер. Е.А.Костюхин)	258
168. Три козленка, козел и волк (пер. Е.А.Костюхин)	259
169. Волк и собака (пер. Е.А.Костюхин)	260
170. Шакал и воробей (пер. Е.А.Костюхин)	262
171. Как шакал прогнал льва (пер. Ф.Богданов)	263
172. Храбрый козлик (пер. М.Ватагин)	264
173. Как волк пастухом был (пер. Ч.Шкленник, С.Бажанова)	266
174. Свинья и волк	266
175. Волк и бабины телята (пер. Е.А.Костюхин)	266
176. А зачем он шипел на святого? (пер. М.Волконский)	266
177. Конь и медведь (пер. Л.Щетинина)	267
178. Медведь и колода (пер. Е.А.Костюхин)	269
179. Осел и тигр (пер. Д.Брудный, К.Эшмамбетов)	269
180. Умного человека можно обмануть один раз, а глупого — двадцать (пер. З.Калинина)	271
181. Осел и верблюд (пер. Н.Кондырева)	274
182. Об осле (пер. М.И.Клягина-Кондратьева, В.Л.Крашенинников)	274
183. Бык, осел и петух (пер. А.Герасимова)	275
184. Медведь, собака и кот	276

185. Отчего собаки ненавидят кошек, а кошки ненавидят крыс (пер. Е. Суриц).....	278
186. Почему собаки обнюхиваются (пер. Е.А.Костюхин).....	278
187. Бездомная собака (пер. Г.А.Дзагуров).....	278
188. Почему у зайца рассеченная губа (пер. Л.Я.Круковская).....	279
189. Как заяц с морозом поспорил (пер. Ч.Шкленник, С.Бажанова).....	279
190. Докажи, что ты не верблюд (пер. Р.А.Аганин).....	280
191. Коза и овца (пер. Х.С.Бгажба).....	280
192. Лиса-плачя (пер. Г.Алексеев).....	280
193. Цингил-цингил воробышек (пер. неизвестен).....	281
194. Мужик, медведь и лиса (пер. Е.А.Костюхин).....	283
195. Лис, пастух, медведица (пер. Е.Турсунов).....	284
196. На то у змеи жало, чтобы жалить (пер. А.Акбаров).....	286
197. Старик и медведь (пер. А.А.Шахматов).....	288
198. Липовая нога.....	289
199. Медведь и старуха.....	290
200. О волке, который игру слушал (пер. Е.А.Костюхин).....	290
201. Хитрый угольщик (пер. М.Талова).....	291
202. Мужик и царь.....	292
203. Лев и скрипач (пер. Ю.Балахнин, Э.Меркулова).....	293
204. Крестьянин, медведь, лиса и овод (пер. А.О.Мальсагов).....	295
205. Медведь, заяц, паук и мужик.....	296
206. Как мужик мороза победил (пер. Е.А.Костюхин).....	296
207. Соломенный бычок (пер. Г.Петников).....	297
208. Как старик еды себе добыл (пер. Ч.Шкленник, С.Бажанова).....	299
209. Дикий кабан и обезьяна (пер. Г.Пермяков).....	300
210. Лев и мышь (пер. И.С.Кацнельсон, Ф.Л.Мендельсон).....	301
211. Шакал и сантал (пер. Г.А.Зограф).....	303
212. Гора Кати-кати (пер. Б.Бейко).....	307
213. Сумерки (пер. З.Е.Самойлова).....	311
214. Лев и крестьянин (пер. неизвестен).....	312
215. О садовнике, змее и медведе (пер. М.И.Клягина-Кондратьева, В.Л.Крашенинников).....	313
216. Купец и попугай (пер. Т.Кухтина).....	314
217. Царь Дханрадх и его попугай (пер. А.Бархударов, Л.Чернова).....	315
218. Сказка о дедовом петушке и бабкиной курочке (пер. И.Марушко).....	320
219. Обезьяна и птица ткачик (пер. Б.М.Волхонский, О.М.Солнцева).....	324
220. Королек (пер. Г.Петников).....	324
221. Королек и медведь (пер. Г.Петников).....	327
222. Птичка и крот (пер. М.Ошаров).....	329
223. Сорочье гнездо (пер. Н.Шерешевская).....	332
224. Лесной голубь и курица (пер. Е.А.Костюхин).....	333
225. Хвастливая ласточка (пер. М.Черкасова).....	333
226. Коростель и перепелка (пер. Ю.Балахнин, Э.Меркулова).....	334
227. О соловье (пер. Е.А.Костюхин).....	335
228. Женильба ворона (пер. Л.Я.Круковская).....	335
229. Как ворона ястреба вывела.....	336
230. Аист и утка (пер. Ю.Балахнин, Э.Меркулова).....	336
231. Сова и ястреб (пер. Ч.Шкленник, С.Бажанова).....	337
232. Охотник и куропатка (пер. Е.Суриц).....	337
233. Журавль и цапля.....	338
234. О воронах и совах (пер. Б.М.Волхонский, О.М.Солнцева).....	338

235. Почему днем не видно летучей мыши (пер. Э.Б.Ганкин).....	339
236. Мышь и лягушка (пер. Э. Улуг-заде, М.Явич).....	340
237. Лягушкин совет (пер. Ч.Шкленник, С.Бажанова).....	340
238. Лягушка из Киото и лягушка из Осака (пер. В.Маркова).....	341
239. Вьон и щука (пер. Г.Петников).....	342
240. Рыба и свинья (пер. Ч.Шкленник, С.Бажанова).....	342
241. О раке (пер. Е.А.Костюхин).....	343
242. Черепаха на пиру.....	343
243. Спор муравья с вороном (пер. Е.А.Костюхин).....	343
244. Комар и овод (пер. Е.А.Костюхин).....	343
245. Комары и лошадь (пер. Ч.Шкленник, С.Бажанова).....	344
246. Блоха и муха (пер. Е.А.Костюхин).....	344
247. Мизгирь.....	344
248. Отчего в мае мороз бывает.....	345
249. Солнце, мороз и ветер (пер. Ч.Шкленник, С.Бажанова).....	346
250. Нетопырь, репей и кулик (пер. Н.Паньшина).....	347
251. О мышке, птичке и колбаске (пер. Г.Петников).....	347
252. Белка, игла и рукавица (пер. Л.Я.Круковская).....	348
253. Соломинка, уголек и боб (пер. Г.Петников).....	350
254. Былинка, блоха и ком земли (пер. К.П.Матвеев).....	351
255. Три брата (пер. А.Л.Мелков).....	352
256. Букашечка (пер. Э. Улуг-заде, М.Явич).....	352
257. Грибы.....	354
258. Орел и птицы.....	354
259. Сказка о Ерше Ершовиче, сыне Щетинникове.....	356
260. Теленок и тигренок (пер. Г.Зограф).....	361
261. Мудрый голубь (пер. Н.Корсакова).....	363
262. Верная собака (пер. С.Ф.Ольденбург).....	365
263. Ученая кошка (пер. А.Багрий, Х.Зейналлы).....	365
264. Влюбчивый павлин (пер. Н.Никулин).....	366
265. Сказка про жерлянку (пер. Г.Петников).....	367
266. О ласочке (пер. В.Щербаков).....	368
267. Змея и мужик (пер. М.Бирюкова).....	368
268. Человек, который проглотил мышь (пер. Е.А.Костюхин).....	370
269. Кошачий король (пер. Н.Шерешевская).....	370
270. Разговор волов на Новый год (пер. Е.А.Костюхин).....	371
271. Благодарный тигр (пер. Л.Я.Штернберг).....	372
272. Медведь и женщина (пер. Р.Кожевникова).....	372
273. Воскрешение страуса (пер. Е.С.Котляр).....	372
274. Как медведя приняли за пастора (пер. Е.А.Костюхин).....	374
275. Рыбак и охотник.....	374
276. Продолжительность человеческой жизни (пер. Н.П.Остроумов).....	375
277. Змея, ласточка и комар (пер. А.Ногай).....	378
278. Отчего у аиста на спине заплата (пер. Н.Паньшина).....	379
279. Каня и сорока.....	379
280. Рак (пер. Е.А.Костюхин).....	380
281. Почему у ворона перья стали черные (пер. А.И.Яцимирский).....	380
282. О рябчике (пер. М.Ошаров).....	381
283. Осел (пер. Т.Коробкина).....	381
284. Арамаса и пресвятая дева (пер. А.Андрес).....	381
285. Иисус Христос в яслях (пер. Е.А.Костюхин).....	382
286. О человеке, который был превращен в медведя (пер. Е.А.Костюхин).....	382

287. Дятел (пер. М.Н.Хангалов)	383
288. Паук и шелковичный червь (пер. К.П.Калиновская)	383
289. Собака и волк (пер. Г.О.Каранетян)	383
290. Два козла (пер. Э.Б.Ганкин)	384
291. Домашняя мышь и лесная (пер. А. и Л.Ганзен)	384
292. Прodelки мышей (пер. К.П.Матвеев)	386
293. Шакал и аист (пер. И.Марунова)	387
294. Волк и ягненок (пер. Лин Лин, П.Устин)	387
295. Змея и лисица (пер. неизвестен)	388
296. О трех быках (пер. Э.Б.Ганкин)	388
297. Ястреб и дикая кошка (пер. Р.Л.Рыбкин)	389
298. Умная ворона (пер. К.П.Матвеев)	390
299. Попокоруа и кикихи (пер. Ю.С.Родман)	390
300. Ворона и птенцы (пер. У.С.Конкка, А.С.Тупицына)	391
301. Гнездо перепелки (пер. В.Спасская)	391
302. Адычах и Кечох (пер. Б.Балтер)	392
303. Глава о вороне, голубе-вахире, крысе, черепахе и газели (пер. И.Ю.Крачковский, И.П.Кузьмин)	392
304. Слон и воробиха (пер. А.Я.Сыркин)	404
305. Потеря приобретенного (пер. П.Гринцер)	406
306. Джатака о постоянстве (пер. Б.Захарьин)	413
307. Благодарные животные и неблагодарный человек (пер. А.Я.Сыркин)	414
308. О воздаянии за добро и в особенности за правый суд (пер. С.В.Полякова)	417
309. Рассказ о хозяине собаки (пер. М.-Н.Османов)	418
310. Андрокл и лев (пер. С.В.Полякова)	418
311. Отец Герасим и лев (пер. В.В.Колесов)	419
312. О том, что следует прислушиваться к доброму совету (пер. С.В.Полякова)	420
313. Лисица и дровосек (пер. М.Л.Гаспаров)	421
314. Лев и бык (пер. Б.Я.Владимирцов)	421
315. Притча о лисице и винограднике (пер. С.Х.Бейлин)	423
316. Лисица и виноград (пер. М.Л.Гаспаров)	424
317. О тех, кто презирает поэзию (пер. Ю.М.Каган)	424
318. Лисицы у Меандра (пер. М.Л.Гаспаров)	424
319. Лисица и блохи	425
320. Злополучный волк (пер. М.Л.Гаспаров)	425
321. Волк и старуха (пер. М.Л.Гаспаров)	427
322. Волки и овцы (пер. М.Л.Гаспаров)	427
323. Белка и волк	428
324. Плата за зло (пер. К.П.Матвеев)	428
325. Заяц — посланник луны (пер. П.Гринцер)	428
326. Верблюд, волк и лиса (пер. И.Орбели)	431
327. Больной олень (пер. М.Л.Гаспаров)	431
328. Олень и охотники (пер. А.Белов, Л.Вильскер)	431
329. Козел и волк (пер. М.Л.Гаспаров)	431
330. Коза и волк (пер. А.Белов, Л.Вильскер)	432
331. Лев и бык (пер. М.А.Салье)	432
332. Газель и лев (пер. М.А.Салье)	433
333. Осел и мул (пер. М.Л.Гаспаров)	433
334. Осел, навьюченный солью (пер. М.Л.Гаспаров)	433
335. Осел и соловей (пер. А.Белов, Л.Вильскер)	433

336. Джатака о львиной шкуре (пер. В.В.Вертоградова).....	434
337. Утопающий осел (пер. И.Орбели).....	434
338. Мул (пер. М.Л.Гаспаров).....	435
339. Обезьяна и рыбак (пер. И.Орбели).....	435
340. Обезьяна и клин (пер. А.Я.Сыркин).....	435
341. Человек и свинья (пер. М.А.Салье).....	435
342. Свинья и собака (пер. М.Л.Гаспаров).....	436
343. Кузнец и собака (пер. М.А.Салье).....	436
344. Собака на сене (пер. М.Л.Гаспаров).....	436
345. Две собаки (пер. М.А.Салье).....	436
346. Кошка-подвижница (пер. И.Ю.Крачковский, И.П.Кузьмин).....	437
347. Кошка и куры (пер. М.Л.Гаспаров).....	438
348. Мышь, ее дочь, петух и кот (пер. М.Л.Гаспаров).....	438
349. Джатака о цапле (пер. Б.Захарьин).....	438
350. Рассказ о голубе (пер. М.-Н.Османов).....	440
351. Воробей и баран (пер. М.А.Салье).....	441
352. Галка и птицы (пер. М.Л.Гаспаров).....	441
353. Птица и обезьяны (пер. А.Я.Сыркин).....	441
354. Птицелов и аист (пер. М.Л.Гаспаров).....	442
355. Гуси вместо аистов (пер. Е.Гогоберидзе).....	442
356. Джатака о воронах (пер. В.В.Вертоградова).....	442
357. Ворон и воронята (пер. М.Л.Гаспаров).....	444
358. Ласточка и птицы (пер. М.Л.Гаспаров).....	444
359. Петух и сокол (пер. М.Занд).....	445
360. Петухи (пер. И.Орбели).....	445
361. О говорящей сороке (пер. Ю.М.Казан).....	445
362. Краб и его мать (пер. М.Л.Гаспаров).....	446
363. Черепаха и гуси (пер. П.Гринцер).....	446
364. Утка и лягушка (пер. Е.Гогоберидзе).....	448
365. Лягушки, просящие царя (пер. М.Л.Гаспаров).....	449
366. Лопнувшая лягушка и бык (пер. М.Л.Гаспаров).....	449
367. Муравей и голубь (пер. М.Л.Гаспаров).....	449
368. Вошь и клоп (пер. А.Я.Сыркин).....	450
369. Комар и лев (пер. М.Л.Гаспаров).....	451
370. Комар и бык (пер. М.Л.Гаспаров).....	451
371. Дуб и тростник (пер. М.Л.Гаспаров).....	452
372. Члены тела (пер. М.Л.Гаспаров).....	452
373. Борей и Солнце (пер. М.Л.Гаспаров).....	452
374. Жениль волка (пер. Е.А.Костюхин).....	452
375. Из приключений барона Мюнхгаузена (пер. В.С.Вальдман).....	453
Комментарии к текстам и типологический анализ сюжетов	454
Указатель сюжетов, представленных в сборнике	565
Условные сокращения.....	577
а) регионы и народы.....	577
б) указатели сказочных сюжетов, энциклопедии	579
в) источники текстов.....	579

ISBN 5-02-018411-X

9 785020 184114 >